Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Moskvitianin

МОСКВИТЯНИНЪ.

Шкафъ 55.
Полка 5.
№ 368.

1851.

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

Buck-clock
1851 (:7-8)
AP
.58
M65
(leave blank)

№ 7.

АПРѢЛЬ. April

First Book

КНИГА ПЕРВАЯ.

Digitized by Google

Шкафъ .....
Полка .....
№ .....

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ,

ПРИ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

МОСКВИТЯНИНЪ,

на Большой Дмитровкѣ, противъ Дворянскаго Клуба, въ домѣ Г-на Живаго,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

БОГОСЛУЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

въ *страстную седмицу*. Соч. священ. Гр. *Крылова.* Спб. 1849 г. ц. 50 к., съ пер. 75 к. серебр.

СВѢТЛАЯ СЕДМИЦА.

Соч. *Иннокентія*, Архіеп. Херсонскаго и Таврическаго. Изданіе 3-е, Москва 1842 года; цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. сер.

ПАСХАЛЬНЫЯ ТАБЛИЦЫ,

съ изъясненіями Пасхаліи, руководствующія для узнанія праздничныхъ дней въ каждомъ году. Спб. 1851 года; цѣна 50 к., съ перес. 75 к. сер.

ПРАВОСЛАВНО-ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ.

Соч. *Макарія* Епископа Винницкаго, Ректора Спб. Духовн. Академіи, и доктора Богословскихъ наукъ. *Томъ второй.* Спб. 1851 года; цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р. сереб. *Томъ первый* тоже 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. сер.

БЕСѢДЫ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

къ прихожанамъ. Соч. Архимандрита *Антонія*, Ректора Кіев. Духовн. Семинаріи, и Доктора Богословскихъ наукъ. Второе дополненное изданіе. Спб. 1851 г.; цѣна 75 коп., с[illegible] сер.

ПИСЬМА ОБЪ ИНДІИ.

С[illegible] года; цѣна 1 руб. 25. коп., съ перес. 1 [illegible]

[illegible] а 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 50 к. сер.

[illegible]Ы

[illegible]тонъ. Перев. съ Англ. въ 2-хъ то- 3 р. сер.

[illegible]АХЪ,

Въ 3-хъ частяхъ, съ картою на 3-хъ Академіею наукъ Демидовской преміи, р., съ перес. 6 р. сер.

[illegible] ЯЗЫКА,

А. Смирновымъ. *Годъ первый*, издан. года; цѣна 80 к., съ пер. 1 р. сер.

[illegible]НІЕ

[illegible]. Б. Голицына. Съ портретомъ. Спб.

[illegible]К И

[illegible]оч. *Я. Костенецкаго* въ 3-хъ частяхъ. р. сер.

[illegible]ДАТЪ,

(разсказы въ стихахъ). Соч. *А. Афанасьева.* Часть 1-я. Кіевъ. 1851 года; цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. сер.

Digitized by Google

AP50
M65
1851:7-8

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 7. Апрѣль. Кн. 1.

К.
39.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ЭЛЕГІИ.

Barbarus hic ego sum, quia intelligor nullo.
Ovid.

1.

Чего желалъ бы я теперь, мои друзья!
Не смѣйтесь!--Напримѣръ, желалъ бы очень я,
Надѣвъ мой черный фракъ красиваго покрою,
Сказать: «карету!»—сѣсть, проѣхать мостовою,
Между двойныхъ рядовъ блестящихъ фонарей;
Войти въ гостиную, гдѣ цѣлый рой гостей
Хозяйку окружилъ, сидящую за чаемъ;
Гдѣ зелень и цвѣты и въ зиму дышатъ Маемъ;
Гдѣ въ каждомъ уголку душисто и свѣтло;
Гдѣ бронза и фарфоръ; паркеты какъ стекло;
На вычурныхъ столахъ роскошныя изданья;
И гдѣ, сквозь гулъ рѣчей и смѣхъ и восклицанья,
Услышишь Шиллера и Гёте имена;
Гдѣ все замолкнетъ вдругъ, и въ тишинѣ слышна
Рѣчь звучная чтеца, пѣснь новая поэта,
И снова гулъ рѣчей, блестящій говоръ свѣта!

Digitized by Google

Вамъ это ни по чемъ!—Придетъ зимы пора
И придутъ въ свой чередъ, какъ прежде, вечера,
И можетъ быть, какъ мнѣ къ концу зимы бывало,
Они наскучатъ вамъ!—Вамъ этой жизни мало!
А не хотите ли попробовать моей?
Избави Боже васъ въ невинности своей
Жить этой сельскою хваленой простотою,
Жить этой жизнію заботливо-пустою,
Жить идиллически—безъ сердца и ума!
Вотъ ляжетъ въ саванѣ безмолвная зима
И спитъ!—И жизнь заснетъ! Лишь вздохъ невольной груди
Вопроситъ иногда: «гдѣ я?... гдѣ эти люди,
И этотъ мысли лоскъ, и этотъ мнѣній шумъ,
Гдѣ все на что нибудь—талантъ, душа и умъ!...»

28 Окт. 1848.

2.

Когда за скучнымъ днемъ ночь тихая приходитъ
И благодатный сонъ видѣній міръ низводитъ,
Желалъ бы видѣть я во снѣ одну Москву,
И васъ, кого всегда въ мечтахъ моихъ зову!
Чтобъ на двѣ жизнь моя дѣлилась половины:
Пусть днемъ бы былъ въ глазахъ край дикой и пустынный,
А ночь, видѣньями любимыми полна,
Была бы и Москвѣ и вамъ посвящена!
О! я доволенъ бы вставалъ опять на скуку,
Чтобъ снова подавать во снѣ вамъ дружбы руку;
Чтобъ видѣть всякой разъ желанную Москву!
Не все ли жить равно—во снѣ иль на яву?...
Прекрасный сонъ, когда желаннымъ дышетъ раемъ,
Не лучше-ль истины, съ которой мы скучаемъ?..,

5 Ноябр. 1848.

Digitized by Google

3.

Садъ снѣгомъ занесло; мятелица и вьюга!
И это всякой день!—Нѣтъ мыслящаго друга;
Кому мнѣ передать со скукою борьбу?
Вѣтръ воетъ и свиститъ въ каминную трубу!
Читаю и пишу все утро до обѣда;
Но съ книгами, съ перомъ—безмолвная бѣседа!
Мнѣ нуженъ разговоръ; его-то здѣсь и нѣтъ!
Въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ живетъ сосѣдъ,
Забытый человѣкъ котораго-то вѣка,
Поѣхалъ—посмотрѣть живова человѣка!
Къ нему—проѣзду нѣтъ! снѣгъ по-грудь лошадямъ;
Въ ухабахъ—пропадешь; какъ по морскимъ волнамъ,
Кидаетъ каждый мигъ ныряющія сани!
«Пошелъ назадъ!»—А тамъ, подалѣе къ С. . . . ни,
Гдѣ верстъ пятнадцать степь въ длину и въ ширину,
Обозъ и путники въ ночь вьюжную одну
Дорогу, какъ въ степяхъ Сагары, потеряли,
Увязли и въ снѣгу разсвѣта ожидали!
Той ночью волкъ поѣлъ у мельницы гусей,
А нынче на мосту перепугалъ людей!
Вотъ наши новости!—О людяхъ ужъ ни слова!
. . . . . .

9 Февр. 1849.

4.

Ночь съ вечера была морозна и ясна!
Вотъ стала въ высотѣ и полная луна;
Снѣгъ яркой отливалъ ночною синевою,
А тѣни далеко чернѣли полосою;
Двѣ церкви на селѣ бѣлѣлися вдали.
Вдругъ съ Сѣвера заря!—И по небу пошли
Кровавые столбы!—Согнулися дугами,
Разсыпались въ лучахъ потѣшными огнями,
Слились, и вспыхнули!—Повѣрье, что къ войнѣ!

Digitized by Google

Я вышелъ на балконъ; но грустно стало мнѣ!
Огни погашены; село давно ужъ дремлетъ;
Безжизненная глушь!—Однообразно внемлетъ
Мой слухъ голодный лай собакъ сторожевыхъ,
Да караульный звонъ!—Но вотъ и онъ затихъ!
Одинъ кричитъ въ саду неугомонный филинъ!
Все спитъ!—Какъ ночь свѣтла!—Морозъ однако силенъ!...

31 Марта, 1849.

5.

И почта не пришла!—Жду писемъ отъ дѣтей;
Жду вѣсти, можетъ быть, отъ васъ моихъ друзей;
Жду голоса Москвы, съ-издѣтства мной любимой,
Гдѣ незамѣтно дни мои промчались мимо,
Какъ говорятъ въ стихахъ—до сребряныхъ власовъ!
Вотъ и на мнѣ уже лежитъ печать годовъ,
А больше горестей!—Я пережилъ не мало;
Но сердце подъ грозой мое не увядало,
Но духъ подъ бурями сберегся свѣжъ и юнъ,
Но даръ веселости и не притворныхъ струнъ,
Но въ дружбѣ живость чувствъ, въ бесѣдѣ мыслей живость:
Вотъ чѣмъ я побѣждалъ судьбы несправедливость!
За нихъ-то здѣсь боюсь: страшна мнѣ старость ихъ!
Привычку покорить лишь въ лѣтахъ молодыхъ
Легко; но гибкость ихъ давно мнѣ измѣнила!
Мнѣ вѣсть съ Москвы была—живительная сила!
А почта не пришла!—То слякоть, то снѣга;
Весной—разливы рѣкъ; зимой—степей вьюга!
Богъ знаетъ правда ли!—Мы здѣсь, среди природы,
Живемъ забытые, ждемъ у моря погоды!

2 Апрѣля, 1849.

6.

Вотъ наконецъ весна!—Тепло и солнце снова!
Но снѣгъ еще лежитъ у тына садовова,
И снѣгъ еще въ лѣсу бѣлѣетъ на горѣ!

Digitized by Google

Нигдѣ нѣтъ зелени; а сухо на дворѣ,
И птички гнѣзда вьютъ!—Въ саду деревья голы;
Но ужъ чиликаетъ на вѣтвяхъ хоръ веселый!
О русская весна! куда-то ты блѣдна!
Куда печальна ты, о русская весна!
За Клейстомъ въ слѣдъ и намъ бывало въ прежни лѣты
Весну, весну поютъ старинные поэты!
Но не картинна здѣсь, не радостна она!
Разстастъ ледъ въ прудѣ и грязная волна
Помчитъ навозъ, прорветъ у мѣльницы плотину,
Сломаетъ старый мостъ—и кончила картину!
А тамъ—настанетъ трудъ, трудъ тяжкой, потовой:
Пойдетъ соха, пройдетъ клячонка съ бороной,
И выгонитъ пастухъ въ лохмотьяхъ—стадо въ поле;
А зелени все нѣтъ!—Бредетъ, какъ по неволѣ,
Ни пѣсенъ, ни рожка, лишь хлопаетъ кнутомъ!
Насилу наконецъ одѣнется листомъ
Береза; а потомъ, когда зазеленѣетъ
И липа—только тутъ земля помолодѣетъ!
Лѣниво на Руси приходитъ къ намъ весна!
О красная весна! куда-то ты блѣдна!

14 Апр. 1849.

7.

И рощи темныя, и свѣтлыя долины,
И камепистыхъ горъ лѣсистыя вершины,
Здѣсь все есть для тебя, причудливый поэтъ!
Чего не достаетъ?—О! многаго здѣсь нѣтъ!
Нѣтъ васъ! —Привычныхъ думъ живаго нѣтъ раздѣла!
Внезапной мысли нѣтъ, которая-бъ вскипѣла
И мигомъ вспыхнула въ внимающихъ очахъ!
Что горы и лѣса?—Есть много лучшихъ благъ!
Здѣсь люди добрые по-своему счастливы!
И Лафонтенъ сказалъ: «Деревья молчаливы!
Что лѣсъ внушаетъ мнѣ, не льзя не пожелать,
Чтобъ кто нибудь тутъ былъ, кому бы передать!»

1 Апр. 1849.

Мих. Дмитріевъ.

Digitized by Google

ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА НЕАПОЛЬ.

Да, вотъ оно вблизи, то море голубое,
Что долго грезилось восторженной мечтѣ.
Вотъ яркій небосклонъ, вотъ солнце огневое....
Неаполь предо мной! И въ полной красотѣ,
Въ весенній свѣтлый день, въ убранствѣ розъ душистыхъ.
Предсталъ взыскательнымъ онъ путницы глазамъ!
Какъ горные хребты, встаютъ изъ волнъ сребристыхъ
Громады острововъ разметанныхъ, а тамъ
Дымится и грозитъ Везувій безпокойный,
Какъ вѣчной бурею, кипящей лавой полнъ.
Межъ тѣмъ купаются, бѣжа отъ нѣги знойной,
Красивыхъ виллъ сады въ прозрачномъ лонѣ волнъ.
Да, все вокругъ меня достойно удивленья....
Но удивленія въ душѣ печальной нѣтъ!
Но я не чувствую всесильнаго волненья
Въ странѣ и новой мнѣ и чуждой.... Этотъ свѣтъ,
И этотъ блескъ, меня тревожитъ и пугаетъ;
Ужъ мнѣ привыченъ сталъ тотъ Римскій полумракъ,
Что такъ таинственно градъ вѣчный обвиваетъ,
Здѣсь день, какъ мечь разитъ, здѣсь ослѣпленъ мой зракъ...
Мнѣ дико, тяжело.... Тревожное дыханье
Съ усильемъ изъ груди стремится на просторъ,
И въ сердцѣ и въ умѣ я чую замиранье....
Какъ будто надо мной небесный приговоръ
Здѣсь тайно высказанъ.... Какъ будто злое горе
Мнѣ возвѣщается въ предчувствіи моемъ....
Нѣтъ! мнѣ не любы вы, Неаполь, солнце, море,
Ни даже ты, волканъ, съ дымящимся вѣнцомъ!

Неаполь, $\frac{24}{12}$ Апрѣля, 1846.

Digitized by Google

ЕЩЕ О НЕАПОЛѢ.

Нѣтъ! Не хвалите мнѣ страны непросвѣщенной
И безхарактерной! Страны перерожденной, —
Которая, стыдясь почтенной старины,
Стремится перенять личину новизны,
Присвоить роскоши чужой нововведенья,
Несродныя ея привычкамъ и правленью, —
И видъ условленный иныхъ новѣйшихъ странъ
Принять изъ лести къ нимъ.... Неловокъ сей обманъ....
Нейдетъ ей глупое ея соревнованье,
Столицамъ запада плохое подражанье, —
Какъ старческій парикъ младенческимъ чертамъ, —
Какъ дѣвичій нарядъ безумнымъ сѣдинамъ!...
На Лондонъ и Парижъ Неаполь не походитъ, —
По въ немъ Италіи ужъ путникъ не находитъ!
И чинно передъ нимъ на улицахъ торчитъ
Наемныхъ домиковъ мѣщанскій, бѣдный видъ,
Да безконечный рядъ однѣхъ тостинницъ грязныхъ,
Пристроекъ скаредныхъ, громадъ однообразныхъ,
Гдѣ все прилажено для пришлыхъ, для *гостей*,...
По вѣсу ихъ казны, въ угодность ихъ затѣй....
Имъ все здѣсь продано,... и море голубое,
И небо южное, — и солнце золотое, —
И даже, даже самъ Везувій великанъ, —
Краса и вмѣстѣ бичь ему подвластныхъ странъ,
Ихъ слава, ихъ кумиръ,... ихъ недругъ, ихъ тиранъ,....
Опустошающій, губительный, ужасный,...
Но вѣчно-огненный, дымящійся, прекрасный,...
Подобіе еврейскаго столба,
Ведущаго сыновъ Израиля, какъ знамя,
Днемъ облако, — а ночью пламя, —
Своихъ племенъ маякъ, свѣтило и судьба!...

* * *

Вотще, вдоль берега, вездѣ смотрю, ищу я, —
Нѣтъ мраморныхъ дворцовъ, нѣтъ храмовъ вѣковыхъ....
Вотще у пристани веселыхъ пѣсенъ жду я, —
Народъ ужъ позабылъ напѣвъ отцовъ своихъ,

Digitized by Google

Народъ ужъ не поетъ, не пляшетъ тарантеллы, —
На платье промѣнялъ лохмотьевъ пестроту!...
Ужъ здѣсь не сыщется другой живой Фенеллы,
Чтобъ намъ осуществить художника мечту!...
Служанка, нищая, рыбачка и торговка,
По модѣ чуждыхъ дамъ всё хочетъ щеголять;
И всѣ отъ рыжей *Миссъ*, кто лестью, кто уловкой, —
Уродливый нарядъ умѣвъ себѣ достать, —
Надѣли *шляпу*, *шаль*.... и варварской обновкой
Свой типъ классическій испортили онѣ!...
Каррикатурами являются вполнѣ
Съ каррикатурныхъ англичанокъ....
Гдѣ юпка алая?... Гдѣ ленты, гдѣ корсетъ?...
Гдѣ стрѣлка въ волосахъ?... Пропали!... слѣду нѣтъ!...
Обезображенныхъ Неаполя мещанокъ
Признать ли внучками божественныхъ Гречанокъ, —
Дивившихъ нѣкогда красою здѣшній край,
И Римскимъ Цезарямъ, въ чертогахъ позлащенныхъ,
Являвшихъ образы ихъ миѳовъ воплощенныхъ,
. . . . . .
Отъ дивныхъ тѣхъ временъ здѣсь только уцѣлѣли
Обломки, статуи, развалины, — да то,
Что Тацитъ написалъ,... что пѣснопѣвцы пѣли....
Для жалкихъ дикарей, міръ древній ни-во-что!...
Не помнятъ ужъ они торжественныхъ преданій,
Ни чудныхъ вымысловъ, ни былей вѣковыхъ!...
Своимъ сокровищамъ не знаютъ и названій, —
Забыли даже звукъ рѣчей отцовъ своихъ!...
Чтобъ Лорду угодить, — болтаетъ Ладзароне
Ужъ съ нимъ по-англійски, — смѣкнувши власть гиней,
И промѣнять готовъ родное Макорони
На портеръ и ростбифъ.... Въ умѣ здѣсь у людей
Лишь мелочный барышъ, да «*piccola moneta!*» —
Спѣсь тароватая британскихъ богачей
Избаловала ихъ, унизила.... Съ разсвѣта
Бродяги праздные подъ окнами кричатъ....
Толпятся у крыльца,... шумятъ,... надоѣдаютъ,...
А *Джентель-менъ* съ семьей надменно въ нихъ бросаетъ
Своимъ излишествомъ.... И Ладзароне радъ, —

Digitized by Google

Туриста гордаго смиренно прославляетъ, —
И пивовара дочь *алтецкой* величаетъ....

* * *

Картина жалкая!!... Бѣги отъ ней,... бѣги, —
Художникъ и поэтъ, мечтатель и мыслитель!...
Отъ глупости людей всесильный утѣшитель,
Природа, ждетъ тебя!... Направь свои шаги
Туда, гдѣ высится, увѣнчанный садами,
Холмъ *Монте-Вомеро*.... тамъ, въ кущѣ майскихъ розъ,
Подъ лавромъ пріютясь, межъ виноградныхъ лозъ,
Могила тихо спитъ, хранимая вѣками,
А больше, — именемъ безсмертнаго жильца:
Виргилій въ ней почилъ,... вблизи благословенныхъ
Залива береговъ, — имъ часто восхваленныхъ!...
Ты сладко отдохнешь у сладкаго пѣвца!...
Потомъ, спускайся внизъ по берегу крутому,
До пѣнистой волны, до разноцвѣтныхъ скалъ:
Здѣсь, въ средніе вѣка, изъ лона водъ возсталъ
Готическій дворецъ, въ угодность молодому
Всевластію Джіованны. — Здѣсь она,
Межъ башенъ и террассъ, въ оградѣ стѣнъ зубчатыхъ,
Въ убранныхъ прихотью и роскошью палатахъ,
Прибоемъ вѣчныхъ волнъ жила окружена.
Здѣсь, на любовное свиданье приглашенный,
По выбору ея безчисленныхъ затѣй,
Являлся за-полночь къ владычицѣ своей
То рыцарь пламенный, то трубадуръ смиренный, —
И начинался пиръ!... И долго длился онъ, —
То поцѣлуями, то ласками прерванный....
И море слышало изъ тайныхъ залъ Джіованны
Отрывки пѣсней, словъ,... и полныхъ кубковъ звонъ,

Digitized by Google

Минуло много лѣтъ, —
Въ покинутомъ дворцѣ замолкли всѣ напѣвы,
Затихли всѣ пиры.... Пропалъ въ немъ жизни слѣдъ....
Дворецъ обрушился....

Разсказъ для путника заманчивъ; — онъ идетъ
Смотрѣть развалины, покои, мрачный сводъ....
Чего-то по угламъ его всё ищутъ очи, —
Вотще, — Джіованны нѣтъ!!..

* * *

Пойдетъ-ли дальше онъ, всё берегомъ морскимъ, —
То садъ тѣнистый тамъ, то вилла передъ нимъ :
И каждая изъ нихъ, изящно, прихотливо,
По вкусу новому, устроена на диво, —
Чѣмъ ближе къ пустырямъ, чѣмъ дальше отъ людей,
Тѣмъ краше здѣсь страна, плѣнительнѣй, милѣй.
И вотъ, — раскинулась Виргиліева Бая,
Залива тихаго окраины лобзая....
Но пусть онъ древности созданій здѣсь не ждетъ:
Обломки только онъ, да мѣстность лишь найдетъ,
Да прелесть имени волшебнаго.... да виды,
Любимые пѣвцомъ безсмертной Энеиды....
— Чего же болѣе, когда дано мечтамъ,
Забывъ людей и вѣкъ, и всё, что въ тягость намъ,
Въ уединеніи, природой наслаждаться,
Картиной дивною на волѣ восхищаться,
Нырять въ безбрежьи волнъ.... витать вблизи небесъ....
Ловить волкана дымъ,... весь этотъ край чудесъ
Восторгомъ обнимать,... весною упиваться, —
И въ полу-снѣ души, теряться.... забываться?..

(Неаполь, Май 1846 г.) *Гр. Е. Ростопчина.*

Digitized by Google

ДУБОКЪ.

Тихо проносится ночь благовонная —
Міръ, внемля Богу, молчитъ,
Въ рощѣ одной лишь осинка безсонная,
Листья колебля шумитъ.

* * *

Къ ней прислоня свои вѣтви тяжелыя,
Дремлетъ дубокъ молодой,
Видитъ онъ сны не совсѣмъ-то веселые,
Возлѣ подруги ночной.

* * *

Спи — ему шепчетъ осинка тревожная —
Спи мой дубокъ молодой:
Бури опасны, но я осторожная
Буду беречь твой покой. —

* * *

Снились мнѣ бури, нашъ край посѣтившія,
Молвилъ дубокъ молодой, —
Снилось мнѣ, будто деревья подгнившія
Сломаны бурей ночной.

* * *

Снилось, — подъ бурями выросъ высоко я,
Выше столѣтнихъ дубовъ;
Видѣлъ свободно я небо далекое —
Блескъ заревыхъ облаковъ.

* * *

Digitized by Google

Видѣлъ, какъ на небѣ тихо сплетаются
Звѣзды въ узоръ золотой,—
И говорятъ, что онѣ загораются
Съ тѣмъ, чтобъ беречь мой покой.—

* * *

Такъ говорилъ онъ,—но вновь засыпающій,
Словно задумался онъ,
Листьевъ осиновыхъ шопотъ ласкающій
Вновь погрузилъ его въ сонъ....

Не мои ли страсти
Поднимаютъ бурю,
Съ бурями бороться
Не въ моей ли власти?

* * *

Пронеслася буря
И дождемъ и градомъ;
Пролилася туча
Надъ зеленымъ садомъ.

* * *

Боже! на листочкахъ
Облетѣвшей розы,
Какъ алмазы блещутъ,
Не мои ли слезы?

* * *

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть свои улыбки
И свои невзгоды.

Я. Полонскій.

Digitized by Google

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ХОЗАРОВЪ

и

МАРІЯ СТУПИЦЫНА,

БРАКЪ ПО СТРАСТИ.

ПОВѢСТЬ

(*Окончаніе.*)

VI.

Chère Claudine,

Опять я давно не писала къ тебѣ и опять по той же причинѣ, что нечего писать. Каждый день мой есть томительное повтореніе вчерашняго, а вчерашніе дни мои ты знаешь очень хорошо. Послѣднее время меня развлекала и занимала сватьба Хозарова, о которой я тебѣ уже писала. Наконецъ они женились. Стыдно сказать, Claudine, но я любуюсь и завидую ихъ счастію. О, какъ должно быть полно это счастіе! они такъ любятъ, такъ стóятъ другъ друга, они восторжествовали надъ препятствіями, которыя ставили имъ свѣтъ и люди. Вотъ уже болѣе недѣли, какъ они обвѣнчаны, и живутъ въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ на Гороховомъ полѣ. Я у нихъ провожу почти цѣлые дни; если хочешь, они немного смѣшны: представь себѣ, цѣлые дни цѣлуются, но я, опять повторяю тебѣ, радуюсь за нихъ; холодные свѣтскіе умы, можетъ быть, назовутъ это неприличнымъ; но Боже мой! неужели для этого свѣта, для этого несноснаго благоразумія мы должны приносить въ жертву самыя лучшія минуты нашей жизни!.. а сколько на свѣтѣ людей, для которыхъ даже и не существовало и не будетъ существовать этого поэтическаго времени! Я

Digitized by Google

моимъ птенцамъ сочувствую; для самой меня, какъ я ни желала, какъ я ни мечтала объ этомъ, не существовало подобныхъ минутъ. На самыхъ первыхъ порахъ я сама была, да и заставили меня быть благоразумною и приличною! Прощай, мой другъ! твоя

Barbe Мамилова.

Вскорѣ за симъ письмомъ, въ маленькомъ, но прелестномъ домикѣ, происходила, по крайней мѣрѣ въ началѣ, самая утѣшительная, самая отрадная, семейная сцена,—это было вечеромъ. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, въ бархатномъ халатѣ, сидѣлъ на краю мягкаго дивана, на которомъ полулежала Марья Антоновна, склонивши прекрасную головку свою на колѣни супруга и дремала, Хозаровъ тоже полудремалъ. Одна только Катерина Архиповна бодрствовала и вязала чулокъ. Страстная мать уже переселилась къ молодымъ и спровадила Антона Ѳедотыча съ двумя старшими дочерями въ деревню.

— Мари, а Мари! вставай, другъ мой,—сказалъ Хозаровъ, которому, видно, наскучило сидѣть въ положеніи подушки.

Мари открыла не надолго глаза, улыбнулась и опять задремала, Хозаровъ наклонился и поцѣловалъ жену.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичъ, тормошить ее..... что это какой вы странный! не дадите успокоиться,—сказала Катерина Архиповна.

— Но чтожъ такое, мамаша? я полагаю, что по вечерамъ спать очень вредно,—возразилъ Хозаровъ.

— Какъ это вы смѣшно говорите: вредно! развѣ вы знаете, въ какомъ она теперь положеніи; можетъ быть ей это даже нужно; можетъ быть этого сама природа требуетъ.

— Мнѣ самому бы, мамаша, встать хотѣлось.

— Да вотъ это справедливѣе, что вамъ самому скучно. Ну это, Сергѣй Петровичъ не большое доказательство любви.

— Помилуйте, Катерина Архиповна, любовь доказывается не въ подобныхъ вещахъ.

— Къ чему же вы все это говорите такъ громко; вѣроятно, чтобы разбудить ее. Я этого, признаюсь, не ожидала отъ васъ, Сергѣй Петровичъ!

Digitized by Google

— Я не знаю, почему вамъ, мамаша, угодно такимъ образомъ перетолковывать мои слова.

— Я не перетолковываю вашихъ словъ, и очень странно, если бы я,—мать, стала перетолковывать, что бы такое ни было, а я все очень хорошо вижу и все очень хорошо понимаю.

— То есть, вамъ угодно видѣть и понимать все въ дурную сторону.

Катерина Архиповна хотѣла было возразить, но остановилась, потому что Мари проснулась и сѣла.

— Что ты, другъ мой, видѣла во снѣ,—сказалъ Хозаровъ, беря жену за руку.

— Ничего.... снились только премилыенькіе—черные котятки—и пресмѣшные; я ихъ кормила все молокомъ, а они не ѣли.

— Развѣ ты думала, другъ мой, о котяткахъ?

— Нѣтъ, сегодня не думала.

— Ты ужасное еще, Мари, дитя, сказалъ Хозаровъ.

— Самъ ты дитя! почему же я дитя?

— Да такъ, мой другъ,—ты дитя; но только милое дитя, даже во снѣ видѣть котятъ,—это очень мило и наивно!

— Сами вы наивный. Куда же ты всталъ?

— Мнѣ, другъ мой, надобно съѣздить въ клубъ.

— Вотъ прекрасно.... не извольте ѣздить; я сижу дома, а онъ поѣдетъ въ клубъ,—и я съ тобою поѣду.....

— Другъ мой, это не принято.

Катерина Архиповна, слушавшая всю эту сцену съ лицемъ сердитымъ и непріятнымъ, наконецъ вмѣшалась въ разговоръ.

— Я не знаю, Сергѣй Петровичъ, какъ вы поѣдете въ клубъ,—жена ваша не такъ здорова, а вы ее хотите оставить одну... тѣмъ болѣе, что она этого не знаетъ.

— Но сами согласитесь, мамаша, что это странно.

— Для васъ, можетъ быть, дѣйствительно это странно; но что же дѣлать, если она васъ любитъ и желаетъ быть съ вами.

— Господи, Боже мой! я самъ ее люблю, но все-таки могу съѣздить въ клубъ.

Digitized by Google

— Поѣзжайте!... кто же васъ удерживаетъ?—сказала наконецъ Мари, мнѣ все равно,—я и съ мамашей буду сидѣть.

— Другъ мой, нельзя же совершенно отказаться отъ общества! возразилъ Хозаровъ.

— Поѣзжай,—сказала Машетъ и надулась.

— Семьянинъ, мнѣ кажется, не долженъ и думать объ обществѣ, замѣтила рѣзко Катерина Архиповна, кромѣ того Сергѣй Петровичъ, чтобы ѣздить по клубамъ, то для этого надобно, мнѣ кажется, имѣть деньги, а вы еще не совершенно устроили себя, у васъ еще нѣтъ и экипажа, который вы даже обѣщались имѣть.

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ на этотъ намекъ и вышелъ въ залу, по которой началъ ходить взадъ и впередъ, задумавшись. Спустя четвертъ часа къ нему вышла Катерина Архиповна.

— Что же вы, Сергѣй Петровичъ, оставили вашу жену, что вы хотите этимъ показать?

— Помилуйте-съ.... я дома, и, какъ слѣдуетъ семьянину, не уѣхалъ въ клубъ,—отвѣчалъ Хозаровъ.

— Все равно: вы ушли отъ нея, вы войдите и посмотрите: она почти въ истерикѣ отъ вашихъ фарсовъ, — это безчеловѣчно, Сергѣй Петровичъ!... зачѣмъ же вы женились, когда такъ любите свѣтскую жизнь?

Хозаровъ ничего не отвѣчалъ тещѣ, и вошелъ въ гостиную, гдѣ дѣйствительно нашелъ жену въ слезахъ.

— Не плачьте, Мари! что это за ребячество,—сказалъ онъ, садясь около нея на диванъ и обнимая ее.

— А за чѣмъ же вы въ клубъ собрались? мнѣ, я думаю, одной скучно,—отвѣчала Мари.

— Ну, не извольте же плакать отъ всякихъ пустяковъ;—я не поѣхалъ—и довольно; лучше давай въ ладошки играть. За тѣмъ молодые начали играть въ весьма занимательную игру, которую Сергѣй Петровичъ назвалъ *въ ладошки*; она состояла въ томъ, что оба они первоначально ударяли другъ друга правой ладонью въ правую и лѣвой въ лѣвую; потомъ пра-

Digitized by Google

вой въ лѣвую и лѣвой въ правую и наконецъ снова правой въ правую, лѣвой въ лѣвую и такъ далѣе.

Такого рода замысловатую игру молодые продолжали около получаса. Марьѣ Антоновнѣ было очень весело; Катерина Архиповна, увидѣвши, что молодые начали заниматься игрою въ ладошки, ушла въ свою комнату. Хозаровъ первой покончилъ играть.

— Ну, довольно,—сказалъ онъ.

— Давай, Сержъ, еще играть.

— Будетъ, милочька! мнѣ еще надобно съ тобою поговорить о серьёзномъ предметѣ. Послушай, другъ мой!—началъ Хозаровъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица; Катерина Архиповна очень дурно себя ведетъ въ отношеніи меня: за всю мою вѣжливость и почтеніе, которое я оказываю ей на каждомъ шагу, она говоритъ мнѣ безпрестанно колкости; да и къ тому же, къ чему ей мѣшаться въ наши отношенія: мы мужъ и жена; между нами никто не можетъ быть судьею.

— Она на тебя сердится, Сержъ; она говоритъ, что ты обманщикъ,—и все не правду сказалъ, что у тебя есть состояніе.

— И это не ея дѣло—есть ли у меня состояніе, или нѣтъ; она должна только отдать тебѣ твое и наградить тебя, какъ слѣдуетъ,—и больше ничего! Я даже полагаю, что ей гораздо было бы приличнѣе жить съ своимъ семействомъ, чѣмъ съ нами.

— Она говоритъ, что ни за что этого не сдѣлаетъ;—сама будетъ управлять имѣніемъ и жить съ нами, а намъ давать двѣ тысячи въ годъ.

— Вотъ тебѣ на!... прекрасно.... безподобно.... сама будетъ твоимъ имѣніемъ управлять, и намъ будетъ выдавать по копейкамъ,—надзирательница какая, скажите, пожалуйста! ты сдѣлай милость, Мари, поговори ей, что это не возможно: я для сватьбы задолжалъ, и у меня ни копейки уже нѣтъ; мнѣ нужны деньги; не безъ обѣда же быть.

— Я ужъ ей говорила, Сержъ, по твоей просьбѣ, она говоритъ, что все у насъ будетъ: только деньги тебѣ въ руки

Digitized by Google

не хочетъ давать; она говоритъ, что ты вѣтренъ еще, — въ одинъ годъ все промотаешь.

— О, чортъ возьми! опять это не ея дѣло! состояніе твое,— и кончено.... что же мы—такъ—цѣлый вѣкъ—и будемъ на маменькиныхъ помочяхъ ходить? Ну, у насъ будутъ дѣти, тебѣ захочется въ театръ, въ собраніе, вздумается сдѣлать вечеръ: каждый разъ ходить и кланяться: маменька, сдѣлайте милость, одолжите полтинничекъ! Фу, чортъ возьми!—да изъ чего же? изъ-за своего состоянія! Ты, Мари еще молода; ты, можетъ быть, этого не понимаешь, а это будетъ не жизнь, а какая-то адская мука.

— Что дѣлать, Сержъ! она очень разсердилась, что ты состояніемъ-то своимъ обманулъ, и на прошедшей недѣлѣ цѣлый день плакала.

— Чтожъ такое, что я, можетъ быть, и прибавилъ, или лучше сказать, что любя тебя скрылъ, что имѣніе мое разстроено. Катерина Архиповна сама меня обманула черезъ Антона Ѳедотыча; онъ у меня, при посторонихъ людяхъ, говорилъ, что у тебя триста душъ, тридцать тысячь и гдѣ онѣ?

— Ай, нѣтъ, Сержъ! у меня нѣтъ трехъ сотъ душъ; — всего только сто.

— Ну, а денегъ сколько?

— Денегъ, я не знаю;—тебѣ мамаша подарила сколько-то?

— Да что она мнѣ подарила? полторы тысячи; это до тридцати тысячь еще очень далеко. Стало быть мы всѣ неправы.

— Да тебѣ кто это, Сержъ, говорилъ, — папаша?

— Антонъ Ѳедотычъ.

— Ну вотъ видишь, онъ все говоритъ неправду. Меня сколько онъ разъ маленькую обманывалъ: пойдетъ въ городъ куда нибудь: погоди, Мари, говоритъ, я принесу тебѣ конфектъ,— и воротится съ пустыми руками. Я ужъ и знаю, но нарочно и пристану: дай, папаша, конфектъ; забылъ, говоритъ, и все каждый разъ забываетъ, — такой смѣшной!

— Все таки, Мари, мнѣ ужасно нужны деньги.—Сдѣлай

Digitized by Google

милость, поди, и попроси для себя у Катерины Архиповны хоть рублей семь сотъ,—проговорилъ Хозаровъ.

— А если она спроситъ, за чѣмъ мнѣ деньги?

— Ахъ, Боже мой, за чѣмъ!...—Ну скажи, что хочешь бѣднымъ дать.

— Нѣтъ, не повѣритъ! семь сотъ рублей бѣднымъ,—этого много!

— Да это правда неловко. Скажи просто, что ты меня очень любишь, и что завтрашній день—мое рождсніе.

— А развѣ въ самомъ дѣлѣ завтра твое рожденіе?

— Кажется, завтра,—ну, такъ какъ, въ рожденіе, обыкновенно, дарятъ, то и ты скажи, что хочешь подарить мнѣ семь сотъ рублей; только смотри, непремѣнно настаивай, чтобы деньгами; вещей мнѣ никакихъ не надобно. Неужели она въ этихъ пустякахъ откажетъ?

— Не знаю, Сержъ; семь сотъ рублей очень много; мамаша безпрестанно мнѣ говоритъ, чтобы я берегла деньги, а тутъ скажетъ, что тебѣ на какіе нибудь пустяки дать столько денегъ.

— Ну, такъ ты, вотъ какъ, мой ангелъ, объясни ей: скажи, что завтрашній день мое рожденіе, и что ты непремѣнно хочешь подарить мнѣ семь сотъ рублей, потому что я тебѣ признался, въ одномъ срочномъ долгѣ пріятелю, и скажи, что это такъ меня мучитъ, что я вотъ третью ночь глазъ не смыкаю. А я тебѣ скажу прямо, что я дѣйствительно имѣю долгъ, за который меня, можетъ быть, въ тюрьму посадятъ.

— За что же это въ тюрьму посадятъ?

— За то, что я несостоятельный должникъ.

— Ахъ, Сержъ, это страшно!

— Еще бы.... но что же дѣлать? Я тебя такъ любилъ, что готовъ былъ занять не только семь сотъ рублей, но даже семь тысячь, чтобы только обладать тобой. Знаешь-ли ты, другъ мой, что въ самую нашу помолвку я былъ безъ копейки; — кажется, не велика бѣда! это можетъ случиться съ первымъ богачемъ въ мірѣ. Я конечно занялъ эту

Digitized by Google

пустяшную сумму; потомъ получилъ изъ деревни тысячу рублей. Вотъ и всѣ деньги. Желалъ бы я знать, гдѣ Катерина Архиповна могла найти болѣе разчетливаго зятя, которой на какія нибудь полторы тысячи рублей съигралъ бы свадьбу; такъ нѣтъ: подобнаго самоотверженія не хотятъ даже и видѣть, и понимать. Пришла въ голову ложная мысль, что мотъ, и больше знать ничего не хотятъ. Чувства жалости даже не имѣютъ, и, можетъ быть, за ничтожные семь сотъ рублей заставятъ идти въ тюрьму.

— Нѣтъ, Сержъ, какъ это возможно! я пойду, выпрошу у мамаши.

— Сдѣлай милость, Мари, и если ты меня любишь, то попроси Катерину Архиповну, быть справедливѣе и великодушнѣе ко мнѣ, и скажи прямо ей: если вы, мамаша, отдали ему меня, то неужели пожалѣете какихъ нибудь семи сотъ рублей, чтобы сохранить его честь. Проговоря это, Хозаровъ обнялъ, и страстно разцѣловалъ жену, которая тотчасъ же отправилась къ матери. Во время прихода Мери, Катерина Архиповна была занята чѣмъ-то очень серьезнымъ. Передъ ней стояла отпертая шкатулка, и она пересматривала какія-то бумаги, очень похожія на ломбартные билеты. Услышавши скрыпъ двери, она хотѣла было все спрятать, но не успѣла.

— Что это, мамаша, такое?—спросила Мари.

— Ничего, мой другъ, разные документы.

— А деньги тутъ есть, мамаша?

— Нѣтъ, другъ мой, это все бумаги.

— А въ бумажникѣ что?

— Ничего, — тоже бумаги.

— Ахъ, мамаша! за чѣмъ вы неправду говорите? дайте мнѣ посмотрѣть.

— Зачѣмъ тебѣ? тутъ, право, ничего нѣтъ.

— Дайте мнѣ, мамаша, денегъ; мнѣ очень нужно семь сотъ рублей.

— Тебѣ семь сотъ рублей! для кого же это тебѣ?

— Завтра Сергѣя Петровича рожденіе, и я хочу ему подарить семь сотъ рублей.

Digitized by Google

— Другъ мой! съ чего это тебѣ пришло въ голову? Кто же даритъ деньгами и особенно мужа? Если завтра дѣйствительно день его рожденія, такъ мы поѣдемъ и купимъ ему какую нибудь вещь по твоему вкусу.

— Нѣтъ, мамаша, пожалуйста, я не хочу дарить вещами, да и онъ не возметъ; у него очень много вещей, а вы дайте мнѣ семь сотъ рублей.

— Послушай, Марп; это вѣрно онъ научилъ тебя, сказала Катерина Архиповна, поняви очень хорошо, съ какой стороны ее атакуютъ, я вижу, что ты любишь его; это прекрасно; но ты пойми, другъ мой, что онъ вѣтреникъ и тебя въ глаза обманываетъ. Ну, скажи мнѣ: зачѣмъ ему семь сотъ рублей? Квартира у васъ есть, столомъ я распоряжаюсь, нарядовъ я тебѣ сдѣлала, кромѣ того еще прибавлю; самъ онъ одѣтъ очень прилично. Ну зачѣмъ ему деньги? больше не зачѣмъ, какъ на мотовство. Ты разсуди только сама. Состояніе у тебя не большое; можетъ быть, будутъ у васъ дѣти, а у него вѣдь ничего нѣтъ. Онъ насъ во всемъ обманулъ. Ну чѣмъ и на что вы будете жить? служба, Богъ знаетъ еще когда будетъ, а ты не видя, что называется, съ его стороны ничего, станешь дарить ему по семи сотъ на рожденіе.

— Мамаша! его посадятъ въ тюрьму.

— Кого въ тюрьму?

— Сержа!

— За что же въ тюрьму?

— Онъ занялъ, мамаша, семь сотъ рублей,—всѣ ночи теперь не спитъ.

— Лжетъ, мой другъ! безстыдно лжетъ, у него можетъ быть долгу и не семь сотъ рублей, но и за то не посадятъ его въ тюрьму, а деньги просто ему нужны на мотовство.

—Да, мамаша, вамъ хорошо говорить,—а если его посадятъ.

— Не посадятъ, другъ мой; клянусь моей честью, не посадятъ.

— Нѣтъ, мамаша, вы этого сами не знаете и не понимаете.

Digitized by Google

Онъ говоритъ, не ужели вы пожалѣете семи сотъ, когда вы отдали ему меня?...

— Ахъ, другъ мой, — перебила Катерина Архиповна, вздыхая: не отдавала я тебя, не желала я этого; Богу такъ угодно. Не то бы было, если бы ты вышла за Ивана Борисыча; тотъ не сталъ бы тянуть деньги, и самъ бы еще свои употреблялъ для твоего счастія. Ну, если онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ, такъ пусть скажетъ: кому?

— Онъ долженъ, мамаша, одному пріятелю.

— Ну что же пріятелю? Не долги онъ, другъ мой, хочетъ выплачивать, а ему самому нужны деньги—въ клубъ, да по кофейнымъ не на что ѣздить, ну и давай ему денегъ, можетъ быть даже и возлюбленную заведетъ, а жена ему приготовляй денегъ. Мало того, что обманулъ рѣшительно во всемъ, еще хочетъ и твое состояніе проматывать.

Въ продолженіе этого монолога у Мари навернулись на глазахъ слезы.

— Другъ мой, Машинька, не огорчайся, не плачь, — проговорила старуха, тоже со слезами на глазахъ. Я передѣлаю его по своему; я не дамъ ему сдѣлать тебя несчастной и заставлю его думать объ семействѣ. Я это все предчувствовала, и согласилась только потому, что видѣла, какъ ты этого желаешь. Слушайся только, другъ мой, меня и, Бога ради, не вѣрь ему ни въ чемъ. Если только мы не будемъ его держать въ рукахъ, и будемъ ему давать денегъ, онъ забудетъ и измѣнитъ тебѣ.

— Онъ, мамаша, въ самомъ дѣлѣ какой то странный! или цѣлуетъ меня, или сбирается куда нибудь уѣхать.

— Этимъ ты, другъ мой, не огорчайся, — мущины всѣ таковы. Но главное дѣло: ему не надобно давать денегъ, и надо заставить служить для того, чтобы онъ имѣлъ какое нибудь занятіе,—и я берусь это устроить, только, пожалуйста, не слушайся его, и будь благоразумнѣе. Ну вотъ хоть бы теперь: вѣрно, вѣдь, онъ тебя научилъ попросить у меня денегъ?

— Онъ, мамаша!

Digitized by Google

— Вотъ, видишь, — я это знала напередъ; ты ему скажи, или, лучше ничего не говори, я съ нимъ за тебя поговорю.

— Мамаша! да отъ чего же онъ перемѣнился ко мнѣ?

— Онъ не перемѣнился, другъ мой! мужчины всѣ таковы. Въ женихахъ они, обыкновенно, умираютъ отъ любви, а какъ женятся, такъ и начнутъ обманывать. Это, другъ мой, ничего; его надобно заставить, чтобы онъ любилъ тебя, — и я его заставлю, потому что ни копѣйки не стану давать ему денегъ. Повѣрь ты мнѣ, онъ опомнится и начнетъ слушаться и любить.

— А что же, мамаша, я завтрашній день ему подарю!

— Объ этомъ ты не безпокойся. Я сама куплю приличную для него вещь, а сегодня съ нимъ поговорю. Гдѣ онъ теперь? въ гостиной что ли? ты посиди здѣсь, а я съ нимъ поговорю.

Мари осталась въ кабинетѣ, а Катерина Архиповна отправилась для объясненія съ зятемъ.

— Ваше завтра рожденіе, Сергѣй Петровичь, — сказала она, входя въ гостиную.

— Да, кажется, что завтра, — отвѣчалъ Хозаровъ.

— Вы даете вѣрно вечеръ или что нибудь такое для вашихъ знакомыхъ?

— Я не о какомъ вечерѣ и не думалъ.

— Для чего же вамъ такъ нужны семь сотъ рублей?

— Какіе семь сотъ рублей?

— Да такіе, которые вы присылали свою жену требовать отъ меня.

— Мнѣ вашихъ семь сотъ рублей никогда не было, да, конечно, и не будетъ нужно.

— Перестаньте, Сергѣй Петровичь, притворяться; это еще возможно было въ женихахъ, но не для мужа; теперь уже все ясно, и я пришла васъ спросить, зачѣмъ вамъ такъ нужны семь сотъ рублей, за которыми вы присылали жену вашу ко мнѣ?

— Жены моей я къ вамъ, Катерина Архиповна, не посылалъ, а, если она сама знаетъ, что мнѣ нужны семь сотъ рублей, такъ это, я полагаю, весьма извинительно, — потому что между мужемъ и женою не должно быть тайны.

— Вы должны какому-то пріятелю?

Digitized by Google

— Да-съ, я долженъ.

— Кому же это?

Хозаровъ смутился и молчалъ.

— Если ужъ я вамъ долженъ отвѣчать на это, сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, то извольте: человѣкъ, который обязалъ меня, не желаетъ, чтобы это знали всѣ.

— Я, кажется, платя за васъ деньги, могу же спросить, кому я должна ихъ отдать.

Хозаровъ совершенно сконфузился.

— Если вы, мамаша, не вѣрите, то какъ вамъ угодно; я вирочемъ, кажется, и не просилъ у васъ вашихъ денегъ.

— Все равно—вы прислали жену вашу просить у меня денегъ.

— Если жена моя желала снабдить меня деньгами, то конечно не вашими, а своими, которыми она, такъ какъ вышла уже изъ малолѣтства, имѣетъ, я думаю, право располагать, какъ ей угодно.

— А.... такъ вотъ вы къ чему все ведете, Сергѣй Петровичь! теперь я понимаю,—сказала Катерина Архиповна, поблѣднѣвъ отъ досады; только этого-то съ вашей стороны и не доставало. Теперь я васъ узнала и поняла, какъ нельзя лучше, — и повѣрьте, что себя и дочь предостерегу отъ вашихъ козней. Нѣтъ, милостивый государь, вы не думайте, что имѣете дѣло съ женщинами, и потому можете, какъ вамъ угодно, обманывать. Я сама живу пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ; видала людей, и, позвольте вамъ сказать, имѣю нѣкоторыя связи, которыя съумѣютъ васъ ограничить.

— Я даже не понимаю, Катерина Архиповна, къ чему вы все это говорите.

— Нѣтъ вы очень хорошо понимаете, а также и я понимаю, но вы ошибаетесь, очень ошибаетесь въ вашихъ разсчетахъ, и теперь я отъ васъ настоятельно требую объяснить мнѣ, для какой собственно надобности вы подсылали ко мнѣ вашу жену требовать денегъ?

— Я опять вамъ объявляю, что не подсылалъ къ вамъ жены, но я ей только открылся.

Digitized by Google

— И вы утверждаете, что не подсылали ее ко мнѣ?

— Я молчу-съ, и предоставляю вамъ думать, что угодно.

— Да, Сергѣй Петровичь, конечно, уже лучше молчать, когда говорить нечего; можно обмануть молоденькую женщину, но я старуха.

Послѣднихъ словъ, Сергѣй Петровичь уже не слыхалъ; онъ вышелъ изъ гостиной, хлопнувъ дверьми, прошелъ въ свой кабинетъ, дверьми котораго тоже хлопнулъ, и сверхъ того еще ихъ заперъ и легъ на диванъ.

Марья Антоновна, видѣвшая изъ кабинета, что Сергѣй Петровичь прошелъ къ себѣ, хотѣла къ нему войдти, но дверь была заперта, она торкнулась разъ.... два, отвѣта не послѣдовало; она начала звать мужа по имени, — молчаніе. Нѣсколько минутъ Мари простояла въ раздумьи, потомъ пошла къ матери.

— Онъ, мамаша, заперся,—сказала она.

— Чтожъ мнѣ, другъ мой, дѣлать, не ломать же дверь? онъ, можетъ быть, еще и не такіе фарсы начнетъ выдѣлывать; отъ него надобно всего ожидать.

У Мари навернулись слезы.

— Ты-то за что мучишь себя и огорчаешься, другъ мой?

— Какъ-же, маша, если его въ тюрьму посадятъ!

— Ахъ, другъ ты мой, какъ ты молода! Ну гдѣ слыхано, чтобы за семь сотъ рублей въ тюрьму посадили.

— Мамаша, дайте мнѣ пожалуйста денегъ.

— Нѣтъ у меня, Маша, для этого постыднаго человѣка денегъ.

Мари разрыдалась. Старуха не выдержала, пошла въ свою комнату и черезъ нѣсколько минутъ вернулась съ пачкою ассигнацій.

— Ну, Маша, возьми, это твои деньги. Онъ мнѣ прямо давича сказалъ, что я даже не имѣю права располагать твоимъ состояніемъ.

Мари тотчасъ же перестала плакать, взяла деньги, и поцѣловала у матери руку, но за то разплакалась Катерина Архиповна.

Digitized by Google

— Отдавай ему, мой другъ, хоть все; онъ еще и не то будетъ дѣлать; будетъ, можетъ быть, тебя учить и изъ дому меня выгнать.

— Нѣтъ, мамаша; онъ не смѣетъ этого и думать,—возразила Мари.

— Онъ все смѣетъ думать; онъ на все можетъ рѣшиться.

— Вы не сердитесь на него, мамаша, онъ, ей Богу, добрый,

— Видѣла, другъ мой, и очень хорошо поняла его доброту. У него, я думаю, теперь одна мысль въ головѣ, чтобы, какъ нибудь разлучить меня съ тобою и захватить твое имѣніе.

Старуха очень разстроилась, и, подобно своему зятю, ушла въ свою комнату и затворилась.

Мари тотчасъ же подошла къ дверямъ мужнина кабинета, и начала снова стучаться; но отвѣта, какъ и прежде, не послѣдовало.

— Сержъ! я тебѣ денегъ принесла,—поди сюда!—проговорила она. Что ты тутъ сидишь одинъ въ темной комнатѣ?

Послышался шорохъ; замокъ щелкнулъ и дверь разтворилась.

— А, это вы, Мари? я не узналъ вашего голоса,—сказалъ Хозаровъ, выходя изъ кабинета.

— На—деньги, я выпросила у мамаши.

— Нѣтъ, Мари, послѣ всѣхъ этихъ исторій, я не могу принять отъ тебя денегъ.

— На, Сержь, возми. Куда же мнѣ ихъ? я не то брошу ихъ на полъ.

— Ты можешь ихъ бросить, сжечь, возвратить опять своей маменькѣ, но только я ихъ не могу принять.

Говоря это молодые входили въ гостиную. Сергѣй Петровичь сѣлъ на диванъ и задумался Мари встала; передъ нимъ и обняла голову его.

— Ну, душка, не сердись, возьми, мамаша такъ только погорячилась, она очень скупа,—и ей вотъ жаль денегъ.

— Изволь, Мари, я возму эти деньги, потому что, хотя онѣ и лежатъ у Катерины Архиповны, но все-таки твои, — и она ихъ неправильно захватила по правамъ матери. —

Сергѣй Петровичь еще нѣсколько времени бесѣдовалъ съ

Digitized by Google

своею супругою, и, по преимуществу, старался разтолковать ей, что если она его любитъ, то не должна слушаться матери, потому что маменьки, какъ онѣ ни любятъ своихъ дочерей, только вредятъ въ семейномъ отношеніи,—и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно объявилъ, что онъ съ сегодняшняго дня намѣренъ прекратить всякое сношеніе съ Катериной Архиповной и даже не будетъ съ ней говорить. Мари начала было просить его не дѣлать этого, но Хозаровъ остался твердъ въ своемъ рѣшеніи.

Еще письмо Варвары Александровны.

Я разскажу тебѣ, chère Claudine, одинъ смѣшной и грустной случай; въ прошломъ письмѣ моемъ я тебѣ писала о молодыхъ Хозаровыхъ, и писала, что видаюсь съ ними почти каждый день; но теперь мы не видимся, и знаешь ли по чему? напередъ тебѣ предсказываю, что ты будешь смѣяться до истерики: старуха-мать меня приревновала къ зятю, и отъ имени дочери своей объявила мнѣ, что та боится моего знакомства. Она—эта молоденькая женщина боится, что я могу нарушить ея счастіе, когда я, сближаясь съ ними, только и помышляла о счастіи ея. Вотъ тебѣ, Chère Claudine, люди! они, видно всегда и вездѣ одинаковы; а знаютъ ли эти люди, что сердце мое давно уже похоронено въ могилѣ, что въ памяти моей живетъ мертвецъ, которому я принадлежу всѣми моими помыслами: но оставимъ мое прошедшее. Я его таю; я ни кому и ни когда, кромѣ тебя, не поднимала еще съ него завѣсы; но пусть они взглянутъ на мое несчастіе; у меня есть мужъ, котораго я уважаю, если не за сердце, то, по крайней мѣрѣ, за умъ;—и вотъ эти люди поняли меня, какъ пустую вѣтренную женщину, которая готова повѣситься на шею встрѣчному и поперечному.... я искала одной чистой и благородной дружбы, а они сочли, что мнѣ надобна интрига; но Богъ съ ними! Досаднѣе всего, что изъ-за меня, какъ сказывала ихъ горничная моей дѣвушкѣ, вышла между матерью, Мари и мужемъ, цѣлая исторія: укоры, слезы истерика и тому подобное. Что мнѣ оставалось сдѣлать въ подобномъ положеніи? въ душѣ моей я ихъ не обвиняю: они только поняли меня

Digitized by Google

ложно. Долго я думала, долго размышляла, и наконецъ рѣшилась перервать съ ними совершенно знакомство. Молодой человѣкъ, котораго я и до сихъ поръ еще люблю и уважаю, нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ, но я не велѣла его принимать; Богъ съ ними—пусть будутъ они счастливы. О, Chère Claudine! я теперь уже начала окончательно бояться людей.

Barbe Мамилова.

IX.

Прошло еще два мѣсяца. Сергѣй Петровичъ Хозаровъ, одѣтый въ щегольскую бекешку, вошелъ въ квартиры дѣвицы Замшевой, и прямо прошелъ въ занимаемый хозяйкою нумеръ, которую засталъ въ обыкновенныхъ ея утреннихъ разговорахъ съ кухаркою.

— Здраствуйте, почтеннѣйшая, сказалъ, входя, мой герой.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ, вскрикнула хозяйка, бросившись убирать нѣкоторыя не весьма благовидныя принадлежности ея туалета;—ступай и дѣлай такъ, какъ я тебѣ говорила,—прибавила она кухаркѣ.

Стряпуха вышла. Хозаровъ, не снимая бекешки, сѣлъ.

— Я вами очень недоволенъ, почтеннѣйшая! за чѣмъ вы каждой день ходите къ тещѣ, и просите, чтобы она заплатила вамъ мой долгъ.

— Сергѣй Петровичъ! нужда—видитъ Богъ, нужда! что мнѣ прикажете дѣлать? ни кто ни платитъ; вы не повѣрите; какъ уѣхалъ Ѳерапонтъ Григорьевичъ, ни съ кого не получала ни копейки

— Это вы все не то говорите, Татьяна Ивановна. Кто вамъ долженъ? —Я. —Слѣдовательно вы и должны адресоваться ко мнѣ.

— Да, батюшка, Сергѣй Петровичъ, я знаю, что у васъ денегъ нѣтъ. Катерина Архиповна, какъ жила съ вами, прямо мнѣ сказала, что ты, говоритъ, къ нему ходишь; у него полушки за душой нѣтъ.

Digitized by Google

— Вы все говорите чушь,—возразилъ Хозаровъ. Развѣ теща моя можетъ знать, есть у меня деньги или нѣтъ?

— Сергѣй Петровичь, не обижайтесь на меня, а выслушайте. Я прежде къ вамъ ходила; у самихъ васъ всегда просила: припомните, что вы мнѣ говорили! подождите, говорили, у меня теперь нѣтъ, а я у маменьки выпрошу. Ну по этому я къ нимъ и адресовалась. Заплатите, отецъ мой! право нужда,— вѣдь не шуточка восемь сотъ рублей.

— Конечно, по вашимъ понятіямъ, восемь сотъ рублей ужасная сумма, но что же это такое значитъ для мущины? плевокъ, нуль.... и потому честно завѣряю васъ, что заплачу вамъ и заплачу даже съ процентами, только, Бога ради, не извольте являться ни къ женѣ моей, ни къ тещѣ за моимъ долгомъ.

— Да гдѣ же вы, Сергѣй Петровичь, возмете; теперь открытое дѣло, что у васъ ничего нѣтъ.

— Скажите, какъ вы прекрасно считаете въ чужомъ карманѣ.... полноте, почтеннѣйшая, вздоръ молоть, не извольте и безпокоиться объ этихъ пустякахъ.

— Милой мой постоялецъ! какъ же мнѣ не безпокоиться? у васъ, вѣдь, право, ничего нѣтъ, ну хоть бы службу какую имѣли, или, по крайней мѣрѣ у меня квартировали, все бы надежда была впереди.

— У васъ, Татьяна Ивановна, можетъ быть нѣтъ надежды, а у меня ихъ на милліонъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичь, не вѣрю, нынче совсѣмъ милліоновъ на свѣтѣ нѣтъ.

— Есть, Татьяна Ивановна, и даже больше, чѣмъ милліоны. Припомните только мои обстоятельства передъ свадьбою. А?... въ какомъ я тогда былъ положеніи? ужъ, кажется, рѣшительно безъ копейки, а что же вышло потомъ?—въ одинъ день хватилъ три тысячи.

— Это случайность, Сергѣй Петровичь.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, во всене случайность. Умная вы женщина, а не совсѣмъ жизнь-то понимаете. Вспомните, гдѣ я взялъ денегъ тогда?

Digitized by Google

— Да что припомнить? какъ теперь помню, что взяли у Варвары Александровны; закладчикъ-то, у котораго ея вещи, каждый день ходитъ ко мнѣ.

— Я не прото говорю, почтеннѣйшая, ходитъ или нѣтъ къ вамъ этотъ болванъ закладчикъ; но вы рѣшите мнѣ одинъ вопросъ: не ужели же я съ этой же стороны не могу достать и теперь денегъ?

— Не можете, Сергѣй Петровичь, ни какимъ образомъ не можете; тогда было другое дѣло, тогда вы были человѣкъ холостой.

— А если я вамъ представлю доказательство,—не угодно ли взглянуть,—проговорилъ Хозаровъ и подалъ Татьянѣ Ивановнѣ маленькую записку, которую дѣвица Замшева хотя съ трудомъ, но все-таки прочла.

— Ну ужъ этого дѣла я не знаю, это ваше дѣло,—сказала она.

— Нѣтъ, вы скажите: понимаете ли тутъ главный смыслъ?

— Какъ не понять,—извѣстное дѣло: тайное свиданіе будете имѣть. Только какой вы обманчивый человѣкъ, Сергѣй Петровичь! Когда женились, такъ думали: вотъ станете боготворить жену: вотъ тебѣ и боготворить! году не прошло еще, а рога приставилъ; не даромъ я васъ звала вѣтрепикомъ; сердце мое говорило, что вы опасный для женщинъ человѣкъ.

— Согласенъ, почтеннѣйшая, что опасный человѣкъ, но все-таки скажите, понимаете ли вы результатъ моихъ отношеній съ Барбъ Мамиловой?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичь, наше дѣло темное и понимать ничего нехочу.

— Ну такъ я вамъ разтолкую. Она любитъ меня; вы это видите.

— И напрасно любитъ, перебила Татьяна Ивановна.

— Ну ужъ это ея дѣло, а вы слушайте,—возразилъ Хозаровъ. Она любитъ и богата; слѣдовательно, любя меня, будетъ давать и денегъ.

— Сомнѣваюсь, Сергѣй Петровичь, очень сомнѣваюсь,—сказала Татьяна Ивановна. Если бы вы были холостой человѣкъ, —

Digitized by Google

другое дѣло; а теперь ужъ женатой. Женщины къ женатымъ очень недовѣрчивы; это я знаю по себѣ.

— Нѣтъ, почтеннѣйшая, умный человѣкъ и женатой умѣетъ поддержать себя. Умный человѣкъ не отступится отъ своихъ правъ. Онъ скажетъ: если любишь, такъ и дай денегъ, а не то мужу скажу, такъ не безпокойтесь, разплатится, — и разплатится богатѣйшимъ манеромъ.

— Ой, Сергѣй Петровичь, страшное да и не дворянское вы затѣваете дѣло!

— Я этого не затѣваю; но говорю только одинъ примѣръ, чтобы успокоить васъ. Скажите мнѣ только, успокоились ли вы?

— Нѣтъ, Сергѣй Петровичь, все еще сомнѣваюсь. Хоть бы срокъ назначили, отецъ мой! Право большая нужда.

— Извольте! въ запискѣ, кажется, назначено свиданіе семнадцатаго Февраля,—въ тотъ же самый день, но только вечеромъ, вы можете пожаловать ко мнѣ, и я съ вами разочтусь самымъ благороднѣйшимъ образомъ. Adieu, почтеннѣйшая! но только уговоръ лучше денегъ, чтобы къ тещѣ и къ женѣ за деньгами ни шагу.

— Не пойду, Сергѣй Петровичь, ей Богу не пойду! Хоть и трудно не много, но что же дѣлать, перебьюсь!

Хозаровъ ушелъ.

Въ прескверное зимнее утро семнадцаго Февраля, на Тверскомъ бульварѣ сошлись мущина въ бекешкѣ и дама въ салопѣ и шляпкѣ;—это были Сергѣй Петровичь Хозаровъ и Варвара Александровна Мамилова. Оба они, пройдя нѣсколько шаговъ, остановились.

— Сама природа противъ меня,—сказалъ Хозаровъ, протирая глаза, залепленные снѣгомъ. Мнѣ очень совѣстно, что я въ такую погоду обезпокоилъ васъ.

— Ничего,—отвѣчала Мамилова, дѣлая доброе дѣло, не надобно раскаяваться: взойдемте въ кандитерскую,—прибавила она, и вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ вошла въ извѣстную, конечно, каждому читателю, бесѣдку на серединѣ бульвара. Усѣлись они въ отдаленную комнату. Мамилова тотчасъ же спросила себѣ огня, и закурила папиросъ, предложила таковой

Digitized by Google

же своему спутнику. Въ послѣднее время Варвара Александровна сдѣлала еще шагъ въ прогрессѣ эмансипаціи; она стала курить. На первыхъ порахъ этотъ подвигъ былъ весьма труденъ для молодой дамы; у ней, обыкновенно, съ половины выкуреннаго папироса начинала кружиться голова до обморока; но чего не сдѣлаетъ женщина, стремящаяся встать въ уровень съ вѣкомъ? Мамплова пріучила свои нервы, и въ настоящее время могла уже выкуривать по три папироса вдругъ.

— Итакъ, Сергѣй Петровичь,—начала она, закуривши папиросъ: вы писали мнѣ, что у васъ на сердцѣ много горя, и что это горе вы хотѣли бы раздѣлить со мною. Я благодарю васъ за вашу довѣренность, и приготовилась слушать. Мое правило: пусть съ горемъ идутъ ко мнѣ всѣ люди; я готова съ ними плакать, готова ихъ утѣшать; но въ радости человѣка мнѣ ненадо, да и я ему буду не нужна, потому что не найду ничего съ нимъ говорить.

— Не ужели же вы не пожелаете раздѣлить даже счастіе друзей вашихъ?

— Да, счастіе друзей, это другое дѣло; но и то — нѣтъ; развѣ я не радовалась вашей радости, не хотѣла жить вашимъ счастіемъ? Но какъ это поняли? Ваша теща мнѣ въ глаза сказала, что посѣщенія мои непріятны ея дочери и не приличны для меня. Я оставила вашъ домъ, я не хотѣла влить капли горя и непріятности въ чашу вашихъ радостей, и съ этой минуты поклялась бѣгать счастливыхъ людей. Я, конечно бы, даже никогда не увидѣлась съ вами; но вы писали мнѣ, что вы несчастливы,—и этого довольно, чтобы я пренебрегла всѣмъ и рѣшилась съ вами видѣться,—и даже нѣсколько романически: на бульварѣ и въ бесѣдкѣ. Ну-съ! разсказывайте мнѣ ваше горе, я слушаю.

— Горе мое,—началъ Хозаровъ, нѣсколько театральнымъ голосомъ, и бросивши на полъ не докуренную папироску,—горе мое,—продолжалъ онъ, выше, кажется, человѣческихъ словъ. Во-первыхъ, теща моя демонъ скупости и жадности; можно сравнить съ аспидомъ, которая стережетъ сундукъ,

Digitized by Google

наполненный деньгами и уязвляетъ всѣхъ, кто только осмѣлится приблизиться къ ея сокровищу.

— Во-первыхъ, Сергѣй Петровичь,—возразила Мамилова; это еще не большое горе, потому что теща для зятя, какъ я полагаю, лице совершенно постороннее, тѣмъ болѣе, что она съ вами уже не живетъ.

— Это ваша правда, — она съ нами не живетъ,—отвѣчалъ Хозаровъ. Я настоялъ наконецъ, чтобы она изволила существовать отдѣльно отъ насъ, и даже не бывала бы въ моемъ домѣ, но какая отъ этого польза? Я не вижу только ея прекрасной особы; но ея идеи, ея мысли живутъ въ моемъ домѣ, потому что онѣ вбиты въ голову дочери, которая къ несчастію сама собою не можетъ сообразить, что дважды два—четыре.

— Богъ съ вами, Сергѣй Петровичь! что вы такое говорите, —возразила Варвара Александровна, не ужели Мари такъ....

— Такъ проста, хотите вы сказать? даже болѣе, чѣмъ проста. Она—глупа, Варвара Александровна, — глупа, какъ вотъ это дерево!—проговорилъ грустнымъ голосомъ Хозаровъ, и постучалъ по столу рукой.

Мамилова нѣкоторое время ничего не отвѣчала.

— Изъ чего вы заключили,—начала она нѣсколько даже строгимъ голосомъ, что жена ваша глупа? Что васъ такъ разочаровало въ женщинѣ, которую вы нѣкогда боготворили, которую вы сами избрали въ подруги вашихъ дней, и можно, сказать, насильно вырвали ее изъ семейства, гдѣ она была счастлива и безпечна?

— Я этого вопроса съ вашей стороны ожидалъ, Варвара Александровна;—имѣя такой возвышенный взглядъ на бракъ, вы не могли меня не спросить объ этомъ; но когда я вамъ объясню подробно, то вы согласитесь со мною и оправдаете меня.—Знаете ли, въ чемъ мы проводимъ все время? Мы или въ дурацкія ладошки играемъ, или бѣгаемъ по комнатѣ, или наконецъ съ котятами возимся,—и больше ничего! Ни одной, знаете, серьезной бесѣды, ни какимъ искусствомъ не занимается,—даже на фортепьянахъ не умѣетъ съиграть польку. Если бы вы знали, какъ читаетъ она романы, вмѣсто того,

Digitized by Google

чтобы въ романѣ слѣдить за произшествіями, — возьметъ да конецъ и посмотритъ. «Я уже все знаю»,—говоритъ, да и броситъ книгу; но я не говорю про русскіе романы; они не могутъ образовать человѣка, но она также читаетъ Дюма и Сю, и всѣхъ великихъ писателей. Вмѣсто того, чтобы образовать себя чтеніемъ, даже заучивать нѣкоторыя хорошія фразы—ничего не бывало! посмотритъ конецъ и кончено дѣло.

— Изъ всего, что вы мнѣ, Сергѣй Петровичъ, говорили, —начала Варвара Александровна, закуривъ другой папиросъ, я еще не могу васъ оправдать; напротивъ: я васъ обвиняю. Ваша Мари молода, не развита,—это правда; но образуйте сами ее; сами разверните ея способности. Ахъ, Сергѣй Петровичъ! женщинъ, которыя бы мыслили и глубоко чувствовали, очень не много на свѣтѣ, и онѣ, я вамъ скажу, самыя несчастныя существа, потому что мужья не понимаютъ ихъ, и потому все, что вы ни говорили мнѣ, однѣ только слова, слова, слова....

— Прекрасно-съ,—перебилъ Хозаровъ. Я отказываюсь отъ этихъ словъ; но я имѣю другія несчастія. Вы говорите: образовать? Какъ я могу ее образовать, когда она на все смотритъ глазами матери, понимаетъ все провинціальнымъ умомъ этой старухи. Скажу вамъ одинъ примѣръ: У Мари свое состояніе, конечно не большое—всего сто душъ и тысячь десять денегъ; но велико ли, мало ли это состояніе, все-таки оно ея, предоставленное ей по всѣмъ законнымъ правамъ, и потому должно находиться въ общемъ нашемъ распоряженіи, такъ какъ мужъ и жена—это два нераздѣльныя существа. Весьма естественно, что я, желая жить самостоятельнымъ семьяниномъ, требовалъ, чтобы Мари взяла отъ матери принадлежащее ей имѣніе, потому что желалъ бы и въ усадьбѣ сдѣлать нѣкоторыя улучшенія и прикупить бы къ ней что нибудь, соображаясь съ мѣстностію; не тутъ то было; — съ первыхъ моихъ словъ начались слезы, истерика, послѣ которыхъ мы не смѣемъ и заикнуться объ этомъ сказать маминькѣ, которой, конечно, весьма пріятно имѣть въ своихъ рукахъ подобный лакомый кусокъ.

— Знаете ли, Сергѣй Петровичъ, что бы я сдѣлала на мѣстѣ вашей жены,—перебила Варвара Александровна?—я бы взяла, даже потребовала бы своего состоянія отъ матери, и отдала

Digitized by Google

бы его вамъ; но уважать бы васъ не стала, и даже, можетъ быть, разлюбила бы, Сергѣй Петровичь!

— Вы не такъ поняли мои слова, Варвара Александровна, —возразилъ Хозаровъ, вы, можетъ быть, тутъ видите....

— Я тутъ вижу разчетъ, корыстолюбіе; я тутъ вижу то, чего никогда не предполагала видѣть въ васъ, и, простите меня, я начинаю въ васъ разочаровываться.

— Послушайте, Варвара Александровна!—глядя на этотъ предметъ поверхностно, вы, конечно, въ правѣ вывести такого рода невыгодное для меня заключеніе; но нужно знать секретныя причины, которыхъ, можетъ быть, человѣкъ, скованный свѣтскими приличіями, и не говоритъ и скрываетъ ихъ въ глубинѣ сердца. Вы, Варвара Александровна, богаты, вы, можетъ быть, съ перваго дня вашего существованія были окружены довольствомъ, комфортомъ, и потому не можете судить о моемъ положеніи.

— Развѣ вы бѣдны?

— А если бы и такъ.

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ прямо, бѣдны вы или нѣтъ?

— Я не бѣденъ, я имѣлъ большія средства, но....

— Но вы промотались, не такъ ли?

— Да, можетъ быть это и такъ, но я хотѣлъ, Варвара Александровна, въ семейной жизни успокоить себя, хотѣлъ сдѣлаться порядочнымъ человѣкомъ, потому что все это мнѣ наскучило. Я женился на существѣ, которое любилъ, но въ то же время имѣлъ въ виду и существенное; но какъ же меня поняли, какъ меня третировали? — окрестили мотомъ и съ перваго же раза начали опасаться. Я очень любилъ Мари и конечно обожалъ бы ее всю жизнь, если бы она поняла меня, но что же прикажете дѣлать, она лучше понимаетъ свою мать, и также видитъ во мнѣ мота. Вотъ корень всѣхъ непріятностей между нами, которые зашли уже очень далеко! Вы только вспомните, какъ эти люди поняли васъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣлились требовать отъ меня, чтобы я манкировалъ вашею дружбою, которая для меня можетъ быть дороже всего на свѣтѣ; конечно,

Digitized by Google

я ихъ не послушалъ, однако все-таки въ умахъ ихъ было это нелѣпое намѣреніе. Я все это перенесъ, но вы спросите меня, какъ было мнѣ это тяжело. Вы, конечно имѣете полное право думать, что я съ умысломъ избѣгалъ встрѣчи съ вами, потому что занялъ у васъ три тысячи рублей, и до сихъ поръ не въ состояніи еще съ вами разплатиться.

— Грустно мнѣ отъ васъ, Сергѣй Петровичь, это слышать—очень грустно—сказала Мамилова.

— Нѣтъ, позвольте, это еще не все,—возразилъ Хозаровъ; теперь жена моя цѣлые дни проводитъ у матери своей подъ тѣмъ предлогомъ, что та больна; но знаете ли, что она дѣлаетъ въ эти ужасныя для семейства минуты? Она цѣлые дни любезничаетъ съ однимъ изъ этихъ трехъ г-дъ офицеровъ, которые всегда къ вамъ ѣздятъ неразлучно втроемъ, какъ три граціи. Сами согласитесь, что это глупо и не прилично!

— Послушайте, сказала Варвара Александровна,—если вы въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливы, то я васъ не оставлю, я буду помогать вамъ словомъ, дѣломъ, средствами моими; но только, Бога ради, старайтесь все это исправить,—и вотъ на первой разъ вамъ мой совѣтъ: старайтесь и старайтесь всѣми силами доказать Мари, какъ много вы ее любите и какъ много въ васъ страсти. Повѣрьте, ничто такъ не заставитъ женщину любить, какъ сама же любовь,—потому что мы великодушны и признательны!

— Женщинѣ трудно доказать любовь,—возразилъ Хозаровъ; онѣ часто самой сильной страсти не понимаютъ.

— Никогда,—готова спорить съ цѣлымъ міромъ, что женщина видитъ и чувствуетъ истинную любовь мужчины въ самомъ еще ея зародышѣ. Но чтобы она не поняла сильной страсти,—никогда!

— Я испытываю это, Варвара Александровна на себѣ.

— Чтожъ вы думали, что ваша Мари не сознаетъ и не понимаетъ вашей любви, если вы только истинно ее любите?

— Я говорю не про жену,—вы не хотите меня понять.

— Не про жену?—вы говорите это, не про Мари, — въ такомъ случаѣ я дѣйствительно васъ не понимаю.

Digitized by Google

— Въ томъ-то и дѣло, Варвара Александровна, что женщины не понимаютъ сильной страсти.

Варвара Александровна нѣсколько минутъ смотрѣла на Хозарова съ удивленіемъ.

— Я васъ сегодня совсѣмъ не понимаю,—проговорила она.

Хозаровъ пожалъ плечами.

— Вы или больны или очень разстроены, и потому прощайте! — продолжала она, вставая.

— Одно слово!—произнесъ Хозаровъ: позвольте мнѣ сегодня вечеромъ быть у васъ.

— За чѣмъ,—спросила Мамилова, устремивъ на собесѣдника вопрошающій взоръ.

— Именемъ нашей дружбы заклинаю васъ—позвольте мнѣ.

— Хорошо: но только съ условіемъ, придти въ себя и не говорить того, что всѣмъ стыдно, а для меня обидно слушать. Проговоривъ это, она подала Хозарову руку, которую тотъ съ жаромъ поцѣловалъ, но которую Варвара Александровна вырвала стремительно и проворно вышла изъ кондитерской.

Оставшись одинъ, Хозаровъ цѣлой почти часъ ходилъ, задумавшись, по комнатѣ; потомъ прилегъ на диванъ, снова всталъ, выкурилъ трубку и выпилъ водки. Видно, ему было очень скучно: онъ взялъ было журналъ, но не долго читалъ. Какъ глупо нынче пишутъ, какихъ-то все уродовъ выводятъ на сцену! произнесъ онъ, какъ бы самъ съ собою, оттолкнулъ книгу и потомъ рѣшился заговорить съ половымъ; но сей послѣдній, видно, былъ человѣкъ неразговорчивый; вмѣсто отвѣта онъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ и ушелъ. Хозаровъ рѣшительно не зналъ, какъ убить время.

— Эй, ты, болванъ! дай мнѣ листъ почтовой бумаги, перо и чернильницу,—вскричалъ онъ молчаливому половому; тотъ подалъ, и герой мой принялся писать письмо къ тому пріятелю, къ которому онъ писалъ въ первой главѣ моего романа

Незамѣнимый для меня другъ мой, Миша!

Оба тянемъ мы, дружище, съ тобою одну лямку; то есть оба женаты, и потому оба очень хорошо понимаемъ, что вся

Digitized by Google

эта аркадская любовь ни что иное, какъ мыльные пузыри, когда нѣтъ существеннаго, то есть, денегъ! Другой бы на моемъ мѣстѣ упалъ духомъ, но ты знаешь меня; я не люблю хандрить и ходить, повѣся носъ, но умѣю всегда пріискать какое нибудь развлеченіе, которымъ нынче и служитъ для меня милашка—Мамилова. Она была въ меня еще въ холостаго влюблена и влюблена до такого съумасшествія, что ни съ того, ни съ сего подарила мнѣ три тысячи рублей; но тогда я былъ занятъ моей глупой женитьбой, и потому между нами прошло такъ, серьёзнаго почти ничего не было; а только, знаешь, сентиментальничали въ разговорахъ; но теперь другое дѣло: я постарѣлъ и поумнѣлъ; а главное—мнѣ нужно развлеченье и деньги. Сегодня было у насъ первое тайное свиданіе, послѣ котораго я тебѣ и пишу. Дѣло идетъ на ладъ: я сдѣлалъ намекъ, послѣ котораго, конечно сконфузились, даже разсердились не много, и тому подобное. Однако я долженъ тебѣ сказать, mon cher, что женщины какое-то не уловимое существо. Это я ясно вижу на Barbe Мамиловой. Вообрази себѣ: любитъ меня и любитъ до безумія, но скрываетъ и говоритъ, чортъ знаетъ, какія отвлеченности, надъ которыми, конечно, я скоро возторжествую, но при всемъ томъ досадно и скучно. Сегодня вечеромъ я опять пойду къ ней и сдѣлаю рѣшительный приступъ, о послѣдствіяхъ котораго тебя извѣщу весьма подробно.

Хозаровъ.

Для сочиненія и написанія этого письма героемъ моимъ было употреблено полтора часа; потомъ онъ спросилъ себѣ легонькій обѣдъ, бутылку портера и бутылку мадеры, и все сіе употребилъ въ достаточномъ количествѣ. Нетерпѣливость ожиданія грядущаго свиданія съ Варварой Александровной возрасла въ немъ до нельзя, и потому онъ, не ожидая законнаго вечерняго часа, то есть семи часовъ, отправился въ четыре. Вѣроятно, герой мой былъ въ сильно-возбужденномъ состояніи: пріѣхавши къ Варварѣ Александровнѣ, онъ даже не велѣлъ доложить о себѣ человѣку, но прошелъ прямо въ кабинетъ хозяйки, которая встрѣтила на этотъ разъ гостя не

Digitized by Google

съ обычнымъ радушіемъ, но при появленіи его сконфузилась, и, чтобы скрыть внутреннее состояніе духа, тотчасъ же закурила папиросъ.

— Первое мое слово будетъ просить у васъ извиненія, что я пріѣхалъ не въ урочной часъ. Что жъ мнѣ дѣлать? я не могу уже болѣе владѣть собою.

— Я васъ рада видѣть всегда, Сергѣй Петровичь,—отвѣчала хозяйка.

— Послушайте, Варвара Александровна; вы не милосерды ко мнѣ; но какъ бы не было, какъ бы вы меня не поняли, я рѣшился открыть вамъ тайну, которую я до сихъ поръ скрывалъ даже отъ самого себя.

Мамилова взглянула на гостя съ удивленіемъ.

— Вы все-таки еще не пришли сами въ себя,—сказала она, не спуская съ него глазъ,—и все-таки продолжаете говорить смѣшныя нелѣпости.

Хозаровъ былъ на этотъ разъ очень дерзокъ и продолжалъ: Всякія чувства можно скрывать нѣкоторое время, но потомъ они должны обнаружиться. Я не люблю моей жены, вы это слышали, и не люблю ее болѣе, потому что боготворю и увлеченъ другою; однимъ словомъ: я люблю васъ, и въ вашихъ рукахъ моя жизнь и смерть.

Послѣднія слова герой мой произнесъ, уже стоя передъ Варварой Александровной на колѣнахъ. Мамилова нѣсколько минутъ ничего не отвѣчала, и не отнимала своей руки, которую Хозаровъ взялъ и цѣловалъ.

— Больно, досадно и грустно мнѣ все это слышать и видѣть, Сергѣй Петровичь, сказала она. Не стойте передо мною на колѣнахъ. Ей Богу, это очень водевильно и смѣшно. Я васъ спрошу только одно: зачѣмъ вы все это говорите и дѣлаете?

— За тѣмъ, что я боготворю васъ,—возразилъ Хозаровъ, начиная приподниматься съ колѣнопреклоненнаго положенія.

— А я васъ не люблю, Сергѣй Петровичь!—прежде я чувствовала къ вамъ дружбу, искреннюю дружбу, но теперь я васъ презираю, и презираю потому, что вы похожи на другихъ.

Digitized by Google

Хозаровъ всталъ и ни слова не говоря, началъ ходить по комнатѣ.—Изъ всего этого я вижу, сказалъ онъ, что вы не понимаете, и не хотите понять того, что совершается въ душѣ моей.

— Я боялась это и думать, Сергѣй Петровичъ, и боялась потому, что все-таки васъ уважала. Но если въ самомъ дѣлѣ, въ васъ закралась эта несчастная страсть, то зачѣмъ вы мнѣ говорите объ этомъ, какую вы думаете имѣть для этого цѣль? Вы думали успѣть, вы думали сдѣлать меня вашею любовницею, не такъ ли? О Боже мой, какъ мнѣ горько слышать такое обидное для меня ваше мнѣніе! но не смотря на это, я рѣшаюсь объяснить вамъ, что вы ошиблись и жестоко ошиблись во мнѣ. Я люблю не васъ, а другаго, котораго вы не знаете, и не можете знать, потому что онъ давно умеръ. Кромѣ того я вамъ скажу словами Татьяны: *я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна*; и къ вамъ, Сергѣй Петровичъ, могу питать одно только сожалѣніе.

На эти слова герой мой ничего не отвѣчалъ, но снова всталъ предъ хозяйкою на колѣни, первоначально расцѣловалъ ея руки, и потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, обхватилъ ее за талію, и обхватилъ весьма дерзко и совершенно неприлично. Варвара Александровна вся вспыхнула и хотѣла было вырваться, но Хозаровъ держалъ крѣпко; гнѣвъ овладѣлъ молодою женщиною; съ несвойственною ей силою, она вырвала свою руку, и ударила дерзскаго безумца по щекѣ. Хозаровъ вскочилъ, Мамилова тоже, и выбѣжала изъ комнаты. Нѣсколько минутъ Сергѣй Петровичъ простоялъ, какъ полоумный, потомъ, взявши шляпу, вышелъ изъ кабинета, прошелъ залу, лакейскую и очутился на крыльцѣ, а въ слѣдъ за тѣмъ, сѣвши на извощика, велѣлъ себя везти домой, куда онъ возвратился, какъ и надо было ожидать, сильно взбѣшенный; разругалъ отворявшую ему двери горничную, опрокинулъ стоявшій немного не на мѣстѣ стулъ и, вошедши въ свой кабинетъ, первоначально легъ внизъ лицемъ на диванъ, и потомъ всталъ, и принялся писать записку къ Варварѣ Александровнѣ, которая начиналась слѣдующимъ образомъ: «Я не позволю вамъ смѣяться надъ собою, у меня есть документъ, — ваша

Digitized by Google

записка, которою вы назначаете мнѣ на бульварѣ свиданіе, и которую я сейчасъ же отправлю къ вашему мужу, если вы....» Здѣсь онъ остановился, потому что въ комнатѣ появилась, другой его другъ, Татьяна Ивановна.

— Вотъ я и пришла, Сергѣй Петровичъ, сказала дѣвица Замшева.

Герой мой, и безъ того уже разстроенный, при видѣ друга кредиторши, затрясся отъ досады.

— А вамъ что еще надобно отъ меня,—вскрикнулъ онъ не совсѣмъ ласковымъ голосомъ, такъ что Татьяна Ивановна попятилась нѣсколько назадъ.

— Да все объ деньгахъ-то.—Вы сами говорили мнѣ побывать семнадцатое число.

— Какія у меня деньги для васъ? что такое за деньги?

— Какъ какія деньги? мои деньги,—которыя вы зажили у меня.

— Что у васъ зажито, то давно отдано,—и потому извольте, почтеннѣйшая, убираться; я занятъ,—мнѣ некогда.

— Какъ отданы? когда вы это отдали! что вы это такое говорите? Не стыдно ли вамъ выдумывать этакія нелѣпости? Я думаю, вся Москва знаетъ, какъ я васъ содержала. Что вы это говорите?

— Я говорю, что извольте убираться, почтеннѣйшая; вонъ! вотъ что я говорю.

— Нѣтъ, извините, я не пойду—я пришла за своимъ, а не за вашимъ; у меня есть росписка.

— Убирайтесь къ черту съ вашей роспиской! Этакихъ животныхъ я по шеѣ имѣю привычку гонять, и съ вами также разпоряжусь.

— Видали ли? Со мной такъ разпорядиться?—сказала Татьяна Ивановна, тоже вышедшая изъ себя, и показывая Хозарову два кукиша.—Подайте деньги мои, а не то въ тюрьму посажу. Провалиться мнѣ сквозь землю, если я тещѣ не разскажу всѣ ваши подлыя намѣренія, да и Варварѣ Александровнѣ объясню, безстыдникъ этакой, пусть знаютъ, какія вы для всѣхъ козни-то приготовляете.

Digitized by Google

— Я говорю тебѣ: убирайся вонъ, пряничная форма! —вскрикнулъ Сергѣй Петровичъ, вскакивая съ своего мѣста.

Почтеннѣйшая Татьяна Ивановна, видно, очень не любила, чтобы называли ее пряничной формой. Лице ея побледнѣло, руки, ноги задрожали и губы посинѣли.

— Врешь, обольститель, я не пойду! не смѣешь тронуть, извини: сама плеваться умѣю! закричала она звонкимъ и рѣзкимъ голосомъ; но Хозаровъ, схвативши ее за плеча, началъ толкать изъ комнаты.

Дѣвица Замшева, съ своей стороны, защищалась храбро, на получаемые толчки она отвѣчала, на сколько достало у ней силъ, тоже толчками. Но такъ какъ мужчины, дѣйствуя физическою силою, всегда берутъ верхъ надъ слабыми женщинами, то и почтеннѣйшая хозяйка, не смотря на сильный отпоръ, была вытолкана неблагодарнымъ постояльцемъ до самыхъ дверей на крыльцо, которыя передъ самымъ ея носомъ были быстро захлопнуты. Сверхъ того она еще получила такой толчекъ, что не въ состояніи была устоять на ногахъ, и, кувыркомъ, скатилась съ лѣстницы.

При этомъ паденіи благородная дѣвица, вѣроятно, сильно зашибла ногу, потому, что, когда она встала и, залившись горькими слезами, отправилась домой, то весьма замѣтно прихрамывала на правую ногу.

X.

Въ настоящей главѣ я долженъ вернуться нѣсколько назадъ. Послѣ того случая, какъ Мари просила у Катерины Архиповны для мужа денегъ, между зятемъ и тещею окончательно нарушилось всякое родственное расположеніе: Хозаровъ до нельзя взбѣсился на свою belle-mère, и поклялся, во что бы ни стало, выжить ее изъ дома, зная напередъ, что ни чѣмъ такъ не можетъ досадить страстной матери. Для этой цѣли онъ первоначально пересталъ съ Катериной Архиповной кланяться,

Digitized by Google

говорить и даже глядѣть на нее, но это не помогало; старуха жила по прежнему, и сама, съ своей стороны, не обращала на зятя ни какого вниманія. Хозаровъ рѣшился дѣлать и говорить все на зло ей: проговаривала ли она, что въ комнатѣ холодно, онъ нарочно отпиралъ форточку; если же она говорила, что слишкомъ тепло,—въ ту же минуту отворялись всѣ душники, но Катерина Архиповна оставалась хладнокровна, и всѣ эти продѣлки Сергѣя Петровича, направленныя на личную особу тещи, не принесли желаемаго успѣха. Герой мой рѣшился мучить старуху тѣмъ, что сталъ при ней, на правахъ мужа, бранить Мари, которая была такъ еще молода, что даже не умѣла, съ своей стороны, хорошенько отбранваться, и только начинала обыкновенно плакать. Этого Катерина Архиповна уже не въ состояніи была переносить равнодушно; она обыкновенно заступалась за дочь, и пропекала зятя, какъ говорится, на обѣ корки, но въ этомъ случаѣ Хозаровъ уже не обращалъ вниманія, и только смѣялся, отъ чего еще болѣе плакала Мари, и выходила изъ себя Катерина Архиповна.

Всѣ такого рода сцены для Мари оканчивались слезами, но для Катерины Архиповны это была пытка. Она доходила до полнаго ожесточенія: она готова была разорваться на куски, и принуждена была ограничиться только бранью, надъ которой онъ только смѣялся.

Далѣе за тѣмъ, въ одно прекрасное утро, герой мой затѣялъ еще новую штуку: онъ объявилъ женѣ, что нанялъ для себя особую квартиру, на которой намѣренъ жить, и будетъ приходить къ Мари только тогда, когда Катерина Архиповна спитъ, или дома ея нѣтъ, на томъ основаніи, что будто бы онъ не можетъ уже болѣе равнодушно видѣть тещу, и что у него отъ одного ея виду разливается желчь.

Маша, какъ водится, расплакалась и потомъ пересказала все матери. Старуха сначала смѣялась надъ новой продѣлкой зятя, но дочь плакала, и материнское сердце снова не вытерпѣло: она рѣшилась объясниться съ Сергѣемъ Петровичемъ, но сей послѣдній на всѣ ея вопросы не удостоилъ даже и отвѣтить, но продолжалъ сбирать свои вещи; Катерина

Digitized by Google

Архиповна, разумѣется, не могла не осердиться на подобнаго рода глупость, и, наговоривъ зятю дерзостей, ушла къ себѣ въ комнату, а черезъ полчаса, призвавши къ себѣ дочь, объявила ей, что она сама хочетъ переѣхать на другую квартиру, потому что не хочетъ ихъ стѣснять. Мари первоначально испугалась этого рѣшенія матери, и начала ее упрашивать не переѣзжать отъ нихъ; но Катерина Архиповна разтолковала дочери, что если ея мерзавецъ-муженёкъ въ самомъ дѣлѣ переѣдетъ на другую квартиру, то это будетъ весьма не прилично, и уже ни на что не будетъ походить. Маша успокоилась. Сергѣй Петровичъ, очень довольный успѣхомъ своей продѣлки, то же успокоился, и снова разложилъ свои вещи.

На другой день старуха переѣхала, но видно эта разлука съ идоломъ была слишкомъ тяжела для Катерины Архиповны, и, видно, страстная мать справедливо говорила, что съ ней Богъ знаетъ, что будетъ, если ошибется въ выборѣ зятя, потому что тотчасъ же, по переѣздѣ на новую квартиру, она заболѣла, и заболѣла, Богъ знаетъ, какою-то сложною болѣзнію: сначала у нея разлилась желчь, потомъ вся она разпухла, и наконецъ отнялись совершенно ноги. Мари цѣлые дни начала проводить у матери, которая, съ своей стороны, старалась предостеречь дочь отъ вліянія мужа, безпрестанно толковала ей, какой тотъ мотъ, какой онъ пустой и безчувственный человѣкъ, и какъ онъ мало любитъ ее. Маша съ каждымъ днемъ начала болѣе и болѣе соглашаться съ матерью,—тѣмъ болѣе, что Сергѣй Петровичъ дѣйствительно день ото дня становился къ ней холоднѣе: кромѣ того, что часто уходилъ на цѣлые дни изъ дома, но даже когда бывалъ дома, то или молчалъ, или спалъ, и ни когда уже съ ней не игралъ ни въ ладошки, ни въ рыжаго кота, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно настаивалъ, чтобы она требовала отъ матери имѣнья.

Послѣднее время Мари уже цѣлые дни проводила у матери; ей было даже очень не скучно, потому что къ старухѣ началъ ходить одинъ изъ числа трехъ офицеровъ—подпоручикъ Пирневскій! Онъ былъ очень милый и веселый молодой

Digitized by Google

человѣкъ, и владѣлъ двумя прекрасными способностями; а именно: прекрасно разсказывалъ страшныя сказки объ различныхъ царевичахъ и разбойникахъ, и безподобно пѣлъ тенороиъ подъ гитару многіе новые романсы. Мари онъ очень занималъ. День ото дня молодые люди, сами не замѣчая того, начали сближаться: подпоручикъ началъ уже называть Мари cousine, а она его cousin. Кромѣ того между ними проявилось еще новое занятіе: они начали для практики танцовать, вновь появившійся тогда, танецъ *редову*. Катерина Архиповна, смотрѣвшая сначала сквозь пальцы на сближеніе молодыхъ людей, начала супиться и сдѣлалась къ офицеру очень суха; но Мари не обращала вниманія и продолжала звать офицера ходить къ нимъ каждый день. Однажды, это было именно на другой день послѣ свиданія Хозарова съ Мамиловой, Мари оставила своего новаго cousin обѣдать у мамаши.

Пирневскій въ этотъ разъ ее очень занималъ, и когда она его начала просить разсказать ей какую-нибудь еще страшную сказку, то онъ объявилъ, что простыя сказки онъ всѣ пересказалъ, но что сего дня прочтетъ ей наизустъ прекрасную сказку Лермонтова про Демона.

Послѣ обѣда молодые люди, одинъ для чтенія, а другая для слушанія, усѣлись рядомъ на диванѣ. Пирневскій началъ читать,—и дѣйствительно всю поэму зналъ весьма твердо на память, и кромѣ того произносилъ ее съ большимъ чувствомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ Демонъ говоритъ:

«Я тотъ, которому внимала
«Ты въ получной тишинѣ;
«Чью мысль ты смутно отгадала,
«Чей образъ видѣла во снѣ.»

На этомъ мѣстѣ Мари его остановила: «Перестаньте: страшно», сказала она.

— Ничего-съ,— отвѣчалъ офицеръ, дальше будетъ еще страшнѣй.

— Ну такъ не читайте,—страшно, а лучше разскажите мнѣ, что же будетъ дальше,—она его полюбитъ?

— Непремѣнно-съ полюбитъ.

Digitized by Google

— Да, вѣдь, какъ же? Онъ, я думаю, страшный!

— Отъ чего же страшный? Можетъ быть и не страшный, отвѣчалъ Пирпневскій.

— Ай, нѣтъ, онъ долженъ быть гадкой. Я бы его ни за что не полюбила.

— А кого же вы бы полюбили?—спросилъ молодой офицеръ.

— Конечно можно полюбить только хорошенькаго... Спойте что-нибудь!

— Я гитары не взялъ.

— Ничего, спойте безъ гитары.

— Но я могу маменьку обезпокоить, онѣ, кажется, почиваютъ.

— Ничего; она не услышитъ—спойте.

Офицеръ повиновался и довольно звучнымъ, чистымъ теноромъ запѣлъ: *ты душа ль моя, красна дѣвица*. Взоры молодаго человѣка ясно говорили, что онъ подъ именемъ красной дѣвицы разумѣетъ Мари, которая, кажется, съ своей стороны все это очень хорошо поняла, и потупилась. За тѣмъ молодые люди разсѣлись по дальнимъ угламъ, и нѣсколько времени ни слова не говорили между собою.

— О чемъ вы задумались?—спросила наконецъ Мари.

Офицеръ не отвѣчалъ.

— Вамъ, можетъ, скучно,—заговорила снова она, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Я думаю, Марья Антоновна, о томъ, что намъ скоро должно выступить изъ Москвы.

— Куда вамъ выступить?

— Въ Калугу... отвѣчалъ офицеръ.

— Да вы не ѣздите.

— Нельзя-съ, служба.

— Вотъ какіе вы! зачѣмъ же вы уѣдете?

— Вамъ развѣ жаль насъ, Марья Антоновна?

— Еще бы,—отвѣчала молодая женщина, вспыхнувъ, и офицеръ то же вспыхнулъ, и затѣмъ воцарилось молчаніе. Пирпневскій принялся разсматривать лежавшую на окошкѣ *Библіотеку для Чтенія*, а Мари сидѣла задумавшись.

Digitized by Google

— Что вы смотрите?—сказала она, подойдя къ офицеру,— найдите мнѣ, какое вамъ слово больше нравится?

Подпоручикъ началъ перелистывать журналъ, и наконецъ въ отдѣлѣ Словесности, видно, отъискалъ желаемое слово, и показалъ его Мари, которая, посмотрѣвъ, очень сконфузилась, но впрочемъ взяла у офицера книгу, и сама показала ему на какое-то слово, и, отошедши отъ него, снова сѣла на прежнее мѣсто. Показанныя молодыми людьми другъ другу слова были весьма значительныя. Офицеръ показалъ на слова: «*я васъ люблю*», а Мари на слово: «*любите*». За симъ послѣдовала какая-то странная и необъяснимая сцена. Пириневскій всталъ, прошелся по комнатѣ, и потомъ, не извѣстно почему, очутился рядомъ съ Мари на диванѣ, протянулъ какъ-то странно руку, въ которой очень скоро очутилась рука Мари...

Но здѣсь я остановлюсь, и попрошу читателя, вмѣстѣ со мной, перейти въ квартиру Варвары Александровны. Послѣ непріятнаго объясненія, которое имѣла философка съ Хозаровымъ, она не спала всю ночь, и даже на другой день—печальная и грустная, сидѣла она въ своемъ кабинетѣ. Человѣкъ доложилъ, что пришла какая-то Замшева и желаетъ ее видѣть.

— Проси!—сказала Мамилова.

Явилась Татьяна Ивановна, то же грустная, взволнованная и нѣсколько прихрамывающая на правую ногу. Цѣлую ночь дѣвица Замшева придумывала, чѣмъ бы отомстить Хозарову, и наконецъ рѣшилась подать его роспиську ко взысканію, и насказать на него Мамиловой, отъ которой, она думала, онъ получаетъ деньги.

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ Варварой Александровной,—сказала, входя и присѣдая, Татьяна Ивановна.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчала Мамилова, закурпвая папироску.

— Честь имѣю рекомендоваться: я дѣвица Замшева, у которой Сергѣй Петровичь, бывши холостымъ, квартировалъ.

— А... что же вамъ угодно?—произнесла философка, взглянувши на Татьяну Ивановну довольно подозрительно.

Digitized by Google

— Онъ поручалъ мнѣ, Варвара Александровна, заложить ваши вещи, но теперь уже давно срокъ истекъ; ни капитала, ни процентовъ они не платятъ, такъ я пришла васъ предувѣдомить.

— Благодарю васъ, моя милая! въ какой суммѣ мои вещи заложены?

— Двѣ тысячи семь сотъ пятьдесятъ рублей съ процентами, взято было только на одинъ мѣсяцъ, а теперь вотъ сколько времени прошло безъ всякой уплаты!

— Благодарю васъ... я знаю: мы поправимъ какъ-нибудь это дѣло.

— Сергѣй Петровичь, вѣроятно, на васъ и надѣялись. Сами они, это ужъ извѣстно, ничего не имѣютъ, но говорятъ, что они отъ васъ тысячь десять въ годъ могутъ получить.

— Отъ меня получить десять тысячь.... это почему?..

— Да, вѣдь какъ? кто ихъ разберетъ; они говорятъ, что могутъ; еще говорятъ, если захочу, такъ и не это получу; какъ липку, говоритъ, обдеру, такъ и тутъ ни слова не скажетъ, потому что влюблена.

Философка поблѣднѣла.

— Онъ говорилъ вамъ, что я въ него влюблена? Онъ осмѣлился это сказать вамъ?

— Не мнѣ одной, Варвара Александровна,—онъ, я думаю, это цѣлой Москвѣ разблаговѣстилъ.

— Довольно... Бога ради, довольно! или нѣтъ, скажите!.. я должна выпить горькую чашу до дна... Сядьте и разскажите, что онъ вамъ еще говорилъ про меня?

— Варвара Александровна! я очень хорошо понимаю ваше положеніе и потому пришла къ вамъ,—сказала Татьяна Ивановна. Онъ говоритъ ужасныя вещи. Онъ говоритъ, что вы въ него влюблены, или прямѣе сказать: у васъ съ нимъ интрига, и потому онъ надѣется съ васъ получать деньги. Я сама, Варвара Александровна, имъ обманута, потому-то мнѣ горько. Сначала вѣдь, какъ бѣсъ какой-нибудь обольстилъ: ну, пришелъ нарядный, ласковый, вѣжливый, просто прелесть; ну, думала, человѣкъ съ совѣстью; отъ чего же не оказать до-

Digitized by Google

вѣрія. А вотъ, что вышло послѣ, во снѣ не снилось такой обиды; на цѣлый вѣкъ хотѣлъ уродомъ сдѣлать: какъ будто какую-нибудь развратную изувѣчилъ. И съ вами такимъ же образомъ хотѣлъ поступить. «Прибью, говоритъ, если денегъ не дастъ». Въ концѣ этого монолога, у хозяйки отъ полноты горестныхъ чувствованій на глазахъ появились слезы.

— Нѣтъ... довольно... заклинаю васъ, довольно!.. я не въ состояніи болѣе слушать вашихъ ужасныхъ словъ, — сказала, тоже очень разстроившись, Варвара Александровна. Нѣтъ — это выше моихъ силъ, — сказала она, вставая, — я должна сорвать съ него маску; я сама отравлю его семейное счастіе, которое устроила; я все разскажу женѣ, и предостерегу по крайней мѣрѣ на будущее время несчастную жертву общей нашей ошибки.

Варвара Александровна была, видно, сильно взволнована, и не помня себя, она даже докурила папироску до нельзя, и обожгла себѣ губы.

— Ничего... говорила она, какъ будто бы сама съ собою, люди жгутся больнѣе огня. Не огорчайтесь, моя милая, продолжала она, обращаясь къ Татьянѣ Ивановнѣ: мы обѣ обмануты.

— Ваше дѣло, Варвара Александровна, другое, — вы имѣете состояніе, а у меня только вѣдь собственные труды и больше ничего, — около тысячи рублей для меня не бездѣлица. Не можете ли, благодѣтельница моя, мнѣ хоть частичку уплатить. Васъ онъ можетъ посовѣститься и заплатить вамъ.

— Ни за него, ни для него я не имѣю денегъ, — отвѣчала Варвара Александровна; но если вы бѣдны, вотъ вамъ пятьдесятъ рублей, но только это отъ меня; его же вы можете и должны считать подлецомъ на всю жизнь.

Татьяна Ивановна весьма обрадовалась пятидесяти рублямъ; поцѣловала въ восторгѣ у Варвары Александровны руку, и потомъ, попросивши не оставлять ее и на дальнѣйшее время своимъ расположеніемъ, отправилась домой.

Варвара Александровна тотчасъ же рѣшилась ѣхать къ старухѣ Ступицыной, и вызвавъ Мари, обѣимъ имъ разсказать объ низкихъ поступкахъ Хозарова. Нетерпѣніе ея было чрезвычайно сильно: не дожидаясь своего экипажа, она отправилась на

Digitized by Google

извощикѣ, и даже безъ человѣка, а потомъ вошла безъ доклада. Странная и совершенно неожиданная для нравственной дамы сцена кинулась ей въ глаза. Мари сидѣла рядомъ съ офицеромъ, и, въ самую минуту входа Варвары Александровны, уста молодыхъ людей слились въ первый поцѣлуй преступной любви.

Пиринеvскій и Мари, при появленіи посторонняго лица, разскочились. Варвара Александровна едва имѣла силы совладѣть съ собой. Сконфузившись, растерявшись, и, не зная что начать дѣлать и говорить, спросила она, тоже совершенно потерявшуюся Мари, объ матери, потомъ сѣла, а за тѣмъ, услышавши, что Катерина Архиповна больна и теперь заснула, гостья встала и почти не простившись, отправилась домой.

Тамъ написала она слѣдующее письмо къ извѣстной своей пріятельницѣ:

Chère Claudine!

Я дура, я съумасшедшая и безумная женщина; я носила до сихъ поръ на глазахъ моихъ повязку, но которую теперь люди сорвали съ меня, и я уже все ясно понимаю. Я ошибалась, chère Claudine, въ моихъ Хозаровыхъ, они дали мнѣ новый урокъ. Они еще разъ заставили меня выпить горькую чашу разочарованія. Онъ—этотъ юноша, въ которомъ я предполагала столько благородныхъ чувствованій, — онъ отвратительный и жадный заемщикъ чужихъ денегъ,—онъ развратный интриганъ, не способный даже понять порядочную женщину. Онъ не съумѣлъ даже понять моей дружбы, но хотѣлъ, посмѣйся Claudine, меня развратить и за порокъ мой заставить меня платить ему деньги. Про эту бабенку я и говорить не хочу. Она, кажется, только и умѣетъ цѣловаться: цѣловалась прежде съ женихомъ и съ мужемъ безпрерывно, а теперь начала цѣловаться и съ другими поклонниками. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду того времени, когда мужъ мой увезетъ меня въ К.... дальше отъ свѣта, — дальше отъ людей: ни въ немъ, ни между ними нѣтъ ни дружбы, ни любви.

Digitized by Google

Прошло много лѣтъ. Время, все приводящее въ порядокъ, время разсѣяло небольшія недоразумѣнія между дѣйствующими лицами моего романа, и мало по малу все пошло по пословицѣ: тишь да гладь и Божья благодать. Мамилова съ Хозаровыми помирились, и на дальнѣйшее время представляли уже два примѣрно дружественныя семейства. Варвара Александровна окончательно забыла мертвеца, измѣнила свое мнѣніе въ отношеніи старыхъ и богатыхъ мужей, поняла значеніе денегъ, перестала вдаваться въ анализъ супружескихъ отношеній, и оставя въ усладу себѣ разсужденія объ изящныхъ искусствахъ, слыла за очень умную женщину. Старикъ мужъ ея тоже пересталъ исключительно предаваться меркантильнымъ выгодамъ, и очень любилъ слушать, когда барыня его запустится въ отвлеченныя разсужденія съ какимъ-нибудь умнымъ человѣкомъ, и иногда даже срѣжетъ того. Сергѣй Петровичь, благодаря передачѣ ему страшнымъ богачемъ одного торговаго дѣла, значительно поправилъ свои обстоятельства и потому утратилъ дурную наклонность занимать деньги, и получилъ возможность удовлетворять своему прекрасному вкусу. Мари тоже значительно развилась: изъ невиннаго и простодушнаго существа она преобразилась въ свѣжую, веселую и довольно бойкую даму; перестала играть въ рыжаго кота и въ ладошки, разлюбила страшныя сказки и сдѣлалась гораздо осторожнѣе въ отношеніи молодыхъ людей. Пашетъ и Анетъ наконецъ вышли замужъ, и обѣ были право счастливы: Пашетъ, по силѣ характера, руководствовала своимъ нѣсколько вѣтренымъ мужемъ, и Анетъ своего обожала, и на правахъ страсти то же имъ руководствовала. Катеринѣ Архиповнѣ не долго впрочемъ было назначено наслаждаться устроившеюся судьбою ея идола и другихъ дочерей: она умерла. Больше всѣхъ объ ней плакалъ Антонъ Ѳедотовичь, и, куликнувши въ день похоронъ жены, многимъ разсказалъ, по секрету, что старуха оставила ему 50 душъ и тысячь десятокъ тайкомъ накопленныхъ денегъ. Она дѣйствительно оставила ему 20 душъ, обязавши не продавать и не закладывать оныхъ, а передать ихъ по смерти дѣтямъ.

А. Писемскій.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Галлерея польскихъ писателей. Часть 1. **Будникъ**, повѣсть І. Крашевскаго, переводъ А. Аѳанасьева. Кіевъ, 1851. 240 стран. въ 16°.

«Въ послѣднее время, — говоритъ издатель галлереи, г. І. Завадзкій, — «Польская литература обогатилась созданіями многихъ извѣстныхъ ав«торовъ, какъ гг. Ржевускій, Крашевскій, Корженевскій, Ходзько и др., «которые могутъ доставить истинное удовольствіе читателю, *прель«щенному* твореніями Французской словесности, которая, за исключе«ніемъ не многихъ созданій, принадлежащихъ талантливымъ писателямъ, «состоитъ изъ романовъ и повѣстей, гдѣ описываются или небывалыя «происшествія, или возмущающіе душу ужасы. Польская литература «отличается собственно тѣмъ, что ея авторы преимущественно обра«щаютъ вниманіе на нравы и обычаи, *стараются объ ихъ исправ«леніи и поражаютъ пороки и испорченность человѣчества.*»

Соглашаясь съ издателемъ въ томъ, что Польская литература, въ особенности современная, и можетъ и должна имѣть для насъ интересъ — мы желали бы однако, чтобы этотъ интересъ былъ непосредственный, не обусловливаемый никакими внѣшними причинами. Съ другой стороны, — нѣкоторые изъ упоминаемыхъ г. Завадзскимъ авторовъ, именно гг. Крашевскій и г. Корженевскій уже извѣстны нѣсколько нашей читающей публикѣ. Двѣ или три повѣсти перваго — переведены были въ свое время въ нашемъ журналѣ — двѣ или три драмы втораго, точно такъ же переведены и напечатаны. Одну изъ этихъ, драмъ, крайне плохую: «Окно во второмъ этажѣ» мы видѣли на сценѣ; другую, («Карпатскіе горцы») имѣющую гораздо болѣе достоинствъ, хотя страдающую крайней сентиментальностью, мы читали. Ни въ повѣстяхъ г. Крашевскаго, ни въ драмахъ г. Корженевскаго, какъ эти послѣднія ни слабы, мы не замѣтили присутствія исправительнаго элемента, о которомъ говоритъ издатель.

Digitized by Google

Во всякомъ случаѣ — мысль знакомить русскую публику съ современными произведеніями одной изъ родственныхъ ей, славянскихъ литературъ — мысль дѣльная и прекрасная. Но — для того, чтобы какое-либо литературное предпріятіе заслужило полную благодарность — мало одной дѣльной мысли: нужно, чтобы мысли этой соотвѣтствовало исполненіе. «Мы позаботились, — предупреждаетъ публику издатель — «чтобы пере«воды наши не походили на многіе переводы, предпринимаемые съ «чисто спекулятивной цѣлью, гдѣ не обращается вниманія на знаніе «дѣла; гдѣ переводчикъ иногда не знакомъ основательно съ языкомъ «оригинала, а иногда и съ тѣмъ, на который переводитъ, отчего *мысль «автора передается не вѣрно, а слогъ перевода отталкиваетъ «читателя.* Мы просили г. Аѳанасьева, псевдонимъ котораго Чужбин«скій давно уже встрѣчался во многихъ Русскихъ журналахъ и газе«тахъ, изучившаго основательно польскій языкъ, — заняться переводомъ «извѣстнѣйшихъ сочиненій Польскихъ литераторовъ.»

Переводчикъ предупреждаетъ публику, что переводъ его есть подстрочный, — но, оставляя въ сторонѣ наше личное недовѣріе къ вѣрности подстрочныхъ переводовъ, — мы, и отъ подстрочнаго перевода имѣемъ право требовать, чтобы переводчикъ не ломалъ нещадно того языка, на который переводитъ, не копировалъ рабски пріемовъ и оборотовъ того языка, съ котораго переводитъ, не вводилъ бы ненужныхъ неологизмовъ, однимъ словомъ — переводилъ бы русскимъ языкомъ, а не однѣми русскими буквами.

Укажемъ на разные промахи новаго перевода.

«Вокругъ шумитъ лѣсъ — не со всѣмъ еще *обнищанный*» (стр. 16).

Слова — «обнищанный» на русскомъ языкѣ нѣтъ, — да и вводить его не чувствуется никакой настоятельной потребности.

«Дивнымъ явленіемъ была эта дѣвушка въ хатѣ убогаго Будника. «Бѣлая, стройная, съ черными, какъ вороново крыло, волосами, черныя глаза *которой* и т. д.» (стр. 25).

Къ кому относится мѣстоименіе: «которой?»

«Павелъ подрался, въ корчмѣ, съ Кривоносовымъ, и *досталъ себѣ «обухомъ въ голову*» (стр. 40).

Выраженіе совершенно польское — понятное поляку, не понятное русскому.

«Свинина была здѣсь баснословнымъ наслажденіемъ — давно не видѣн«нымъ, а крохи масла чаще продавались въ мѣстахъ, *чтобы купить «соли и первыхъ потребностей жизни* (стр. 34).

Digitized by Google

Тутъ уже мы ровно ничего не понимаемъ — да вѣроятно съ нами и читатели.

«Абрамка осмотрѣлся вокругъ и быстро подошелъ къ старику, на«чиная потихоньку просить, *ублагать* его» (стр. 47).

Глагола «ублагать» на русскомъ языкѣ не существуетъ, а есть глаголъ «ублажать.»

И такихъ странныхъ промаховъ въ *подстрочномъ* переводѣ очень много. Г. Чужбинскій или Аѳанасьевъ имѣетъ право на нашу строгость, потому что мы встрѣчали его имя подъ статьями, написанными хорошимъ русскимъ языкомъ.

Обратимся теперь къ самому произведенію Крашевскаго, и будемъ разсматривать его.

Въ Полѣсьѣ Волынскомъ есть особенный классъ людей, — по всей вѣроятности горсть пришельцевъ, отдѣленная обычаями, языкомъ, вѣрой, отличающаяся типомъ лицъ отъ окружающаго ее племени. Этотъ классъ называется—*Будниками* или *Мазурами*. Вотъ какъ описываетъ Крашевскій нравы и образъ жизни Будниковъ:

«Происхожденіе *тѣхъ* пришельцевъ, названіе Мазуровъ, нарѣчіе, «оставшійся еще акцентъ—достаточно говорятъ за себя, но причины переселенія народа, время прибытія его въ Полѣсье—намъ неизвѣстны. «Конечно очень давно, болѣе двухъ сотъ лѣтъ, какъ они живутъ въ «этомъ краю но *не одинъ* родъ по *нѣсколько* (у) разъ, — перемѣнялъ «хату и переходилъ съ мѣста на мѣсто. Исключая шляхетскихъ родо«выхъ названій, не сохранили они никакихъ памятниковъ происхожденія «своего, никакихъ письменныхъ доказательствъ. (чего?)

«Поселенія Мазуровъ не составляютъ однакоже деревень; даже не «найдете нѣсколькихъ избъ, случайно поставленныхъ вмѣстѣ: всѣ раз«бросаны по лѣсамъ и по дебрямъ, чаще однако по пригоркамъ у ручьевъ вблизи дороги; но обыкновенно *уже* въ одной околицѣ про«странной пущи—живутъ по нѣсколько (у) даже по нѣсколько (у) «десятковъ родныхъ, хотя и раздѣляетъ ихъ часто значительное раз«стояніе.

«Подобное разселеніе не имѣло однако же вліянія на смѣшеніе ихъ «съ окрестными жителями, не затерло происхожденія, не заставило «позабыть языкъ. Мазуры по большей части остались вѣрными памяти «своего рода, который они цѣнятъ высоко, хотя безъ всякой причины.

«Отчужденіе Мазуровъ, одиночество, дикій родъ жизни, занятія, «теперь значительно *измѣненныя*, по уничтоженіи лѣсовъ, которые «они прямо переработывали на бревно, кленки, смолу, *дегетъ* и поташъ

Digitized by Google

«(NB. Какъ это лѣса переработываются на *деготь* и поташъ?)—должны «были имѣть значительное вліяніе на ихъ *мораль* (NB. По-русски «пристойнѣе было бы сказать: нравы) и обычаи. Такъ и сталось.

«Убогіе *ты*, лѣсные жители сдѣлались теперь, можетъ быть, бѣд-«нѣйшимъ, печальнѣйшимъ, возбуждающимъ жалость классомъ межь «обитателями Польши. Въ началѣ, пришельцы, можетъ быть, выгодно «гнали деготь, смолу, дѣлали поташъ — обезпеченные уже однимъ «избыткомъ работы; но послѣ, когда съ постепеннымъ опустошеніемъ «лѣсовъ, не стало имъ занятія, когда изъ работниковъ, получающихъ «хорошую плату, *сдѣлались* (NB. Кто?) бѣдными, лѣсными скитальцами, «отвыкли отъ хлѣбопашества, къ которому и не чувствовали особеннаго «расположенія, едва имѣя *за что* купить нѣсколько козъ и тощую «корову—не всегда счастливые охотники—они—обнищали совершенно.»

Вслѣдствіе этого—будники стали истребителями лѣсовъ. «Гдѣ про-«шелъ Будникъ съ топоромъ *на* рукѣ и ружьемъ, связаннымъ снур-«ками, за нимъ оставались глухая тишина, пни и сгнившія колоды.» Авторъ съ глубокою скорбію вспоминаетъ о вырубленныхъ дѣвствен-ныхъ лѣсахъ и съ искреннею симпатіею взываетъ: «Гдѣ же наши дебри, «шумѣвшія въ торжественной тиши вечера?» Жаль ему этихъ старыхъ дебрей, и съ какою-то враждою за ихъ истребленіе говоритъ онъ о будникахъ: «Не дай Богъ поселиться тамъ Буднику. Скоро вырубятся «обширныя мѣста для тенетъ, безъ пользы упадутъ драгоцѣннѣйшія «деревья, выжжется густота, потому что нѣтъ ничего вреднѣе для «лѣса, какъ Мазуры. Даже и раззорившійся владѣлецъ, продающій ты-«сячами бочки смолы, гдѣ *едва* что можно выработать *съ трудомъ*— «и тотъ не такъ скоро уничтожитъ лѣсъ какъ Будникъ. *Отъ* утра онъ «съ топоромъ въ лѣсу: для вѣтви готовъ свалить наилучшее дерево, «на дрова будетъ рубить драгоцѣннѣйшее бревно, а для своихъ тощихъ «коровъ, которыхъ нечѣмъ кормить весною, рубить, что попало—лишь «бы насытить ихъ хоть молодыми отпрысками.» Далѣе, описывая хату будника, авторъ замѣчаетъ съ такою же враждою: «Будникъ всегда «выбираетъ мѣсто, гдѣ бы сдѣлать вреда какъ можно болѣе.»

Нѣчто трагическое представляетъ судьба этого, Богъ знаетъ откуда, заброшеннаго въ полѣсье народопаселенія, — даровитый г. Крашевскій прекрасно подмѣтилъ трагическую сторону положенія Будниковъ. Грустную, такъ сказать, туманную картину жизни одного изъ этихъ новыхъ Чандаласовъ—раскидываетъ онъ передъ читателями. Все гово-ритъ о бѣдности самой безвыходной — въ хатѣ будника, — все въ его бѣдной жизни говоритъ о разъединеніи съ окружающимъ его бытомъ.

Digitized by Google

Печальны обыкновеннымъ слѣдствія такого разъединенія: для отверженцевъ общества нѣтъ почти никакого иного выхода — кромѣ глубокаго униженія, позорныхъ дѣлъ, нравственнаго отупѣнія. Еще горестнѣй удѣлъ тѣхъ изъ нихъ, которые представляютъ собою исключенія изъ общаго правила. Къ числу исключеній принадлежитъ старикъ Бартошъ, желѣзная, энергическая натура, полная дикихъ необузданныхъ страстей, — гордый своею бѣдностью, сурово покорный судьбѣ, сурово замкнутый въ самого себя. Одинъ въ семьѣ, одинъ въ сосѣдствѣ — сохранилъ онъ благороднѣйшія черты своего племени: все, что окружаетъ его — обмелѣло, отощало духомъ и формами тѣла. Сынъ его Матвѣй — идіотъ; вдова Павлова, жена его покойнаго брата — гнусная старуха, готовая продать и выдать кого угодно и за что угодно. Но у Бартоша есть дочка — Юлька:

«Бѣлая, стройная съ черными какъ вороново крыло волосами, съ «черными глазами (NB. Рѣшаемся исправить переводъ, чтобы не нарушать «впечатлѣнія, производимаго описаніемъ), сіявшими изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ, — она была на переходѣ изъ дѣтскаго возраста въ дѣвическій. «Подъ толстой, но чистой сорочкой, только-что начинали развиваться «дѣвическія формы. Въ каждомъ взорѣ, въ каждомъ движеніи устъ «проявлялись страсти. Нарядъ, хотя и бѣдный, былъ надѣтъ не безъ «кокетства — видно было желаніе украсить себя: гладко причесанные, «пышные волосы, покрыла она голубымъ платочкомъ, концы котораго «были кокетливо распущены: на шеѣ немножко монетъ — и желтой «крестикъ выказывался изъ-подъ воротника сорочки.»

Дѣйствіе драмы начинается въ ту страшную для бѣдняка пору — когда «весна только-что показывается изъ подъ-снѣговъ», когда «жи- «вотныя и люди, израсходовавъ зимніе запасы, только осматриваются «вокругъ, прося у Бога зелени и свѣта.» Позднимъ вечеромъ, въ тѣсной и бѣдной хатѣ сидитъ у горящей лучины семья будника, ожидая старика Бартоша. Кромѣ Юльки — члены этой семьи — какъ мы упомянули уже — Павлова и Матвѣй; — и тотъ и другая прекрасно очерчены авторомъ, такъ что мы невольно останавливаемся на нихъ.

«Въ печкѣ варилось что-то въ горшкахъ, на которые, иногда равно- «душно, посматривала Павлова. Это была женщина лѣтъ пятидесяти съ «не большимъ, съ чертами обыкновенными, цвѣта желтовато-темнаго, «сроднаго Буднякамъ, съ лицемъ изрытымъ морщинами. Одѣта была «она въ толстой, сѣрой сорочкѣ, въ изорванной исподницѣ; голова «повязана старымъ, грязнымъ холстиннымъ платкомъ. Въ угасшихъ

Digitized by Google

«глазахъ, на побѣлѣвшихъ устахъ ясно выражались слѣды нужды,
«униженія, страданія....

«*Смотря на старуху*, *казалось*, что она не вздрогнула бы ни пе-
«редъ какимъ средствомъ, лишь бы улучшить свое положеніе; а если
«и были когда въ ней добрыя чувства, то они угасли подъ тяжестью
«ежедневныхъ огорченій—грустныхъ, безнадежныхъ.

«Съ поджатыми руками, *подпершись* рукою подбородокъ, сидѣла она,
«задумавшись глубоко, устремивъ неподвижный взоръ на стѣну, а изъ-
«подъ платка вырывались пряди волосъ неопредѣленнаго цвѣта.»

Хорошъ такъ же и Матвѣй съ его безсмысленно-тупымъ взглядомъ, съ глупымъ: Га? на всякій вопросъ, съ идіотской сонливостью. Онъ не слышитъ да и слышать не хочетъ — о чемъ говорятъ Павлова съ сестрою. А Павлова видимо ведетъ рѣчь къ чему-то не доброму, не пригожему—не даромъ вспомнила она миѳическую старину веселаго житья Мазуровъ—не даромъ, жалуется она — на положеніе, дѣйствительно впрочемъ бѣдное и безъисходное. На возраженіе Юльки, что отецъ какъ-нибудь постарается достать хлѣба: «А откуда же онъ «возьметъ?—говоритъ она—изъ пальца выломитъ? Что убьетъ, таскаясь «съ ружьемъ—только и пищи; *изъ* звѣриныхъ кожъ не разживешься, «потому что и звѣря мало; работы нѣтъ, а паничь....

«При этомъ словѣ Юлька мгновенно покраснѣла.»

И было отъ чего покраснѣть. Къ тому только и вела рѣчь лукавая старуха. «Охъ, еслибъ у тебя былъ—умъ!» говоритъ она ей, — «Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, знала бы я что дѣлать!»

Но не такова Юлька, чтобы поддаться съ разу лукавымъ внушеніямъ старухи. Много нужно для того, чтобы пала эта страстная, но вмѣстѣ съ тѣмъ могучая въ своей дикости натура. Дочь стараго Бартоша — она вся вышла въ отца,—она взросла подъ его вліяніемъ, подъ вліяніемъ крѣпкихъ убѣжденій, возвышенныхъ понятій о долгѣ и чести. Самое паденіе ея, какъ увидимъ мы въ послѣдствіи, сопровождается тяжелыми послѣдствіями. Автору, такъ превосходно очертившему это лице—предстояла по нашему мнѣнію задача весьма серьёзная въ отношеніи къ процессу паденія его героини. Дѣло въ томъ, что она любитъ молодаго Паныча,—что страстная натура влечетъ ее къ неминуемой гибели? Что же останавливаетъ ее?—Чувство ли боязни т. е. нѣчто внѣшнее—или чувство собственнаго достоинства, укоренившееся въ ней подъ вліяніемъ строгихъ понятій отца? Въ первомъ случаѣ—непонятна ея послѣдующая судьба—а между тѣмъ, второе, т. е. чувство собственнаго достоинства, нигдѣ не обозначено съ ясностью авторомъ. Во-

Digitized by Google

обще — и это главный недостатокъ разсказа — вездѣ видимъ мы только внѣшній драматизмъ и почти нигдѣ внутренняго; внѣшній же драматизмъ свойственъ только мелодрамамъ. Вслѣдствіе того, что авторъ поразился только внѣшнимъ трагизмомъ разсказываемыхъ имъ событій, онъ безпрестанно прибѣгаетъ къ различнымъ эффектамъ.

Такъ напримѣръ, чтобы дать автору возможность выпутаться изъ трудной психологической задачи, являются на помощь разныя трогательныя происшествія. Старый Бартошъ отказалъ въ пріютѣ конокраду жиду Абрамкѣ — жидъ оставилъ лошадей у его двора и когда Будникъ повелъ ихъ къ помощнику, пьяный помощникъ его же обвинилъ въ воровствѣ и посадилъ въ тюрьму. Лице помощника вышло у автора крайне каррикатурно или лучше сказать, по этому лицу прошла полоса густой краски, которою вообще пишутся злодѣи въ нравственно-сатирическихъ сочиненіяхъ г. Ѳаддея Булгарина и иныхъ: — вышло, однимъ словомъ, что-то крайне отвратительное и вмѣстѣ съ тѣмъ сухое, безжизненное.

Между тѣмъ какъ берутъ старика Бартоша въ тюрьму, — сынъ его Матвѣй идетъ на господскій дворъ за хлѣбомъ. Шелъ онъ мимо корчмы и не могъ совладать съ искушеніемъ заглянуть въ нее, тѣмъ болѣе, что жидъ Янкель, содержатель корчмы, хорошо зналъ слабыя струны своихъ знакомцевъ.

«Какъ будто въ обязанности каждаго, говоритъ авторъ — «поклонить-«ся придорожному соблазну. Ѣдущій иногда еще и минуетъ одну корчму, «если онѣ стоятъ часто, пѣшій ни одной не пропускаетъ. Жидъ, видя «дорожнаго, спокойно проходящаго мимо корчмы — могъ бы считать его «подозрительнымъ — имѣлъ бы на это полное право.»

«Читатель догадывается, что Матвѣй, твердо сохраняющій древніе «обычаи, не могъ миновать хорошаго своего знакомаго Янкеля. Онъ «брался только еще за щеколду, когда потягивающійся хозяинъ увидѣлъ «его и привѣтствовалъ:»

«Го Матвѣй, добрый день!

«А здравствуй васпанъ.

«— Откуда?

«Извѣстно изъ дому.

«Можетъ быть есть дичина? я слышалъ недавно выстрѣлъ.

«Какая тамъ дичина? Тетерька и то для себя.

«А продать?

«Не могу — для отца, лаконически отвѣчалъ Матвѣй — дай же стаканчикъ.

Digitized by Google

«За сколько?

«За два.

«А есть деньги?

«Я отдамъ.

«Не могу, сухо отвѣчалъ жидъ въ свою очередь.

«Какъ же быть?

«Еврей пожалъ плечами.

«—Войдемъ въ корчму, потолкуемъ.»

Послѣдствія толкованій въ корчмѣ были такія, что Матвѣй цѣлую дорогу толкалъ ногой собаку Бурку и если достигалъ этого, начиналъ смѣяться до истерики; потомъ, какъ бы припоминая, что смѣется неизвѣстно надъ чѣмъ, быстро топалъ ногой, останавливался, давалъ себѣ тумака въ бокъ, надвигалъ на глаза шапку и шелъ пока не спотыкался. Вообще — Матвѣй съ особеннымъ стараніемъ изображенъ Крашевскимъ, хотя не льзя не замѣтить преобладанія каррикатурности въ этомъ изображеніи. Рѣдко можно удержаться отъ сравненій — и въ настоящемъ случаѣ, мы не могли не припомнить того мѣста, всѣмъ знакомаго мѣста въ «Ночи на Рождество» Гоголя, когда пьяный Каленикъ идетъ по улицѣ. Какая высокая непосредственность, какая почти эпическая простота, какая даже своего рода красота и изящество въ этомъ созданіи истиннаго, великаго поэта въ противуположность тому, что есть преувеличеннаго, напрашивающагося на комическое впечатлѣніе въ изображеніи пьянаго Матвѣя. Одна только черта здѣсь хороша: эта черта — встрѣча Матвѣя съ Гуменнымъ.

«—А, панъ Каспаръ! сказалъ послѣдній (Матвѣй) съ необыкновенно «привѣтливой улыбкой, и бродя по колѣни черезъ лужу, снявъ шапку, «подошелъ поцѣловать его въ бороду.

«Пріятели отъ души послюнили другъ друга.

«А куда, панъ Каспаръ?

«Въ мѣстечко, экономическая гречка! ха, ха?

«Панъ Каспаръ, который учился въ приходской школѣ, любилъ го«ворить рифмами, такъ что и въ разговорѣ съ господиномъ, часто «употреблялъ ихъ.

«Ха, ха, ха! ечка, ечка, сказалъ Матвѣй. А чтобъ тебя, аспанъ.

«И пріятели снова поцѣловались:

«Бывай здоровъ, не упади въ ровъ! сказалъ прощаясь гуменный.

«Матвѣй отворотился и началъ повторять риѳму, и началъ такъ смѣ«яться, что наконецъ долженъ былъ въ наказаніе за это, снова дать

Digitized by Google

«себѣ тумака подъ бокъ. Но это не помогло, онъ все-таки повторялъ «прощанье и смѣялся и снова тумака въ бокъ, пока постепенно не «прошла веселость.

«Гуменный ѣхалъ, оглядываясь и до того смѣялся, что едва могъ «удержаться на лошади.»

Хорошъ такъ же Матвѣй въ кругу панычей, стрѣляющій изъ своего стараго, ржаваго ружья—хорошъ онъ въ особенности, когда панычи, приведенные въ изумленіе его мѣткостью, принялись стрѣлять изъ его ружья, а онъ только «смотрѣлъ хладнокровно и плюнулъ», когда одинъ изъ нихъ промахнулся.

Но этимъ и исчерпывается почти все хорошее, что есть въ повѣсти Крашевскаго. Превосходно только изображены отношенія дворной челяди къ набожной и до нелѣпости доброй госпожѣ, изъ которой все можно сдѣлать похвалами сынку ея Яну и которая во всякомъ видитъ доброе сердце. Самъ панычъ—какой-то неудавшійся герой нашего времени, съ претензіей на разочарованіе. Разумѣется, пользуясь отсутствіемъ старика Бартоша, онъ обольстилъ Юльку—она сошла съ ума; выпущенный на волю Бартошъ выстрѣлилъ въ паныча, который впрочемъ выздоровѣлъ и раскаялся. Сама Юлька умерла. Событія весьма трогательныя, но впечатлѣніе, производимое разсказомъ, только непріятно-тяжело и ничего болѣе. Видно, что авторъ не совладалъ съ трагическими характерами Бартоша и его дочери, и опять, при чтеніи сцены появленія Бартоша передъ обольстителемъ дочери, сцены только эффектной — не могли мы не вспомнить, въ невыгоду польскаго писателя,—сцены появленія Тараса Бульбы передъ преступнымъ Андреемъ. Вотъ истинный трагизмъ—суровый, простой и вмѣстѣ цоразительный.

Г.

Тюфякъ, повѣсть А. Ѳ. Писемскаго. Москва, 1851 г.

Появленіе «Тюфяка» отдѣльнымъ изданіемъ, безъ всякаго сомнѣнія, есть новость весьма пріятная для публики. Еще живо впечатлѣніе, произведенное художественной повѣстью, еще публика и критика неравнодушны къ этому явленію. Мы не говоримъ, чтобы всѣ отзывы были безусловно въ пользу « Тюфяка », этого и ожидать не возможно; по крайней мѣрѣ, не много литературныхъ явленій могутъ похвалиться такимъ полнымъ и общимъ сочувствіемъ. Не часто являются въ Русской литературѣ произведенія, пріобрѣтающія значитель-

Digitized by Google

ный успѣхъ, происходитъ ли это отъ того, что художественныя произведенія у насъ въ самомъ дѣлѣ рѣдки, или отъ того, что большинство читающей публики состоитъ у насъ изъ людей развитыхъ, и, въ эстетическомъ отношеніи, очень требовательныхъ; во всякомъ случаѣ тѣмъ цѣннѣе успѣхъ «Тюфяка». Предоставляя себѣ право разобрать журнальные отзывы о немъ въ отдѣлѣ журналистики, мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ отъ себя объ этомъ произведеніи.

Конечно не совсѣмъ современно хвалить въ журналѣ произведенія своихъ сотрудниковъ; но, съ другой стороны, едва ли можно удержаться, чтобы не высказать нѣкоторыхъ собственныхъ замѣчаній по поводу такой серьёзной вещи. Критикъ вѣдь тоже человѣкъ, и у него тоже душа есть, и жаль было бы обязать его сочувствовать или негодовать по случаю только чужихъ произведеній, а своихъ не трогать. При такомъ положеніи дѣла можетъ случиться весьма курьёзная вещь: извѣстно, что теперь вся литература въ журналахъ; случись, что въ какомъ-нибудь журналѣ будетъ собираться все лучшее по изящной литературѣ, ему не зачѣмъ будетъ держать критиковъ, потому что критиковать будетъ нечего; за то въ другомъ журналѣ, въ которомъ не бываетъ изящной литературы, ужъ останутся только одни критики, и работы имъ будетъ вдоволь; и такимъ образомъ произойдетъ настоящее раздѣленіе труда.

Богъ съ ней, съ этой политической экономіей: то ли дѣло міръ художественный съ его затѣями, съ его образами, полными смысла и граціозности. Не далеко ходить—вотъ хотя бы «Тюфякъ» г. Писемскаго. Интрига повѣсти проста и поучительна, какъ жизнь. Изъ-за оригинальныхъ характеровъ, изъ-за естественнаго и, въ высшей степени, драматическаго хода событій сквозитъ благородная и добытая житейскимъ опытомъ мысль. Эта повѣсть истинно-художественное произведеніе. Мы можемъ сказать это смѣло, потому что она удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ художественности. Вы видите, что въ основаніи произведенія лежитъ глубокая мысль, (о которой мы поговоримъ ниже), и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно для васъ, что зачалась она въ головѣ автора не въ отвлеченной формѣ—въ видѣ сентенціи, а въ живыхъ образахъ, и домысливалась только особеннымъ художественнымъ процессомъ до болѣе типичнаго представленія; съ другой стороны—въ этихъ живыхъ образахъ и, для перваго взгляда, какъ будто, случайно сошедшихся въ одномъ интересѣ, эта мысль ясна и прозрачна. Едва ли нужно повторять, что высказанное нами составляетъ единственное условіе художественности. Подъ какой бы формой ни явилось про-

Digitized by Google

изведеніе, отвѣчающее подобнымъ требованіямъ, оно будетъ художественное произведеніе, и прочія новѣсти, романы и драмы, сколько бъ они не отличались литературными и беллетрическими достоинствами, помимо этого условія не должны имѣть претензіи на такое титло, а такъ и оставаться повѣстями, романами, драмами, съ прибавленіемъ эпитетовъ: хорошіе, занимательные, забавные, поучительные, плохіе и проч. Только художественныя произведенія имѣютъ прочность въ литературѣ и составляютъ ея пріобрѣтеніе. « Тюфякъ » г. Писемскаго явился подъ названіемъ и формою повѣсти; называя его вмѣстѣ съ тѣмъ художественнымъ произведеніемъ, мы этимъ самымъ хотимъ отличить его отъ другихъ явленій того же рода. У насъ все называется повѣстью: и забавный разсказъ какихъ-нибудь неправдоподобныхъ приключеній, и развитіе какой-нибудь любимой темы автора en forme de caprice, и т. д. Хорошая повѣсть, безъ всякаго сомнѣнія — хорошая вещь; но все-таки велика разница между хорошею повѣстью и повѣстью художественною; и разница такая, что первая составляетъ только приличное замѣщеніе извѣстнаго отдѣла журнала, потому что безъ хорошей повѣсти журналу явиться не прилично, а вторая составляетъ истинное пріобрѣтеніе литературы.

Приступимъ теперь къ самому содержанію повѣсти, и постараемся разсказать его какъ можно короче. Герой этой повѣсти, изъ котораго, какъ изъ основной идеи, развиваются всѣ событія, всѣ подробности, однимъ словомъ, вся обстановка произведенія, молодой человѣкъ, Павелъ Васильичъ Бешметевъ, изъ лицъ довольно богатыхъ внутренними достоинствами, но совершенно лишенныхъ способности приличнаго наружнаго проявленія своихъ душевныхъ движеній. Этотъ Бешметевъ принадлежитъ къ людямъ, которые умѣютъ любить только изъ-за-угла, которые при видѣ хорошенькаго личика запираются въ свою комнату, мечтаютъ о всевозможномъ счастіи съ любимымъ предметомъ, и не только не заботятся сблизиться, но даже не даютъ себѣ труда узнать хорошенько, что это за существо, у котораго такое хорошенькое личико. Въ жизни и въ устройствѣ жизненныхъ отношеній нужна извѣстнаго рода практика; есть много техническаго въ жизни, изученіе чего лежитъ долгомъ на всякомъ, кто хочетъ жить общественно, а не въ кабинетѣ только; а тѣмъ болѣе на людяхъ, имѣющихъ претензію играть какую-нибудь роль въ обществѣ или пользоваться расположеніемъ прекраснаго пола. Люди, не умѣвшіе по отсутствію художественнаго такта, или не имѣвшіе случая, въ слѣдствіе дурнаго воспитанія, выдѣлать для жизни себя, свой характеръ, наружность — похожи на такъ называемыхъ «по-

Digitized by Google

этовъ въ душѣ», которые мечтаютъ и чувствуютъ весьма поэтично, но написать не умѣютъ двухъ строкъ, потому что не пріобрѣли техники, для которой нуженъ трудъ и изученіе, а мечтать весьма легко. Къ такимъ людямъ принадлежитъ Бешметевъ; онъ весь внутри; полюбя страстно дѣвушку хорошаго тона, онъ не могъ сладить съ собой даже на столько, чтобы не быть смѣшнымъ въ ея глазахъ. Въ этомъ первомъ моментѣ это лицо уже не одинъ разъ являлось въ нашей литературѣ, и, разумѣется, большею частію комическимъ. Но авторъ «Тюфяка» смѣло и совершенно естественно сводитъ своего героя, посредствомъ вмѣшательства разныхъ лицъ, съ любимой дѣвушкой совершенно противоположной ему по природѣ. Юлія Владиміровна Кураева отличалась именно тѣмъ, чего у Бешметева не было, т. е. чисто внѣшними достоинствами: она была очень не дурна, хорошо держала себя, была очень ловка и свободна въ обращеніи; за то ужъ и въ другихъ, особенно въ мужчинахъ, способна была цѣнить только внѣшнія стороны, а объ другихъ качествахъ не имѣла понятія, да и не хотѣла ихъ знать совсѣмъ. Она согласилась выдти за Бешметева, котораго не только не любила, но не могла даже видѣть безъ смѣха, по усильному требованію отца, довольно впрочемъ легко, утѣшаясь тѣмъ, что будетъ имѣть возможность командовать такимъ мужемъ и имѣть свою волю. У Бешметева захватило духъ отъ счастія: какъ же ему можно было разсмотрѣть, что она его не любитъ; онъ все мечталъ о блаженствѣ и сбирался открыть ей свою душу, и, разумѣется, не успѣлъ этого сдѣлать до свадьбы, даже самая нѣжность у него выходила какъ-то смѣшна. Выпишемъ нѣсколько строкъ, чтобъ показать, какъ велъ себя нашъ герой съ невѣстой до свадьбы.

«Наконецъ поздравленія кончились, и скоро сѣли за столъ. Жениха и невѣсту помѣстили, какъ слѣдуетъ, рядомъ, но они, въ продолженіе цѣлаго обѣда, не сказали другъ другу ни слова. Юлія сидѣла съ печальнымъ лицомъ, и закутавшись въ шаль. Что же касается до Павла, то выраженіе лица его, если не было смѣшно, то, ей-Богу, было очень странно. Онъ несвязно и отрывисто отвѣчалъ Владиміру Андреевичу (Кураеву), безпрестанно вызывавшему его на разговоръ, взглядывалъ иногда на невѣсту, въ намѣреніи заговорить съ ней, но, видно, ни одна приличная фраза не приходила ему въ голову....

«Пошли новыя поздравленія. Павелъ очень сконфузился, невѣста дѣлала надъ собой видимое усиліе, чтобы казаться веселою. Скоро гости усѣлись ва карты. Юлія подошла, сѣла около жениха, и начала съ нимъ разговоръ.

Digitized by Google

«— Вы не любите играть въ карты?

«— Нѣтъ-съ, не люблю.

«— А я такъ очень люблю ... Я умѣю даже въ штосъ.... Меня выучилъ одинъ мой cousin: онъ теперь, говорятъ, совсѣмъ проигрался.

Павелъ ничего не отвѣчалъ; разговоръ прервался.

«— А вы гдѣ до сихъ поръ жили?— заговорила опять Юлія.

«— Я жилъ въ Москвѣ.

«— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

«— Я учился въ университетѣ.

«— Учились? Который же вамъ годъ?

«— Двадцать второй.

«— За чѣмъ же вы такъ долго учились?

«— У насъ великъ курсъ: я былъ четыре года въ гимназіи, да четыре въ университетѣ.

«— Сколько же вы времени учились?

«— Восемь лѣтъ.

«— Какъ долго!... Вамъ, я думаю, очень наскучило; я всего два года была въ пансіонѣ, и то каждый день плакала.

«— Я не скучалъ.

Разговоръ опять прервался.

«— Я здѣсь не думалъ остаться,— началъ Павелъ, послѣ продолжительнаго молчанія.

«— За чѣмъ-же остались?

«Читатель, конечно, согласится, что на этотъ вопросъ Павлу слѣдовало бы отвѣчать такимъ образомъ: я остался, потому что встрѣтилъ васъ, что вы явились предо мною какимъ-то видѣніемъ, которое сказало мнѣ: останься, и я.... и проч., какъ сказалъ бы, конечно, всякій порядочный человѣкъ, понимающій обращеніе съ дамами. Но Павелъ, если и чувствовалъ, что надобно было сказать нѣчто въ родѣ этого, но проговорилъ только:

«— Я остался по обстоятельствамъ.

«— Напрасно; въ Москвѣ, я думаю, веселѣй здѣшняго жить.

И здѣсь опять слѣдовало Павлу объяснить, что ему теперь въ этомъ городѣ веселѣй, чѣмъ во всей вселенной; но онъ даже ничего не сказалъ, и только въ слѣдующее за тѣмъ довольно продолжительное молчаніе робко взглядывалъ на Юлію. Она вздохнула.

«— Вы такъ печальны! — едва слышнымъ голосомъ проговорилъ Бешметевъ.

Digitized by Google

«— На моемъ мѣстѣ каждая была бы грустна.

«— Отъ чего же?

Невѣста отвѣчала только горькою улыбкою.»

Женившись, онъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, снискать уваженіе жены, конечно опять тѣмъ же путемъ, то есть открывши свою душу, потому что наружно онъ не умѣетъ; но и тутъ онъ пропустилъ время. Жена ужъ положительно презираетъ его и любитъ другаго. Ревность выразилась у него грубо и угловато, какъ и вообще у людей, не трудившихся надъ выдѣлкою своего характера. Они ѣдутъ въ деревню и живутъ двое въ совершенномъ уединеніи. Напрасно было бы ожидать, что онъ поправитъ свои отношенія съ женой: не такого рода эти люди; нѣтъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ не съумѣлъ заставить жену уважать себя, гдѣ же ему справиться теперь, когда для этого нужны и сильная воля, и ровность характера, и знаніе сердца? Вотъ какъ онъ ведетъ себя.

«Обѣдъ былъ единственное время, въ которое супруги видались. Къ этому-то именно времени Павелъ и дѣлался значительно на-веселѣ.

Въ подобномъ состояніи непріязненное чувство къ женѣ возрастало въ немъ до ожесточенія, и онъ ее начиналъ, какъ говорится, пикировать.

«— Что, Константинъ, — говорилъ, напримѣръ, онъ, обращаясь къ стоящему лакею, — не хочешь ли, братецъ, жениться?

«— Никакъ нѣтъ-съ, Павелъ Васильевичъ, возражалъ лакей.

«— Отъ чего же, братецъ? ничего, — будетъ только на свѣтѣ лишній дуракъ.

«— Сохрани Богъ, Павелъ Васильевичъ, возражалъ лакей.

«— Далъ мнѣ Богъ умъ и другія способности, — разсуждалъ потомъ Павелъ вслухъ, — родители употребили послѣднія крохи на мое образованіе, и что же я сдѣлалъ для себя? женился и пріѣхалъ въ деревню. Для этого достаточно было ѣсть и спать, чтобъ вырости, а потомъ ѣсть и спать, чтобы умереть.

«— Кто же васъ заставлялъ жениться? — возражала Юлія.

«— Собственная глупость и неблагопріятная судьба.

«— Сегодня имянины у Портновыхъ, и у нихъ вѣрно балъ, — сказалъ однажды Бешметевъ.

Въ этотъ день онъ былъ даже пьянъ.

«— Какъ вамъ, Юлія Владиміровна, я думаю, хотѣлось бы туда попасть!

Юлія не отвѣчала мужу.

«— Вы бы тамъ увидѣлись и помирились съ однимъ человѣкомъ;

Digitized by Google

онъ бы васъ довезъ въ своемъ фаэтонѣ, а можетъ быть, даже вы бы и къ нему заѣхали, и время бы провели препріятно.

«— Юлія не могла этого вынести и залилась слезами.

Поступки его рѣшительно лишены всякой разумности и цѣлесообразности, и онъ, увлеченный потокомъ обстоятельствъ, не оглядываясь, несется до роковой развязки. Другая половина повѣсти и другая параллельная сторона мысли заключается въ отношеніяхъ Масурова къ своей женѣ, Лизаветѣ Васильевнѣ. Масуровъ человѣкъ пустой и нѣсколько развратный, но очень живой и ловкій; Лизавета Васильевна очень много выше его, и потому уважать его не можетъ; онъ шалитъ, не бываетъ почти никогда дома, мало заботится о дѣтяхъ, проигрываетъ и проматываетъ свое и женино состояніе; но все-таки уважаетъ свою жену и даже немного боится, особенно когда чувствуетъ себя виноватымъ; онъ кончаетъ тѣмъ, что, получивши наслѣдство, переводитъ его поскорѣе на жену, чтобы не промотать какъ-нибудь. Вотъ и весь ходъ повѣсти; Бахтіаровъ выведенъ, какъ контрастъ Бешметеву, для лучшей обрисовки характера Юліи Владиміровны; отношенія Лизаветы Васильевны къ Бахтіарову, со всѣми переходами страсти, приподнимаютъ эту женщину въ глазахъ читателя, и даютъ ей полное право на сочувствіе.

Что же сказалъ авторъ своей повѣстью? Что за мысль вынесли намъ изъ его души созданные имъ образы? Не то ли, читатели, что для жизни нужны извѣстныя житейскія способности, которыхъ нельзя замѣнить ни благородствомъ сердца, ни классическимъ образованіемъ, и людямъ, лишеннымъ этихъ способностей, по малой мѣрѣ приходится завидовать какому-нибудь Бахтіарову и досадовать на его успѣхи въ обществѣ. Соперничать съ нимъ они не смѣютъ и подумать, тогда какъ прямая ихъ обязанность, налагаемая на нихъ благородствомъ ихъ образа мыслей и чистотою сердца, противодѣйствовать вреду, производимому Бахтіаровыми, или собственнымъ примѣромъ, или дѣятельнымъ проведеніемъ въ обществѣ своихъ убѣжденій; и общество въ правѣ отъ нихъ этого требовать; они и сами это хорошо понимаютъ, но, сознавая свое безсиліе, могутъ только питать затаенную злобу къ Бахтіаровымъ, которая иногда прорывается весьма неуклюже и ко вреду ихъ же самихъ. Весьма часто такіе люди жалуются, и жалуются совершенно несправедливо, на равнодушіе общества, на то, что не цѣнятъ ихъ благородныхъ наклонностей и стремленій; иногда эти люди чувствуютъ себя въ такомъ правѣ требовать любви и уваженія, хотя за это съ своей стороны не даютъ ничего дѣйствительнаго, что заставляютъ глубоко страдать другихъ, поставленныхъ съ ними въ какія бы то ни было отношенія;

Digitized by Google

тогда какъ какой-нибудь Масуровъ, не только не имѣющій ихъ превосходныхъ душевныхъ качествъ, но даже человѣкъ съ довольно легкими нравственными убѣжденіями, гораздо мягче въ жизни и удобнѣе въ отношеніяхъ. Конечно, мы не въ правѣ винить этихъ людей, если этотъ недостатокъ житейскихъ способностей въ нихъ органическій, природный недостатокъ, или условливается дурнымъ воспитаніемъ, отъ ихъ воли независѣвшимъ; но когда лѣнь или эгоистическое успокоеніе на своихъ благородныхъ качествахъ заставляютъ ихъ пренебречь выдѣлкою своего характера для удобности отношеній и вообще практическою стороною жизни; тогда претензіи ихъ, досада на успѣхъ другихъ, менѣе заслуживающихъ успѣха личностей, и жалобы на непониманіе ихъ высокихъ чувствъ и стремленій, становятся невыносимы. Человѣкъ долженъ быть въ обществѣ; а для общества мало, если онъ только самъ по себѣ хорошъ: онъ долженъ быть хорошъ и для другихъ, чтобы и другимъ было хорошо съ нимъ; и тогда только можетъ онъ требовать вниманія и уваженія, когда самъ отвѣчаетъ требованіямъ общества. Мы не говоримъ, чтобы люди, подобные Бешметеву, были ужъ совсѣмъ ни на что ненужны; для нихъ есть выходъ въ спеціальности, въ теоретическую дѣятельность; нѣтъ, мы не желали бы ихъ видѣть только въ практической жизни, и видѣть требовательными: тамъ они смѣшны или жалки.

Эту мысль хотѣлъ выразить авторъ, и она такъ ясна въ повѣсти. Къ несчастію, критики не обратили на нее вниманія и говорили о постороннемъ.

Скажемъ еще кое-что о «Тюфякѣ»; эта повѣсть такъ хороша, что жаль отъ нея оторваться. Прежде всего поражаетъ въ этомъ произведеніи необыкновенная свѣжесть и искренность таланта. Искренностію таланта мы назовемъ чистоту представленія и воспроизведенія жизни во всей ея непосредственной простотѣ, чистоту, такъ сказать, не балованную частыми и ослабляющими художественную способность разсужденіями и сомнѣніями, ни вмѣшательствомъ личности и чисто-личныхъ ощущеній. Въ этомъ произведеніи вы не увидите ни любимыхъ авторомъ идеаловъ, не увидите его личныхъ воззрѣній на жизнь, не увидите его привычекъ и капризовъ, о которыхъ другіе считаютъ долгомъ довести до свѣдѣнія публики. Все это только путаетъ художественность, и хорошо только тогда, когда личность автора такъ высока, что сама становится художественною.

Характеры всѣ типичны и оригинальны; лучшіе изъ мужскихъ, разумѣется, кромѣ героя: Кураевъ, которому уже отдана критиками должная справедливость, и Масуровъ, которому еще не отдана; лучшіе

Digitized by Google

изъ женскихъ: Лизавета Васильевна, по нѣжности отдѣлки и граціозности очертаній; видно, что авторъ съ теплымъ чувствомъ относился къ этому лицу; и Юлія Владиміровна, такъ ловко и немногими чертами обрисованная еще въ самомъ началѣ повѣсти.

Въ то время, какъ я писалъ этотъ разборъ, я думалъ, что непремѣнно найду, для видимости безпристрастія, за что въ концѣ побранить автора; но окончивши, я вижу, что рѣшительно не за что. Развѣ только можно замѣтить, что видна торопливость въ сведеніи окончанія, да пожалѣть, что вскользь упомянуто о поступкѣ Масурова, который, получивши наслѣдство, перевелъ его на жену; тогда какъ авторъ могъ бы воспользоваться этимъ для коротенькой сцены, или, по крайней мѣрѣ, описательно означить тѣ душевныя движенія, въ слѣдствіе которыхъ Масуровъ рѣшился на это. При извѣстныхъ уже читателю данныхъ въ характерѣ Масурова это было бы очень эффектно, и болѣе гармоніи было бы въ параллели этого характера съ характеромъ Бешметева, чрезъ что, по нашему мнѣнію, прекрасная повѣсть эта выиграла еще болѣе. О.

Литературные Вечера. Изданіе *Николая Фульма*. Вечеръ второй. Одесса. Въ тип. А. Нитче, 1850 г. 372 стр. въ 8-ку.

«Литературнымъ Вечерамъ» принадлежитъ не послѣднее мѣсто между альманахами прошедшаго года, какъ по довольно большому количеству статей, такъ и по талантамъ вкладчиковъ, между которыми мы съ удовольствіемъ встрѣтили нѣсколько именъ, обѣщающихъ даровитыхъ дѣятелей нашей литературѣ.—Въ альманахѣ помѣщены слѣдующія произведенія: «Моритъ Сефарди,» повѣсть Ѳ. Рабиновича, «Отрывокъ изъ безъименной рукописи,» разсказъ К. Б., «Практическій человѣчекъ,» повѣсть Е. Колбасина, «Шулпейко и Горностай,» разсказъ Н. Ковалевскаго, «Мазурка и похоронный маршъ,» разсказъ Н. Ф.— Стихотворная часть «Литературныхъ Вечеровъ» тоже не бѣдна, противъ обыкновенія современныхъ изданій, изъ которыхъ многія чуждаются стихотвореній, какъ не моднаго украшенія.—Что касается до статей учено-литературнаго содержанія, то Одесскій альманахъ не богатъ имиздѣсь помѣщены только статейки Профессора Зеленецкаго: о св. Димитріѣ Ростовскомъ, Кантемирѣ, Ломоносовѣ и Карамзинѣ.

Между повѣстями первое мѣсто безспорно принадлежитъ произведенію г. Рабиновича, отличающемуся особеннымъ колоритомъ, не замѣченнымъ нами въ произведеніяхъ Московской и Петербургской литературы.—

Digitized by Google

Въ противоположность однообразной жизни Русскихъ городовъ, столь мало обѣщающей для повѣствователя, — Одесса, съ своею богатою торговою дѣятельностію, съ своимъ разнороднымъ населеніемъ, въ которомъ почти всѣ націи Европы имѣютъ своихъ представителей, можетъ служить обширнымъ поприщемъ для повѣсти. Странно, что до сихъ поръ очень немногіе изъ Русскихъ писателей вздумали перенести въ нее мѣсто дѣйствія своихъ повѣствованій. Изъ числа извѣстныхъ авторовъ одна г-жа Ганъ (Зинаида Р.), въ нѣкоторыхъ изъ своихъ разсказовъ, изобрала мѣстомъ дѣйствія Одессу. Но характеръ ея произведеній, въ которыхъ она обращала болѣе вниманія на внутреннюю, психологическую сторону дѣйствія, чѣмъ на внѣшній ходъ его и окружающій міръ, не далъ ей возможности вполнѣ исчерпать этихъ богатыхъ средствъ. Г. Рабиновичъ съ успѣхомъ воспользовался ими. — Содержаніе его повѣсти очень просто. — Молодой конторщикъ торговаго дома, Морицъ Сефарди, одаренный жаждою дѣятельности и свѣтлымъ, предпріимчивымъ умомъ, долго не находилъ случая употребить свои способности. Среди апатіи, въ которую онъ впалъ отъ неисполненія своихъ надеждъ, онъ полюбилъ дочь своего хозяина, португаго еврея, Геби-Геноха Хмѣльника, по прозванію Золотаго-Шва, семнадцатилѣтнюю красавицу. Она служитъ ему утѣшеніемъ среди его неудачъ, она примиряетъ его съ самимъ собою, когда сомнѣніе въ собственныхъ силахъ закрадывается въ его душу, измученную безплодною борьбою и тщетными попытками. Морицъ обѣщалъ жениться на ней, и между нимъ и ея семействомъ ихъ свадьба — дѣло рѣшенное. Но вдругъ обстоятельства перемѣняются. Честолюбивый конторщикъ случайно узналъ важную коммерческую тайну своего дома и, во время сообщивъ ее своему другу, честному Нѣмцу Густаву Штиру, имѣвшему небольшой капиталъ, разбогатѣлъ съ его помощью, сдѣлался извѣстнымъ маклеромъ и приводитъ въ изумленіе всю Одессу неслыханно-ловкими торговыми оборотами. Тогда его себялюбивый, холодный характеръ взялъ верхъ надъ прежнею любовью, которая была поэтическою потребностію молодаго человѣка, среди его бездѣятія. Прекрасная Маргала, дочь жида-портнаго, была имъ забыта для другой, богатой красавицы. Это была первая жертва, принесенная имъ его корыстнымъ видамъ. Но за нею не замедлили послѣдовать и другія. Своимъ холоднымъ обращеніемъ, своими эгоистическими, торговыми разсчетами, въ которыхъ онъ забылъ и честь и совѣсть, онъ удалилъ отъ себя другое, близкое ему сердце — своего прежняго друга, Густава Штира. Но ни потеря друга, ни страшная бѣдность его бывшей невѣсты, ни

Digitized by Google

болѣзнь ея, которой отказъ его причиною, ничто его не трогаетъ. Его ждали другіе опыты. Поздно, поздно, — обманутый своею любовницею, видя разрушенныя свои надежды на блестящій бракъ, окончательно разорвавъ старинную связь съ Густавомъ Штиромъ, Морицъ Сефарди почувствовалъ горесть одинокаго существованія и ужаснулся своей работы. А между тѣмъ Маргала утѣшилась и забыла его; никому онъ не нуженъ; его никто не любитъ; у него одни враги, и онъ остался одинъ съ своимъ богатствомъ....

Таково содержаніе повѣсти. Читатель видитъ, что самое изображеніе ея доказываетъ талантъ въ авторѣ. Къ сожалѣнію, онъ не вполнѣ воспользовался характеромъ главнаго лица своей повѣсти. Подобныя положенія души не могутъ быть вѣчны: они быстро идутъ къ развязкѣ. Авторъ оставилъ своего Морица Сефарди въ самую интересную минуту. Онъ не взялся дорисовать картины, и повѣсть осталась какъ будто безъ конца. За то всѣ второстепенныя лица очерчены очень хорошо: Геби-Генохъ-Хмѣльникъ-Золотой-Шовъ, его жена, извощикъ Андрей Щоголь, и даже остающіяся въ тѣни Киръ Ѳемистокли Ксиры и не рѣшительный панъ Матеушъ Гемба, — все это живыя лица. Дѣйствіе идетъ живо и не даетъ ослабѣть вниманію читателя.

Другія повѣсти далеко уступаютъ въ интересѣ «Морицу Сефарди.» Изъ нихъ нѣкоторыя не лишены занимательности. Таковы: «Шулпейко и Горностай,» разсказъ г. Ковалевскаго, служащій продолженіемъ разсказамъ того же автора, напечатаннымъ во 2-й книжкѣ Б. для Ч. 1848 г. подъ общимъ названіемъ: «Мелкопомѣстные помѣщики,» и юмористическій разсказъ К. Б.: «Отрывокъ изъ безъименной рукописи.» За то «Практическій человѣчекъ,» повѣсть г. Колбасина и разсказъ Н. Ф. «Мазурка и похоронный маршъ» могли бы не быть напечатаны, безъ большой потери для публики. Разсказъ г-на Н. Ф. содержитъ весьма неправдоподобную исторію о томъ, какъ нѣкто Иванъ Лукичъ застрѣлился отъ того, что, вышедши въ отставку, не могъ дослужиться до генеральскаго чина; а для вящшаго эффекта приказалъ дочери играть въ это время похоронный маршъ; а повѣсть г. Колбасина разсказываетъ о томъ, какъ одинъ неопытный поэтъ неожиданно превратился въ опытнаго практическаго человѣка. Послѣдняя отличается какою-то странною и неумѣстною претензіею на глубокій анализъ. Между прочими неправдоподобностями этой повѣсти, которой содержанія не стоитъ разсказывать, замѣтимъ одну, до такой степени странную, что подобной мы еще ни гдѣ не встрѣчали: жена Синьора Эвпатридиго, героя этого произведенія, до того простерла свою скупость и хозяйственную

Digitized by Google

распорядительность, что захотѣла наконецъ обрѣзать своему мужу его великолѣпную черную бороду и сдѣлать изъ нея кисточку для стиранія пыли съ пялецъ.

Стихотворная часть альманаха, какъ мы уже сказали, довольно богата. — Это составляетъ особенное достоинство въ наше время, когда нѣкоторые журналы гордо отказались отъ стихотвореній, объявивъ, что будутъ помѣщать на своихъ страницахъ только геніальныя произведенія поэтовъ, за непмѣніемъ которыхъ, вовсе не помѣщаютъ стиховъ. Причина этого, какъ кажется, заключается въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ наша литература раздѣлилась на партіи, для нѣкоторыхъ изъ журналовъ хорошіе стихи стали недоступными. Во всякомъ случаѣ, предлогъ, изобрѣтенный ими для исключенія стихотвореній, очень не удачно придуманъ. Если журналы ежемѣсячно печатаютъ плохія повѣсти, то на какомъ основаніи запираютъ они входъ хорошимъ, хотя не геніальнымъ, стихотвореніямъ? Это уже было замѣчено въ одномъ Петербургскомъ журналѣ, и мы отъ души порадовались этому замѣчанію, какъ доказательству, что нѣкоторые журналы уже начинаютъ отказываться отъ своихъ заносчивыхъ сужденій. Прибавимъ съ своей стороны, что признавать одни геніальныя произведенія между стихотвореніями означаетъ совершенное отсутствіе правильнаго взгляда на поэзію. — Стихи не потому только стихи, что написаны стопами: они должны выражать и не то, что проза и не такъ, какъ проза. Если они удовлетворяютъ этому требованію, нѣтъ ни какой причины не давать имъ мѣста. Это значитъ отвергать особенный источникъ поэзіи, ибо искусство, гдѣ хорошо только геніальное, не искусство.

Между стихотвореніями «Литературныхъ Вечеровъ» лучшія принадлежатъ гг. Щербинѣ и Полонскому. Изъ стихотвореній перваго особенно хороши: «Ропотъ» и «Аѳродитѣ Апострофія.» Хорошо также «Творчество,» но мысль не новая; она была, съ разными оттѣнками, высказана и Пушкинымъ и Лермонтовымъ.

Что наконецъ сказать о статьяхъ, или лучше, статейкахъ г. Зеленецкаго. Это какія-то гимназическія упражненія. Что можно сказать о св. Димитріѣ Ростовскомъ, знаменитомъ духовномъ писателѣ, или о Карамзинѣ, преобразователѣ Русской литературы и первомъ нашемъ историкѣ, на пяти-шести страничкахъ? Ломоносову посвящены тоже пять страницъ, а Кантемиру еще менѣе. И что за сочетаніе именъ! Ихъ какъ-то странно видѣть рядомъ. Что общаго между Димитріемъ Ростовскимъ и Карамзинымъ, кромѣ того, что они оба писали по-Русски? — Для придапія этимъ статейкамъ большей важности, авторъ

Digitized by Google

украсилъ ихъ ссылками на литературныя пособія, которыми онъ пользовался. Выборъ ихъ тоже довольно странепъ, и показываетъ въ авторѣ полное отсутствіе критики: что за источники бездарная компиляція о Карамзинѣ г. Старчевскаго, или сочиненіе о немъ же г. Селина? О Ломоносовѣ и Карамзинѣ, двухъ зиждителяхъ нашей литературы, надобно или говорить болѣе подробно, или вовсе не говорить.—Страннаго оцѣнщика нашли они себѣ въ г. Зеленецкомъ!

Z.

Сотрудники, или чужимъ добромъ не наживишься. Пословица въ двухъ отдѣленіяхъ, сочиненіе Графа *В. Соллогуба*. Спбургъ. 1851.

Смѣшно было бы смотрѣть на пословицу Графа Соллогуба какъ на нѣчто серьёзное и приступать къ ней съ требованіями настоящей критики искусства—хотя, конечно, нельзя не пожалѣть, что даровитый авторъ книги: «На сонъ грядущій» занимается въ настоящее время сочиненіемъ шутокъ въ родѣ «Бѣды отъ нѣжнаго сердца» и «Сотрудниковъ». Позволительно впрочемъ надѣяться, что подобныя прихоти дарованія наскучатъ наконецъ самому ему.

Содержаніе «Сотрудниковъ» извѣстно вѣроятно всей публикѣ, потому что этой привиллегіей общеизвѣстности пользуются даже плохія произведенія даровитыхъ людей. Что касается до характеровъ — ихъ нѣтъ въ пословицѣ,—есть каррикатуры болѣе или менѣе забавныя, есть сцены, написанныя бойко и ловко. Самыя выдающіяся каррикатуры — конечно журналистъ Ухаревъ и литераторъ Олеговичъ, хотя въ изображеніи послѣдняго каррикатурность слишкомъ пересолена. Ухаревъ вышелъ гораздо лучше—онъ денди, скептикъ, герой нашего времени. Онъ разсуждаетъ, напримѣръ, вотъ какъ: «Изволите видѣть, по моему есть «два разряда женщинъ, заслуживающихъ уваженіе. Первыя посвящаютъ «всю жизнь свою строгому долгу; вторыя безусловному чувству. Но тѣ, «которыя на рубежѣ долга и чувства, заманиваютъ, чтобъ обмануть; «тѣ, которыя играютъ любовью какъ вѣеромъ, тѣ просто кокетничаютъ, «то есть занимаются самымъ, извините, жалкимъ ремесломъ, и отъ «нихъ я готовъ бѣжать по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ». Ухаревъ — практиченъ какъ Петръ Иванычь «Обыкновенной исторіи,» не глупъ, какъ всякій такъ называемый *порядочный* человѣкъ; пустота и пошлость его

Digitized by Google

покрыты лакомъ цивилизаціи — да и самъ авторъ вовсе не показываетъ, чтобы подозрѣвалъ эти внутреннія качества *въ своемъ порядочномъ человѣкѣ*. Олеговича, напротивъ, онъ изобразилъ слишкомъ густыми красками. Олеговичъ читаетъ возлюбленной диссертацію о Русской женщинѣ и говоритъ о любви слѣдующимъ образомъ: «Я не полагаю, «чтобы любовь проявлялась у насъ, какъ у прочихъ народовъ Индо-«Германскаго, или лучше Индо-Европейскаго происхожденія. Даже безъ «дальнѣйшихъ отступленій, если только обратить вниманіе на два «антропоморфическіе типа, изображающіе у Славянъ любовь, какъ-то «Ярило и Припекало, то ужъ можно.... нѣкоторымъ образомъ.... «Да не въ Ярилѣ дѣло», перебиваетъ хозяинъ, пригласившій его въ сотрудники для сочиненія водевиля. Положимъ, что это забавно—но спрашивается: что хотѣлъ осмѣять авторъ?... Неужели энтузіазмъ, пожалуй нѣсколько и педантическій, переносящій въ жизнь свои завѣтныя вѣрованія?—Но вѣдь такой энтузіастъ не поѣхалъ бы въ сотрудники водевиля къ какому-то господину!...

Только два лакея: —одинъ, каммердинеръ Петербургскаго журналиста, такой же денди и герой нашего времени, какъ его баринъ, а другой человѣкъ Олеговича, который, только-что выспавшись, ищетъ мѣстечка, гдѣ бы прикурнуть маненько, потому что его дремота одолѣла—вышли очень удачно. Все остальное или крайне вяло и безцвѣтно, или уже намазано слишкомъ густыми красками. Въ каррикатурѣ все-таки должны же быть сходныя черты съ оригиналами — а на кого, спрашивается, можетъ быть похожъ Олеговичъ? и почему Олеговичъ подвергнутъ авторомъ посмѣянію, а Ухаревъ изображенъ съ такою любовью? Эти вопросы разрѣшаются довольно легко — но не мѣсто разрѣшать ихъ здѣсь по поводу плохой шутки Графа Соллогуба.

Г.

Богданъ Холмогорецъ, поэма, соч. *М. Жуазеля*, М. Въ тип. А. Семена. 1851.

Нѣкоторый древній философъ, слушая древняго оратора, обратился къ древней публикѣ съ слѣдующимъ возгласомъ: «Милостивые Государи! Есть галиматья простая, но есть и сугубая! простая — когда говорящаго не понимаютъ слушатели; а сугубая—когда и говорящій самъ себя не разумѣетъ! – Такъ вотъ это,—что этотъ господинъ сейчасъ передъ вами говорилъ,—есть *сугубая*»!

Digitized by Google

Не знаю, понималъ ли авторъ «Холмогорца» свою поэму, или только читатель не поймет ея; но ни одна книга, самая многотомная, самаго важнаго содержанія, не стоила столько труда рецензенту. Онъ прочиталъ ее три раза, чтобъ понять содержаніе; кажется, оно состоитъ вотъ въ чемъ:

«На сѣверѣ....
«Гдѣ духъ зимы сковалъ природу *туго*....»

Жилъ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ, какой-то сынъ сѣдаго моряка, Богданъ Кириловичъ; должно думать, что онъ получилъ довольно плохое воспитаніе, потому что былъ воспитанъ — океаномъ. Авторъ говоритъ:

«Взоръ холодно-спокойный
«Далъ юношѣ наставникъ-океанъ!

Но счастье такъ и валится къ неучамъ. У нихъ всегда умираютъ богатые дяди! Этимъ простымъ и обыкновеннымъ способомъ судьба послала богатство и Богдану. Съ той поры онъ заговорилъ высокимъ слогомъ, и совершенно такъ какъ нынче говорятъ геніи, т. е. очень непатурально:

«Размышленья холодъ
«Цѣлительно повѣялъ мнѣ въ чело!
«Я золотомъ съумѣю править смѣло;
«Оно, мой другъ, ей-ей, не шутки дѣло!
«И потому въ душѣ-то мнѣ свѣтло,
«Что я въ борьбу съ *машиной-человѣкомъ*
«Вступлю съ *такимъ отмѣннымъ рычагомъ*.
«И что сму съ *его кумиромъ-вѣкомъ*
«Велю ходить *по дудочкѣ кругомъ*!

Мудрено ходить человѣку съ вѣкомъ — *по дудочкѣ кругомъ*! Велико ли пространство — окружность дудочки! Авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать пословицу: велю плясать по моей дудкѣ — Но при всемъ томъ, это что-то необыкновенное! Это какое-то соединеніе разныхъ вѣковъ вмѣстѣ; это какъ-то напоминаетъ и рычагъ Архимеда, и l'homme-machine философа Lamétrie, и золотой рычагъ нашего вѣка! — Очень замысловато! — Но только авторъ нѣсколько увлекся и позабылъ, что рычагомъ заставляютъ плясать однихъ медвѣдей! — Впрочемъ, можетъ быть, это одно хвастовство: хвастливаго съ богатымъ не разберешь!

Digitized by Google

Дѣло въ томъ, что Богданъ Кириловичъ собирается ѣхать въ столицу, въ *Петербургъ*, гдѣ онъ можетъ найти

«Галопъ коней, и пѣсни черноокой,
«И счастіе, и честолюбья жаръ».

(Скажемъ при этомъ мимоходомъ, что подъ конецъ повѣсти онъ пріѣхалъ въ Москву; вѣроятно, проѣздомъ—изъ Архангельской губерніи въ Петербургъ. Географія и наука-то совсѣмъ не поэтическая! Слѣдовательно, что объ этомъ долго говорить! Лучше будемъ продолжать исторію).

На бѣду Богдана Кириловича есть какая-то Поля, городническая дочь. Съ ней случилось странное происшествіе.... Скажемъ старинными стихами:

«Я могъ бы слова два-четыре. . . .
«Но госпожа, котору въ мірѣ
«Благопристойностью зовутъ,
«Мнѣ ставитъ запятую тутъ»!

—Нѣтъ! это не ясно, выражусь лучше классическою прозой. Скажу такъ: «Увы! Богданъ и Поля, прежде вступленія въ храмъ Гименея, вкусили уже плода его»! Богатый Богданъ Кириловичъ хочетъ оставить Полю; Поля идетъ къ теткѣ, чтобъ приворожить его, потому что тетка *гадала какъ Свѣтлана*, послѣ чего послѣдуетъ свадьба,—но....

«Полиньку страданье занесло
«Могильными, густыми холодами,
«И призраки недвижными устами
«Ужъ дуютъ ей въ поблекшее чело»!

Словомъ: Полинька умерла; а Богданъ Кириловичъ, вмѣсто Петербурга, какъ сказано выше, очутился въ Москвѣ. Неправда ли, что очень жалкая поэма!

Говорить ли о стихахъ? Мы уже видѣли ихъ образчики! — Незнаніе языка, несвойственное употребленіе словъ и оборотовъ, фигурности, метафоричности!—Тутъ мы видимъ: и Олимпъ въ Валгаллѣ, и Россію, вросшую въ кольчугу, и желѣзный плащъ съ плеча вождей, и медвѣдей *въ бѣгахъ*, т. е. въ бѣгу (*въ бѣгахъ* значитъ: *бѣглый*). Тутъ мы видимъ: и селенія ложатся на просторѣ, и громовое мерцанье, и вмѣсто верстъ—верстаки; тутъ и Бардъ изъ моря пробужденный — является съ *цѣвницей;* а цѣвница—дудка: барды никогда не играли на дудкѣ. Тутъ и *сырая земь;* а слово *земь* никогда не употребляется собственно въ значеніи земли. Оно употребительно въ одномъ выраженіи: грянуться *оземь*.

Digitized by Google

Но довольно. Въ заключеніе скажемъ автору (какъ представителю вычурной поэзіи, которая нынѣ у многихъ входитъ въ употребленіе) его же стихами:

«Ахъ, молодцы! все вамъ бы похитрѣе;
«Повычурнѣй сказать!»

А вотъ что говоритъ Горацій:

«Есть предметы, въ которыхъ
«Даже посредственность всѣми терпима и можетъ быть сносна!
«Такъ юрисконсультъ иной, хотя краснорѣчія силой
«Не сравнится съ Мессалой, ни знаньемъ съ Касселіемъ-Авломъ;
«Но уважаютъ его! — А поэту ни люди, ни боги,
«Даже столбы — не прощаютъ *посредственность*; всѣмъ нестерпима!

Z.

Русскій солдатъ. Разсказы въ стихахъ. А. Аѳ(ѳ)анасьева. Часть первая. Кіевъ. 1851. Стр. 86 въ 8 д. л.

Авторъ этой книжки имѣлъ цѣлью — разсказать разныя происшествія изъ жизни солдата, видѣнныя имъ самимъ или слышанныя отъ товарищей. «Сколько умѣлъ и могъ, пишетъ онъ, я старался говорить языкомъ Русскаго солдата. Я не хотѣлъ разводить въ прозаическія повѣсти этихъ краткихъ, но иной разъ полныхъ драмъ изъ жизни солдата, ибо полагалъ, что легче «удержать въ сжатомъ стихотворномъ разсказѣ то, что ушло бы въ длинной повѣсти.» Очень извѣстны у насъ прекрасные разсказы и въ прозѣ, Скобелева и казака Луганскаго; впрочемъ г. Аѳанасьевъ разсказываетъ и стихами довольно занимательно, хотя однообразно. Всѣхъ разсказовъ въ первой части помѣщено девять: Часовой, Трубачъ, Крестъ, Драгунъ, Матросъ, Ахтырецъ, Бомбардиръ, Знамя и Партизанъ. Размѣръ стиховъ однообразенъ и едва ли вездѣ приличенъ своему предмету. Языкъ не вездѣ выдержанъ. А впрочемъ книга похвальная и съ своей цѣлію сообразная. Выпишемъ одинъ разсказъ: *Крестъ*.

Разскажу вамъ, друзья,
Про минувшее я:
Было больно намъ жарко подъ Прагой;
Мы стояли въ каре,
На высокой горѣ,

И сердца въ насъ кипѣли отвагой.
Много ядеръ, въ тотъ часъ,
Перемчалось чрезъ насъ;
Но свернули насъ скоро въ колонну.
Каждый въ битву былъ радъ,
Встрепенулся солдатъ.
На редутъ довелось батальону;
Впереди командиръ,
Весь изрубленъ мундиръ,
Все отъ дыма лице почернѣло;
Но свѣтилось на немъ
Три медали съ крестомъ,
И въ рукѣ его шпага блестѣла.
Повернулся онъ къ намъ,
Проскакалъ по рядамъ,
То и дѣло, что ядра на встрѣчу,—
Но ни въ усъ молодецъ—
Ободрилъ, какъ отецъ,
Насъ ведя на кровавую сѣчу.
Слышенъ шопотъ въ устахъ;
Колыхнулись въ рядахъ;
Но ни слова за то офицеры—
И маіоръ не серчалъ,
«Смирно!» намъ не кричалъ:
То крестились въ рядахъ гренадеры.
Небесамъ помолясь,
Смѣло каждый изъ насъ
Былъ готовъ, и сердца разгарались...
Что намъ вражьи полки!
А штыки-старики,
Ну, какъ будто, ей-ей, улыбались.
Съ фитилями насъ ждутъ,
Но живѣй на редутъ
Поспѣшили мы съ братскимъ поклономъ
Потѣшаться пора,
Да какъ гаркнемъ: «ура!«
И взбѣжали на валъ батальономъ.
Поработалъ штыкомъ
На редутѣ я томъ,
И простившись съ послѣднимъ зарядомъ,
Я и къ пушкѣ поспѣлъ,
И верхомъ на ней сѣлъ,

Digitized by Google

Да и ну отбиваться прикладомъ;
Рукопашь началась.
Вдругъ откуда взялась
Пуля, съ визгомъ впилася мнѣ въ руку.
Боль и страхъ горячо,
Будто ломитъ плечо,
Нѣту словъ разсказать вамъ про муку.
И я тутъ же упалъ....
Долго ль послѣ лежалъ,
Я не знаю, но лишь пробудился,
Наши взяли редутъ,
И на брустверѣ жъ тутъ,
Батальонный нашъ лекарь трудился.
Скинулъ онъ свой сюртукъ,
А вокругъ.... ногъ да рукъ....
Ажно страшно на душинькѣ стало....
Я лежу да молчу,
Трубки жъ, братцы, хочу,
Какъ еще никогда не бывало.
«Нутка, братъ, покажи!»
Притащили ножи.
Я лежу, прислонившись къ обрубку,
И стоитъ надо мной
Лекарекъ молодой,
И душистую куритъ онъ трубку.
«Эй! здѣсь нѣтъ ли кого?
«Подержите его!»
Закипѣло во мнѣ все досадой.
—Полежимъ какъ-нибудь,
Только бъ трубки курнуть,
Молвилъ я, и держать бы не надо.
Слыша просьбу мою,
Лекарь трубку свою,
Не съ простымъ табакомъ, а съ турецкимъ,
Усмѣхнувшись, мнѣ далъ,
Усмѣхнувшись, я взялъ,
Да и сталъ дымъ пускать молодецки.
Эхъ! да больно жъ, ей-ей,
Какъ до самыхъ костей
Мнѣ разрѣзывать начали рану;
Я бъ ревѣлъ, какъ дуракъ,
Но былъ вкусенъ табакъ;

Digitized by Google

Докурю, и ревѣть тогда стану.
Не успѣлъ докурить,
Слышу, стали пилить....
Уфъ! мученье какъ пилка на кости!
Ну ужъ вотъ раскричусь,...
Не кричалъ, признаюсь,
Но изгрызъ весь чубукъ я отъ злости.
Черезъ полчаса, я
Ужъ безрукимъ, друзья,
Отнесенъ въ лазаретъ на шинели.
Говорятъ, все стоналъ,
Да въ горячкѣ лежалъ,
Чуть не слишимъ никакъ двѣ недѣли.
Легче стало лишь мнѣ,
Погляжу, на стѣнѣ,
Близъ меня что-то свѣтитъ.... постой-ка,
Что за диво? но нѣтъ—
Лихорадочный бредъ—
И привсталъ я тихонько на койкѣ.
Нашъ фельдфебель стоитъ,
Улыбаясь, глядитъ,
И на стѣнку мнѣ кажетъ рукою.
Я не вѣрю, смотрю,
И отъ счастья горю:
Бѣлый крестикъ виситъ надо мною.
И заплакалъ, друзья,
Ужъ отъ радости я.
Вѣдь одну потерялъ лишь я руку;
Но за то же другой
Покажу крестъ святой
Я съ восторгомъ и сыну и внуку.

К.

Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Повѣсть для дѣтей. Соч. *И. Фурмана* Изд. 3-е. Спб. 1851. Стр. 138 въ 18 д. л.

Г. Фурманъ избралъ жизнь нѣсколькихъ великихъ людей предметами своихъ дѣтскихъ повѣстей: боярина Матвѣева, Меньшикова, Суворова, Ломоносова. Относительное достоинство этотъ разсказъ имѣетъ въ ожиданіи лучшихъ; по крайней мѣрѣ здѣсь не слишкомъ замѣтны отступленія отъ истины, прикрасы воображенія, и, главное, почти

Digitized by Google

нѣтъ резонерства. Мы желали бы видѣть поболѣе соразмѣрности въ частяхъ разсказа: дѣтству Ломоносова посвящена слишкомъ половина книги, а объ ученой дѣятельности его и жизни въ Петербургѣ по возвращеніи изъ-за границы сказано нѣсколько странничекъ. Положимъ, что авторъ, имѣя въ виду занимательность разсказа, обращалъ болѣе вниманія на тѣ происшествія, которыя любопытны сами по себѣ; но отъ него же зависѣло выбрать изъ второй половины жизни Ломоносова все, что было бы не менѣе завлекательно и доступно для дѣтей. — Приложенныя къ книжкѣ картинки очень недурны, но изъ политипажей, размѣщенныхъ въ текстѣ ея, иные попали не на свое мѣсто. Таковъ, наприм. политипажъ на стран. 82, взятый изъ какой-то Французской физіологіи. *К.*

Разсказы изъ Русской Исторіи для дѣтей перваго возраста. Соч. В. Строева. Спб. 1851. Стр. 78 въ 16 д. л.

Въ прежнее время дѣтскія книги изъ Русской Исторіи составлялись обыкновенно по Карамзину; составитель могъ и не имѣть особенныхъ познаній по этому предмету, могъ погрѣшить противъ занимательности и полноты разсказа: но по крайней мѣрѣ не искажалъ событій, не выставлялъ ихъ въ ложномъ видѣ, не пускался во взгляды.... Теперь многіе сочинители дѣтскихъ книжекъ считаютъ излишнимъ, отсталымъ, заглянуть въ Карамзина, думая, что ихъ школьныхъ знаній, вполовину уже позабытыхъ, слишкомъ достаточно, чтобы учить другихъ, и пишутъ какъ говорится, съ плеча. Новая книжка составлена почти по этой легкой методѣ. Событія плетутся безъ всякой связи, сказки разсказываются за истины. Нѣтъ, не можемъ рекомендовать этой книжки дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что для нихъ есть очень хорошая Исторія Россіи, этого рода, въ разсказахъ г-жи Ишимовой. *К.*

Ваза. Альбомъ шитья и вышиванья, въ подарокъ малолѣтнымъ дѣвицамъ къ елкѣ. Спб. 1850. Стр. 30 въ 8 д. л.

Здѣсь другое дѣло, хотя это собственно и не книга, а чтеніе по новой методѣ, соединенное съ осязательною пользою. Я люблю картинки — вотъ сотни хорошенькихъ гравюръ, къ которымъ, для разнообразія, прибавлено кое-что и литературнаго. Мнѣ хочется курить — беру сотню папиросъ, и наслаждаясь куреньемъ, пробѣгая замысловатыя надписи на каждой папироскѣ. Вамъ угодно заниматься сельскимъ хозяйствомъ — извольте получить груду пакетовъ съ сѣменами клевера и гороха, Египетской пшеницы и столистенной розы, а въ придачу къ нимъ нѣсколько

Digitized by Google

листовъ печатной бумаги, которые можете пробѣжать иногда отъ скуки... И такъ далѣе. — «Ваза» — это собраніе очень красивыхъ рисунковъ и очень разнообразныхъ выкроекъ.... на ростъ куклы. Малолѣтная «читательница», получивъ этотъ подарокъ, разумѣется сейчасъ же примется кроить и шить по даннымъ образцамъ, и такимъ образомъ, если не научится рукодѣлью, за то удовлетворитъ своей врожденной склонности рядить и наряжаться. Ахъ, извините: обративъ все вниманіе на приложенія къ «Вазѣ,» мы проглядѣли самый текстъ. А онъ здѣсь, покорно ждетъ, что послѣдуетъ съ нимъ за разсмотрѣніемъ выкроекъ. Что же заключается въ немъ? Разсказъ о фабрикаціи разныхъ матерій, необходимыхъ для дамскаго наряда. *К.*

Прогулка по Пассажу. Шутка Петра Татаринова Спб. 1851. Стр. 18 въ 16 д. л.

Съ того несчастнаго дня, какъ «Наполеонъ,» ораторія г. Ѳедота Кузмичева затерялась на Московскихъ улицахъ, лира нашего почтеннаго поэта замолкла; съ горя и тоски, какъ на волшебныхъ арфахъ, на ней порвались всѣ струны, — и вотъ уже два года какъ не слышно его пѣсни, столь любезной Селифанамъ и Петрамъ, потому что, кромѣ «Битвы Русскихъ съ Кабардинцами,» ни одно *Россійское* сочиненіе не представляетъ столько наслажденій для процесса чтенія. Съ грустію принялись было уже многочисленные почитатели г. Ѳедота Кузмичева за переводные романы и водевили, — какъ вдругъ, къ чрезвычайному утѣшенію ихъ, явился г. Петръ Татариновъ. Онъ обѣщаетъ вполнѣ замѣнить умолкнувшаго автора «сына природы.» Въ произведеніяхъ его столько же удивительнаго разнообразія, неподражаемой фантазіи, практической философіи и рѣдкой натуральности. Воспѣваетъ онъ предметы также дѣловые, житейскіе, не пускаясь въ отвлеченныя умствованія. Если есть какая разница между двумя поэтами, такъ лишь та, что г. Ѳедотъ Кузмичевъ заботился особенно о назидательности, а у г. Петра Татаринова преобладаетъ свѣтскость: такъ и видно, что онъ прочелъ и изучилъ «курсъ» этой науки, вышедшій въ Петербургѣ уже вторымъ изданіемъ. Это незначительное несходство не мѣшаетъ, впрочемъ, быть обоимъ поэтамъ равно занимательными. Г. Ѳедотъ Кузмичевъ воспѣвалъ Голицынскую галлерею въ Москвѣ; г. Петръ Татариновъ прославляетъ Петербургскій Пассажъ, съ его разнообразными наслажденіями, съ его кафе-ресторанами, фокусниками, различными артистами и цыганами. Напримѣръ:

Digitized by Google

Хоръ цыганскій услаждаетъ
Пѣсней Русскою порой,
А Любаша восхищаетъ
Своей пляской, красотой.
Я увѣренъ, безъ сомнѣнья,
Что извѣстенъ всѣмъ Илья,
Заслужилъ онъ удивленье
Въ дни земнаго бытія.
Управлялъ онъ хоромъ чудо,
Ему пляска ни по чемъ
И бралося что откуда,
И братъ Петръ пошелъ по немъ.
Я слыхалъ цыганъ разъ двѣсти,
Въ Москвѣ, Нижнемъ и вездѣ,
Но какъ Петръ, скажу по чести,
Не нашелъ ей, ей, ни гдѣ.
Вотъ лихой ужъ запѣвало!
А съ Любашей въ плясъ пойдетъ
Затрещитъ отъ *фора* зало;
И какъ все къ нему идетъ....
Сынъ степей, цыганъ удалый,
Какъ по сценѣ пролетитъ—
Приведетъ въ восторгъ немалый,
Всѣхъ собой обворожитъ,
Въ рукахъ шляпа,—развернется....
Въ мигъ къ Любашѣ—а она
Къ нему тотчасъ повернется—
И любовью грудь полна.
Дирижеръ Григорій славный,
Въ пляскѣ тоже молодецъ,
И развязный и забавный;
А въ *Венгерской*—образецъ!
Лиза, первая солистка,
Въ стройномъ хорѣ у Петра,
Вотъ прямая ужъ артистка—
Чудный даръ судьба дала....

А вамъ-то, г. Петръ Татариновъ, какой чудный даръ судьба дала! Пойте же, пока поется, пока существуютъ перья и чернилы, бумага и типографіи. Поэзія у васъ сама по себѣ, а грамматическія ошибки, на придачу, сами по себѣ. Для полнаго успѣха вашихъ пѣснопѣній надобно подождать Нижегородской ярмарки: тамъ они, безъ сомнѣнія,

Digitized by Google

сдѣлаютъ подрывъ не одному Московскому книгодѣлію, если только г. Ѳедотъ Кузмичевъ не ударитъ опять въ струны, или не отыщетъ своей ораторіи «Наполеонъ.» *К.*

Сокровенныя тайны женскаго туалета. Необходимая настольная книжка для дамскихъ будуаровъ, и проч. Спб. 1851. Стр. 66 въ 16 д. л.

Совѣты молодымъ дамамъ и дѣвицамъ, касательно сохраненія красоты, сбереженія здоровья, умѣнья одѣваться и образованія себя. Необходимая книжка для дамскаго туалета. Изд. 3-е Спб. 1851. Стр. 141 въ 32 д. л.

Тотъ, кто видѣлъ Венеру Медицейскую, еще не имѣетъ полнаго понятія о ея красотѣ, то есть, не воспроизведенной изъ мрамора, а о красотѣ живой, той самой, которая прельщала Олимпъ и сводила съ ума суроваго Вулкана. Для этого мало одной фантазіи, которая, какъ ни развивайся роскошно, все-таки не приблизится къ дѣйствительности; для этого надобно проникнуться духомъ современности, которая производитъ отличныя, ни чѣмъ не уступающія подлиннику, копіи съ Венеры Медицейской — опять таки не со статуи, а съ живой, производитъ такъ же легко, какъ выдѣлываетъ семирублевыя шали «на манеръ кашемирскихъ». Секретъ «быть Венерой» ужъ болѣе не секретъ: онъ заключается въ двухъ вышеозначенныхъ книжечкахъ, изъ которыхъ послѣдняя, воспроизводящая копіи съ богини красоты, уже разошлась въ порядочномъ количествѣ экземпляровъ. «Примемъ за типъ красоты Венеру Медицейскую, говоритъ эта книжечка, и постараемся сдѣлать нашихъ читательницъ какъ можно болѣе на нее похожими». «Ахъ, какой вы добрый!» говорятъ читательницы съ трепещущимъ отъ удовольствія сердцемъ, и нетерпѣливо приготовляются слѣдовать драгоцѣннымъ совѣтамъ. «Не кушайте сластей и пирожнаго,» приказываютъ «совѣты»: между кандидатками въ Венеры поднимается ропотъ; но желаніе достигнуть завидной цѣли, къ которой ведутъ «совѣты,» мало по малу прекращаетъ его. — «При употребленіи пищи должно вообще жевать не на одну, а на обѣ стороны рта», продолжаетъ книжечка. Между читательницами новое изумленіе. — «На чтеніе и пѣніе употребляйте не болѣе четверти часа въ сутки.» (Да чтеніе-то, кажется, можно бы и совсѣмъ оставить; вѣдь Венера врядъ ли знала грамотѣ.) «Старайтесь не плакать и не вздыхать. — На балахъ должно не ходить, а прыгать,

Digitized by Google

ссобенно въ танцахъ, которымъ предаваться со всею энергіею»... Что за мудрые совѣты! Не знаемъ, къ какой степени слѣдуютъ имъ «молодыя дамы и дѣвицы», между тѣмъ было бы очень любопытно счесть, сколько Венеръ Медицейскихъ произвели эти «совѣты».

Что касается до «Сокровенныхъ тайнъ женскаго туалета,» то это не болѣе какъ дополненіе къ «Совѣтамъ,» потому что въ былое время и Венера Медицейская занималась своимъ туалетомъ, и нимфы съ амурами служили ей вмѣсто современныхъ горничныхъ.

Теперь остается ждать появленія совѣтовъ, какъ дѣлаться настоящими Апполонами Бельведерскими.... *К.*

Восточный планетный оракулъ, или новый вѣрнѣйшій способъ узнавать прошедшее, настоящее и будущее (и проч.). Перев. съ *Персидской* (?!) рукописи. Спб. 1851. Стр. 106 въ 18 д. *л.*

Удивительно, до чего начинаетъ простираться у насъ любовь къ знаніямъ: мы переводимъ съ Персидскаго не только Саади, Гафиза и Фердауси, но даже и гадательныя книжки. Мало того: мы покупаемъ этихъ гадателей «цѣною золота» (слова издателя Оракула), а продаемъ за какіе-нибудь три четвертака, да въ добавокъ къ «цвѣтамъ восточнаго краснорѣчія, исправленнымъ и подведеннымъ подъ уровень новѣйшихъ Европейскихъ астрономическихъ свѣдѣній,» даемъ еще нѣсколько лубочныхъ картинокъ. Удивительно! Но, господинъ Персидскій мудрецъ! позвольте замѣтить, что по «цвѣтамъ вашего краснорѣчія» нельзя сдѣлать благопріятнаго заключенія о «здоровьѣ вашего мозга;» или, не полагаете ли вы, что насъ, глуповъ, нѣтъ ничего легче какъ «накормить грязью?» *К.*

Карта направленія желѣзной дороги, шоссе, водяныхъ сообщеній и станцій между С. Петербургомъ и Москвою. Изд. Н. Рудольфъ и Н. Смирновъ. М. 1851. На одномъ листѣ.

Карта составлена очень тщательно, издана грамотно и красиво, а главное — кстати. Небольшіе планы обѣихъ столицъ, помѣщенные на ней, также какъ и карта Европейской Россіи, могутъ быть не безполезными для нѣкоторыхъ. А кстати спросить: дождемся ли мы, хотя ко времени открытія желѣзной дороги, подробныхъ указателей Москвы и Петербурга, книжекъ, въ родѣ тѣхъ, какія за границею издаются для каждаго порядочнаго городка, а у насъ не имѣются и для столицъ?... *К.*

Digitized by Google

Адресъ-Календарь жителей Москвы на 1851 годъ.

На дняхъ вышла изъ здѣшней Университетской Типографіи весьма необходимая какъ для Москвичей и пріѣзжающихъ въ Москву, такъ и для живущихъ внѣ ея, книга, подъ названіемъ: «*Адресъ-Календарь жителей Москвы*, составленный по офиціальнымъ свѣдѣніямъ и документамъ *К. Нистремомъ*. 1851 г.» По примѣру трехъ предшествовавшихъ лѣтъ, нынѣ Адресъ-Календарь явился въ двухъ частяхъ, и въ другой разъ изданнымъ *въ пользу Московскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ*. — *Въ первой части* Календаря, состоящей изъ 592 страницъ, напечатаны адресы *чиновниковъ служащихъ:* а) въ составѣ общаго столичнаго и губернскаго управленія, б) въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ управленія разныхъ вѣдомствъ, в) въ учебныхъ (вѣроятно, въ ученыхъ) обществахъ, богоугодныхъ, благотворительныхъ и учебныхъ заведеніяхъ; къ этимъ тремъ отдѣламъ приложенъ, для облегченія справокъ, алфавитъ чиновниковъ служащихъ. *Во второй части*, на 475 страницахъ, помѣщенъ Календарь *лицъ не служащихъ и купечества въ Москвѣ:* а) состоящихъ при Высочайшемъ Дворѣ Штатсъ-Дамъ и Фрейлинъ, Кавалерственныхъ Дамъ, Дамъ первыхъ четырехъ классовъ, и дѣвицъ, дочерей Генераловъ; б) иностранные Вице-Консулы въ Москвѣ; в) биржевый комитетъ; г) торговые дома негоціантовъ; д) страховыя общества; е) алфавитъ купечества, чиновниковъ не служащихъ и лицъ, состоящихъ на службѣ при разныхъ Министерствахъ и проживающихъ въ Москвѣ, и ж) указаніе примѣчательныхъ заведеній и магазиновъ. — Сколько мы помнимъ, Г. Нистремъ, послѣ подобныхъ услугъ С. Петербургу, въ 1837 и 1844 годахъ, въ продолженіе 12-ти лѣтъ уже 7-й разъ услуживаетъ и Москвичамъ своимъ «Адресъ-Календаремъ», время отъ времени совершенствуя и пополняя его, и приводя болѣе и болѣе въ легчайшую, упрощенную систему. *Первый*, выданный имъ Адресъ-Календарь, былъ *настольнымъ:* онъ состоялъ *изъ 3-хъ частей и алфавита, въ осьмушку*, и потому, по своей величинѣ формата, не удобенъ, а какъ первый опытъ — мало удовлетворителенъ; вскорѣ потомъ онъ перемѣнилъ свою наружность и шрифтъ, и являясь изданнымъ въ 32 или 16 доли, сталъ уютнѣе своимъ форматомъ и сдѣлался книжкою *ручною*, не теряя своего достоинства и пользы быть вмѣстѣ и *настольною*; въ 1846 году онъ явился въ одной книжкѣ, въ 810 страницъ, въ раззолоченной голубой оберткѣ и съ прекрасно-литографированными у г. Дрегера рисунками: «Новый Императорскій Кремлевскій Дворецъ» и «Станція желѣзной дороги въ Москвѣ». Съ 1848 года сталъ выходить въ двухъ частяхъ

Digitized by Google

Нынѣшній Московскій Адресъ-Календарь, въ сравненіи съ прошлогоднимъ, носитъ значительныя прибавленія или измѣненія; такъ напримѣръ, въ первый разъ являются въ немъ статьи: а) о Штатсъ-Дамахъ и Фрейлинахъ, Кавалерственныхъ Дамахъ, Дамахъ первыхъ четырехъ классовъ, и дѣвицахъ, дочеряхъ Генераловъ, — проживающихъ въ Москвѣ; б) биржевый комитетъ; в) полицейское управленіе, — статья, въ коей подробно поименованы всѣ квартальные надзиратели и поручики; г) вольныя аптеки и управляющіе ими; д) Варваринскій Сиротскій Домъ; е) Городскія начальныя училища; ж) Губернская посредническая Коммиссія; з) канцелярія IV-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Контрольной экспедиціи; и) Коммерческаго Совѣта отдѣленіе; і) Коммиссія управленія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ; к) Общество любителей коммерческихъ знаній; л) Окружное Управленіе Палаты Государственныхъ Имуществъ; м) пансіоны и школы; н) полицейскіе врачи; о) Работный домъ; п) рисовальныя школы; р) судоходная Депутація; с) учебное заведеніе Человѣколюбиваго Общества; т) учебныя заведенія при церквахъ иностранныхъ исповѣданій; у) Черноморскаго флота управленіе; ф) школы при фабрикахъ; х) Компанія морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія «Надежда». — Всѣ эти статьи въ Адресъ-Календарѣ являются или вновь, или совершенно измѣненными. Изъ недостающихъ противъ 1850 года, мы замѣтили только двѣ: Коммиссія для окончанія отчетности бывшей Коммиссіи строеній въ Москвѣ, и Конское Государственное заведеніе. — Статью «Указаніе *примѣчательнѣйшихъ* заведеній и магазиновъ», мы нашли также много измѣнившеюся противъ прошлогодней: нѣкоторые изъ лицъ, заведеній и магазиновъ явились вновь, другіе показались черезъ годъ или два, третьи остались изъ прошлогодняго Календаря, а многихъ изъ извѣстныхъ намъ по прежнимъ Адресъ-Календарямъ и вывѣскамъ не встрѣтили; вѣроятно, имъ не посчастливилось попасть въ Адресъ-Календарь, или потому, что, какъ сказалъ Персидскій поэтъ Саади: «однихъ ужъ нѣтъ, другіе странствуютъ далече», а можетъ быть и такъ, опущены случайно, безъ причины. Въ числѣ послѣднихъ, мы не нашли, напримѣръ, заведеній и магазиновъ г-дъ: Мещерскаго, Виберха (имѣющаго заведеніе 30 лѣтъ), каретника Шульца (коего заведеніе существуетъ 48 лѣтъ), манежъ Фрейтага, магазиновъ: Дюлу, Ярошки (бывшее Ліото) Біэрклюнде, Штелинга, Руселя и Мари, Мейбома, Торнеуса и проч. — Въ числѣ прибавленныхъ нынѣ вновь, въ сравненіи съ прошлогоднимъ, помѣщены: Первоначальное страховое заведеніе транспортовъ; заведенія и магазины г-дъ:

Digitized by Google

Фульда, Блана и К-о, Гуденлорфа, Пеца, Тиля, Плотлера, Зегера (бывшій Нейгебауера), Ралле, Оливье, Морозова (нынѣ Корчевой), Баумгартена, Сазикова, Ланге, и проч.

Но такъ какъ намъ (вѣроятно и всѣмъ) жизнь и здоровье дороже всего, то мы и обратимся къ Московскому Календарю за подробными адресами, фактами и частію системами, для насъ нужными или цѣлительными. Хотя мы основательно знаемъ, что нынѣ можемъ пережить допотопнаго Маѳусаила, или Маѳусалима, — этого синонима долговѣчности почти у всѣхъ народовъ, жившаго 969 лѣтъ, — ежели будемъ пользоваться долговѣчными, превосходными рецептами во многихъ печатныхъ книгахъ, каковы напримѣръ: «Истинный способъ быть здоровымъ, долговѣчнымъ и богатымъ, или открытіе особливыхъ и весьма дешевыхъ секретовъ, посредствомъ которыхъ всякой можетъ доставить себѣ прочное здоровье, и проч.», въ трехъ частяхъ; или: «О продолженіи человѣческой жизни, или средства, какъ достигать здоровой, веселой и глубокой старости, и проч.», въ шести частяхъ, — и множествомъ имъ подобныхъ изданій, по коимъ мы чуть-чуть не «вѣчно» можемъ лечиться сами и даже пользовать другихъ.... Но, такова уже натура смертнаго: ему нужно рецептовъ еще новѣе, еще болѣе усовершенствованныхъ, современныхъ, животрепещущихъ минутой самаго полезнаго интереса, — и вотъ для него явились въ Москвѣ *Искусственныя Минеральныя Воды*.... «Искусственныя?» Нѣтъ ужъ, — лучше, нѣтъ ли натуральныхъ?» — Извольте: есть и онѣ — самыя натуральныя; это — *Водолечебное заведеніе Доктора Крейзера*.... «Но, помилуйте, — лечиться простою водою?! Это невѣроятно!» — Какъ вамъ угодно: вѣрьте или не вѣрьте; но вотъ вамъ фактъ или результатъ этого способа леченія, счастливѣе котораго едва ли какой можетъ быть: нынѣшній Адресъ-Календарь (часть 2-я, стран. VI—VIII) вамъ докладываетъ, что въ «Водолечебномъ заведеніи» г-на Крейзера съ 1843 года до-нынѣ, въ продолженіе 8-ми лѣтъ, пользовалось 836 человѣкъ; изъ нихъ болѣе половины выздоровѣло, 351 ч. получили облегченіе, а умерло — О, то есть *ни одного не умерло!*... Ежели вамъ и этотъ блистательный результатъ не вполнѣ удовлетворителенъ, а самый способъ леченія загадоченъ или сомнителенъ, то подождите не много: г. Крейзеръ (на стран. VII) обѣщается скоро выдать въ свѣтъ свою, въ высшей степени замѣчательную и преполезную для насъ, страждущихъ, брошюру объ особенномъ, новооткрытомъ имъ способѣ леченія многихъ болѣзней, напримѣръ: нервныхъ, душевныхъ, спиннаго мозга, въ ревматизмѣ, геморроѣ и проч. — Тѣ, которымъ не

Digitized by Google

нравилось, или казалсь не надежнымъ лечиться у г. Крейзера слишкомъ простыми средствами (ужь слишкомъ простыми — водою!), обратились къ другому источнику, въ *Электролитическое лечебное заведеніе Доктора Круселя*, открытое въ 1845 году, 24 Іюля. О результатахъ этого лечебнаго заведенія Адресъ-Календарь намъ ничего не сказалъ, а потому и мы умолчимъ.... Но ежели, наконецъ, ни «искусственныя минеральныя воды», — ни «водолеченіе» простое, — ни «магнитно-электрическое и электро-электрическое» леченіе, которое, какъ увѣряютъ Адресъ-Календарь 1848 года, часть 2-я стр. 25-я, и N 130-й Московскихъ Вѣдомостей 1845 года, «не требуетъ ни внутренняго употребленія лекарствъ, ни особенной діэты, и коимъ разлагаются яды, или злокачественныя язвы обращаются въ доброкачественныя, безъ ножа устраняются болѣзненно измѣненныя ткани, словомъ, излечиваются многоразличныя наружныя болѣзни, преимущественно же ракъ, антоновъ огонь» и проч. и проч., вамъ все еще не нравятся, или кажутся не надежными, то вотъ нынѣшній Адресъ-Календарь (часть 2-я, стр. VIII) предлагаетъ *Московскій лечебный гальваническій Кабинетъ* Доктора Ф. М. Бѣлявскаго, на Тверской, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, въ домѣ Мартыновой. Заведеніе это существуетъ въ Москвѣ 7 лѣтъ. На изученіе и изслѣдованіе силы гальванизма, открытаго въ 1791 году, употреблено почти 60 лѣтъ. Могущество гальванической силы утверждено многочисленными опытами естество-испытателей и врачей Европы. Знаменитѣйшія имена Гальвани, Вольта, Волансона, Ампера, Реймонда, Ал. Гумбольдта, М. Галля, Фарадея, Біота, Араго и сотни другихъ ученыхъ во всѣхъ государствахъ Европы и въ Сѣверной Америкѣ, не требуютъ уже никакого другаго авторитета въ подтвержденіе цѣлительной силы гальванизма, и сверхъ того ручаются за «примѣненіе гальванизма, этой дивной силы природы, представляющее въ области медицины новаго дѣятеля, облегчающаго и изцѣляющаго недуги страждущаго человѣчества», а также и за «блистательные результаты опытовъ съ гальваническою силою, пріобрѣтенные учеными, и ежедневныя изцѣленія, производимыя съ постояннымъ успѣхомъ около 60 лѣтъ, по удостовѣренію знаменитаго Германскаго ученаго, Зейфера, 768-ю учеными въ разныхъ странахъ свѣта».... Въ Москвѣ, съ 1844 года, со времени открытія въ ней галвано-магнитнаго леченія посредствомъ гидро-электрическихъ токовъ, по настоящее время, пользовались у г-на Бѣлявскаго 2,473 человѣка приходящихъ больныхъ. Дальнѣйшіе, подробнѣйшіе, результаты этого леченія намъ не сообщены. Знаемъ только, по Адресъ-Календарю (см.

Digitized by Google

часть 2-я, стран. IX), что «способъ этого леченія есть одинъ изъ благодѣтельнѣйшихъ открытій нашего времени, столь обильнаго важными и полезными открытіями. По этому способу не только скоро, но и безъ разстройства первыхъ путей организма, излечиваются болѣзни, прежде неизлечимыя и недоступныя врачебному искусству, а нынѣ излечиваются скоро, безъ дурнаго послѣдствія для организма; однимъ словомъ, многіе недуги, сдѣлавшіеся какъ бы плачевнымъ и неизбѣжнымъ удѣломъ человѣчества, теперь, цѣлебною силою галвано-магнитнаго леченія, по большей части совершенно уничтожаются». — Не имѣя права сомнѣваться въ этихъ словахъ, мы душевно и сердечно порадовались имъ, и подумали про себя: дай-то Богъ! Открытія шагаютъ милями, и потому человѣчество можетъ нынѣ смѣло надѣяться жить и не хворать столѣтіями.... Какъ вдругъ слѣдующія строки насъ опечалили и заставили крѣпко, крѣпко призадуматься: «*Ежегодно возрастающее число больныхъ*, увеличивающееся стремленіе ихъ пользоваться, и проч.

Но, чувствуемъ и понимаемъ, что пристрастное желаніе быть «здоровымъ и долговѣчнымъ» насъ увлекло очень далеко отъ библіографическаго извѣстія объ «Адресъ-Календарѣ на 1851 годъ». — Изчисливъ его достоинства, не мѣшаетъ сказать и объ его недостаткахъ. Недостатками мы считаемъ нѣсколько опечатокъ и невѣрностей; въ числѣ послѣднихъ мы укажемъ, напримѣръ, въ 1-й части на страницу 337, гдѣ адресы лицъ двухъ ученыхъ Обществъ «Испытателей Природы» и «Исторіи и древностей Россійскихъ» перемѣшаны, пропущены и ошибочно названы. Календарь еще говоритъ, что какъ эти два Общества, такъ и «Физико-Медицинское» имѣютъ свои «засѣданія у Предсѣдателей». Это также неправда: Общества находятся въ Университетѣ, гдѣ и засѣданія происходятъ; а ежели иногда и бываютъ у Предсѣдателей, то это исключеніе случайное, рѣдкое. Адресъ-Календарь оканчивается адресами о магазинѣ серебряныхъ издѣлій *И. П. Сазикова* и о паровомъ прачешномъ заведеніи *г-на Ланге* — статьями любопытными, хорошо написанными, которыхъ мы желали бы встрѣчать въ Календарѣ поболѣе и почаще, какъ матеріалы для исторіи и статистики нашей промышленности; впрочемъ, въ Календарѣ есть и еще нѣсколько подобныхъ статей. Въ числѣ этихъ адресовъ иные есть «съ запросомъ», а другіе, такъ сказать, съ піитическимъ вымысломъ.

Наружность Адресъ-Календаря на 1851 годъ хороша: форматъ уютный, въ 16 долю листа, печать четкая, бумага бѣлая; все это, при полнотѣ книги, Москвичамъ и пріѣзжающимъ въ Москву необходимой для справокъ, есть также не маловажное достоинство....

Ив. Дм.

Digitized by Google

Библіотика для Чтенія. Журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и модъ. 1851. Январь.

Январская книжка «Библіотеки для Чтенія» начинается стихотвореніями г. Григорія Данилевскаго. Числомъ этихъ стихотвореній двадцать; что касается ихъ достоинства, то онѣ до того слабы, что самая умѣренная критика не можетъ оправдать ихъ появленія въ свѣтъ. Вотъ для примѣра нѣсколько стихотвореній:

Слеза.

Прозябала блѣдная улитка
Въ глубинѣ холодной океана.
Безъ конца *потемокъ вѣчныхъ пытка*
Жгла ее, какъ пагубная рана.
Зарыдала жертва дна морскаго;
Изъ слезы жемчужина скатилась,
И въ вѣнцѣ властителя земнаго
Между звѣздъ алмазныхъ засвѣтилась....
Такъ и ты, поэтъ тоски и горя,
Межъ людей проходишь одиноко....
Такъ и ты, какъ перлъ роскошный моря,
Наконецъ возносишься высоко. —

Въ прозѣ это вышло бы такъ: «Подобно тому, какъ *пытка вѣч-*«*ныхъ потемокъ жжетъ блѣдную улитку, какъ пагубная рана,* «такъ точно *поэтъ тоски и горя проходитъ одиноко межъ людей;* «какъ изъ слезы *зарыдавшей жертвы дна морскаго* слагается жем-«чужина и свѣтится потомъ въ вѣнцѣ земнаго властителя, такъ и поэтъ «наконецъ возносится высоко.»

Смерть.

Смерть — это прохладная ночь,
Жизнь — изнурительный день.
Смеркось, мнѣ спится, мнѣ лѣнь....
Я утомился не вмочь.
Дубъ надъ могилой моей,
Съ дуба поетъ соловей....
Въ пѣсняхъ и радость и стонъ,
Пѣснямъ я внемлю сквозь сонъ.—

Нечего говорить объ отсутствіи всякаго содержанія въ этомъ стихотвореніи; замѣтимъ только, что въ первомъ стихѣ не соблюдено даже надлежащаго размѣра. Вотъ все такія стихотворенія г. Данилевскаго; онъ очень неосторожно сдѣлалъ, что напечаталъ ихъ, ему придется выслушать отъ критики много непріятныхъ замѣчаній. Изъ ряда прочихъ его стихотвореній выходитъ сонетъ «Степи Аккермана»; г. Данилевскому впрочемъ лучше насъ извѣстно, что это стихотвореніе не ему обязано своимъ достоинствомъ.

За этими стихотвореніями слѣдуетъ «Прошлогодній Разсказъ» А. Д. Содержаніе этого разсказа взято изъ нашей дѣйствительной жизни, чѣмъ онъ и отличается отъ прочихъ повѣстей, помѣщаемыхъ въ «Библі-

Digitized by Google

отекѣ для чтенія». Въ этомъ разсказѣ главную роль играетъ Петербургскій денди; одно это обстоятельство даетъ ему право на вниманіе читающей публики. Дендизмъ принадлежитъ къ самымъ грустнымъ явленіямъ нашей общественности и представляетъ собою неисчерпаемый источникъ для современной сатиры. Было время, когда онъ производилъ нѣкоторое обаяніе, являлся чѣмъ-то величественнымъ и неразгаданнымъ; и не только въ жизни общественной, но и въ литературѣ нашей есть разительные примѣры поклоненій дендизму и несчастныя попытки опоэтизировать его. Геніальная прозорливость Пушкина не допустила его обмануться мнимо-величественной наружностью этого въ сущности жалкаго явленія; въ Евгеніи Онегинѣ онъ ясно показалъ, что подъ этой блестящей внѣшностью онъ разглядѣлъ болѣзненную и тщательно скрываемую пустоту; онъ разоблачилъ передъ нами этихъ жалкихъ людей, прикрывающихъ гарольдовымъ плащемъ свое ничтожество. Лермонтовъ взялъ дѣло иначе; въ своемъ Печоринѣ онъ представилъ дендизмъ во всей его заманчивости, и нигдѣ не выказалъ сатирическаго взгляда на своего героя, напротивъ относился къ нему скорѣе съ участіемъ. Вліянію этого произведенія критика не оказала своевременнаго противодѣйствія, и множество несчастныхъ молодыхъ людей въ увлеченіи этимъ жалкимъ идеаломъ исказили въ себѣ естественныя движенія, испортили свою молодость и потеряли возможность воротиться на настоящую дорогу. И до сихъ поръ еще въ нашей литературѣ появляются произведенія, въ которыхъ дендизмъ представляется съ поэтической точки; очень недавно «Современникъ» предложилъ публикѣ «Варриньку» и «Записки Тамарина». Не пора ли наконецъ освободиться отъ этого обаянія и взять дѣло съ совершенно противуположной стороны? Вмѣсто того, чтобы ставить на ходули и безъ того ходульныя личности, не лучше ли подойдти къ нимъ поближе и снять съ нихъ маску? Сколько здѣсь богатства представится нашей сатирѣ; какъ много нравственной пользы можетъ она принесть обличеніемъ этого уродливаго похожденія нашей подражательности. Дендизмъ проявился у насъ въ чрезвычайно различныхъ формахъ; во всякомъ классѣ нашего общества онъ получилъ различные оттѣнки; если пристальнѣе взглянуть на дѣло, то величавый и неприступный денди окажется близкимъ родственникомъ такъ называемымъ моншерамъ и тѣмъ несчастнымъ купеческимъ дѣткамъ, которые давно сдѣлались уже добычею водевильнаго остроумія. Тотъ же Савка, да въ другихъ санкахъ. И всякое литературное произведеніе, написанное съ этою цѣлію, имѣетъ право на вниманіе критики, какъ выраженіе

Digitized by Google

правильнаго и здороваго взгляда на жизнь. Вотъ почему мы остановились съ удовольствіемъ на «Прошлогоднемъ Разсказѣ», хотя съ точки зрѣнія художественной эта повѣсть неудовлетворительна, даже слаба, и задача не получаетъ въ ней полнаго рѣшенія. Представимъ вкратцѣ содержаніе «Разсказа.» Главное лицо разсказа молодой денди, Алмазовъ, человѣкъ, въ которомъ природныя средства убиты или искажены безплодною, праздною свѣтскою жизнью. Въ 1849 г. вечеромъ, наканунѣ Рождества Христова, когда не бываетъ никакихъ публичныхъ собраній, которыми исключительно жилъ Алмазовъ, ему некуда было дѣться: у него, какъ говоритъ авторъ, не было ни дружескаго дома съ хорошенькими малютками, ни умной женщины, съ которой бы можно было *проболтать* весь длинный зимній вечеръ. А между тѣмъ у него было огромное знакомство; онъ былъ хорошъ собою, богатъ, ни одинъ балъ не обходился безъ него, и все-таки никто изъ его знакомыхъ не пригласилъ его въ свой близкій, домашній кругъ, гдѣ бы онъ могъ на пріязни отдохнуть отъ своихъ оффиціальныхъ отношеній къ обществу. Впрочемъ онъ самъ очень хорошо зналъ, что пригласить его на такой вечеръ было бы вовсе неумѣстно и такъ же глупо, какъ пригласить оркестръ Лядова и нарядиться въ бѣлый галстукъ для семейнаго вечера. Ему пришлось остаться наединѣ съ собою: обстоятельство самое тяжелое для человѣка, который не выработалъ въ себѣ ничего для себя, у котораго нѣтъ душевнаго запаса, которому необходимо постоянное раздраженіе отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Онъ пошелъ бродить по улицамъ безъ опредѣленной цѣли, въ смутномъ расположеніи духа, оскорбленный пустотой своей парадной жизни. Одиночество навело его на тяжелое, но благотворное раздумье, и все, что въ бѣдныхъ остаткахъ сохранилось еще въ его душѣ хорошаго, всплыло на верхъ. Съ завистью смотрѣлъ онъ на освѣщенныя окна домовъ, прислушивался къ серебряному смѣху празднующихъ дѣтей, сильнѣе и сильнѣе пробуждалось въ немъ желаніе дружескаго общества, близкихъ отношеній. Проходя мимо какого-то подозрительнаго дома, онъ увидѣлъ, что съ лѣстницы его сбѣжала молодая, красивая женщина, и быстро пошла по одному съ нимъ направленію. Встрѣча съ этой женщиной и ея послѣдствія для нашего денди и составляютъ содержаніе разсказа. Онъ познакомился съ ней, оказавши ей услугу, и проводилъ ее до дому. Дорогой онъ далъ ей почувствовать свою безпріютность, свое желаніе провести вечеръ въ дружескомъ обществѣ; она, въ благодарность за оказанную услугу, пригласила его

Digitized by Google

къ себѣ. Денди успѣлъ уже влюбиться въ нее, сперва охотно принялъ ея предложеніе, но тотчасъ отказался, когда узналъ, что она приглашаетъ его въ общество своего мужа и двухъ хорошенькихъ подругъ. Свѣтлое расположеніе его духа тотчасъ исчезло; онъ не понялъ простаго и радушнаго предложенія: ему чудились вездѣ насмѣшки и мистификація, онъ самъ такъ любилъ посмѣяться надъ тѣми, кто послабѣе. Отказавшись отъ приглашенія, онъ не отказался однако отъ своего новаго знакомства, онъ рѣшился преслѣдовать молодую женщину, вывѣдать тайну ея вечерней прогулки; въ этомъ намѣреніи онъ замѣтилъ ея домъ, узналъ ея имя и отправился искать слѣдовъ ея въ то закопченное строеніе, изъ котораго она вышла. Всякой другой, болѣе нормальный человѣкъ, удержался бы отъ такого преслѣдованія; онъ понялъ бы съ разу, что онъ сдѣлалъ все, что слѣдуетъ, оказавши женщинѣ услугу, и какія бы она ни возбудила въ немъ чувства и желанія, онъ повелъ бы себя иначе. Но въ нашемъ денди любовь должна была выразиться, и дѣйствительно выразилась, по своему, преимущественно въ формѣ ревности; онъ вдругъ почувствовалъ за собою какія-то права на эту женщину, онъ былъ бы въ состояніи требовать отъ нея отчета въ ея поведеніи. И эта безправная ревность стала источникомъ всѣхъ послѣдующихъ нечистыхъ продѣлокъ съ его стороны, которыя посягали на спокойствіе и семейное счастіе молодой женщины. На другой день послѣ своего знакомства съ Валинской (имя молодой дамы), онъ встрѣтилъ ее въ маскарадѣ; она ходила съ мужемъ, и, казалось они оба были счастливы до послѣдней степени. Алмазовъ узналъ ее, вспомнилъ ея вчерашнюю прогулку, это закопченное строеніе, изъ котораго она вышла, и не могъ ей простить ея счастія. Въ это время около трехъ богато одѣтыхъ масокъ собрался кружокъ, котораго вниманіе было устремлено также на счастливую чету. Одна изъ трехъ масокъ, раздосадованная извѣстіемъ, что это молодая, прекрасная и притомъ порядочная женщина, предлагаетъ Алмазову букетъ за открытіе въ ея поведеніи какихъ-нибудь грѣшковъ. Алмазовъ предлагаетъ маскѣ спросить у нея, за чѣмъ она была вчера въ небольшомъ домикѣ и т. д. Этотъ вопросъ смутилъ Валинскую, еще болѣе ея мужа, и породилъ между ними недоумѣніе. Между тѣмъ преслѣдованія Алмазова не ограничились этой выходкой; онъ на другой же день утромъ явился снова передъ извѣстнымъ закопченнымъ строеніемъ. Около этого самаго дома встрѣтилъ онъ своего давняго знакомаго и учителя, Пандурова, нѣкогда великолѣпнаго денди, ко-

Digitized by Google

торый, промотавши все свое состояніе, внезапно исчезъ изъ свѣта, чтобы скрыть отъ его безпощадно-холоднаго смѣха свое паденіе. Съ радостью бросился было онъ къ нему, но Пандуровъ холодно отвѣчалъ ему, что онъ его не знаетъ, и скрылся. Цѣлое утро проходилъ Алмазовъ передъ домомъ, не зная, какъ приступить къ дальнѣйшимъ розыскамъ; наконецъ на его счастіе показался дворникъ, и на его вопросъ отвѣчалъ, что эта подозрительная лѣстница ведетъ въ квартиру бѣдной итальянки, торгующей статуями. Алмазовъ вбѣжалъ къ ней, накупилъ у ней вещей, расположилъ ее въ свою пользу итальянскимъ языкомъ и другими средствами, однимъ словомъ: достигъ своей цѣли, узналъ, что двѣ комнаты своей квартиры итальянка отдаетъ Пандурову, и что къ Пандурову ходитъ Валинская. Онъ подкупилъ бѣдную старуху, и она рѣшилась доставить ему случай видѣть Валинскую наединѣ съ Пандуровымъ, и такимъ образомъ узнать ихъ взаимныя отношенія. Что же узналъ Алмазовъ? Узналъ онъ, что Пандуровъ былъ близкой родственникъ Валинскихъ, что во все время своего затворничества онъ пользовался участіемъ Валинской, которая старалась всѣми средствами вырвать Пандурова изъ его одиночества, возвратить его обществу и снова сдѣлать человѣкомъ. Узналъ слѣдовательно Алмазовъ всю низость своего поведенія, узналъ между прочимъ, что Валинская даже не оскорбилась его выходкой и не обратила бы на нее никакого вниманія, если бы считала себя въ правѣ объявить своему мужу тайну своихъ отношеній къ Пандурову. Презрѣніе Валинскій къ Алмазову, выраженное фразой «un enfant qui a pris du vin» было наградой за его продѣлки. Разсказъ заключается изображеніемъ мучительнаго состоянія нашего денди, пораженнаго сознаніемъ своего ничтожества и безплодной ревностью.

Нельзя не замѣтить, что этотъ разсказъ не отличается особенными достоинствами, что авторъ мало анализировалъ своего героя, скудно обстановилъ дѣйствіе, однимъ словомъ — не воспользовался, какъ слѣдуетъ, матеріаломъ, который въ такомъ изобиліи предлагается писателю жизнью нашихъ денди. Во всякомъ случаѣ мы отдаемъ должную справедливость г. А. Д. и считаемъ своею обязанностью сказать, что мы замѣтили въ авторѣ правильный взглядъ на вещи, что его разсказъ, не смотря на важные недостатки въ художественномъ отношеніи, читается съ удовольствіемъ и, разумѣется, стоитъ внѣ всякаго сравненія съ тѣми повѣстями и комедіями, которыя неблагопріятная судьба послала ему въ сосѣдство.

Далѣе, въ отдѣлѣ Русской Словесности, « Библіотека для Чтенія »

Digitized by Google

предлагаетъ публикѣ оригинальную комедію въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, подъ заглавіемъ « Заговорило Ретивое »—и коротенькій разсказъ, подъ названіемъ «Убійственный Визитъ». Посредственнѣе этихъ двухъ вещей, кажется, выдумать нельзя; дивиться надобно, на что надѣялись творцы этихъ диковинокъ, и журналъ, такъ благосклонно открывшій имъ свои страницы. Какая критика можетъ остаться въ границахъ самой обыкновенной вѣжливости, при разборѣ такихъ уродливыхъ произведеній? Бывали въ нашей литературѣ всякія явленія; писалъ Кузмичевъ, Орловъ покойникъ; такъ тѣ по крайней такъ и знали, что пишутъ для сидѣльцевъ, ихъ нельзя было и судить слишкомъ строго, значеніе ихъ въ литературѣ было достаточно опредѣлено,—посмѣялся надъ ними, сколько душѣ угодно, и кончено. Совсѣмъ другое дѣло, когда такія вещи предлагаются журналомъ словесности, наукъ, художествъ и т. д. Просто, глазамъ не вѣришь. Содержаніе комедіи слѣдующее: у помѣщика Андрея Ивановича Степанова есть дочь 16 тѣтъ, Александрина, и двоюродная сестра, Ольга Марковна, старая дѣва; руки Александрины ищетъ молодой и богатый помѣщикъ, Мезецкій, а за Ольгу Марковну сватается то же помѣщикъ, старый холостякъ, Курдюковъ. У Курдюкова съ Ольгой Марковной сперва не клеится дѣло, потому что онъ ищетъ себѣ въ замужество «*бабу*, для сельскаго хозяйства», а Ольга Марковна идеальничаетъ; но Александрина устроиваетъ ихъ союзъ. У Александрины съ Мезецкимъ тоже сперва не ладится дѣло; Александринѣ сперва не хочется отъ чего-то за Мезецкаго, а потомъ что-то захотѣлось, и она соглашается. Въ этомъ все содержаніе *во истинну оригинальной* комедіи Считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько выписокъ, для оправданія нашего отзыва. Беремъ на удачу, что попадется. Вотъ напр. разговоръ Курдюкова съ Ольгой Марковной; онъ говоритъ ей объ ея будущихъ обязанностяхъ:

А (,) главное: прошу беречь мой скотный дворъ!
Скотину (,) долгъ велитъ беречь (,) и холить...
Хорошій скотъ-съ (.) для человѣка кладъ!
И долгъ вамъ будетъ...

Ольга Марковна.

Нѣтъ-съ! прошу меня уволить!

Курдюковъ

Никакъ нельзя-съ! я отъ скота богатъ!
Въ уѣздѣ моего нѣтъ лучше домоводства...
Я-съ (,) собственно женюсь для пользы скотоводства!

Digitized by Google

Ольга Марковна (*громко*).

Ай, ай! какой mauvais!!

Курдюковъ.

Мо-ве-съ?

А это... что-съ?

. . . . . .

. . . . . .

Мове... не знаю-съ! чай преважная порода?
Да что объ ней! я вотъ... на васъ гляжу.
И вижу-съ... что понять вы не хотите дѣла.
Вы, матушка...,

Ольга Марковна.

Ахъ! нѣтъ! молчите!—я скажу
Про васъ (,) все то, что я давно сказать хотѣла:
Ефремъ Антоновичъ! вы... созданы не такъ!
Я (,) васъ пересоздамъ!!..

Курдюковъ.

О-го!.. ну, нѣтъ! избавьте-съ!
Знать, съ вами пива мнѣ ужъ не сварить никакъ!
Нѣтъ-съ, Ольга Марковна! вы сами поисправьтесь!

Ольга Марковна.

Comment!?

Курдюковъ.

Да-съ! я хочу-съ по-русски вамъ сказать:
Когда сожительской не признаете власти,
То съ вами нече толковать—
Вы мнѣ, голубушка, не къ масти!

Что же это такое? Въ 1851 году еще возможны въ русской литературѣ такія явленія! Непостижимо! Это верхъ неприличія!

Содержаніе «Убійственнаго Визита»: Молодой графъ Горскій, воротившись изъ-за границы, поѣхалъ въ какой-то губернскій городъ, гдѣ *проживалъ одинъ изъ его радушныхъ благопріятелей, съ которымъ онъ когда-то довольно покутилъ на бѣломъ свѣтѣ.* Тамъ онъ познакомился съ какой-то вдовушкой, влюбился въ нее и добился ея взаимности. Но вдова, желая испытать прочность его чувствъ, осуждаетъ его на временную разлуку съ ней. Дорогой графа разбили лошади, онъ свихнулъ себѣ ногу и былъ отнесенъ въ домъ къ радушному сосѣднему помѣщику. Дочь этого помѣщика заставила его забыть выше упомянутую вдову; онъ женился на Маріи. «Однажды утромъ

Digitized by Google

« Марія сказала мужу, что чувствуетъ себя матерью. Анатолій цѣло-
« валъ жену, называлъ ее геніемъ утѣшителемъ, и черезъ часъ по-
« слалъ въ городъ за докторомъ ». Марія между прочимъ была давняя пріятельница вдовушкѣ, и на время беременности пригласила ее къ себѣ. Анатолій и вдовушка сначала повели себя ловко, Маріи они и не показали, что давно были знакомы. Разъ Марія куда-то вышла ; оставшись вдвоемъ, Анатолій и вдовушка разговорились о прежнихъ отношеніяхъ; онъ сказалъ нѣсколько неосторожныхъ словъ, которыя долетѣли до слуха Маріи. Эти слова были причиной смерти Маріи, которая, умирая, проситъ у мужа въ чемъ-то прощенія и завѣщаетъ ему беречь ея первенца. Вдовушка уѣхала домой, какъ ни въ чемъ не бывала, а Анатолій « вдругъ посѣдѣлъ, сгорбился, какъ старикъ, и « отъ горя и тоски такъ упалъ духомъ, что въ Петербургѣ его никто « не узналъ ». Это ужасно ! Этотъ разсказъ отличается безграмотностію и какимъ-то ребяческимъ тономъ, точно мальчикъ какой писалъ. Часто попадаются фразы безъ смысла, слова употребляются не въ собственномъ значеніи (не подумайте, что авторъ склоненъ къ метафорѣ, нѣтъ ! просто, не понимаетъ значенія словъ), впрочемъ знаки препинанія стоятъ гораздо правильнѣе, чѣмъ въ оригинальной комедіи. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько отрывковъ изъ « Убійственнаго Разсказа ». — Вотъ разговоръ Анатолія съ вдовушкой. Она не вѣритъ его признаніямъ, и говоритъ : « Что ка-
« сается до истинной и постоянной любви, ея нѣтъ на свѣтѣ, да и
« быть не можетъ, потому что *нынче* всѣ мужчины — большіе эгоисты,
« которые вѣчно стараются увѣрить насъ своими кондитерскими ком-
« плиментами, что мы, женщины....

— Позвольте! Позвольте! сказалъ Анатолій..... позвольте, позвольте
« вамъ замѣтить, что между мужчинами дѣйствительно есть такіе, ко-
« торыхъ можно назвать эгоистами. *Однако изъ этого еще не слѣдуетъ*
« *заключать, что всѣ мы, сколько насъ ни есть на свѣтѣ, такъ*
« *вѣтрены и непостоянны въ своемъ словѣ, что намъ нельзя и вѣ-*
« *рить.* Прошу васъ замѣтить, кто любитъ, тотъ всегда говоритъ
« искренно и справедливо, *потому что онъ убѣжденъ въ справедли-*
« *вости словъ своихъ* » (резонъ, нечего сказать !)— « Теперь можно
« ли мнѣ сказать, что я (—) люблю васъ, и еще какъ люблю ! Я го-
« товъ все отдать, чтобы только видѣть васъ, быть съ вами вмѣстѣ,
« слышать вашъ очаровательный голосъ, знать, что *уста ваши ра-*
« *скрываются для меня.... только для одного меня* » ! Хорошо еще разговариваетъ Анатолій съ Маріей. Сидѣли они вдвоемъ, никого

Digitized by Google

дома не было. — Скажите, пожалуйста, какой это цвѣтокъ? спросилъ графъ, показывая Маріи на горшокъ съ лиліями. — « Развѣ вы не знаете?» — Нѣтъ.... или почти нѣтъ: я никогда *не занимался ботаникой* — « Да тутъ и не нужно знать ботаники, чтобы сказать, какой « это цвѣтокъ. Это лилія ». — Скажите, пожалуйста! А я не зналъ! Какъ этотъ цвѣтокъ похожъ на васъ. — « Благодарю за комплиментъ ». На охотника это, просто, наслажденіе читать. Нельзя не замѣтить, что авторъ подражалъ извѣстному разговору Подколесина съ Агафьей Тихоновною: *Подколесинъ*: Какой вы любите цвѣтъ? — Аг. Тих. который покрѣпче пахнетъ, гвоздику-съ! — Хотя мы привыкли встрѣчать въ этомъ отдѣлѣ « Библіотеки для Чтенія » плохія вещи, но такихъ, кажется, не было, до такаго цинизма дѣло не доходило. Въ отдѣлѣ « Иностранной Словесности » помѣщена первая часть « Шерли » повѣсти Керреръ-Белла, и первая часть « Ольбенійскаго Холостяка », романа автора « Семейства Фонановъ ».

Самый лучшій отдѣлъ въ « Библіотекѣ для Чтенія », разумѣется, Науки и Художества; статьи, помѣщаемыя здѣсь, отличаются по большей части общедоступностію изложенія и не рѣдко занимательностію содержанія. Въ этой книжкѣ помѣщена занимательная статья Барона Медема, сообщающая много занимательныхъ подробностей относительно устройства и состоянія военно-учебныхъ заведеній въ Пруссіи. Другая статья, имѣющая право на вниманіе публики, это « Путешествіе и Труды Августа Леярда въ древней Ассиріи ».

Свѣдѣнія о Березовскомъ и Галуппи не представляютъ никакихъ изслѣдованій по части музыки, — статья эта сообщаетъ только нѣкоторыя біографическія подробности.

Въ отдѣлѣ Промышленности и Сельскаго Хозяйства помѣщены двѣ статьи: «Недостатки Компанейскаго управленія желѣзными дорогами» и « О состояніи Сельскаго Хозяйска въ Харьковской губерніи ». Авторъ послѣдней статьи, г. Топчіевъ, родился и живетъ большую часть своей жизни въ Харьковской губерніи; состояніе хозяйства въ томъ краю ему извѣстно въ подробности. Какъ образованный хозяинъ, онъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ тому обстоятельству, что хозяйственныя средства тамошняго края не обращаютъ на себя должнаго вниманія земсевладѣльцевъ, остаются въ своемъ природномъ, первоначальномъ видѣ, и потому не даютъ тѣхъ выгодъ, которыя могъ бы извлечь изъ нихъ трудъ, соединенный съ вѣрнымъ взглядомъ на хозяйство. Хотя не льзя признать безусловно вѣрными всѣ мѣры, которыя предлагаетъ авторъ для улучшенія хозяйства въ Харьковской губерніи,

Digitized by Google

тѣмъ не менѣе нельзя не благодарить его за множество извѣстій, сообщенныхъ въ его статьѣ о знакомой ему мѣстности, и за его стараніе обличить нашихъ землевладѣльцевъ въ лѣни и равнодушіи къ народному богатству. Не можемъ удержаться отъ одного замѣчанія: г. Топчіевъ, въ числѣ мѣръ къ улучшенію хозяйства въ своемъ краю, предлагаетъ составить компаніи на акціяхъ, для проложенія желѣзной дороги отъ Харькова черезъ Курскъ до Витебска, чтобы такимъ образомъ соединить наши внутреннія хлѣбородныя губерніи съ Ригой. Какъ согласить это предложеніе съ предыдущей статьей?

Въ отдѣлѣ критики помѣщенъ разборъ сочиненія г. Березина «Путешествіе по Дагестану и Закавказью». Критика сдѣлала г Березину много дѣльныхъ замѣчаній; мы остановились съ любопытствомъ на нѣкоторыхъ филологическихъ соображеніяхъ; иныя очень остроумны, а другія не оставляютъ, кажется, никакого сомнѣнія насчетъ ихъ вѣрности. Къ числу послѣднихъ мы относимъ объясненіе названій нашихъ рѣкъ: Днѣпра, Днѣстра, Дуная, Дона. Рецензентъ жестоко упрекаетъ автора за его иногда шутливый и веселый тонъ. Не прилично, говоритъ онъ, въ костюмѣ буффо путешествовать по Востоку. Не понимаемъ этого упрека въ устахъ рецензента, потому что онъ самъ въ этомъ костюмѣ лѣтъ двадцать путешествуетъ не только по Востоку, но и по Западу, со всѣми науками включительно.

Въ Литературной Лѣтописи, которая нѣкогда отличалась извѣстнаго рода остроуміемъ, мы не нашли за этотъ мѣсяцъ ничего любопытнаго; вѣрно, послѣднія явленія нашей литературы мало предложили ей матеріала. Большой подрывъ ей сдѣлала сама редакція: зачѣмъ было помѣщать въ своемъ журналѣ такія произведенія, какъ комедія Григорьева и «Убійственный Разсказъ»? Впрочемъ, что за бѣда? Къ чему предразсудки? Мы бы посовѣтовали редакціи отдать упомянутыя вещи на жертву Литературной Лѣтописи; глумилась же «Библіотека» надъ тѣмъ, что дорого и важно для всякаго образованнаго читателя, а надъ собой-то посмѣяться грѣха нѣтъ: это оскорбить никого не можетъ. А ужъ какъ бы публика-то была довольна! Удерживаемся отъ общихъ заключеній насчетъ разбираемаго журнала; общество давно уже опредѣлило для себя его значеніе. Вліянія на литературу, при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ, учености, остроуміи главнаго издателя, онъ не имѣетъ никакого, по отсутствію направленія, слѣд. нѣтъ особой нужды противодѣйствовать тому, что въ немъ высказывается.

Digitized by Google

Современникъ. № III. Мартъ.

1) Мертвое озеро, романъ гг. *Станицкаго* и *Некрасова.*

Въ концѣ четвертой части романа, читатели изъ разсказа больнаго Мечиславскаго, могли догадаться, что Любская и Аня — одно и то же лице. Пятая часть начинается расказомъ похожденій Ани и объясненіемъ отношеній ея къ Мечиславскому. Аня была невѣстой Мечиславскаго; — онъ самъ, видя, что она не можетъ любить его, возвратилъ ей кольцо и свободу. Но надобно же было на что нибудь рѣшиться, Анѣ — надобно было ѣхать изъ Петербурга, гдѣ угрожали ей скорыя преслѣдованія Ѳедора Андреича. Она рѣшилась искать мѣста гувернантки въ провинціи. Мечиславскій узналъ это намѣреніе отъ хозяйки квартиры, и предложилъ Анѣ ѣхать въ провинцію съ нимъ вмѣстѣ; она согласилась, и оба они поѣхали въ городъ К**, куда прибыла уже прежде ихъ труппа Мечиславскаго. Аня, а вмѣстѣ съ ней и читатели, знакомятся съ сюжетами этой труппы. Кто встрѣчался когда-нибудь съ провинціальными актерами и знакомъ хоть немного съ образомъ жизни, привычками и нравами этого класса людей, тотъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ нами отдастъ полную справедливость авторамъ разсказа; — кто даже и вовсе не знакомъ съ подобнымъ бытомъ, — читая его яркое и нисколько не каррикатурное изображеніе, скажетъ, что это — такъ и непремѣнно должно быть такъ. Мы съ своей стороны не упрекнемъ этого изображенія въ грязноватости: жизнь на всякой степени стоитъ подробнаго изученія и добросовѣстнаго анализа, и если только дѣствительно добросовѣстенъ анализъ, изображеніе не можетъ быть названо грязнымъ.

« Насталъ конецъ путешествію; они въѣхали въ небольшой городъ, « околесили его весь и остановились у безконечнаго забора въ глухой « улицѣ. Когда они вошли въ калитку, Аня подумала, что передъ ней « опять новая станція: дворъ былъ огромный, вдали подъ навѣсомъ « стояли лошади и множество телѣгъ и кибитокъ Они вошли въ темныя « сѣни, гдѣ куры перепугали Аню, вылетая изъ-подъ ногъ; Мечислав- « скій раскрылъ дверь въ какую-то кухню; Аня вошла за нимъ. Русская « громадная печь тянулась прямо къ окну; между нимъ и печью было « маленькое пространство, которое почти все занимала старая толстая « женщина, вооруженная обгорѣлымъ ухватомъ, на который она, сложивъ « свои руки, опиралась подбородкомъ ».

Эта женщина — мать трехъ провинціальныхъ Клеронъ, предобрая и преглупая старуха, которая какъ огня боится дочерей, не смѣетъ прикоснуться къ ихъ постели, обязана варить имъ кофе и т. д. — А вотъ

Digitized by Google

вамъ и три сестры въ весьма нелестномъ для нихъ, но за то наполненномъ правды изображеніи:

« Въ то же время изъ другой комнаты раздались звуки скрипки, на-
« игрывающей козачька. Аня изъ любопытства заглянула въ дверь, ко-
« торая была раскрыта, и увидала слѣдующую картину. По кривому
« полу небольшой комнаты, передъ зеркаломъ, стоявшимъ на полу,
« выпрыгивала женщина казачька. Фигура ея была смѣшна до послѣдней
« степени. Она была худощава, съ таліею длины непомѣрной, съ ногами
« толстыми и обутыми въ красные полусапожки. Платье было подобрано
« къ верху: на головѣ фуражка. Она танцовала подъ скрипку, на которой
« игралъ мужчина во фризовой шинели, сидѣвшій между зеркаломъ и гро-
« мадным комодомъ. Аня заглянула дальше и увидала еще женщину, си-
« дящую на кровати, безъ башмаковъ, и курящую изъ огромнаго чубука.
« Она была съ неубранной головой, въ платьѣ страшно изношенномъ,
« похожемъ на халатъ. Черты лица ея, по своей рѣзкости, напоминали
« толстую старуху; но она была худа, отчего лицо ея казалось непо-
« мѣрно длинно. Къ тому же оно было еще рябое и, однакожъ, имѣло
« какой-то лоскъ. Ротъ огромный, подбородокъ клинообразный, глаза
« безъ блеска, но черные какъ уголь; маленькія, густыя какъ картина
« рѣсницы окаймляли ихъ. Она курила и что-то громко читала; голосъ
« ея гармонировалъ со всей фигурой.

« У окна мурлыкала третья женщина, похожая на сидѣвшую на кро-
« вати, только съ такими жидкими волосами, что вся коса была за-
« шпилена двумя шпильками, торчавшими какъ пики на головѣ. Она
« имѣла талію, кажется, еще худощавѣе прыгающей женщины, но была
« одѣта опрятнѣе; на колѣняхъ у ней были пришпилены подставныя
« букли, завивкою которыхъ она занималась ».

Не правда ли, что эти три фигуры кидаются въ глаза правдивостью своихъ чертъ, и ярко отдѣляются одна отъ другой, не правда ли такъ же, что по этимъ чисто внѣшнимъ чертамъ, можно уже гадать о нравственномъ существѣ трехъ грацій? Другое дѣло — каковы эти черты, что̀ изображено — но согласитесь, что и странно было бы искать въ нашихъ странствующихъ труппахъ Филлинъ и Миньонъ, и другихъ лицъ Вильгельма Мейстера. Не споримъ, что Филлина, не смотря на свое наглое кокетство и легкость въ отношеніяхъ съ разными господами — все-таки въ высшей степени граціозна, и конечно ужъ поэтичнѣе Лены, Мавруши и Насти, — но вѣдь Филлинъ нѣтъ въ нашихъ кочующихъ труппахъ — а па нѣтъ и суда нѣтъ! Не сочинять же ихъ художнику, т. е. не лгать же на дѣйствительность, — берите образы, каковы они нинаесть — были бы только образы, а не блѣдные призраки или каррикатуры.

Digitized by Google

Нравственное существо трехъ Филлинъ обозначается еще яснѣе въ отношеніяхъ ихъ съ матерью, съ Мечиславскимъ, съ Анею, съ слѣпымъ старикомъ музыкантомъ, единственнымъ пошло мелодраматическимъ лицемъ въ этой картинѣ. Сначала они гордо посмотрѣли на Анюю, потомъ... но здѣсь, мы опять прибѣгаемъ къ выпискѣ:

« Аня сѣла на сундукъ, стоявшій у двери, и слушала скрипку. Вдругъ « влетѣли сестры, страшно тараторя, и оступили ее, засыпая вопросами: « это петербургское платье на васъ? — *другая кричала: по чемъ?* « третья, *теребя ее за косу*, спрашивала: своя?

« — Мавруша, погляди, какая гребенка! сказала Настя, и безъ цере- « моніи, вынувъ изъ головы Ани гребенку, воткнула ее въ свою косу, « которую предварительно расчесала.

« — Но Мавруша не слушала ее, занятая не менѣе сестры: она *вер-* « *тѣла Анѣ ухо*, говоря:

« — Пѣтъ, Настинька, посмотри-ка, какія серьги!

« — Петербургскія? а? спросила Лёна въ красныхъ полусапожкахъ».

Съ слѣпымъ, котораго сестры зовутъ Велизаріемъ, — онѣ наглы и дерзки — онѣ забавляются его слѣпотою, между собою онѣ безпрестанно ссорится, съ старухой матерью обходятся съ презрѣніемъ. Не каррикатурны ли, не преувеличены ли эти черты? спроситъ, можетъ быть, иной добродушный читатель,—не клевета ли это на жизнь? прибавитъ онъ, останавливаясь въ недоумѣніи передъ яркимъ, но слишкомъ смѣлымъ и нельстивымъ очеркомъ. Нѣтъ — къ сожалѣнію нѣтъ! Фальшивыя чувства, подложное великолѣпіе сцены въ соединеніи съ грубою непосредственностью, съ грязнымъ домашнимъ бытомъ — должны были необходимо произвести нѣчто подобное. И не на провинціальной сценѣ — только сильная, истинно-артистическая натура сохранитъ себя цѣлою и чистою, не отречется отъ своей человѣчности. Взгляните на одну только внѣшнюю обстановку — и вы поймете, что это за народъ, сроднившійся съ такою сферою.

« Аня стала разсматривать комнату, пропитанную запахомъ курител- « наго табаку, и нашла въ ней ужасный безпорядокъ; кровать, на которой « недавно сидѣла Настя, была пересыпана табачнымъ пепломъ, а другая, « стоявшая неподалеку, завалена подушками и перинами, и вмѣсто одѣяла « покрыта двумя дирявыми ситцевыми капотами. Стѣны и потолокъ не « отличались особенной чистотой, не говоря уже о полѣ. Мебели было « немного: громадный комодъ съ маленькимъ туалетомъ, напоминавшій « слона съ сидящимъ на немъ ребенкомъ, старинный шкапъ со стеклами,

Digitized by Google

« тоже оканчивавшійся комодомъ, два стола да нѣсколько старыхъ « креселъ, обитыхъ кожей, отъ времени превратившейся въ какую-то « рыжую рогожу.

« Платья, крахмаленныя юбки, висѣли по стѣнамъ, украшеннымъ ста- « рыми модными картинками, которыя приколоты были булавками или « прилѣплены воскомъ. Стекла у оконъ, такъ же какъ и зеркало, покрыты « были пылью, а ерань паутиной ».

Повсюду — грязь, повсюду запущенность внѣшняя—отраженіе запущенности внутренней, которая въ свою очередь обусловливается первою, и растетъ—растетъ до колосальныхъ размѣровъ. У Лены, Мавруши и Насти — нѣтъ никакихъ интересовъ — да и откуда бы привзошли имъ интересы? Работать имъ лѣнь—даже накрыть на столъ имъ въ тягость. « Я не горничная » обидчиво возражаетъ одна изъ нихъ на предложеніе старухи накрыть столъ — да и какъ заниматься черною работою имъ, театральнымъ принцессамъ. Отъ праздности въ нихъ развивается неестественная охота ѣсть каждую минуту, — отъ праздности же, отъ губительнаго: «нечего дѣлать» пріобрѣтаются ими разныя отвратительныя привычки. Наглость ихъ въ отношеніи ко всему, что считаютъ онѣ ниже себя — тоже нѣчто пріобрѣтенное, и эта наглость — оборотная сторона ихъ раболѣпнаго униженія передъ всѣмъ, что ихъ посильнѣе. Въ особенности исполнены онѣ почтенія къ Семену Иванычу, маленькому старичку, покровителю театральнаго мірка. Надобно вамъ сказать, что Аня, частію изъ желанія дѣлать что нибудь, частію изъ женскаго кокетства, и въ особенности для того, чтобы выручить своего благодѣтеля Мечиславскаго, въ бенефисѣ котораго одна изъ трехъ сестеръ, озлившись за что-то, не хотѣла играть — рѣшилась дебютировать. Мечиславскій, хоть и съ большимъ неудовольствіемъ, а согласился на дебютъ. Дебютъ Ани былъ блистательный — въ особенности пришелъ въ восторгъ Семенъ Иванычъ — маленькій отвратительный старичекъ, весьма не церемонно обращающійся съ провинціальными актрисами, производящій имъ самый подробный осмотръ и дающій разныя ласковыя прозванія. Семенъ Иванычъ собрался даже навѣстить Аню, которую, почему-то, прозвалъ крапивкою, — но Мечиславскій въ какомъ-то паническомъ страхѣ, запряталъ Аню на печку.

«Дверь раскрылась и сестры съ шумомъ вбѣжали, крича·

«— Семенъ Иванычъ идетъ! Семенъ Иванычъ?

«Аня (NB. Она думала, что Мечиславскій спряталъ ее отъ Ѳедора Андреича) «радостно встрепенулась, и ей сдѣлалось смѣшно и весело, «когда она услышала голосъ Лёны, кричавшей старухѣ:

Digitized by Google

«— Гдѣ же она? гдѣ же она?

«Наша гостья пошла гулять, нерѣшительно отвѣчала старуха.

«— Пожалуйте-съ! пожалуйте-съ! говорила Настя у дверей.

«Аня не могла утерпѣть, чтобы не взглянуть съ печи внизъ: Семена Иваныча раздѣвали лакей и сестры кромѣ Лёны, которая «кричала на старуху, зачѣмъ она пустила Аню гулять. »

Появленіе Семена Иваныча рѣшаетъ судьбу Ани. Мечиславскій, боясь за нее не безъ причины, отпускаетъ ее въ городъ NNN на провинціальный театръ. Съ похожденіями ея на этомъ театрѣ мы познакомились уже въ предшествовавшей части романа. Когда она выѣзжала изъ города К*, снабженная Мечиславскимъ значительною суммою денегъ, слѣпой далъ ей какое-то письмо. Оказалось, что письмо на имя Настасьи Андревны въ деревню Ѳедора Андреича — и что слѣпой — нѣмецъ музыкантъ и притомъ отецъ Петруши. Вотъ мы и опять попали въ мелодраму.

Мелодрама и самая плохая, самая дикая — все дальнѣйше въ пятой части романа, — изрѣдка только мастерскія подробности напоминаютъ о талантѣ автора. Мечиславскій умираетъ, и пользуясь такимъ трогательнымъ происшествіемъ, все становится на ходули: и самъ умирающій, и Любская, и даже Остроумовъ, принимающій какой-то видъ трагическаго судіи; неизмѣнно вѣрны себѣ, только Калинскій, который особенно хорошъ, когда во главѣ мѣстныхъ театраловъ хлопочетъ о букетахъ для торжества Любской, и сажаетъ въ ложи лакеевъ и горничныхъ — и въ особенности Деризубова, въ разговорѣ съ актеромъ Ляпушкинымъ въ домѣ покойника.

«Выходя изъ комнаты, онъ (Ляпушкинъ) столкнулся въ дверяхъ съ «Деризубовой, которая привѣтствовала его, по своему обыкновенію, «нѣжнымъ вопросомъ:

«— Куда лѣзешь? и толкнула въ грудь.

«Ляпушкинъ ухватилъ за животъ, сморщился и закричалъ:

«— Ну что, матушка, у тебя за ухватки! такъ вотъ и наровишь «человѣка изуродовать.

«— Вотъ еще какой сталъ нѣженка! небось вчера, какъ я тебя «тузила въ уборной, только кривлялся.

«И Деризубова, скорчивъ печальное лице, приблизилась къ покой«нику и продолжала жалобно:

«— Ахъ ты мой голубчикъ, какъ исхудалъ! измучили тебя злодѣи.

«Не знаете, обѣдъ будетъ? дернувъ ее за салопъ, спросилъ Ля«пушкинъ.

Digitized by Google

«Еще бы! неужто родня и этого для него не сдѣлаетъ. Вѣдь это «послѣдній долгъ моему голубчику.

«И Деризубова начала отирать сухіе свои глаза. Потомъ она усѣ-«лась на диванъ, спустила салопъ съ плечъ и обмахивалась платкомъ.

«— Не взрачно жили, сказала она оглядывая компату...»

Вскорѣ послѣ похоронъ Мечиславскаго, съ которыхъ Дерисубова привезла цѣлой ридикюль пирожнаго, булокъ, даже огарокъ восковой свѣчки — является въ городъ неизбѣжный Ѳедоръ Андренчь. Любская, разумѣется, уѣзжаетъ. Пятая часть оканчивается мрачно-эффектнымъ изображеніемъ Ѳедора Андренча, сидящаго на окнѣ въ опустѣлой комнатѣ Любской.

Многіе изъ читателей романа съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія главнаго его героя, т. е. самаго Мертваго Озера, и безпрестанно спрашиваютъ: будетъ ли оно наконецъ? Мы съ своей стороны считаемъ обязанностью отвѣчать на такой вопросъ, что ужъ если обѣщано, то будетъ — и предполагаемъ дѣйствительно, что Мертвое озеро наконецъ появится при пособіи Ѳедора Андренча, слѣпаго нѣмца музыканта и другихъ мелодраматическихъ героевъ.

2.) Предгорное укрѣпленіе, повѣсть *П. Карловича*.

Повѣсть г. Карловича — кавказская повѣсть, съ содержаніемъ весьма бѣднымъ и довольно избитымъ, но въ ней есть интересъ совершенно помимо содержанія — интересъ, заключающійся въ подробностяхъ, въ мѣстныхъ очеркахъ, въ удачныхъ намекахъ на характеры, наконецъ въ бойкомъ и живомъ разсказѣ.

Сама исторія — вотъ какого рода.

Г. Поклёвкинъ, чиновникъ, ѣдущій служить на Кавказъ и заранѣе пугающійся Черкесовъ — женатъ на Грузинкѣ, хорошенькой собою, страстной, вздыхающей по горамъ своей родины. Грузинка влюбляется въ офицера Левадина и, вѣрная своей восточной натурѣ, говоритъ ему въ минуту увлеченія: Дай, дай мнѣ свою руку! Съ этой минуты ты мой господинъ! Левадинъ увлекается тоже, но потомъ покидаетъ ее. Мужъ ея умираетъ — Левадинъ на ней женится — они совершенно счастливы, но во время осады предгорнаго укрѣпленія командиръ Бровинъ посылаетъ Левадина съ опаснымъ порученіемъ. Левадинъ исполняетъ порученіе со славою, — укрѣпленіе спасено — но бѣдная Като погибла отъ черкесской пули.

Повторяемъ опять, что интересъ повѣсти г. Карловича вовсе не въ содержаніи. Хороши тутъ — очерки: не дуренъ г. Поклёвкинъ, безцеремонно допрашивающій Левадина съ перваго же знакомства, по какимъ обстоятельствамъ промѣнялъ тотъ Петербургъ на Кавказъ, — не дуренъ

Digitized by Google

Бровинъ, честный и благородный служака, немножко въ родѣ капитана Лоутона въ *Шпіонѣ* Купера,—не дурна сама Като, съ ея агатовыми очами, съ восточною фаталистическою покорностью року, съ страстными и искренними порывами—и больше чѣмъ не дурна. Хороша Кавказская барыня Дарья Петровна, изучающая въ Бальзакѣ всѣ граціозныя позы, и хорошъ денщикъ ея мужа, Никита, вопреки наставленіямъ барыни обносящій кушаньемъ гимназиста Эймунда, съ равнодушнымъ замѣчаніемъ: молодъ еще, не доросъ! и точно такъ же хорошъ поваръ Дарьи Петровны.

«Поваромъ былъ у Крутобоковыхъ солдатъ, тоже оригиналъ и «говорунъ и философъ.

«— Что ты надѣлалъ? воскликнула раздраженная хозяйка, обращаясь «къ нему.

«— А что? ничего.

«— Какой ты обѣдъ подалъ?

«— Какой обѣдъ? щи лѣнивыя, пирогъ съ кашей и съ яйцами.

«— Отчего жаркое подожжено?

«— Какъ подожжено? Да, правда: точно подгорѣло; видно поставилъ на огонь, да забылъ посмотрѣть.

«— А тортъ отъ чего такъ вышелъ изъ формы?

«— А что?

«— Да вотъ смотри.

«— *Эге-ге, какъ его угораздило родимаго! Ну, да я знаю отъ чего это.*

«— А отъ чего?

«— Отъ того, что забылъ форму смазать масломъ.»

Хорошъ въ особенности казакъ Иванъ Бородатый — лице типическое, созданіе котораго подаетъ надежду, что въ авторѣ повѣсти таится можетъ быть нѣчто большее, чѣмъ беллетристическое дарованіе. Во всякомъ случаѣ, не льзя не признать въ немъ послѣдняго—и притомъ въ замѣчательной степени.

3) Записки Охотника. XXI. Касьянъ съ Красивой Мечи.

Мы не станемъ пересказывать содержанія новаго разсказа г. Тургенева, которымъ мы лично были удовлетворены гораздо болѣе, нежели тремя предшествовавшими—не станемъ разсказывать потому, что вся прелесть разсказа въ его подробностяхъ. Два только лица являются здѣсь кромѣ самого разсказчика, и оба они, по нашему мнѣнію — созданы цѣльно и прекрасно. Эти лица—кучеръ Ерофей и Касьянъ съ Красивой Мечи.

Кучеръ Ерофей—справедливый человѣкъ, какъ зоветъ его Касьянъ—

Digitized by Google

не похожъ на извѣстнаго кучера Селифана, на котораго болѣе или менѣе сбиваются всѣ кучера у нашихъ повѣствователей. Онъ — самъ по себѣ и очень хорошъ. Сломалась ось у телѣги — онъ нагнулся съ облучка, посмотрѣлъ, махнулъ рукой и плюнулъ.

— «Что тамъ такое? спросилъ я,

«Кучеръ мой слѣзъ молча и не торопясь.

«Да что такое?

«Ось сломалась, перегорѣла—мрачно отвѣчалъ онъ, и съ такимъ «негодованіемъ поправилъ вдругъ шлею на пристяжной, что она совсѣмъ «покачнулась было на бокъ.»

Несчастіе это приписываетъ онъ встрѣчѣ покойника;—о покойникѣ знакомомъ ему замѣчаетъ: «А плотникъ былъ хорошій. «Зашибалъ «маленько, а хорошій былъ плотникъ. Вишь баба-то его какъ убиvается. Ну да вѣдь извѣстно: у бабъ слезы-то не купленныя.... бабьи «слезы таже вода.... Да!»

Хорошъ онъ, когда, прохлопотавши по напрасну около телѣги, задумчиво лѣзетъ на облучокъ, спокойно говоритъ: извольте садиться и подбираетъ возжи. Превосходно въ особенности разсуждаетъ онъ о Касьянѣ, совершенно ему непонятномъ: «И вѣдь такой удивительный, «Богъ его знаетъ: то молчитъ какъ пень, то вдругъ заговоритъ, а «что заговоритъ, Богъ его знаетъ. Развѣ это манеръ? Это не манеръ. «Не сообразный человѣкъ, какъ есть.» Какое дѣло, что Касьянъ вылечилъ его отъ золотухи: «Какое лечитъ!—говоритъ про него Ерофей «—ну, гдѣ ему? Таковскій онъ человѣкъ!» Вообще, онъ не знаетъ, что сказать про Касьяна—знаетъ только одно, что тотъ «такой ужъ человѣкъ необнаковенный! непостоянный такой, несоразмѣрный даже!» Онъ при случаѣ и посмѣется надъ Касьяномъ — а все-таки пойдетъ къ нему лечиться.

Что касается до самого Касьяна съ красивой мечи, то хоть Ерофею и кажется онъ человѣкомъ необыкновеннымъ, несообразнымъ — но авторъ умѣлъ сдѣлать его совершенно понятнымъ. Касьянъ во-первыхъ карликъ. «Вообразите себѣ,—говоритъ разсказчикъ—«карлика «лѣтъ пятидесяти съ маленькимъ смуглымъ и сморщенымъ лицемъ, «острымъ носикомъ, карими, едва замѣтными глазками, и курчавыми, «густыми, черными волосами, которые, какъ шляпка на грибѣ, широко «сидѣли на крошечной его головкѣ. Все тѣло его было щедушно и «худо, и рѣшительно не льзя передать словами, до чего былъ необыкновенен и страненъ его взглядъ.» Невзрачный видомъ—онъ еще больше отчуждаетъ отъ людей своимъ страннымъ характеромъ. «Чудной чело-

Digitized by Google

вѣкъ, какъ есть юродивецъ—разсказываетъ про него Ерофей, называющій его блохою.—«Такого чуднаго человѣка не скоро найдешь дру«гаго. Вѣдь напримѣръ, вѣдь онъ ни дать ни взять нашъ вотъ совра«сый; отъ рукъ отбился тоже, отъ работы то есть.... *Ну, конечно,* «*что онъ за работникъ*, въ чемъ душа держится? ну а все-таки.... «Вѣдь онъ съ измалѣтства такъ. Сперва онъ съ дядьями со своими «въ извозъ ходилъ: они у него были троичные — ну, а потомъ знать «наскучило—бросилъ. Сталъ дома жить, да и дома-то не усиживался. «Такой безпокойный, ужъ точно блоха. Баринъ ему попался, спасибо, «добрый—не принуждалъ. Вотъ онъ такъ съ тѣхъ поръ и болтается.»

Сначала Касьянъ съ какимъ-то недовѣріемъ, нѣсколько даже враждебнымъ, чуждается незнакомаго человѣка, не охотно подается на услуги.... и не льзя иначе! загнанный всѣми, онъ по неволѣ сталъ боязливъ и дикъ.... потомъ, онъ обошелся—расходился, сталъ высказывать свои задушевныя мысли.... Онъ живетъ съ природою, — онъ исполненъ живаго сочувствія къ каждой живой твари и убѣжденъ, что грѣхъ божьихъ пташекъ убивать—его созерцательная натура возводитъ это убѣжденіе на степень догмата: «А человѣку пища положена другая; «пища ему другая и другое питье: хлѣбъ, божья благодать да воды «небесныя, да тварь ручная, отъ древнихъ отцовъ.» — Что-то даже непосредственно мистическое есть въ его догматахъ: — «Такъ и рыбу «по твоему грѣшно убивать? спросилъ его разсказчикъ.

« — У рыбы кровь холодная, возразилъ онъ съ важностью — рыба «тварь нѣмая. Она не боится, не веселится; рыба тварь безсловесная. «Рыба не чувствуетъ. Въ ней и кровь не живая.... Кровь, продолжалъ «онъ помолчавъ—кровь солнышка Божія не видитъ, кровь отъ свѣту «прячется.... Великій грѣхъ показать свѣту кровь! Великій грѣхъ и «страхъ.... Охъ великій!...» Касьянъ самъ чувствуетъ, что человѣкъ онъ безлюдный, непосѣдъ—его тянетъ все въ даль какая-то невѣдомая сила. «Да и что?... говоритъ онъ — много что ли дома высидишь? «А вотъ какъ пойдешь, какъ пойдешь, подхватилъ онъ возвысивъ «голосъ, и полегчитъ право. И солнышко-то на тебя свѣтитъ, и Богу-то «ты виднѣй, и поется ладнѣе. Тутъ смотришь, трава какая ростетъ; «ну, замѣтишь — сорвешь Вода тутъ бѣжитъ, на примѣръ, ключевая, «родникъ: ну, напьешся, замѣтишь тоже. Птицы поютъ небесныя.... А «то за Курскомъ пойдутъ степи, эдакія степныя мѣста, вотъ удивленье, «вотъ удовольствіе человѣку, вотъ раздолье-то, вотъ Божіл-то благо«дать. И идутъ онѣ, люди сказываютъ, до самыхъ теплыхъ морей, «гдѣ живетъ птица Гамаюнъ сладкогласная и съ деревъ листъ зимой

Digitized by Google

«не сыплется, ни осенью, и яблоки ростутъ золотыя на серебряныхъ «вѣткахъ, и живетъ всякъ человѣкъ въ довольствѣ и справедливости.... «И вотъ ужъ я бы туда пошелъ.»

Не думайте впрочемъ—чтобы только къ природѣ привязался Касьянъ, чтобы онъ жилъ только смутными предчувствіями, неопредѣленными стремленіями. Любящая натура его привязана къ опредѣленному предмету—къ дѣвочкѣ, которая по всей вѣроятности—его дочь,—но любовь его до того робка, что онъ какъ будто пугается ее высказать....

Касьяна и Ерофея мы причисляемъ къ удачнѣйшимъ созданіямъ г. Тургенева.—Всѣ частички и мелочи въ разсказѣ отличаются особенною прелестью. Есть на примѣръ одна страница — описаніе впечатлѣній, когда лежишь на спинѣ въ лѣсу и глядишь вверхъ—страница, которая даже и отдѣльно взятая—прелестная картина истиннаго мастера!

Что касается до писемъ иногороднаго подписчика—то, взявшись разъ быть правдивыми историками всѣхъ его эксцентричностей,—мы отмѣчаемъ слѣдующіе любопытные факты: Иногородный подписчикъ разсказываетъ, что получилъ записку, доказывающую ему, что онъ поэтъ и притомъ изъ самыхъ первоклассныхъ—и вслѣдствіе этого онъ, какъ Мамай по его собственному выраженію, начинаетъ жестокую войну съ поэтами и поэтиссами, на первый разъ, громитъ въ пухъ и прахъ балладу Уланда, переведенную г. Миллеромъ, и вообще баллады Уланда, — потомъ острится на счетъ литераторовъ, называющихъ себя жрецами науки — изъявляетъ прихотливую страсть къ старымъ романамъ: «Улло горный бардъ» «Пиринейскій замокъ» и проч.; — по поводу нелѣпой выходки противъ 7-й главы Онѣгина въ пошлой повѣсти: «Мизинчикъ Мери»—*снисходительно* защищаетъ Пушкина, хотя находитъ его поэтомъ далеко не безукоризненнымъ,—наконецъ, отдавая справедливость статьямъ г. Забѣлина, сообщаетъ при сей вѣрной оказіи, что когда-то онъ, иногородный подписчикъ, читалъ много памятниковъ по части русской исторіи и хронологіи, и потому легко можетъ сообразить, какихъ изысканій и трудовъ стоила статья г. Забѣлина.

Въ 3-мъ N Современника—окончены статьи о «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», во всякомъ случаѣ занимательныя и любопытныя, — помѣщенъ подробный и интересный отчетъ о замѣчательнѣйшихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1850 годъ. Кромѣ того, въ отдѣленіи «современныхъ замѣтокъ» прочли мы умную и — противъ обыкновенія — серьёзную статью объ итальянской оперѣ, имѣющую предметомъ разборъ Nozze di Figaro Моцарта. *Г.*

Digitized by Google

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОСТОКУ ДОКТОРА ГРЭНА (*).

Американское общество миссіонеровъ, желая въ подробности узнать о религіозномъ состояніи Несторіанъ Персидскихъ, еще въ 1831 году послѣ донесеній, поданныхъ Шмитомъ и Дуайтомъ, которые были у Несторіанъ, рѣшилось основать въ Персіи постоянную миссію, и однимъ изъ главныхъ членовъ оной назначило доктора Грэна, который сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о мѣстахъ, имъ посѣщенныхъ, и разъясняетъ темный вопросъ о племенномъ произхожденіи и религіозномъ характерѣ послѣдователей Несторія. Миссія отправилась изъ Утики къ мѣсту своего назначенія въ первый разъ весною 1835 года, и вотъ какъ докторъ Грэнъ описываетъ свое путешествіе.

«Чрезъ семь недѣль благополучнаго плаванія мы добрались наконецъ до Смирны, въ которой въ первомъ вѣкѣ была каѳедра Епископа. Отсюда на пароходѣ пріѣхали мы въ Константинополь, изъ котораго на маломъ американскомъ суднѣ поѣхали къ Трапезонту; здѣсь вышли на берегъ, сѣли на лошадей и сдѣлали 700 миль отъ береговъ Чернаго моря до песчаныхъ долинъ Персіи чрезъ горы и равнины Арменіи. На зеленѣющихъ берегахъ Евфрата и при подошвѣ дикихъ скалъ Арарата мы отдыхали подъ сѣнію кущей, а огромные тюки съ товарами, составлявшіе грузъ 700 лошадей, слѣдовавшихъ въ нашемъ караванѣ, были складываемы вокругъ насъ и образовали нѣчто въ родѣ крѣпости, защищавшей насъ отъ нападеній Курдовъ, которыми мы были окружены со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того для безопасности нашего путешествія паша Арзрумскій далъ намъ отрядъ вооруженныхъ всадниковъ,

---

(*) Изъ книги: Les Nestoriens, ou les tribus perdues, par A. Iahel Grant. Paris, 1843.

Digitized by Google

которые нарушали тишину ночью сторожевыми перекличками. Мы старались ускорить продолжительность путешествія разговорами о странныхъ и неизмѣнныхъ обычаяхъ на Востокѣ, о множествѣ новыхъ предметовъ, встрѣчавшихся намъ на пути, и наконецъ достигли Тавриса, одного изъ главныхъ торговыхъ городовъ Персіи, и нашли радушный пріемъ у Англичанъ, жившихъ здѣсь въ небольшомъ числѣ. Тутъ мы нашли и почтеннаго отца Перкинса, одного изъ членовъ нашей миссіи, который прежде насъ пріѣхалъ въ Таврисъ. Много мы обязаны Англійскому посланнику при Персидскомъ дворѣ — Генри Еллису, который способствовалъ успѣху нашей миссіи, и другимъ Англійскимъ резидентамъ, жившимъ на Востокѣ.

Отдохнувъ нѣсколько дней въ Таврисѣ, я одинъ отправился въ Ормію для предварительныхъ распоряженій касательно стоянки нашей миссіи въ этой провинціи, въ которой есть Несторіане. Званіе врача пріобрѣло мнѣ расположеніе губернатора и всего населенія. Я тотчасъ занялся отыскиваніемъ хорошаго помѣщенія; вскорѣ пріѣхалъ туда и Перкинсъ. Мы принялись за дѣло съ успѣхомъ; больные, хромые, слѣпые приходили къ намъ толпами, и молва о моемъ искусствѣ прошла по всей окрестной странѣ. На насъ стали смотрѣть, какъ на благодѣтелей человѣчества, и насъ вездѣ встрѣчали кликами восторга. Въ особенности Несторіане принимали насъ съ чрезвычайнымъ радушіемъ. Ихъ Епископы и священники садились съ нами за столъ, и преклоняли колѣна вмѣстѣ съ нами во время молитвы; съ дѣтскою довѣрчивостію слушали наши наставленія, и своимъ вліяніемъ содѣйствовали успѣхамъ нашихъ дѣйствій на весь народъ. Они видѣли въ насъ не соперниковъ, но друзей и помощниковъ въ дѣлѣ усовершенія нравственности своихъ пасомыхъ. Вы пришли, говорили они, не разрушать, а созидать, не уничтожать наши обряды, а сообщить намъ свѣдѣнія, полезныя для благочестія. Въ ихъ характерѣ мы нашли много ободрительнаго для себя. Они питаютъ глубокое уваженіе къ Св. Писанію и желаютъ видѣть Библію въ переводѣ на языкъ, доступный для народа. Ихъ называютъ Восточными Протестантами.

Digitized by Google

Но они погружены во мракъ невѣжества и суевѣрій. Исключая духовенства, никто изъ народа, какъ мы пришли, не умѣлъ ни читать, ни писать; женщины были совершенно безъ воспитанія; они придавали большую важность только обрядамъ, а между тѣмъ не обращали вниманія на чистоту своего сердца и жизни. Не многіе только отличались благочестивою жизнію и скорбѣли объ упадкѣ нравственности въ народѣ. И такъ можно надѣяться, что искра живой вѣры, брошенная въ сердца нѣкоторыхъ, при усильномъ стараніи съ нашей стороны, разгорится пламенемъ, и народъ выйдетъ изъ мрака невѣжества.

Мы открыли 12 или 14 школъ въ селеніяхъ Несторіанъ; въ городѣ устроили семинарію и пансіонъ для дѣвицъ, и перевели важнѣйшія мѣста Писанія на народный языкъ. Несторіане отворили для насъ свои церкви, и по воскреснымъ днямъ позволили намъ проповѣдывать Евангеліе. Изъ Америки прислали къ намъ типографскій станокъ и типографщика Брейта, который такъ устроилъ типографію, что ее можно было въ случаѣ надобности перевозить на лошадяхъ. Узнавъ объ успѣхахъ нашей миссіи, каждый годъ являлись къ намъ изъ Нью-Іорка новые товарищи.

Провинція Ормія, въ которой доселѣ сосредоточены труды миссіонеровъ, обнимаетъ значительную часть древней Мидіи, и лежитъ въ сѣверо-западной части Персіи. На западъ она отдѣляется высокими снѣжными горами отъ древней Ассиріи или Курдистана, а къ востоку лежитъ Ормійское озеро, имѣющее 80 миль въ длину и 30 въ ширину. Вода въ этомъ озерѣ такъ солена, что рыба не можетъ въ немъ жить, но берега его оживлены большими стаями водяныхъ птицъ, между которыми мы замѣтили краснаго гуся съ блестящими перьями (phenicopterus ruber).

Между озеромъ и горами на пространствѣ около 5000 квадратныхъ миль разстилается удивительно плодоносная равнина, покрытая тремя-стами деревень. Сады, виноградники украшаютъ ее обильною зеленью и орошаются множествомъ горныхъ потоковъ. Это одинъ изъ очаровательныхъ взглядовъ

Digitized by Google

на Востокъ: внизу плодоносная равнина, а тамъ вдали въ противоположность ей, горы, на вершинахъ которыхъ нѣтъ ни одного деревца, а при подошвѣ ива, тополь, сикоморъ означаютъ теченіе ручейковъ; далѣе густыя персиковыя, абрикосовыя, грушевыя, сливовыя, вишнёвыя и виноградныя деревья распространяютъ по полямъ пріятную прохладу.

Среди этой долины лежитъ древній городъ Ормія, окруженный рвомъ и оградою, которая имѣетъ до 4 миль въ окружности; въ городѣ около 20,000 жителей,—всѣ почти магометане. Неподалеку отъ города къ востоку возвышается искусственная насыпь отъ 70 до 80 футовъ, которая обозначаетъ, по преданію, мѣсто храма, въ которомъ во дни глубокой древности славный Зороастръ возжигалъ священный огонь и воздавалъ поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ.

Климатъ страны вообще хорошъ, только отъ различныхъ мѣстныхъ причинъ здѣсь появляются иногда лихорадки, отъ которыхъ особенно страдаютъ Европейцы. Моя жена первая сдѣлалась жертвою этой болѣзни вмѣстѣ съ двумя маленькими дочерьми, и я со слезами похоронилъ ихъ въ оградѣ древней Ормійской церкви. Вскорѣ я оставилъ Ормію по приказанію совѣта Американскихъ миссій, и отправился въ Месопотамію, гдѣ долженъ былъ утвердить мѣстопребываніе между Несторіанами, населявшими западную часть горъ Курдистана, въ центрѣ древней Ассиріи. Долго я всматривался въ эти горныя незанятыя племена, прежде нежели миссія открыла свою дѣятельность. Онѣ составляютъ центръ Несторіанской церкви, потому весьма важно было заняться искорененіемъ ихъ раскола. Но доступъ къ нимъ довольно труденъ, потому что они окружены со всѣхъ сторонъ кровожадными сосѣдями—Курдами, которые недавно злодѣйски умертвили одного Европейца—Шульца, хотѣвшаго проникнуть въ селенія Несторіанъ.

Курды—племя воинственное, населяютъ древнія Гордійскія или Курдскія горы, лежащія между Персіею и Турціею, и находятся подъ властію той или другой державы. Но самыя могущественныя племена Курдовъ только называются подданными Турціи и Персіи, а племя Гакари совершенно независимо.

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ Курдовъ ведутъ жизнь кочевую и живутъ въ шалашахъ, другіе селятся въ деревняхъ, но всѣ болѣе или менѣе занимаются грабежемъ. Они говорятъ, что исповѣдуютъ исламизмъ. Слѣдующій разговоръ, который я велъ съ однимъ Курдомъ въ присутствіи Несторіанскаго Епископа, покажетъ характеръ этихъ варваровъ. Мысли, которыя высказалъ мнѣ Курдъ, часто я и послѣ встрѣчалъ въ разговорахъ съ Курдами, и Несторіане подтверждали, что дѣйствительно таковы Курды.

Гдѣ вы живете? спросилъ я его.

Въ черныхъ шалашахъ. Мы Куши-Курды, отвѣчалъ онъ.

Чѣмъ же вы занимаетесь?

Да мы грабимъ все, что намъ попадется.

И убиваете людей?

Да, если попадется намъ немного людей, которыхъ мы хотимъ ограбить, мы убиваемъ ихъ, а если они сильнѣе насъ, то они насъ убиваютъ.

А если не окажетъ никакого сопротивленія человѣкъ, котораго вы хотите ограбить?

Тогда, коли съ нимъ много добра, мы убьемъ, чтобы онъ послѣ не жаловался на насъ, а если мало, мы отпускаемъ его.

А если вамъ попадется бѣдный человѣкъ, и съ нимъ, кромѣ одежды, ничего нѣтъ?

Если одежда у него порядочная, мы ее беремъ себѣ, а ему дадимъ похуже. А коли плоха, мы его такъ отпустимъ.

Но вѣдь очень дурно вы дѣлаете, что грабите. Развѣ не льзя вамъ найти другаго занятія?

Что-жъ бы мы стали дѣлать? У насъ нѣтъ ни поля, ни сохи; воровство—наше ремесло.

Персы бы дали вамъ землю, если бы вы захотѣли ее обработывать.

Мы не умѣемъ работать.

Этому легко выучиться. Стоитъ попробовать.

Нѣтъ! лучше грабить. Много нужно времени и труда, чтобъ добыть себѣ хлѣба, а ограбивъ деревню, мы въ одну ночь достаемъ себѣ всего вдоволь.

А развѣ вамъ не страшно, что васъ могутъ застать и убить?

Digitized by Google

Пускай убьютъ; надо же умирать когда-нибудь, теперь или въ другое время. Мы ходимъ на разбой обыкновенно большими толпами по ночамъ, когда въ селеніяхъ спятъ; тамъ не успѣютъ и проснуться, а мы уже все ограбили. Если противъ насъ вышлютъ войско, мы снимаемъ свои шатры и удаляемся въ глубину горъ.

А почему-жъ вы не нападаете вотъ на эти селенія, пограничныя съ Персіею?

Намъ тогда негдѣ будетъ зимовать съ своими стадами. Мы даемъ кое-какіе подарки Персамъ и живемъ въ ладу съ ними.

Мнѣ бы хотѣлось придти въ ваши селенія. Что вы меня ограбите и убьете?

Нѣтъ! мы не убиваемъ своихъ друзей. Мы знаемъ, что ты придешь къ намъ для добраго дѣла, и никто тебя не оскорбитъ. Мы слышали объ тебѣ много хорошаго.

7 Октября утромъ я отправился въ самую глубину Курдистана съ двумя Персидскими Несторіанами, съ однимъ Курдомъ, погонщикомъ муловъ и съ Турецкимъ кавасомъ. На берегахъ Тигра мы наполнили водою кожаные мѣшки, и взвалили ихъ на нашихъ муловъ: понтонный мостъ на рѣкѣ былъ занятъ густою толпою Курдовъ, Арабовъ, Турокъ, Христіанъ и Жидовъ, которые образовали странную смѣсь костюмовъ и нарѣчій. Ихъ верблюды, ослы, мулы и лошади были навьючены множествомъ сельскихъ произведеній, хлѣбомъ, плодами, дынями и произрастеніями всякаго рода, которыя продаются весьма дешево въ городахъ Восточныхъ, особенно въ это время года. Это было при Моссулѣ, гдѣ Тигръ имѣетъ до 150 метровъ ширины. Всѣ жители Востока согласно признаютъ, что Тигръ и Евфратъ орошали рай: имя Тигра — Хиддекель или Деглехъ, доселѣ сохранилось у Христіанъ и Жидовъ, но о другихъ двухъ рѣкахъ райскихъ на Востокѣ имѣютъ смѣшанныя и темныя понятія. Слѣды благословеннаго Эдема уже исчезли во мракѣ вѣковъ и вслѣдствіе паденія, и эта прекрасная страна міра орошается слезами и кровію.

По Тигру мы переѣхали изъ Месопотаміи въ Ассирію, и посѣтили развалины Ниневіи; недалеко отсюда находятся

Digitized by Google

двѣ деревни, населенныя Эзидами, или поклонниками діавола. Густыя оливковыя рощи, покрытыя роскошною зеленью и плодами, созрѣвающими при лучахъ осенняго солнца, придавали селеніямъ пріятный видъ. Подходя къ селеніямъ мы обратили вниманіе на могильные памятники Шейковъ Эзидскихъ; они имѣютъ форму конусовъ или пирамидъ, стоятъ на четыреугольныхъ камняхъ, и вышиною около 20 футовъ. Мы взошли въ домъ одного изъ старѣйшинъ Эзидскихъ, выстроенный,какъ и вездѣ на Востокѣ, въ грубомъ вкусѣ, съ плоскою крышею. На дворѣ намъ наслали войлоковъ и попросили сѣсть. Я увидѣлъ, что Эзиды воздаютъ особенное почтеніе Христіанамъ, и терпѣть не могутъ мусульманъ. Они допускаютъ крещеніе, знаменуются крестомъ, снимаютъ туфли и лобызаютъ прагъ церковный, когда входятъ въ храмъ Христіанскій.

Эзиды вѣруютъ въ одного высочайшаго Бога и въ нѣкоторой степени въ Іисуса Христа, какъ Спасителя. У нихъ замѣтны слѣды сабеизма и поклоненія огню, ибо они падаютъ ницъ предъ восходящимъ солнцемъ, и цѣлуютъ первые лучи солнца, упадающіе на стѣну или на другой какой предметъ; они не задуваютъ свѣчи, не плюютъ въ огонь изъ опасенія осквернить эту священную стихію.

По наблюденію обрѣзанія и праздника Пасхи они по видимому подходятъ къ Іудеямъ. Вообще они составляютъ какъ будто особенный народъ въ исторіи человѣчества. Ихъ вѣроученіе представляетъ много сходнаго съ древнею ересью Манихеевъ; даже вѣроятно, что это потомки послѣдователей Манеса. Это доказывается тѣмъ, что они ведутъ свое произхожденіе изъ той страны, гдѣ Манесъ первоначально распространялъ свое лжеученіе; кромѣ того имя основателя ихъ секты одно и тоже съ именемъ главнаго ученика Манесова— Адды. Если Адда Эзидовъ и ученикъ Манесовъ одно и тоже лице, то это обстоятельство хорошо объясняетъ произхожденіе ученія и обрядовъ, соблюдаемыхъ Эзидами, и проливаетъ яркій свѣтъ на первоначальную исторію этого замѣчательнаго народа.

Что касается до ихъ богослуженія, то ихъ не напрасно

Digitized by Google

обвиняютъ въ особенномъ почтеніи, оказываемомъ діаволу, только надо принимать это почитаніе въ смыслѣ очень ограниченномъ. Они говорятъ о немъ со страхомъ, можетъ быть изъ опасенія его злобы и мщенія, не произносятъ прямо его имени, и выражаются перифразомъ, и называютъ его владыкою ночи или княземъ тьмы, а иногда шейхомъ Маазенъ, или высочайшимъ владыкою. Они говорятъ, что сатана есть падшій ангелъ, на котораго разгнѣвался Господь, но что нѣкогда онъ обратится и будетъ возстановленъ. Понятіе о злѣ, господствующее между Езидами, возникло, кажется изъ ученія древнихъ Маговъ объ Ариманѣ и изъ лжеученія Манихеевъ о второмъ божествѣ.

Христіане Месопотаміи утверждаютъ, что Эзиды приносятъ жертвы діаволу, бросая деньги и драгоцѣнныя вещи въ глубокую пропасть горъ Синара, на которыхъ живутъ они въ большомъ количествѣ. Разсказываютъ, что когда Турки овладѣли этимъ мѣстомъ, то паша будто принудилъ священника Эзидовъ указать ему эту пропасть, и взялъ оттуда несмѣтныя сокровища, лежавшія въ пропасти въ продолженіе многихъ вѣковъ. Эзиды сами себя называютъ Дазени, вѣроятно отъ древней области Дазенъ, въ которой была каѳедра Епископа въ первыя времена Христіанской Церкви. Главное мѣсто ихъ собраній или огромный храмъ Эзидовъ былъ нѣкогда Христіанскою церковію или даже монастыремъ. Эзиды говорятъ на одномъ языкѣ съ Курдами. Число ихъ простирается до 10,000 человѣкъ.

Наконецъ мы оставили Эзидовъ и отправились къ Несторіанамъ. Первое селеніе Лезанъ, лежащее на берегахъ быстрой рѣки Зеба, наполнено независимыми Несторіанами; оно очень многолюдно и выстроено при подошвѣ горы. Насъ позвали къ старшинѣ селенія, который жилъ въ двухъ-этажномъ домѣ. Мы сѣли на полъ въ большой горницѣ; намъ принесли обѣдъ въ большой чашкѣ, выдолбленной изъ дерева, поставили его на кожу дикой козы, замѣнявшую и столъ и скатерть. Намъ роздали по куску просянаго хлѣба, похожаго на чекахъ у Виргинцевъ, дали по деревянной ложкѣ, и всѣ мы безъ пере-

Digitized by Google

моніи начали брать пищу изъ общей чашки. Я замѣтилъ на козьей кожѣ множество хлѣбныхъ крошекъ, оставшихся отъ прежнихъ обѣдовъ, и когда я спросилъ о причинѣ ихъ сбереженія, мнѣ указали на слова Спасителя (Іоан. VI, 12.).

На другой день (это было воскресенье) меня разбудили удары въ деревянную доску, которая употребляется здѣсь вмѣсто колокола для призыванія поселянъ въ церковь. При входѣ въ церковь, каждый снимаетъ свою обувь, лобызаетъ порогъ церковный, потомъ идетъ къ олтарю, прикладывается ко кресту и Евангелію, и цѣлуетъ руку у Священника. Церковь въ Лезанѣ каменная со сводами и очень древней постройки; Несторіане говорятъ, что ей 1400 лѣтъ. Дверь въ нее такая узкая, что одинъ человѣкъ съ трудомъ можетъ пройти въ нее, и это, по словамъ Несторіанъ, дѣлается на основаніи словъ Спасителя: *внидите узкими враты*. Молитвы читаются и псалмы поются на древнемъ Сирскомъ языкѣ, котораго народъ вовсе не понимаетъ; впрочемъ одинъ изъ священниковъ, прочитавъ Евангеліе на древнемъ, переводитъ его на новый Сирскій языкъ, на которомъ говорятъ Несторіане. Иногда чтеніе Евангелія сопровождается изъясненіемъ онаго или разсказами, взятыми изъ легендъ, которыхъ у Несторіанъ весьма много. Причащеніе совершается въ раздѣленныхъ видахъ хлѣба и вина. По окончаніи службы, когда выходили изъ церкви, каждый получалъ въ дверяхъ ломоть хлѣба съ небольшимъ кускомъ мяса, и это дѣлалось, какъ говорили Несторіане, въ воспоминаніе вечери любви у первенствующихъ Христіанъ. Служба въ церкви бываетъ каждый день утромъ и вечеромъ; впрочемъ не всѣ ходятъ въ церковь: многіе дома совершаютъ молитвы, и цѣлуютъ деревянный крестъ, висящій на стѣнѣ въ каждомъ домѣ. Замѣчательно, что у Несторіанъ не встрѣчается собранія всѣхъ священныхъ книгъ въ одномъ томѣ: только Патріархъ будто имѣетъ право владѣть всею Библіею. А то у одного изъ Несторіанъ есть Евангеліе, у другаго посланія, у третьяго псалмы или пятокнижіе и т. д. Въ ихъ библіи не достаетъ вовсе Апокалипсиса и двухъ или трехъ соборныхъ посланій.

Digitized by Google

Посѣтивъ еще нѣсколько селеній Несторіанскихъ, я наконецъ поѣхалъ къ Патріарху Несторіанъ, который имѣетъ пребываніе въ округѣ Дифеѣ, въ полумилѣ отъ лѣтняго дворца Солиманъ-Бея, одного изъ главныхъ начальниковъ Курдовъ. Узнавъ о моемъ приближеніи Патріархъ выслалъ для меня провожатыхъ и лошадь, и приглашалъ къ себѣ. Когда я подъѣзжалъ къ его дому, онъ съ любопытствомъ и удивленіемъ смотрѣлъ на меня въ зрительную трубу: я переплылъ моря— этого довольно, чтобъ быть предметомъ удивленія между Несторіанами; ибо по ихъ географическимъ понятіямъ земля есть обширная равнина, окруженная со всѣхъ сторонъ океаномъ; левіафанъ производитъ движеніе въ водахъ океана, чтобъ онѣ не застоялись и не сдѣлались зловонными; это—животное такой огромной длины, что голова его соединяется съ хвостомъ, а онъ самъ обогнулся кругомъ всей земли. Потому Несторіанамъ страннымъ казалось, какъ я могъ переплыть океанъ, когда на пути непремѣнно нужно было встрѣтить такое чудовище.

Въ полдень я былъ у Патріарха—духовной главы церкви Несторіанской; онъ принялъ меня очень радушно, безъ этихъ общихъ фразъ и пустыхъ выраженій удовольствія, которыя такъ употребительны у Персовъ. Патріарху лѣтъ 38; росту онъ почти средняго, хорошо сложенъ, съ лицомъ пріятнымъ, выразительнымъ и умнымъ; его широкая волнистая одежда, Курдская чалма и длинная борода съ просѣдью придавали ему видъ почтенный. Его должность очень трудна и отвѣтственна: сохранять порядокъ и прекращать вѣчную вражду между различными племенами этихъ мятежныхъ горцевъ и между ихъ сосѣдями—Курдами—дѣло, требующее великаго государственнаго ума. Патріархъ очень миролюбивъ въ своихъ распоряженіяхъ, и если носитъ съ собою ружье, то для защиты не отъ Курдовъ, но отъ волковъ, медвѣдей и гіенъ. Онъ ведетъ жизнь скромную и умѣренную. При немъ находятся два брата и сестра лѣтъ 22-хъ, да пять или шесть слугъ.

Такъ какъ Патріархъ долженъ быть въ состояніи безбрачія, то любимая сестра завѣдуетъ у него всѣмъ домомъ.

Digitized by Google

Образъ церковнаго правленія у Несторіанъ — Епископскій съ однимъ только исключеніемъ: въ племени Елу — у Несторіанъ, независимыхъ вовсе нѣтъ Епископа, также и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ формы религіозныя подчинены вліянію иноземнаго владычества. Мнѣ всего болѣе бросилось въ глаза то, что въ Сирскомъ языкѣ нѣтъ слова для выраженія имени Епископа. Несторіане вмѣстѣ съ другими Сирійцами перенесли въ свой языкъ имя Епископа отъ Грековъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что Сирскій языкъ былъ въ большомъ употребленіи въ Палестинѣ во времена Спасителя, и на немъ говорилъ Самъ Іисусъ Христосъ. Надо вспомнить также о древности Сирскаго перевода Библіи, который восходитъ къ началу втораго вѣка. Вездѣ, гдѣ въ нашихъ переводахъ встрѣчается слово Епископъ, у нихъ въ переводѣ стоитъ слово: священникъ.

Я, проживъ у Патріарха пять недѣль, имѣлъ случай видать у него знатныхъ Несторіанъ, и собралъ много свѣдѣній объ образѣ ихъ жизни и вѣроисповѣданіи.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ.

(ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ДОКТОРА ГРЭНА ПО ВОСТОКУ.)

Никогда избранный народъ Божій не наслаждался такимъ благодѣяніемъ, какъ во время продолжительнаго и мирнаго царствованія Соломона, который превзошелъ всѣхъ царей земли богатствомъ и мудростію. Но въ счастіи онъ забылъ Бога и впалъ въ идолослуженіе, и «*разгнѣвася Господь на Соломона, яко уклони сердце свое отъ Господа Бога Израилева, являшагося ему дважды, и заповѣдавшаго ему дважды: весьма не ходити ему въ слѣдъ боговъ инѣхъ*». И не сотворилъ Соломонъ, что заповѣдалъ ему Богъ, *и рече Господь къ Соломону: понеже быша сія съ тобою, и не сохранилъ еси заповѣдей Моихъ, яже заповѣдахъ тебѣ, раздирая раздеру царство твое изъ руку твоею, и дамъ е рабу твоему. Обаче во дни твоя не сотворю сихъ, Давида ради отца твоего: отъ руки же сына твоего отыму е. Токмо всего царства не возму: скипетръ единъ дамъ сыну твоему Давида ради раба Моего, и Іерусалима ради града, егоже избрахъ*». Послѣ того къ Іеровоаму посланъ былъ пророкъ Осія съ слѣдующею вѣстію: «*тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ: се Азъ отторгаю царство изъ руки Соломони, и дамъ ти хоругвій десять. И двѣ хоругви будутъ ему, раба ради Моего Давида, и Іерусалима ради града, егоже избрахъ Себѣ отъ всѣхъ колѣнъ Израилевыхъ. Занеже остави Мя и поклонися Астартѣ мерзости Сидонстѣй, и Хамосу, и кумиромъ Моавлемъ, и царю ихъ претыканію сыновъ Аммонихъ, и не*

Digitized by Google

пойде по путемъ Моимъ, еже творити угодная предо Мною. И отиму царство отъ руки сына его, и дамъ ти десять хоругвій—(3 Цар. 11. 9—13. 31 35.).

Дѣйствительно, въ началѣ безразсуднаго царствованія Ровоама, сына и преемника Соломонова, Израиль возмутился противъ дома Давидова. Іеровоамъ былъ провозглашенъ царемъ надъ всѣмъ Израилемъ (т. е. надъ 10 колѣнами), и только колѣна Іудино и Веніаминово остались за домомъ Давидовымъ. Съ тѣхъ поръ Іудеи раздѣлились на два царства, означенныя именами Іуды и Израиля; различеніе царствъ принято и у Богодухновенныхъ пророковъ, которые десяти колѣнамъ даютъ наименованіе Израиля или Ефрема, въ землѣ котораго утвердило свое главное мѣстопребываніе *новое царство* Израильское. Израильтяне забыли истиннаго Бога и предались идолопоклонству. Не смотря на увѣщанія, данныя отъ Бога, и наказанія, постигавшія Израильтянъ за идолопоклонство, Іеровоамъ старался прервать всѣ сношенія между Іудейскимъ и Израильскимъ царствомъ, и думалъ укрѣпить свое новое царство запрещеніемъ, чтобы подданые его не ходили въ Іерусалимъ на поклоненіе Богу истинному. *И усовѣтова царь, и сотвори двѣ юницы златы, и рече къ людемъ: довлѣетъ вамъ восходити въ Іерусалимъ: се бози твои, Израилю, изведшіи тя изъ земли Египетскія. И постави едину въ Веѳили, а другую въ Данѣ. И бысть слово сіе на согрѣшеніе: и идяху людіе предъ лицемъ юницы единыя даже до Дана* (3 Цар. 12, 28—30.). Такимъ образомъ Израиль прилѣпился къ идолослуженію, не внималъ ни наставленіямъ, ни угрозамъ, которыя возвѣщаемы были ему Богомъ въ продолженіе 250 лѣтъ, и за то подпалъ гнѣву Божію. Проповѣдь и чудеса Иліи и Елиссея не были сильны возвратить народъ къ истинной вѣрѣ. Самые цари стояли во главѣ идолослуженія и разврата: всѣ, не исключая ревностнаго Іуя, который съ тѣмъ и возведенъ былъ на престолъ, чтобы востановить истинное Богопочитаніе въ Израильскомъ народѣ, были поклонниками золотаго тельца: самъ *Іуй не отступи отъ грѣховъ Іеровоама, иже въ грѣхъ веде Израиля* (4 Цар. 10. 29.). Хотя онъ истребилъ по-

Digitized by Google

томство нечестиваго Ахаава и избилъ жрецовъ Вааловыхъ; однако народъ продолжалъ еще нарушать законъ Божій, и поклонялся богамъ языческимъ. За сіе Господь разгнѣвался на Израиля и отвергнулъ его отъ себя. Два колѣна Рувимово и Гадово и половина Манассіина, которыя населяли обширное пространство земли къ западу отъ Іордана, погрязли въ идолопоклонствѣ, и прежде другихъ были отведены въ плѣнъ царемъ Ассирійскимъ (1 Парал. 5, 26.). Но этого еще мало было, чтобъ отвратить другія колѣна отъ идолопоклонства. Чаша ихъ нечестія исполнилась, и они должны были выпить ее до дна.

Богъ, давно уже простиравшій Свою карающую десницу на народъ сей, наконецъ обрекъ его на конечное наказаніе. Спустя 19 лѣтъ послѣ плѣна первыхъ колѣнъ, жившихъ за Іорданомъ, Салманассаръ, царь Ассирійскій, *взя Самарію и заведе Израильтянъ во Ассирію, и посели ихъ на Алаи и на Аворъ, рѣкахъ Гозанскихъ и въ предѣлѣхъ Мидскихъ. И разгнѣвася Господь на Израиля зѣло, и отрину ихъ отъ лица Своего, и не остася, токмо едино колѣно Іудино* (4 Цар. 17, 6—18.).

Съ тѣхъ поръ, говоритъ одинъ писатель, нигдѣ не упоминается о десяти колѣнахъ, и мы не знаемъ, существуютъ ли теперь ихъ потомки на бѣломъ свѣтѣ, хотя-многіе думаютъ, что они живутъ въ какой-нибудь странѣ, еще доселѣ не открытой, (Turner's sacred History of the World. Vol. III. p. 430.) Мильманъ, историкъ Іудеевъ, разсказывая о плѣненіи, пишетъ: «съ сего времени исторія теряетъ изъ виду 10 колѣнъ, какъ народъ отдѣльный. Придо предполагаетъ, что они совершенно изчезли и смѣшались съ народами, среди коихъ поселились; но другіе думаютъ отыскать ихъ черты, языхъ и религію у различныхъ народовъ, на пр. у Индейскихъ Афганцевъ, и еще страннѣе, у Аборигеновъ или Американцевъ (Milman's History of the Iews. vol. I p. 247.).

Не стоитъ опровергать этихъ различныхъ теорій, изъ которыхъ ни одна не заслуживаетъ вѣроятія. Десять колѣнъ Израилевыхъ существуютъ еще доселѣ, и никогда они не изчезали. Доказательства, которыя представляютъ въ пользу

Digitized by Google

того мнѣнія, что Американскіе Индійцы одно и то же съ древними Іудеями, основаны главнымъ образомъ на сходствѣ нравовъ, но первобытные нравы сохранились въ такой же чистотѣ у Арабовъ и другихъ народовъ Востока.

Что касается до Афганцевъ, то достаточно привести свидѣтельство Доктора Вольфа, который былъ въ Афганистанѣ, въ надеждѣ отыскать 10 колѣнъ. Обманувшись въ ожиданіи, онъ выводитъ слѣдующія заключенія: мои сомнѣнія о Іудейскомъ происхожденіи Афганцевъ основываются во-первыхъ на томъ, что у нихъ не Іудейская физіономія; во-вторыхъ: нѣтъ у нихъ общаго преданія о произхожденіи ихъ отъ народа Божія; наконецъ ихъ языкъ нимало не сходенъ съ Еврейскимъ. *Ор* (свѣтъ)—вотъ только одно Еврейское слово, которое напелъ я въ ихъ языкѣ. Построеніе рѣчи у нихъ совершенно иное, чѣмъ у Евреевъ (Recherches, p. 238, 9.). Прочитавъ словарь, изданный Вольфомъ, я могу присовокупить, что языкъ Афганскій ни сколько не похожъ ни на Сирскій, ни на Халдейскій.

Предполагать, что 10 колѣнъ изчезли между народами, среди коихъ поселились, значитъ смѣшать ихъ съ Іудеями, разсѣявшимися по всей землѣ, т. е. 10 колѣнъ слить съ двумя колѣнами. Но многія мѣста пророчествъ показываютъ, что соединеніе Іуды и Израиля—фактъ еще не исполнившійся. Въ одномъ пророчествѣ Исаіи, которое всѣми признаётся еще не исполнившимся, о 10-ти колѣнахъ упоминается отдѣльно отъ колѣна Іудина, и они называются Ефремомъ и Израилемъ. (Исаіи XI, 12. 13. Іер. III, 18. Ос. 1,11. Езек. XXXVII, 16—22.) Въ видѣніи Езекіиля, послѣ воскресенія сухихъ костей въ долинѣ, пророку повелѣвается взять два жезла, представляющіе Іуду и Израиля, и *совокупить я другъ ко другу себѣ въ жезлъ единъ*. Послѣ сего онъ поручилъ повелѣніе сказать сынамъ Израиля и Іуды, что Господь соединитъ ихъ также въ одинъ народъ: *и речеши къ нимъ: сія глаголетъ Адонаи Господь: се Азъ поемлю весь домъ Израилевъ отъ среды языковъ, аможе внидоша, и соберу я отъ всѣхъ сущихъ окрестъ ихъ, и введу ихъ въ землю Израилеву, и дамъ я въ языкъ на земли Моей, и въ горахъ Израилевыхъ: и князь*

Digitized by Google

единъ будетъ во всѣхъ сихъ царемъ, и не будутъ ктому въ два языка, ни раздѣлятся къ тому на два царства» (Iез. 37, 21—22). Каково бы ни было значеніе этого пророчества, но вѣрно то, что оно еще не исполнилось, и что соединеніе Іуды и Израиля имѣетъ послѣдовать въ будущее время. Отсюда мы можемъ заключить, что 10 колѣнъ доселѣ еще существуютъ на землѣ. Но въ какомъ мѣстѣ и состояніи— вотъ вопросъ, занимавшій многихъ ученыхъ.

Двадцать пять вѣковъ набросили непроницаемый покровъ на исторію этихъ колѣнъ. Почти сто поколѣній съ того времени смѣнились на землѣ, царства—одно за другимъ основывались и разрушались, война опустошила міръ, и среди обломковъ, развалинъ, гдѣ отыскать дщерь Израиля, отведенную нѣкогда въ плѣнъ въ пустыню? Сколько перемѣнъ послѣдовало въ жизни народовъ политической и религіозной. Не должны ли были испытать ихъ и 10 колѣнъ, терявшіяся въ неизвѣстности въ продолженіе вѣковъ? Но какъ бы ни велики были эти перемѣны, все-таки мы не можемъ сказать, чтобъ Провидѣніе попустило сгибнуть своему народу. *Се не воздремлетъ, ниже успнетъ хранлй Израиля.*

Постараемся представить доказательства, что десять колѣнъ Израилевыхъ не исчезли, не слились съ другими народами, но существуютъ доселѣ въ лицѣ Несторіанъ.

Обратимъ прежде всего вниманіе на преданіе. Преданіе вообще означаетъ какое-нибудь познаніе, изустно сообщаемое и переходящее отъ одного поколѣнія къ другому. Если характеръ и обстоятельства тѣхъ людей, чрезъ коихъ сообщается преданіе, не содержатъ въ себѣ ничего заподозрѣвающаго, если они не имѣли ни предразсудковъ, ни своихъ особыхъ цѣлей, если были въ состояніи узнать истину событій, о которыхъ пересказываютъ: то преданіе заслуживаетъ полное довѣріе. Чѣмъ важнѣе произшествіе, тѣмъ вѣроятнѣе, что оно будетъ сохранено въ преданіи для отдаленнаго потомства. Такъ разсказы о всемірномъ потопѣ мы находимъ у самыхъ грубыхъ народовъ—обстоятельство, которое сильно подтверждаетъ дѣйствительность этого событія, изображаемаго въ

Digitized by Google

Библіи. Не указывая на другіе примѣры, можемъ сослаться на правило собора Тріентскаго, который далъ преданію важность, равную съ библейскимъ свидѣтельствомъ. Перейдемъ теперь къ преданіямъ Несторіанъ, какъ доказательству ихъ Еврейскаго произхожденія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что это преданіе распространено и принято безъ исключенія всѣми Несторіанами въ Ассиріи и Мидіи. Они говорятъ о томъ при всякомъ случаѣ. Смитъ и Дуайтъ, во время кратковременнаго пребыванія у Несторіанъ, были удивлены, когда сами Несторіане имъ разсказывали, что они потомки 10 колѣнъ (Researches in Armenia, vol. II.). Часто мнѣ самому случалось слышать отъ ихъ духовныхъ лицъ, что Несторіане были народомъ жестоковыйнымъ, какъ и ихъ ветхозавѣтные отцы. Эти примѣненія показываютъ, что преданіе о произхожденіи ихъ отъ Евреевъ у нихъ общее. Хотя имъ не совсѣмъ пріятно сознаваться въ томъ, однакожъ никто изъ нихъ не отвергаетъ, что онъ чадо Израиля. Истинность этого преданія тѣмъ очевиднѣе, что Несторіане питаютъ глубокую ненависть къ своимъ единоплеменникамъ— Евреямъ, и между тѣмъ признаются, что происходятъ отъ Евреевъ. Что бы могло заставить ихъ производить родъ свой отъ ненавистныхъ жидовъ, если бы въ основаніи ихъ убѣжденія въ своемъ произхожденіи отъ Евреевъ не лежала истина? Часто я видалъ Несторіанъ, которые не хотѣли отвѣчать, когда ихъ спрашивали о ихъ предкахъ, и однакожъ кончали тѣмъ, что соглашались признать свое произхожденіе отъ Евреевъ. Замѣчательно и то обстоятельство, что они не знаютъ пророчествъ, данныхъ Іудеямъ, мало читаютъ и понимаютъ ихъ,—а потому нельзя предполагать, чтобъ источникомъ указаннаго преданія были внушенія, сдѣланныя ихъ духовенствомъ на основаніи обѣтованій о великихъ благословеніяхъ, обѣщанныхъ Іудеямъ. Они не имѣютъ понятія объ этихъ благословеніяхъ, они вѣруютъ въ окончательное торжество Христіанства при концѣ міра, но не ожидаютъ себѣ никакого преимущества предъ другими Христіанами. Отдаленное положеніе Несторіанъ не позволяетъ думать, чтобъ мысль объ

Digitized by Google

ихъ Еврейскомъ происхожденіи была внушена имъ сосѣдними народами. Они живутъ на неприступныхъ горахъ; иностранцы рѣдко доходили до нихъ, а я не знаю народа, который бы болѣе ихъ чуждался сношеній съ сосѣдними народами. У Несторіанъ это преданіе встрѣчается въ болѣе частныхъ формахъ: они говорятъ, что предки ихъ пришли изъ земли Палестинской, и поселились на томъ мѣстѣ, гдѣ они обитаютъ въ настоящее время. Они не знаютъ въ точности, когда случилось это переселеніе, но даютъ разумѣть, что это было до временъ Христіанства. Другаго переселенія Іудеевъ въ Мидію и Ассирію и не было. Кромѣ того можно обратить вниманіе на отзывы самихъ Іудеевъ о происхожденіи Несторіанъ. Между Несторіанами живетъ нѣсколько тысячь Іудеевъ, которые говорятъ, что ихъ предки поселились тутъ во время плѣненія, что большая часть ихъ единоплеменниковъ обратилась въ Христіанство, именно—это Несторіане, которыхъ они признаютъ тѣсно связанными съ домомъ Израиля. Разъ ко мнѣ пришли двое ученыхъ Іудеевъ изъ Урміи—Езекіиль и Даніилъ, и въ присутствіи двухъ Несторіанскихъ Епископовъ—Маръ Іосифа и Маръ Иліи и другихъ Несторіанъ прямо высказали, что Несторіане—сыны Израиля, что всѣ Іудеи въ томъ убѣждены твердо. Священникъ Дунка по моей просьбѣ спросилъ ихъ: точно ли такъ? они отвѣчали, что дѣйствительно Несторіане потомки Израиля, но такъ какъ они оставили вѣру отцевъ своихъ, то Іудеямъ стыдно признавать ихъ своими братіями. На мои дальнѣйшіе разспросы они отвѣчали, что у нихъ есть письменные документы, опредѣляющіе время и обстоятельства обращенія Несторіанъ въ Христіанство, и сообщили мнѣ много интересныхъ свѣдѣній о своихъ единоплеменникахъ. Послѣ того случилось слышать то же и отъ другихъ Евреевъ. Однажды главный раввинъ доказывалъ въ синагогѣ о Еврейскомъ происхожденіи Несторіанъ; это было при мнѣ и при другихъ членахъ нашей миссіи. Одивъ утверждалъ, что Несторіане отпали отъ вѣры Іудейской во время Апостоловъ. Въ другой разъ ко мнѣ пришли двое Іудеевъ, которымъ я далъ переплесть двѣ или три рукописи Несторіанскія. Тутъ былъ одинъ

Несторіанскій священникъ, который съ ними завелъ разговоръ, и они прекрасно понимали другъ друга. Я спросилъ: какъ же это, Несторіане ли у васъ переняли языкъ, или вы у нихъ выучились говорить? Ни то, ни другое,—отвѣчали они; мы составляли съ ними одинъ народъ, но они отъ насъ отдѣлились, и это записано въ нашихъ книгахъ. Происхожденіе Несторіанъ отъ древнихъ Іудеевъ доказываютъ также нѣкоторые ученые изъ магометанъ, живущихъ въ Урміи и пришедшихъ сюда изъ Хорассана; только извѣстія, сообщаемыя ими, довольно сбивчивы и запутаны.

Искать вещь тамъ, гдѣ она потеряна—вотъ правило самое вѣрное, противъ котораго поступали всѣ изслѣдователи о десяти колѣнахъ, думая найдти ихъ вездѣ, только не тамъ, куда они первоначально были переселены, и наконецъ рѣшая дѣло тѣмъ, что называли ихъ мѣстопребываніе terra incognita. Пастухъ, растерявшій стадо, ищетъ его сначала на томъ мѣстѣ, куда онъ привелъ его: овцы Господни отведены въ пустыню и скрылись, но мы знаемъ мѣсто ихъ преселенія, они не оставлены тамъ самимъ себѣ, они имѣли стражей, которые смотрѣли за ними, и не позволяли имъ бѣжать изъ мѣста плѣненія. Эти стражи—цари Ассирійскіе. Первый былъ Ѳелгафелассаръ, который *пресели Рувима, и Гада и полплемене Манассіина, и введе ихъ во Аллань и Іоворъ, и во Арань и на рѣку Гозань даже до дне сего* (I Пар. 5, 26.). Вскорѣ послѣ сего Салманассаръ, другой царь Ассирійскій *взя Самарію и заведе Израильтянъ (т. е. остальныя колѣна) во Ассирію и посели ихъ на Алаи и на Аворѣ, рѣкахъ Гозанскихъ, и въ предѣлѣхъ Мидскихъ* (4 Цар. 17, 6.—18. 11.).

Слѣдуетъ замѣтить, что хотя Израильтяне отводимы были въ плѣнъ разными завоевателями, однако всѣ они отведены были въ одну страну. Въ священныхъ повѣствованіяхъ есть только одна небольшая разница касательно сего предмета, именно въ 1-й книгѣ Паралипоменомъ къ именамъ мѣстъ преселенія, упоминаемыхъ въ 4-й книгѣ Царствъ, прибавлено имя: Аранъ. Робинзонъ замѣчаетъ, что названіе это могло быть ошибочно внесено переписчиками, и чтеніе въ книгѣ

Digitized by Google

Царствъ вѣрное (Robinzon's Calmet art. Gozan.). Это мнѣніе подтверждается тѣмъ, что слова: Аранъ (Hara) нѣтъ ни въ Сирскомъ переводѣ, ни у LXX. Слово это съ Еврейскаго значитъ горы или гористыя страны, и такъ какъ страна, въ которую переселены десять колѣнъ и гдѣ живутъ теперь Несторіане, одна изъ самыхъ гористыхъ, то слово Hara вѣроятно поставлено было на поляхъ, и въ послѣдствіи взошло въ самый священный текстъ. Чтобъ уяснить сказаніе Библіи, разсмотримъ топографію страны, куда преселены были 10 колѣнъ.

Ассирія, по Птоломею, граничила къ сѣверу съ частію Арменіи и горою Нифатиръ, къ западу—съ Тигромъ, къ югу съ Сузіаною, къ востоку—съ частію Мидіи и горами Хоатри и Цагросъ. Страна, заключенная въ сихъ предѣлахъ, была называема нѣкоторыми изъ древнихъ Адіабеною, другими—Атуріею или Атиріею. Теперь Ассирія называется Курдистаномъ отъ потомковъ Кардуки, которые занимаютъ сѣверную часть страны. Она граничитъ съ Мидіею, Месопотаміею, Арменіею и Вавилоніею. Извѣстно, что въ цвѣтущія времена имперія Ассирійская простиралась гораздо далѣе предѣловъ, обозначенныхъ древними и новѣйшими писателями. Но въ то время, когда въ нее были преселены десять колѣнъ, она достигла своей первоначальной мѣры, потому что Мидяне возмутились, и Вавилонія сдѣлалась особымъ царствомъ. (Это было спустя 17 лѣтъ послѣ основанія Рима, во второй годъ VIII Олимпіады, за 748 до Р. Х. См. Diod. sic. Lib. II. Athen. Lib. XII. Herodot. Lib. 1. Lustén. Lib. 1, Cap. 3.)

Названіе: Атурія или Атирія, по замѣчанію Діона Кассія (XXII cap. 28.), есть другое названіе Ассиріи; область, носившая это названіе, вѣроятно была центромъ, изъ котораго власть Ассирійскихъ царей распространялась далеко на югъ и западъ. Послѣ раздѣленія Ассирійской монархіи, вслѣдствіе возмущенія Мидянъ, это имя осталось за сѣверною областію, тогда какъ южныя области назывались Вавилоніею отъ главнаго города.

По свидѣтельству Плинія (Hist. nat. V. Cap. 12) дѣйстви-

Digitized by Google

тельно область Адіабена прежде заключалась подъ именемъ Ассиріи. Священные историки древнихъ временъ очевидно употребляли слово «Ассирія» въ его собственномъ смыслѣ, въ самомъ ограниченномъ, какъ это можно видѣть изъ Исаі. XI. 11, гдѣ Еламъ и *Сеннааръ* упоминаются, какъ находящіеся внѣ предѣловъ Ассиріи. Цари, положившіе конецъ царству Израильскому, и преселившіе десять колѣнъ въ Ассирію,— были первые, которые царствовали въ Ниневіи по разрушеніи первой Ассирійской монархіи—эпоха, въ которую границы Ассиріи такъ хорошо были обозначены, что тутъ нѣтъ мѣста никакой ошибкѣ. Я особенно настаиваю на этотъ пунктъ, зная, что многіе писатели различныя мѣста и рѣки, сосѣднія съ Евфратомъ, Каспійскимъ моремъ и даже Индомъ, смѣшивали съ Аланомъ, Габоромъ и Гозаномъ, которыхъ очевидно должно искать въ Ассиріи.

Мидія, по общему признанію, была смежна съ Ассиріею, потому слова: *въ предѣлѣхъ Мидскихъ*, довольно опредѣленны. Предоставляю рѣшить ученымъ, что разумѣть подъ словами: *въ предѣлѣхъ*; города ли, какъ стоитъ въ Еврейскомъ подлинникѣ,—деревни ли, какъ въ Сирскомъ и въ Вулгатѣ, или горы Мидіи, какъ у LXX. Каждое изъ этихъ чтеній равно для меня, потому что Несторіане живутъ и на горахъ и въ деревняхъ и въ городахъ Мидскихъ подлѣ Ассиріи. Я долженъ между тѣмъ замѣтить, что такъ какъ Мидяне во время плѣненія десяти колѣнъ возмутились, то трудно предположить, чтобы царь Ассирійскій могъ проникнуть въ Мидію, не встрѣтя своихъ возмутившихся подданныхъ. И такъ мы должны искать поселенія плѣнныхъ Израильтянъ на границахъ Ассиріи, и особенно во внутренности той самой страны, которой положеніе мы сейчасъ опредѣлили. Первое по порядку мѣсто плѣна есть *Аланъ*. Изъ многихъ свидѣтельствъ видно, что этотъ городъ заключался въ предѣлахъ Ассиріи. Онъ кажется находился въ области, орошаемой рѣкою Ликусъ или Цабъ недалеко отъ Ниневіи. Бохартъ, Гезеній, Розенмиллеръ и Целлярій согласны въ томъ, что Аланъ тоже, что *Халахъ*, о которомъ упомнается въ книгѣ Бытія X. 11. 12. По связи

Digitized by Google

съ контекстомъ Халахъ долженъ быть въ Ассиріи; комментаторы согласны съ этимъ. Св. Ефремъ и послѣдующіе за нимъ Сирскіе Отцы говорятъ, что Халахъ есть теперешній Гатарегъ, который лежитъ на день пути къ сѣверу-востоку отъ развалинъ Ниневіи. Птолемей и Страбонъ называютъ этимъ именемъ цѣлый округъ, простирающійся къ востоку также далеко, какъ рѣка Цабъ. Халахъ или Алай, говоритъ Ассемани (Bibl. orient. t. IV. p. 419.) совершенно сходствуетъ съ нашимъ Халаха или Халавана, которую Птоломей (Lib. VI. Cap. 1.) полагаетъ при горахъ Арменіи между Тигромъ и Ликусомъ (Цабомъ) или въ странѣ Арапахитовъ. Отъ Халаха происходитъ Халахена, о которой Страбонъ говоритъ: Халахена и Адіабена лежатъ за границами Арменіи, а въ книгѣ XVI пишетъ: долина близь Ниневіи, и Доломена, и Халахена, и Хазена и Адіабена. Городъ, который Сирійцы называютъ Алай, а Арабы Галавана, былъ однимъ изъ шести архіепископій, которыхъ предстоятели назывались Патріархами Несторіанскими (Asseman bibl, orient, tom. IV p. 416—418.). Такимъ образомъ выходитъ, что Халаха была въ Ассиріи и имѣла большую важность у Христіанъ Несторіанскихъ. Вся страна, означенная у Птоломея и Страбона подъ именемъ Алахъ, была занята и теперь занимается Несторіанами.

Іоворъ или *Габоръ* есть имя рѣки, и замѣчательно, что рѣка, вытекающая изъ среднихъ горъ Арменіи, удерживаетъ доселѣ это названіе. Мѣсто 4 Цар. XVII. 6. съ подлинника переводятъ такъ: и поселилъ ихъ на Халахѣ и на Габорѣ, на рѣкѣ Гозанской и въ городахъ Мидіи.

Гозанъ означаетъ пастбища По Гезенію буквы Г и З часто ставятся одна вмѣсто другой, а самыя слова, не смотря на перемѣну буквъ, удерживаютъ то же значеніе. И такъ Гозанъ можно измѣнить въ Зозанъ безъ перемѣны смысла. Несторіане даютъ имя Зозанъ нагорнымъ площадкамъ въ Ассиріи, которыя служатъ пастбищами для ихъ многочисленныхъ стадъ. Область, въ которой Габоръ и Цабъ берутъ свое начало, и та, которую онѣ потомъ орошаютъ, имѣетъ дѣйствительно такое свойство: на возвышенностяхъ ея находятся полныя

Digitized by Google

площадки. Разсматривая сходство названій, мы не можемъ сомнѣваться, что здѣсь говорится о Гозанѣ библейскомъ, который лежитъ въ Ассиріи близъ рѣки Габоръ. Если мы читаемъ въ 4-й кн. Царствъ XIX. 12. и у Исаіи XXXVII. 12., какъ Сеннахеримъ хвастается завоеваніями своихъ предковъ, то кажется, что Цари Ассирійскіе разорили жителей Гозана прежде, нежели Израильтяне отведены были туда въ плѣнъ, такъ что они сдѣлались главными обитателями этой страны. *Еда избавиша ихъ бози язычестіи, ихже погубиша отцы мои, Гозанъ и Харранъ и Расемъ?* Безъ сомнѣнія великимъ подвигомъ было разорить варваровъ, живущихъ въ этой дикой и гористой странѣ. Не знаемъ, заняли ли Іудеи другія мѣста среди туземцевъ; но какъ природныхъ жителей Гозана и Харрана (т. е. Арая) тутъ уже не было, то естественно предположить, что десять колѣнъ приняли въ полное владѣніе эту страну, и что ихъ многочисленность позволила имъ сохранить положеніе совершенно отдѣльное отъ народовъ языческихъ, ихъ окружавшихъ.

Таково до сихъ поръ положеніе Христіанъ Несторіанскихъ въ этой самой странѣ, которая сдѣлалась вторымъ отечествомъ 10 колѣнъ. Съ незапамятныхъ временъ ихъ жилище осталось такъ же неподвижно, какъ и скалы, ихъ защищающія, и они не вступили въ связь съ сосѣдними народами. По образу правленія, по религіи, языку и нравамъ, они составляютъ народъ особый. Самое большое число ихъ занимаетъ средину древней Ассиріи, иначе называемой Адіабеною. Если бы можно было сомнѣваться, что это именно была страна, въ которую преселены были 10 колѣнъ, то рѣчь царя Агриппы къ Іудеямъ въ первомъ вѣкѣ, представила бы доказательство въ нашу пользу. Онъ говоритъ, какъ о дѣлѣ извѣстномъ цѣлому народу— о пребываніи ихъ братіи въ Адіабенѣ болѣе 700 лѣтъ спустя послѣ того, какъ они были отведены туда въ плѣнъ. Въ этомъ замѣчательномъ разговорѣ съ Іудеями Іерусалимскими, переданномъ намъ Іосифомъ Флавіемъ (bell. Lib. 11. cap. 16.), Царь Агриппа спрашиваетъ Іудеевъ, неужели думаютъ они простереть свое честолюбіе за Евфратъ, и предполагаютъ,

Digitized by Google

что ихъ братія, обитающіе въ Адіабенѣ, захотятъ придти къ нимъ на помочь? Кажется, это самое твердое свидѣтельство о мѣстѣ переселенія 10 колѣнъ. На географическихъ картахъ, изданныхъ Бутлеромъ, видно, что Адіабена—это страна, которую занимаютъ теперь независимыя племена Христіанъ Несторіанскихъ. Округъ, къ югозападу отъ Ликуса или Цаба, былъ Атуріею у древнихъ; страна къ юговостоку отъ той же рѣки до Капри (малый Цабъ) называлась Адіабеною. Амміанъ Марцеллинъ (LXX. III. C. 20) замѣчаетъ, что провинція Адіабена получила свое названіе отъ двухъ рѣкъ, между которыми заключалась, отъ Діаба и Адіаба, т. е. отъ большаго и малаго Цаба. По-арабски Адіабена называется Цавабьягъ, что̀ также происходитъ отъ слова: Цабъ.

Въ собственной Адіабенѣ, въ настоящее время, считается около 100,000 Несторіанъ, и между ними живетъ самая малая часть Іудеевъ. Какъ же это случилось, что первые заняли ихъ мѣста? Въ Мидіи число Несторіанъ простирается до 20,000, и едва десятую часть населенія составляютъ Іудеи. Нѣтъ вѣрныхъ данныхъ о числѣ Несторіанъ, живущихъ къ сѣверо-западу отъ Габора, но оно должно быть значительно, какъ думаетъ полковникъ Шейль, бывшій въ той странѣ Въ странѣ Габоръ число потомковъ 10 колѣнъ, живущихъ внѣ Христіанства, значительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; впрочемъ оно не превышаетъ 600 или 700 семействъ; почти всѣ живутъ въ Габорѣ, или лучше на островѣ этой рѣки, на которомъ построенъ древній городъ Цахо.

Несторіанское населеніе въ Мидіи и Ассиріи, включая сюда и небольшое число Католиковъ, составляетъ около 200,000 душъ; а собственно Евреевъ не больше 20,000. Никто не можетъ утверждать, чтобъ эти 20,000 и были только остатками 10 колѣнъ. Вѣроятно напротивъ, что ихъ потомки должны бы превзойти число населенія Несторіанскаго, и что они толпами переходили отсюда въ другія страны. Но по причинѣ препятствій, которыя должна была встрѣтить ихъ эмиграція, эти выходцы не представляются въ большомъ количествѣ.

Digitized by Google

На границахъ Ассиріи есть также отъ 20 до 40,000 Христіанъ Сирскихъ, у которыхъ примѣчаютъ много общихъ чертъ съ Несторіанами. Тогда какъ крайніе предѣлы страны, куда преселены были 10 колѣнъ, болѣе или менѣе заняты теперь Несторіанами, достойно замѣчанія, что средняя часть этой страны, съ незапамятныхъ временъ была обитаема единственно этимъ самымъ народомъ, и никакого другаго тутъ не было. Большая часть назависимаго племени Тійяри и цѣлыя племена Тегома, Бассъ, Элу, Диссъ и другія менѣе важныя, живутъ въ предѣлахъ Адіабены, гдѣ обитало въ 1-мъ вѣкѣ множество потомковъ 10 колѣнъ.

Мы видѣли, что 10 колѣнъ преселены въ Ассирію и поселились въ округахъ, занимаемыхъ теперь Христіанами Несторіанскими; остается доказать, что они никогда не выселялись изъ этой страны. Мы выводимъ отсюда заключеніе, что такъ какъ въ этой странѣ очень мало настоящихъ Евреевъ, и такъ какъ другіе жители страны не претендуютъ на происхожденіе отъ Евреевъ, то Несторіане должны быть истинные потомки десяти колѣнъ.

Во первыхъ замѣтимъ, что они не возвращались съ плѣнными Іуделми въ Іерусалимъ — изключая развѣ немногихъ, которые сопровождали своихъ соотечественниковъ въ Іерусалимъ, по окончаніи плѣненія Вавилонскаго. — Въ царствованіе Кира около 50,000 Іудеевъ возвратились въ Іерусалимъ, но объ нихъ ясно сказано, что это тѣ самые, которыхъ Навуходоносоръ отвелъ въ Вавилонъ (Ездр. 2, 1.). Почти чрезъ 79 лѣтъ послѣ него, въ царствованіе Артаксеркса, Ездра пришелъ въ Іерусалимъ съ немногими Іудеями, всего съ 2,000-ми, между которыми были только нѣкоторые изъ 10 колѣнъ, а всѣ прочіе—изъ колѣна Іудина. Іосифъ, разсказавъ, что царь далъ Ездрѣ позволеніе возвратиться съ Іудеями, говоритъ: и такъ онъ прочиталъ письмо (Ксеркса или Артаксеркса) въ Іерусалимъ, къ тѣмъ Іудеямъ, которые туда возвратились; но оставилъ это письмо у себя, а списокъ съ него послалъ ко всѣмъ тѣмъ изъ своего народа, которые были въ Мидіи (Ассирія была въ это время подъ владычествомъ Мидянъ).

Digitized by Google

Когда сіи послѣдніе узнали о благочестіи царя и милости, которую онъ оказалъ Ездрѣ, то были глубоко симъ тронуты; многіе изъ нихъ взяли свое имущество и пошли въ Вавилонъ съ намѣреніемъ возвратиться оттуда въ Іерусалимъ; однакожъ вся масса народа Израильскаго осталась жить въ той странѣ. (Antiqu. Lib. XI. cap. 5.).

Во-вторыхъ — десять колѣнъ находились въ странѣ плѣна даже въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х. Іосифъ къ сказанному выше присовокупляетъ: «только два колѣна въ Азіи и Европѣ подчинены Римлянамъ, между тѣмъ десять колѣнъ живутъ по ту сторону Евфрата до сего дня и составляютъ такое множество, что ихъ нельзя и перечислить (Ant. Lib. X. cap. 16.). Онъ писалъ это въ концѣ перваго вѣка, когда Евангеліе уже начали проповѣдывать въ Ассиріи. Какъ историкъ, Іосифъ такъ хорошо извѣстенъ, что не слѣдуетъ подтверждать его сказанія посторонними свидѣтельствами: онъ самъ былъ Іудей и притомъ очень образованный, потому безъ сомнѣнія очень хорошо зналъ все, что касалось десяти колѣнъ, и кажется не имѣлъ причины говорить ложь. Мы уже говорили о рѣчи Царя Агриппы, въ которой упомянуто, что десять колѣнъ живутъ за Евфратомъ въ Адіабенѣ. Рѣчь эта произнесена съ цѣлію воспрепятствовать войнѣ съ Римлянами, которая окончилась разрушеніемъ Іерусалима и храма. Она была обращена ко всему народу Іудейскому, жившему въ Іудеѣ.

Въ третьихъ—десять колѣнъ были въ землѣ плѣна, даже въ V вѣкѣ по Р. Х. Объ этомъ не разъ ясно говоритъ Іеронимъ въ своемъ Комментаріѣ на Пророковъ, писанномъ въ началѣ сего вѣка, и авторитетъ его, какъ писателя, весьма важенъ. Его глубокая образованность, обширность изслѣдованій, многократныя путешествія и долгое пребываніе въ Палестинѣ даютъ огромный вѣсъ его свидѣтельству. Въ толкованіи на пророка Осію онъ говоритъ: до сего времени 10 колѣнъ подчинены Царю Персидскому, и узы ихъ плѣна еще не ослабли (Tom. VI. p. 7.). Далѣе онъ говоритъ: десять колѣнъ доселѣ живутъ въ городахъ и на горахъ Мидіи (p. 80.). Съ V-го вѣка исторія молчитъ о 10 колѣнахъ. Можемъ ли

Digitized by Google

думать, чтобъ Іудеи, разорвавъ цѣпи рабства, оставили свою страну, и, подобно Готѳамъ и Гуннамъ, бросились на покореніе другихъ странъ? Лѣтописи Турецкія, Персидскія и Арабскія ни слова не говорятъ о переселеніи плѣнныхъ Израильтянъ изъ ихъ страны. Сами Іудеи, разсѣянные по разнымъ странамъ міра, слѣдя строго за всѣмъ, относящимся до ихъ рода, молчатъ объ этомъ предметѣ; если бы 10 колѣнъ переселились изъ мѣста плѣна, ужели бы это событіе избѣгло вниманія Евреевъ? По обращеніи 10 колѣнъ въ Христіанство, прочіе Іудеи возненавидѣли ихъ и стали говорить, что они живутъ въ какой-то баснословной странѣ, и называли ее страною плѣна, лежащею за рѣкою субботнею. Самыя эти басни доказываютъ, что 10 колѣнъ не преселялись изъ мѣста плѣна.

Нѣкоторые изъ Іудеевъ, живущихъ въ странахъ отдаленныхъ, не принимали этой басни раввиновъ, и ихъ свидѣтельство доказываетъ, что Израильтяне живутъ еще въ странѣ плѣненія. Говоря о черныхъ Евреяхъ Индійскихъ, докторъ Бухананъ (Buchanan's Researches) говоритъ: я задавалъ имъ нѣсколько вопросовъ касательно ихъ братій изъ 10 колѣнъ; они отвѣчали, что у нихъ принято за-вѣрное, что главная масса Израильтянъ находится въ Халдеѣ и въ странахъ прилежащихъ, потому что туда они отведены были въ плѣнъ; имъ извѣстно, что нѣкоторыя семейства переселились даже въ Кохинхину и въ Райяпуръ къ Индійцамъ, и далѣе на востокъ, но самая коренная нація, теперь огромная въ числѣ, доселѣ не удалилась далѣе 2,000 миль отъ Самаріи».

Но самое важное свидѣтельство, подтверждающее наше мнѣніе, находится въ Библіи, XI глав. Исаіи, которая начинается самымъ яснымъ пророчествомъ о Спасителѣ, описываетъ потомъ миръ и благословенія, которыми исполненъ будетъ міръ при окончательномъ торжествѣ Его Царства; когда *пастися будутъ вкупѣ волкъ со агнцемъ*, когда *наполнится вся земля вѣденія Господня, аки вода многа покрыетъ море, тогда приложитъ Господь показати руку Свою, еже возревновати по останку прочему людей, иже аще оста-*

Digitized by Google

нетъ отъ Ассиріевъ, и отъ Египта, и Вавилона, и отъ Евіопіи, и отъ Еламитовъ, и отъ востоковъ солнца, и отъ Аравіи, и отъ острововъ морскихъ. И воздвигнетъ знаменіе въ языки, и соберетъ погибшія Израилевы, расточенныя Іудины соберетъ отъ четырехъ криль земли. И будетъ протествіе людемъ Моимъ, оставшимъ во Египтѣ (въ подлинникѣ: въ Ассиріи), *и будетъ Израилю якоже въ день, егда изыде отъ земли Египетскія* (Исаі. XI. 6. 11. 12. 16.).

Въ этомъ мѣстѣ замѣчательно то, что Ассиріи дается преимущество предъ другими странами. Настоящихъ Іудеевъ въ Ассиріи не болѣе, какъ десятая часть въ сравненіи съ живущими въ другихъ странахъ, и однакожъ Ассирія поименована не только на первомъ мѣстѣ, но и въ послѣднемъ стихѣ главы особо упомянута, какъ важнѣйшая изъ другихъ странъ; даже болѣе: тутъ сказано, что Богъ по любви къ народу, оставшемуся въ Ассиріи, сотворитъ такія же дивныя чудеса, каково было раздѣленіе Чермнаго моря. «*И возложитъ Господь руку Свою на рѣку духомъ пресильнымъ, и поразитъ на седмь дебрій, якоже преходити ю во обувеніи* (ст. 15.). Это осушеніе рѣки не то ли осушеніе Евфрата, о которомъ говорится въ откровеніи Св. Іоанна (XVI, 12), и *изсяче вода ея, да уготовится путь Царемъ сущимъ отъ востокъ солнечныхъ*?

Замѣтимъ, что Израильтяне упомянуты первыми между останками народа Божія, живущаго въ Ассиріи. *И соберетъ погибшія Израилевы и расточенныя Іудины соберетъ* (ст. 12.). Ясно сказано, что собранъ будетъ Израиль или 10 колѣнъ, и при томъ изъ Ассиріи. Если станутъ сомнѣваться, что подъ именемъ Израиля, поставленнымъ отдѣльно отъ Іуды, — разумѣются 10 колѣнъ, то слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующій стихъ, гдѣ также ясно Ефремъ (или Израиль) отдѣленъ отъ Іуды. Вообще признаётся, что исполненіе сего пророчества относится къ будущему времени; это прямо видно изъ контекста. Такимъ образомъ, если 10 колѣнъ нѣкогда будутъ изведены изъ Ассиріи, значитъ, въ настоящее время они находятся въ Ассиріи.

Подобнаго рода пророчество читается у Исаі. XXVII. 12. 13.

Digitized by Google

Исполненіе его также послѣдуетъ въ будущее время, какъ видно изъ самаго смысла рѣчи: *вы же соберите* (съ подлинника будете собраны) *дѣти Израилевы по единому. И будетъ въ той день, вострубятъ трубою великою и пріидутъ ту погубляеміи въ странѣ Ассирійстѣй и погубляеміи во Египтѣ, и поклонятся Господеви на горѣ Святѣй во Іерусалимѣ.* Также и у Осіи читаемъ: (XI. 11.) *и пріидутъ яко голубь изъ земли Ассирски: и возставлю я въ домѣхъ ихъ, глаголетъ Господь.* У Захаріи (X. 9. 10.) говорится: *и дальніи помянутъ Мя, и воспитаютъ чада своя, и обратятся. И возвращу Я отъ земли египетскія, и отъ Ассиріанъ пріиму я.* Имя Ассиріи, которое такъ часто встрѣчается въ пророчествахъ, когда говорится о Израилѣ, должно быть принято въ томъ же смыслѣ, какъ въ 4 й кн. Царствъ (XVII. 23.): *и преселенъ бысть Израиль отъ земли своея во Ассиріаны даже до дне сего.*

(Окончаніе въ слѣд. N)

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

МОСКОВСКІЯ.

За отсутствіемъ штатнаго предлагателя Московскихъ извѣстій, я долженъ и въ этой книгѣ исполнить его обязанность. Читатели не могутъ требовать отъ меня, отшельника, живущаго на полѣ, бывающаго въ городѣ только по два раза въ мѣсяцъ, передъ 1 и 15 числомъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, — не могутъ, говорю, требовать извѣстій о публичныхъ увеселеніяхъ, концертахъ, живыхъ картинахъ, вечерахъ, обо всемъ томъ, что происходитъ въ обществахъ, въ салонахъ, въ магазинахъ, по улицамъ; я могу служить имъ только собственными своими личными наблюденіями, то есть сообщить извѣстія о своихъ посѣтителяхъ, описать разныя любопытныя вещи, кои удастся мнѣ увидѣть или пріобрѣсти, передать нѣкоторыя ученыя новости; однимъ словомъ, представить имъ, вмѣсто общей Московской лѣтописи, записки, если не старца, то затворника Лужницкаго, настоящаго, а не мнимаго, какимъ былъ Каченовскій, который за свои сомнѣнія получилъ теперь наказаніе и въ томъ, что потомки будутъ сомнѣваться въ его существованіи, хотя онъ существовалъ, и даже въ Сущевѣ, но не въ Лужникахъ, куда судьба, какъ нарочно, бросила меня, его противника, и заставила бесѣдовать съ публикою.

Прежде всего я долженъ сказать читателямъ нѣсколько словъ объ альбомѣ Олеарія... Какъ—объ альбомѣ Олеарія? У Олеарія былъ альбомъ? Да, да, у Олеарія былъ альбомъ, у того Олеарія, который находился въ посольствѣ къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, посѣтилъ Персію, и оставилъ намъ любопытнѣйшее описаніе своего путешествія. Я видѣлъ самъ этотъ альбомъ. Докторъ Везенмейеръ, проѣзжавшій черезъ Москву въ Саратовъ, показалъ мнѣ его... Я задрожалъ, увидя драгоцѣнность, началъ перелистововать—и повѣяло на меня Русской стариною съ завѣтныхъ страницъ. Путешественникъ просилъ, видно, всѣхъ начальниковъ въ странахъ, чрезъ кои проѣзжалъ онъ, писать ему на память что-нибудь въ альбомѣ. Здѣсь встрѣчаются отрывки Нѣмецкіе, Шведскіе, Персидскіе,

Digitized by Google

Турецкіе и Русскіе. Что же заключается въ Русскихъ? Стихи изъ Псалмовъ и другія изреченія Священнаго Писанія. Я воображаю себѣ, что Русскій воевода или дьякъ, получивъ странное для него предложеніе, усомнился: на что Нѣмцу его рука или память, нѣтъ ли здѣсь подлогу какого, чтобъ не попасть подъ отвѣтственность, въ опалу! Подумалъ Русскій человѣкъ, да и подмахнулъ: блаженъ мужъ иже не иде на совѣтъ, и тому подобное,—и все-таки утаилъ свое имя, ибо гдѣ рука, де, тамъ и голова. Только двое дьяковъ были побойчѣе, въ Казани и Астрахани, Кириловъ и Осиповъ, которые подписались подъ текстами.

Вечеромъ я не могъ никакъ утерпѣть, и написалъ посланіе къ почтенному доктору, прося его уступить мнѣ эту примѣчательность, на какихъ угодно условіяхъ, но, увы, получилъ въ отвѣтъ, что онъ далъ слово привезть ее назадъ въ отечество, на берега Некара, гдѣ получилъ ее въ наслѣдство отъ потомковъ Олеарія.

Кстати, бесѣдуя съ проѣзжавшимъ докторомъ объ его ученыхъ занятіяхъ на берегахъ Волги, объ его знакомствахъ съ собратами по ремеслу, не могъ я не замѣтить различія между иностранными и нашими провинціальными врачами, которые, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, много еще должны уступать первымъ, касательно общаго образованія, а общее образованіе, одно, могло бы усладить много ихъ скучныхъ часовъ, и въ семействѣ и въ обществѣ, и принести имъ даже вещественную пользу. Не говорю о распространеніи свѣдѣній о Россіи, и проч.—Гдѣ же и какъ получать имъ общее образованіе, чтобъ выдерживать состязаніе вообще съ иностранцами? Объ этомъ поговоримъ когда-нибудь послѣ.

Другую примѣчательность показалъ мнѣ К. И. Н.: *письмо Китайца* къ одному изъ нашихъ монаховъ, который обратилъ его къ христіанской вѣрѣ, на Китайскомъ языкѣ, присланное изъ Пекина въ Москву. И пакетъ другаго рода, чѣмъ наши, и вкладывается письмо иначе, съ боку, и складывается не такъ, какъ у насъ, а о писаньѣ и говорить нечего: столбиками сверху внизъ, отъ правой руки къ лѣвой. Бумага тонкая, мягкая, тисненая, изящная; розовый цвѣтъ, которымъ оттиснуты на бумагѣ цвѣты, преяркій. Къ сожалѣнію, я не могъ прочесть письма—то ли дѣло, если бъ былъ живъ г. N.: онъ вѣрно тотчасъ сообщилъ бы переводъ въ Телеграфѣ!

И. П. К. прочелъ мнѣ нѣсколько преинтересныхъ статей о Сибири, о поселенцахъ, объ инородцахъ, объ ихъ образѣ жизни, о Барабинской степи. Надо желать, чтобъ эти интересные очерки поскорѣе сообщились публикѣ.

Digitized by Google

11 Марта случилось быть у меня еще литературному вечеру: Графинѣ *Растопчиной* угодно было прочесть новую свою драму: «Семейная тайна,» въ стихахъ. *Ѳ. И. Іордановъ* разсказалъ исторію гравюръ Преображенія и его собственной; *Т. И. Филипповъ* пропѣлъ превосходную народную балладу объ одномъ старомъ бояринѣ; *П. М. Садовскій* разсказалъ отъ лица рядскаго купца исторію Венскаго конгресса и Февральской революціи, а потомъ устами зажиточнаго мужика своему земляку, возвратившемуся изъ отлучки, о своихъ двухъ бракахъ, наконецъ передалъ разсказъ Татарина о его похожденіяхъ въ уѣздномъ судѣ, гражданской палатѣ и Сенатѣ. Наконецъ *М. С. Щепкинъ*, съ неподражаемымъ своимъ искусствомъ-натурою, перенесъ насъ въ Малороссію, и передалъ множество любопытныхъ и забавныхъ анекдотовъ о подъячихъ, о головахъ и проч.

14 Марта былъ занимательный *диспутъ*, въ Университетѣ, *Г. Бабста*, который получилъ, говорятъ, много дѣльныхъ возраженіи отъ Гг. Грановскаго, Кудрявцева, Каткова, и оставилъ ихъ не безъ отвѣта; мы надѣемся предложить вскорѣ читателямъ разборъ его диссертаціи, и можетъ быть, не одинъ.

15 Марта помѣщена въ газетахъ прекрасная статья *Г.* Кудрявцева о публичныхъ лекціяхъ Профессора Соловьева. Она заставила меня искренно пожалѣть, что мнѣ не случилось быть свидѣтелемъ ученаго тріумфа, который, по свидѣтельству такого надежнаго судьи, какъ г. Кудрявцевъ, былъ блистательный, и совершенно соотвѣтствовалъ блистательному и необыкновенному разрѣшенію всѣхъ задачъ Русской Исторіи ученымъ Профессоромъ. Искренно сожалѣю, повторяю, что не могъ присоединить своего голоса къ голосу публики и Г. Кудрявцева. Какой былъ курсъ, судя по этой статьѣ!

Кстати о г. Кудрявцевѣ. Въ этотъ же самый день я прочелъ его статью о Тацитовскихъ женщинахъ въ *Пропилеяхъ*, только что вышедшихъ,—любо читать: тепло, благородно, живо, свѣжо, занимательно! Вотъ что значитъ говорить о томъ, что знаешь и понимаешь, а бѣда приняться не за свое дѣло. Агриппина, съ Германикомъ, Тиверіемъ, Арминіемъ, Римскими легіонами, изображена превосходно. Читаешь исторію, какъ романъ, и не оторвешься до конца! Сколько пользы и удовольствія принесутъ подобныя статьи! Какъ распространятъ онѣ горизонтъ нашихъ журнальныхъ читателей, у которыхъ лѣтъ десять и въ ушахъ не было ни Тацита, ни Горація, ни Цицерона, ни Данта, ни Бакона, ни Монтескьё, ни даже Шиллера и Гёте.

За статьей Г. Кудрявцева прочелъ я Саллюстія, Г. Бабста, также очень хорошую статью, со своими достоинствами, хотя и съ

Digitized by Google

меньшею тщательностію отдѣланную, потомъ о гіератикѣ въ древнемъ Греческомъ искусствѣ, г. Благовѣщенскаго, о различіи стилей въ Греческомъ ваяніи, Г. Леонтьева,— одна другой лучше; перелистовалъ пока прочія—вездѣ ученость, занимательность, новость. Наконецъ дошелъ я до статьи Г. Каткова, и вступленіе, признаюсь, меня удивило; читатели могутъ судить, можно ли быть удивлену имъ или нѣтъ. Вотъ оно:

«Исторія философіи стала въ наше время рѣшительною потребностью, однакоже ни задача, ни способы ея не приведены въ достаточную ясность. Системы, въ которыхъ высказывалось человѣческое мышленіе, факты исторіи философіи, рѣдко берутся въ такомъ отношеніи, которое давало бы возможность понимать ихъ научнымъ образомъ. Историки философіи мало заботятся о томъ, чтобы для уразумѣнія рѣчи, въ которой выразилось философское мышленіе, приносить съ своей стороны также философское мышленіе. Они какъ будто не сознаютъ, что мышленіе доступно только мышленію, и довольствуются при изученіи философскихъ системъ обиходными сужденіями. Первое представленіе, по поводу извѣстнаго выраженія, пробудившееся въ головѣ читающаго, берется, безъ дальнѣйшихъ размышленій, какъ нѣчто по истинѣ данное, подвергается разнымъ ученымъ операціямъ, и въ результатѣ творится лишь обманчиво похожее на смыслъ.»

«Обыкновенно главный интересъ исторіи мышленія полагается въ изложеніи мнѣній болѣе или менѣе ложныхъ, болѣе или менѣе приближающихся къ истинѣ. Подъ истиною же обыкновенно подразумѣваются отдѣльныя свѣдѣнія или привычныя понятія, которыя отложились въ умахъ отъ различныхъ наукъ.—Напримѣръ, спрашивается: въ какомъ видѣ представлялъ себѣ тотъ или другой философъ землю? Его хвалятъ, если онъ какъ-нибудь попалъ на форму шара: хотя это и неправда, но все же ближе къ истинѣ, чѣмъ цилиндръ. Цилиндръ вызываетъ улыбку, а плоскость всю силу насмѣшки. Такія эффективныя оцѣнки могутъ быть очень пріятны для критика, тѣмъ болѣе, что соединяются съ чувствомъ собственнаго превосходства; едвали однако же онѣ могутъ составить изъ себя особую цѣльную науку, имѣющую внутренній интересъ, и безъ сомнѣнія исторія разумѣнія, исторія философіи, должна имѣть иное содержаніе.»

Философія есть наука по преимуществу Нѣмецкая; первые умы Германіи посвящали ей себя всецѣло и пламенно. Исторія философіи есть наука ихъ любимая. Каждое слово древнее, на-

Digitized by Google

залось намъ, было ими разсмотрѣно, взвѣшено, оцѣнено,—а теперь мы слышимъ, что всѣ они, не исключая самого Гегеля, главы и вѣнца философовъ, не приносили къ ней даже мышленія, что у нихъ *«первое* представленіе, по поводу извѣстнаго выраженія, пробудившееся въ головѣ читающаго, берется, безъ дальнѣйшихъ размышленій, какъ нѣчто по истинѣ данное, подвергается разнымъ ученымъ операціямъ, и въ результатѣ творится нѣчто лишь обманчиво похожее на смыслъ». И въ результатѣ творится нѣчто лишь обманчиво *похожее на смыслъ!*

Очень буду радъ я, съ своей стороны, моимъ, если такое утвержденіе докажется основательно и осязательно, очень буду радъ за честь Русскаго ума и имени, въ подвержденіе стиховъ Ломоносова, кои такъ я любилъ приводить въ своей молодости:

Что можетъ собственныхъ Платоновъ,
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ,
Россійская земля рождать.

А теперь спрошу только, за что же раздавались въ нѣкоторыхъ приходахъ клики противъ Москвитянина, когда онъ, со всею скромностію и со всѣмъ почтеніемъ къ западной наукѣ, осмѣливался выражать иногда свое сомнѣніе въ ея непогрѣшительности, осмѣливался думать, что многіе западные результаты, должны подвергаться пересмотру, оцѣнкѣ, повѣркѣ, Русскихъ ученыхъ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать суда о статьѣ Г. Каткова отъ знатоковъ и судей законныхъ, а теперь призываемъ пока нашихъ читателей къ замѣчательнѣйшему сборнику Г. Леонтьева. Они не должны бояться учености. Здѣсь она въ одеждѣ легкой и пріятной. Здѣсь предлагаетъ она свѣдѣнія, необходимыя въ наше время для *всякаго образованнаго человѣка.*

Лекціи Г. Грановскаго наполняли своею славою литературные и ученые салоны Москвы. Одна дама, ревностная почитательница достойнаго Профессора, передала мнѣ такъ живо лекцію о Лудовикѣ IX, что я рѣшился наконецъ отломить часть своего утра, и застать хотя послѣднюю его *лекцію о Бэконѣ*, 17 Марта.

Давно уже не слыхалъ я Г. Грановскаго. Фраза его стала еще легче, пріятнѣе, щеголеватѣе, (элегантнѣе). Онъ не скажетъ никогда ничего лишняго, у него не бываетъ никакихъ непріятныхъ выходокъ. Онъ всегда ровенъ, (и даже слишкомъ). Вниманіе слушателя удерживается неотпускно. Подробности выбираются занимательныя, живописныя, эффектныя — талантъ примѣчательный.

Digitized by Google

которымъ по справедливости гордится Университетъ, Но содержаніемъ лекціи, паче чаянія, я былъ совершенно не доволенъ, и считаю ее самою неудачною, какую только можно прочесть въ данное время передъ мыслящими слушателями. Большую половину ея Г. Грановскій посвятилъ гражданской дѣятельности Бакона, и описалъ (живо и вѣрно) всѣ его недостатки, слабости, пороки, преступленія. Помилуйте — на что мнѣ ихъ? И что онѣ доказываютъ? Онѣ доказываютъ мнѣ только, что садясь за судебный столъ, держа въ рукахъ вѣсы правосудія, принимая жезлъ правленія, Баконъ брался не за свое дѣло, что онъ былъ мужъ ума, а не сердца, а не воли. Великъ онъ умомъ, умомъ сдѣлался онъ благодѣтелемъ рода человѣческаго, творцемъ или двигателемъ наукъ, такъ и выставьте намъ эти его заслуги, а на прочее набросьте покровъ забвенія, разумѣется, осудивъ мимоходомъ, безъ потворства. На что мнѣ знать въ подробности всѣ ночныя очень интересныя похожденія Рафаэля, на что мнѣ знакомиться съ 99 его Форнаринами, — подайте мнѣ его Мадонну, подайте мнѣ его Преображеніе. Вотъ въ этихъ созданіяхъ души, среди лучшихъ минутъ ея земной дѣятельности, когда она приближалась къ небу, вотъ въ этихъ произведеніяхъ хочу я удивляться Рафаэлю,—а когда орлы спускаются на землю, то съ овина на овинъ перелетаютъ онъ не лучше куръ, замѣтилъ еще нашъ дѣдушка Крыловъ. Бакона хочу я знать и видѣть тогда, когда могучею рукою, въ полнотѣ убѣжденія, прорубаетъ онъ широкія просѣки въ дремучемъ лѣсу знанія среднихъ вѣковъ, и указываетъ потомству путь, какъ должно оно идти, чтобъ приблизиться къ истинѣ, которую имѣлъ онъ вдали всегда передъ своими глазами. Взятки брали Англійскіе государственные канцлеры и прежде и послѣ его, (хотя одинъ біографъ и хвастаетъ, будто Баконъ былъ первый, но за то и послѣдній, между тѣмъ какъ Лордъ Торрингтонъ теперь еще оправдывается въ Парламентѣ въ подобномъ управленіи на островѣ Цейлонѣ), а концы умѣли хоронить лучше; угождали сильнымъ, и даже не сильнымъ, многіе больше его, — а о, кажденіи власти и говорить нечего. Ужъ во всякомъ случаѣ надо бы оцѣнить признаніе Бакона, хоть его надо бы приписать дѣйствію науки! Раскаяніе Бакона, и какое раскаяніе, торжественное, предъ лицемъ всего потомства, полное сознаніе своихъ преступленій, — есть великій актъ, неоцѣненный вполнѣ историками и Г. Грановскимъ: не многіе канцлеры винились такъ смиренно,—напротивъ, они легли въ могилу добродѣтельными людьми. Г. Грановскій былъ безпощаденъ, даже несправедливъ къ Бакону, и въ этомъ отношеніи я

Digitized by Google

уврюсь подъ авторитетъ, подъ сѣнь Пропилеевъ: «Нѣтъ обмана,» (даже обмана),сказано тамъ, »который бы имѣлъ болѣе права на нашу снисходительность, какъ обманъ, подъ вліяніемъ котораго придаетъ кто-нибудь всѣ возможныя нравственныя доблести людямъ, оставившимъ по себѣ вѣковѣчные памятники своего генія. Причины такой ошибочности коренятся глубоко въ сокровеннѣйшихъ изгибахъ человѣческой природы. Это одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которымъ подверженъ весь родъ человѣческій; и отстранить, и то отчасти, могутъ его только опытность и мышленіе. Отъ того-то современники часто, а потомство такъ почти всегда, обращаются съ чрезвычайною нѣжностью, съ нравственнымъ характеромъ личности, прославившейся въ наукахъ или въ художествѣ. Цѣлый міръ почерпаетъ удовольствіе и пользу изъ трудовъ такой личности. Число тѣхъ, которые страдали отъ его пороковъ, даже при жизни его, ничтожно въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, для которыхъ его таланты служатъ источникомъ наслажденія. Въ нѣсколько лѣтъ сходятъ съ лица земли всѣ, кого онъ обидѣлъ, творенія же его остаются утѣхой для милліоновъ. Геній Саллюстія постоянно еще живетъ съ нами, а Нумидійцы, которыхъ онъ грабилъ, и бѣдные супруги, заставшіе его въ своихъ опочивальняхъ, забыты.»

Наконецъ есть еще сторона, по которой Г. Грановскому совершенно не слѣдовало прочесть лекцію о Баконѣ, такъ, какъ онъ ее прочелъ: въ нашемъ обществѣ понятія о наукѣ еще не установились, безпрестанно смѣшивается злоупотребленіе ея съ сущностью, — и часто повторяются явленія, кои подмѣтилъ тотъ же нашъ учитель дѣдушка Крыловъ въ похожденіяхъ одной изъ своихъ героинь. Зачѣмъ же подавать оружіе людямъ добрымъ, благонамѣреннымъ, но несвѣдущимъ? Того и гляди, подумалъ я, что послѣ этой лекціи встрѣтишь въ какомъ-нибудь салонѣ человѣка почтеннаго, который съ улыбкою спроситъ меня: а что сдѣлала ваша наука, когда попала въ честь? а каковъ вашъ Баконъ? Я придумывалъ уже что отвѣчать глубокомысленному совопроснику; но пора приготовляться къ обѣду въ честь Айвазовскаго и Іордана.

19 Марта, въ Художественномъ классѣ, друзьями искусства данъ былъ обѣдъ въ честь знаменитыхъ Русскихъ художниковъ, Ивана Константиновича Айвазовскаго и Ѳедора Ивановича Іордана.

Лишь собрались всѣ многочисленные участники, какъ Профессоры Художественнаго класса, Н. А. Рамазановъ и К. И. Рабусъ, по предварительному распоряженію, отправились пригласить почетныхъ гостей. Чрезъ полчаса грянула музыка, они показались

Digitized by Google

въ дверяхъ, и были встрѣчены торжественно учредителями празднества, также старшими Московскими художниками, и введены во вторую залу, гдѣ съ утра уже разставлены были всѣ гравюры Преображенія Рафаэля, съ Іордановой въ заключеніи, и многія находящіяся въ Москвѣ картины Айвазовскаго, картины въ коихъ блестѣло утро, смеркался день, яричась буря, волновалось море, восходило солнце, заволакивалось тучами небо,—всѣ любимые предметы нашего живописца.

1. Закатъ солнца въ Крыму.
2. Лунная ночь, нападеніе корсаровъ на купеческій корабль у храма Минервы въ Греціи.
3 и 4 Мысъ Айя, на пути изъ Одессы въ Крымъ, съ разныхъ сторонъ.
5. Видъ Генуи съ моря, во время захожденія солнца.
6. Море близъ Аликанте, въ Испаніи.
7. Аѳонская гора.

Здѣсь выставлена была и послѣдняя картина, написанная Айвазовскимъ въ три часа времени, наканунѣ, по желанію и въ присутствіи А. П. Ермолова: 8. Кавказскій видъ, въ Абхазіи съ береговъ Чернаго моря, во время бури.

Гравюры съ Преображенія: *Томассена*, изъ собранія Графа А. Ѳ. *Растопчина*, *Певона*, изъ собранія С. П. *Шевырева*, *Доминьи*, изъ собранія А. И. *Маковскаго*, *Жирарде*, изъ собранія Н. А. *Равинскаго*, *Моргена*, изъ собранія *П. П. Писемскаго*. Наконецъ *Іорданова*, въ лучшемъ оттискѣ, avant la lettre, подаренномъ имъ другу и товарищу, славному Московскому архитектору *Ѳ. Ѳ. Рихтеру*.

Время передъ обѣдомъ прекрасно было занято разсматриваніемъ картинъ и сравненіемъ гравюръ: сами художники прилагали объясненія къ своимъ работамъ, въ удовлетвореніе любопытства присутствовавшихъ.

Обильный обѣдъ, подъ звуками громкой музыки, начался въ 4½ часа, въ большой залѣ, уставленной изящными статуями-копіями древности.

Предъ началомъ тостовъ предложено было Московскимъ художникамъ перенести въ большую залу картину Айвазовскаго и гравюру Іорданову, чтобъ онѣ находились предъ глазами гостей,—въ то время, какъ будетъ воздаваться честь ихъ творцамъ. Съ радостію принято предложеніе: Рихтеръ, Шебуевъ, Логановскій, Маковскій, Рамазановъ, Васильевъ, Пономаревъ, встали съ мѣстъ своихъ, вышли въ залу картинъ, принесли и на высокихъ подноже-

Digitized by Google

какъ поставили торжественно два славныя произведенія. Надо было видѣть, какой общій восторгъ возбудился, когда на углу картины и на углу гравюры вдругъ увидѣли гости по висящему лавровому вѣнку!

Т. Н. Грановскій предложилъ первый тостъ за здоровье И. К. Айвазовскаго, сказавъ слѣдующія слова:

За Московскою хлѣбъ-солью позвольте мнѣ, милостивые государи, сказать нашимъ гостямъ Московское слово. Веселый пиръ намъ Москвичамъ не въ рѣдкость, но такіе праздники, какъ сегодняшній, рѣдки и у насъ; они оставляютъ по себѣ долгую память. Каждый изъ насъ, здѣсь собранныхъ, обязанъ гостямъ, которыхъ мы теперь угощаемъ Московскою хлѣбъ-солью, минутами высокаго и чистаго наслажденія. Одинъ далъ намъ возможность насладиться здѣсь, въ Бѣлокаменной, безсмертнымъ, но дальнимъ отъ насъ твореніемъ Рафаэля; другой придвинулъ къ намъ море, далъ намъ полюбоваться грозною стихіей, которой не боится только Русскій человѣкъ, потому что она ему часто бываетъ по колѣно. Позвольте мнѣ предложить вамъ — поднять бокалы за здоровье Ивана Константиновича Айвазовскаго!»

«Здоровье Айвазовскаго, здоровье Айвазовскаго!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Всѣ гости встали съ своихъ мѣстъ, и привѣтствовали торжественно художника.

Когда утихло общее движеніе, М. П. Погодинъ, обратясь къ гостямъ, сказалъ слѣдующее:

«Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, встрѣтилъ я въ Римѣ одного изъ Русскихъ художниковъ, человѣка еще молодаго, въ цвѣтѣ лѣтъ, съ длинными черными волосами. Онъ начиналъ гравировать ту картину, которую Римляне съ гордостію называютъ il primo quadro del mondo. Иностранные художники единогласно осуждали его намѣреніе, смѣялись, пожимая плечами, и удивлялись, какъ дерзнулъ quello Russo, Moscovito, браться за Рафаэлево Преображеніе, — тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ гравировать всю картину одинъ, между тѣмъ какъ обыкновенно въ работахъ этого рода и размѣра художникъ раздѣляетъ свой трудъ, отдавая одному сотруднику гравировать воздухъ, другому землю, третьему одежды, и себѣ оставляя лица. Взяться за все одному—случай небывалый! Неменьше неблагопріятны были для художника и внѣшнія обстоятельства. Гравировальное искусство падало само по себѣ и унижалось въ обществѣ. Въ Англіи входила въ моду рѣзьба на стали, во Франціи на деревѣ (политипажи), въ Германіи на камнѣ (литографія). Нашъ художникъ не смотрѣлъ ни на трудности, ни на обстоятельства неблагопріятныя, и еще менѣе думалъ о наградахъ за свою долговременную

Digitized by Google

работу: могъ ли онъ надѣяться распродать вскорѣ 200 лучшихъ экземпляровъ, кои можетъ дать доска? Охотниковъ тогда у насъ было такъ еще мало....

Пятнадцать лѣтъ почти, простоялъ художникъ, съ рѣзцемъ въ рукѣ, на одномъ мѣстѣ, работая надъ своей гравюрой. Пятнадцать лѣтъ, лучшихъ въ жизни, лѣтъ послѣдней молодости и перваго мужества, посвятилъ онъ труду тяжелому, неусыпному.... не стану разсказывать объ его нуждахъ, лишеніяхъ, препятствіяхъ.... черные волосы его посеребрились, кирпичи въ каменномъ полу продавились подъ его ногами,—онъ продолжалъ работать съ одинакимъ жаромъ, наконецъ, устарѣлый и посѣдѣлый, кончилъ, и вздохнулъ свободно!

Вы видѣли его гравюру, вы видѣли всѣ прежніе опыты, произведенія лучшихъ мастеровъ Франціи, Италіи, Германіи! Онъ рѣшительно превзошелъ всѣхъ.... одинъ Моргенъ можетъ идти въ сравненіе по своей мягкости, яркости, щеголеватости, но нашъ художникъ беретъ верхъ степенностію, мужественностью, трезвенностью, строгимъ классицизмомъ своей работы.

Разскажу вамъ анекдотъ, слышанный мною отъ очевидца. Когда выставлена была гравюра Іорданова въ Римѣ, — она произвела необыкновенное движеніе между художниками. Жизнь художественная развита тамъ, разумѣется, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ: всякая картина, статуя, гравюра, бываетъ происшествіемъ въ городѣ, составляетъ эпоху, предметъ разговоровъ. Народу столпилось множество передъ окнами магазина, гдѣ были выставлены всѣ гравюры Преображенія. Одинъ старый Италіанецъ долго ходилъ отъ одной картины къ другой, разсматривалъ, сравнивалъ, и наконецъ спросилъ, чего стоитъ Моргенъ. Продавецъ отвѣчалъ, положимъ, пятьдесятъ скуди. Вотъ вамъ пять скуди, а остальные сорокъ пять придайте къ цѣнѣ гравюры Московитской.

Однимъ словомъ: отзывъ о работѣ нашего художника—единогласный во всей Европѣ. Но теперь еще предстоитъ намъ вопросъ о самой работѣ: какое мѣсто занимаетъ гравировальное искусство между искусствами?

Оно занимаетъ мѣсто второстепенное по общему мнѣнію: граверъ, говорятъ, есть рабъ своего оригинала, творчеству его нѣтъ поприща, онъ не можетъ выразить своего я. Не такъ я думаю, и, не бывъ знатокомъ, а только любителемъ искусства, отдаю на судъ художниковъ, здѣсь присутствующихъ, мою мысль, можетъ быть, парадоксальную. Мы видѣли всѣ гравюры Преображенія и сравнивали ихъ между собою,—во всѣхъ недостаетъ чего-то, что мы встрѣчаемъ однакожъ въ гравюрѣ Іордановой, что напоминаетъ

Digitized by Google

намъ живѣе самой подлинникъ. Вотъ это излишнее — и есть плодъ его творчества, безъ котораго, милостивые государи, нѣтъ успѣха ни въ чемъ, ни въ картинѣ, ни въ гравюрѣ, ни въ книгѣ, — есть живое доказательство его симпатіи съ душею Рафаэлевой, а такая симпатія имѣетъ свое значеніе! И такъ художникъ, обладающій талантомъ творчества, носящій въ душѣ своей святой огонь, и между тѣмъ подчиняющій себя другому таланту, хотя и Рафаэлеву, любитъ искусство больше самого себя, больше своего я. Такая высокая любовь къ искусству, такое смиреніе, соединенное съ такимъ терпѣніемъ, съ такимъ самоотверженіемъ, и увѣнчанное такимъ блестящимъ успѣхомъ, имѣетъ ли право на почтеніе благодарность, любовь всѣхъ соотечественниковъ, спрашиваю я васъ, милостивые государи? Имѣетъ — вы согласны со мною? — Выпьемте же за здоровье нашего милаго гостя Ѳедора Иваповича Іорданова!»

Кликамъ, восклицаніямъ, привѣтствіямъ Іордану не было конца!

Долго шумѣла и волновалась зала. Наконецъ К. И. Рабусъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ Московскихъ художниковъ, возвысилъ голосъ: «Позвольте мнѣ, милостивые государи, сказалъ онъ, къ словамъ М. П. П. прибавить, что изъ большаго числа художниковъ, между коими въ особенности замѣчательно имя Рафаэля Менгса, стремившихся достигнуть въ копіи славнаго Рафаэля Урбинскаго, весьма немногимъ удалось приблизиться къ великимъ идеаламъ его геніальнаго творчества. Замѣтимъ еще, что живописецъ съ богатою палитрою, изобилующей разнообразіемъ тоновъ и роскошью всѣхъ красокъ, имѣетъ гораздо болѣе способовъ къ достиженію цѣли, нежели граверъ но не смотря на это, Г-нъ Іорданъ не только передалъ лучше другихъ классическій рисунокъ Рафаэля, но далъ намъ даже почувствовать колоритъ и нѣжныя краски подлинника. *Исполнивъ все возможное*, онъ можно сказать, соединился душою съ величайшимъ геніемъ живописи всѣхъ вѣковъ! По сему можно ли не признать въ немъ даръ творчества? Да здравствуетъ Іорданъ во славу искусства!»

Тостъ былъ принятъ съ восторгомъ.

За К. И. Рабусомъ всталъ С. П. Шевыревъ, одинъ изъ попечителей Художественнаго класса. Онъ сказалъ:

Мм. Гг.

«Передъ началомъ моего курса, полный предмета моего, я прошу позволенія перенести васъ кстати, въ эту минуту, къ началу гравировальнаго искусства. Въ 1452 году, во Флоренціи, ваятель и золотыхъ дѣлъ мастеръ Масо Финигверра, ученикъ славнаго ваятеля Лаврентія Гиберти и живописца Масаччіо, работая чернью·

надъ изображеніемъ Мира, случайно изобрѣлъ гравированіе. Въ томъ же самомъ 1452 году родился Леонардо да Винчи, творецъ новаго рисунка, котораго совершенству мы изумляемся въ высшей картинѣ Рафаэля, возпроизведенной передъ ними рѣзцомъ Іордана. Въ томъ же самомъ году явился и первый плодъ только-что изобрѣтеннаго книгопечатнаго искусства, Латинская Библія, изданная Гуттенбергомъ и Фаустомъ. Есть родство въ этихъ двухъ изобрѣтеніяхъ: это одна и та же идея, но въ разныхъ формахъ. Книгопечатаніе сблизило всѣ литературы, выведши ихъ изъ народной исключительности и связавши въ одно цѣлое. Гравировальное искусство сблизило всѣ школы живописи до того, что два великіе живописца, противоположные другъ другу, какъ идеалъ и дѣйствительность, Рафаэль и Альбрехтъ Дюреръ, черезъ гравюры узнали и начали уважать другъ друга.

Незабвенны услуги, оказанныя гравировальнымъ искусствомъ живописи: безъ него исчезли бы навсегда картины Леонардо да Винчи и Микель-Анджело, и многія мысли Рафаэля, теперь существующія только въ гравюрахъ Марка Антоніо Раймонди.

Имена великихъ граверовъ связаны съ именами великихъ живописцевъ: такъ Форстерманъ и Болсвертъ стоятъ дружно съ Рубенсомъ и Вандикомъ; Геральдъ Одранъ и Эделингъ съ Лебрюномъ.

Искренняя и постоянная дружба соединяла Рафаэля съ Марком Антоніо Раймонди. Эту-то дружбу съ Рафаэлемъ въ наше время возобновилъ нашъ славный граверъ, Ѳеодоръ Ивановичъ Іорданъ.

Благодаримъ, благодаримъ васъ, почтенный художникъ, за вашу семнадцатилѣтнюю, терпѣливую, добросовѣстную бесѣду съ великимъ произведеніемъ Рафаэля. Сколько тайнъ, вложенныхъ въ картину его геніемъ, вы узнали, такъ, какъ не знаетъ ихъ никто! Продолжайте славный путь! Да пошлетъ Богъ долго и долго свѣтъ очамъ вашимъ, крѣпость вашимъ тѣлеснымъ силамъ, свѣжесть уму, чтобъ вы могли долѣе просвѣщать насъ такими произведеніями.

Господа! Черезъ годъ исторія гравировальнаго исскуства можетъ праздновать четырехъсотлѣтіе. Выпьемъ же еще разъ здоровье Ѳедора Ивановича Іордана, который почти наканунѣ этого юбилея, внесъ съ такою славою имя Русскаго гравера въ лѣтописи гравировальнаго искусства!

Но меня ждетъ еще другой герой нашего пира. Здѣсь, въ этихъ самыхъ залахъ, когда не было въ нихъ толпы зрителей, я просиживалъ часы передъ ландшафтами И. К. Айвазовскаго, и бесѣдовалъ съ ними, водимый тѣмъ вкусомъ къ искусству, который воспитала во мнѣ Италія. Но чтобы разсказать вамъ то, что пейзажи

Digitized by Google

Айвазовскаго мнѣ внушили, мнѣ мало прозы... Позвольте трахнуть старинной....

Дайте стихъ — умолкни проза!
Блещетъ кисть, какъ ясный день!
Здравствуй нашъ Сальваторъ-Роза,
Рюисдаль и Клодъ-Лоррень!

Какъ ужъ намъ въ земляхъ просторныхъ
Много Богъ послалъ чудесъ:
Тамъ у водъ лазурно-черныхъ
Рай полуденныхъ небесъ.

У ея роднаго шума,
Внемля бури торжество,
Тамъ его созрѣла дума,
Воспиталась кисть его.

Жизни радостью и горемъ
Волновался онъ давно:
Бурей, воздухомъ и моремъ
Онъ волнуетъ полотно.

Смотришь — утро дивно блещетъ,
Солнца лучъ въ парахъ сквозитъ,
Воздухъ дышетъ и трепещетъ,
Море въ блескахъ говоритъ.

Чудно кисти обаянье!
Айвазовскій! Ты великъ:
Ты въ бездушное созданье
Перенесъ живой языкъ.

Смотришь — слово умолкаетъ,
Слухомъ дѣлается взоръ
И съ природою вступаетъ
Въ задушевный разговоръ.

И рѣчь и стихи прерывались безпрестанно кликами одобренія и сочувствія.... Художники наши были видимо тронуты. Слезы навертывались на глазахъ. У обоихъ на лицахъ написано было полное удовольствіе.

Айвазовскій наконецъ всталъ, и засвидѣтельствовалъ глубочайшую свою благодарность обществу. Всѣ чувства его были взволнованы, голосъ его дрожалъ, онъ часто останавливался, но это смущеніе таланта придавало еще болѣе прелести его простымъ, краткимъ словамъ:

«Милостивые государи! Снисходительности вашей къ трудамъ моимъ и прежде я былъ обязанъ много. Нынѣ вы удостоили меня чести, совершенно мной незаслуженной. Не могу вамъ выразить всей глубины моей благодарности. Это счастливѣйшій день

Digitized by Google

въ моей жизни. Могу обѣщать вамъ, что всѣми силами буду я стараться, трудиться, чтобъ совершенствовать своей слабый талантъ, произвесть наконецъ, когда-нибудь, въ самомъ дѣлѣ достойное вниманія моихъ соотечественниковъ....»

Айвазовскій остановился. Іорданъ продолжалъ: «Милостивые государи! Не взыщите съ насъ за скудость нашихъ словъ. Ихъ не найдешь столько, чтобъ выразить всѣ наши чувства. Вы насъ вполнѣ осчастливили. Вашъ радушный пріемъ, почесть безпримѣрная, вами намъ оказываемая, преисполняетъ сердца наши живѣйшею къ вамъ благодарностію....

Не могу говорить. Прильпне языкъ къ гортани. Грамматика отсутствуетъ. Но я помолодѣлъ среди васъ снова. Готовъ начать еще работу на двадцать лѣтъ. Сколько добра вы сдѣлали мнѣ! Какія благодѣянія получилъ я отъ нашей матушки Москвы! Когда я работалъ надъ своей гравюрой, откуда получалъ я слова поощренія, участія? Изъ Москвы! Когда я окончилъ ее, кто поздравилъ меня отъ души съ окончаніемъ? Москва! Когда пріунылъ духъ художника, кто ободрилъ его, кто согрѣлъ? Москва! А теперь, какого вниманія вы удостоили меня? Вы предложили вашу почетную хлѣбъ-соль. Какая награда можетъ быть слаще? Она принадлежитъ, по достоинству, моему другу и товарищу, К. И Айвазовскому, за его талантъ, за его добрую, прекрасную душу. А я чѣмъ заслужилъ ее! Юные друзья мои, (сказалъ почтенный художникъ, обращаясь къ воспитанникамъ Художественнаго класса, которые были приглашены присутствовать на праздникѣ искусства,) берите примѣръ съ меня, трудитесь, учитесь, не смущайтесь никакими препятствіями, боритесь храбро съ нуждою, и будьте увѣрены, что рано или поздно, а трудъ получитъ награду: въ Россіи за Богомъ молитва, за Царемъ служба, за соотечественниками усердіе не пропадаютъ. Имѣя такихъ наставниковъ, какъ Рихтеръ, Скотти, Рабусъ, Рамазановъ, вы вѣрно успѣете. Повѣрьте мнѣ, одна такая минута, какъ нынѣшняя, искупаетъ много всякой горечи. Навѣки вѣковъ останется она въ моемъ сердцѣ! Милостивые государи! осмѣливаюсь повторить вамъ мою глубочайшую благодарность, осмѣливаюсь просить васъ о присоединеніи вашихъ желаній къ моимъ, къ нашимъ, къ сердечнымъ: здравія и благоденствія и во всемъ благаго поспѣшенія нашей матушкѣ Москвѣ, православной, первопрестольной, щедрой, гостепріимной, нашей доброй, красавицѣ Матушкѣ-Москвѣ!»

Запѣнилось вино, зазвучали бокалы, раздалися клики! Не успѣлъ кончить Іорданъ, подошелъ Н. В. Бергъ, одинъ изъ молодыхъ на-

Digitized by Google

шихъ поэтовъ, и произнесъ живо, увлекательно, свой сердечный экспромтъ:

Вдохновенья полонъ силой,
Откровенностію пьянъ,
Я къ тебѣ взываю, милой
И безцѣнный Іорданъ!

Ты великъ своей гравюрой;
Въ нихъ знатокъ я небольшой;
Я прельщенъ твоей натурой,
Доброй, милой и простой;

Больше ясны для поэта
Сердца чистые штрихи...
Такъ прими жъ, мой другъ, за это
Задушевные стихи!

Можетъ быть, не показались,
Можетъ быть, не хороши,
Но за то они сказались,
Право-слово, отъ души!

Я въ восторгѣ, я ликую
Отъ того, что ты такъ милъ,
Что Москву мою родную
Такъ ты крѣпко полюбилъ!

За Г. Бергомъ слѣдовалъ извѣстный артистъ нашъ, Ленскій, съ новыми куплетами:

Два геніальные художника предъ нами;
Съ благоговѣніемъ взираю я на нихъ!...
Не мнѣ ихъ величать достойными стихами:
Тутъ нуженъ Пушкинскій и богатырскій стихъ...
Гдѣ лира быть должна, не мѣсто тамъ цѣвницѣ...
Я лишь могу Тебя благодарить, Творецъ,
Что ты, на славу намъ, вручилъ своей десницей
Кисть Айвазовскому и Іордану рѣзецъ!...(*)

За Г. Ленскимъ подошелъ Ѳ. Б. Миллеръ еще со стихами:

Мы, молодое поколѣнье,
Питомцы матушки Москвы,
Приносимъ вамъ благодаренье,
За тѣ минуты наслажденья,
Какими насъ дарите вы.

Люби природу и искусство,
Мы васъ привыкли уважать,
И потому-то голосъ чувства
Не можетъ въ насъ теперь молчать.

(*) Историческая вѣрность требуетъ вспомнить еще первый экспромтъ, разнесшійся по рукамъ: Коль видѣть вы хотите
Какъ человѣку даръ всещедрымъ Богомъ данъ,
Взгляните:
Здѣсь Айвазовскій и Іорданъ.

Digitized by Google

Примите жъ, гости дорогіе,
Нелицемѣрный нашъ привѣтъ;
Пошли вамъ Богъ труды такіе
Еще на много, много лѣтъ!

Наши гости были въ восторгѣ, оборачивались отъ одного къ другому поздравителю, раскланивались, благодарили, обнимались. Нѣсколько разъ принимались они говорить. Айвазовскій сказалъ: «Есть одна картина у меня, которою я могу располагать изъ числа выставленныхъ. Милостивые государи, примите ее, прошу васъ, въ память объ этомъ незабвенномъ для меня днѣ. Сдѣлайте съ нею что хотите. Не смѣю предложить ее Художественному классу, но даю слово первый свой досугъ посвятить ему—написать для него картину, которая была бы достойнѣе занять мѣсто между его произведеніями. Москва производила на меня всегда сильное впечатлѣніе своими оригинальными видами. Но никогда не былъ я пораженъ ею такъ живо, какъ въ нынѣшнее мое пребываніе. Это живописнѣйшій городъ во всей Европѣ. Отнынѣ я буду изображать ее со всѣхъ сторонъ, и года чрезъ два, можетъ быть, успѣю представить что-нибудь, достойное вашего вниманія.»

Бокалы безпрестанно дополнялись. Шампанское пѣнилось. Веселье умножалось. Слышались имена Александра Ивановича Казначеева, который доставилъ Айвазовскому первыя средства образовать свой талантъ, Николая Ивановича Уткина, учителя Іорданова, который заставилъ дать себѣ золотую медаль въ Парижѣ во времена Наполеоновы. (*) С. П. Шевыревъ воздалъ честь всѣмъ Профессорамъ Художественнаго класса: «Вѣнчая нашихъ славныхъ гостей, передъ разставаніемъ съ ними, не забудемъ же и тѣхъ художниковъ, которые дѣйствуютъ здѣсь, добросовѣстно, съ пользою для нашего искусства, своими трудами лелѣя и воспитывая молодой разсадникъ: М. И. Скотти, котораго Венеціанская кисть подарила нашу школу мастерскимъ колоритомъ, этою великою тайною живописи; Н. А. Рамазанова, котораго дѣятельный талантъ распространилъ ваяніе въ нашей столицѣ; К. И. Рабуса, котораго ученики рисуютъ виды въ разныхъ концахъ Россіи, и который водворилъ въ училищѣ пейзажъ и правила линейной перспек-

(*) Хомяковъ вспомнилъ, что нынѣ день рожденія Гоголя, и предложилъ выпить за его здоровье. Армфельдъ назвалъ его первоотсутствующимъ, какъ художника на праздникѣ художниковъ. Но Шевыревъ относилъ день рожденія Гоголева къ другому времени. Чтобъ кончить споръ предложено выпить за Гоголя на Антонія, а потомъ еще на Онуфрія.

Digitized by Google

тины; Н. А. Васильева, содѣйствующаго ему своими полезными уроками.

К. И. Рабусъ возблагодарилъ Г. Шевырева слѣдующими словами:

«Какъ пріятно намъ, художникамъ, еще дѣйствующимъ на поприщѣ искусства, вмѣстѣ съ молодыми людьми, ревностно стремящимися къ той же цѣли, видѣть здѣсь достойныхъ ученыхъ, литераторовъ и поэтовъ, явившихся къ намъ праздновать окончаніе славнаго труда Г-на Іордана, и вмѣстѣ съ тѣмъ порадоваться прекраснымъ произведеніямъ Г. Айвазовскаго. — Сближеніе ученыхъ съ художниками подаетъ намъ блестящія надежды на успѣхи въ будущемъ, ибо только при полномъ просвѣщеніи достигаютъ художества до высокой цѣли совершенства. И такъ за здравіе Г. Іорданова! Г. Айвазовскаго! и за все здѣсь собранное достопочтенное общество!»

Не успѣлъ онъ кончить, какъ на концѣ стола показался, поднятый вверхъ восторженными учениками своими на стулѣ, Н. А. Рамазановъ, и громкимъ своимъ голосомъ произнесъ:

«Искренно желаю, чтобы общими усиліями какъ со стороны жителей Москвы, такъ и со стороны преподавателей, училище наше въ скорѣйшемъ времени образовало такихъ художниковъ, какихъ мы чтили сего дня въ нашихъ дорогихъ гостяхъ, Іорданѣ и Айвазовскомъ.»

Наконецъ, историкъ напомнилъ обществу, что нынѣшній день есть день вступленія Русскихъ въ Парижъ, празднуемый теперь въ домѣ нашего достойнаго, заслуженнаго Градоначальника, что мы, на праздникѣ искусства, должны присоединить свой голосъ къ тѣмъ голосамъ, которые тамъ раздаются, въ славу Русскаго Царя и Русскаго оружія,—тѣмъ болѣе, что нынѣшній день имѣетъ великое значеніе и въ исторіи Европейскаго искусства, возвративъ, Русской побѣдой, всѣ изящныя произведенія Италіи изъ Musée Napoleon по своимъ отчизнамъ, гдѣ только и могутъ онѣ вполнѣ производить свое дѣйствіе.

Всѣ гости встали, раздался торжественный гимнъ: Боже Царя храни, славному долги дни дай на земли! Ура! Ура! Множество голосовъ вторило музыкѣ, — и почетный обѣдъ кончился среди радостныхъ восклицаній веселаго общества.

Послѣ обѣда, въ тѣсномъ кругѣ собесѣдниковъ, С. П. Шевыревъ, воздалъ честь еще тѣмъ художникамъ, которые, хотя и не прямо дѣйствуютъ въ училищѣ, но своимъ знаніемъ дѣла, неутомимостью труда, распространяютъ вкусъ къ изящному въ Москвѣ, сохраняютъ памятники искусства древняго: Ѳ. Ѳ. Рихтеру и М. Д.

Digitized by Google

Быковскому. Благодарность и тѣмъ безкорыстнымъ, истиннымъ любителямъ искусства, которые, не жалѣя трудовыхъ денегъ, собираютъ классическія коллекціи картинъ и эстамповъ: Е. Д. Тюрину! Пожелаемъ, чтобы его галлерея сдѣлалась собственностью столицы! Е. И. Маковскому, который, первый въ здѣшнемъ училищѣ, получилъ отъ Академіи Художествъ серебряную медаль за свой рисунокъ, и не щадя ни трудовъ, ни потовыхъ своихъ денегъ, собралъ коллекцію въ тысячу эстамповъ, коллекцію классическую, драгоцѣнную. Пожелаемъ, чтобы она сдѣлалась также собственностью нашего училища. Д. А. Ровинскому, который подаетъ прекрасный примѣръ молодому поколѣнію, любитъ, изучаетъ искусство и приноситъ ему жертвы своими собраніями....

Всѣ гости разошлись среди взаимныхъ привѣтствій, благодареній, поздравленій.

Давно не случалось такаго искренняго, пріятнаго общества. Праздникъ удался, по единогласнымъ отзывамъ, въ полной мѣрѣ. Всѣ были веселы и довольны. (*)

---

20 Марта, во вторникъ, была первая *публичная лекція* С. П. Шевырева въ Университетѣ *объ искусствѣ*, и преимущественно Рафаэлѣ. Айвазовскій и Іордановъ почли своей обязанностію присутствовать на ней, и тѣмъ изъявить свое почтеніе заслуженному другу, ревнителю и знатоку искусства. Пріятно было видѣть знаменитыхъ художниковъ, слушающихъ съ глубокимъ вниманіемъ откровенія науки объ ихъ собственномъ искусствѣ. «Ахъ, если бы вы прочли это въ Римѣ, сказалъ Іордановъ, какое дѣйствіе произвели бы ваши слова теперь на всѣхъ художниковъ! Сколько возбудили онѣ сладкихъ воспоминаній во мнѣ!» Айвазовскій встрѣтился со многими своими мыслями объ искусствѣ, кои онъ впродолженіи нынѣшняго своего пребыванія въ Москвѣ передавалъ любителямъ, и долженъ былъ очень обрадоваться такой встрѣчѣ. Въ такихъ отзывахъ «судей законныхъ» достойный Профессоръ долженъ былъ найдти полное вознагражденіе за свои усилія, и утѣшиться въ маломъ количествѣ дамъ, посѣтившихъ первыя его лекціи. Иныя прельстились, можетъ быть, великолѣпными объявленіями Базара, гдѣ, какъ нарочно, въ этотъ день, назначалась роскошная лоттерея—и трюмо орѣховаго дерева,

(*) Честь имѣю предложить всѣмъ участникамъ обѣда—разыграть предоставленную ими картину Айвазовскаго въ пользу семействъ двухъ заслуженныхъ художниковъ, братьевъ Добровольскихъ, которые служили и учили въ Классѣ, со времени его основанія. Одинъ изъ нихъ скончался. Другой получилъ увольненіе. Если кто имѣетъ иное предложеніе, благоволитъ сообщить до Ѳомина Воскресенья къ Н. А. Рамазанову. Молчаніе принято будетъ знакомъ согласія. *М. П.*

Digitized by Google

прекрасная Французская шаль, и великолѣпный коверъ, шитый шерстью. Туда, туда отъ борьбы знаменитаго Леонарда да Винчи и Микель-Анджело, туда отъ интереснаго воспитанія Рафаэлева въ Перуджіо, отъ глубокихъ и высокихъ изслѣдованій о красотѣ Бембо! Нельзя не пожалѣть, что управленіе Базара назначило даже свою лотерею именно въ часъ лекціи Г. Шевырева, и хотя послѣ ее отмѣнило, но такъ поздно, что многіе должны были лишиться вмѣстѣ и лекціи и лотереи.

Мы постараемся въ слѣдующей книгѣ представить полное изложеніе лекцій Г. Шевырева, а теперь скажемъ объ этой нашe мнѣніе также искренно, какъ сказали о лекціи Г. Грановскаго.

Г. Шевыревъ принадлежитъ къ числу первыхъ знатоковъ исторіи искусства не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи, и разумѣется, можетъ состязаться со многими Профессорами въ Европѣ. Чего онъ не читалъ, чего онъ не знаетъ, и въ теоріи и въ практикѣ! И все хочется ему помѣстить въ своемъ краткомъ курсѣ. Такой излишекъ дѣлается недостаткомъ, и слушателю желательно было бы иногда узнать меньше, но явственнѣе. Что касается до выраженія—мы замѣтимъ, что фраза его бываетъ иногда слишкомъ нарядна, (а нынѣ въ модѣ неглиже). Особенно не удаются Г. Шевыреву тѣ мѣста, на кои онъ дѣлаетъ ударенiе, коими хочетъ затронуть чувство, однимъ словомъ бемольныя ноты Случается, что подъ тонъ возвышенный попадаютъ слова по своему предмету простыя, и тогда этотъ тонъ производитъ впечатлѣніе непріятное. О, хорошая лекція, во всѣхъ отношеніяхъ, есть трудное, трудное дѣло! Много условій требуется отъ Профессора, и дорого ему достается его успѣхъ! Особенно у насъ—затрудненія великія: многіе ли у насъ хорошо говорятъ въ обществѣ? еще меньшее количество умѣетъ разговаривать, бесѣдовать,—а хорошіе чтецы на перечетъ. Въ оправданіе нѣкоторой изысканности Г. Шевырева, должно сказать и то, что онъ разсуждаетъ объ искусствѣ, о красотѣ. По необходимости, рѣчь его должна носить характеръ отдѣлки, чистоты, изящности.—Но говоря вообще, Г. Шевыревъ занимаетъ почетное мѣсто между нашими Профессорами-ораторами: нѣсколько болѣе простоты, и онъ поднимется еще выше въ своемъ мудреномъ искусствѣ. О содержаніи лекцій, повторяю, мы будемъ говорить въ слѣдующій разъ.

Послѣ цѣлой почти недѣли экстраординарныхъ выѣздовъ, я наконецъ заключился дома, и заперъ свои двери, чтобъ сколько-нибудь привесть въ порядокъ весь взволнованный и разстроенный организмъ,—а кстати, явились и врачи-упокоители:

Digitized by Google

Ефимъ Андреевъ, крестьянинъ Семеновскаго уѣзда Нижегородской губерніи, принесъ мнѣ харатейную кормчую, или собраніе краткихъ правилъ, сколько мнѣ удалось разсмотрѣть, безъ сомнѣнія 13 вѣка, формата самаго малаго, въ родѣ 16 доли. Къ концу присоединены такъ называемые царскіе часы. Правописаніе наше, Русское. Вторая рукопись, неважная, молитвенникъ временъ Царя Алексѣя Михайловича.

Самъ этотъ крестьянинъ есть лице очень примѣчательное. Знакомъ онъ со мною лѣтъ десять. Онъ перечиталъ всѣ рукописныя наши книги, по крайней мѣрѣ, духовнаго содержанія, и перешелъ всѣ толки, «ища истины», а теперь присоединился къ единовѣрческой церкви. Лѣтъ пять тому назадъ, я познакомилъ его съ покойнымъ Архіепископомъ Іаковомъ Нижегородскимъ, который удостоилъ его своей благосклонностью. Сколько любопытнаго можно узнать отъ этихъ людей, умѣя съ ними обходиться!

Д. В. Пискаревъ, вѣрнѣйшій изъ моихъ коммиссіонеровъ, принесъ мнѣ съ Ростовской ярмарки очень мало: двѣ-три неважныя рукописи и мѣшочекъ мѣдныхъ монетъ прошедшаго столѣтія, оставшихся послѣ распродажи богатаго Минцъ-кабинета Г. Шишкина. (Большая часть лучшихъ монетъ досталась Петербургскому купцу Правоторову, а отъ него Графу А. С. Уварову и прочимъ тамошнимъ охотникамъ. Въ Москву попало мало).

Андрей Ефимовъ Сорокинъ доставилъ рукопись, съ годомъ XV ст., Василья Великаго о постничествѣ. Этой рукописи у меня есть нѣсколько экземпляровъ, и очень древнихъ, но доставленный теперь— важенъ тѣмъ, что имя Іисуса Христа вездѣ написано чрезъ два *и*, а не чрезъ одно, какъ принимаютъ и утверждаютъ всѣми силами старообрядцы. Въ моемъ собраніи есть уже нѣсколько такихъ древнихъ рукописей съ двумя *и*: показывать такія неопровержимыя, осязательныя возраженія противъ ложныхъ мудрованій, всего полезнѣе. Безпрестанныя разнорѣчія въ самыхъ важныхъ текстахъ должны убѣдить всякаго въ необходимости единства, указуемаго нашею Церковью.

Кромѣ рукописей получено еще письмо Артемія Волынскаго изъ Саратова, 1718 года, но самое важное ожиданіе—изъ Малороссіи.

Наконецъ Московскій лѣтописатель долженъ отмѣтить на своихъ страницахъ важное явленіе въ лѣтописи Москвы, болѣе важное, нежели какъ вообще у насъ полагаютъ, — это новый видъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Послѣдніе нумера исполнены любопытныхъ свѣдѣній для образованныхъ людей. Статьи Гг. Вернадскаго, Леонтьева, Буслаева, Кудрявцева, Соловьева, Спасскаго, одна за дру-

Digitized by Google

рою, возбудили полное вниманіе, такъ что теперь, во Вторникъ, Четвергъ и Субботу, невольно спрашиваешь, принесли ли газеты, потому что надѣешься прочесть и узнать новое или интересное. Иностранныя статьи, которыя Москвитянинъ отмѣчалъ бывало спокойно для себя въ Нѣмецкихъ журналахъ, — глядишь, — напечатаны уже въ газетахъ. Мы замѣтимъ только новой Редакціи, что всѣ такія статьи въ Московскихъ Вѣдомостяхъ должны имѣть значеніе десерта, а для большинства читателей нужнѣе и полезнѣе статьи о *рыбѣ*, которая впрочемъ задумала лучше, чѣмъ исполнена, о чаѣ и тому под. Второй совѣтъ стараго журнала относится къ непотизму или кумовству, литературной болѣзни нашего времени. Самохвальство дошло у насъ, говоря модным языкомъ, до размѣровъ колоссальныхъ, къ прискорбію людей благомыслящихъ и степенныхъ. Ланкастерова метода взаимнаго обученія приложена къ этому процессу неблагопристойнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ приходахъ есть у насъ отверженцы и фавориты. Отверженецъ, хоть схвати съ неба звѣзды, предается ругательствамъ, клеветамъ. Фаворитъ превозносится до небесъ, хоть бы сидѣлъ въ грязи. Конечно рука руку моетъ, но вѣдь не всегда онѣ бываютъ чисты послѣ такого мытья: чѣмъ моешь! Толпа можетъ увлечься — но всегда есть люди, которые взглянутъ, рано или поздно, на дѣло безпристрастно, и произнесутъ свой приговоръ, невыгодно для Ланкастерскаго приложенія. Досадно то, что такими похвалами поносятся иногда люди почтенные и дѣловые, которые имѣютъ по своимъ достоинствамъ право на законныя похвалы, и не имѣютъ никакой нужды въ лишнихъ, навязанныхъ. Непріятно съ другой стороны, когда пропускаются, или унижаются достоинства другихъ почтенныхъ людей, для того только, чтобъ не быть принуждену похвалить ихъ, какъ будто вопреки статута. Этою болѣзнію заражены почти всѣ наши литературные приходы, болѣе или менѣе. Отъ доказательствъ я теперь пока удержусь, но считаю обязанностію указать, при всемъ достоинствѣ Московскихъ Вѣдомостей, на нѣкоторые, разумѣется невинные, легкіе, непримѣтные для нихъ симптомы болѣзни вѣка. Можно имѣть предилекцію, симпатію и антипатію, можно быть къ одному строгу и къ другому снисходительну,—противъ этого сказать ничего нельзя, какъ противъ неизбѣжнаго аттрибута слабой человѣческой натуры; но не болѣе, est modus in rebus, и всякой публичный писатель долженъ, какъ можно чаще, напоминать себѣ Тацитово правило: Sine ira et studio. *М. Погодинъ.*

—

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Замѣчательный, чудесный случай избавленія отъ смерти произошелъ въ Курской губерніи, во время той страшной вьюги, (27 Ноября), о которой »Внутреннія Извѣстія« уже говорили. Въ этотъ день, крестьянинъ Курскаго уѣзда Дмитрій Зубковъ, 23 лѣтъ, возвращаясь съ городскаго базара домой, застигнутъ былъ мятелью. Ночью, сбившись съ дороги, онъ заѣхалъ въ небольшой лѣсокъ, и не надѣясь отыскать жилья, рѣшился переночевать тутъ, отпрягъ лошадь и легъ. Сильный снѣгъ, шедшій ночью, такъ покрылъ несчастнаго путника, что къ утру онъ не могъ уже выбраться, и долженъ былъ пролежать въ снѣгу *десять* дней, утоляя голодъ небольшимъ кускомъ хлѣба.... 7 Декабря собака одного охотника-крестьянина, по чутью, нашла лошадь Зубкова, лежавшую безъ головы, отъѣденной волками, а самъ охотникъ, подойдя вслѣдъ за собакою, узналъ по примѣтамъ, кому принадлежала лошадь, и тотчасъ объявилъ объ этомъ сельскому начальству. Немедленно посланы были люди разрыть снѣгъ около лошади. Зубковъ отысканъ подъ снѣгомъ живымъ, и въ настоящее время, кромѣ нѣсколькихъ отмороженныхъ пальцевъ на рукахъ и ногахъ, чувствуетъ себя хорошо...

Да, хоть и любимъ мы морозъ, но иногда онъ обходится съ нами вовсе не по братски. Что- дѣлать: на всякій часъ не спасешься. И одинъ ли морозъ подшучиваетъ съ нами. Напримѣръ, земля наша кормилица, мать, а иногда даетъ урожай такой, что и мачихой-то много назвать ее. Впрочемъ на запрошлый годъ, слава Богу! грѣхъ пожаловаться—хлѣбъ ржаной родился почти вездѣ хорошо, и до новаго хватитъ, и на продажу останется. Даже въ тѣхъ губерніяхъ, о которыхъ мы обыкновенно полагаемъ, что онѣ почти всегда нуждаются въ способахъ продовольствія, и тамъ въ хлѣбѣ изобиліе. Вотъ что пишутъ изъ Иркутска. Средства продовольствія, въ настоящее время, здѣсь вообще удовлетворительные Рыночныя цѣны на ржаную муку въ Иркутскѣ и Нижнеудинскѣ не превышаютъ 20—25 к. с. за пудъ. Урожай очень слабъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Верхнеудинскаго округа, но и тамъ

Digitized by Google

затрудненія въ продовольствіи могутъ устраниться незначительными ссудами хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ. Ближайшія къ Иркутску мѣста этого округа встрѣтили неожиданное облегченіе въ одномъ, повидимому, невыгодномъ для нихъ обстоятельствѣ. За Байкаломъ уже два года дурно уродились кормовыя травы, отчего прокормъ скота очень затруднителенъ, и потому въ нынѣшнюю зиму привезено громадное количество (до 70 т. пудовъ) мяса въ Иркутскій округъ. Цѣна на мясо въ Иркутскѣ упала неслыханно: до 75 к. с. за пудъ. Цѣна эта для продавцевъ, Забайкальскихъ жителей, крайне убыточна, но они вознаградили себя тѣмъ, что на вырученныя за мясо деньги купили въ Иркутскомъ округѣ, по дешевымъ цѣнамъ, хлѣбъ и доставили его за Байкалъ на собственныхъ лошадяхъ. Этимъ они обезпечили собственное продовольствіе хлѣбомъ, а можетъ быть, еще и сбыли часть его съ выгодою для себя и съ пользою для общаго продовольствія. Еще въ лучшемъ видѣ находятся продовольственныя средства Енисейской губерніи: здѣсь, по нѣкоторымъ городамъ (Минусинску), цѣна на ржаную муку понижалась даже до 17 к. с. за пудъ, и хлѣба такъ много, что даже, за удовлетвореніемъ потребности 1851 года, его останется еще на годовое продовольствіе губерніи. Какое сравненіе съ недавними годами, наприм. съ 1847-мъ! Тогда цѣны на ржаную муку доходили въ Иркутской губерніи до одного рубля а въ Енисейской даже до 2 р. с. за пудъ; но въ послѣднее время сильно развилось хлѣбопашество; запросы на хлѣбъ (на золотые пріиски) значительно уменьшились, а цѣнность денегъ увеличилась. Этимъ объясняется сильный упадокъ цѣнности хлѣба. Средства продовольствія Восточной Сибири заключаются не въ одномъ хлѣбѣ. Большая часть инородцевъ почти его не потребляютъ: имъ нужны только мясо и рыба. Скотоводствомъ особенно славятся Забайкальскіе инородцы. Нынѣ, вслѣдствіе неурожая травъ, оно у нихъ нѣсколько уменьшилось, но все еще весьма значительно. Байкалъ, Лена, Енисей и другія рѣки доставляютъ огромное количество рыбы не только для мѣстнаго потребленія, но и для сбыта. Байкалъ и впадающія въ него рѣки продовольствуютъ всю Иркутскую губернію омулями. Эта рыба здѣсь единственная пища бѣдняковъ и лакомство богатыхъ. Въ минувшемъ лѣтѣ ловъ омулей былъ необыкновенно хорошъ.

Предусмотрительность принимаетъ мѣры противъ неуро и она же велитъ заботиться и объ устраненіи разныхъ невзгодъ, встрѣчаемыхъ человѣкомъ въ борьбѣ его съ природою. Средства сообщенія и устройство городовъ совершенствуются у насъ съ

Digitized by Google

каждимъ годомъ; разумѣется, что улучшенія въ этомъ отношеніи особенно замѣтны въ городахъ новыхъ, или такихъ, которые еще недавно усвоили себѣ гражданственность въ полномъ смыслѣ этого слова. Довольно назвать, напримѣръ, Одессу и Тифлисъ. Объ нихъ-то и еще о Херсонѣ мы имѣемъ сообщить кое-что на этотъ разъ.

Херсонъ построенъ на правомъ берегу Днѣпра, на возвышеніи въ 165 Англійскихъ футовъ отъ поверхности воды. Отъ берега до этого возвышенія была низменность, покрытая прежде водою, но въ послѣдствіи отъ насыпей и пониженія воды, образовалось болото. Въ 1807 г. въ первый разъ сдѣлана земляная дамба шириною въ 10 саж., на разстояніи 150 шаговъ отъ косогора, по которому тянется городъ. Она отдѣляла рѣку отъ болотъ, и служила для складки лѣса и вообще товаровъ, привозимыхъ въ особенности съ верховьевъ Днѣпра. Каждая улица города сообщалась съ дамбою посредствомъ насыпей, покрытыхъ каменною мостовой. Такимъ образомъ произошли огромные квадраты болотъ, обнимавшихъ 60 десятинъ пространства. Какъ лицевая сторона дамбы была одѣта деревомъ, которое скоро разрушалось отъ гніенія, а насыпь была не слишкомъ высока, то весенніе воды, свободно вливаясь въ квадраты болотъ, разрушали балаганы и подвергали порчѣ хранившіеся въ нихъ товары. Съ одной стороны, сильные жары, доходившіе до 32 град., а съ другой, отдѣленіе вредныхъ газовъ въ этихъ болотахъ, подвергали здоровье жителей гибельнымъ вліяніямъ атмосферы. Въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ постоянно свирѣпствовали жестокія перемежающіяся лихорадки. Мѣстное начальство обратило свое вниманіе на это важное обстоятельство, и въ 1835 г. составленъ былъ проэктъ засыпки болотъ. Черезъ три года начаты работы; на засыпку употреблено 38 т. кубич. саженъ земли; ее брали съ возвышеній, безобразившихъ мѣстоположеніе города, а потомъ она привозилась за версту и больше Въ 1842 г. проэктъ окончательно былъ исполненъ во всѣхъ частяхъ. Денегъ изъ назначенныхъ 160 т. р. асс. осталось 18 т. р., на которыя предположено было одѣть наружную сторону дамбы камнемъ, для чего надо было 2 т. квадр. саженъ кладки на цементѣ. Работы эти окончены. Херсонъ имѣетъ нынѣ прекрасную набережную, которая, спасая низменныя мѣста отъ наводненія, дала возможность построить на берегу постоянные красивые балаганы для складки товаровъ, образовать мѣста для распилки лѣсу и для удобнаго пристанища судамъ. Теперь еще остается небольшое пространство болотъ, между рѣчкой Кошевой и окрестностью Забалковской. При-

Digitized by Google

нимаются уже мѣры къ засыпкѣ и этого клочка, на что потребно не менѣе 40 т. р.

Въ 1843 г., съ окончаніемъ сооруженій мола, со стороны Пересыпскихъ мелей, водопроводнаго канала и площади для верфи, произведенныхъ Г. Андросовымъ, Одесская практическая гавань получила совершенное преобразованіе противъ первоначальнаго ея состоянія. Цѣль Андросовскаго мола состояла въ томъ, чтобъ отклонить засореніе гавани со стороны Пересыпскихъ мелей, и отвратить наносы отъ водостока Военной Балки вовнутрь гавани, и тѣмъ открыть возможность производить расчистку гавани черпательными машинами, для приспособленія ея къ принятію возрастающаго съ каждымъ годомъ числа судовъ, приходящихъ къ Одесскому практическому порту. Столь важное улучшеніе практическаго порта не ограничилось этимъ успѣхомъ, но подало еще мысль обезпечить гавань и съ сѣверо-восточной стороны отъ наносовъ, почему и предположено было Андросовскій молъ протянуть, со стороны Пересыпи, по направленію къ оконечности Военнаго мола, оставивъ отверстіе у послѣдняго, для прохода судовъ въ 30 саж., имѣя въ виду, что съ постройкой новаго мола образуется бассейнъ, въ которомъ суда могутъ быть внѣ всякой опасности отъ бурь. Мысль эта принадлежитъ бывшему портовому гидротехту, покойному Б. Е. Фанъ-Деръ-Флису. Къ постройкѣ новаго мола приступлено было въ началѣ 1849 г. Производителями работъ были Одесскій портовый гидротехтъ Апостоли и его помощникъ Кругъ. Сооруженіе новаго мола съ подводнымъ ростверкомъ окончено совершено въ концѣ прошлаго года. Новый молъ имѣетъ въ длину по оси 144 саж., надводная часть возвышается надъ поверхностью воды на одну сажень; глубина у оконечности мола и входа въ бассейнъ 14 футовъ; молъ весьма замѣчателенъ въ искусственномъ отношеніи устройствомъ подводнаго ростверка, находящагося на одинъ футъ ниже горизонта низкой воды моря, дозволяющимъ, въ послѣдствіи времени, надводную часть замѣнить новою, и возвести на ростверкѣ деревянный или каменный молъ,—а также и по способу производства подводныхъ работъ. Стоимость мола съ подводнымъ ростверкомъ простирается слишкомъ до 113 т. р. с.

Въ Тифлисѣ предположено построить чрезъ лѣвый рукавъ р. Куры мостъ о трехъ деревянныхъ аркахъ на двухъ каменныхъ береговыхъ устояхъ и двухъ каменныхъ же рѣчныхъ быкахъ. Длина моста съ береговыми устоями $68\frac{1}{2}$ саженъ. Между этимъ мостомъ и тѣмъ, что́ строится чрезъ правый рукавъ Куры

Digitized by Google

предположено сдѣлать земляную дамбу съ ограждающею ее каменною стѣною. По смѣтѣ стоимость моста съ дамбою опредѣлена слишкомъ въ 230 т. руб. сер.

Къ этому же роду новостей относится извѣстіе, что въ Ревелѣ, въ предмѣстіяхъ, устроено газовое освѣщеніе. И такъ, это четвертый городъ въ Россіи, пользующійся однимъ изъ важныхъ удобствъ гражданственности. Другая пріятная новость, что въ Ревелѣ не только занимаются изученіемъ Русскаго языка, но даже издаютъ руководства для этого. Недавно вышла книга: »О преподаваніи Русскаго языка,» соч. Серно-Солевьевича.

Если зашла рѣчь объ устройствѣ городовъ, и особенно о мостахъ, то конечно, прежде всего придетъ на мысль (не говоря уже о Благовѣщенскомъ мостѣ чрезъ Неву) висячій мостъ черезъ Днѣпръ, который долженъ украсить Кіевъ. Но объ немъ нашъ Петербургскій корреспондентъ уже сообщилъ довольно подробныя свѣдѣнія (4 N М.), перепечатанныя въ разныхъ газетахъ; теперь же прибавимъ только извѣстіе, что модель этого моста, какъ образцоваго произведенія строительнаго искусства, будетъ находиться на Лондонской выставкѣ — и затѣмъ обратимся къ другимъ новостямъ изъ К і е в а. Здѣсь учреждена коммиссія для описанія Кіевскаго Учебнаго Округа во всѣхъ отношеніяхъ. Она состоитъ изъ четырехъ отдѣленій: физико-географическаго, естественно-историческаго, промышленно-техническаго и статистическаго, а въ члены избраны, по большей части, Профессоры Кіевскаго Университета. Труды Кіевской исторической Коммиссіи, издавшей въ непродолжительное время нѣсколько важныхъ памятниковъ, ручаются за успѣхъ и новаго учрежденія. Нужно ли, наконецъ, желать, чтобы подобныя описанія возникли и для другихъ краевъ обширной Россіи? Тогда, по крайней мѣрѣ, никто не могъ бы уже сѣтовать на бѣдность пособій при изученіи ея....

Въ Кіевѣ же вышли разсказы въ стихахъ Г. Аѳанасьева, подъ заглавіемъ: «Русскій солдатъ.» (См. Библіографію).

Въ О д е с с ѣ Г. Ашикъ издалъ, на Французскомъ языкѣ, брошюру, содержащую въ себѣ описаніе двухъ мраморныхъ статуй, найденныхъ близъ Керчи, съ рисункомъ ихъ (см. 4 N Москв.) Извѣстный знатокъ древности П. М. Леонтьевъ, разбирая эту брошюру, замѣчаетъ, что найденныя статуи представляютъ туземцевъ, варваровъ, и какъ *портреты*, принадлежатъ къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ древняго ваянія, особенно по изяществу драпировки. Надежды археологовъ, говоритъ онъ, которые ожидали найдти въ этихъ статуяхъ изображенія боговъ или героевъ древнихъ

міра были обнажены. Но Г. Ашикъ, въ Одесскомъ Вѣстникѣ, въ статьѣ объ этихъ открытіяхъ, опредѣленно выразилъ свое мнѣніе, что найденныя статуи должны быть надгробные памятники какой-нибудь супружеской четы, а никакъ не боги или герои....

Какъ было бы кстати, еслибъ эта драгоцѣнная находка могла быть перенесена, на время, въ Петербургъ, на выставку художественныхъ произведеній и рѣдкостей, которая, какъ мы извѣщали, наконецъ открылась 11 Марта. Едва ли кто могъ до открытія ея подозрѣвать, чтобы въ одномъ только Петербургѣ нашлось у частныхъ лицъ такое множество художественныхъ произведеній. Прекрасна мысль объ учрежденіи выставки, прекрасно ея осуществленіе, прекрасна и цѣль, для которой, между прочимъ, открыта она: сборъ за входъ на выставку назначенъ въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ, и незначительная плата, положенная за это (25 коп. сер.), даетъ возможность самому недостаточному человѣку нѣсколько разъ посѣтить богатую сокровищницу искусства....

Въ Петербургскихъ газетахъ мы прочли извѣстіе объ открывшейся (съ 20 Марта) аукціонной продажѣ картинной галлереи Графовъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ, которая состоитъ изъ *шестисотъ* картинъ. Навѣрно въ такомъ огромномъ числѣ есть и замѣчательныя произведенія, и потому желательно, чтобы кто-нибудь изъ тамошнихъ любителей сообщилъ подробнѣйшія извѣстія объ этой галлереѣ.

Ученыя и литературныя новости Петербургскія не многочисленны. Самая важная изъ нихъ—это «Отчетъ Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности за 1850 годъ», изъ котораго мы представимъ нѣсколько главныхъ данныхъ. Собраніе областныхъ словъ продолжается. Оно послужитъ къ обогащенію, даже къ украшенію общаго Русскаго языка. Это сказать должно во-первыхъ о словахъ, уцѣлѣвшихъ отъ исчезнувшаго самаго древняго Русскаго нарѣчія и только изрѣдка попадающихся въ старинныхъ памятникахъ нашей письменности. Такими областными словами каждый писатель въ правѣ пользоваться въ особенныхъ случаяхъ, не подвергаясь упреку за нововведеніе, а въ археологіи они послужатъ къ подтвержденію объясненій темныхъ или сомнительныхъ мѣстъ въ древнихъ рукописяхъ. Во-вторыхъ то же надобно сказать о самобытныхъ словахъ нѣкоторыхъ мѣстъ Россіи, какъ-то: Архангельской и сосѣдственныхъ съ нею губерній, Сибири и земли Донскихъ казаковъ. Здѣсь промыслы жителей и самая природа, богатая особенностями отъ другихъ мѣстъ, вызвали у человѣка мно-

Digitized by Google

жество звуковъ, которые поражаютъ воображеніе силою своею, гармоніею и правильностію образованія. Въ описаніяхъ природы, мѣстныхъ характеровъ и промысловъ они необходимы. Что касается до другаго разряда областныхъ словъ, порожденныхъ случайностію, невѣжествомъ, злоупотребленіемъ и подобными имъ причинами, въ нихъ любопытно одно развѣ наблюденіе надъ нѣкоторыми постоянными законами народнаго звукосочетанія словъ.... До сихъ поръ отпечатано «Областнаго Словаря» 15 листовъ. — Другимъ предметомъ занятій Отдѣленія было изданіе «Словаря Западно-Русскаго нарѣчія.« Редакція этого труда поручена Протоіерею Іоанну Григоровичу, который доселѣ кончилъ собраніе словъ на букву А. Въ засѣданіяхъ Отдѣленія не всѣ его Академики могли участвовать. Между тѣмъ почти каждый изъ нихъ, частнымъ образомъ, въ теченіе года болѣе или менѣе содѣйствовалъ успѣхамъ отечественной словесности. Скажемъ о нѣкоторыхъ трудахъ, неизвѣстныхъ еще читателямъ Москвитянина. А. Х. *Востоковъ* продолжалъ приготовленіе всѣхъ матеріаловъ къ составленію «Областнаго Словаря,» располагая ихъ систематически и снабжая необходимыми указаніями и поясненіями. Въ то же время онъ приводилъ къ окончанію два свои сочиненія: Грамматику и Словарь Церковно-Славянскаго языка. Какъ то, такъ и другое составляются авторомъ исключительно по источникамъ, то есть, по древнѣйшимъ памятникамъ Славянской письменности. — Князь П. А. *Вяземскій*, совершивъ путешествіе на Востокъ, приготовилъ много замѣчаній объ историческихъ странахъ, имъ посвященныхъ. Теперь онъ приводитъ ихъ въ порядокъ. Въ Одессѣ нѣкоторые изъ тамошнихъ литераторовъ получили его согласіе на изданіе стихотвореній его. — И. И. *Давыдовъ* кончилъ «Опытъ общесравнительной Грамматики Русскаго языка». Здѣсь къ обыкновеннымъ частямъ Грамматики онъ присоединилъ два отдѣльныя воззрѣнія: въ началѣ, чисто философическое на языкъ вообще, а въ концѣ спеціальное, непосредственно касающееся языка Русскаго. — В. А. *Жуковскій*, въ теченіе 1850 года, приготовилъ къ печатанію новый томъ сочиненій въ прозѣ. Это плодъ его постояннаго нынѣ изученія Исторіи, Нравственности и Педагогіи, трехъ предметовъ, которыми умъ, сосредоточенный опытами и долговременнымъ размышленіемъ, по преимуществу любитъ заниматься. И. И. *Срезневскій*, посвятивъ часть ученой дѣятельности своей филологической разработкѣ памятниковъ народной словесности нашей, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ составить любопытнѣйшія извлеченія изъ 20 т. пословицъ Русскихъ, оказавшіяся чрезвычайно важными при изданіи Областнаго Словаря; кромѣ

Digitized by Google

того онъ приготовлялъ къ изданію «Древнюю Исторію Русскаго языка».

Изъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднія двѣ недѣли, должно упомянуть о »Палеонтологіи Россіи», съ атласомъ рисунковъ, Академика Эйхвальда, и »Жизнеописаніи Генерала Емануеля,» соч. Князя Н. Б. Голицына. Послѣднее сочиненіе отчасти знакомо нашимъ читателямъ по отрывкамъ изъ него, помѣщеннымъ въ Москвитянинѣ прежнихъ годовъ.

Не много этихъ новостей въ Петербургѣ, — за то музыкальныхъ не оберешься. Два, три, четыре концерта каждый день, утромъ, въ полдень и вечеромъ, артистовъ пріѣзжихъ и туземныхъ, поющихъ, играющихъ, артистовъ, изъ которыхъ одинъ привозитъ съ собою пукъ разныхъ газетъ, какъ дипломовъ на Европейскую извѣстность, а другой, также рекомендуя себя геніемъ, является передъ публикою въ такихъ лѣтахъ, когда ему слѣдовало бы поучиться еще грамотѣ.... Знаменитость ни въ какомъ случаѣ не назначаетъ за билетъ меньше 3 р. сереб.; не знаменитость тоже не хочетъ отстать отъ нея, и рѣдко довольствуется двумя рублями. Вѣрно, у гг. артистовъ принято за правило считать франкъ и шилингъ не дороже Русскаго *серебрянаго* рубля. Отчего же впрочемъ и не считать? Извѣстно, что въ Московіи и куры денегъ не клюютъ..... Пересчитывать и разбирать всѣ эти концерты — было бы слишкомъ долго и тѣмъ болѣе неудобно, что въ этомъ случаѣ надобно основываться на чужихъ, часто одно другому противорѣчащихъ мнѣніяхъ, и никакъ «не смѣть свое сужденіе имѣть».... Нельзя однако не сказать о Г. Контскомъ, котораго иные называютъ единственнымъ ученикомъ Паганини, и ставятъ наравнѣ съ великимъ учителемъ, выше Липинскаго и Оле-Буля, а другіе утверждаютъ, что онъ не болѣе какъ хорошій артистъ, перенявшій блестящіе фокусъ-покусы Паганиніевской игры, для чего даже и изобрѣлъ особый инструментъ, на которомъ играетъ на одной струнѣ. Какъ бы то ни было, но уже самая противоположность этихъ отзывовъ показываетъ, что Контскій — артистъ не совсѣмъ обыкновенный.

»Художественныя« представленія Вильгельма Берга, который, между прочимъ, показываетъ «живыя мраморныя группы,» эквилибристическія и гимнастическія представленія г. Дикарева и комика Каромати, опыты несгараемости какого-то господина, обозначаемаго буквою Д., физическія и механическія штуки Молдуано и Луи де Троа; потомъ нѣсколько оркестровъ музыки, цыганы, къ которымъ недавно присоединился сынъ Малороссіи Паливодъ-Карпенко, братья Мальчугины — все это ежедневно привлекаетъ въ

Digitized by Google

Пассажъ многочисленныя толпы любителей.... Упоминаемъ съ такою подробностію объ этомъ «фактѣ,» съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не возвращаться къ Пассажу; да кстати же и спросимъ: отчего представители разныхъ «штукъ», которые обыкновенно послѣ масляницы отправлялись бродить по разнымъ ярмаркамъ, отчего они встрѣтили теперь такой радушный пріемъ у Петербургской публики, которая бывало и слышать не хотѣла про «не-эстетическія» наслажденія...

Но довольно объ этомъ. Будетъ опять у Петербурга на слѣдующій годъ и Италіянская опера. Г-жи Гризи, Персіани, Маррай и де-Мерикъ, Гг. Маріо, Тамберликъ, Тамбурини, Таліафико и Полонини уже ангажированы.

«Будетъ толковать объ удовольствіяхъ: давайте существеннаго, положительнаго», говоритъ читатель. Съ удовольствіемъ — перейдемъ прямо къ жизни, какъ она есть (не къ роману подъ этимъ заглавіемъ, а къ жизни настоящей). Разумѣется, нѣтъ ничего положительнѣе жизни, хотя, пожалуй, пустившись въ парадоксы, можно доказать совершенно противное. Но дѣло не въ спорахъ. Передъ нами отчетъ Общества для застрахованія доходовъ и капиталовъ, за прошедшій годъ. Кому не мила своя жизнь или жизнь близкихъ сердцу, и кто не желаетъ обезпечить себя при старости, или оставить по смерти вѣрный кусокъ хлѣба своей семьѣ! Кажется, что такъ, а на дѣлѣ выходитъ не то, и кругъ дѣйствій Общества, учрежденнаго именно съ этою общеполезною цѣлію, доселѣ довольно ограниченъ, и многіе врядъ ли знаютъ объ его существованіи, хотя оно существуетъ слишкомъ 15 лѣтъ. Мы какъ-то говорили уже объ одной изъ причинъ медленнаго развитія дѣйствій Общества, и при случаѣ надѣемся высказать наше мнѣніе подробно. Теперь же, по недостатку мѣста, ограничимся краткимъ извлеченіемъ изъ его отчета. Въ приходѣ было слишкомъ 318 т. р. с. (въ томъ числѣ премій на 228 т.), расходовъ болѣе 170 т., такъ что чистой прибыли слишкомъ 147 т., изъ которой въ дивидендъ акціонерамъ назначено 75 т., а остальныя отчислены въ запасный капиталъ. Въ продолженіе 1850 г. вновь застраховалось по разряду А слишкомъ 150 лицъ на сумму до 390 т. р. Изъ этого числа, по состояніямъ, болѣе всѣхъ было лицъ духовнаго и ученаго званія и чиновниковъ (71), менѣе—дворянъ и военныхъ (11). По мѣсту жительства — большее число въ Остзейскихъ губерніяхъ (71), меньшее въ Москвѣ (11). Если же выключить Остзей-

Digitized by Google

ская губернія, Москву, Петербургъ (44 лица) и Финляндію (8), то на прочія губерніи остается.... вы не угадаете, сколько страхователей: всего *семнадцать* человѣкъ, семнадцать почти на всю Россію Вотъ вамъ и предусмотрительность, и житейская мудрость, и наша пословица: «береженаго Богъ бережетъ!...» Вообще съ Октября 1835 г., по разряду А застраховано слишкомъ 2500 лицъ, на сумму болѣе 8½ *милл.* р. с. Изъ нихъ, за выбытіемъ многихъ страхователей, къ началу этого года оставалось дѣйствительныхъ страхователей около 1580 лицъ, на сумму болѣе 5 *милл.* 350 т.

Пароходное Общество по Волгѣ, учрежденное въ 1843 году, получило въ прошедшемъ году дохода до 264 т. (почти весь за фрахты); расходы же его простирались до 195 т. Изъ чистой прибыли назначено по 10 р. с. на каждую акцію, а около 24 т. р. отчислены въ запасный капиталъ

Отъ пароходства мы въ правѣ перейдти къ одному изъ тѣхъ немногихъ городовъ Русскихъ, который имѣетъ свой собственный пароходъ. Это Осташковъ. Въ прошедшемъ году мы уже помѣстили нѣсколько извѣстій объ немъ. Въ дополненіе къ нимъ, вотъ еще два-три замѣчанія изъ разсказа Г. С., недавно посѣтившаго этотъ городъ. Отдавая полную справедливость прекраснымъ заведеніямъ братьевъ Савиныхъ, онъ говоритъ, что Осташковскія косы не совсѣмъ оправдываютъ свою давнюю извѣстность.... «Въ Осташковѣ есть городская публичная библіотека и городской театръ, на которомъ играютъ *любители мѣщане.* Мнѣ прислали афишку; назначена была «Булочная, или Петербургскій Нѣмецъ;» другой піесы не помню, какую назначено было играть въ тотъ вечеръ. Въ 8 часовъ я пріѣхалъ въ храмъ музъ, но горько разочаровался. Театръ, съ ложами и партеромъ, помѣщается въ каменномъ домѣ; я вошелъ въ дверь залы; завѣса была подпята, и закулисная сторона представлялась во всей своей жалкой натурѣ. На сценѣ сальная плошка жестоко чадила; актеры расхаживали, твердя роли; четыре музыканта въ нагольныхъ тулупахъ строили свои скрипки; публика только что еще собиралась; но, желая меня привѣтствовать, квартетъ ударилъ въ смычки. Я поблагодарилъ за вниманіе и поспѣшилъ уйдти, чтобъ не угорѣть въ чадной, холодной атмосферѣ. Мнѣ говорили однако, что театръ нынѣшній годъ въ упадкѣ по какимъ-то случайнымъ причинамъ.... Жаль, что кратковременное пребываніе въ городѣ не позволило путешественнику поближеепо

Digitized by Google

знакомиться съ Осташковскимъ театромъ: какихъ диковинокъ не встрѣчается на провинціальныхъ сценахъ; но любители-мѣщане, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Замѣчательно, также, что Осташи — большіе любители вокальной музыки. Въ церквахъ прекрасные хоры пѣвчихъ всѣ состоятъ изъ охотниковъ, которые поютъ по нотамъ лучшіе духовные концерты.... Въ Осташковѣ есть Знаменскій женскій монастырь, въ которомъ воспитываются 15 дѣвочекъ-сиротъ изъ духовнаго званія. «Онѣ помѣщены въ новомъ просторномъ деревянномъ флигелѣ, учатся грамотѣ, рукодѣльямъ, духовному нотному пѣнію и Закону Божію. Онѣ одѣты чисто, опрятно; здоровыя, веселыя лица дѣтей служатъ добрымъ знакомъ попечительности о нихъ.... За раннею обѣдней поютъ дѣвочки-воспитанницы, а за поздней хоръ монахинь....»

Осташковскій театръ — другимъ не примѣръ, и на одинъ плохой провинціальный театръ можно насчитать два-три хорошихъ. Напримѣръ, театръ въ Воронежѣ, говоря безъ преувеличеній, процвѣтаетъ. Въ началѣ масляницы на немъ появился даже и балетъ — «Дѣва Дуная» — зрѣлище, до сихъ поръ невиданное тамъ и своею роскошною обстановкою превзошедшее всѣ ожиданія. Любопытно и то, что музыка, танцы, костюмы и декораціи для балета были составлены и приготовлены въ Воронежѣ (частію по рисункамъ изъ Москвы). Главныя роли были исполнены Г-жею Козодавлевою и Г. Шваномъ.—Въ продолженіе Великаго поста дано было нѣсколько концертовъ съ живыми картинами.

Благотворительные спектакли, въ послѣднее время, были въ слѣдующихъ городахъ: Нижнемъ-Новѣгородѣ, Полтавѣ и Эриванѣ; благотворительные концерты въ Курскѣ и Самарѣ. Концертъ въ послѣднемъ городѣ былъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ, въ пользу дѣтей (Дѣтскаго пріюта), увеселяли посѣтителей своими дарованіями тоже малютки, отъ 8 — 13 лѣтъ, дѣти тамошнихъ помѣщиковъ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

БОСТОНСКОЕ ОБЩЕСТВО ОРІЭНТАЛИСТОВЪ.

Американское Общество оріэнталистовъ въ Бостонѣ издало четвертую тетрадь своихъ трудовъ; она состоитъ изъ большаго числа печатныхъ листовъ и лучше, чѣмъ прежнія, и подаетъ надежду, что Общество вырабатывается и крѣпнетъ. Восточная словесность въ Соединенныхъ Штатахъ еще нѣчто очень новое; въ семинаріяхъ и гимназіяхъ, гдѣ воспитываются богословы, много учатъ Еврейскому языку, но и по этой части Американцы донынѣ довольствовались тѣмъ, что переводили Нѣмецкія сочиненія, и нѣкоторые ученые составили этимъ себѣ мѣстную Американскую славу, но которая, конечно, не очень громко отзовется въ Европѣ. Отличнѣйшій изъ библейскихъ ученыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ, профессоръ Робинсонъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ и въ Германіи своими путешествіями въ Палестинѣ. Прочіе восточные языки донынѣ мало были изучаемы; нѣкоторые Американцы, какъ напр., Салисбюри, съ хорошимъ успѣхомъ посѣщали въ Парижѣ восточные курсы, но не достаетъ еще публики, библіотекъ, типографій, ученыхъ заведеній, въ которыхъ бы преподаватели не были завалены разными должностями, коротко сказать, цѣлой почвы, на которой единственно такого рода изученіе можетъ процвѣтать, и которую только теченіе времени мало по малу производитъ въ какой-либо странѣ. Купеческая жизнь, недостатокъ въ богатыхъ людяхъ, получившихъ ученое воспитаніе, и имѣющихъ свободное время для такого изученія, которое стоитъ денегъ, а никакихъ денегъ не приноситъ, служатъ донынѣ непреодолимыми препятствіями. Здѣсь множество болѣе близкихъ къ сердцу попеченій не даетъ много заботиться о древности и восточныхъ литературахъ, и, измѣряя дѣло по самому Американскому масштабу, надобно сказать, что финансы Общества оріэнталистовъ, доходы котораго простираются ежегодно не больше, какъ до 300 долларовъ, достаточно свидѣтельствуютъ, какъ новъ еще весь этотъ предметъ. Но по этой причинѣ не должно отчаяваться въ томъ, чтобъ Американцы, можетъ быть, и въ не очень продолжительномъ времени, не отличились и въ этомъ родѣ изученія: честолюбіе, или лучше сказать, тщеславіе Американцевъ, отличаться во

Digitized by Google

всемъ, безмѣрная похвала, какую они расточаютъ каждому между ними, кого могутъ въ чемъ-либо поставить, въ сравненіе съ Европейцами, и необычайная щедрость купцовъ, когда они думаютъ, что какимъ-либо большимъ денежнымъ пожертвованіемъ могутъ открыть новое поле славѣ своего отечества, это не маловажные элементы для какого бы то ни было изученія, которое однажды обратитъ на себя общественное вниманіе. Притомъ Американцы найдутъ большую подмогу для занятій восточной словесностью въ своихъ миссіяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ множество людей съ дарованіемъ и познаніями, и вѣроятно больше, нежели миссіи какой-либо другой страны. Перкинсъ и слишкомъ рано умершій докторъ Гренъ у Несторіанъ въ Курдистанѣ, Двигитъ въ Арменіи, Стоддартъ въ Персіи, Элисмитъ въ Бейрутѣ, Стивенсонъ въ Бомбеѣ, Камстокъ въ Арраканѣ, докторъ Бриджманъ (издатель Chinese Repository и Китайской хрестоматіи) и Веллсь-Вильямсъ въ Кантонѣ, суть дѣйствительно образованные, посвятившіе себя наукѣ люди, которые уже много сдѣлали и обѣщаютъ еще больше. Они рѣдко имѣютъ время писать цѣлыя книги, но у всѣхъ есть случай собирать матеріалы, и они стали бы это дѣлать, еслибъ какое-нибудь ученое общество захотѣло стать посредникомъ между ими и публикой. Сами миссіонерскія общества, конечно, не могутъ этого сдѣлать. То, что нужно имъ для цѣлей миссіи, состоитъ больше въ назидательныхъ извѣстіяхъ, нежели въ матеріалахъ для изученія предметовъ учености, какъ то можно видѣть изъ журналовъ миссій всѣхъ странъ, и это пренебреженіе фактовъ, съ большимъ трудомъ собранныхъ миссіонеромъ, естественно лишаетъ его бодрости. Англійскія, Французскія и Азіатскія общества не имѣютъ почти никакого соприкосновенія съ миссіонерами своей націи; Нѣмецкое восточное общество приняло нѣсколько больше участія въ своихъ, но Американское общество почти во всемъ принуждено обращаться къ своимъ миссіямъ, и потому будетъ имѣть на нихъ больше вліянія, нежели прочія старѣйшія, ученѣйшія и богатѣйшія общества.

—

Digitized by Google

Данія. 11-го Марта, Въ Копенгагенѣ скончался знаменитый естествоиспытатель Эрстедъ, на 74 году отъ роду (за двѣ недѣли до смерти онъ читалъ еще лекцію). Онъ послѣдовалъ за двумя другими знаменитыми Датчанами: Торвальдсеномъ и Эленшлегеромъ). Еще недавно упоминалось имя знаменитаго физика и изобрѣтателя электро-магнетизма по поводу его сочиненія: «Духъ въ природѣ». Эрстедъ, сынъ аптекаря, родился 14 Августа 1777 г. на Лангеландѣ. Онъ занималъ мѣсто Профессора естественной исторіи въ Копенгагенскомъ Университетѣ и директора тамошней политехнической школы.

—

Послѣ Эрстеда и Лангенбека, о которомъ говорили мы въ послѣдней книгѣ, кстати сообщимъ здѣсь извѣстіе о Вальтерѣ. Недавно умеръ въ Мюнхенѣ знаменитый докторъ медицины и операторъ Филиппъ Францъ фонъ Вальтеръ, отъ нервической горячки, которой вещественныя измѣненія, какъ показало произведенное чрезъ 24 часа по смерти покойника вскрытіе тѣла, сосредоточились въ удивительномъ разжиженіи крови. Такимъ образомъ фонъ Вальтеръ скончался отъ той самой болѣзни, которая однажды уже угрожала жизни его въ юношескомъ его возрастѣ, въ Вѣнѣ, когда онъ былъ ученикомъ великаго Франка, счастливому врачеванію котораго мы обязаны сохраненіемъ Вальтера, этой незамѣнимой личности, благодѣтеля больнаго человѣчества въ продолженіе 47 лѣтъ, украшенія трехъ Университетовъ, отца Нѣмецкой наукообразной хирургіи и глазнаго врачебнаго искусства.

Вальтеръ родился въ Пфальцскомъ городѣ Бурвейлерѣ, 3 Января 1782 года. Отецъ его былъ тамъ чиновникомъ юстиціи. Первоначальнымъ обученіемъ пользовался онъ у тамошняго школьнаго учителя. При вторженіи Французовъ въ Пфальцъ (1794) мать его съ дѣтьми своими бѣжала въ Гейдельбергъ, ибо Французы наводили тогда неописанный страхъ. Когда позже испугъ прошелъ, мать возвратилась съ прочими дѣтьми въ Бурвейлеръ, присоединенный уже къ Франціи. Только двѣнадцатилѣтній Филиппъ Францъ не захотѣлъ ѣхать туда, и остался въ Гейдельбергѣ; ибо хотѣлъ, какъ говорилъ, остаться «Нѣмцемъ». Въ Гейдельбергѣ пользовался онъ тогда гимназическимъ ученіемъ въ одномъ монастырскомъ заведеніи, а позже при тамошнемъ Универ-

(*) Присоединимъ еще Финна Магнусена, знаменитѣйшаго археолога Скандинавіи.

Digitized by Google

ситетъ получилъ свое образованіе по части философіи, естественной исторіи и теоретической медицины. Здѣсь-то, и въ это время, Вальтеръ страстно кинулся на изученіе философіи Канта, Фихте, и особенно философіи Шеллинга.

Упоминать подробно о многочисленныхъ и великихъ заслугахъ Вальтера, которыя онъ явилъ словомъ, писаніемъ и дѣломъ, не позволяетъ здѣсь мѣсто. Онъ обладалъ тѣми свойствами, которыхъ А. Куперъ желаетъ для оператора: the nagles eye, the lady's land, and the lion's heart (орлинымъ глазомъ, дамской рукой и львинымъ сердцемъ). Изъ Цельсова предписанія врачамъ при произведеніи какой-либо операціи: certe, cito, jucunde, (вѣрно, скоро, пріятно), для Вальтера certe, какъ то Цельсъ, судя по порядку словъ, вѣрно и разумѣлъ, было главнымъ дѣломъ. Прямой и простѣйшій путь предпочиталъ онъ всѣмъ другимъ, и не любилъ ни ненужнаго сопряженія разныхъ методъ оперированія, ни многосложныхъ инструментовъ. Разумъ научалъ его мыслить и дѣйствовать просто, и нерѣдко и ученые и неученые изумлялись простотѣ, заключавшейся въ его рѣшеніяхъ трудныхъ и темныхъ вопросовъ. Его преподаваніе было ясно, полно, истинно; рѣчь его въ высокой степени изящна,—красотою слога превосходилъ онъ всѣхъ медицинскихъ писателей, сколько ихъ ни есть. Сочиненія его классическія.

Во всемъ основательный, въ домашней жизни Вальтеръ былъ Гётевскою натурою: во всемъ истинепъ, такъ сказать, насквозь, истина была во всемъ, что онъ ни говорилъ, и что ни дѣлалъ. Если и не всегда сердце было у него на языкѣ, если онъ и бывалъ молчаливъ, несообщителенъ и замкнутъ въ себѣ, за то засвидѣтельствовать можетъ каждый, кто его зналъ, что никакое не истинное слово не выходило изъ устъ его, и онъ былъ величайшимъ врагомъ лжи. Хотя легко было оскорбить его, онъ противопоставлялъ однакожъ своимъ противникамъ прощеніе и забвеніе нехорошихъ съ нимъ поступковъ. Онъ не переставалъ быть споспѣшествователемъ всякаго научнаго стремленія, первымъ поборникомъ начала науки, и всегда былъ готовъ выступить на арену въ защиту ея. Всегда благопріятствуя новымъ важнымъ открытіямъ въ искусствѣ врачеванія, онъ охотно дѣлался покровителемъ ихъ. Пересадить въ Германію новоизобрѣтенное искусство раздробленія камня мочеваго пузыря, исторгнуть у Франціи исключительное обладаніе этимъ искусствомъ, сдѣлать его удободоступнымъ для соотечественниковъ своихъ, страдающихъ каменною болѣзнью, было для него въ продолженіе многихъ лѣтъ сряду, и до самаго конца его жизни, весьма важною заботою. «Я причисляю это», говоритъ

Digitized by Google

онъ въ своемъ монографическомъ сочиненіи, начатомъ не задолго до того, какъ онъ занемогъ, и которое лежало еще, не оконченное, на его письменномъ столѣ, «къ задачамъ, которыя охотно желалъ бы разрѣшить въ короткое время, остающихся еще мнѣ лѣтъ жизни, для споспѣшествованія наукѣ и къ пользѣ моей страны, прежде чѣмъ окончу мою многотрудную дневную работу».

Смерть застигла его и не допустила долѣе наслаждаться плодами его посѣва, состоявшаго въ томъ, что онъ ободрялъ молодыхъ врачей, сдѣлавшихъ нѣкоторые успѣхи въ операторскомъ искусствѣ, и старался доставить имъ возможность усовершенствовать себя въ немъ въ Парижѣ. Въ немъ лишились молодые Баварскіе врачи своего главнаго защитника и покровителя, Университетъ блистательнѣйшаго украшенія своего, Академія своего знаменитѣйшаго сочлена, пріобрѣтшаго Европейскую славу.

Умерли два пера: 72-лѣтній Графъ Карлъ *Стангопъ де-Гаррингтонъ*, женатый прежде на знаменитой актрисѣ миссъ Маріи Футъ, дочери комика и сочинителя Самуила Фута. Этотъ Лордъ былъ короткимъ другомъ Георга IV, что не служитъ доказательствомъ Катонской добродѣтели. Послѣ него не осталось дѣтей, и перство, вмѣстѣ съ родовымъ имѣніемъ въ Дербширѣ и Чейширѣ, наслѣдуетъ братъ его полковникъ Лейчестеръ Стангопъ. По своему политическому образу мыслей онъ былъ отъявленный тори старой школы. То же самое можно сказать о другомъ покойникѣ: лордѣ Делиль-Дудлеѣ, 50-ти лѣтъ. Замѣчателенъ бракъ и этого джентельмена: онъ былъ женатъ на леди Софіи Фицъ-Кларенсъ, старшей, любимой дочери Вильгельма IV и актрисы г-жи Доры Іорданъ. Старшій сынъ его наслѣдуетъ перство.

Джонна Байльи родилась въ 1762, или 1764 году, въ Глазговѣ, гдѣ отецъ ея былъ пасторомъ. По смерти своихъ родителей она отправилась въ Эдинбургъ, потомъ въ Лондонъ, гдѣ провела большую часть жизни, возвратилась въ послѣдствіи снова въ Шотландію, и тамъ въ городѣ Глазговѣ, умерла нѣсколько дней тому назадъ, почти 88-ми лѣтъ отъ роду. Она когда не была замужемъ. Ея поэтическія произведенія относятся къ тому роду литературы, которымъ женщины вообще занимаются рѣдко, а еще рѣже съ успѣхомъ, именно къ драматическому. Въ драмахъ она старалась очертить господствующія страсти человѣка, и эту мысль сама высказываетъ на заглавномъ листкѣ полнаго изданія своихъ сочиненій: «A series of Plays in which A is attempted to delineate the ston-

Digitized by Google

gest passions af the mind.» Но эти драмы представляютъ болѣе интереса при чтеніи, нежели на сценѣ; тѣмъ не менѣе, ея трагедія «Монфортъ» была назначена разъ въ бенефисъ Кембля старшаго, а «Семейная легенда» (Family Legend), прологъ которой написанъ Вальтеръ-Скоттомъ, находившимся въ тѣсной дружбѣ съ сочинительницею, нашла въ Эдинбургѣ весьма благосклонный пріемъ. Пьесы «Разлука» и «Генрикезъ» занимали еще въ послѣднихъ годахъ мѣсто въ репертуарѣ. Сверхъ того, она оставила намъ собраніе лирическихъ стихотвореній. Алланъ Куннингамъ (въ своей біографической и критической исторіи Англійской литературы отъ Самуэль Джонсона до смерти Вальтеръ-Скотта) разсуждаетъ объ ней слѣдующимъ образомъ: «Джоанна Байльи, или сестра Джоанна, какъ называлъ ее В. Скоттъ, писательница, обладающая большими достоинствами и многостороннимъ талантомъ; слогъ ея сильный и нѣжный, саркастическій и трогательный, въ одно время естественный и героическій. Она имѣла смѣлость представить очерки страстей въ драматическихъ картинахъ, и выказала при этомъ такія многосторонніе силы, что удостоилась названія «женщины Шекспира.» Въ ея прочихъ стихотвореніяхъ мы находимъ много благородныхъ чувствъ; пѣсни ея обладаютъ всею живостью, юморомъ и простотою старинныхъ Шотландскихъ балладъ». Въ частной жизни миссъ Байльи была проста, любезна, скромна и благотворительна.

Эрфуртъ. Сего дня, 5-го Марта, Генералъ Радовицъ (котораго имя такъ гремитъ въ политическомъ мірѣ въ послѣднее время) прочелъ прекрасную лекцію въ засѣданіи тамошней Королевской академіи общеполезныхъ свѣдѣній. Такъ какъ въ приглашеніяхъ къ этимъ засѣданіямъ всегда означается, кто будетъ сообщать свѣдѣнія, то естественно, что знаменитое имя привлекло во множествѣ членовъ Академіи. Не только собрались всѣ тамошніе члены, но наѣхало много гостей изъ Веймара и Готы, и такимъ образомъ составилось многочисленное собраніе. Г-нъ Радовицъ изложилъ очень свободно свое мнѣніе (имѣя предъ собою только краткія замѣтки) объ исторіи Кельтическихъ народовъ Европы, представилъ обозрѣніе изслѣдованій, до сихъ поръ сдѣланныхъ объ этой странѣ, съ ихъ результатами, потомъ перешелъ къ разсмотрѣнію Кельтическихъ древностей въ Англіи, о конхъ могъ отчасти говорить по собственнымъ наблюденіямъ. Онъ вошелъ даже въ подробности, почерпнутыя изъ религіи и литературы, а именно поэзіи этого народа. Къ этой богатой содержаніемъ, ясно расположенной и плавной рѣчи, присоединился общій разговоръ собранія, среди котораго г-нъ Радовицъ сообщилъ еще много интереснаго и поучительнаго объ этомъ предметѣ.

Digitized by Google

СОНЪ

по случаю одной комедіи.

Драматическая фантазія, съ отвлеченными разсужденіями, патетическими мѣстами, хорами, танцами, торжествомъ добродѣтели, наказаніемъ порока, бенгальскимъ огнемъ и великолѣпнымъ спектаклемъ.

Я видѣлъ сонъ, но не все въ томъ снѣ было сномъ.
(Байронъ).

И бысть сну сонъ въ нощи
(Москвитянинъ N 6, 1850).

Онъ заснулъ....
(Эпиграфъ одной современной повѣсти).

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Считаю за нужное предупредить читателей, что я очень странный человѣкъ. Это знаетъ всякій, кто меня знаетъ. Къ счастію, меня почти никто не знаетъ. Къ числу людей, наслаждающихся счастьемъ не знать меня, принадлежите, безъ сомнѣнія, и вы, любезный мой читатель, вслѣдствіе чего я осмѣливаюсь предложить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія по части этого предмета. Безъ нихъ вамъ покажутся странными, и даже дикими, и заглавіе, и слогъ, и даже самый предметъ моего сочиненія.

И такъ я, какъ уже сказано выше, очень странный человѣкъ. Странность моя главнѣйшимъ образомъ состоитъ въ томъ, что я отсталъ отъ вѣка и современныхъ интересовъ, короче, что я не современенъ. Нашъ XIX вѣкъ нѣкоторые современные Русскіе ученые и литераторы весьма справедливо и остроумно называютъ вѣкомъ новѣйшимъ, а иностранные писатели — вѣкомъ разумно-дѣятельнымъ, вѣкомъ практическимъ, дѣльнымъ, дѣловымъ. Въ вѣкѣ, снабженномъ такими эпитетами, живетъ человѣкъ (и надо сознаться, что этотъ человѣкъ я), человѣкъ, который подверженъ разнымъ несовременнымъ добродѣтелямъ. Я очень склоненъ, напримѣръ, къ чувствительности и мечтательности; а чувствительность и мечтательность въ настоящее время больше не употребляются въ нашемъ обществѣ: чувствительность и мечтательность въ немъ выведены изъ употребленія стараньями новѣйшей журнальной литературы.

Digitized by Google

Человѣчество очень многимъ обязано этой литературѣ: оно ей обязано, между прочимъ, своимъ спасеніемъ; она исправила и отучила его отъ многаго. До нея человѣкъ ничего не дѣлалъ, спеціально занимался любовью, предавался мечтательности, писалъ стихи, чуждался общества и глубоко страдалъ. Новая журнальная литература сказала ему, что это не хорошо, и наказала его посредствомъ *новаго поэта*. Она отсовѣтовала ему писать стихи, запретила слишкомъ сильно любить, и строжайше предписала не страдать, убѣдивъ его, что этого отнюдь не долженъ себѣ позволять человѣкъ хорошаго тона. Въ замѣнъ всего этого, она ему рекомендовала практическую жизнь, танцы, карты и въ особенности шахматы. Она присадила его за дѣло, выучила *«великой тайнѣ одѣваться къ лицу»* (*) и сдѣлала человѣка — порядочнымъ человѣкомъ.

Новѣйшая литература имѣла и на меня сильное вліяніе. Внявъ ея увѣщаніямъ и угрозамъ, я пересталъ писать стихи, сшилъ себѣ, рекомендованный ею въ стихахъ, бархатный коричневый жилетъ (**), нашилъ великолѣпнаго голландскаго бѣлья, накупилъ французскихъ перчатокъ, и сшилъ исподнее платье съ лампасами, которые тогда были въ модѣ. Такимъ образомъ новѣйшая журнальная литература принудила меня экипироваться. Это мнѣ стоило довольно дорого (***), но я бы не пожалѣлъ денегъ, еслибъ только эта экипировка послужила мнѣ къ достиженію моей высокой цѣли. Но эта экипировка оказалась тщетною: прежде нежели приступить къ ней, т. е., прежде нежели начать *одѣваться къ лицу*, мнѣ бы слѣдовало приступить къ выполненію другихъ, болѣе трудныхъ для выполненія, предписаній новѣйшей журнальной литературы. Мнѣ слѣдовало бы отучиться слишкомъ сильно чувствовать вообще, и слишкомъ сильно любить, и очень свободно страдать въ особенности. Но какъ я усердно ни старался отстать отъ этой дурной привычки и хорошенько заняться «практической жизнью», я все-таки не отсталъ отъ нея, и все-таки «практическая жизнь» мнѣ не далась. И какъ могла она мнѣ дасться!? Развѣ человѣку, одержимому сильною чувствительностью, можно хорошо вести себя въ практической жизни? нельзя. Чувство вещь очень неудобная, человѣку снабженному чувствомъ бываетъ съ нимъ очень неудобно и неловко въ обществѣ.

(*) См. въ Современникѣ великосвѣтскій романъ: *Великая тайна одѣваться къ лицу*.

(**) Ibidem.

(***) Если новѣйшей журнальной литературѣ угодно, я ей подамъ счетецъ.

Digitized by Google

Вследствіе такого неудобства чувства человѣческаго, я не могъ исполнить предписанія новѣйшей журнальной литературы. Но я старался исполнить ихъ, и старанія эти очень дорого мнѣ стоили; они мнѣ стоили 1000 руб. сереб., не говоря уже о внутреннихъ страданіяхъ, о внутренней борьбѣ и разныхъ нравственныхъ лишеніяхъ, которыя я испыталъ въ большомъ количествѣ, стараясь сдѣлаться практическимъ, порядочнымъ человѣкомъ, и тѣмъ удовлетворить требованіямъ вѣка, прекрасно выраженнымъ новѣйшей журнальной литературой. Для ясности разскажу вамъ здѣсь въ краткихъ, но точныхъ словахъ, исторію моего волокитства за практической жизнью.

Насъ было трое — *я*, да еще двое другихъ, изъ которыхъ одного мы назовемъ *x*, а другаго *y*. Мы были знакомы съ дѣтства, учились въ одномъ пансіонѣ, спали въ одномъ дортуарѣ, сидѣли въ классѣ на одной лавкѣ, и были до невѣроятности дружны между собою. Но не смотря на то, что мы были самыми отчаянными друзьями, въ характерахъ нашихъ было очень мало общаго. Я былъ очень чувствителенъ, очень мечтателенъ и очень впечатлителенъ, и часто и быстро переходилъ отъ одного расположенія духа къ другому, совершенно противному; *x* былъ постоянно веселъ и беззаботенъ, *y*—всегда важенъ и серьезенъ. Я любилъ читать Шиллера, *x* — романы Дюма и Французскіе водевили, *y* — древнихъ классиковъ. Я любилъ тихую семейную жизнь, *x* свѣтское общество и комфортъ, *y* — древнихъ классиковъ. Я любилъ прогулки при свѣтѣ луны, любилъ прокатиться въ саняхъ по скрипучему снѣгу при звѣздномъ небѣ, послушать пѣніе соловья; *x* любилъ танцы и верховую ѣзду у Фрейтага въ манежѣ, при многочисленной публикѣ; *y* любилъ древнихъ классиковъ. Я любилъ блондинокъ, *x* — брюнетокъ, *y* — древнихъ классиковъ. Я любилъ деревню, *x* – столицу; для *y* было все равно, гдѣ бы ни жить; ему вездѣ было хорошо, гдѣ только были древніе классики и лексиконъ Кронеберга. Я любилъ пищу простую, солидную и питательную; *x* — утонченную и изысканную; для *y* было все равно, что бы ни ѣсть, только бы наѣсться. Я любилъ говорить по-Русски, *x*—по-Французски, *y*—по-Латинѣ. Я былъ очень влюбчивъ. Влюбившись, я всей душой предавался любимой женщинѣ, и изъ всѣхъ женщинъ думалъ только о ней одной; *x* никогда не влюблялся, за то любилъ любезничать, волочиться и говорить съ дамами о *миломъ вздорѣ;* во всемъ этомъ онъ былъ очень искусенъ. Онъ особенно не любилъ ни одной женщины, но у него была страсть до всѣхъ женщинъ. *У* и не влюблялся въ женщинъ,

и не волочился за ними: онъ занимался древними классиками. Между *x* и *y* было одно общее: оба они были крайне не впечатлительны и отличались ровностью въ характерѣ. Я имъ въ этомъ всегда завидовалъ. Ихъ могли развеселить или разстроить только такія обстоятельства, которыя до нихъ лично касались. На расположеніе ихъ духа не дѣйствовали непосредственно ни печальныя зрѣлища, ни дурная погода, ни человѣческіе пороки.—Бывало мнѣ стоило только увидать ночью какой-нибудь замѣчательный сонъ, и я ужъ весь день находился подъ вліяніемъ грёзъ: не могъ готовить урока и не слушалъ учителя; *x* и *y* даже никогда не видали сновъ, никогда не живали во снѣ; *x* постоянно жилъ въ дѣйствительной жизни, а *y*—въ древнемъ Римѣ и древней Греціи. На меня производило необыкновенно сильное впечатлѣніе приближеніе и появленіе весны. Пахнетъ бывало на меня первымъ весеннимъ вѣтромъ, услышу голоса весеннихъ птичекъ, увижу на Москвѣ рѣкѣ первое движеніе льда—и я самъ не свой. На душѣ дѣлается такъ неизъяснимо-сладко, и въ то же время такъ неизъяснимо-грустно: и хочется любить, и хочется бѣжать въ лѣсъ, и жаждешь дѣятельности, и чувствуешь лѣнь, словомъ, совершенно теряешься отъ потоковъ, силы и разнообразія ощущеній. Въ то же время я становился еще безпечнѣе и разсѣяннѣе обыкновеннаго; сны мнѣ снились чаще и живѣе, чѣмъ въ прочія времена года. Потому, по утрамъ я бывалъ подъ вліяніемъ недавнихъ грёзъ, думалъ о томъ, что мнѣ снилось, и чувствовалъ необыкновенную лѣнь и распущенность. Тогда мнѣ бывало какъ-то противно заняться своимъ туалетомъ. Я кое-какъ причесывался, кое-какъ завязывалъ на шеѣ платокъ, и весь день ходилъ растрепанный и раздерганный. Въ классѣ я присутствовалъ только тѣломъ, но не душой. Я уносился воображеніемъ въ деревню: передо мною разстилались веселыя поля съ зеленѣющей озимью, шумѣлъ густой сосновый боръ, сверкалъ прозрачный ручей, катя свои струи по желтому песку, усѣянному блестящими раковинами; на душѣ у меня было такъ торжественно и такъ тоскливо! Мнѣ видѣлась подруга дѣтства; мнѣ казалось, что я сижу съ ней на берегу того ручья, подъ столѣтнимъ дубомъ, что мы съ какой-то тяжелой грустью любуемся темнымъ лѣсомъ, ровнымъ напѣвомъ вѣтра, весеннимъ небомъ, и слушаемъ жаворонковъ, что я съ какимъ-то болѣзненно сильнымъ чувствомъ и тоскою прижимаюсь къ ея груди, что мнѣ грустно, что я плачу—и я плачу въ самомъ дѣлѣ, и учитель ставитъ меня на колѣна, за сдѣланный въ классѣ безпорядокъ. Ибо смѣхъ, слезы и вообще обнаруженіе всякаго душевнаго движенія во время класса у насъ строго вос-

Digitized by Google

прещалось: для этого была рекреація. Но на *x* и *y* приближеніе весны не производило никакого особеннаго впечатлѣнія. *X* какъ и всегда, необыкновенно тщательно, обдуманно и изыскано-изящно одѣвался, старательно причесывался и даже завивался; *y* по прежнему прилежно изучалъ древнихъ классиковъ, и тѣмъ справедливо заслуживалъ благосклонное вниманіе старшихъ. Красы природы на нихъ тоже не сильно дѣйствовали. Когда случалось намъ въ воскресные дни гулять за городомъ, и меня поражалъ какой-нибудь красивый видъ, я съ удивленіемъ замѣчалъ, что *x* и *y* смотрѣли на него совершенно равнодушно. Какъ теперь помню — мы разъ гуляли пѣшкомъ за городомъ. *Y* впродолженіе всей дороги, разсказывалъ намъ о *домашнемъ бытѣ древняго Рима*. Вдругъ передъ нами открылся такой великолѣпный пейзажъ, какого нельзя ни вообразить, ни описать. При видѣ его я вскрикнулъ отъ восторга и предложилъ моимъ спутникамъ остановиться и полюбоваться имъ. Они остановились. Около пяти минутъ мы стояли на одномъ мѣстѣ; я любовался видомъ, *x* безсмысленно смотрѣлъ на него, а *y* продолжалъ разсказывать намъ *о домашнемъ бытѣ древняго Рима*. Вдругъ сталъ накрапывать дождикъ. *X* испугался и отчаяннымъ голосомъ закричалъ, что намъ надо спѣшить куда-нибудь подъ навѣсъ, если мы не хотимъ своихъ костюмовъ предать на жертву дождю. Сказавши это, онъ пустился почти бѣгомъ по направленію къ виднѣвшейся въ дали деревнѣ. Я и *y* пошли вслѣдъ за нимъ. *X* шелъ неохотно и поминутно оглядывался на видъ, произведшій на меня такое сильное впечатлѣніе, *x* всю дорогу сердился и ворчалъ, что ничего не можетъ быть глупѣе, какъ ходить такъ далеко пѣшкомъ за городъ, за тѣмъ только, чтобъ любоваться природой; что въ этихъ прогулкахъ ужасно пылится платье; что эти прогулки можетъ дѣлать только человѣкъ дурнаго тона, который не имѣетъ обыкновенія хорошо одѣваться; что въ настоящую минуту онъ, т. е. *x*, рискуетъ испортить на дождѣ свою новую Парижскую шляпу, свои легкіе, модные сапоги. Но на *y* ни пейзажъ, ни дождь не произвели никакого дѣйствія: онъ все время продолжалъ очень спокойно, подробно и обстоятельно описывать *домашній бытъ древняго Рима*.

И такъ вы видите, что мы были очень не похожи другъ на друга. Была только одна общая черта: всѣ мы любили правду, ненавидѣли подлость и криводушіе, и сами не были способны ни къ подлости, ни къ криводушію.

Окончивши курсъ ученія, мы разстались. Я остался въ Москвѣ, *x* поѣхалъ въ Петербургъ, *y* ушелъ пѣшкомъ въ Германію.

Digitized by Google

Долго я не имѣлъ извѣстія ни объ *x* ни объ *y*. Наконецъ узналъ я отъ моихъ людей, что *x* пишетъ натуральныя повѣсти и пріобрѣлъ громкую извѣстность. Повѣсти его отличались легкостью слога и легкостью содержанія. Въ нихъ не было ни идеи ни глубоко-задуманныхъ характеровъ, ни драматическаго движенія; не было ничего цѣлаго и законченнаго. Въ нихъ описывались самыя извѣстныя и обыкновенныя происшествія, приводились самые будничные, не характеристическіе разговоры, выводились давно всѣмъ извѣстныя и истертыя во всѣхъ романахъ лица. И потому Петербургская публика находила, что повѣсти *x* чрезвычайно натуральны, потому что въ нихъ нѣтъ ничего необыкновеннаго и рѣзкаго. Особенно читателямъ нравились въ его повѣстяхъ разговоры въ родѣ слѣдующаго:

— Bonjour, madame.

« Bonjour, monsieur »

— Comment va votre santé?

« Très-bien. Et la votre?»

— Très-bien.

« Dieu merçi!... Je vous prie de vous asseoir.»

— Je trouve, madame, qu'il fait mauvais temps aujourd'hui.»

« Vous avez raison, monsieur.»

— Et il pleut.

« C'est bien vrai.»

— J'aime beaucoup quand il fait beau.

« Et moi de même.»

« Какъ это натурально, какъ это вѣрно,» восклицали читатели, прочитавши такой разговоръ. «Вотъ еслибъ намъ всегда такъ описывали высшее общество! Во-первыхъ здѣсь разговоръ идетъ на Французскомъ языкѣ и дѣйствующія лица говорятъ такъ натурально, что подумаешь, что авторъ подслушалъ гдѣ-нибудь этотъ разговоръ и записалъ.»

Направленіе повѣстей *x* было сатирическое. Онъ въ нихъ безпощадно казнилъ людскіе пороки, воздвигалъ гоненіе на чувствительность и мечтательность, на дурную кухню, Москву, провинцію, неумѣнье одѣваться къ лицу, и т. д. Сюжеты всѣхъ его повѣстей были одинаковы; они были ничто иное, какъ варіаціи на двѣ темы. *Первая тема.* Выводится молодой человѣкъ. Онъ изображается такимъ идеалистомъ, романтикомъ и мечтателемъ, какихъ никогда не бывало и быть не можетъ. Онъ влюбляется самымъ неестественнымъ образомъ, мечтаетъ такъ сильно, что по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не ѣстъ; а когда принимается ѣсть, то

Digitized by Google

вследствіе своей наклонности къ романтизму, онъ есть бу-лыжникъ и запиваетъ чернилами. Онъ большею частію ходитъ безъ шапки по улицѣ, дерется съ вѣтреными мельницами, и при всякомъ удобномъ случаѣ обнаруживаетъ такой романтическій и рыцарскій образъ мыслей, какого вѣрно не могли имѣть и современники перваго крестоваго похода. Въ продолженіе всей повѣсти онъ дѣлаетъ выходки одну глупѣе другой. Его хотятъ поставить на путь истины, посредствомъ мудрыхъ совѣтовъ, но ничего не помогаетъ. Оканчивается такая повѣсть обыкновенно тѣмъ, что молодой человѣкъ, вдругъ ни съ того ни съ сего, по щучью велѣнью, дѣлается практическимъ порядочнымъ человѣкомъ или спивается съ кругу и начинаетъ красть. Разумѣется, авторъ утрируетъ своего героя не отъ неумѣнья создать художественный характеръ, не отъ отсутствія въ немъ художественной способности, но отъ сильной ненависти къ пороку. И потому онъ обыкновенно беретъ для повѣсти эпиграфы такого рода:

Le cynisme de moeurs doit sâlir la paroIe
Et la haine du mal enfante l'hyperbole,
или: Si natura negat, facit indignantia verbum и проч.

Да, авторъ сильно ненавидитъ пороки: у него такая же сильная ненависть къ порокамъ и такая же сильная натура, какъ у Ювенала и Тацита! *Вторая тема.* Изображается молодая дѣвушка, только что выпущенная изъ пансіона на свѣтъ Божій. Она влюблена или въ учителя Русской словесности или въ учителя музыки. Предметъ ея любви очень мечтателенъ, очень худъ и блѣденъ и очень пишетъ стихи или сочиняетъ ноктюрны. Онъ бѣденъ. Родители молодой дѣвушки не соглашаются на ея бракъ съ бѣднымъ человѣкомъ, а предлагаютъ ей въ женихи богатаго помѣщика, вдовца, который ей противенъ. Она непремѣнно хочетъ выйдти замужъ за того, кого любитъ; ей не позволяютъ. Она лѣзетъ на стѣну, хочетъ съ отчаянія утопиться, сохнетъ и страдаетъ, и наконецъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, по щучью велѣнью и по собственному желанію, съ большимъ удовольствіемъ, выходитъ замужъ за того жениха, котораго предлагали ей родители, — дѣлается провинціальной барыней, солитъ грибы, варитъ варенье, спитъ по 20 часовъ, ѣстъ по 15 разъ въ сутки, и толстѣетъ самымъ безобразнымъ манеромъ. Въ заключеніе своей повѣсти авторъ восклицаетъ: «и могъ до этого унизиться человѣкъ!» Авторъ удивляется *превращенію* своей героини, между тѣмъ, какъ онъ самъ его нарочно сдѣлалъ.

Digitized by Google

X составлялъ тоже и критическія статьи, которыя были также прекрасны, какъ и его повѣсти. Въ нихъ онъ дѣлалъ иногда маленькіе промахи, обнаруживавшіе въ авторѣ плохаго знатока исторіи, географіи, и вообще человѣка безъ солиднаго образованія. Такъ онъ иногда въ статьяхъ своихъ смѣшивалъ Тибулла съ Катуломъ, аневризмъ съ гекзаметромъ, говорилъ, что книга De viris illustribus написана Тацитомъ, не зналъ, что существовало два Плинія, и думалъ, что битва при Акціумѣ произошла 30 лѣтъ спустя послѣ Рождества Христова. Такого рода ошибки съ избыткомъ выкупались направленіемъ и богатствомъ содержанія статьи и новостью взгляда автора на вселенную.

Русская литература обязана ему многими, такъ сказать, *реформами*. Я упомяну только объ одной. Библіографическую хронику своего журнала онъ раздѣлилъ на три отдѣла — на литературу Московскую, литературу Петербургскую и литературу провинціальную. Московскую литературу онъ подраздѣляетъ на Мясницкую, Арбатскую и Пресненскую.

Между тѣмъ какъ *x* со славой подвизался на поприщѣ легкой литературы, еще съ большимъ успѣхомъ и славой подвизался *y* на поприщѣ историко-филологическихъ изслѣдованій. Онъ ужъ былъ докторомъ. Двѣ его диссертаціи — магистерская: «О Греческихъ монетахъ, существовавшихъ до похода Аргонавтовъ,» и докторская: «Взглядъ на юридическій бытъ Италійскихъ народовъ, до прибытія въ Италію Энея», прогремѣли по всей Европѣ и взволновали весь ученый міръ. Самый большой успѣхъ эти диссертаціи имѣли въ Германіи: онѣ произвели тамъ такое сильное впечатлѣніе, что двое молодыхъ людей отъ нихъ застрѣлились.

Вотъ какъ отличались мои друзья!

Но что же сталось со мной? Въ то время, какъ *x* и *y* старательно занимались прославленіемъ своихъ именъ, незнаемый молвою, не заклейменный славою, не украшенный ни прозвищемъ литератора, ни ученаго, я въ совершенной неизвѣстности, въ чистой совѣсти, проводилъ дни свои. По большой части я жилъ въ деревнѣ, занимался тамъ хозяйствомъ и садоводствомъ, читалъ, любилъ, ходилъ въ посиделки, водилъ хороводы — и былъ счастливъ. Въ такой жизни я находилъ много поэзіи, много свѣжести; не было въ ней ничего принужденнаго, ничего напыщеннаго, ничего напряженнаго, ничего пряннаго. Когда я проводилъ день полно и благополучно, т. е., если находилъ сельскія работы въ исправности, прочитывалъ съ удовольствіемъ нѣсколько словъ изъ Тацита или другаго какого вѣчнаго писателя, испытывалъ какое-нибудь силь-

Digitized by Google

ное лирическое ощущеніе, досыта наработывался въ саду—то, ложась спать, восклицалъ довольный собою:

Beatus ille, qui procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura exercet bobus suis,
Solutus omni foenore;
Ne que excitur classico milesita ruce,
Ne que horret iratum mare
Forum que vitat et superba civium
Potemtiorum limina....

Конечно, и такая идилическая жизнь бывала подъ часъ омрачаема кой-какими непріятными событіями и несчастіями. Такъ напримѣръ случалось, что сгоритъ овинъ, прочтешь какую-нибудь статью въ Русскомъ журналѣ, переломитъ кто-нибудь изъ моихъ домочадцевъ ногу, и т. п. Конечно, такія событія приключались, благодаря Бога, очень рѣдко, но все-таки приключались. Вѣдь человѣкъ не можетъ быть постоянно счастливъ!

Впрочемъ я не безвыгодно жилъ въ деревнѣ. Я почти всякую зиму, скопивши въ деревнѣ денегъ, уѣзжалъ въ Москву. Тамъ я ѣздилъ въ театръ, посѣщалъ ученые диспуты и лекціи замѣчательныхъ профессоровъ, но тщательно избѣгалъ балагановъ, литературныхъ и танцовальныхъ вечеровъ и травли за Рогожской заставой. Я видался только съ самыми короткими знакомыми, съ которыми могъ безъ грѣха провести время. Читалъ я много, и чтеніе мое было разнообразно. Я занимался многими науками, занимался серьезно и основательно, но не могъ ни одной заняться спеціально, т. е. посвятить себя одному какому-нибудь предмету исключительно. Сперва я занимался филологіей, въ обширномъ значеніи этого слова. Я было спеціально изучилъ исторію Англійской литературы; но посреди моихъ самыхъ жаркихъ занятій этимъ предметомъ, мнѣ случилось какъ-то услыхать лекцію о Римскомъ правѣ. Эта лекція была такъ блистательна и привела меня въ такой восторгъ, что я бредилъ ею цѣлую недѣлю и рѣшился прослушать цѣлый курсъ о Римскомъ правѣ. Прослушавши этотъ курсъ, я ударился изучать право вообще. Три года слишкомъ я занимался юриспруденціей, перечиталъ въ это время всѣ замѣчательныя сочиненія по части философіи права, прослѣдилъ его исторію у древнихъ и новыхъ народовъ, и уже принялся было за подробное изученіе восточныхъ законодательствъ, какъ пріѣхала въ Москву Италіанская опера.

Digitized by Google

Сводилъ я на первое ея представленіе, услыхалъ Лукрецію Борджіа и погибъ невозвратно для юриспруденціи. Я сдѣлался отчаяннымъ меломаномъ, не пропускалъ ни одного представленія Италіанской труппы, цѣлый день пѣлъ или игралъ на фортепьянахъ лучшія мѣста изъ Италіанскихъ оперъ. Когда первые порывы любви къ оперѣ прошли, страсть эта приняла болѣе солидный характеръ, слѣдствіемъ чего было то, что я занялся изученіемъ исторіи вокальной музыки. Но, разумѣется, я и на этомъ не остановился. Изъ всѣхъ моихъ недостатковъ и дурныхъ наклонностей, мѣшавшихъ мнѣ заняться чѣмъ-нибудь спеціально и пріобрѣсти литературную или ученую извѣстность, и чрезъ то выдти въ люди, главными были привычка заниматься только тѣмъ, что приноситъ удовольствіе, отсутствіе желанія прославиться и отсутствіе ремесленнаго духа.

Вы видите, что я человѣкъ, рожденный для тихой жизни, для неизвѣстности, а не для литературной общественной дѣятельности или свѣтской жизни. Я понималъ свое назначеніе и продолжалъ жить, какъ жилось. Но вотъ что вдругъ со мной случилось.

Сидѣлъ я разъ въ амфитеатрѣ Малаго театра; былъ антрактъ; я отъ нечего дѣлать дѣятельно лорнировалъ вокругъ себя. Вдругъ вижу, что въ шагахъ десяти отъ меня стоитъ человѣкъ съ очень знакомой мнѣ физіономіей, — всматриваюсь, и узнаю (кого бы вы думали?) моего пріятеля *Х*. Какъ бы вы ни были жестокосерды, мой любезный читатель, но вы вѣрно можете себѣ представить, какъ сильно забилось мое сердце, когда я увидалъ такъ близко подлѣ себя друга моего дѣтства, друга дѣтскихъ, невинныхъ забавъ и чистыхъ замышленій, друга, съ которымъ я больше десяти лѣтъ не видался. Въ сладостномъ волненіи я бросился къ нему, хотѣлъ броситься ему на шею, но онъ чрезвычайно ловко высвободился изъ моихъ объятій, увернулся отъ поцѣлуя, и чрезвычайно бонтонно и умѣренно подалъ мнѣ руку. Такой поступокъ меня до крайности удивилъ и оскорбилъ. *Х* замѣтилъ это, и отозвавъ меня въ сторону, сказалъ: «послушай, тебя, кажется, смутила моя наружная холодность. Будь увѣренъ, что я тебя люблю по прежнему и даже больше прежняго; но человѣкъ обязанъ скрывать свои чувства. Я въ восторгѣ, что тебя встрѣтилъ, но обнять тебя, въ особенности публично, не могу: это противъ моей системы, противъ моихъ убѣжденій, противъ моей совѣсти. Порядочный человѣкъ долженъ скрывать свои чувства; высказывать ихъ могутъ только люди дурнаго тона и люди отсталые отъ вѣка. Что бы при тебѣ ни случилось, что бы ты ни чувство-

Digitized by Google

валъ, что бы съ тобой ни дѣлалось, — ты всегда долженъ сохранять спокойный, холодный и благопристойный видъ. Зарѣжутъ ли при тебѣ 1,000 человѣкъ, умрутъ ли при тебѣ всѣ твои родители, женятъ ли тебя, сдѣлаютъ ли въ твоихъ глазахъ неслыханное благодѣяніе, родитъ ли твоя жена семь человѣкъ разомъ, провалится ли передъ тобой колокольня,—ни выказывай ни радости, ни печали, ни ужаса, ни удивленія. Будь всегда человѣкомъ; ибо истиннымъ человѣкомъ можетъ назваться только человѣкъ цивилизованный; а цивилизованнымъ человѣкомъ обыкновенно бываетъ только такой человѣкъ, который не высказываетъ своихъ чувствъ, не носитъ на себѣ никакой особенности, не имѣетъ никакой личности: онъ гладокъ и безцвѣтенъ. Взгляни на Американскихъ дикарей и Готентотовъ: у нихъ сильно развита личность, они не скрываютъ своихъ чувствъ, отъ того они всѣ такіе mauvais genre, и отъ того ихъ не принимаютъ ни въ одинъ порядочный домъ, ни въ какое хорошее общество. Въ настоящее время, въ нашей литературѣ постоянно развивали мысли о томъ, что человѣкъ не долженъ заботиться только о своемъ внутреннемъ развитіи, но долженъ непрестанно пещися о своей наружности, т. е. скрывать свои чувства, одѣваться по самой послѣдней модѣ, и быть достойнымъ своего великаго назначенія — быть царемъ всѣхъ животныхъ. На эту тему въ одномъ моемъ журналѣ было написано пять романовъ, 13 повѣстей, 140 критическихъ статей на разныя изящныя произведенія и 80,000 писемъ изъ провинціи. Не знаю, какъ до тебя до сихъ поръ не дошли положенія новѣйшей философіи.»

Я хотѣлъ кое-что возразить на монологъ моего друга, хотѣлъ спросить его, за что онъ такъ безпощадно лжетъ на новѣйшую философію, и что онъ вообще подъ философіей разумѣетъ? Но въ это самое время поднялась занавѣсь, и мы должны были разстаться. — При выходѣ изъ театра, *х* сообщилъ мнѣ свой адресъ, и звалъ меня къ себѣ. На другой день, въ 9 часовъ, я къ нему явился. Онъ еще спалъ. Лакей меня просилъ подождать, пока баринъ проснется. Я прождалъ его до двухъ часовъ. Наконецъ *х* проснулся, и вышелъ изъ спальной въ кабинетъ, гдѣ я его дожидался. Костюмъ его былъ поразителенъ. На немъ былъ драгоцѣнный халатъ, рубашка изъ самаго дорогаго батиста, съ большими золотыми запонками, шаровары изъ алаго атласа; на ногахъ его были туфли, нарочно имъ выписанныя изъ Китая; пальцы его были унизаны безцѣнными перстнями; на головѣ его — зеленый колпакъ.

«А, ты, говоритъ, сказалъ онъ, дожидаешься меня здѣсь съ 9 часовъ!... Да въ которомъ же часу ты самъ встаешь?

Digitized by Google

Часовъ въ 6, отвѣчалъ я.

Х. (*Съ удивленіемъ*) Какъ часовъ въ 6! Да развѣ можетъ образованный человѣкъ вставать такъ рано?! Скажи, неужели ты такъ рано встаешь?

Я. Когда раньше встанешь, какъ-то голова свѣжѣе... Я поутру занимаюсь, читаю что-нибудь.

Х. Боже мой, какъ ты отсталъ отъ вѣка! тебѣ видно совсѣмъ незнакома новѣйшая философія. Читалъ ли ты въ Современникѣ письма изъ Парижа?

Я. Читалъ.

Х. Да вѣдь тамъ прямо и ясно сказано, что нормальный человѣкъ встаетъ не раньше 8 часовъ. А ты послѣ этого встаешь въ 6. Какъ тебѣ не совѣстно! (*Осматриваетъ меня*). Боже мой, что это какъ ты скверно одѣваешься! Какое толстое сукно на твоемъ фракѣ; оно не дороже 12 рублей: это, братъ, ни на что не похоже! Какъ ты мало читаешь! позаймись ты, братъ, своимъ образованіемъ. (*Молчаніе*). Скажи мнѣ пожалуйста, какую ты жизнь ведешь, все ли ты такой идіотъ, какъ прежде. Сталъ ли ты наконецъ ѣздить на балы?

Я. Нѣтъ.

Х. Отъ чего?

Я. Отъ того, что мнѣ на нихъ скучно. Мнѣ кажется, что балъ не въ духѣ нашей націи.

Я. Эхъ, да ты все такой же романтикъ, какъ и прежде! Полно, перестань, вѣдь ты не маленькій! Опомнись, оглядись! вѣдь человѣкъ рожденъ для общества, и потому не долженъ чуждаться баловъ. Только одни геніи могутъ не ѣздить по баламъ, но вѣдь за то всѣ геніи mauvais genre. (*Молчаніе*). Вотъ тебѣ мой совѣтъ: займись своимъ образованіемъ, и для этого обратись къ новѣйшей журнальной литературѣ: она тебя научитъ.

Разговоръ этотъ, почему-то, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Мной овладѣло сомнѣніе: я сталъ спрашивать, точно ли я живу, какъ жить слѣдуетъ, не откроетъ ли мнѣ глаза новѣйшая журнальная литература. Я обратился къ ней. Вслѣдствіе моего знакомства съ ней, я возымѣлъ твердое намѣреніе сдѣлаться практическимъ человѣкомъ, и съ этой цѣлью заказалъ себѣ особый костюмъ.

Заказавъ себѣ модное платье, сообразное съ требованіями нашего вѣка, прекрасно выраженными новѣйшей журнальной литературой, я съ нетерпѣніемъ дожидался того дня, въ который портной мнѣ обѣщался его принести. Этотъ день имѣлъ для меня огромную важность: я далъ себѣ слово, что именно съ этого дня сдѣлаюсь практическимъ и современнымъ человѣкомъ. Этотъ день

Digitized by Google

(я очень хорошо помню) былъ середа, 25 Апрѣля; портной мнѣ обѣщалъ принести платье въ 10 часовъ утра. Сообразивъ все это и еще то, что я употреблю полчаса для надѣванія новаго костюма, я записалъ у себя въ памятной книжкѣ, купленной мной по случаю намѣренія сдѣлаться практическимъ человѣкомъ, слѣдующее «Сего 184... года, въ среду, 25-го Апрѣля, я сдѣлаюсь практическимъ человѣкомъ; начало въ 10 часовъ съ половиною.» И дѣйствительно, въ вышеозначенный день и часъ я стоялъ въ костюмѣ, удовлетворявшемъ современнымъ потребностямъ новѣйшей журнальной литературы. Осмотрѣвъ всѣ части своего туалета, при безмолвно-краснорѣчивомъ участіи трюмо, и такимъ образомъ удостовѣрившись, что догналъ свой вѣкъ, я надѣлъ шляпу, взялъ тросточку и пошелъ со двора. — Для перваго дебюта на поприщѣ практической жизни, я нарочно отправился въ такой домъ, который мнѣ казался самымъ практическимъ, и который дѣйствительно имѣлъ въ себѣ одно прекрасное семейство съ самымъ практическимъ образомъ жизни. Наружность этого дома была самая безукоризненная: отъ него вѣяло такимъ же холодомъ, и въ немъ царствовалъ такой же порядокъ, какъ у нашего общаго знакомаго мистера Домби. Свѣтскости и хорошаго тону тамъ было неисчислимо: говорили тамъ только о погодѣ, читали только Александра Дюма да Фенелона, по-Русски говорить совсѣмъ не умѣли, о людяхъ судили только со стороны ихъ практическихъ проявленій, и играли въ карты съ остервенѣніемъ.

Дѣло было ранней весной. Хотя погода и была теплая, но улицы были испещрены лужами. Я бережно и довольно искусно перепрыгивалъ съ камешка на камешекъ черезъ эти лужи, дабы не замарать въ грязи свои современныя брюки съ лампасами. Такимъ образомъ, долго идя по улицѣ, я довольно удачно подвигался на поприщѣ практической жизни. Вдругъ не вдалекѣ отъ меня, на бѣду мою, заиграла шарманка: Ah, per che, per che non posso odiar te, арію, которую я не могу слышать безъ особеннаго восторга, безъ какого-то лихорадочнаго трепета, и которой я при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ подтягиваю моимъ недостойнымъ голосомъ. Услыхавъ эту арію, я вдругъ внутренне преобразился, почувствовалъ на душѣ какую-то свѣжесть, забылъ свои практическія намѣренія, забылъ, что я стремлюсь за современными интересами, забылъ, что на мнѣ современныя и очень маркія брюки, забылъ весь міръ, и съ сладостнымъ и унылымъ трепетомъ сердца затянулъ: «Ah, per che, per che non posso odiar te,» и въ то же самое время, вмѣсто того, чтобъ перешагнуть черезъ лужу съ камня на тротуаръ, я погрузилъ въ

Digitized by Google

нее правую ногу по самое колѣно. Очнувшись отъ восторженнаго состоянія, и замѣтивъ несчастіе, постигнувшее мой правый сапогъ и правую часть современныхъ брюкъ, я пришелъ въ отчаянное бѣшенство. Случись со мной подобное несчастіе днемъ или часомъ прежде означеннаго времени, я бы принялъ его совершенно равнодушно, потому что я тогда былъ не тотъ. Я тогда былъ человѣкомъ свободно чувствовавшимъ, человѣкомъ беззаботнымъ, непринужденнымъ; но теперь я ужъ былъ человѣкомъ практическимъ, серьёзнымъ, осмотрительнымъ. Прежде, я нашивалъ простыя, черныя, триковыя, почти всегда поношенныя брюки, которыми я не слишкомъ дорожилъ, о которыхъ не имѣлъ слишкомъ высокаго мнѣнія; а теперь на мнѣ были брюки изъ самаго дорогаго Французскаго трико, брюки цвѣтныя, брюки въ высшей степени маркія, брюки, на которыя я смотрѣлъ съ безпредѣльнымъ уваженіемъ. Прежде я былъ знакомъ съ людьми, которые мнѣ были милы, по сходству нашихъ убѣжденій, съ людьми самыми простыми, самыми не «практическими», людьми болѣе способными къ отвлеченной дѣятельности, чѣмъ къ практической жизни. Къ этимъ людямъ я не побоялся бы явиться съ загрязненными брюками, потому что эти люди судили обо мнѣ не по брюкамъ, а по внутреннимъ моимъ достоинствамъ Они не отворотились бы отъ меня, несмотря на то, что у меня брюки были замараны, тогда, какъ ихъ собственныя находились въ противоположномъ состояніи. Нѣтъ! они не отворотились бы съ презрѣніемъ отъ меня, но, напротивъ, распростерли бы ко мнѣ горячія объятія и приняли бы во мнѣ живѣйшее участіе. Нокъ людямъ, къ которымъ теперь я шелъ, я шелъ не по сердечному влеченію, а ex officio, по обязанностямъ, налагаемымъ на меня современными потребностями, прекрасно выраженными новѣйшей журнальной литературой. Къ этимъ людямъ нельзя было представиться въ томъ плачевномъ положеніи, въ которое повергла меня упоительная мелодія покойнаго Беллини, искусно переданная шарманкой. Я вынужденъ былъ воротиться домой. Весь остальной день провелъ я въ самыхъ ужасныхъ мученіяхъ.

Но этотъ несчастный дебютъ не повергъ меня въ отчаяніе и не совратилъ съ предпринятого мной пути; напротивъ, послѣ этой катастрофы я еще съ бо́льшей рѣшимостью и энергіей взялся за свое предпріятіе. Я началъ учиться играть въ преферансъ, разговаривать о погодѣ, разъѣзжать съ визитами, пересталъ разсуждать о высокихъ предметахъ, и т. д. Я сталъ чувствовать сильныя головныя боли, но все-таки былъ твердъ въ моихъ намѣреніяхъ.

Но чѣмъ бо́льше я старался сдѣлаться практическимъ чело-

Digitized by Google

вкомъ, тѣмъ сильнѣе я убѣждался, что это для меня невозможно. Я видѣлъ ясно, что мнѣ никакъ не вылечиться отъ чувства, которое меня выдавало повсюду. Помня, что чувство есть способность души, обнаруживающая въ человѣкѣ дурной тонъ и недостатокъ воспитанія, подобно Русскимъ перчаткамъ, нечищеннымъ зубамъ и неумѣнью говорить по-Французски,—помня это, я тщательно прятался его; но мнѣ стоило только зазѣваться, и оно, къ крайнему стыду моему, выступало на позорище предъ окружавшимъ меня порядочнымъ человѣчествомъ. Въ одинъ прекрасный зимній вечеръ, напримѣръ, я сидѣлъ за картами въ одномъ порядочномъ домѣ; я былъ всею душею погруженъ въ игру, я, который такъ ненавижу карты. Прошелъ цѣлый часъ благополучной игры; я былъ въ восхищеніи отъ моего поведенія.... Но вдругъ (о коварная судьба!) я какъ-то совершенно нечаянно, безо всякаго дурнаго, т. е. не практическаго намѣренія, отвожу глаза отъ картъ, и вижу, въ сосѣдней комнатѣ, молодую незнакомую мнѣ дѣвушку, вѣроятно пріѣхавшую въ то время, когда мы сидѣли за картами. Наружность этой дѣвушки произвела на меня очень сильное и пріятное впечатлѣніе. Взглянулъ я на нее и засмотрѣлся,—приковался къ ней моимъ взоромъ, моей душою; я смотрѣлъ на нее съ какимъ-то сладкимъ, успокоительнымъ чувствомъ; чѣмъ-то разнѣживающимъ, убаюкивающимъ вѣяло отъ нея на меня. Взглянулъ я на нее, «вникнулъ въ нее долгимъ взоромъ,» и во мнѣ затихла боль отъ ранъ, нанесенныхъ мнѣ въ борьбѣ съ практической жизнью: я вдругъ помолодѣлъ, забылъ и свои «практическія» намѣренія, и желанія сдѣлаться «порядочнымъ» человѣкомъ, и требованія XIX вѣка, прекрасно выраженныя современной журнальной литературой, и самую журнальную литературу, и преферансъ, и весь міръ. Достовѣрно не знаю, въ чемъ именно заключалась причина такого сильнаго впечатлѣнія — въ самомъ ли дѣлѣ дѣвушка была необыкновенно хороша, или это мнѣ такъ только показалось, вслѣдствіе того обстоятельства, что ужъ больше часа вниманіе мое совершенно было поглощено картами, и взоръ мой былъ устремленъ исключительно на физіономіи пиковыхъ, бубновыхъ и прочихъ дамъ, физіономіи, какъ извѣстно, не отличающіяся большой выразительностью и высокимъ изяществомъ; можетъ быть, только сравнительно съ ними, молодая дѣвушка показалась мнѣ красавицей. Какъ бы то ни было, но наружность ея произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я забылъ, что сижу за преферансомъ, и игралъ совершенно машинально. Отъ этого случилось очень плачевное событіе. Я въ разсѣянности такъ дурно игралъ, что заставилъ обреми-

Digitized by Google

зиться хозяйку дома, съ которой я вистовалъ. Хозяйка была глубоко оскорблена моимъ поведеніемъ, и такъ на меня разсердилась, что назвала неучемъ, и приказала людямъ меня вывести, воскликнувъ при этомъ: «какіе нынче стали молодые люди!» Вслѣдъ за этимъ отданъ былъ приказъ швейцару не впускать меня, какъ дерзкаго, неблаговоспитаннаго человѣка, готоваго всякаго обремизить.

Не смотря на это печальное происшествіе, я все-таки не терялъ надежды отучиться отъ чувства, и съ этой цѣлью рѣшился принять надъ собою строжайшія мѣры. Я рѣшился отдать себя въ ученіе. Многіе изъ моихъ знакомыхъ брались за весьма умѣренную плату отучить меня отъ чувства и выучить «практической» жизни. Одинъ даже мнѣ прямо сказалъ: «положите мнѣ въ годъ 200 рублей серебромъ жалованья, да пожалуйте что-нибудь, если милость ваша будетъ, изъ стараго платья, — я васъ отучу отъ чувства и отъ всѣхъ его послѣдствій. Я васъ берусь въ самое короткое время выучить практической жизни и отучить отъ чувства: черезъ три года съ небольшимъ вы совершенно ничего не будете чувствовать.» Но я не имѣлъ возможности принять предложеніе моего знакомаго, потому что у меня тогда не случилось денегъ, и потому что я имѣлъ привычку отдавать старое платье моему каммердинеру. Сверхъ того у меня представился случай совершенно инымъ образомъ отдать себя въ ученіе. Мнѣ было знакомо одно очень свѣтское и «практическое» семейство. Это семейство собиралось на цѣлые полгода въ деревню. Я возымѣлъ твердое намѣреніе ѣхать съ ними, полагая, что проживши цѣлые полгода съ практическими людьми, я совершенно выучусь практической жизни, и что всѣ мои природные недостатки пройдутъ. Я отправился...

Въ продолженіе всей дороги со мной ничего не случилось, кромѣ самыхъ благополучныхъ происшествій, самыхъ «практическихъ» обстоятельствъ. Въ продолженіе всей дороги я велъ себя примѣрно: любезничалъ безъ остановки и говорилъ съ увлеченіемъ, жаромъ и страстью о погодѣ и о другихъ практическихъ предметахъ, меня нисколько не интересовавшихъ. Но лишь только мы пріѣхали на мѣсто, какъ открылся рядъ самыхъ несчастныхъ приключеній. Всѣхъ ихъ описывать не стану — разскажу только о послѣднемъ и главномъ.

Разъ на имянинахъ у моего хозяина былъ большой обѣдъ — обѣдала почти вся губернія. За столомъ вдругъ завязался серьёзный, ученый разговоръ. Говорили о новой исторіи. Одинъ очень образованный помѣщикъ, сосѣдъ моего хозяина, сталъ утверждать, что Наполеонъ живъ. Многіе съ нимъ согласились. Я закипѣлъ бла-

Digitized by Google

городнымъ негодованіемъ, услыхавъ такое искаженіе исторіи, и сталъ громогласно доказывать, что Наполеонъ умеръ. Я привелъ имъ такія сильныя доказательства, что они принуждены были отказаться отъ своихъ положеній; хозяинъ дома обидѣлся и сказалъ мнѣ, что я отравилъ его праздникъ и надѣлалъ непріятностей его гостямъ. За этимъ онъ попросилъ меня оставить его деревню, предложилъ даже денегъ на прогоны, но я, какъ благородный человѣкъ, отказался отъ этого, и уѣхалъ на свой счетъ.

Но этимъ все-таки не окончились мои приключенія на поприщѣ практической жизни. Я сдѣлалъ еще нѣсколько опытовъ по этой части, и совершенно удостовѣрился, что неизлечимъ. За что бы я ни взялся, во всемъ мнѣ мѣшало проклятое чувство и втягивало меня въ бѣду. Два года я подвигался на поприщѣ практической жизни, и все это время, какъ нарочно, со мной случались происшествія совершенно неудобныя для этого поприща: то я влюблялся, то окунался въ грязь новое, чрезмѣрно дорогое, исподнее платье съ лампасами, то заговаривалъ о высокихъ предметахъ, и т. п. Наконецъ я махнулъ рукой на практическую жизнь и рѣшился остаться такимъ, какимъ былъ прежде. Съ души моей точно гора свалилась: я опять сталъ веселъ, помолодѣлъ, чувствовалъ себя здоровѣе, и сталъ опять счастливъ.

Только что я успѣлъ такимъ образомъ успокоиться и возвратиться къ моему первобытному состоянію, какъ разнесся по Москвѣ слухъ, что пріѣхалъ изъ Харькова знаменитый ученый *y*.

Онъ ужъ былъ почтенный человѣкъ, былъ женатъ, имѣлъ хорошее мѣсто, издавалъ журналъ, который ему стоилъ ежегодно 1500 рублей серебромъ, и такимъ образомъ, очень пріятно проводилъ время. Аккуратно два раза въ мѣсяцъ онъ дѣлалъ новое открытіе въ области филологіи, и слава его росла безпрерывно.

Я очень люблю *y* и до сихъ поръ не могу вспомнить о немъ равнодушно; такъ позвольте мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о его характерѣ.

Въ жизни главное для него была наука; все остальное онъ почиталъ только вспомогательнымъ средствомъ для науки. Исторія его жизни была не что иное, какъ исторія его занятій Латинскимъ языкомъ. Почти каждый человѣкъ прошедшую жизнь свою дѣлитъ на періоды, и, смотря по своему характеру, беретъ рядъ событій для эпохъ. Такъ одинъ дѣлитъ свою прошедшую жизнь по своимъ отношеніямъ къ женщинамъ и говоритъ такого рода фразы: «это случилось, когда я былъ влюбленъ въ L., это — когда я еще ни разу не былъ влюбленъ, а это — во время размолвки съ D.»

Digitized by Google

Другой дѣлитъ исторію своей жизни по отношеніямъ къ крѣпкимъ напиткамъ и говоритъ: «Это было, когда я еще ничего въ ротъ не бралъ, а это было послѣ того, какъ я уже началъ испивать.» Третій раздѣляетъ жизнь свою по мѣсту своего жительства. «Я, говоритъ онъ, тогда еще жилъ у Сухаревой башни, въ Третьей Мѣщанской, въ домѣ Сухачева, занималъ пять комнатъ съ кухней, и платилъ 150 рублей серебромъ въ годъ. Очень дешево!» Пятый усматриваетъ въ своей жизни три эпохи—когда онъ не держалъ своихъ лошадей, когда сталъ держать и когда пересталъ держать. Для шестаго, его біографія есть исторія его убѣжденій и т. д. Такъ у каждаго въ этомъ дѣлѣ свой методъ дѣленія. У. исторію своей жизни раздѣлялъ на слѣдующіе періоды: «*первый періодъ*: когда я еще не начиналъ учиться по-Латынѣ (время до-историческое). *Второй періодъ*: когда началъ учить сокращенную Латинскую этимологію и читать Латинскую хрестоматію. *Третій періодъ*: чтеніе Корнелія Непота и краткій синтаксисъ. *Четвертый періодъ*: чтеніе Салюстія и переводъ изъ тѣмъ Дронке. *Пятый періодъ*: чтеніе Тита Ливія, syntaxis ornata и упражненія на Латинскомъ языкѣ. *Шестой періодъ*: чтеніе Тацита и Ювенала, а Я часто отъ него слыхалъ такія фразы: «я тогда еще былъ очень молодъ и неопытенъ, — я еще не зналъ большой грамматики Цумпта, — я зналъ только маленькую. О, я еще тогда глубоко и горько заблуждался: я думалъ что отъ Jupiter родительный падежъ Jupiteris! О, какъ я жестоко ошибался, и за то какъ жестоко былъ наказанъ! Стыдно вспомнить время такихъ заблужденій. — Какъ я тогда былъ чистъ и невиненъ, я не зналъ тѣмъ Дронке!»

Не смотря на то, что У былъ необыкновенно ученъ, онъ сочувствовалъ художественнымъ произведеніямъ. Отъ природы въ немъ было мало эстетическаго чувотва, но онъ дошелъ до пониманія изящнаго посредствомъ отчаяннаго чтенія всѣхъ Нѣмецкихъ эстетикъ. Художественными произведеніями онъ наслаждался совсѣмъ не такъ, какъ мы грѣшные. Когда, напримѣръ, ему случалось видѣть въ театрѣ очень смѣшную комедію или очень трогательную драму, онъ не смѣялся, если комедія была смѣшна, и не плакалъ, если драма была трогательна. Но возвратившись послѣ спектакля домой, справлялся во всевозможныхъ эстетикахъ, была ли смѣшна комедія, или, была ли трогательна драма; также совѣтовался на счетъ этого съ своими учеными друзьями. Если по всѣмъ справкамъ оказывалась, что комедія была дѣйствительно смѣшна, или что драма дѣйствительно трогательна, то вдругъ начиналъ отъ полноты убѣжденія неистово хохотать или горько плакать и рыдать (смотря по тому, что требовалось эстети-

Digitized by Google

ками, шло ли дѣло о комедіи или о драмѣ); тогда въ продолженіе цѣлаго мѣсяца нельзя было его унять. Такіе высокіе порывы унимала въ немъ жена нѣжными попеченіями и гофманскими каплями.

Великое его уваженіе къ наукѣ выражалось и въ обхожденіи его съ людьми. Людямъ, не имѣющимъ никакой ученой степени, онъ никогда не кланялся; онъ имъ никогда не подзвалъ руки, и не позволялъ при себѣ говорить. Кандидатамъ онъ давалъ руку; позволялъ при себѣ говорить (но стоя!), и не позволялъ произносить собственныхъ сужденій. Магистры имѣли право говорить передъ нимъ сидя и произносить собственныя сужденія; онъ съ ними обращался гуманно. Докторамъ же онъ позволялъ все: позволялъ даже себя бить и ругаться надъ собой, сколько ихъ душѣ угодно. Такъ онъ уважалъ докторовъ! — Съ человѣкомъ, не имѣющимъ никакой ученой степени, онъ обращался гуманно только въ такомъ случаѣ, если тотъ былъ литераторъ, или художникъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и заслужилъ одобреніе ученой критики.

Узнавъ о пріѣздѣ моего друга, я сейчасъ къ нему отправился. Я взошелъ въ его комнату и обмеръ: на стѣнѣ у него висѣла слѣдующая таблица:

РАСПОЛОЖЕНІЕ ЗАНЯТІЙ НА 184. . . ГОДЪ.

Дни.	Часы.	ПРЕДМЕТЫ.
Понедѣльн.	Отъ 5 до 12.	Чтеніе Ювенала и Горація.
	Отъ 12 до 2.	Гулять подъ руку съ женой, не смотря ни накакую погоду.
	Отъ 2 до 9.	Чтеніе Діонисія Галикарнасскаго.
	Отъ 9 до 10.	Ссориться съ женой.
Вторникъ.	Отъ 5 до 12.	Заниматься мышленіемъ.
	Отъ 1 до 2.	Для развлеченія, добродушно посмѣяться съ женой надъ кухаркой.
	Отъ 2 до 9.	Чтеніе Тацита.
	Отъ 9 до 10	Тихая, свѣтлая и умилительная бесѣда съ женою, какъ подругой жизни.

Digitized by Google

	От 5 до 9	Приготовленіе къ уроку.
	От 9 до 12	Урокъ.
	От 1 до 2	Пошутить съ женой.
	От 2 до 9	Перелистовать Тита Ливія и Плутарха.
Среда.	Отъ 9 до 10	Послѣ неумѣреннаго ужина (разъ въ недѣлю) сидѣть запрокинувшись на креслахъ и глядѣть въ потолокъ.
	От 5 до 12	Создавать новый взглядъ на древнюю исторію.
Четвергъ.	От 1 до 2	Для моціона дойдти до такой веселости, чтобъ можно было беззаботно и наивно бѣгать и скакать по залѣ и переронять всѣ стулья.
	От 2 до 10	
Пятница.	От 3 до 9	Учить наизустъ Нибура и Гиббона.
		Приготовляться къ уроку.
	От 9 до 12	Урокъ.
	От 1 до 2	Прогуливаться съ женою по улицѣ, не смотря на ненастную погоду.
	От 2 до 9	Читать журналы.
	От 9 до 10	Думать о житейскихъ и домашнихъ дѣлахъ.
Суббота.		Заниматься мышленіемъ.
	От 5 до 2	Немножко пошутить съ женой.
	От 1 до 2	Писать ученыя статьи.
	От 2 до 9	Принимать отъ жены счеты и доклады по хозяйству.
Воскресен.	От 9 до 10	Читать Петронія.
	От 5 до 10	Быть у обѣдни и прислушиваться къ формамъ языка Славяно-церковнаго.
	От 10 до 12	
		Принимать гостей.
	От 2 до 10	Сверхъ всего этого 1 разъ въ мѣсяцъ предаться мелонхоліи (для внутренняго очищенія себя), и въ 3 недѣли 1 разъ сходить въ баню.

Digitized by Google

Насмотрѣвшись съ пользой на эту таблицу, я взглянулъ на лице моего друга, и мнѣ открылось зрѣлище не менѣе поучительное. Лице великаго ученаго выражало беспредѣльную важность и спокойствіе. Глаза его были совершенно неподвижны: не только они никогда не перемѣняли выраженія, но онъ даже никогда не мигалъ. Голова его тоже никогда не повертывалась, и держался онъ совершенно прямо, не подаваясь корпусомъ впередъ и не закидываясь назадъ. Вслѣдствіе всего этого, онъ былъ похожъ на человѣка, только что проглотившаго аршинъ или что-нибудь подобное.

У. принялъ меня съ восторгомъ. Только что онъ успѣлъ издать нѣсколько звуковъ, обозначавшихъ восторгъ, и только что мы усѣлись, какъ онъ обратился ко мнѣ быстро съ вопросомъ: «скажи пожалуйста, какой твой псевдонимъ? я старался разузнать объ этомъ и не могъ. Я сперва думалъ, что ты пишешь подъ именемъ господъ *Сто-сорокъ*, *Дважды-два* — *четыре*, *Чингисъ-ханъ* и проч., но потомъ узналъ, кто эти остроумные писатели.... Скажи же, какой твой псевдонимъ?»

— Да вѣдь я ничего не печатаю, отвѣчалъ я ему

«Отчего жъ ты ничего не печатаешь?»

— Да что же мнѣ печатать, когда я ничего не пишу?

«Отчего же ты ничего не пишешь? Вѣдь ты человѣкъ умный и образованный, такъ какъ же тебѣ не писать?»

— Да неужели каждый умный и образованный человѣкъ непремѣнно обязанъ быть писателемъ?

«Каждый человѣкъ долженъ быть писателемъ: это его истинное назначеніе.»

— Ты слишкомъ много требуешь отъ человѣка. Пожалуй я соглашусь съ тобой, что обязанность каждаго человѣка стараться быть образованнымъ; но быть или не быть писателемъ—въ этомъ каждый воленъ.

«Нѣтъ! каждый истинно благородный человѣкъ долженъ быть непремѣнно писателемъ!... Впрочемъ, нѣтъ, я не то хотѣлъ сказать.... Я хочу сказать, что каждый благородный человѣкъ долженъ показать себя предъ публикой со стороны какой-нибудь отвлеченной дѣятельности, т. е. быть или поэтомъ, или ученымъ, или живописцомъ, или ваятелемъ, или чѣмъ-нибудь тому подобнымъ, и обязанъ пріобрѣсти извѣстность. Вѣдь Салюстій прямо говоритъ, что мы всѣми силами должны стараться о томъ, чтобы память по насъ какъ можно дольше жила въ потомствѣ. Ты не можешь представить, какъ мнѣ противны люди ни чѣмъ себя не прославившіе!»

Digitized by Google

— Но если человѣкъ не имѣетъ счастья быть ни ученымъ, ни литераторомъ и ни чѣмъ тому подобнымъ, то неужели ты не найдешь въ немъ ничего такого, за что бы могъ его *любить* и уважать?!.. Я знаю людей, которые не только ни литераторы, ни ученые и ничего тому подобное, но даже необразованы, а я ихъ уважаю и люблю.

«За что же ты ихъ любишь?

— За ихъ доброту, умъ, душевность, любезность....

«И ты знакомъ съ ними?»

— Знакомъ.

«И ходишь къ нимъ?»

— Хожу.

«И говоришь съ ними?»

— Говорю.

«О чемъ вы говорите?!»

— Обо всемъ, о чемъ можно говорить съ простымъ человѣкомъ.

«Нѣтъ, я съ простыми людьми говорить не могу!»

. . . . . .

«Но мы отклонились отъ главнаго пункта разговора.... Отчего ты не пишешь? Что ты дѣлаешь въ деревнѣ?»

— Занимаюсь хозяйствомъ....

«А! хозяйствомъ!... Отчего же ты не пишешь статей *о сельскомъ хозяйствѣ?!...*»

Много еще мы говорили съ нимъ въ этомъ родѣ, наконецъ я ему сказалъ: «Нѣтъ, ты меня не уговоришь быть писателемъ; у насъ и безъ меня ихъ много. Мнѣ кажется, что у насъ происходитъ много вреда отъ того, что всякій мало-мальски образованный и способный человѣкъ лѣзетъ непремѣнно въ литературную или ученую дѣятельность. Онъ этимъ отнимаетъ у другихъ сферъ дѣятельности умныхъ и способныхъ людей. Такъ напримѣръ, я знаю много молодыхъ «ученыхъ» и «литераторовъ,» у которыхъ есть помѣстья. Сами они присутствуютъ въ столицѣ, въ качествѣ посредственныхъ литераторовъ и мнимыхъ ученыхъ, а помѣстья свои ввѣряютъ плохимъ, необразованнымъ управляющимъ. Они гораздо бы больше принесли пользы и отечеству, и себѣ, и своимъ крестьянамъ, еслибъ жили въ деревнѣ, а не занимались эфемерной дѣятельностью въ столицѣ. У насъ каждый молодой человѣкъ (какъ бы онъ бѣденъ ни былъ) рвется на житье въ столицу, какъ бы ни было мало его состояніе. Отъ этого троякій вредъ: онъ лишаетъ свои помѣстья образованнаго помѣщика; онъ проживается въ столицѣ, гдѣ житье дороже, чѣмъ въ деревнѣ; получаетъ съ

Digitized by Google

имѣнья меньше доходу, чѣмъ получалъ бы, если бъ самъ жилъ въ деревнѣ и самъ за всѣмъ смотрѣлъ. Нѣтъ! я думаю, что для человѣка гораздо полезнѣе, благороднѣе, возвышеннѣе, жить въ деревнѣ и возиться съ мужиками, чѣмъ, не имѣя большихъ литературныхъ способностей, заниматься прославленіемъ своего имени.»

Но и этотъ монологъ не убѣдилъ моего ученаго друга. Онъ продолжалъ просить меня сдѣлаться писателемъ, или хоть написать что-нибудь для пробы, и напечатать у него въ журналѣ. Я не соглашался. Онъ наконецъ рѣшился на послѣднее отчаянное средство: онъ мнѣ показалъ отчетъ своего журнала о помѣщенныхъ въ немъ статьяхъ за истекшій годъ. Я взглянулъ,—и у меня разгорѣлись глаза. Статьи были самыя великолѣпныя, имена сотрудниковъ самыя знаменитыя. Между прочимъ, я тамъ прочелъ заглавіе слѣдующихъ статей: *Сравненіе Иліады съ посланіемъ Даніила Заточника*, сочиненіе молодаго ученаго Θ.; его же: *О Славянскомъ происхожденіи Римлянъ; О томъ, какъ Финикіяне открыли стекло при помощи собаки*, статьи магистра V. Кромѣ статей господъ Θ и V, здѣсь были помѣщены два капитальныхъ сочиненія самого издателя: первое — *О ложкѣ Александра Македонскаго*; второе *О вилкѣ Дарія Истаспа*. Въ смѣси между прочимъ красовались слѣдующія произведенія по части изящной словесности: *Пиръ Валтасаровъ*, водевиль, *Лже-Смердасъ* драма, *Нимфа Эгеріи*, романъ.

Бывали также приложенія къ журналу, изъ которыхъ мнѣ больше всего понравились *Кимбры и Тевтоны* (программа для балета) и переложеніе на музыку поэмы Клопштока.

Прочитавъ помянутый отчетъ, мнѣ вдругъ захотѣлось что-нибудь написать. Меня начало разбирать честолюбіе: мнѣ хотѣлось видѣть свою статью и свое имя въ ряду знаменитыхъ именъ и статей. Но что мнѣ написать? къ ученымъ статьямъ я неспособенъ, описывать свои чувства не умѣю, и не считаю приличнымъ публиковать о нихъ.... Я сталъ думать, что бы написать. Я долго думалъ, и наконецъ придумалъ: я рѣшился описать сонъ, который мнѣ на дняхъ привидѣлся. Я сейчасъ же побѣжалъ домой, и принялся его описывать. Съ непривычки мнѣ было трудно писать. Я писалъ въ продолженіе 4 мѣсяцевъ, и когда кончилъ и хотѣлъ отдать въ журналъ моего друга, разнеслась вѣсть, что журналъ его прекратился. Неблагодарная публика не умѣла оцѣнить прекрасныхъ статей, помѣщенныхъ въ ученомъ журналѣ. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ статья моя, надъ которой я столько трудился, пропала, и я рѣшился ее помѣ-

Digitized by Google

стить въ Москвитянинъ. Въ этомъ нумерѣ помѣщаю только предисловіе къ ней.

Боже мой, какая участь ожидаетъ меня! Есть у насъ въ литературѣ человѣкъ пять великихъ энергическихъ личностей, которыя посвятили всю жизнь свою на преслѣдованіе и осмѣяніе людскихъ пороковъ. Любовь къ человѣчеству и ненависть къ порокамъ въ нихъ такъ сильна, такъ сильно они алчутъ исправленія рода человѣческаго, что безъ жалости клеймятъ и позорятъ каждаго, кто пороченъ, или кажется имъ порочнымъ. Больше всего они преслѣдуютъ два рода порочныхъ людей: плохихъ писателей и своихъ литературныхъ противниковъ, и преслѣдуютъ безпощадно. Это они дѣлаютъ во-первыхъ изъ любви къ истинѣ и ненависти ко всему, гдѣ она какимъ-нибудь образомъ искажается; во-вторыхъ изъ безпредѣльной страсти къ Русской литературѣ и желанія ея исправить. Перомъ ихъ никогда не водитъ личная ненависть и пристрастіе или лицепріятіе. Напротивъ: они да такой степени любятъ человѣчество и литературу, такъ сильно желаютъ общей пользы и исправленія людскихъ пороковъ, что самъ Лессингъ въ сравненіи съ ними можетъ показаться эгоистомъ, пристрастнымъ критикомъ, и человѣкомъ съ мелкими видами и низкими стремленіями. Вотъ какія у насъ въ литературѣ есть энергическія и глубокія натуры, и ихъ можно насчитать до пяти. Какое богатство!

Какой энергическій и оригинальный характеръ носитъ ихъ полемика! какой прекрасный тонъ въ ней господствуетъ! Осмѣивая плохихъ писателей или своихъ литературныхъ противниковъ, они не ограничиваются тѣмъ, что безпощадно глумятся надъ ихъ произведеніями, но издѣваются также надъ ихъ личностями,—описываютъ ихъ домашній бытъ, разсказываютъ про нихъ анекдоты, вовсе не касающіеся литературы, разсказываютъ всѣ сокровенныя ихъ дѣла, и такимъ образомъ уничтожаютъ ихъ совершенно. Часто, не называя ихъ по имени, они распускали о нихъ самые оскорбительные слухи, говорили имъ такія дерзости, какихъ не одинъ стоикъ перенести не можетъ; описывали всѣ ихъ семейныя отношенія, и исчисляли всѣ ихъ домашнія и семейныя провинности. И для того, чтобъ всѣ знали, кто тѣ, о которыхъ пишутъ и не называютъ по имени, — они описывали всѣ ихъ приметы, костюмъ, голосъ, лице, и даже намекали на мѣсто жительства. Распубликованный такимъ образомъ человѣкъ не смѣлъ никуда показать глазъ: всѣ на него указывали пальцами, всѣ надъ нимъ смѣялись. — Случалось, что выступалъ на литературное поприще молодой неопытный человѣкъ, предлагая на судъ публики свои первые и слабые литературные

Digitized by Google

опыты. Онъ бросались на него безпощадно, смѣялись и ругались надъ его сочиненіями въ отдѣлѣ критики или библіографической хроники, да кромѣ того, помѣщали въ смѣси статейку, въ которой описывались и его любовныя отношенія, и его наружность, и костюмъ, и прическа, разсказывалось и куда онъ ходитъ, и какіе горячительные напитки употребляетъ, и проч., проч. Чтобы публика знала, о комъ говорится, они выписывали отрывки изъ его сочиненія и говорили: «вотъ что *пишетъ* дѣлающій *то-то* и *то-то*.» Намъ доводилось видѣть, что молодые люди, которыхъ для перваго литературнаго дебюта встрѣчала такъ ласково критика, приходили въ совершенное отчаяніе. Да и какъ было не прійдти въ отчаяніе! Представьте себя на ихъ мѣстѣ. Вы молодой человѣкъ, мечтаете о выгодной дѣятельности, полны благородныхъ стремленій: въ васъ есть самолюбіе — и вдругъ васъ такъ озадачиваетъ отечественная критика. Что вамъ дѣлать?! Дѣлать вамъ нечего: приняться за какую-нибудь дѣятельность вы не можете, потому что вамъ доказано, что вы человѣкъ бездарный и неспособный; искать развлеченія въ обществѣ тоже нельзя — на васъ тамъ будутъ указывать пальцами, какъ на человѣка распубликованнаго. Что же вамъ дѣлать!? Ничего.

О, человѣкъ пять энергическихъ личностей, существующихъ въ нашей литературѣ, я знаю, что вы дѣлаете все, выше-упомянутое, не изъ одной охоты поглумиться и потрунить, не отъ нечего дѣлать, не отъ скуки, не для пріятнаго препровожденія времени! Нѣтъ! Еслибъ вы это дѣлали изъ такихъ побужденій, то это было бы крайне безчеловѣчно съ вашей стороны; ибо безчеловѣчно оскорблять человѣка и губить его карьеру изъ одного желанія поглумиться, для пріятнаго препровожденія времени — отъ нечего дѣлать. Нѣтъ, вы это дѣлали изъ глубокой, могучей ненависти къ порокамъ, изъ непомѣрнаго желанія истребить ихъ, и изъ безпредѣльной любви къ ближнему.

И меня ожидаютъ вашъ гнѣвъ и ваши бичи!... Будьте милостивы, господа! пощадите меня—я еще такъ молодъ, я еще такъ мало наслаждался жизнію! Вы вѣрно сами хоть когда-нибудь были молоды, вы вѣрно знаете, что такое жалость! сжальтесь, сжальтесь сжальтесь надо мною! сжальтесь! Можетъ быть у кого-нибудь изъ васъ, какъ и у меня, есть мать старушка, для которой онъ дороже всего на свѣтѣ. О, сжалься надо мною, безжалостный, но справедливый каратель! сжалься, сжалься! grâce, grâce, grâce, grâce,—grâce pour moi et grâce pour toi! Но нѣтъ, вы не умилосердитесь надо мной,

Digitized by Google

не тронетесь моей мольбою!—О, какая участь ожидаетъ меня! Вы разругаете мое сочиненіе, разругаете меня, опишете мою скверную физіономію, разскажете всѣ мои домашнія обстоятельства, разругаете всѣхъ моихъ родныхъ, какъ-то: отца, мать, тетокъ, дятей, братьевъ и двоюродныхъ братьевъ, сестеръ и двоюродныхъ сестеръ. Вы разскажете обо всѣхъ моихъ долгахъ: кому, гдѣ, сколько, за что, и давно ли я долженъ, и такимъ образомъ совсѣмъ загубите мою карьеру, такъ, что мнѣ нельзя будетъ никуда показаться и жениться.

Но нѣтъ, дѣлайте со мной, что хотите... я не боюсь васъ... я жертвую собой для общей пользы.. Есть между вами одинъ господинъ, который большой мастеръ трунить надъ писателями и бойко пишетъ пародіи на ихъ произведенія! Чѣмъ ему губить *всѣхъ* плохихъ писателей, пусть лучше погубитъ *одного* меня. Пусть онъ идетъ на бой со мной!

Рѣшимъ войну единоборствомъ,
Пускай одинъ изъ насъ падетъ.

До свиданія, великія энергическія личности! до свиданія!
Поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ,

и остаюсь любящій васъ

Эрастъ Благонравовъ.

Поправка. Въ «Московскихъ извѣстіяхъ», на стр. 194, строка 8-я, напечатано: подлогу; должно читать: *подвоху*.

Digitized by Google

ОТЪѢЗДЪ ВО ВРЕМЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

сочъ. Mariano de Ларра.

Донъ Іосифъ Mariano de Ларра (Don Jose Mariano qe Larra), родившійся въ Мадридѣ, 24 Марта 1809 года, есть представитель Испанскихъ писателей новѣйшаго поколѣнія, которому принадлежитъ слава литературнаго возрожденія Испаніи въ настоящую эпоху. Не распространяясь о его жизни, не заключающей въ себѣ ничего любопытнаго, скажемъ два слова о его трагической смерти, послѣдовавшей 13 Февраля 1837 года.

Женившись по склонности, Ларра, въ послѣдствіи, далъ мѣсто въ своемъ сердцѣ другой страсти, вдвойнѣ безнадежной, потому что предметомъ ея была женщина, находившаяся, какъ и онъ, въ узахъ брака. Она, понявъ лучше его, что эта страсть ни къ чему не ведетъ, имѣла твердость положить ей конецъ. Когда его настоянія не могли поколебать этой твердости, онъ впалъ въ помѣшательство, и застрѣлился.

Ларра былъ по преимуществу сатирическимъ писателемъ: мелкія статьи этого рода, касающіяся разнообразныхъ предметовъ общественной, политической и литературной жизни Испаніи, составляютъ большую часть его сочиненій. Но кромѣ этихъ статей, въ сочиненіяхъ Ларры есть романъ и нѣсколько драмъ и комедій, изъ коихъ одна комедія, подъ названіемъ: *Partir al tiempo* (Отъѣздъ во время), предлагается теперь въ переводѣ на Русскій языкъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Донъ Косме Гонсалесъ, купецъ, производящій большую оптовую торговлю.
Донъя Анна, жена его.
Карлосъ, племянникъ Гонсалеса.
Изабель, племянница Гонсалеса и двоюродная сестра Карлоса.
Виконтъ де Миральта.
Родригесъ, приказчикъ въ домѣ Гонсалеса.

Дѣйствіе происходитъ въ Мадридѣ, въ домѣ Гонсалеса.

Digitized by Google

Театръ представляетъ залъ въ домѣ донъ Косме; дверь въ глубинѣ сцены; направо отъ актера дверь въ комнаты доньи Анны; налѣво такъ же дверь въ кабинетъ хозяина; подлѣ двери, направо, столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Изабель у стола и донъ Косме.

Косме *(отдавая банковые билеты Родригесу).*

Двѣ тысячи... четыре.... восемь.... двѣнадцать тысячъ билетами и шесть тысячъ золотомъ. Отнеси эти восемнадцать тысячъ донъ Георгію, моему кассиру. Это фонды для его поѣздки. (*Родригесъ уходитъ*).

Изабель.

Уже и ѣдетъ? бѣдненькій! а недавно женился.

Косме.

Да племянница. «Если ничто не задержитъ, говоритъ онъ, то сегодня же, въ четыре часа, ѣду въ Кадиксъ, а оттуда въ Гаванну....» Что ты тамъ дѣлаешь?

Изабель.

Учусь по-Итальянски.

Косме.

И по-Итальянски! къ чему это? Добро бы по-Кастильянски.... да и это.... Вотъ я: не развернулъ во всю свою жизнь ни одной книги, кромѣ счетной, а не бойсь, умѣлъ денежку нажить! Я тебѣ скажу: кажется, я нажилъ значительное состояньице; а началъ ни съ чѣмъ!

Изабель.

Значительное? что вы! большое.... А ничего не имѣли?

Косме.

О! то было другое время: до сихъ поръ мнѣ все кажется, что я живу въ Севильѣ, мальчикомъ въ лавочкѣ. Какая, братецъ, жара въ этой Севильѣ! Да благо, у меня и безъ нея тогда была голова горячая.

Digitized by Google

Изабель.

Говорятъ, вы тогда были вѣтрены, любезный дядюшка?

Косме.

Немножко, милая; за то, руки у меня были проворныя: только-то мнѣ и осталось отъ моей молодости. Къ счастію, теперь всѣ меня слушаютъ: «сеньоръ Косме такъ думаетъ; сеньору Косме такъ угодно». Видишь! сперва торговалъ чужимъ, и дошелъ до того, что сталъ торговать своимъ. Какъ бы ты думала, вѣдь водка всего болѣе сдѣлала меня человѣкомъ. Тогда, утомившись, я сказалъ самъ себѣ: «будетъ торговать; всѣмъ я перебывалъ: и негоціантомъ, и спекулянтомъ, и банкиромъ, и антрепренёромъ», только не театральнымъ, разумѣется: это плохая коммерція; вѣрнѣйшее банкротство. Публика потребляетъ больше водку, нежели комедіи. Я нажилъ капиталецъ, и, мнѣ кажется, не дѣлаю изъ него худаго употребленія.

Изабель.

Конечно: вы помогаете своимъ родственникамъ.

Косме.

Ахъ! къ несчастію, ихъ уже такъ мало остается! только и было, что ты, да твой братъ Карлосъ. Троимъ намъ не прожить бы столько. Тогда пріятели начали уговаривать меня: «Гонсалесъ! женись, Гонсалесъ!» Пріятели всегда совѣтуютъ подобныя вещи. Вотъ я начинаю подумывать уже о томъ, и однажды утромъ вижу одну дѣвушку. «Ба! тебя-то мнѣ и надо», сказалъ я самъ въ себѣ. Къ несчастію, то была дочь одной графини.... фамилія премудреная, наиболѣе графская изъ всѣхъ фамилій, какія прогуливаются въ паркѣ.

Изабель.

Можно было прійдти въ отчаяніе.

Косме.

Я тоже думаю. Но, спустя немного времени, я узналъ, что это было разорившееся семейство: отецъ гдѣ-то скрывался, понимаешь, отъ преслѣдованія правосудія, за двадцать пятый годъ; имѣнія были конфискованы. «Не робѣй, сказалъ я самъ себѣ: она моя .Скажись денежка!» и сказалась. Посмотри, если

Digitized by Google

она не лучше стряпчаго говорила въ мою пользу. Просьбу мою разсмотрѣли, и по разсмотрѣніи оной постановили рѣшеніе, въ силу коего мы вскорѣ женились. Тогда-то я узналъ, что значатъ денежки. Я раскрылъ свою шкатулку, и, видя съ одной стороны свою жену, а съ другой свои дублоны, воскликнулъ: «ура! наша взяла!» Иные ломаютъ себѣ голову, не зная, гдѣ найти счастье; а я, коротко сказать, купилъ его. Вотъ ей-Богу, дѣвка была добрѣйшая, и милѣйшая во всемъ Мадридѣ.

Изабель.

Да, въ самомъ дѣлѣ.

Космѣ.

Ну, не правду ли я говорю? Что за умъ, братецъ! И за всѣмъ тѣмъ была столь добра, что любила и счастливила меня. Одно меня безпокоило сначала: мнѣ нельзя было ни побожиться, ни поклясться, ни сказать *важнѣющій*, вмѣсто *важнѣйшій*. Смотри пожалуй! какъ будто не я говорю это, какъ будто я не богатъ! И если иногда у меня срывались съ языка такія глупости — тутъ-то тѣшились надо мною и жена, и всѣ тѣ господа, которые посѣщали ее: сколько смѣху, сколько хохотни! Чтобъ ихъ!...

Изабель.

Дядюшка!...

Космѣ.

Не бойся; жены вѣдь нѣтъ здѣсь. Дай же мнѣ побыть безъ принужденія покрайней мѣрѣ одинъ часъ въ цѣлое утро, благо я одинъ! Такимъ образомъ я возненавидѣлъ всѣхъ этихъ маркизовъ и дворянчиковъ, которые говорятъ плавно, съ ужимками.

Изабель.

Однако жъ, любезный дядюшка, между ними есть очень любезные.

Космѣ.

Вотъ тебѣ здорово живешь! И ты туда же! Да и то сказать: балы, да фортепьяны, да каватины, да Итальянскіе языки,

Digitized by Google

пра́во ей-Богу!... Но ужъ если я выдамъ тебя замужъ, будь увѣрена, что все къ....

Изабель.

Что вы говорите?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Родригесъ, выходя изъ комнатъ доньи Анны.

Родригесъ.

Барыня приказали просить барышню....

Изабель.

Ахъ! а я здѣсь заболталась!

Косме.

Что нужды? повремени.

Изабель.

И очень бы рада; но тетушка будетъ ждать меня на Итальянскій урокъ. Она такая добрая, сама взяла на себя трудъ воспитывать меня. Когда вы меня вызвали въ Мадридъ, я ничего не знала, была совершенною дурочкою.... всѣ смѣялись надо мною! Я слова порядочно не умѣла сказать.

Косме.

А я и тогда любилъ тебя. Мы могли говорить и понимать другъ друга.

Изабель.

Да; но согласитесь сами, кто же бы тогда захотѣлъ на мнѣ жениться? Тетушка всегда твердитъ мнѣ, что въ супружествѣ не бываетъ счастья, когда одинъ изъ супруговъ имѣетъ причины краснѣть за другаго.... и какъ въ обществѣ нынче всякій является хорошо воспитаннымъ....

Косме.

Оставишь ли ты меня въ покоѣ? Выслушай, бѣдняжка! не думай, что такъ вотъ сей часъ и возьметъ тебя кто-нибудь замужъ за твои уроки географіи и исторіи, когда есть приданое! Это не сказка: это настоящая исторія, исторія нынѣшней Испаніи и Испаніи прежней, исторія всѣхъ странъ. Впрочемъ, дѣлай, что хочешь. Ты довела меня до того, что

Digitized by Google

я витійствовалъ больше инаго министра, даже въ ногъ ударило. Родригесъ! Дай мнѣ стаканъ водки. (*Изабель знаками останавливаетъ Родригеса*). Что же ты? али не слышалъ?

Изабель.

Дядюшка! Развѣ вы забыли, что докторъ запретилъ вамъ....

Косме.

Докторъ.... докторъ.... это другое дѣло: онъ воспитываетъ меня тоже по своему. Далось это всѣмъ, что будто у меня таже болѣзнь, что была у моего отца! Пустяки: мой отецъ не имѣлъ никакого пристанища: поневолѣ долженъ былъ умереть.... Слышишь: колокольчикъ!... тетка тебя кличетъ.

Изабель.

Иду, иду.

Косме.

Слушай, не говори ни слова о томъ, что говорилъ докторъ: она перепугается.

Изабель.

Слушаю, дядюшка. (*Уходитъ*).

Косме.

И не дастъ пить мнѣ вина, кромѣ какъ съ водою; а это, чортъ побери, значитъ уничтожить двѣ хорошія вещи. Посмотримъ, ты.... пойди сюда, пойди. Земная жизнь мало по малу проходитъ.... (*Выпивая стаканъ*). Такъ-то!

Родригесъ.

Это ужъ выходитъ философія!

Косме.

И самая здравая.... Скотъ! бери и ты, помогай мнѣ!

Родригесъ.

Я, сударь?

Косме.

Ну да: я приказываю. Вотъ такъ! за твое здоровье.

Родригесъ.

И за ваше. (Вотъ такъ хозяинъ! Просто безъ церемоніи. Жалованье жалованьемъ, а вино виномъ!)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

Те же, Виконтъ, и потомъ Карлосъ.

Виконтъ *(за кулисами)*.

Пойдемъ! ты долженъ меня представить.

Косме *(допивая стаканъ)*.

Кто это?

Виконтъ.

Посмотримъ. (*Къ Косме*). Можно видѣть вашу госпожу?

Косме.

Мою госпожу!

Виконтъ.

Да, сеньору донью Анну... Доложите ей обо мнѣ.

Косме *(сердито)*.

Я, доложи о немъ!

Карлосъ *(входя)*.

Здравствуйте, любезный дядюшка!

Виконтъ *(просебя)*.

Его дядюшка!... Какого же я далъ маху!...

Карлосъ *(представляя дядю Виконту)*.

Донъ Косме Гонсалесъ. (*Дядѣ*). Господинъ Виконтъ де-Миральта.

Косме.

Именно: Виконтъ; я могъ это напередъ угадать.

Карлосъ.

Онъ познакомился съ тетушкою и съ сестрою прошлой весною, на водахъ въ Саседонѣ.

Виконтъ.

И имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе этихъ дамъ кой-какими ничтожными услугами.

Косме.

Да, точно: жена писала мнѣ объ этомъ.

Digitized by Google

Виконтъ.

А по пріѣздѣ сюда я получилъ отъ нихъ приглашеніе, за которое явился выразить мою искреннѣйшую благодарность.

Космѣ.

Когда угодно женѣ... (*Къ Карлосу*). Кой чортъ! Откуда у тебя такія знакомства?

Карлосъ.

Старинный мой пріятель... школьный товарищъ, по коллегіуму Св. Матѳея.

Космѣ.

Э! право? Жаль, что Виконтъ... Бѣдняжка!—Такъ какъ вы пріятель моего племянника, то всегда милости просимъ. Не прикажете ли чего? Рюмочку водки? Не церемоньтесь, будьте какъ дома.

Виконтъ *(смѣясь про себя)*.

Это великолѣпно! предлагаетъ мнѣ выпить водки!

Карлосъ *(тихо дону Космѣ)*.

Дядюшка!... такъ не водится.

Космѣ.

Э? въ самомъ дѣлѣ? Ну, если такъ, Родригесъ, долой это. Прошу покорнѣйше, господинъ кавалеръ, извинить меня; оставляю васъ съ племянникомъ; считайте, что здѣсь вы дома. Карлосъ мой сынъ, или все равно, что сынъ.

Карлосъ.

Любезнѣйшій дядюшка!

Космѣ.

И этотъ хочетъ покинуть насъ; это, по правдѣ сказать, хоть кому, такъ будетъ жаль.

Карлосъ.

О!

Космѣ.

Право, онъ грустенъ: совсѣмъ перемѣнился.

Карлосъ *(стараясь улыбнуться)*.

Нѣтъ, дядюшка.

Digitized by Google

Косм.

Ну что ты? Развѣ я не вижу?

Виконтъ.

Твой дядюшка говоритъ правду. Вчера въ оперѣ, напримѣръ, у тебя былъ такой болѣзненный видъ... я думалъ, что ты боленъ. Что съ тобой случилось?

Карлосъ.

Это отъ того, что я много работалъ.

Косме.

Очень не хорошо сдѣлалъ. Право, эта математика доконаетъ его!.. А очень уменъ; я бы желалъ даже, чтобы онъ былъ полегкомысленнѣе. Хотя бы вы, Виконтъ, помогли моему желанію. Не надо ли тебѣ денегъ? Не нужно ли тебѣ чего?... Странно: печаленъ и въ оперѣ... что за чудо! Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь... проигрыша что ли?

Карлосъ.

Дядюшка!...

Косме.

Правда, это твое дѣло: я не говорю болѣе ни слова. Пойду предувѣдомить жену; скажу ей, что Виконтъ желаетъ ее видѣть. Впрочемъ, Богъ знаетъ, можно ли ее видѣть, потому что и она съ нѣкотораго времени такъ же больна и молчалива... До свиданья. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Карлосъ и Виконтъ.

Такъ это тотъ самый донъ Косме Гонсалесъ, богатый, уважаемый негоціантъ, котораго такъ выхваляла мнѣ его супруга?

Карлосъ.

Онъ самый. Превосходнѣйшій человѣкъ, которому я обязанъ всѣмъ: моимъ существованіемъ и воспитаніемъ. Я жизнію готовъ пожертвовать для него.

Виконтъ.

О! я знаю; я еще не забылъ твоего дѣла съ однимъ нахальнымъ кавалерчикомъ, который осмѣлился смѣяться

Digitized by Google

надъ нимъ, и котораго ты проучилъ порядкомъ. Но, сколько я припомню, его жена, очень хорошаго тона, съ изящною манерой...

Карлосъ.

Ахъ! это что!—нельзя перечесть въ ней всѣхъ достоинствъ ума и добродѣтели. Она вышла замужъ по волѣ родственниковъ, которыхъ благосостояніе зависѣло отъ этого брака, за такого человѣка, коего образу жизни и воспитанію никогда не могла сочувствовать; и потому она скоро узнала всю неловкость своего положенія. Но она умѣла преодолѣть всѣ эти неудобства, и тамъ, гдѣ другая видѣла бы только долгъ чести, она умѣла создать счастіе.

Виконтъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

Карлосъ.

Странности ея мужа, кажется, довольно могли бы смущать ее; между тѣмъ она обладаетъ искусствомъ удерживаться отъ смѣха, она покровительствуетъ ему собственнымъ достоинствомъ, и облагораживаетъ его въ глазахъ свѣта; однимъ словомъ, она столько его уважаетъ, что заставляетъ невольно и другихъ уважать его. Таково общество: жена одна содѣлываетъ почтеннымъ или смѣшнымъ своего мужа.

Виконтъ.

То есть, она любитъ его?

Карлосъ.

Безъ сомнѣнія, потому что очень хорошо знаетъ свои обязанности.

Виконтъ.

И ты думаешь, что она счастлива?

Карлосъ.

Это извѣстно одному Богу; по крайней мѣрѣ, она кажется счастливою. Можетъ статься, будетъ счастливою. Мнѣ хорошо извѣстно, что дядюшка бываетъ иногда нетерпѣливъ, вспыльчивъ, скоръ; это человѣкъ простой, дитя природы, неумѣющій скрывать великодушныхъ порывовъ, такъ же какъ и недостатковъ своего воспитанія; но онъ очень

Digitized by Google

добръ съ женою... такъ любитъ ее... О! да, нѣтъ никакого сомнѣнія: это счастливое супружество. Съ другой стороны, и она обладаетъ даромъ неизъяснимаго очарованія, которое разливаетъ счастіе на всѣхъ ея окружающихъ.

Виконтъ.

Кому ты это разсказываешь? Нынѣшней весною я провелъ близъ нея цѣлыхъ три мѣсяца, и откровенно признаюсь тебѣ, что я едва не потерялъ разсудокъ.

Карлосъ.

Какъ? Въ самомъ дѣлѣ?

Виконтъ.

Точно; а что? Не хочешь ли воспретить мнѣ любить твою тетушку? Попробуй. Не я одинъ: сколько молодыхъ людей въ Саседонѣ ухаживало за нею! Что касается до меня, наиболѣе удостоеннаго ея вниманія, я тогда узналъ, что это значило терять время попустому,—и тотчасъ остановился.

Карлосъ *(схвативъ его за руку)*.

Любезный Виконтъ!

Виконтъ *(смѣясь)*.

Ты, кажется, благодаришь меня за это. Но это, любезный другъ, не было съ моей стороны добродѣтелью. Однакожъ она не оставила безъ вознагражденія скромности моего поведенія, а подарила меня своею дружбою, и такимъ образомъ заплатила мнѣ съ лихвою; я же, съ своей стороны, взамѣнъ глупой страсти, которая могла сдѣлать меня виновнымъ или неблагодарнымъ, встрѣтилъ въ другой эту чистую и истинную любовь, невозмущаемую никогда раскаяніемъ, и не отравляемую боязнію; любовь, которая можетъ составить счастіе моей жизни; однимъ словомъ, я хочу жениться.

Карлосъ.

Ты? поздравляю тебя, и еще болѣе твою нарѣченную невѣсту.

Виконтъ.

Ты ее знаешь.

Карлосъ.

Я!

Digitized by Google

Виконтъ.

Да, ты; и я не даромъ оказываю тебѣ столько довѣрія, но съ корыстными видами. Два года тому назадъ, началъ я встрѣчать въ обществахъ дѣвушку, прекрасную какъ солнце, но безъ воспитанія, безъ... то есть, она вовсе не знала обычаевъ свѣта, и была смѣшнымъ твореніемъ; я одинъ, не знаю почему, повременамъ защищалъ ее... наконецъ она исчезла. Съ того времени, до сей поры я едва припоминалъ ее себѣ; какъ вдругъ нынѣшній годъ снова вижу ее на водахъ. Вообрази себѣ, мой другъ, олицетворенныя изящество и грацію, безъ малѣйшей утраты первоначальной своей простоты и прелести, но съ умомъ свѣтлымъ и образованнымъ. Два года тщательнаго воспитанія и ученія совершили это чудесное превращеніе; и, что всего болѣе трогаетъ мое сердце, этому нѣсколько помогло, мнѣ кажется, желаніе показаться мнѣ въ лучшемъ видѣ... Не могу сомнѣваться въ томъ.

Карлосъ.

Возможно ли?

Виконтъ.

Да, это; а также доброта и старанія твоей тетушки.

Карлосъ.

Ужели это моя сестра, Изабель?

Виконтъ.

Она самая.

Карлосъ.

И ты хочешь на ней жениться? Ты, молодой человѣкъ, богатый и знатный?

Виконтъ.

А почему же нѣтъ?

Карлосъ.

Ахъ, любезный Виконтъ! Никогда не осмѣливался я желать сестрѣ моей столь выгоднаго супружества. Я долженъ, при всемъ томъ быть откровеннымъ съ тобою. Дядюшка, который трудами и торговлею нажилъ такое огромное состояніе; дядюшка, который считается теперь однимъ изъ пер-

Digitized by Google

выхъ негоціантовъ въ Мадридѣ, началъ свое поприще въ Севильѣ, будучи мальчикомъ въ однойлавочкѣ, и ничѣмъ болѣе.

Виконтъ.

Я не зналъ этого, и теперь никогда не прощу себѣ, что смѣялся надъ нимъ: начать такимъ образомъ свое поприще и окончить его столь блестяще, есть, безъ сомнѣнія, истинное достоинство. Впередъ я буду уважать его.

Карлосъ.

Это обстоятельство не поколебало твоей рѣшимости?

Виконтъ.

Ты смѣешься? Развѣ мы не товарищи съ тобой? Развѣ не вмѣстѣ учились?

Карлосъ.

Но твое семейство, можетъ быть. .

Виконтъ.

Мое семейство думаетъ одинаково со мною. Въ настоящую пору, любезный другъ, торговля, промышленность, богатство, талантъ, порода, знатность — всѣ подаютъ руку другъ другу. Кто будетъ занимать высшія правительственныя должности? Какой-нибудь грандъ, какой-нибудь чиновникъ, ты, я, если въ насъ есть талантъ, содѣлывающій насъ къ тому способными. Въ настоящую пору у насъ только два сословія въ обществѣ: сословіе образованныхъ и сословіе необразованныхъ: это единственныя неравныя отношенія. Слѣдовательно, благодаря достоинству, которое твоя сестрица умѣла создать въ себѣ воспитаніемъ, мы не состоимъ въ этихъ неравныхъ отношеніяхъ.

Карлосъ.

Любезный другъ!

Виконтъ.

Надѣюсь, что мой примѣръ ободритъ тебя, и ты удалишь отъ себя эти меланхолическія мрачныя думы.. Старайся сдѣлать хорошій выборъ, вступить въ хорошее супружество. Это разсѣетъ твою печаль.

Digitized by Google

Карлосъ.

Что до меня—какая разница!... Невозможно: (*Тяжело вздохнувъ*) для меня нѣтъ счастья.

Виконтъ.

А почему?

Карлосъ.

Ахъ! Если бы ты зналъ.... Если бы я могъ признаться тебѣ!... Довольно. (*Смотря на дверь*). Вотъ наше семейство: оставляю тебя съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Донъ Косме, донья Анна, Виконтъ, Карлосъ.

Анна.

Извините, Виконтъ, что заставила ждать себя: не ожидала посѣщеній такъ рано...

Виконтъ.

Дѣйствительно, не вамъ, а мнѣ должно просить извиненія.

Анна.

Напротивъ, вы показали этимъ дружескую короткость съ нами. Мой мужъ сейчасъ мнѣ говорилъ тоже самое. Мы должны быть признательны вамъ...

Виконтъ

Сеньоръ!...

Косме.

Вы очень любезны! (Славная жена! она заставляетъ меня всегда говорить тысячу учтивостей, которыя мнѣ не стоило ни малѣйшаго труда придумывать!)

Анна (*къ Карлосу, который взялъ шляпу*).

Прощай, Карлосъ; мы вчера ждали тебя обѣдать, а ты не пришелъ; заставилъ насъ безпокоиться.

Карлосъ.

Милая тетушка!

Косме.

Не говорилъ ли я тебѣ тоже. (*Къ Карлосу*). Чтобъ мнѣ провалиться сквозь землю, если я тебя понимаю сколько нибудь! Точно

Digitized by Google

такъ же вчера вечеромъ: я уговаривалъ тебя проводить ее на балъ, такъ нѣтъ!

Карлосъ.

Мнѣ вовсе было невозможно.

Косме.

Невозможно! А немного спустя, когда я подаю руку женѣ, что, конечно, составляло удовольствіе, вижу молодчика въ десяти шагахъ отъ насъ среди улицы; и все это для чего? Для того, чтобы отправиться съ господиномъ Виконтомъ вздыхать и охать въ — оперѣ!

Карлосъ.

Не вѣрьте этому.

Анна.

А если бы и такъ?.... (*Стараясь улыбнуться*). Что же въ этомъ дурнаго? не думаешь ли ты, что я до того взыскательна? Карлосъ, когда ты счастливъ, я ничего не желаю болѣе: это разсчеты Виконта. Теперь, что касается до грусти, я хочу знать ея причины; я имѣю право на твое довѣріе: это привиллегія тетокъ, болѣе онѣ ни на что не нужны.

Карлосъ.

Сударыня....

Косме.

Да, да; долженъ считать себя сыномъ напитымъ, такъ какъ у меня нѣтъ сына отъ жены, въ чемъ я не виноватъ ни сколько.

Анна.

Косме!

Косме.

Я говорю это для того, чтобы не подумали....

Анна (*спѣша перебить его*).

Виконтъ, не угодно ли вамъ оказать намъ честь откушать съ нами?

Виконтъ.

Сударыня, я сочту для себя счастьемъ.

Digitized by Google

Космв.

Хорошо. А поѣдете сегодня въ театръ? Я думаю, Карлосъ, ты проводишь сегодня тетку?

Анна.

Можетъ быть, онъ желалъ бы лучше ѣхать въ оперу: а я сегодня не ѣду.

Карлосъ.

Навѣрное вы иначе думаете, нежели сказали.

Космв.

Я очень радъ, потому что въ оперѣ.... сказать откровенно, я сплю.

Анна.

Карлосъ, хочешь приказать взять ложу?

Карлосъ.

Я возьму самъ, если вамъ угодно.

Виконтъ.

У крыльца мой экипажъ, я могу довезти тебя.

Карлосъ *(тихо Виконту)*.

А ты хотѣлъ объясниться?

Виконтъ *(также Карлосу)*.

Не смѣю при дядюшкѣ.

Карлосъ.

Такъ поѣдемъ.

Виконтъ *(донья Аннѣ)*.

Полагая, что не увижу васъ такъ рано, я осмѣлился, сударыня, писать къ вамъ....

Космв.

Э!

Виконтъ.

И къ вамъ также, господинъ Косме, о предметѣ чрезвычайно важномъ для меня.

Космв.

Ко мнѣ, о предметѣ?

Digitized by Google

Виконтъ.

И потому я оставляю васъ на свободѣ размыслить о томъ основательно. Вотъ письмо; по возвращеніи, я узнаю вашъ отвѣтъ. Поѣдемъ

ЯВЛЕНІЕ VI.

Донья Анна, Донъ Косме.

Анна.

Что это значитъ?

Косме.

Надписано тебѣ; я не имѣю обыкновенія читать писемъ къ женѣ: говорятъ, это не хорошо.

Анна *(радостно)*.

Что это такое? Кто бы могъ подумать!.... Просить руки Изабели.

Косме *(съ неудовольствіемъ)*.

Слушай его!

Анна *(оробѣвъ)*.

Ты не радуешься, какъ я, при мысли о такой выгодной партіи?

Косме.

Проклятой!

Анна.

А почему?

Косме.

Не скажу тебѣ, что чувствую отвращеніе отъ знатныхъ; это глупость, потому что человѣкъ всегда стоитъ человѣка. Во всѣхъ сословіяхъ есть люди съ достоинствомъ, и, короче сказать, это не его вина, что онъ Виконтъ; но скажу тебѣ то, что племянницѣ моей достанется тогда въ приданое двадцатью пятью тысячами меньше, чортъ побери, и что я трудился собирать не для того, чтобы обогатить ими постороннаго.

Анна.

Виконтъ самъ богатъ.

Digitized by Google

Косме.

Онъ или другой, что мнѣ въ этомъ? онъ мнѣ не родной, а я хочу, чтобы то, что я пріобрѣлъ въ потѣ лица, не выходило изъ моего рода; это его достояніе, принадлежитъ моимъ роднымъ, и они получатъ его. Я имѣю въ предметѣ одного, кто можетъ быть мужемъ Изабели, Карлоса, моего племянника?

Анна.

Карлоса?

Косме.

Гдѣ ты найдешь молодаго человѣка честнѣе его, лучше характеромъ, умнѣе и мужественнѣе? А ты не хочешь отдать Изабель за моего племянника!

Анна.

Да, другъ мой, правда, ничего не можетъ быть естественнѣе. (Бѣдный Карлосъ!) Но....

Косме.

Но, но.... какой дьяволъ научаетъ тебя упорствовать? Возможно ли это, чтобы ты всегда, когда мы остаемся вдвоемъ, противилась! Только при людяхъ выкидываешь министерскія штуки. Такъ нѣтъ же! Таково было всегда мое намѣреніе, и если я прежде не говорилъ тебѣ о немъ ничего, такъ это потому, что съ нѣкотораго времени узналъ одно обстоятельство, которое очень огорчаетъ меня.

Анна.

Какое обстоятельство?

Косме.

Ты знаешь, какъ я люблю Карлоса: онъ моя утѣха, моя подпора. Послѣ тебя, онъ единственное существо, которое я люблю больше всего на свѣтѣ. Замѣтно, что, будучи доброю и любезною, ты любишь его только потому, что я люблю его, чтобы угодить этимъ мнѣ. Но не этого хотѣлось бы мнѣ!

Анна.

Что ты хочешь сказать?

Digitized by Google

Косме.

Однимъ словомъ, онъ тебѣ въ тягость. Одно замѣчаю я, что ты боишься приласкать его, и выказать свое расположеніе къ нему. Иногда обходишься съ нимъ съ холодною учтивостію, а иногда дурно, право, дурно!

Анна.

Я!

Косме.

Я тебя уличу: напримѣръ, когда мнѣ не хотѣлось оставить домъ и свои дѣла, я желалъ, чтобы онъ сопровождалъ тебя въ твоей поѣздкѣ; ты предпочла ѣхать одна съ племянницею, въ сопровожденіи дѣвушки. Я не захотѣлъ тебѣ противорѣчить, но это было прискорбно для меня, и для него такъ же.

Анна.

И для него?

Косме.

Ей-Богу! Онъ не расточаетъ словъ, не говоритъ пышныхъ фразъ, не говоритъ ничего; но тамъ, въ глубинѣ души — я знаю, сколько онъ любитъ насъ.... обоихъ! Когда я былъ боленъ, онъ взялся управлять домомъ, и чортъ возьми! — Хотя это вовсе не его ремесло, а онъ управлялъ имъ лучше, нежели я, да; лучше, потому что онъ имѣетъ то преимущество передо мною, что молодъ и силенъ.... и какъ усерденъ! Потомъ, каковъ съ тобою, я ничего не говорю: всегда къ твоимъ услугамъ. Далъ бы себя убить, лишь бы достать тебѣ билетъ въ оперу или на балъ. А это именно намъ и нужно, чтобы быть счастливыми: онъ дороже, нежели кто чужой и неизвѣстный. Рѣшено, и, положивъ, что мы согласились въ этомъ, ты сегодня же дашь ему знать о нашихъ намѣреніяхъ.

Анна *(въ волненіи)*.

Я!

Косме.

Ты; кому же лучше? Онъ никогда не противится твоимъ желаніямъ: тебѣ легче, нежели всякому другому уговорить его.

Digitized by Google

Анна *(такъ же)*.

Попытаюсь, по крайней мѣрѣ.

Космк.

Это необходимо. Иначе, я буду думать, что ты имѣешь опредѣленную цѣль покровительствовать Виконту.

Анна.

Можешь ли ты это думать?....

Космв.

О! и очень. Ты всегда склонялась на сторону знатныхъ; извѣстно, серны любятъ возвышенности. Но я, неимѣющій ничего общаго съ ними....

Анна.

Другъ мой!....

ЯВЛЕНІЕ VII

Тѣ же, Карлосъ задумчивый, и въ глубинѣ сцены.

Космв.

Вотъ онъ, смотри: всегда задумчивый, всегда печальный. Какой дьяволъ случился съ нимъ! Карлосъ!

Карлосъ *(приходя въ себя)*.

А! Дядюшка!

Космв.

Подойди сюда. Тетка имѣетъ надобность поговорить съ тобою.

Карлосъ *(съ живостію)*.

Въ самомъ дѣлѣ? Я готовъ.

Космв *(улыбаясь)*.

О-го! Словно какъ это извлекло тебя изъ легаргическаго сна. Я пойду отдать кой-какія приказанія своему кассиру, который отправляется въ путь.

Карлосъ.

Знаю; для этого предпріятія, которое вы намѣрены осуществить въ Гаваннѣ.

Космв.

Именно такъ.

Digitized by Google

Карлосъ.

Славная спекуляція, устроенная наилучшимъ образомъ.

Косме.

Надѣюсь. Но уменя есть еще проектъ на рукахъ здѣсь, который занимаетъ меня болѣе.... Мы именно имъ занимались теперь. Я забочусь о твоемъ будущемъ, о твоемъ счастіи. Жена объяснитъ тебѣ. И такъ, оставайся здѣсь, и потолкуйте вмѣстѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Донья Анна, Карлосъ въ изумленіи, слѣдуя взоромъ за дядею.

Карлосъ.

Что случилось съ дядюшкою?

Анна.

Что съ нимъ случилось? Карлосъ, онъ хочетъ женить тебя.

Карлосъ.

А! Такъ это онъ называетъ моимъ счастіемъ? Надѣюсь, что не будутъ навязывать мнѣ счастія противъ моего желанія; и такъ какъ я не могу согласиться....

Анна.

Какъ? Не узнавши прежде, на комъ хотятъ женить тебя?

Карлосъ (*съ горечью*).

Не сомнѣваюсь, что на богатой, молодой и милой дѣвушкѣ; однимъ словомъ, на совершенствѣ между невѣстъ. Но, кто бы она ни была, отнынѣ отказываюсь отъ всякой партіи. Ни любви, ни супружества.... ничего! мнѣ хорошо и безъ нихъ.

Анна.

Какъ ты счастливъ!

Карлосъ.

Счастливъ? Напротивъ, несчастнѣйшій изъ людей.

Анна (*съ живостію*).

Почему?

Digitized by Google

Карлосъ.

Не знаю. Медленный недугъ снѣдаетъ и губитъ меня. Безъ надежды, безъ будущности, эта жизнь, которую я только что начинаю, для меня уже кончена.

Анна.

Между тѣмъ, кто, кажется, могъ бы питать болѣе самыхъ лестныхъ надеждъ? уважаемый, любимый всѣми; богатство ожидаетъ тебя.... Можетъ быть, слава, почести.

Карлосъ.

Слава! почести! На что мнѣ онѣ? кому могу я принесть въ даръ эти блага? Кто интересуется мною?

Анна.

Какъ кто? А мы, Карлосъ, развѣ всѣ мы нисколько не родные и не друзья тебѣ?

Карлосъ.

Да, я знаю, вы всѣ любите меня...

Анна.

А если знаешь, зачѣмъ было говорить такъ? Знаю, что не мнѣ давать тебѣ совѣты. Но если лѣта мои и лишаютъ меня этого права, за то мои ласки, можетъ быть, возвращаютъ мнѣ его. Посмотримъ; имѣй ко мнѣ довѣріе: я тетка твоя, и твой другъ.

Карлосъ.

Хорошо.... да, довѣрчивость съ вашей стороны обязываетъ и меня къ тому же. Вы одни узнаете мое состояніе. Я люблю, но безъ надежды быть любимымъ, даже безъ желанія быть любимымъ когда-либо, потому что если бы это сбылось, я убѣжалъ бы на край свѣта.

Анна.

Безразсудный! могъ ли ты дать мѣсто въ твоемъ сердцѣ преступной страсти?

Карлосъ.

Преступной? кто вамъ это сказалъ?

Digitized by Google

Анна.

Мученія, претерпѣваемыя тобою, потому что любовь чистая и законная служитъ источникомъ однѣхъ радостей. Но опомнись, подумай хорошенько, къ чему приведетъ тебя такая любовь!

Карлосъ.

Ахъ! Вы никогда не любили, если совѣтуете мнѣ подобныя вещи. Къ чему приведетъ! Къ любви, къ мученію, и эти самыя страданія составляютъ счастіе моей жизни. Не думая избѣгать ихъ, я, напротивъ, желаю, ищу ихъ, и наконецъ дядюшка не знаетъ о томъ. Мнѣ предложили жребій, прекрасный жребій; я отказался отъ него. Мнѣ необходимо было удалиться отъ нея, я долженъ былъ уѣхать изъ Мадрида.

Анна *(тронутая)*.

А! она въ Мадридѣ?

Карлосъ.

Въ Мадридѣ.

Анна.

И ты никогда не подумалъ о ея спокойствіи которое могъ нарушить.... о ея жизни, которую ты могъ наполнить горечью!...

Карлосъ.

Ахъ! сеньора, если бъ эта любовь, столь сладостная, и вмѣстѣ столь жестокая, могла нарушить ея спокойствіе.... если бы я могъ этому вѣрить.... нѣтъ, не возможно: ея добродѣтель поставляетъ ее выше меня, и слава Богу, несчастливъ одинъ я!

Анна.

Если такъ, то это отъ того, что ты любишь, что ты самъ идешь на встрѣчу опасности, вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ нея, или побѣдить ее силою; я не больше какъ женщина и, конечно, слишкомъ слабая, но если бы когда-либо, по несчастію, пришлось бороться съ чувствами, подобными твоимъ, вмѣсто того, чтобы малодушно поддаться имъ, я умерла бы, но побѣдила. Ужели у тебя менѣе мужества? Ужели мнѣ должно преподать тебѣ урокъ мужества и силы?

Digitized by Google

Нѣтъ, Карлосъ, другъ мой, повѣрь мнѣ: нѣтъ чувства, какъ бы оно глубоко ни было, котораго бы разумъ не могъ подчинить себѣ, ни столь великаго несчастія, котораго не могло бы перенести и побѣдить наше сердце. Я предлагаю тебѣ свою помощь, свое содѣйствіе, и, если ты таковъ именно, какимъ я тебя считаю, если стоишь той цѣны, какую я тебѣ приписываю, ты послѣдуешь моимъ совѣтамъ.

Карлосъ.

Хорошо; говорите.

Анна.

Твой дядюшка хочетъ женить тебя на Изабели.

Карлосъ.

На Изабели, моей сестрѣ? Невозможно! Ее любитъ другой, Виконтъ, мой пріятель.

Анна.

Такъ нужно убѣдить въ томъ дядю.

Карлосъ.

Я берусь за это.

Анна.

Онъ найдетъ другихъ невѣстъ.

Карлосъ.

Для меня — никогда! я поклялся. Ничего не надѣюсь со стороны той, которую люблю; но сохраню навсегда неприкосновенными любовь, о которой она не знаетъ, и клятвы, которыхъ она не принимала.

Анна.

Въ часъ добрый! Есть другое средство, которое обезпечитъ какъ твое, такъ и ея спокойствіе.... этотъ жребій, который тебѣ предлагали и который тебя заставляетъ удалиться изъ Мадрида, теперь необходимо избрать....

Карлосъ.

Лишиться ея присутствія! моего блаженства! Что я вамъ сдѣлалъ, что вы даете мнѣ такой совѣтъ?

Digitized by Google

Анна.

И все-таки необходимо послѣдовать ему. Только на этомъ условіи ты можешь сохранить мою дружбу; выбирай.

Карлосъ.

Никогда!

Анна.

Благородный молодой человѣкъ! Я считала васъ достойнымъ моихъ совѣтовъ; теперь оставляю васъ самимъ себѣ. Больше мнѣ нечего сказать вамъ. (*Карлосъ удаляется, и, уходя, бросаетъ взглядъ на донью Анну, которая не смотритъ на него; потомъ, вздохнувъ, уходитъ*). Ахъ, какъ дурно я веду себя!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Донья Анна.

Отъ чего меня тревожитъ его удаленіе? Истребимъ навсегда память о немъ: я люблю, это правда. (*Садится*).... Не могу.... страшусь его присутствія; когда его нѣтъ, я менѣе отвергаю его; при свиданіи съ нимъ улыбаюсь, а имя его бросаетъ меня въ трепетъ. Между тѣмъ, онъ никогда не говорилъ, что я.... я должна была не знать о томъ. Ахъ, Боже мой, Боже мой! Дай мнѣ силы бороться, защити меня отъ самой себя!

ЯВЛЕНІЕ X.

Донья Анна, донъ Косме.

Косме (*за кулисами*).

Перестань! Что это за ребячество?

Анна.

Мой мужъ!...

Косме (*самъ съ собою*).

Мужчины должны ли быть мужчинами?

Анна.

Что случилось?

Digitized by Google

Косме.

Донъ Георгій, кассиръ мой, когда я говорю о винахъ Малаги, о сахарѣ и о кофе, всегда расчувствуется; теперь почти заплакалъ.

Анна.

Отъ чего же?

Косме.

Не слушалъ меня, думая о своей женѣ и о сынѣ; кой чортъ? Надо подумать о томъ, что дѣлается; на все есть свое время. Я не говорю, что онъ не долженъ быть чувствительнымъ; но въ извѣстные часы, по продажѣ товара.... ну, вотъ я теперь свободенъ. Что же? видѣла Карлоса? Когда свадьба? Уже рѣшено?

Анна *(смущенная)*.

Не совсѣмъ; но надѣюсь, что.....

Косме *(весело)*.

Это другое дѣло; значитъ, мой проектъ можетъ наконецъ осуществиться; если они не будутъ откладывать, я тѣмъ менѣе, благодаря счастливой мысли, какая пришла мнѣ въ голову.

Анна.

Что такое?

Косме.

Отсутствіе дона Георгія налагаетъ на меня бремя дѣлъ по торговлѣ, и я придумалъ взять въ долю къ себѣ племянника, благо онъ ничѣмъ не занятъ.

Анна.

Боже мой!

Косме.

Я пріобщу его къ себѣ; онъ будетъ жить съ нами, близъ своей сестры и нареченной невѣсты, никогда не разлучится съ нами.

Анна.

(Я пропала!) И ты думаешь, что онъ согласится на это?

Digitized by Google

Косме.

Я въ томъ увѣренъ; изъ угожденія мнѣ, онъ поможетъ мнѣ управлять домомъ, постоянно будетъ моимъ товарищемъ, а ты, во время моего отсутствія, будешь не одна: онъ доставитъ тебѣ развлеченіе, утѣшитъ тебя; съ тобою же теперь стали чаще случаться припадки чувствительности: ты всегда больна....

Анна.

Правда, но я надѣюсь много попрариться, если ты будешь такъ добръ, согласишься на то, о чемъ я тебя столько разъ просила.

Косме *(съ видомъ удивленія)*.

Какъ? Это намѣреніе, о которомъ ты когда-то говорила мнѣ?

Анна.

Именно. Позволь мнѣ уѣхать изъ Мадрида, и провести нѣсколько мѣсяцевъ въ нашемъ Андалузскомъ имѣніи.

Косме.

Какая чертовская мысль! Ужъ когда женщицы захотятъ поставить на своемъ.... какъ скоро началась зима, тутъ-то у нея и родилась страсть къ полямъ! Полно ради Бога! Вотъ уже въ четвертый разъ, какъ я слышу отъ тебя все одну и ту же пѣсню! И въ какую пору.... помилосердуйте!

Анна.

Это не бѣда. Для меня всѣ времена года равны.

Косме.

Такъ для меня не равны. Могу ли я жить круглый годъ врозь съ тобою? Да что тутъ, развѣ я забылъ весну? Одни съ племянникомъ, мы здѣсь не знали, что дѣлать, въ этомъ домишкѣ, который мнѣ кажется огромнымъ, когда тебя нѣтъ. Тогда прощай миръ и счастіе! Ты, кажется, все увозишь съ собою.

Анна *(съ нѣжностію)*.

Ну, хорошо, поѣзжай и ты со мною.

Digitized by Google

Космв.

Съ тобою? Само собой разумѣется, что поѣхалъ бы, если бъ было возможно. Но на кого же я оставлю и торговлю, и домъ? О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не могу отлучиться отъ дому, а поработавши цѣлый день, я чувствую необходимость видѣть тебя подлѣ себя, поговорить съ тобою.... это меня развлекаетъ, веселитъ; однимъ словомъ, ты для меня необходима, не могу жить безъ тебя, это невозможно!

Анна.

А не смотря на то, если ты любишь меня, долженъ согласиться на то, о чемъ я тебя прошу: я слишкомъ здѣсь страдаю.

Космв.

Если бы это нужно было для твоего здоровья, я бы не поколебался; но доктора справедливо сказали, что это тебѣ не нужно.

Анна.

Ничего, позволь мнѣ ѣхать.

Космв.

Но какой дьяволъ толкаетъ тебя отсюда? Что тебя вынуждаетъ?

Анна.

Необходимость.

Космв.

Какая? посмотримъ.

Анна.

Безцѣнный супругъ, ты недовольно имѣешь довѣрія къ своей женѣ, если....

Космв.

Довѣріе? безграничное.

Анна.

Въ такомъ случаѣ не спрашивай меня, довѣрься мнѣ, и позволь мнѣ ѣхать.

Digitized by Google

Космъ.

Нѣтъ, божусь, что нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ! Чортъ меня возьми, если я понимаю такое упрямство. Тутъ что-нибудь не даромъ. О! я это узнаю, я хочу это знать, я требую.

Анна.

Невозможно.

Космъ.

Значитъ, есть что-нибудь? и я не узнаю? Хорошо же, я ни на что не соглашаюсь; ты будешь при мнѣ неотлучно.

Анна *(съ большимъ безпокойствомъ).*

Боже мой! Не остается никакого средства, какое бы я знала!...

Космъ.

Что ты говоришь?

Анна.

То, что послушная тебѣ и своему долгу, я очень была увѣрена, что не было въ мірѣ вещи, противной этому долгу, которая могла бы произвести на меня впечатлѣніе. Я ошибалась. Бываютъ ощущенія, которыя не зависятъ ни отъ нашего сердца, ни отъ нашего произвола, и которыя раждаются въ насъ противъ нашей воли, отъ которыхъ нѣтъ защиты, потому что когда женщина начинаетъ страшиться ихъ, они глубже укореняются въ ней.

Космъ.

Какъ!...

Анна.

Но это не значитъ, чтобы ты имѣлъ причину бояться, что это сердце перестало когда-либо принадлежать тебѣ: оно твое по долгу, по чувству благодарности.... и, благодарю Бога, я стою тебя, ничто не заставляетъ меня краснѣть передъ тобою; но я опасаюсь, что, можетъ быть, не всегда могу сказать тебѣ тоже въ послѣдствіи. Ты мой лучшій другъ, мой вожатый, мой защитникъ, позволь мнѣ освободиться отъ опасеній, можетъ быть и неосновательныхъ, и возстановить въ себѣ сознаніе долга и любовь, какую я къ тебѣ питаю.

Digitized by Google

Косме.

Боже милосердый! Что я узналъ! Такъ ты любишь другаго?

Анна *(потупивъ глаза).*

Нѣтъ, нѣтъ; но боюсь... Ты не знаешь... не узнаешь о томъ никогда. (*Съ живостію*). И чтобы болѣе обезпечить ихъ, это сознаніе и любовь, я хочу бѣжать.

Косме.

А этотъ человѣкъ кто такой?... Кто?

Анна.

На что тебѣ это знать?

Косме.

И почему ты его любишь?

Анна.

Я не сказала этого.

Косме.

Но я знаю, я думаю (*внѣ себя*), я увѣренъ! Надо было воспрепятствовать тому, никогда не дозволять себѣ этого, владѣть собою, побѣждать себя! Всякій и всегда есть господинъ самого себя.

Анна.

То ли ты въ эту минуту?

Косме.

Вотъ еще! Это другое дѣло. То, что я чувствую, не любовь, это гнѣвъ, это ярость противъ тебя, противъ всего свѣта.

Анна.

А между тѣмъ, что же могла я сдѣлать лучше этого? или я дурно поступила, что довѣрилась тебѣ? Прибѣгла къ своему мужу, умоляя его защитить меня?

Косме.

Нѣтъ, не то совсѣмъ, нѣтъ! Ты хорошо поступила, очень хорошо. Напротивъ, я теряю разсудокъ... Хотя никогда не дѣлывалось такого признанія мужу, я вѣрю тебѣ: ты добро-

Digitized by Google

дѣтельная женщина, я уважаю, я чту тебя; одного его ненавижу. Какъ его зовутъ? кто онъ? Назови его, скажи его имя. О! я увѣренъ, что знаю его, что презираю его, что я всегда гнушался имъ, и если онъ попадется мнѣ на встрѣчу...

ЯВЛЕНІЕ XI

Тѣ же, Родригесъ.

Родригесъ.

Господинъ Виконтъ де-Миральта.

Анна.

Виконтъ! Ахъ, Боже мой! Онъ пріѣхалъ за отвѣтомъ!

Косме.

Мы объ этомъ и думаемъ! Проси.

Анна.

Что ты дѣлаешь? Неучтивость.. невозможно; но какъ принять его теперь, чѣмъ извиниться? покамѣстъ надо просить его подождать въ залѣ. (*Родригесу*) Скажи, что я выйду, что занята..., что одѣваюсь.

Родригесъ.

Очень хорошо, сударыня. (*Уходитъ*).

Косме.

Сколько учтивостей для Виконта! (А! какая мысль. Если онъ... на водахъ... это онъ, да, я увѣренъ, увѣренъ!)

Анна.

Что съ тобой?

Косме.

Ничего, совершенно ничего; оставь меня, выйди, сюда. (*Донья Анна хочетъ уйдти въ наружную дверь, донъ Косме показываетъ ей направо*). Нѣтъ, сюда, къ себѣ въ спальню.

Анна.

Но что же это значитъ?

Digitized by Google

Косме *(едва удерживаясь отъ гнѣва).*

Хочу, чтобы вы оставили меня одного; я требую этого, я приказываю.

Анна.

Ахъ! ты приводишь меня въ трепетъ. Повинуюсь, повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Донъ Косме.

Да, да: это онъ, долженъ быть онъ, я это узнаю: я осрамлю его передъ цѣлымъ свѣтомъ, если это точно правда. Я допрошу его, зачѣмъ онъ любитъ мою жену, зачѣмъ онъ любимъ ею взаимно. О! не боюсь толковъ, мнѣ все равно, мнѣ нуженъ соблазнъ; и если онъ оскорбится, я убью его, или онъ пусть убьетъ меня! Онъ въ моемъ домѣ, онъ здѣсь, дожидается жены моей. Не она пріиметъ его посѣщеніе, а я, я! (*Хочетъ идти, и встрѣчается съ Карлосомъ*). Племянникъ!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Карлосъ, донъ Косме.

Косме.

Господи!...

Карлосъ.

Что съ вами?

Косме.

О! какъ мнѣ хотѣлось видѣть и обнять тебя! Прощай, братъ, прощай!

Карлосъ.

Куда вы собрались?

Косме.

На дѣло мщенія!

Карлосъ.

Кому? за что?... Ради Бога, воздержитесь, не дѣлайте шуму, нейдите на посмѣяніе! Кто васъ оскорбилъ? говорите.

Digitized by Google

Косме.

Ахъ! я очень желалъ бы, но не могу.... не смѣю... Да, да. У кого просить совѣта? Кому повѣрить свои страданія, если не моему лучшему другу?

Карлосъ.

Страданія? Кто вамъ причинилъ ихъ?

Косме.

Кто же больше, какъ не то существо, которое я люблю всего болѣе въ мірѣ?—Жена моя. Ты знаешь, какъ ее я люблю!.. и что же?... въ этомъ супружествѣ, въ этой искренности никогда, ни одной минуты не наслаждался я полнымъ блаженствомъ... никогда не могъ смотрѣть на нее, какъ на ровную себѣ. Не знаю, что за чувство почтенія и сознанія ея превосходства надо мною отдаляетъ меня отъ нея, и внушаетъ... не смѣю любить ее... и къ довершенію моего несчастія, я самъ, не смотря на пріученіе себя нравиться ей, тысячу разъ замѣчалъ, что она несчастлива, что въ обществѣ ей бываетъ стыдно за своего мужа.

Карлосъ.

Что вы говорите?

Косме.

Да; это-то меня и приводитъ въ отчаяніе, что я самъ долженъ знать, что я ниже, что я не стою ея... За чѣмъ пожертвовали ею? Зачѣмъ ее продали мнѣ? Я-бы нашелъ между равными себѣ подругу, одинаково со мною воспитанную, женщину одного со мною сословія, которая никогда бы не пренебрегла мною.

Карлосъ.

Что за мысль!

Косме.

Которая уважала и почитала бы меня и даже любила бы.

Карлосъ.

Что же вы можете требовать отъ той, которую вы избрали? Можете ли вы сомнѣваться въ ея любви?

Digitized by Google

Космѣ.

Да, Карлосъ, сомнѣваюсь; отнынѣ сомнѣваюсь; могло ли быть иначе? Какъ посмотрю хорошенько самъ на себя, то отдаю себѣ справедливость. Въ этомъ обществѣ, которое ее окружаетъ, у всѣхъ другое воспитаніе, другіе таланты, все другое... Развѣ я не знаю: развѣ не всѣ молодые люди любезнѣе меня? Еще бы!

Карлосъ.

Можете ли вы предполагать, чтобы ваша супруга... чтобы самая добродѣтель была способна обманывать васъ?

Космѣ.

Обманывать! Я не то хочу сказать; я жалуюсь на ея откровенность. Зачѣмъ она имѣла ко мнѣ столько довѣрія, или зачѣмъ ужъ не имѣла его вполнѣ? Да, потому что она, сама она, а не другой кто, призналась... здѣсь, вотъ сейчасъ.... что предпочитаетъ мнѣ, что любитъ—другаго!

Карлосъ (*внѣ себя*).

Что я слышу! Боже! И вы перенесли это! И теперь переносите?

Космѣ.

Карлосъ, ты самъ недавно совѣтовалъ мнѣ воздержаться...

Карлосъ.

Но я тотъ именно, кому должно наказать за подобное оскорбленіе.

Космѣ (*удерживая его*).

Карлосъ, другъ мой!

Карлосъ.

Позвольте, я взбѣшенъ ужасно!

Космѣ.

Ты не выйдешь отсюда... Я требую, я приказываю!

Карлосъ.

Безполезно... Его имя, ничего болѣе... его имя?

Космѣ.

Этого-то именно я и не знаю... она не хотѣла мнѣ сказать. Но я подозрѣваю, что Виконтъ.

Digitized by Google

Карлосъ.

Виконтъ!

Косме.

За этимъ-то я и хотѣлъ выйдти, когда ты вошелъ: выѣдать у него, заставить его самого признаться!

Карлосъ.

Что вы говорите? Вы хотѣли ославить свою жену? Съ другой стороны, это—заблужденіе: у Виконта другіе виды, по крайней мѣрѣ, я такъ думаю... но со стороны тетушки какія причины имѣете вы подозрѣвать?

Косме.

Выслушай... Есть человѣкъ, котораго она боится, котораго хочетъ бѣжать... Еще до этого она не однажды говаривала мнѣ о путешествіи... но такъ, издалека, не настаивала; а сегодня упорствовала.... упрашивала меня... говоритъ, сейчасъ же! Ясно, что сегодня, то есть нынче утромъ, вотъ недавно, встрѣча съ кѣмъ-то пробудила эти ощущенія въ ея сердцѣ и вынудила у нея подобное признаніе.

Карлосъ.

Боже мой!

Косме.

Ты знаешь, можетъ быть?

Карлосъ.

Нѣтъ, ничего ровно.

Косме.

Ну, такъ я узнаю... необходимо, чтобъ онъ сказалъ мнѣ.... иначе, горе ему! Онъ еще не знаетъ меня.

Карлосъ.

Ради Бога, успокойтесь!

Косме.

Твоя правда: эдакъ можно все испортить: знаю, что я не сдѣлаю ничего другаго, кромѣ глупости. Но ты, котораго мы считаемъ нашимъ другомъ, можетъ быть, ты лучше владѣешь собою, болѣе имѣешь ума... Нужно, чтобы ты поговорилъ съ нею.

Digitized by Google

Карлосъ.

Я!....

Косме.

Для собственной своей пользы пусть она скажетъ мнѣ; если она согласится, нѣтъ ничего, чего бы я не могъ для нея сдѣлать; но если будетъ упорствовать, урезонь ее, что наше супружеское согласіе, наша будущность, наше счастіе— все отъ этого зависитъ. Наконецъ, Карлосъ, я полагаюсь на тебя, устрой все это какъ только можно лучше... ты обѣщаешь это мнѣ?... Да?... Прощай, Карлосъ, прощай. (*Уходитъ налѣво*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Карлосъ.

Не могу самъ себѣ объяснить, что со мною дѣлается! Но, вопреки моему желанію, въ душѣ моей мелькнула мысль, которая способна сдѣлать меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ или несчастнѣйшимъ. Нѣтъ, нѣтъ, невозможно!.... не хочу и думать объ этомъ! Сдѣлаться преступникомъ? Никогда; я самъ покаралъ бы себя! Самый избытокъ моего блаженства убилъ бы меня! (*Хочетъ удалиться, и въ то же время входитъ донья Анна*). Вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ XV.

Донья Анна, Карлосъ.

Анна.

Я умираю отъ нетерпѣнія.... мой мужъ.... мнѣ необходимо его видѣть! Боже!.... Карлосъ! (*Опускается на кресло*). Боже мой!

Карлосъ.

Сеньора, что съ вами?

Анна.

Ничего... не хочу ничего.... хочу остаться одна.

Карлосъ.

Какъ могу я оставить васъ въ этомъ состояніи?

Digitized by Google

Анна.

Я ничего. (*Стараясь улыбнуться*). Я только что имѣла разговоръ съ твоимъ дядей, и справедливость, конечно, осталась на его сторонѣ.

Карлосъ.

Я не вѣрю....

Анна (*съ удивленіемъ*).

Кто тебѣ сказалъ?

Карлосъ.

Онъ самъ, потому что сейчасъ только открылъ мнѣ причину своихъ мученій.

Анна.

Тебѣ?.... Боже милосердый! (*Опомнясь и стараясь оправиться*). Надѣюсь, Карлосъ, что зная, подобно мнѣ, характеръ своего дяди и его предубѣжденія, ты не дашь вѣры подозрѣніямъ, ложность которыхъ онъ самъ скоро узнаетъ?

Карлосъ.

Сударыня, я вѣрю одному, что вы заслуживаете уваженіе цѣлаго свѣта, и что вы — сама добродѣтель.

Анна.

Ахъ! Я вовсе не заслуживаю этихъ похвалъ.

Карлосъ.

Заслуживаете еще болѣе.

Анна.

Почему ты знаешь?

Карлосъ.

Все доказываетъ это.... все подтверждаетъ.... и я, съ своей стороны, теперь совершенно другой, нежели былъ еще сегодня утромъ; попробую скоро — не сравняться съ вами, это было бы невозможно.... по крайней мѣрѣ подражать вамъ, и издали слѣдовать по стопамъ вашимъ.

Анна.

Что это значитъ?

Digitized by Google

Карлосъ.

Что теперь я могу умереть, что я исчерпалъ въ одну минуту все блаженство, какое могъ испытать на землѣ.... мнѣ нечего болѣе желать, нечему завидовать. Скажите только мнѣ, что мое сердце разгадано вашимъ.

Анна *(съ ужасомъ вставая).*

А! Моя тайна будетъ обнаружена!

Карлосъ.

Нѣтъ.... эта тайна вся принадлежитъ вамъ. Вы ничего не сказали, я ничего не знаю.... я могъ ошибаться, такъ какъ ваши уста ни разсѣяли, ни подтвердили моихъ догадокъ; но, каковъ бы ни былъ вашъ приговоръ, я все забуду, клянусь вамъ, все!.... кромѣ чести и благодарности.

Анна.

Хорошо, докажи мнѣ это.

Карлосъ.

Готовый повиноваться вашимъ приказаніямъ, я ожидаю ихъ.

Анна.

Ты сегодня утромъ говорилъ мнѣ: «если бы я былъ любимъ, я бѣжалъ бы на край свѣта».

Карлосъ.

Правда, я говорилъ это.

Анна.

Удалитесь.

Карлосъ *(бросаясь къ ней).*

А! Что послышалось мнѣ?

Анна.

Ни одного слова болѣе! Я знаю свои обязанности, ты свои. Каковы бы ни были мои требованія, ты обѣщалъ имъ повиноваться, и, если ты способенъ колебаться, хотя одно мгновеніе, ты можешь сдѣлаться для меня предметомъ ужаса.

Карлосъ.

Повинуюсь. Нѣтъ жертвы, на которую я не чувствовалъ бы себя способнымъ. Я обладаю счастіемъ, достаточнымъ на всю мою жизнь. Дядюшка....

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же, донъ Косма и потомъ Виконтъ и Изабель.

Косме *(Карлосу)*.

Говорилъ ты съ ней? Склонилъ ее не имѣть отъ меня секретовъ?

Анна.

Да, я рѣшилась: ты все будешь знать.

Косме.

Ахъ! милый Карлосъ, какъ я тебѣ благодаренъ! Въ награду за это, я обѣщаю тебѣ все, чего ни потребуешь; говори, предписывай условія. Только я узнаю его имя, соглашусь на все.

Анна.

Прекрасно! Твои подозрѣнія падали на Виконта.

Косме.

Конечно.... и теперь.

Анна.

Тише, вотъ онъ самъ. (*Входитъ Виконтъ, ведя Изабель подъ руку*). Чтобы увѣрить тебя, до какой степени ты заблуждался, и чтобы совершенно истребить въ тебѣ подобныя мысли, я, въ началѣ всего, требую, чтобы ты согласился на его бракъ съ Изабелью, которую онъ любитъ, и которою любимъ взаимно.

Косме.

Мнѣ? согласиться?

Анна.

Вотъ уже начинаешь измѣнять своему слову.

Косме.

Нѣтъ; но это дѣло моего племянника, для котораго я ее прочилъ, и который, я думаю, никогда не потерпитъ... (*Виконтъ смотритъ на Карлоса, который беретъ его за руку, и успокоиваетъ*).

Анна.

Карлосъ уже объявилъ мнѣ свое согласіе. Спроси его самъ, если не вѣришь.

Digitized by Google

Косме.

Можетъ ли это быть?

Карлосъ.

Да, любезный дядюшка. (*Тихо Виконту*) Не говорилъ ли я тебѣ?

Виконтъ *(Карлосу)*.

Любезный другъ!

Изабель.

Карлосъ!....

Косме *(Карлосу)*.

И ты тоже?.... потому только, что я обѣщалъ.... и такимъ образомъ во зло употреблено мое слово!

Карлосъ.

Чтобы составить счастіе двоихъ влюбленныхъ.

Косме.

Въ часъ добрый, пусть будутъ счастливы, если могутъ? Оставляя себѣ племянника, я утѣшусь. (*Донью Анну*) Все ли!

Анна.

Нѣтъ еще, Изабель не есть единственное существо, о которомъ я хочу тебѣ говорить: я хочу просить за Карлоса.

Косме.

А почему онъ не говоритъ самъ?

Анна.

Не осмѣливается, и потому прибѣгнулъ ко мнѣ.

Косме *(съ изумленіемъ)*.

Не осмѣливается? Что за чертовщина!

Анна.

Очень натурально, что въ его лѣта ищутъ способовъ къ образованію себя, хотятъ видѣть свѣтъ: онъ давно уже задумалъ путешествовать.

Косме *(съ гнѣвомъ)*.

Какъ! Еще путешествія? Что это значитъ?

Digitized by Google

Анна.

Это-то и останавливало его, боязнь раздражить тебя; не смотря на то, эта тайна дѣлаетъ его несчастнымъ, и если ты любишь его, то не будешь долѣе отвергать его и моихъ просьбъ.

Карлосъ.

Да, дядюшка, это правда, и ежели вы откажете мнѣ въ этой милости....

Косме.

Ты рѣшишься уѣхать вопреки моему желанію? (*Въ полголоса*) Какъ, Карлосъ? ты хочешь покинуть меня? И тебѣ могла прійдти въ голову подобная мысль? Чортъ побери! Что же со мною будетъ! (*Смотря на дону Анну*) Кому я повѣрю свои страданія? Что означаетъ эта страсть къ путешествіямъ? это неодолимое желаніе обозрѣвать страны свѣта? Найдешь ли ты другую страну, гдѣ тебя будутъ любить болѣе, нежели здѣсь? Ужели мы съ теткою не умѣемъ сдѣлать тебя счастливымъ? Чего добраго! Мы усилимъ нашу любовь: въ награду за то, объ одномъ прошу тебя, Карлосъ: останься при мнѣ, сынъ мой! останься.

Карлосъ.

Ахъ, любезнѣйшій дядюшка!

Косме.

Уступи, смягчись! (*Виконту и Изабели*) Друзья мои, помогите мнѣ! (*Донѣ Аннѣ*) И ты тоже: ты здѣсь, и не говоришь ничего; точно какъ ты желаешь, находишь свою пользу въ томъ, чтобы онъ уѣхалъ!

Карлосъ.

Не настаивайте, дядюшка. Чѣмъ болѣе вы оказываете мнѣ ласки, тѣмъ я болѣе укрѣпляюсь въ своемъ намѣреніи.

Косме.

Что онъ это говоритъ?

Карлосъ.

Я не имѣю другаго способа отплатить за ваши благодѣянія: это путешествіе не будетъ для васъ безполезнымъ.

Digitized by Google

Вмѣсто вашего повѣреннаго, вмѣсто кассира Георгія, который никогда не можетъ болѣе меня стремиться къ вашимъ пользамъ, я буду стараться привести дѣла ваши въ цвѣтущее состояніе. Я поѣду вмѣсто его.

Космѣ, Анна и Изабель.

О Боже!

Космѣ.

Ты хочешь ѣхать въ Гаванну!

Карлосъ.

Да, милостивый государь.

Космѣ.

А опасности? А перемѣна климата? Если ты сдѣлаешься боленъ?

Карлосъ.

Что нужды! (*Съ восторгомъ*) Я любимъ!

Космѣ.

А если ты и минуешь всѣхъ опасностей, но по возвращеніи черезъ нѣсколько лѣтъ, — если докторъ говорилъ правду, — уже не найдешь меня?

Карлосъ.

Что говорите вы!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Родригесъ.

Родригесъ (*Дону Космѣ*).

Сеньоръ, донъ Георгій прислалъ меня сказать вамъ, не имѣете ли вы еще чего-нибудь приказать ему. Мѣсто въ почтовомъ экипажѣ нанято, и уже скоро поѣдутъ.

Карлосъ (*Родригесу*).

А гдѣ Георгій?

Родригесъ.

Тамъ у крыльца съ женою; она плачетъ въ отчаяніи.

Digitized by Google

Карлосъ *(про себя)*.

Содѣлаю однимъ счастливцемъ болѣе. (*Къ Родригесу*) Скажи ему, чтобы онъ оставался.... Я ѣду вмѣсто его. Да уже и пора. Съ этимъ же билетомъ пойду перемѣню паспортъ, и пускай прицлютъ въ Кадиксъ мою поклажу.

Родригесъ.

Вы, сеньоръ?...,

Карлосъ.

Иди поскорѣе. (*Родригесъ уходитъ*).

Косме.

Значитъ, ужъ нѣтъ никакого средства удержать тебя?

Карлосъ.

Прощайте.... (*Пожимаетъ руку поочередно каждому*). Здѣсь остается все, что меня занимаетъ, что мнѣ дорого.

Анна.

Карлосъ, ты благородный человѣкъ!

Косме.

Чортъ возьми! Кто же въ этомъ сомнѣвается! (*Смотритъ на донью Анну, которая отвернулась*). А! и она плачетъ Слава Богу! А я думалъ, что она равнодушна къ его отъѣзду, ни одной слезы не уронитъ.

Карлосъ *(Дону Косме)*.

Прощайте, дядюшка, отецъ мой!

Косме.

Ахъ! неблагодарный! (*Обращается къ Изабели и Виконту, между тѣмъ какъ Карлосъ походитъ къ донью Аннѣ*).

Карлосъ *(Донья Анна)*.

Исполнилъ ли я свой долгъ?

Анна.

Да. (*Донъ Косме опускается въ кресла, удрученный горестію, а Виконтъ и Изабель стараются его утѣшить*).

Digitized by Google

Карлосъ.

Я вамъ обязанъ этимъ (*восторженно*) и уѣзжаю счастливый, безъ раскаянія. (*Донья Анна протягиваетъ ему руку*).

Карлосъ *(схватывъ ея платокъ)*.

А! онъ орошенъ слезами! Я никогда не разстанусь съ нимъ; согласны вы? (*Донья Анна оставляетъ ему платокъ. Карлосъ, спрятавъ его на груди своей, бѣжитъ въ углубленіе сцены*). Прощайте, не забудьте обо мнѣ, и будьте счастливы! (*Уходитъ, а за нимъ Изабель и Виконтъ*).

Косме *(протягиваетъ руку вслѣдъ ему)*.

Карлосъ! Сынъ мой! Уѣхалъ! (*Остается одинъ съ доньею Анною. Послѣ краткаго молчанія встаетъ и подходитъ къ ней*). Ты этого желала, и я повиновался тебѣ во всемъ, согласился на свадьбу Изабели; этого мало — на этотъ отъѣздъ. Теперь твоя очередь; требую, чтобы ты сдержала свое слово: какъ зовутъ его? (*съ едва удерживаемою яростію*), кто этотъ человѣкъ? (*Слышится шумъ отъѣзжающаго экипажа. Этотъ шумъ бросаетъ въ дрожь дона Косме, который хватаетъ себя за грудь*). Говори же, какъ его зовутъ? гдѣ онъ?

Анна *(простирая руки въ ту сторону, откуда слышался стукъ удаляющагося экипажа)*.

Онъ.... уже уѣхалъ!

(*Донъ Косме испускаетъ крикъ и схватываетъ себя за голову обѣими руками*).

Съ Испанскаго *С. Костарева*.

Digitized by Google

МОДЫ.

— Въ настоящее время мы не можемъ сказать многаго о весенних нарядахъ, хотя время уже подумать о нихъ. Вотъ нѣсколько образцевъ, видѣнныхъ нами на вчерашнемъ *soirée musicale*.

— Платье бѣлое муаровое, отдѣланное спереди, въ видѣ фартучка, бантами бѣлыхъ атласныхъ лентъ, изъ-подъ которыхъ упадаютъ длинныя кисти бѣлыхъ бусъ; лифъ открытый, съ мысомъ и бертой въ видѣ шали, обшитой кругомъ гирляндой небольшихъ петелекъ изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ; шаль соединяется спереди тремя перетяжками изъ бѣлыхъ атласныхъ лентъ, образующими посрединѣ три банта, изъ-подъ которыхъ упадаютъ кисти бѣлыхъ бусъ, не много мельче тѣхъ, которыми отдѣлана юбка. На головѣ живыя камеліи и бѣлый вересъ.

— Платье бѣлое тюлевое, съ семью небольшими оборками, обшитыми пунцовымъ снуркомъ, въ четыре ряда; лифъ открытый, съ бертой-шалью, обшитой снурочкомъ и съ бантиками изъ бѣлыхъ лентъ и бриллiантовъ. — На головѣ пунцовые цвѣты, перемѣшанные съ золотыми кольцами и золотыми фруктами.

— Платье изъ одноцвѣтной розовой тафты съ такими же высѣченными оборками. Въ волосахъ розовые цвѣты.

— Въ концертахъ мы часто встрѣчали платья изъ тафты-шине — предвѣстники лѣта, потому что, по всѣмъ вѣроятіямъ, эти платья и платья изъ тафты, затканной цвѣтами, будутъ въ большомъ употребленіи.

— Вотъ еще очень замѣчательный нарядъ одной дѣвицы, который произвелъ большой эффектъ на *soirée musicale*: платье бѣлое изъ тафты-глясе, въ двѣ юбки, изъ коихъ первая, т. е. нижняя, была обшита семью, а вторая пятью рядами рюша изъ той же матеріи, высѣченнаго съ обѣихъ сторонъ. Верхняя юбка приподнята большими бантами бѣлыхъ лентъ. На головѣ гирлянда маленькихъ бѣлыхъ цвѣточковъ, перемѣшанныхъ съ концами бѣлыхъ же лентъ.

Digitized by Google

— Очень красивъ былъ также нарядъ одной молодой дамы, прехорошенькой брюнетки: — платье изъ бѣлой Дамасской матеріи въ двѣ юбки, нижняя гладкая, а верхняя тюникой, разрѣзанная на бокахъ; разрѣзы соединялись небольшими букетами пунцовой эрани, цвѣты которой были перемѣшаны съ кистями бѣлыхъ бусъ; лифъ, съ открытымъ воротомъ, мысомъ и бертой-шалью, обшитой бѣлыми лентами, былъ украшенъ большимъ букетомъ пунцовой эрани и бѣлыхъ бусъ. Куафюръ изъ эрани и кистей бѣлыхъ бусъ, низко упадающихъ на шею.

— Этотъ нарядъ, произведеніе одной изъ лучшихъ нашихъ модистокъ, которая въ настоящее время готовитъ намъ шляпки, за успѣхъ которыхъ ручается ея вкусъ. Въ ея магазинѣ выставлены уже премиленькіе капоты изъ тафты-глясе, отдѣланные рюшемъ изъ той же матеріи, и шляпки изъ пу-де-суа яркихъ цвѣтовъ, накрытыя тюлевыми буфами, что нѣсколько смягчаетъ ихъ рѣзкій цвѣтъ и придаетъ имъ необыкновенную свѣжесть.

Описаніе картинки.

— Капотъ изъ шелковой матеріи, отдѣланный лентами; рукава и шемизетка кружевные; чепчикъ кружевной, отдѣланный лентами. Платье бархатное; кофточка атласная; шляпа гро-де-наплевая, отдѣланная перьями и кружевомъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

съ иллюстраціями. Издан. Редакц. Современника. Спб. 1849 года; цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 3 р. сер.

Тутъ же поступили въ продажу для подарка къ празднику дѣтямъ слѣдующія книги:

ГОСТИНЕЦЪ ИЛИ ДѢТСКІЙ АЛЬМАНАХЪ,

составл. изъ разныхъ повѣстей въ стихахъ и прозѣ. Москва 1850 г.; цѣна 75 к., съ перес. 1 р. сер.

СЮРПРИЗЪ.

Альманахъ для дѣтей. Составлен. *К. Оболенскимъ*. Спб. 1851 года; цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. сер.

СЫНЪ РЫБАКА

Михаилъ Васильевичъ *Ломоносовъ*, повѣсть для дѣтей, соч. *П. Фурмана*, съ 10-ю литограф. и отпечатан. въ два тона картинками, издан. 3-е. Спб. 1851 года; цѣна 75 коп., съ перес. 1 р. сер.

БАСНИ

Константина *Масальскаго*, съ четырнадцатью лучшими картинками. Спб. 1851 года; цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к. сер.

БАСНИ

И. А. *Крылова* въ 9-ти книгахъ съ раскрашенными картинками. Второе *полное* изданіе. Спб. 1849 года; цѣна въ лучшей папкѣ 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. сер.

LIBRAIRIE DE W. GAUTIER.

Libraire-Commissionnaire du 1er Corps des Cadets de Moscou, au pont des Maréchaux, maison Torletzky.

EN VENTE:

СКАЗАНІЕ О ЖИЗНИ И ЧУДЕСАХЪ Преподобнаго Макарія, Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца, составлено профессоромъ Іеромонахомъ Макаріемъ. Въ двухъ частяхъ. Москва 1851 года. 1 р. сер.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЖИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ, въ эпоху ея распаденія — историческое разсужденіе. Ивана Бабста. Москва 1851 года. 1 часть, 1 р. 50 к. сер.

КАБИНЕТНАЯ ПАМЯТНАЯ КНИЖКА. Москва. 1851 года. Цѣна 70 коп. сереб., съ пер. 85 к. сереб.

MANUEL DE L'ART DES ACCOUCHEMENTS, précédé d'une description abrégée, des fonctions et des organes du corps humain, à l'usage des Elèves Sages-Femmes, par C. A. Maunoury et P. A. Salmon. Paris 1850. 1 vme in 8^0^. 3 roub. arg^t^.

ANTHROPOLOGIE, ou étude des organes, fonctions, maladies de l'homme et de la femme, comprenant l'anatomie, la physiologie, l'hygiène, la pathologie et la thérapeutique, par Antoine Bossu. 3me édit^on^ avec atlas de 20 planches d'anatomie. Paris 1849. 2 v^mes^ in 8^0^. 6 roub. arg^t^.

DE L'AMÉLIORATION DU SORT DE L'HOMME ALIÉNÉ, par Eug. J. Woillez. — Paris 1849. 1 vme in 8^0^. 1—25 roub. arg^t^.

HISTOIRE NATURELLE DES DROGUES SIMPLES ou cours d'histoire naturelle, professé à l'école de pharmacie de Paris, par N. J. B. G. Guibourt 4me éd^on^ avec 600 figures, Paris 1849. 3 v^mes^ in 8^0^. 12 roub. arg^t^.

MÉMOIRE CONTRE LE CHOLÉRA D'ASIE, la peste d'Orient et les fléaux dits contagieux, ou diversement transmissibles, par Delagrange. Paris 1850. 1 vme in 8^0^. 2—50 r. arg^t^.

TRAITÉ DES MALADIES DU CUIR CHEVELU, suivi des conseils hygièniques, sur les soins à donner à la chevelure, par P. L. Alphée Cazenave, avec 8 planches. Paris 1850. 1 vme in 8^0^. 3 r. argt.

PRÉCIS DE MÉDECINE RATIONNELLE et de thérapeutique endermique et spécifique, par M. T. Drouot. Paris 1850. 1 vme in 8^0^. 2—50 roub. argt.

Digitized by Google

П-1958
1851-4

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

М. А. Дмитріева: Деревенскія элегіи..... 315
Графини Е. П. Ростопчиной: Неаполь... 320
Еще о Неаполѣ..... 321
Я. П. Полонскаго: Дубокъ..... 325
А. Ѳ. Писемскаго: Сергѣй Петровичъ Хозаровъ и Мари Ступицына, бракъ по страсти. Повѣсть *(Окончаніе)*..... 327

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Галлерея Польскихъ писателей. Будникъ, повѣсть Крашевскаго..... 366
Тюфякъ, повѣсть А. Писемскаго..... 374
Литературные вечера..... 382
Сотрудники, пословица, Гр. Соллогуба. 385
Богданъ Холмогорецъ, поэма М. Жуазеля. 387
Русскій солдатъ, А. Аѳанасьева..... 390
Сынъ рыбака Ломоносовъ, повѣсть П. Фурмана..... 393
Разсказы изъ Русской Исторіи, В. Строева. 394
Ваза, альбомъ шитья..... —
Прогулка по Пассажу, П. Татаринова... 395
Тайны женскаго туалета..... 397
Совѣты молодымъ дамамъ и дѣвицамъ. —
Восточный планетный оракулъ..... 398
Карта желѣзной дороги..... —
Московскій Адресъ-Календарь..... 399
Обозрѣніе Русскихъ журналовъ. Библіотека для Чтенія. Январь 1851..... 404
Современникъ. Мартъ. 1851..... 414

—

Путешествіе по Востоку доктора Грэна. 424
Несторіане (изъ Путешествія д. Грэна).. 435

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ:

Московскія.

М. П. Погодина: Альбомъ Олеарія; Письмо изъ Пекина въ Москву; Литературный вечеръ; Диспутъ г. Бабста; Статья проф. Кудрявцева о лекціяхъ проф. Соловьева; «Пропилеи»; Лекція г. Грановскаго о Баконѣ; Обѣдъ въ честь Айвазовскаго и Іордана; Пріобрѣтенія для древлехранилища; Нѣсколько словъ о Московскихъ вѣдомостяхъ..... 193

Стран.

Внутреннія.

Изъ *Курска* (Чудесный случай спасенія отъ явной смерти..... 214
— *Иркутска* (Способы мѣстнаго продовольствія)..... —
— *Херсона* (Новая набережная).. 216
— *Одессы* (Новый молъ; Вопросъ о Керченскихъ статуяхъ)..... 217
— *Тифлиса* (Мостъ чрезъ Куру)..... —
— *Ревеля* (Газовое освѣщеніе)..... 218
— *Кіева* (Описаніе округа; Литературная новость)..... —
— *Петербурга* (Художественная выставка; Отчетъ Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности; Концерты; Пассажъ; Италіянская опера; Общество застрахованія доходовъ и капиталовъ; Общество пароходства на Волгѣ)..... 219
— *Осташкова* (Театръ; Школа для дѣвочекъ-сиротъ)..... 223
— *Воронежа* (Балетъ и живыя картины). 224
— *Нижняго-Новагорода*, *Полтавы*, *Эривани* и *Самары* (Благотворительные спектакли и концерты)..... —

заграничныя.

Бостонское общество оріенталистовъ.... 225
Некрологъ: Вальтеръ; Эрстедъ; Лорды Стангонъ и Делиль-Дудлей; Миссъ Байльи..... 227
Историческая лекція Генерала Радовица.. 230

СМѢСЬ.

Сонъ по случаю одной комедіи. Драматическая фантазія, съ отвлеченными разсужденіями, патетическими мѣстами, хорами, танцами, торжествомъ добродѣтели, наказаніемъ порока, бенгальскимъ огнемъ и великолѣпнымъ спектаклемъ..... 231

—

Отъ [illegible] во время. Комедія Маріано де Ларра. Переводъ съ Испанскаго..... 257
Моды (съ Парижскою картинкою).

Печатать позволяется. Москва, 1 Апрѣля 1851 года. Цензоръ *Д. Ржевскій.*

Типографія В. Готье и Н. Степанова.

Digitized by Google

Moskvitianin

МОСКВИТЯНИНЪ.

Шкафъ
Полка
№

1851.

ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

№ 8.

АПРѢЛЬ. April

Second Book

КНИГА ВТОРАЯ.

Digitized by Google

Шкафъ .....
Полка .....
№ .....

ВЪ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ,

ПРИ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

МОСКВИТЯНИНЪ,

на Большой Дмитровкѣ, противъ Дворянскаго Клуба, въ домѣ Г-на Живаго,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

ПИСЬМА

съ Востока въ 1849 и 1850 годахъ, соч. автора Писемъ о Богослуженіи, и проч. *А. Н. Муравьева.* Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1851 года. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. сер.

ЖИЗНЬ СВ. АѲАНАСІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Александрійскаго. М. 1851. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. сер.

ПРАВОСЛАВІЕ, САМОДЕРЖАВІЕ И НАРОДНОСТЬ,

три незыблемыя основы Русскаго Царства. Соч. *Ф. Лялликова.* Одесса. 1851. Ц. съ пер. 1 р. сереб.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ДАГЕСТАНУ И ЗАКАВКАЗЬЮ.

Профессора *И. Н. Березина.* Съ картами, планами и видами замѣчательныхъ мѣстъ. Въ 3 ч. Изданіе второе, пополненное. Казань. 1850. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к. сер. (Тутъ же можно получать отдѣльно и 3-ю часть втораго изданія, служащую дополненіемъ къ двумъ первымъ.)

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ДОМОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ И ОБЫВАТЕЛЕЙ С. ПЕТЕРБУРГА.

Сост. *И. Дудинъ.* Спб. 1851. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. сер.

ГАЛЛЕРЕЯ ПОЛЬСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Будникъ. Повѣсть *Крашевскаго.* Кіевъ. 1851. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. сер.

МАЛОРУССКІЯ И ГАЛИЦКІЯ ЗАГАДКИ,

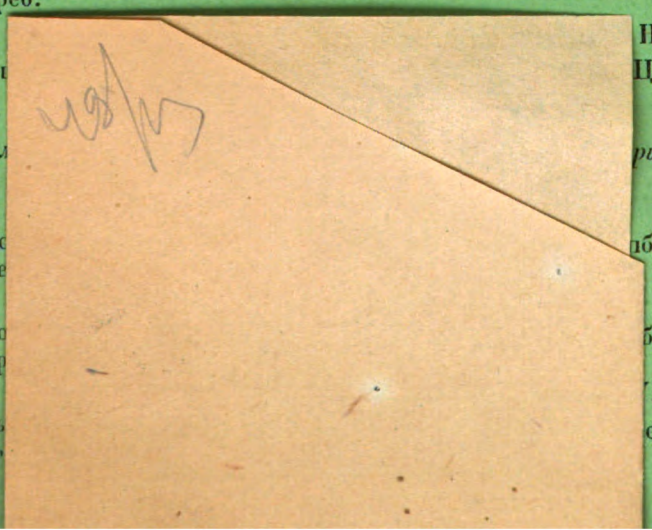
изд. *А. Сементовскимъ.* Кіевъ. 1851. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. сер.

РУЧНАЯ КОНСКАЯ КНИГА

для ветеринаровъ, кавалеристовъ, ремонтеровъ, коннозаводчиковъ, и пр. Сост. *И. Гепслеромъ.* Спб. 1851. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. сер.

СТРАШНАЯ НОЧЬ,

Комедія въ 1 д. въ стихахъ, соч. *А. Жемчужникова.* Спб. 1850. Ц. 60 к., съ пер. 1 р. сереб.



НАЖИВЕШЬСЯ.

Послови… Ц. 50 к., съ пер. 75 к. сер.

Оригинал… рьева. Спб. 1851. Ц. 50 к., съ пер.

Ориг. ко… пб. 1849. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. се…

Ориг. ко… б. 1849, Ц. 1 р. 75 к., съ пер 2 р…

…ЛЬ,

или новы… е и будущее, и проч. Съ 21 литограф…

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1851.

№ 8. Апрѣль. Кн. 2.

К, 38

МОНОМАХЪ.

(отрывокъ *.)

Мономахъ родился въ 1053 году, почти въ одно время съ лѣтописателемъ Несторомъ. Мать у него была Гречанка, дочь Императора Константина Мономаха; отецъ — четвертый сынъ Ярославовъ, Всеволодъ, отъ Норманской Королевны Ингигерды. Старый Князь Кіевскій успѣлъ за годъ до кончины принять и благословить внука-первенца, котораго Богъ далъ его любимому сыну, и назвать его именами своего отца, Володимера Святаго: Володимеръ-Василій.

Мономахъ — это самое примѣчательное, высокое лице въ нашей Древности: добрый страдалецъ за Русскую землю, по выраженію лѣтописи, любимецъ народа,—такъ что поздніе потомки, въ самомъ разгарѣ междоусобныхъ распрей, не рѣшались, изъ почтенія къ его памяти, поднимать руки на его внуковъ, — князь умный и дѣятельный, могучій витязь, съ

(*) См. прочіе отрывки: Святославъ, Володимеръ, въ 1846 году Москвитянина Ольга въ 1847, Святополкъ въ 1848, Андрей Боголюбскій, Василько въ 1849, Св. Ѳеодосій въ 1850, Мстиславъ Галицкій въ 1851 году.

Digitized by Google

сердцемъ добрымъ и жалостливымъ, украшенный всѣми семейными добродѣтелями, грамотѣй, — однимъ словомъ сокровище, красное солнышко Отечественной Исторіи, освѣщающее яркимъ своимъ блескомъ самой темной ея періодъ.

Рано взялъ онъ въ руки оружіе, рано началъ дѣйствовать, подобно всѣмъ своимъ сверстникамъ, подобно первому Святославу, который, едва сидя на конѣ, начиналъ уже сраженіе; подобно сынамъ Володимера Святаго, которые отроками еще разосланы были отъ отца по городамъ на княженіе, съ своими «кормильцами». Тринадцати лѣтъ, самъ Мономахъ разсказываетъ о себѣ дѣтямъ, началъ онъ «трудъ свой». Во всѣхъ походахъ и войнахъ того времени, съ своими и чужими, принималъ онъ живое участіе, и чѣмъ болѣе приходилъ въ возрастъ, тѣмъ нужнѣе становился, тѣмъ крѣпче помогалъ отцу, въ его Переяславской области, открытой болѣе всѣхъ для набѣговъ хищныхъ Половцевъ, равно какъ и въ его смутахъ съ братьями и племянниками: такъ что наконецъ сдѣлался совершенно правою его рукою, исполняя усердно всѣ его порученія, ходя взадъ и впередъ по его волостямъ, отгоняя его враговъ, помогая его друзьямъ, наказывая строптивыхъ подручниковъ, покоряя города, и отдавая ихъ, по его назначенію, приводя къ нему полонъ, собирая для него золото и имѣніе. Но всего лучше пусть разсказываетъ онъ самъ о первыхъ своихъ подвигахъ, и—изъ этого простаго разсказа мы увидимъ всего яснѣе тревожную жизнь его и жизнь его современниковъ:

«А вотъ я повѣдаю вамъ, дѣти мои, трудъ свой», говоритъ онъ своимъ сыновьямъ, «какъ я трудился пути дѣя и ловы съ тринадцати лѣтъ. Сперва ходилъ я въ Ростовъ, чрезъ Вятичи, —посылалъ меня отецъ, а самъ пошелъ въ Курскъ. Второй разъ ходилъ я въ Смоленскъ съ Ставкомъ Кордятичемъ, а онъ отправился въ Брестъ съ Изяславомъ. Изъ Смоленска ходилъ я въ Владимиръ. Тою же зимою послали меня братья въ Брестъ на головнѣ, гдѣ пожгли (?), и я соблюлъ городъ тихъ. Оттуда пошелъ я въ Переяславль къ отцу, а по великомъ днѣ изъ Переславля опять во Владимиръ творить миръ съ Лядами

Digitized by Google

на Сутѣйску, оттуда на лѣто еще въ Владимиръ. Потомъ послалъ меня Святославъ (*) въ Ляхи, я ходилъ за Глогавою (вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Олегомъ Святославичемъ) до Чешскаго лѣса (**), воевалъ въ землѣ ихъ четыре мѣсяца, и въ то лѣто родилося дитя у меня старшее, Новогородское (***). Оттуда пошелъ я въ Туровъ, на весну въ Переяславль, и опять въ Туровъ. Святославъ умеръ, я снова ходилъ въ Смоленскъ, а изъ Смоленска тоюжъ зимою въ Новгородъ, на весну въ Полоцкъ Глѣбу на помочь; лѣтомъ съ отцемъ подъ Полоцкъ, а на другую зиму съ Святополкомъ туда же. Мы ожгли Полоцкъ, и онъ отправился въ Новгородъ, а я, воюя, съ Половцами, на Одрскъ, а потомъ въ Черниговъ (и въ Смоленскъ). Изъ Смоленска опять приходилъ къ отцу я въ Черниговъ, куда пришелъ и Олегъ, выведенный изъ Владимира. Я позвалъ его на обѣдъ къ себѣ съ отцемъ въ Черниговѣ, на Красномъ дворѣ, и представилъ отцу триста гривенъ золота. Еще разъ приходилъ я изъ Смоленска, пробиваясь чрезъ Половецкіе вои до Переяславля, и нашелъ отца, съ полку пришедша. Въ тоже лѣто долженъ былъ я идти съ отцемъ, и (дядей) Изяславомъ биться подъ Черниговъ съ (братьями) Борисомъ (и Олегомъ), и побѣдили мы Бориса и Олега (****). Опять понадобилось мнѣ быть въ Переславлѣ, и сталъ я въ Обровѣ, а Всеславъ (Полоцкій) сжегъ (въ то время мой) Смоленскъ. Я всѣдъ съ Черниговцами о двою коню, поспѣшилъ туда, но не засталъ его въ Смоленскѣ, тѣмъ же путемъ пошелъ я вслѣдъ за нимъ, пожегъ его землю, и повоевалъ до Лукомля и до Логожска, потомъ поворотилъ я на Друцкъ воюя, и оттуда пришелъ въ Черниговъ. Зимою Половцы разорили Стародубъ весь, и я пойдя съ Черниговцами.... изымалъ

(*) Дядя, В. К. Кіевскій.

(**) Böhmerwald.

(***) Мстиславъ 1706 г. Володимеръ женился, вѣроятно лѣтъ двадцати отъ роду, на Гидѣ, дочери Англійскаго Короля Гаральда.

(****) При Нѣжатиной нивѣ, въ 1078 году, а передъ этимъ сраженіемъ Мономахъ подступалъ къ Чернигову и сжегъ окольный городъ, потомъ поворотилъ назадъ на встрѣчу къ противникамъ, подоспѣвшимъ на помощь городу.

Digitized by Google

на Деснѣ Князей Асадука и Саука, избилъ ихъ дружину, а на заутро за Новымгородомъ разогналъ сильные вои Белкатгина, отнялъ мечи и весь ихъ полонъ. По двѣ зимы ходилъ я на Вятичей, на Ходоту и на сына его, въ первую зиму ко Корьдну, и потомъ за Изяславичами на Микулинъ, но не догналъ ихъ. Весною ходилъ я къ Ярополку совокупляться на Броды. Въ тоже лѣто гонялся за Хороль по Половцахъ, что Горошинъ взяли. На осень ходилъ съ Черниговцами и Половцами Минску, взяли городъ изъѣздомъ, и не оставили тамъ ни челядина, ни скотины. Зимою ходилъ еще совокупляться къ Ярополку на Броды, и сотворили тамъ великую любовь. На весну посадилъ меня отецъ въ Переяславлѣ передъ братьею, ходилъ за Супой, и передъ Прилукомъ встрѣтился нечаянно съ Половецкими Князьями, въ осьми тысячахъ. Радыбъ были мы побиться съ ними, но оружіе услано было впередъ на повозахъ; мы должны были войти въ городъ (безъ всякой потери), Сѣмцу только захватили у насъ живаго, да смердовъ нѣсколько, а наши избили и полонили ихъ больше. Половцы не смѣли коня напоить въ рѣкѣ, и въ туже ночь бѣжали за Сулу, а мы, заутра, на Госпожинъ день, пошли къ Бѣлой вежѣ. Богъ намъ помогъ и Святая Богородица: мы избили девять сотъ Половцевъ, и взяли двухъ Князей, Багубарсовыхъ братьевъ, Асиня и Сакзя, а ушли только два мужа. Мы погнались за Половцами на Святославль, потомъ на Торческій городъ, потомъ на Юрьевъ, и на той же сторонѣ побѣдили ихъ у Красна, потомъ у Варина взяли ихъ вежи съ Ростиславомъ»... (*).

«А всѣхъ путей моихъ», говоритъ Мономахъ въ заключеніи, «было восемдесятъ и три великихъ, прока меньшихъ не испомню. Миръ сотворилъ я съ Половецкими князьями безъ единаго двадцать, при отцѣ и кромѣ отца, дая скота много и многи порты свои. Пустилъ изъ оковъ знатныхъ Половецкихъ князей вотъ сколько: Шарукановыхъ двухъ братьевъ, Богубарсовыхъ трехъ, Овчининыхъ четверыхъ, а всѣхъ знат-

(*) Описаніе послѣдующихъ дѣйствій, слишкомъ краткое и не соразмѣрное съ предложеннымъ, *вставлено* Мономахомъ вѣроятно послѣ. См. въ изслѣдованіяхъ.

Digitized by Google

ныхъ князей иныхъ сто; а живыхъ Богъ въ руки мнѣ далъ, Коксуся съ сыномъ, Аклана изъ Бурчевичей, Таревскаго князя Азгулуя, и иныхъ молодыхъ кметій пятнадцать,—тѣхъ изсѣкъ и бросилъ въ рѣку Славлю; по чередамъ (?) избито лѣпшихъ не съ двѣсти ».

Читатели видятъ, какая была это жизнь исполненная дѣятельности, тревогъ и опасностей! Послушаемъ теперь объ отдыхахъ и забавахъ Мономаховыхъ:

« А вотъ какъ я трудился ловы дѣя: за лѣто, сидя въ Черниговѣ, угонивалъ я съ отцемъ моимъ всякаго звѣря по сту, кромѣ лова турова. Въ Черниговѣ же вотъ что дѣлалъ: коней дикихъ вязалъ своими руками въ пущахъ по десяти и по двадцати, а кромѣ того ѣздя по рови (?) ловилъ дикихъ коней своими руками; туры метали меня на рогахъ два раза и съ конемъ, одинъ разъ бодалъ меня олень, два раза лоси; одинъ ногами топталъ, а другой бодалъ рогами; вепрь сорвалъ у меня мечь съ бедра, медвѣдь у колѣна укусилъ подклада (?), лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на бедро и повалилъ со мною коня, но Богъ соблюлъ меня невредима. Много разъ падалъ я съ коня. Изъ Чернигова въ Кіевъ ѣздилъ я нестишь (?) къ отцу, однимъ днемъ, до вечерни. Голову разбилъ себѣ дважды, руки и ноги ушибалъ себѣ въ юности, не блюда живота своего, не щадя головы своей ».

Въ послѣднее время Всеволодова великаго княженія Мономаху дѣла было, кажется, меньше: въ 1084 году, только, послалъ его отецъ воротить племянника, Ярополку Изяславичу, Владимиръ, откуда выгнали его Ростиславичи, что Мономахъ и исполнилъ. Но на слѣдующій годъ Ярополкъ, вмѣсто благодарности, вздумалъ было идти на дядю, послушавъ злыхъ совѣтниковъ,— Всеволодъ прислалъ опять Мономаха смирить его. Ярополкъ бѣжалъ предъ Володимеромъ, которому предался Луцкъ, гдѣ нашелъ онъ жену, мать, дружину бѣжавшаго князя, и препроводилъ ихъ въ Кіевъ, взявъ много имѣнія. Въ 1086 году Ярополкъ воротился, и Володимеръ заключилъ съ нимъ миръ.(*)

(*) Объ всѣхъ этихъ произшествіяхъ въ Поученіи Володимера Мономаха, изъ коихъ почерпнули мы предыдущее описаніе, сказано только: потомъ ходили во Владимиръ и посадили Ярополка, который тамъ и умеръ.

Digitized by Google

О слѣдующихъ семи годахъ 1086—1092, нѣтъ нигдѣ никакого извѣстія.

Въ 1093 году Всеволодъ занемогъ опасно, и призвалъ къ себѣ любезнаго своего сына, вмѣстѣ съ меньшимъ его братомъ Ростиславомъ. «Бѣ бо любимъ отцю своему повелику, и въ животѣ и по смерти не ослушаяся его ни въ чемъ же». На ихъ рукахъ скончался этотъ добрый, но уже слабый, великій князь Кіевскій, былъ оплаканъ ими и погребенъ торжественно въ церкви святой Софіи, подлѣ своего отца Ярослава, по его завѣщанію.

Володимеръ могъ безъ сомнѣнія остаться въ Кіевѣ и занять столъ великаго княженія, но онъ уважилъ обычай, по которому этотъ столъ принадлежалъ старшему въ родѣ, и размысливъ сказалъ: если я сяду въ Кіевѣ, то долженъ буду выдержать войну съ Святополкомъ, потому что на этомъ столѣ отецъ его сидѣлъ прежде моего,—и послалъ за нимъ въ Туровъ, а самъ воротился въ Черниговъ, Ростиславъ же въ Переяславль.

Половцы, услышавъ о кончинѣ Всеволодовой, напали на Кіевское княжество. Святополкъ хотѣлъ было сразиться съ ними одинъ, но бояре убѣдили его просить прежде помощи у Володимера. Володимеръ не заставилъ себя долго ждать, пришелъ немедля, велѣвъ спѣшить и меньшему брату.

Собравшись, однакожъ, они заспорили между собою. Володимеръ совѣтовалъ мириться, а Святополкъ хотѣлъ войны. Мужи уговорили ихъ, оставя споръ, идти впередъ, любо миромъ, любо ратью. Князья поцѣловали крестъ между собою и пошли. Передъ Стугною открылся новый совѣтъ у нихъ съ дружиною. Володимеръ говорилъ: остановясь здѣсь, передъ рѣкою, въ грозѣ сей, сотворимъ миръ съ ними. Онъ надѣялся, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, получить хорошія условія. И пристояли этому совѣту смысленые мужи, Янъ и прочіе. А Кіяне твердили свое: хотимъ биться, перейдемъ чрезъ рѣку. Положено было идти. Стугна наводнилася ужасно. Князья, исполчивъ полки, переправились черезъ рѣку. Святополкъ шелъ правой стороной, Володимеръ лѣвою, а Ростиславъ по срединѣ. За Трепольскимъ

Digitized by Google

валомъ они поставили стяги свои. Началась сѣча. Совѣтъ Володимеровъ къ несчастію оправдался. Половцы взломили полкъ Святополковъ, не смотря на его храброе сопротивленіе, люди его побѣжали, и онъ за ними. Потомъ подвергся нападенію Володимеръ, и также былъ разбитъ, побѣжалъ съ Ростиславомъ. Они достигли Стугны и бросились въ рѣку,—вдругъ Ростиславъ началъ утопать предъ глазами Володимеровыми. Володимеръ къ нему, хотѣлъ вытащить любимаго брата, но напрасно: онъ самъ едва не утонулъ вмѣстѣ съ юношею. Съ малою дружиною перебрелъ онъ рѣку, плакалъ горько по братѣ и по мужахъ своихъ, падшихъ въ бою, и воротился въ Черниговъ «печаленъ зѣло.» (*)

Святополкъ предъ Кіевымъ сразился еще съ Половцами, на Желани, и былъ разбитъ сплыѣе прежняго, такъ что самъ-третей только прибѣжалъ въ Кіевъ, и вся область его была опустошена. На слѣдующій годъ уже женился онъ на дочери ихъ князя Тугоркана, сотворилъ миръ съ Половцами,—но Мономаховы бѣды не кончились. Это было самое несчастное время въ его жизни: лишась отца, брата, многихъ мужей своихъ, онъ долженъ былъ лишиться и Чернигова: Олегъ воротился. Олегъ, сынъ Святославовъ, водворившійся въ Тмутораканѣ, по своемъ изгнаньи, увидѣлъ теперь благопріятныя для себя обстоятельства, нанялъ Половцевъ, и пришелъ искать отцовскаго стола, выжегъ всѣ предмѣстія, не исключая и монастырей. Володимеръ затворился въ городѣ. «Дружина моя билася съ ними,» говоритъ самъ Мономахъ, «о малую греблю, восемь дней мы не впускали ихъ въ острогъ, но сожалѣя о хрпстіанскихъ душахъ, о селахъ и монастыряхъ горящихъ, я сказалъ: чтобъ не хвалились поганые, и отдалъ брату отца его мѣсто, а самъ пошелъ въ Переяславль, на отца своего мѣсто. Мы выступили

(*) И объ этихъ происшествіяхъ въ Поученіи сказано очень мало: «потомъ по смерти отней бились за Святополка съ Половцами на Сулѣ (ошибка вмѣсто Стугны) до вечера, были у Халепа, и потомъ сотворили миръ съ Тугорканомъ и съ ними князьями Половецкими, *и взяли у Глѣбовой чади дружину свою всю*. (послѣднее обстоятельство неизвѣстно.)

Digitized by Google

изъ Чернигова на день святаго Бориса, и ѣхали сквозь полки Половецкіе, не во стѣ дружины, съ женами дѣтьми. Половцы облизывались на насъ какъ волки, отъ перевоза и съ горы, но Богъ и святый Борисъ не дали имъ менѣ въ корысть; дошли невреженые до Переславля.»

«Три лѣта и три зимы,» продолжаетъ Мономахъ, «сидѣли мы въ Переяславлѣ съ дружиною своею, и многія бѣды приняли отъ рати и голода; ходили на Полодцевъ за Римовъ,—Богъ намъ помогъ,—однихъ мы избили, другихъ поймали; потомъ избили Итлареву чадь, и пойдя за Голтву, взяли ихъ вежи.»

О послѣднемъ происшествіи, Несторъ разсказываетъ подробнѣе: Половцы, Итларь и Кытанъ, пришли (въ 1096 году) въ Переславль къ Володимеру на миръ. Итларь вошелъ въ городъ съ лучшею дружиною, а Кытанъ остановился съ своими между валами, взявъ у князя сына его въ талп. Дружина Ратибора, мужа Володимерова, хотѣла избить Итлареву чадь. Володимеръ не соглашался: «какъ могу я сдѣлать это, говорилъ онъ, ходивъ съ ними ротѣ». «Всегда ходяче съ тобою ротѣ», возражала дружина, «Половцы губятъ Русскую землю, и проливаютъ кровь хрпстіанскую. Грѣха здѣсь нѣтъ.» Володимеръ уступилъ, и въ туже ночь послалъ удальцовъ выкрасть своего сына. Тѣ исполнили удачно порученіе, потомъ убили Кытана, и изсѣкли дружину его. Это было вечеромъ въ Субботу. Итларь лежалъ съ своей дружиной у Ратибора на дворѣ, и не имѣлъ помышленія о томъ, что сдѣлалось надъ Кытаномъ. На утро въ Воскресенье, около заутрени, пристроилъ Ратиборъ отроковъ въ оружье, и велѣлъ затопить истопку. А Володимеръ послалъ своего отрока Бѣндюка за Итларевой чадью; «зоветъ васъ князь Володимеръ; обувшись, позавтракайте въ теплой избѣ у Ратибора и приходите ко мнѣ». Итларь отвѣчалъ: «хорошо.» Лишь только взошли они въ истопку, какъ двери за ними заперли, прокопали верхъ, и Олбегъ Ратиборовичь, взявъ лукъ и наложивъ стрѣлу, ударилъ Итларю въ самое сердце. Князь Половецкій тутъ же испустилъ духъ, и дружина его вся была избита, въ 1 часу дня, Февраля 24 числа.

Digitized by Google

Послѣ такого дѣла, добра ждать было нечего. Володимеръ вѣрно уговорилъ Святополка, рѣшиться на отважный шагъ,—идти самимъ на Половцевъ въ землю ихъ, и нести къ нимъ войну,—чего никогда доселѣ не случалося, и о чемъ не смѣли никогда думать Русскіе князья. Собравшись съ силами, они отправились, велѣвъ Олегу слѣдовать за собою (1095 г.) Тотъ обѣщался было, и пошелъ, но воротился. Святополкъ и Володимеръ достигли благополучно кочевьевъ Половецкихъ, взяли вежи, полонили много скота, коней, вельбудовъ, челяди и привели въ землю свою. Путь узнанъ, опытъ удался, надежда избавиться отъ враговъ утвердилась.

А поступокъ Олеговъ разсердилъ ихъ и встревожилъ: страшно было имѣть между собою союзника и друга Половцовъ; надо было или избавиться отъ него или ввести въ одну отвѣтственность. Они послали сказать ему—«ты не ходилъ съ нами на поганыхъ, которые погубили Русскую землю—ну вотъ у тебѣ Итларевичь. Это ворогъ нашъ: убей его, либо выдай намъ.»

Олегъ не послушался, и началася между ними ненависть. Святополкъ и Володимеръ звали его на совѣтъ: «иди въ Кіевъ положить рядъ передъ епископами и игуменами, передъ мужами отцевъ нашихъ и людьми градскими, какъ оборонить землю Русскую отъ поганыхъ.» Гордой Олегъ, «воспринявъ смыслъ буй и словеса величавы,» отвѣчалъ: «не пристало судить меня ни монахамъ, ни смердамъ»,—и не пошелъ къ братьямъ. Тогда Святополкъ и Володимеръ рѣшились наказать его или принудить силою. «Ты не ходилъ съ нами на поганыхъ», говорили они, «ты не хочешь совѣтоваться съ нами, такъ стало ты держишь въ умѣ на насъ лихо. Пусть же Богъ разсудитъ насъ.» Нимало не медля они пошли къ Чернигову. Олегъ, не приготовясь къ оборонѣ, бѣжалъ, и затворился въ Стародубѣ. Братья осадили его и тамъ. Начались сѣчи. Одни приступали къ городу, а тѣ бились изъ города крѣпко, и было много язвенныхъ съ обѣихъ сторонъ. Тридцать три дня стояли вои около города, и изнемогли осажденные. Олегъ вышелъ просить мира. Братья дали ему миръ съ условіемъ придти въ Кіевъ вмѣстѣ съ братомъ Давидомъ, и порядъ тамъ о всемъ положити.

Digitized by Google

Олегъ обѣщался, но ушелъ въ другую сторону....

Между тѣмъ разныя шайки Половецкія продолжали набѣгать на Русь, особенно прослышавъ объ усобицѣ. Они являлись безпрестанно то въ Кіевскомъ княжествѣ, то въ Переяславскомъ, осаждали города, жгли, опустошали села. Святополкъ успѣлъ смирить ихъ подъ Юрьевымъ. Другіе явились подъ Переяславлемъ. Тугорканъ осадилъ городъ, въ коемъ затворились люди. Святополкъ и Володимеръ выступили противъ него по своей сторонѣ Днѣпра, перебродились подъ Зарубомъ, не очютившимъ ихъ Половцамъ, и подошли къ самому Переяславлю. Граждане обрадовались, увидя своихъ, и вышли къ нимъ на встрѣчу. Князья перебрели Трубежъ, за которымъ стояли Половцы, и прямо бросились на нихъ, хотя Володимеръ и совѣтовалъ прежде снарядить полкъ. Половцы не устояли и побѣжали. Наши за ними сѣкуще и полоняще. Побѣда эта была одержана 19 Іюня.

Мономахъ успокоился отъ Половцевъ, но въ другой сторонѣ случилось съ нимъ новое несчастіе. Олегъ, взявъ воевъ у брата въ Смоленскѣ, пошелъ къ Мурому, который не задолго предъ тѣмъ захватилъ Мономаховъ сынъ, Изяславъ, пришедшій изъ Курска. Олегъ потребовалъ, чтобъ Изяславъ вышелъ изъ его города. Тотъ не соглашался. Произошла сѣча, и сынъ Володимеровъ былъ убитъ. Олегъ послѣ этой побѣды, не имѣя никого противъ себя, занялъ всю землю, Суздаль и Ростовъ, посажалъ вездѣ своихъ посадниковъ, и началъ брать дани. Мстиславъ, другой сынъ Володимеровъ, пришелъ изъ Новгорода, защищать свою отчину, предлагалъ Олегу миръ, и обѣщалъ примирить его съ отцемъ, котораго въ самомъ дѣлѣ просилъ объ оставленіи мести за смерть сына. Мономахъ написалъ тогда слѣдующее письмо въ Олегу, которое вмѣстѣ съ Поученіемъ знакомитъ насъ еще болѣе съ его личностію.

«Горе мнѣ печальному и многострадальному! Много боролся я съ сердцемъ, помышляя, какъ стать передъ страшнымъ Судіею, безъ каянья и смиренья между собою. Сказано: кто Бога любитъ, а брата не любитъ, ложь есть. Также:

Digitized by Google

если не отпустите прегрѣшеній брату, то и Отецъ вашъ небесный не отпуститъ вамъ....

Ничего нѣтъ лучше, какъ жить въ согласіи, но дьяволъ, не хотя добра роду человѣческому, сваживаетъ насъ искони: были рати при умныхъ дѣдахъ, при добрыхъ и блаженныхъ отцахъ нашихъ. Пишу къ тебѣ, потому что принуждаетъ сынъ мой, а твой крестникъ, что сидитъ близъ тебя. Онъ прислалъ ко мнѣ мужа своего съ грамотою говоря: уладимся и смиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местниками, возложимъ то на Бога. Они станутъ передъ Богомъ, а мы Руской земли не погубимъ.

Видя смиренье сына моего, я сжалился и послушался, и написалъ къ тебѣ сію грамоту: примешь ли ее съ добромъ или поруганьемъ, увижу по твоему отвѣту.

Что мы человѣки грѣшные? Нынѣ живы, а утро мертвы; день въ славѣ и чти, а за утро въ гробѣ и безъ памяти; иные раздѣлятъ по себѣ наше собраніе. Вспомни, братъ, о нашихъ отцахъ: что взяли съ собою? Только то что сотворено ихъ душами.

Когда дитя мое и твое было убито передъ тобою, когда ты увидѣлъ кровь его, и тѣло увянувшее, какъ цвѣтъ молодой процвѣтшій, ты вникнулъ бы въ помыслы души своей стоя надъ нимъ, и сказалъ бы: увы мнѣ, что я сдѣлалъ ради свѣта сего мечетнаго—грѣхъ себѣ, отцу и матери слезы. Тебѣ надо бы покаяться тогда, и написать мнѣ грамоту утѣшительную, а сноху мою послать ко мнѣ, потому что нѣтъ въ ней ни зла ни добра,—чтобъ я оплакалъ вмѣсто пѣсней и мужа ея и свадьбу ихъ, не видавъ ихъ первой радости. Пусти же ее хоть теперь Бога дѣля съ первымъ словомъ, да потуживъ съ нею, упокою ее на мѣстѣ: пусть горюетъ, какъ горлица сидя на сухомъ деревѣ, а я утѣшуся о Богѣ. Сынъ мой палъ на полку; здѣсь нѣтъ ничего необыкновеннаго. Судъ пришелъ къ нему отъ Бога, а не отъ тебя. Такъ умирали и отцы наши. Конечно, лучше еслибъ онъ не искалъ чужаго; не ввелъ бы онъ меня въ стыдъ и печаль. Отроки соблазнили его, ища себѣ пользы и нашли ему зло.

Digitized by Google

Сотворивъ волю свою и воротя себѣ Муромъ, тебѣ не занимать бы Ростова, а послать ко мнѣ, мы и уладились бы отсюда. Суди самъ: мнѣ ли слѣдовало посылать къ тебѣ, или тебѣ ко мнѣ. Ты все приказывалъ дитяти: шлися къ отцу. Онъ посылалъ десять разъ. Ты пошли ко мнѣ раскаяся, посла или попа, и напиши грамоту съ правдою; тогда волость свою возмешь съ добромъ, и насъ оборотишь къ себѣ, и будемъ жить лучше прежняго: я тебѣ не ворожбитъ, ни местникъ. Я не хотѣлъ видѣть крови твоей у Стародуба, но не дай Богъ и мнѣ видѣть свою кровь отъ руки твоей, или отъ твоего повелѣнья, или отъ инаго какаго брата. Лгу ли я, знаетъ про то Богъ и крестъ честный. Если я погрѣшилъ, идя на тебя Чернигову, а то было изъ за поганыхъ,—каюся,—и въ томъ послушался братьевъ.

Добро ты помыслишь теперь—хорошо; лихо—вотъ сынъ твой крестный, съ малымъ братомъ своимъ, сидитъ подлѣ тебя, ѣдуче хлѣбъ дѣдень; убей ихъ. Я не желаю зла братьѣ своей, но желаю добра братьѣ и Русской землѣ.

Мы рядилися съ братомъ твоимъ; онъ говоритъ, что не можетъ рѣшить ничего тебя, и мы не дѣлали ему никакого зла, но сказали ему: сли къ брату, пока уладимся.

Молвлю тебѣ такъ, не по нуждѣ, ни бѣды мнѣ нѣтъ ни которой, но душа мнѣ лучше всего свѣта сего.

Если кто изъ васъ не хочетъ добра, ни мира христіанамъ, не буди ему мира отъ Бога, узрѣти для души своей въ будущей жизни».

Письмо письмомъ, а между тѣмъ осторожный и предусмотрительный Мономахъ послалъ еще сына Вячеслава съ Половцами на помощь къ Новогородскому Мстиславу отстаивать ихъ отчину. Дружина принесла пользы больше письма. Братья сразились на Колокшѣ, — стягъ Володимеровъ развѣвался на полѣ сраженія,—полная побѣда одержана была надъ Олегомъ. Мстиславъ однако же не преслѣдовалъ, напротивъ ободрилъ его, и уговорилъ идти къ братьямъ со смиреніемъ. Олегу ничего не оставалось дѣлать, какъ послушаться...

Digitized by Google

Въ Любечѣ, на берегу Днѣпра, Русскіе князья, по совѣту Володимера Мономаха, собрались на устроеніе мира, въ 1095 году. Всѣ они сидѣли на одномъ ковръ и думали: за что мы губимъ Русскую землю, сами на себя котóру дѣюще? А Половцамъ то и любо, что между нами рати, и несутъ они землю нашу розно. Имемся жъ отнынѣ въ едино сердце, и будемъ блюсти ее сообща, пусть каждый держитъ свою отчину: Святополкъ — Кіевъ, Изяславлю, Володимеръ Всеволожу, Давыдъ, Олегъ и Ярославъ Святославлю. А кому роздалъ города Всеволодъ, у тѣхъ они и останутся: у Давыда Владимиръ, у Ростиславичей—у Володаря Перемышль, у Василька Теребовль. Всѣ они поцѣловали крестъ: если кто съ сихъ поръ подымется на кого, то быть всѣмъ за одно на зачинщика. Потомъ поцѣловались они между собою, и подтвердивъ «да будетъ на него крестъ честный и вся земля Русская», разошлися.

И не успѣли воротиться въ домы свои, какъ и начались между ними новыя свары. Мысль и надежда Мономахова водворить миръ посредствомъ общаго совѣта, оказалась безъуспѣшною. Согласіе не могло быть утверждено на долго въ то бурное время, когда всѣ грубыя страсти были въ безпрерывномъ движеніи. Самъ Мономахъ подпалъ у братьевъ подозрѣнію въ измѣнѣ.

Давидъ Игоревичь, послушавъ своихъ бояръ, успѣлъ оклеветать Василька Ростиславича предъ Великимъ Княземъ Святополкомъ, будто храбрый Князь Теребовльскій вмѣстѣ съ Мономахомъ строятъ ковы противъ нихъ обоихъ, и хотятъ завладѣть ихъ волостями. Василько, привлеченный обманомъ, безъ всякихъ изслѣдованій и уликъ, былъ ослѣпленъ, по приказанію Святополка и увезенъ во Владимиръ подъ стражу.

Молва объ такомъ злодѣйствѣ разнеслась тотчасъ вездѣ. Володимеръ ужаснулся, залился слезами, и сказалъ: «такаго зла не бывало еще въ Русской землѣ, на при дѣдахъ нашихъ, ни при отцахъ нашихъ». Немедля послалъ онъ звать братьевъ, Давида и Олега Святославичей: «идите къ Городцу, поправить сего зла, которое сотворилося въ Русской землѣ: ввержень ножъ

Digitized by Google

между нами братьями. Если мы не поправимъ сего, то зло бо́льшее встанетъ между нами, и начнетъ братъ брата закалати, и погибнетъ земля Русская, и враги наши Половцы пришедше возмутъ землю Русскую.»

Давидъ и Олегъ огорчились также, собрали вои и пришли къ Володимеру. Всѣ они послали мужей своихъ къ Святополку укорить его въ злодѣйствѣ, и допросить о причинѣ, за что ослѣпилъ онъ Василька.

Святополкъ ссылался на извѣтъ Давидовъ, послы уличили его въ несправедливости, и Князья готовились переправиться чрезъ Днѣпръ; онъ хотѣлъ уже бѣжать изъ Кіева, — но Кіевляне не пустили: имъ пришла мысль отправить посольство къ Володимеру. Всеволожая, его мачиха, и Митрополитъ Никифоръ, пришли къ нему съ такими словами: «молимся Князь, тебѣ и братьямъ твоимъ, не погубите Русской земли. Если вы возмете рать между собою, поганые обрадуются и возмутъ землю нашу, что отцы и дѣды ваши добыли трудомъ великимъ. Они искали чужихъ земель, а вы хотите потерять свою. Смилуйтеся.»

Володимеръ почиталъ Княгиню, какъ мать, ради своего отца, и внялъ мольбѣ ея, внялъ мольбѣ и Митрополичьей, уважая святительскій санъ. Выслушавъ рѣчь ихъ, онъ облился слезами и сказалъ: «по истинѣ отцы и дѣды наши соблюли землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее». Братья его послушались. Кіевъ былъ спасенъ. Всѣ Князья начали обсылаться и умирились на томъ, чтобъ Святополкъ шелъ на Давыда, взялъ его или выгналъ, ибо это все было его сколота. Потомъ поцѣловали крестъ, и разошлись по своимъ городамъ.

И опять ничего не вышло по опредѣленію, а все иначе. Между тѣмъ какъ Святополкъ сбирался на Давыда, Давыдъ, послѣ перваго страха, хотѣлъ пожать плоды съ своего злаго дѣла, и завладѣть Васильковой волостью, но встрѣтилъ сопротивленіе въ его братѣ, принужденъ былъ выдать ему несчастнаго плѣнника, потомъ его павѣтниковъ, и наконецъ былъ свидѣтелемъ разоренія своихъ городовъ.

Digitized by Google

Вскорѣ пришелъ Святополкъ, и съ помощью наемныхъ Ляховъ занялъ Владимиръ, откуда Давыдъ, напрасно осыпавшій золотомъ также Ляховъ, бѣжалъ.

Виновный Князь Кіевскій исполнилъ такимъ образомъ свое обязательство, но тутже рѣшился и нарушить его, принять на себя новую вину. Надѣяся на множество своихъ воевъ, онъ вздумалъ самъ идти на Ростиславичей, потому что ихъ волость принадлежала нѣкогда его отцу и брату,—а то позабывъ, что наканунѣ почти утвердилъ ее самъ за Ростиславичами въ Любечѣ. Можетъ быть и Святославичи согласились поддерживать его за какую-нибудь выгоду или участіе въ добычѣ. Но онъ хотѣлъ привлечь на свою сторону и Мономаха, который уѣхалъ тогда по своимъ дѣламъ въ Ростовъ. Послы были отправлены къ нему и встрѣтили его на дорогѣ.

Пусть разсказываетъ опять онъ самъ, какое дѣйствіе произвела на него эта внезапная перемѣна во всѣхъ обстоятельствахъ, эта явная, вопіющая несправедливость и преступленіе всѣхъ клятвъ,—къ какимъ размышленіямъ приведена была его благородная душа, возвышавшаяся надъ своимъ временемъ.

«Встрѣтили меня на Волгѣ послы отъ братьи и говорили: пристань къ намъ, и прогонимъ Ростиславичей, отнимемъ ихъ волость. Если жъ ты не пойдешь съ нами, то мы будемъ себѣ, а ты себѣ. Я отвѣчалъ: гнѣвайтесь, какъ хотите, а я креста преступить и идти съ вами не могу. Отрядивъ ихъ, взялъ я грустный въ руки псалтирь, разогнулъ, и вотъ что мнѣ вынулось: вскую печалуешь душе? Вскую смущаеши мя, и прочая. И потомъ я собралъ всѣ сіи словца любыя, и сложилъ по ряду, и написалъ.

Вскую печальна еси душа моя? вскую смущаеши мя! Упова и на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье. Зане лукавнующіе потребятся, терпящіи же Господа, тѣ обладаютъ землею. И еще мало, и не будетъ грѣшника; взыщетъ мѣста своего, и не обрящетъ. Кротціи же наслѣдятъ землю, насладятся на множествѣ міра... Помилуй мя Боже.... измій мя отъ враговъ моихъ, и отъ

Digitized by Google

встающихъ на мя отжени мя.... Благословлю Господа на всякое время, хвала Его.... О Владычице Богородице, отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не возношуся суетою міра сего въ пустошномъ семъ житьѣ....

Этотъ-то случай подалъ Мономаху поводъ описать свою жизнь въ своемъ такъ называемомъ Поученіи, которое мы отчасти уже передали, и къ которому возвратимся еще опять.

Святополкъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и разбитый Ростиславичами, долженъ былъ спѣшить въ Кіевъ. Давыдъ, и послѣ разныхъ странствій, долго боролся съ разными врагами, бралъ и лишался своего города, и наконецъ попросилъ суда у братьевъ.

Мономаху, воротившемуся изъ Ростова, вѣрно была очень пріятна эта просьба, выводившая его изъ трудныхъ и неопредѣленныхъ обстоятельствъ, и съ своей стороны онъ постарался, чтобъ князья согласились на новый снемъ.

Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ, Олегъ, собрались въ Увѣтичахъ, близь Кіева, и заключили между собою миръ, а потомъ позвали и Давыда Игоревича на совѣтъ. Онъ пріѣхалъ и сказалъ: « на что я вамъ, кому до меня обида? » Володимеръ отвѣчалъ: « ты самъ присылалъ къ намъ и говорилъ: хочу придти и пожаловаться своей обиды. Ты пришелъ теперь и сидишь на одномъ коврѣ; что же не жалуешься? Кто обидѣлъ тебя?» — Давыдъ молчалъ. Братья сѣли на коней, и стали розно: Святополкъ съ своей дружиною, Давыдъ и Олегъ съ своею. Они думали о Давыдѣ Игоревичѣ, не допуская его къ себѣ; онъ сидѣлъ особо. Сдумавше, послали къ Давыду мужей своихъ сказать ему: — « вотъ что говорятъ тебѣ братья: не хотимъ давать тебѣ стола Владимирскаго, потому что ты бросилъ ножъ въ насъ, егоже не было въ Русской землѣ; но мы не беремъ тебя, ни причиняемъ тебѣ никакого зла. Ступай садись въ Бужескомъ острогѣ, а Святополкъ дастъ тебѣ Дубенъ и Черторыескъ, Володимеръ двѣсти гривенъ, Давыдъ и Олегъ столькоже. » Къ Володарю и Василько послали они также послове: « возьми брата своего Василька

къ себѣ, и будп вамъ одна власть — Перемышль, а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте. Если любо, сидите; не любо—мы будемъ кормить Василька здѣсь сами». Ростиславичи не послушались впрочемъ этого суда.

Такъ кончился вторый снемъ. Лучшимъ слѣдствіемъ его было то, что Мономахъ, съ сихъ поръ, сошелся совершенно съ Святополкомъ, и до самой кончины его, впродолженіи тринадцати лѣтъ, они дѣйствовали за одно. Первый рядъ его однакожъ, чтобъ Новугороду быть Святополчу, а Володимеру посадить своего во Владимирѣ, не состоялся, вслѣдствіе сопротивленія Новогородцевъ. Вызвавъ сына, Мономахъ прислалъ было его съ мужами своими и Новогородскими въ Кіевъ къ Святополку. «Се прислалъ Володимеръ сына своего», сказали мужи, «да идетъ во Владимиръ, а вотъ Новогородцы, поимше сына твоего да идутъ Новогороду».—А Новогородцы сказали напротивъ: «мы присланы къ тебѣ и сказано намъ вотъ что: не хотимъ Святополка, ни сына его; если у сына твоего двѣ головы, такъ пошли его, а Мстислава далъ намъ Всеволодъ, мы воскормили его себѣ княземъ, ты же ушелъ отъ насъ». Святополкъ долго спорилъ съ ними, они не соглашались и увели къ себѣ Мстислава назадъ.

На слѣдующій годъ, (1103) Мономахъ, въ исполненіе любимой мысли своей, началъ опять звать князей на Половцевъ; Святополкъ передалъ мысль дружинѣ. Негодно идти весною, возразили мужи, мы погубимъ смердовъ и ролью ихъ. Рѣшено князьями сняться, и подумать съ дружинами вмѣстѣ. Собрался всѣ на Долобскѣ въ одномъ шатрѣ. Святополкъ сидѣлъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею. Всѣ молчали. Володимеръ прервалъ наконецъ молчаніе, обратясь къ Святополку: «братъ, ты старшій, начни говорить, какъ намъ промыслить о Русской землѣ». А Святополкъ отвѣчалъ: «нѣтъ, начни ты». Володимеръ сказалъ: «что мнѣ говорить, когда твоя дружина и моя сбираются спорить со мною, будто я хочу погубить смердовъ и ролью. Дивно мнѣ, братья, что вы жалѣете смердовъ и ихъ коней, а объ томъ не думаете, что выѣдетъ весною смердъ орать съ своею лошадью, а наскочитъ Полов-

Digitized by Google

чинъ, ударитъ смерда стрѣлою, и возметъ ту лошадь его, и потомъ жену его, и дѣтей, и гумно зажжетъ,—что же вы объ этомъ не подумаете? Или вамъ лошади жаль, а смерда не жаль?» Никто не могъ опровергнуть словъ Володимеровыхъ. Вся дружина согласилась: воистину это такъ; и Святополкъ заключилъ: я готовъ. Володимеръ былъ доволенъ: «ты, братъ, сотворишь великое добро Русской землѣ», сказалъ онъ Кіевскому князю. Они послали звать Давыда и Олега: «пойдемъ на Половцевъ; либо живы будемъ, либо умремъ». Давыдъ послушалъ, а Олегъ отозвался нездоровьемъ. Присоединился къ нимъ еще Давыдъ Полоцкій, Мстиславъ Давыдовичь, Вячеславъ, остальный сынъ Ярополковъ. Князья и вои помолились Богу, произнесли обѣты Спасителю и Пречистой Матери Его, сотворили милостыню убогимъ, подаяніа монастырямъ, и пошли въ походъ на коняхъ и въ ладьяхъ. Ниже пороговъ остановились они въ протолчахъ, на Хортичемъ островѣ, отсюда перебрались въ поле, и черезъ четыре дня достигли Сутѣня. Половцы, прослышавъ объ ихъ появленіи, собрались во множествѣ, и начали думать. Урособа совѣтовалъ просить мира у Руси: крѣпко будутъ они биться съ нами, потому что много зла причинили мы Русской землѣ. А младшіе кричали: ты боишься Руси, а мы не боимся; мы изобьемъ этихъ, и пойдемъ въ земли ихъ, и возмемъ всѣ города. Половцы послали впередъ сторожей съ Алтунопой, который славился мужествомъ между ними. Наши сторожи устерегли и избили ихъ всѣхъ. На Половцевъ, напалъ страхъ, они шли уже какъ будто дремали, у коней ихъ не было спѣха въ ногахъ, а Русскіе выступали на нихъ веселые и радостные. Увидѣвъ сильное устремленіе на себя, поганые не выдержали и побѣжали. Наши за ними, сѣкуще. Это было 4 Апрѣля. Побѣда была совершенная. Однихъ князей убито двадцать. Бельдюзъ былъ взятъ живой. Его привели къ Святополку, и онъ началъ давать на себѣ золото и серебро, коней и скотъ. Святополкъ препроводилъ его къ Володимеру. Тотъ упрекнулъ его: знаешь ли ты, кто васъ предалъ? Предала васъ рота (клятва): сколько разъ ходили вы ротѣ, и потомъ воевали Русскую землю; зачѣмъ же ты не училъ сыновъ своихъ и роду своего

Digitized by Google

не преступать роты? Ты проливалъ кровь христіанскую: будь же кровь эта на главѣ твоей», — и велѣлъ Володимеръ убить его, воины разсѣкли его на части. Князь и вои начали пировать. Володимеръ сказалъ: «сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся вси и возвеселимся въ онь, яко избавилъ Господь насъ отъ врагъ нашихъ, и далъ ихъ брашно людямъ Русскимъ.» Русскіе взяли тогда въ вежахъ Половецкихъ множество скота, овецъ, коней, верблюдовъ, челяди, и возвратилися домой съ полономъ и славою великою, заявъ еще по пути Печенѣговъ и Торковъ съ вежами.

Половцы послѣ этого погрома укротились, набѣгали уже очень рѣдко, и всегда были отражаемы (напр. въ 1103 году). Мономахъ доставилъ такимъ образомъ миръ Русской землѣ, и извнѣ, и внутри, (самое трудное дѣло, какое можно только было сдѣлать въ эти тревожныя времена) ибо междоусобія утихли, также, благодаря дѣятельному участію во всѣхъ дѣлахъ благоразумнаго Володимера. Великій Князь Святополкъ во всемъ его слушался, и съ ними двоими состязаться ни кто не могъ. Да и некому уже было заводить споръ. Ростиславичи, вдали, были довольны своими Галицкими удѣлами. Святославичи княжили въ Черниговѣ. Братьевъ Святополковыхъ не осталось никого, племянники еще только подростали. Одни Полоцкіе князья продолжали питать злобу противъ Ярославичей, но что они могли сдѣлать? развѣ потревожить страны смежныя, что по временамъ и случалось. Доблестный Володимеръ рѣшился воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами, чтобъ покончить начатое дѣло, и избавить Русскую землю навсегда отъ разрушительныхъ набѣговъ Половцевъ, какъ Мстиславъ первый порѣшилъ съ Печенѣгами.

Въ 1111 году, по вызову Володимера собрались князья, дали другъ другу клятву, и на второй недѣлѣ поста выступили на Половцевъ въ землю ихъ, Святополкъ съ сыномъ, Володимеръ съ сыновьями, Давыдъ съ сыномъ, и прочіе. Въ пятницу были они на Сулѣ, въ субботу на Хоролѣ, гдѣ и пометали сани; въ воскресенье средокрестное пришли на

Digitized by Google

Пселъ, потомъ на Голтву, гдѣ сождались прочихъ воевъ, потомъ двинулись къ Ворсклѣ; тамъ, на другой день, въ среду, цѣловали крестъ со многими слезами, возлагая на него всю свою надежду, оттуда перебрели многія рѣки, и на шестой недѣлѣ поста во вторникъ пришли къ Дону.

Здѣсь оболчились они въ брони, изрядили полки, и приблизились къ городу Шаруканову. Володимеръ приставилъ своихъ поповъ ѣхать передъ своимъ полкомъ, пѣть тропари и кондаки креста честнаго и канунъ Святой Богородицѣ. Они подступили къ городу передъ вечеромъ, а поутру въ воскресенье жители вышли къ нимъ съ поклономъ, вынесли рыбу и вино. Князья Русскіе здѣсь переночевали, а на завтра въ середу пошли къ Сугрову, и зажгли городъ, въ четвергъ выступили съ Дона, и 24 марта сошлись съ Половцами.

Князья сказали: «здѣсь намъ смерть, станемъ же крѣпко,» перецѣловались другъ съ другомъ, и призвали имя Божіе. «И бывшу соступу,» говоритъ лѣтописецъ, «и брани крѣпцѣ, Богъ вышній воззрѣ на иноплеменниковъ съ гнѣвомъ,»—и битва рѣшилась въ нашу пользу. Множество Половцевъ легло на мѣстѣ, при потокѣ Дегея. Князья воздали хвалу Богу, и праздновали здѣсь свою побѣду, а въ слѣдующій день Лазарево воскресенье и Благовѣщеніе.

Въ воскресенье пошли они дальше, и въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ встрѣтились съ новыми полчищами Половцевъ, которые «выступиша яко борове велиціи» и тмами темъ оступили полки Русскіе. Полки ударили одни на другіе, и «сразившимася челома тресну аки громъ». Лютая сѣча началась, и падали люди съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ побѣда склонилась опять на сторону Русскихъ князей, и Половцы были побиты на голову при рѣкѣ Салницѣ. Добычѣ не было счета: коней, овецъ, рогатаго скота, колодниковъ захвачено множество. Князья, говорятъ, спрашивали ихъ: отъ чего не могли вы намъ противиться, имѣя такую силу, и бывъ въ такомъ множествѣ. Нельзя намъ было противиться, отвѣчали они, ѣздили кто-то вверху надъ вами, въ оружіи свѣтломъ и страш-

Digitized by Google

номъ, и помогали вамъ. «Это были Ангелы, говоритъ лѣтописецъ, многіе видѣли, во время битвы, какъ головы свалпвались съ Половцевъ, невидимо стинаемыя. Ангелы внушили Володимеру и идти на Половцевъ: надъ Печерскимъ монастыремъ стоялъ долго столпъ огненный, снесся оттуда на церковь, а потомъ къ Городлу, гдѣ былъ тогда Володимеръ въ Радосыни.»

Князья Русскіе воротились съ великою честію и добычею. Слава объ ихъ побѣдѣ разнеслась по всѣмъ странамъ дальнимъ— къ Грекамъ, Уграмъ, Ляхамъ и Чехамъ, даже и до Рима дошла. Разумѣется, она принадлежала по праву болыше всѣхъ Мономаху, о которомъ и въ лѣтописяхъ навсегда осталось преданіе, какъ о побѣдителѣ Половцевъ, избавителѣ Русской земли отъ поганыхъ. Такъ одинъ изъ продолжателей Нестора говоритъ, что «Мстиславъ наслѣдовалъ потъ отца своего, Володимера Мономаха Великаго: Володимеръ самъ собою постоялъ на Дону, и много потерпѣлъ за землю Русскую, а Мстиславъ мужей своихъ послалъ загнать Половцевъ за Донъ....»

Позднѣйшая Волынская лѣтопись сохранила то же преданіе. «Ревновалъ Романъ дѣду своему Мономаху, говоритъ она, погубившему поганыхъ Измаильтянъ, рекомыхъ Половцевъ. Тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ, принялъ земли ихъ, и загналъ окаянныхъ Агарянъ, Отрока въ Обезы за желѣзныя врата, а Серчанъ остался у Дона»,... и воротился уже по смерти Володимеровой.

Святополкъ, Великій Князь Кіевскій, недолго пережилъ этотъ знаменитый походъ, и скончался въ слѣдующемъ году.

Кіяне, собравшись на другой день по смерти Святополка, 17 Апрѣля 1113 года, положили на вѣчѣ посадить на Кіевскомъ столѣ Володимера, сына Всеволодова, и послали Переяславлю звать его на столъ отень и дѣдень.

Володимеръ, которому такимъ образомъ, въ другой разъ, безъ череды, доставалось велпкое княженіе, медлилъ идти на зовъ, и тужилъ о братѣ. Кіяне разграбили между тѣмъ дворъ

Digitized by Google

Тысяцкаго Кіевскаго Путяты, главнаго воеводы Святополкова, потомъ напали на Жидовъ, торговавшихъ въ Кіевѣ. Смущеніе распространялось. Къ Володимеру послано второе посольство: «идиже Князь въ Кіевъ: если ты не пойдешь, то много зла воздвигнется; уже не Путятинъ дворъ, не соцскихъ, не Жидовъ разграбятъ, а пойдутъ на ятровъ твою, да на бояры, да на монастыри. Смотри, чтобъ не отвѣчать тебѣ за монастыри.» И Володимеръ, услышавъ это, пришелъ въ Кіевъ. Митрополитъ Никифоръ, Епископы и Кіяне встрѣтили его съ честію великою,—и сѣлъ онъ на столѣ отца своего и дѣда. Всѣ люди обрадовалисъ и мятежъ улегся.

Черниговскіе Князья оставались спокойно дома, и не предъявили никакихъ притязаній, потому ли, что старшій Давыдъ, вообще расположенія мирнаго, уступалъ Кіевъ добровольно, а младшій Олегъ, изъ-за него, не имѣлъ права; потому ли, что отецъ ихъ, владѣя Кіевомъ незаконно, невоочередь, испортилъ право и для своихъ дѣтей; потому ли, что они не осмѣлились предпринять что-либо противъ всеобщаго желанія Кіевлянъ, и не могли надѣяться одержать верхъ надъ самымъ мужественнымъ, умнымъ, и самымъ любимымъ изъ всѣхъ Князей Русскихъ, и можетъ быть получили себѣ какое вознагражденіе за свою невольную уступку.

Русская земля могла обѣщать себѣ миръ и тишину теперь еще болѣе нежели прежде. Володимеръ, владѣя княжествами—великимъ Кіевскимъ, Переяславскимъ, Смоленскимъ, Суздальскимъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ Новогородскимъ, былъ такъ силенъ, что никто не могъ съ нимъ спорить. Мужественный, хотя и убѣленный сѣдинами, старецъ, славный по всей Русской землѣ, любимый народомъ, чтимый братьями, страшный врагамъ, отецъ многихъ храбрыхъ сыновъ, въ родственныхъ связяхъ со многими Государями Европы, Мономахъ сдѣлался Великимъ Княземъ въ полномъ смыслѣ слова, въ отца мѣсто прочимъ,—и всѣ они должны были его слушаться.

Онъ посадилъ въ Переяславлѣ сына, Святослава, а послѣ Ярополка, въ Смоленскѣ Вячеслава, въ Суздалѣ Юрья,

Digitized by Google

старшаго Мстислава призвалъ (1117) изъ Новагорода къ себѣ, и посадилъ въ Бѣлгородѣ, вѣроятно, чтобы имѣть его при себѣ, и въ случаѣ своей смерти оставить ему Кіевъ; въ Новѣгородѣ сѣлъ внукъ его, сынъ Мстиславовъ, Всеволодъ.

Половцы, услышавъ о смерти Святополковой, сунулись было къ Виру, но Володимеръ успѣлъ ихъ встрѣтить съ сыновьями, племянниками и старымъ Олегомъ, который здѣсь въ первый разъ вооружился противъ друзей своихъ Половцевъ. Они бѣжали. Володимеръ могъ посвятить все свое время домашнимъ дѣламъ.

Какъ проводилъ онъ свое время, какъ велось его хозяйство, и какъ дѣлались его дѣла, всего яснѣе видно также изъ его Поученія сыновьямъ, написаннаго, разумѣется, по образцу его собственной жизни.

«Да не застанетъ васъ солнце на постелѣ», говоритъ Мономахъ, «такъ жилъ отецъ мой и всѣ добрые мужи совершенные. Отдавши хвалу Богу заутреню, и потомъ увидѣвъ солнце восходящее, прославити Бога съ радостію и рѣчи: просвѣти очи мои, Христе Боже, яко далъ ми еси свѣтъ Твой красный! и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да грѣховъ моихъ покаявся, оправдаю животъ. Потомъ сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, и лечь спати: спати отъ Бога присуждено полудне; отъ чина почиваютъ и звѣри, и птицы, и человѣки.»

«Въ домѣ своемъ не лѣнитеся, но все видете. Не надѣйтеся на тіуна, или отрока, чтобъ приходящіе не посмѣялись ни вамъ, ни дому вашему, ни обѣду вашему; на войну вышедъ, не надѣйтеся на воеводъ, не лагодите ни питью, ни одѣянью, ни спанью; сторожей наряжайте сами, и все изрядивши, ложитесь спать подлѣ воевъ; оружія вы не снимайте,—лѣнощами, врасплохъ, человѣкъ погибаетъ внезапно; а вставайте рано. Лжи блюдитесь и пьянства и блуда, въ томъ душа погибаетъ и тѣло»....

«Что надобно дѣлать отроку моему, то дѣлалъ я самъ, на войнѣ и на ловахъ, ночью и днемъ, на зною и на зимѣ, не дая себе упокоя, не надѣясь ни на посадники, ни на бирючи. Все

Digitized by Google

дѣлалъ самъ, что было надобно, весь нарядъ въ дому своемъ, въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ держалъ, и въ конюхахъ, и о соколахъ, и объ ястребахъ. За церковнымъ нарядомъ и службою призиралъ самъ.»

Что Мономахъ самъ въ дѣйствительности жилъ такъ, какъ училъ дѣтей, мы имѣемъ еще современнаго неложнаго свидѣтеля, славнаго Митрополита Никифора. Отвѣчая на вопросы Князя, доказывающіе благочестивую его любознательность, о раздѣленіи церквей и постѣ, Никифоръ прибавляетъ:

«Что говорить такому Князю, который больше спитъ на голой землѣ, чѣмъ остается дома, отгоняетъ ношеніе свѣтлыхъ одеждъ, и, ходя по лѣсамъ, носитъ одежды сиротскія, и, по нуждѣ входя въ городъ, облекается въ княжескія одежды для своего сана. Что говорить и объ употребленіи пищи и питія. Знаю, что угощая другихъ на обѣдѣ свѣтломъ, самъ ты служишь и только смотришь, какъ другіе насыщаются и напиваются.»

Продолжаемъ сообщать наставленія Мономаховы, кои знакомятъ насъ лучше всего съ нимъ самимъ:

«Ходя путемъ по своимъ землямъ, не давайте отрокомъ пакости дѣяти, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни въ житехъ, да не клясти васъ начнутъ. Гдѣ остановитесь, напойте, накормите хозяина. А болѣе всего чтите гостя, откуда бы онъ ни пришелъ къ вамъ, простой ли, добрый человѣкъ, или солъ,—если не можете дарами, то брашномъ и питьемъ. Они, мимоходяще, прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ добромъ или зломъ. Больнаго присѣтите, на похороны ходите, яко всѣ будемъ смертны; не минете человѣка непривѣчавше дадите каждому доброе слово. Всего же болѣе не забывайте убогихъ, кормите по силѣ, придавайте сиротѣ, оправдывайте вдовицу, не давайте сильнымъ погубить человѣка, худаго смерда. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убивать его, хоть и будетъ кто повиненъ смерти, не погубляйте никакой души христіанской. Рѣчь-молвяче, и лихо и добро, не клянитесь Богомъ, не креститесь, въ томъ нѣтъ никакой нужды. Если случится цѣловать крестъ ко братьѣ, или къ кому другому, управьте сердце, на чемъ

Digitized by Google

можете устоять, и потомъ уже берегитеся, чтобъ не преступать. Отъ епископовъ, поповъ и игумновъ съ любовью принимайте благословеніе, и не устраняйтеся отъ нихъ, по силѣ любите ихъ и снабжайте, да примите отъ нихъ молитву къ Богу. Больше всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ душѣ своей, но говорите: мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробъ. Что ты намъ далъ, то не наше, а твое, порученное намъ на мало дней; въ землю не хороните ничего—это грѣхъ великій. Почитайте стараго какъ отца, молодаго какъ брата. Жену свою любите, но не давайте власти надъ собою. Что знаете добраго, не забывайте, а чего не умѣете, тому учитесь; такъ отецъ мой, сидя дома, изъумѣлъ пять языковъ; въ томъ есть честь отъ иныхъ земель. Лѣность всему мати: что умѣешь, то забудешь; чего не умѣешь, тому не выучишься. Не лѣнитесь ни на что доброе. А се вамъ конецъ всему: страхъ Божій имѣйте выше всего.»

«Не зазрите, дѣти мои, или инъ кто прочтетъ сію грамотицу: не хвалося я своею смѣлостію, а хвалю Бога и прославляю милость его, иже соблюлъ меня грѣшнаго и худаго столько лѣтъ отъ тѣхъ часовъ смертныхъ, и не сотворилъ меня лѣнива, на всѣ дѣла человѣческія потребна. Потщитеся на вся дѣла добрая, славьте Бога со святыми его. Не бойтеся смерти, дѣти, ни отъ рати, ни отъ звѣря, но творите мужеское дѣло, какъ вамъ Богъ подастъ. Сколько разъ спасался я отъ рати, и отъ звѣря, и отъ воды, и отъ коня спадши: такъ и васъ—ничто не можетъ повредить и убить, если не будетъ что повелѣно отъ Бога: а если отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья, не могутъ отъять. Отчее добро есть блюсти; но Божіе блюденіе лѣпше есть человѣческаго.»

«Прочитавши словеса сіи божественныя, дѣти мои, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумія наказанье, послушайте мене, если невполнѣ, то хоть въ половину. Коли Богъ умягчитъ вамъ сердце и вы прольете слезы о грѣхахъ своихъ, говорите: яко блудницу и разбойника и мытаря помиловалъ еси, такъ и насъ грѣшныхъ помилуй. Молитеся такъ въ церкви и дома, ложась спать. Не про-

Digitized by Google

пускайте ни одой ночи—молитеся въ землю; если будетъ вамъ не въ мочь, то хоть трижды. Этими поклонами и пѣніемъ побѣжаетъ человѣкъ дьявола, и покрываетъ грѣхъ, что въ день нагрѣшилъ. И ѣздя на конѣ, безъ всякаго орудья зовите безпрестанно втайнѣ: Господи помилуй,—если не знаете другихъ молитвъ. Лучше такъ молиться, нежели безлѣпицу мыслить.»

«Если забудете что, перечитывайте часто; и мнѣ будетъ безъ сорома, и вамъ будетъ добро.»

Такъ училъ Мономахъ дѣтей: такъ жилъ самъ.

Обратимся къ обозрѣнію дѣяній Володимеровыхъ на столѣ великаго Княженія.

Каменная церковь въ Вышѣгородѣ, въ похвалу и честь тѣлесамъ Святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, созданная старшими Князьями Русскими, была готова. Надо было переносить мощи. Съѣхались Князья, митрополитъ Никифоръ и всѣ епископы, Ѳеоктистъ Черниговскій, Лазарь Переяславскій, Никита Бѣлогородскій, Данило Юрьевскій, игумены: Прохоръ Печерскій, Сильвестръ, что переписывалъ лѣтопись Несторову, отъ святаго Михаила, Савва отъ святаго Спаса, Григорій отъ святаго Андрея, Петръ Кловскій, и прочіе—и былъ соборъ великъ сшедшуся народу со всѣхъ сторонъ. Въ первый день, 1 Мая, освящена была церковь, и отпѣта первая обѣдня. Угощалъ Олегъ: всѣ у него обѣдали и пировали, — «бысть угощеніе великое». На другой день, по утру, митрополиты, епископы, игумены, облекшись въ святительскія ризы, возжгли свѣщи, и съ кадилами благовонными, приступили къ ракамъ Святыхъ. Сперва взяли они раку Борисову, и поставили ее на возило, которое за веревки потащили сами князья и бояре. Впереди шли чернецы со свѣщами, потомъ попы, далѣе игумены, передъ ракою епископы, за нею князья. Народъ напиралъ со всѣхъ сторонъ, давка сдѣлалась страшная, шествіе остановилось. Везти далѣе раку не было ни какой возможности. Такое множество толпилось вездѣ, что страшно было смотрѣть: весь городъ (*),

(*) Крѣпостная стѣна.

Digitized by Google

заборола (*), крыши, усыпаны были людьми. Чтобъ сдѣлать сколько-нибудь простора, Володимеру пришло тогда на мысль рѣзать ткани и метать по сторонамъ лоскутья, мѣха, опушки, сребреники. Народъ раздался, и рака была принесена, но въ церкви опять очень трудно было поставить ее на мѣсто. Пошли за Глѣбовой и принесли ее также. Между Князьми произошелъ споръ — Володимеръ съ одной стороны, а Давыдъ съ Олегомъ съ другой: Володимеръ хотѣлъ поставить раки по срединѣ церкви, и воздвигнуть надъ ними серебряный теремъ, а Святославичи хотѣли поставить въ камору, гдѣ отецъ назначилъ имъ мѣсто. Митрополитъ и епископы, видя, что никто другому уступить не хочетъ, сказали: бросьте жеребій: гдѣ угодно святымъ мученикамъ, пусть тамъ и лягутъ. Князья согласились. Володимеръ положилъ свой жеребій на святой трапезѣ, а Давыдъ и Олегъ свой. Ихъ жеребій вынулся, — и поставили святыхъ мучениковъ въ камору, на правой сторонѣ отъ олтаря.

Володимеръ послѣ оковалъ раки ихъ серебромъ и золотомъ, и рѣзьбою столь хитрою, что сами Греки удивлялись богатству и художеству. Самыя каморы были украшены также. Князья, бояре и всѣ люди, странные и убогіе, праздновали три дня, и разстались.

Мономахъ поставилъ еще церкви: въ Переяславлѣ на Альтѣ святыхъ мучениковъ, гдѣ погибъ Борисъ, святаго Иліи въ Копыревѣ концѣ въ Кіевѣ, въ Суздалѣ, Владимирѣ, Смоленскѣ и по другимъ городамъ. Изъ городовъ вѣроятно ему принадлежитъ въ княжествѣ Суздальскомъ, куда онъ часто ѣзжалъ для разпорядковъ, Владимиръ къ Клязьмѣ, которому судьба предназначивала сдѣлаться при его внукахъ ступенью на пути къ истинному средоточію Россіи, Москвѣ.

Созвавъ въ Кіевъ знатнѣйшихъ бояръ и тысячскихъ, Ратибора Кіевскаго, Прокопія Бѣлогородскаго, Станислава Переяславскаго, Нажира, Мирослава и боярина Олегова Іоанна

(*) Башни.

Digitized by Google

Чудиновича, разсуждалъ Мономахъ съ ними о Русской правдѣ, и присоединилъ или подтвердилъ многіе новые важные законы о ростахъ, о наемникахъ, о свидѣтельствахъ, о поболхъ, о наслѣдствѣ, о судебныхъ пошлинахъ, о долгахъ, о холопахъ, смердахъ (*) и проч., законы доказывающіе его предусмотрительность, заботливость и здравый смыслъ.

Въ 1115 году устроилъ Володимеръ мостъ черезъ Днѣпръ.

Внутреннее спокойствіе, какаго никогда не было на Руси, ни прежде, ни послѣ, нарушилось, но не надолго, притязаніями двухъ князей: Глѣба Минскаго (1116) и Ярослава, сына Святополка Владимирскаго (1117); они были тотчасъ усмирены и отдались Володимеру во всю волю:

Глѣбъ Минскій, наслѣдуя вражду Рогнѣдина потомства, тревожилъ сѣверные предѣлы Кіевскаго княжества—Дреговичей, и сжегъ Случескъ. Володимеръ его останавливалъ, но онъ не только не раскаявался, а еще болѣе несъ на Володимера и укорялъ. Тогда Великій Князь Кіевскій двинулся на него съ сынами, Давыдомъ Святославичемъ и Ольговичами. Вячеславъ взялъ Оршу и Копысъ, а Давидъ съ Ярополкомъ взяли Друцкъ на щитъ; самъ Володимеръ шелъ на Минскъ. Глѣбъ затворился, но увидя наконецъ, что онъ приготовляется къ долговременной осадѣ, и ставитъ даже истбу около своего товара, испугался, и выслалъ пословъ просить мира. Володимеръ сжалился, да и не хотѣлось ему проливать кровь въ святые дни великаго поста,—онъ далъ миръ. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Володимеру, и обѣщалъ слушаться его. Великій Князь Кіевскій, наказавъ его во всемъ, омирилъ, и отдалъ Минскъ, Ярополкъ для полоненныхъ Дручанъ выстроилъ городъ Желды.

(Въ 1119 г. однакоже Володимеръ отнялъ Минскъ у Глѣба Всеславича, вѣроятно за какое-нибудь новое ослушаніе, и самого привелъ Кіеву, гдѣ тотъ вскорѣ и умеръ).

(*) Авторъ расходится здѣсь въ мнѣніи съ Карамзинымъ, о чемъ предложено будетъ въ своемъ мѣстѣ. Самые законы исключены изъ этого отрывка, дабы не увеличился онъ слишкомъ.

Digitized by Google

Ярославъ, ближайшій по старшинству наслѣдникъ великаго княжества, женатый на внукѣ его, дочери Мстиславовой, жилъ дурно съ нею, и прогналъ ее отъ себя: Володимиръ, «не терпяче злобъ его», пошелъ на него ратью, сопутствуемый также всѣми прежними князьями, къ которымъ должны были присоединиться теперь, по сосѣдству, и Ростиславичи, Володарь и Василько. Шестьдесятъ дней стояли Князья подъ Владимиромъ. Ярославъ покорился также, какъ и Глѣбъ передъ стрыемъ своимъ, и ударилъ передъ нимъ челомъ. Володимеръ, наказавъ его наконецъ во всемъ, веля приходить къ себѣ, «когда позову», далъ ему миръ (*). Святополчичь бѣжалъ однакожъ вскорѣ, къ Уграмъ,—бояре отступились отъ него,— и Мономахъ отдалъ Владиміръ сыну Роману. На третій годъ бѣглецъ приходилъ было съ Ляхами къ Червну при посадникѣ Ѳомѣ Ратиборовичѣ, но не успѣвъ ничего, воротился, а на пятый годъ съ великими уже силами — Уграми, Ляхами, Чехами, къ которымъ вѣроятно принуждены были присоединиться и Ростиславичи,—пришелъ подъ Владиміръ, гдѣ княжилъ уже сынъ Мономаховъ Андрей, заступившій мѣсто умершаго Романа.

Мономахъ началъ тотчасъ собирать свои, чтобъ вмѣстѣ съ сыномъ Мстиславомъ идти на помощь къ Андрею, но судьба помогла ему сама. Ярославъ, увѣренный въ успѣхѣ, подъѣхавъ близко къ стѣнамъ, самъ-третій, требовалъ сдачи и грозя Князю Андрею и гражданамъ, говорилъ: городъ мой; если вы не выйдете съ поклономъ, то увидите что будетъ, завтра приступлю и возму городъ. Онъ ѣздилъ еще подъ острогомъ, какъ вышли два Ляха, замыслившіе убить его, неизвѣстно по какой причинѣ, и легли подъ взъѣздомъ, а когда онъ оборотился назадъ и спустился по взъѣзду, на пути къ своимъ товарамъ, Ляхи выскочили на встрѣчу и

(*) Въ Поученіи объ этихъ двухъ походахъ сказано только: къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихомъ свое мирленое. И потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославца, не терпяче злобъ его.

Digitized by Google

пронзили его оскепами. Едва умчали его еле жива суща, и на ночь онъ умеръ. Угры, Ляхи и Чехи ушли въ свояси, Володаръ съ Василькомъ также. Къ Володимеру посланы послы съ мольбой и дарами. Такъ избавился онъ безъ всякаго съ своей стороны усилія отъ могучаго врага, и знатное княжество Владимиро-Волынское досталось также его роду. Лѣтописецъ приписываетъ такой неожиданный успѣхъ смиренію Мономаха, въ противоложность гордости Ярославовой.

Новогородцы, имѣя у себя молодаго внука Мономахова, покусились было на самоуправство, и ограбили Даньслава и Ноздрчу, безъ сомнѣнія преданныхъ Володимеру, и дѣйствовавшихъ вопреки Новогородцевъ въ его пользу. Володимеръ разгнѣвался, какъ сказано въ самой Новогородской лѣтописи, велѣлъ Мстиславу привести всѣхъ бояръ Новогородскихъ въ Кіевъ, завелъ ихъ честному кресту, поточилъ виноватыхъ и особенно соцкаго Ставра, а прочихъ отпустилъ домой. Случай необыкновенный въ Новогородской древней исторіи, доказывающій силу и могущество Мономаха.

Чрезъ годъ онъ послалъ туда даже своего посадника Бориса.

Такимъ образомъ Мономахъ овладѣлъ почти всею Русскою землею, по крайней мѣрѣ заставилъ себя слушаться вездѣ. Кіевъ, Переяславль, Смоленскъ, Суздаль, Ростовъ, Владимиръ, даже самый Новгородъ, принадлежали ему совершенно, Полоцкъ почти, и только Черниговскіе князья, хотя и покорные, и Галицкіе, оставались самостоятельными.

Половцы при Володимерѣ не смѣли шевельнуться.

Въ 1116 г. онъ посылалъ сына своего Ярополка, а Давыдъ Всеволода, на Донъ, и они взяли три города: Сугровъ, Шарукань, Балинъ.

Не имѣя болѣе поживы на Руси, Половцы принуждены были искать ее индѣ: такъ въ 1117 г. ходили они съ Аепою на Волжскихъ Болгаръ, которые отравили его съ прочими товарищами, выславъ имъ на поклонъ питье, растворенное ядомъ.

Digitized by Google

Въ 1116 году бились Половцы два дни и двѣ ночи сряду, на Дону, съ Торками, Берендѣями и Печенѣгами, остатками разныхъ племенъ Турецкихъ, кочевавшихъ искони по тучнымъ пастбищамъ нынѣшней южной Россіи. Одоленные искали себѣ убѣжища въ областяхъ Русскихъ, гдѣ уже поселились прежде нѣкоторые изъ ихъ единоплеменниковъ, и служили Кіевскимъ князьямъ. Вслѣдъ за ними пришли Бѣловежцы, безъ сомнѣнія—родомъ Козары. Володимеръ принялъ ихъ всѣхъ, и оставилъ военными поселеніями на предѣлахъ великаго княжества Кіевскаго, въ ограду отъ другихъ варваровъ; но нѣкоторыхъ изъ нихъ, Берендичей, черезъ три года (1121) выгналъ, вѣроятно за набѣги, отъ которыхъ сіи дикіе сыны степей не могли удержаться, на сосѣднія Русскія страны, а другіе, Торки и Печенѣги, сами бѣжали, опасаясь его наказанія за такіе же подвиги. Впрочемъ много изъ нихъ осталось, и служило вѣрно князьямъ Кіевскимъ.

Сосѣдей всѣхъ Володимеръ держалъ въ страхѣ. Сыновья, по указаніямъ его, ходили во всѣ стороны, и разносили вездѣ страхъ Русскаго имени, какъ то было въ первомъ вѣкѣ Норманскаго владычества.

Мстиславъ въ 1116 г. ходилъ съ Новогородцами и Псковичами на *Чудь*, взялъ ихъ городъ Медвѣжью голову и погостовъ безъ числа, и возвратился со многимъ полономъ.

Въ 1120 году Андрей съ Половцами воевалъ *Ляховъ*, а Юрій изъ Суздали ходилъ по Волгѣ на *Болгаръ*, побѣдилъ ихъ полки, и взялъ много полону.

И Греція, послѣ продолжительнаго спокойствія со стороны Руси, услышала опять на нѣсколько времени это страшное для нея имя. Въ 1116 годъ зять Володимеровъ, Царевичъ Леонъ, сынъ Императора Діогена, истинный или мнимый, ходилъ на его преемника Киръ-Алексѣя, съ помощію Половецкою и вѣроятно Русскою,—и нѣсколько городовъ Дунайскихъ ему предалось, но въ Доростолѣ два подосланныхъ Сарацына его убили. Тогда же Володимеръ послалъ на Дунай воеводу своего

Digitized by Google

Ивана Войтишича, который занялъ многіе города, и посажалъ посадниковъ по Дунаю. Въ слѣдующемъ году посылалъ онъ на Дунай сына Вячеслава съ воеводою Ѳомою Ратиборовичемъ, сыномъ его стараго сподвижника Ратибора, которые воротились однако отъ Доростола безъ успѣха.

Преданіе о сихъ походахъ на Имперію, соединенное со славою имени Володимерова, можетъ быть послужило основаніемъ сказаніямъ новѣйшихъ лѣтописей о подвигахъ Мономаха въ Греціи. Онѣ говорятъ, что Володимѣръ при самомъ вступленіи на великокняжескій столъ посылалъ воеводъ на Ѳракію съ сыномъ Мстиславомъ, что они завоевали всю Ѳракію, и что Императоръ Алексій, прося о мирѣ, прислалъ Володимеру крестъ отъ животворящаго древа, вѣнецъ царскій, съ главы своей снятый, крабицу сердоликовую, изъ коей Августъ кесарь веселился, и цѣпи златыя. Мономахъ вѣнчался будто симъ вѣнцемъ отъ руки Греческаго митрополита Неофита, привезшаго драгоцѣнные дары въ Кіевъ. Нѣсколько Греческихъ вещей значатся впрочемъ въ завѣщаніяхъ Московскихъ князей съ 14 вѣка, а съ 16, то есть со временъ Ивана Васильевича Грознаго, такъ называемыя Мономаховы царскія утвари употребляются при царскихъ вѣнчаніяхъ.

Мономахъ, уже маститый старецъ, приближался къ закату дней своихъ, оставаяся старшимъ наличнымъ княземъ изъ всего Володимерова и Ярославова рода; старшіе двоюродные его братья, отъ Володимера и Изяслава, скончалися гораздо прежде, а Святославовы, Олегъ въ 1115 и Давидъ въ 1125, кромѣ меньшаго Ярослава, который былъ лѣтами впрочемъ его моложе. Даже изъ меньшихъ его двоюродныхъ братьевъ никого не оставалось въ живыхъ.

Всѣхъ сыновъ своихъ успѣлъ онъ женить, и всѣхъ дочерей выдать замужъ, при своей жизни, даже нѣкоторыхъ внуковъ и внучатъ, и посредствомъ сихъ браковъ вошелъ въ родство со многими Европейскими Государями. Самъ онъ женатъ былъ три раза: первая супруга его была Гида, дочь Англійскаго Короля Гаральда, (прочія неизвѣстны).

Digitized by Google

Старшій сынъ Мстиславъ женился на Христинѣ, дочери Шведскаго Короля Инга Стенкильсона. (Во второй разъ — на дочери Новгородскаго посадника Дмитрія Завидича).

Ихъ дочери выданы были замужъ: одна за Норвежскаго короля Сигурда, а потомъ за Датскаго Эрика Эдмунда: вторая за Канута святаго, короля Оботритскаго, отца Волдемара славнаго, короля Датскаго, названаго симъ именемъ, можетъ быть, замѣчаетъ Карамзинъ, въ честь великаго прадѣда Володимера Мономаха: третья за Греческаго царевича (1122).

За сына *Юрія* въ 1107 г. Мономахъ взялъ Половецкую княжну, дочь Аэпы, внуку Осеневу.

За сына *Романа* въ 1113 г. Володаревну.

Ярополкъ, изъ Половецкаго похода, въ 1116 г., привелъ себѣ жену, красну вельми, Ясьскаго князя дочь.

Андрей женился на внукѣ Половецкаго Князя Тугоркана, 1110.

Дочь Евѳимія выдана (1112) за Венгерскаго короля Каломана, уже престарѣлаго.

Вторая дочь, вѣроятно Марія, за Греческаго Царевича Леона, котораго Анна Комнина называетъ самозванцемъ.

Владѣнія свои раздѣлилъ Мономахъ между сыновьями слѣдующимъ образомъ: старшему Мстиславу онъ отдалъ столъ великаго княжества Кіевскаго, Ярополку Переяславль, Вячеславу Туровъ, Георгію Суздаль, Андрею Владимиръ, Всеволоду, внуку, Новгородъ. Распоряженія его простирались даже на внуковъ.

Сей славный, уважаемый, любимый всѣми, ужасный врагамъ, князь Русскій скончался въ 1125 году, на берегу Альты, близь построенной имъ церкви святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, 73 лѣтъ отъ рожденія, княживъ въ Кіевѣ 13, въ Переяславлѣ около 20 лѣтъ.

О кончинѣ его переведемъ мы простыя, но сильныя слова Кіевской лѣтописи, которая всего лучше выражаетъ мнѣніе народное объ усопшемъ:

Digitized by Google

«Въ лѣто 1125, преставился благовѣрный князь, христолюбивый и великій князь всея Руси, Володимеръ Мономахъ, иже просвѣти Русскую землю, какъ солнце пуская лучи, его-же слухъ произыде по всѣмъ странамъ,—особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; братолюбецъ, и нищелюбецъ, и добрый страдалецъ за Русскую землю. Преставленіе его было Мая 19. Тѣло его положено у святой Софіи, у отца Всеволода, съ пѣснями и молитвами обычными. Святители горестные плакали о святомъ и добромъ князѣ; *весь народъ и вся люди плакали о немъ, какъ дѣти плачутъ по отцѣ или по матери; вотъ какъ вся о немъ плакали*, и сыновья его, Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, Андрей, и внуки его. Съ плачемъ великимъ разошлись люди, и дѣти его по тѣмъ волостямъ, что роздалъ имъ.»

Въ Суздальской лѣтописи встрѣчаются при семъ еще слѣдующія замѣчанія: «сей чудный князь Володимеръ старался сохранять божіи заповѣди, и нося страхъ Божій въ сердцѣ, поминалъ всегда слова Господни: о семъ познаютъ вы вси человѣци, яко мои ученици есте, аще любите другъ друга, и любите врагы ваши, и добро творите ненавидящимъ васъ. Онъ не возносился, ни величался, а предоставлялъ все Богу, и Богъ предалъ всѣхъ зломысловъ подъ руки его, потому что отпускалъ ихъ одареныхъ. Милостивъ былъ паче мѣры, не щадилъ имѣнія своего, одѣляя требующихъ, и церкви зижа и украшая.»

Митрополитъ Никифоръ въ вышеупомянутомъ посланіи свидѣтельствуетъ тоже самое: «руки твои простираются ко всѣмъ» говоритъ онъ князю». Ты не держишь у себя серебра и золота, но раздаешь все неимущимъ, а скотница (казна) твоя по благодати Божіей всегда полна, неоскудная и неистощимая.»

«Великую вѣру», продолжаетъ таже лѣтопись, «имѣлъ онъ къ Богу и къ сродникамъ своимъ, къ святымъ мученикамъ, Борису и Глѣбу, тѣмъже и церковь «прекрасную» создалъ на томъ мѣстѣ, на Альтѣ, во имя святаго Бориса, гдѣ пролита неповинно кровь его. Очень жалостливъ былъ, и пріялъ тотъ даръ отъ Бога, что входя въ церковь и слыша пѣніе, всегда проливалъ

Digitized by Google

слезы, и молился всегда со слезами. За то Богъ и свершалъ всѣ его прошенія, и исполнилъ лѣта его въ доброденствѣ.»

Такіе отзывы продолжаются во всѣхъ лѣтописяхъ при всякомъ случаѣ. Укажемъ на нѣкоторые.

Продолжатель Несторовъ подъ 1139 г., описывая милостивой поступокъ Ярополка, говоритъ въ похвалу ему: «Ярополкъ былъ милостивъ, добръ, имѣлъ страхъ Божій въ сердцѣ, какъ и отецъ его имѣлъ страхъ Божій въ сердцѣ».

Лѣтописатель Василій прибавляетъ, разсказывая объ осадѣ Мономахомъ Кіева: « онъ преклонился на мольбу Княгини, ибо почиталъ ее какъ мать свою, ради отца своего, котораго онъ любилъ и не ослушался никогда ни при жизни, ни по смерти, потому и послушалъ ее, какъ мать; онъ любилъ и духовенство, особенно чернеческій чинъ, приходящихъ къ нему напитывалъ и напоялъ, какъ мать дѣтей; видѣлъ ли кого шумна или въ зазорѣ, не осуждалъ, но все прекладывалъ на любовь.»

Это любезное и необыкновенное въ его время качество, снисходительность, видно и изъ слѣдующихъ словъ поученія, примѣчательныхъ и въ авторскомъ отношеніи.

«Кто прочтетъ сію грамоту изъ дѣтей моихъ изъ чужихъ людей, и не понравится ему она, не смѣйся и не сердись, скажи: на далекомъ пути, на саняхъ сидя, безлѣпицу молвилъ».

Въ послѣднемъ отношеніи всего примѣчательнѣе начало Поученія, исполненное истиннаго краснорѣчія, которое мы и помѣстимъ здѣсь взаключеніе прочихъ нашихъ выписокъ:

«Я худой, отъ дѣда своего Ярослава, благословеннаго, славнаго, названный въ крещеніи Василіемъ, а по-Русски Володимеромъ, отъ отца своего возлюбленнаго и матери Мономахини.... Пишу сію грамоту для дѣтей моихъ и всѣхъ христіанскихъ людей. Имѣйте страхъ Божій въ сердцѣ и творите милостыню неоскудную—вотъ начатокъ всякому добру.

«Велій еси Господи, и чудна дѣла твоя! Никакой разумъ человѣческій не можетъ не повѣдати чудесъ Твоихъ: — какъ небо устроено, солнце... какъ луна и звѣзды, и тьма и свѣтъ,

Digitized by Google

и земля на водахъ положена, Господи, Твоимъ промысломъ!... И сему чуду дивимся, какъ человѣкъ созданный отъ персти бываетъ разноличенъ; если весь міръ совокупить, то всякій явится съ своимъ образомъ? И птицы небесныя умудрены Тобой, Господи? Егда повелишь, воспоютъ и возвеселятъ... Благословенъ еси Господи и хваленъ зело.... Иже не хвалитъ Тебя Господи, и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ.»

«Научися вѣрный человѣче, быть благочестивымъ дѣлателемъ, по Евангельскому слову, помыслъ чистъ имѣти, понуждайся на добрыя дѣла, Господа ради: очамъ управленье, языку удержанье, уму смиренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье. Лишаемъ не мсти; ненавидимъ и гонимъ терпи; хулимъ моли; умертвимъ грѣхъ. Господь указалъ намъ побѣждать врага тремя добрыми дѣлами покаяньемъ, слезами, милостынею. Помните, что имп улучить можно милость Божію, не тяжкая это заповѣдь, — не одиночество, не чернечество, не голодъ, что творятъ иные добрые.»

Современныя свидѣтельства, а еще болѣе самыя дѣйствія Мономаховы, переданныя намп согласно со всѣми лѣтописями, подтверждаютъ искренность и правдивость его словъ.

И народъ любилъ Мономаха за его княжескія доблести, за его человѣческія добродѣтели. Во всей Русской землѣ чтилась память его долго послѣ его кончины:

Новогородцы въ 1142 году говорятъ Всеволоду Ольговичу: не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племяника вашего, хотимъ племени Володимеря.

Кіяне въ 1147 отвѣчаютъ Изяславу Мстиславичу, звавшему ихъ на Олеговичей, среди коихъ находился сынъ Мономаховъ: княже, не гнѣвайся на насъ, на Володимере племя руки поднять не можемъ, на Олеговичей такъ пожалуй, хоть съ дѣтьми.

Digitized by Google

Въ тоже время Куряне отказались передъ сыномъ этого Изяслава, Мстиславомъ, идти на его противниковъ, между которыми находился другой внукъ Мономаховъ: за тебя, князю, биться ради, а на Володимере племя, говорили они, не можемъ идти, на Юрьевича руки поднять не можемъ.

И позднѣйшее потомство сохранило тоже почтеніе, туже любовь, къ Мономаховой памяти. Когда въ 16 вѣкѣ возникла мысль о Царскомъ титлѣ для Великихъ Князей Московскихъ, имя Мономахово тотчасъ представилось правительству. Такъ и теперь—вѣнецъ, которымъ вѣнчается Русскій Царь въ великую минуту вступленія на престолъ первой державы въ мірѣ, именуется Мономаховымъ, какъ бы взнаменіе той любви, той взаимной преданности, того высокаго, чистаго, духовнаго союза, который долженствуетъ быть между Русскимъ Царемъ и Русскимъ Царствомъ.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

Письма Князя Потемкина-Таврическаго и Палласа къ Князю Николаю Ивановичу Салтыкову (*).

I.

Милостивый Гдрь мой Николай Ивановичь!

Вложенное здѣсь письмо прошу подънести Государынѣ.

Богъ одинъ видитъ, сколь заботы мои неописанны. Украинская Армѣя разсыпана во всему свѣту всю должно собирать запасу хлѣбнаго не было поблизости жили со дня на дѣнь, рекруты недошли до полковъ и нескоро дойдутъ ремонты тоже, голова право въкругъ идетъ. Постарайтеся о наборѣ рекрутъ преждѣ Сентября а то никогда къ порѣ не поспѣетъ, простите Милостивый Государь я съ непремѣннымъ почтеніемъ и преданностію.

вѣрный и покорнѣйшій слуга
Кн. Потемкинъ-Таврическій

5 Іюля
Олвіополь.

на оборотѣ:
Его высокопревосходительству!
Милостивому Гдрю моему Николаю Ивановичу
Салтыкову.

II.

Милостивый Гдрь мой Николай Ивановичь!

Слава Богу у насъ здѣсь Его помощь вездѣ является.

Орекрутахъ получилъ, тысячи три или четырѣ прибавить нужно, до весны еще мнóго убудетъ, сей часъ ѣду прости Милостивый Государь и будте увѣрены что я непремѣнно

вѣрный и покорнѣйшій слуга
Князь Потемкинъ-Таврическій.

на оборотѣ:
Милостивому Государю моему Николаю Ивановичу
Его высокопревосходительству
Салтыкову.

(*) Николай Ивановичь Салтыковъ р. 1736 г.; въ 1773 г. Генералъ-Аншефъ и Вице-Президентъ Военной Коллегіи; въ 1790 г.—Графъ; въ 1796 г.—Генералъ-Фельдмаршалъ; въ 1814 г.—Князь; +1816. — Воспитатель Императора Александра и Великаго Князя Константина.

Правописаніе соблюдено подлинное.

Digitized by Google

III.

Excellence.

Monsieur le Comte,

Je profite du départ de M^r^ le colonel Koscheleff en semestre pour me rapeller au souvenir de Votre Excellence. Une longue suite de maladies et de chagrins m'a rendu presqu' étranger au monde. Ce n'est que depuis l'avenement de nôtre Incomparable Souverain au trône, que je commence à revivre et j'ose me flatter que Votre Excellence voudra bien me permettre de lui adresser de temps en temps mes respects par Lettres. Mon séjour dans cette Presqu'isle a été, depuis la mort de la Grande Imperatrice, qui me l'assigna, marqué de beaucoup de désagrement, qui tenoient à la faible administration du Gouverneur Comte Kahofsky (*) et à des procès injustes, que la chicane suscitoit alors, par le moyen des Tatares, à tous les Propriétaires chrétiens. J'espere que le nouvel ordre des choses que Sa Majesté nôtre Empereur prépare pour cette partie de Son Empire si, digne d'être rélevée, mettra fin à ces chicanes pas encore terminées, et que je pourrai enfin jouir de quelqu'aisance par le révenû des terres, qui m'avoient été accordées, et qui ont été, par l'effet de ces procés d'aucun raport, et même ruineuses pour moi.

Votre Excellence voudra bien pardonner à un vieillard de l'avoir entretenû de ses chagrins, et me permettre de recommender à Sa protection le Porteur de la présente, ainsi que celui qui a l'honneur d'être à jamais avec le plus profond respect,

de Votre Excellence
le très humble et très-obeiss^t^.
serviteur
P. I. Pallas.

Akmetchet
Ce 25 Nov. 1801.

(*) Графъ Михаилъ Васильевичъ Каховскій род. 1754 г.; Генералъ отъ Инфантеріи; съ 1794 г. начальствовалъ надъ войсками, расположенными въ Тавридѣ; Императоръ Павелъ I, при вступленіи на престолъ переименовалъ его въ начальника Таврической дивизіи; + 1800 г.

Digitized by Google

НЕСТОРІАНЕ.

(ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ДОКТОРА ГРЭНА ПО ВОСТОКУ.)

(Окончаніе.)

Мы видѣли, что десять колѣнъ не выходили изъ Ассиріи послѣ плѣна; теперь нужно доказать, что Несторіане, населяющіе Ассирію, потомки десяти колѣнъ Израильскихъ. Обратимъ прежде всего вниманіе на ихъ языкъ. Я замѣчалъ уже, что Провидѣнію угодно было, чтобъ нѣкоторые изъ потомковъ 10 колѣнъ остались въ Іудействѣ, дабы чрезъ то засвидѣтельствовать единство съ ними Несторіанъ по происхожденію. Сами Іудеи говорятъ, что у нихъ и у Несторіанъ одни предки. У нихъ общій языкъ; сила не въ томъ, что Несторіане говорятъ по-еврейски, но въ томъ, что это языкъ особенный, отличный отъ языка Евреевъ, живущихъ въ другихъ странахъ свѣта. Это діалектъ Сирскій. Тотъ, на которомъ говорятъ Несторіане, существенно тотъ же Сирскій, и они утверждаютъ, что между языкомъ сосѣднихъ Евреевъ и ихъ нарѣчіемъ также мало различія, какъ между различными діалектами, на которыхъ говорятъ у нихъ. Наблюдая надъ Несторіанами всѣхъ этихъ мѣстъ, я могъ въ томъ убѣдиться. Я видѣлъ Несторіанъ изъ Урміи, которые разговаривали съ Евреями изъ Амадіа, и я могу теперь говорить съ Урмійскими Евреями на ихъ собственномъ нарѣчіи такъ свободно, какъ я говорилъ на томъ же языкѣ съ Несторіанами. Другіе члены нашей миссіи замѣтили также, какъ я, поразительное сходство

Digitized by Google

этихъ двухъ нарѣчій, такъ что одинъ изъ моихъ друзей, разговаривая съ однимъ Евреемъ въ Урміи на Сирскомъ діалектѣ, подумалъ, что этотъ Еврей выучился языку Несторіанъ, чтобъ быть между ними толмачемъ по коммерческимъ дѣламъ. Голлэдэй, бывшій профессоромъ языковъ въ одномъ Американскомъ коллегіумѣ и долгое время изучавшій языкъ Несторіанъ на мѣстѣ, говоритъ: языкъ Урмійскихъ Несторіанъ такъ мало отличается отъ языка Евреевъ, живущихъ въ той же странѣ, что я признаю его только нарѣчіемъ одного и того же языка, и считаю Несторіанъ и Евреевъ одноплеменными.» Образованнѣйшіе изъ Евреевъ въ совершенствѣ знаютъ Еврейскій языкъ, и могутъ говорить на немъ и читать таргумы Халдейскіе. Но простой народъ не понимаетъ ни того, ни другаго языка; они говорятъ исключительно на народномъ Сирскомъ, также какъ и Несторіане въ своемъ кругу. Какъ же Несторіане и Евреи могли имѣть одинъ языкъ? Они не могли образовать его здѣсь, ибо Сирскій языкъ вообще никогда не распространялся на востокѣ за Евфратомъ.

Ученые доказали, что теперешній Несторіанскій языкъ произошелъ отъ древняго Сирскаго, а не Халдейскаго. Но Сирскій былъ ли языкомъ 10 колѣнъ въ землѣ ихъ предковъ? Всѣ ли Евреи говорили на немъ, или Израиль и въ этомъ имѣлъ отличіе отъ Іуды? Во времена Спасителя Сирскій языкъ былъ общеупотребительнымъ въ Палестинѣ. Греческій былъ еще употребительнѣе, а Еврейскій оставался только въ книгахъ. Нѣкоторые думали, что Сирскій или Арамейскій былъ принесенъ изъ Вавилона послѣ возвращенія Іудеевъ изъ плѣна. Но Халдейскій, господствовавшій въ это время въ Вавилонѣ, котораго образецъ сохранился для насъ въ книгѣ Даніила, представляется весьма различнымъ отъ Сирскаго, и, мы, на основаніи письма Самаритянъ къ Царю Артаксерксу, можемъ заключить, что такое же различіе между ими было во время плѣненія: *и написа ко Артаксерксу, Царю Персскому письмоносецъ писаніе Сирскимъ языкомъ и претолковано* (1 Ездр. IV. 7.) Языкъ Арамейскій, какъ извѣстно, состоялъ изъ смѣси Сирскаго съ Халдейскимъ, и такъ какъ послѣдній былъ язы-

Digitized by Google

комъ Вавилонянъ, а на первомъ говорили въ Палестинѣ, то естественно предположить, что письмо, написанное на одномъ изъ этихъ діалектовъ, было истолковано или переведено на другой; потому приведенное мѣсто должно понимать такъ: письмо было написано на Арамейскомъ западномъ или Сирскомъ, и переведено на Арамейскій восточный или Халдейскій. Письмо было писано изъ Самаріи, столицы Царства Израильскаго, потому языкъ Сирскій былъ тамъ употребительнымъ, спустя менѣе двухъ вѣковъ послѣ преселенія оттуда 10 колѣнъ. Но какимъ образомъ онъ попалъ туда? Конечно, его не принесли съ собою Іудеи, возвратившіеся изъ плѣна, ибо, по причинѣ раздѣленія, существовавшаго между Іудою и Израилемъ, они имѣли весьма мало сношенія одни съ другими, тѣмъ болѣе, что это былъ Арамейскій западный, а не восточный, который они могли пренесть съ собою. И такъ, если Сирскій языкъ не долго послѣ плѣна 10 колѣнъ былъ господствующимъ въ Самаріи, ихъ столицѣ, а поселенцы, заступившіе ихъ мѣсто въ Самаріи, были разноплеменны, то можно положить, что Израильтяне говорили на этомъ языкѣ до плѣненія. Другое доказательство господства Сирскаго языка въ землѣ Израильтянъ—это древность Самаритянскаго перевода пятокнижія. Нѣкоторые думаютъ, что переводъ сдѣланъ даже прежде раскола Самарянъ. Во всякомъ случаѣ, прежде нежели Сирской или Арамейской языкъ занялъ мѣсто Еврейскаго, Изряильтяне уже имѣли Еврейское пятокнижіе, написанное буквами Самаритянскими.

Но главное доказательство на это находится въ положеніи 10 колѣнъ относительно народовъ, ихъ окружающихъ. Когда 10 колѣнъ возмутились протезъ Іуды, ихъ Цари употребляли всѣ усилія, чтобъ сдѣлать этотъ народъ отдѣльнымъ отъ другихъ Евреевъ. Если для усиленія этого разрыва они рѣшились вовлечь Израильтянъ даже въ идолопоклонство, то безъ сомнѣнія они позаботились и о томъ, чтобъ ввести между ими въ употребленіе особый языкъ. Соединившись съ Сирійцами, они естественно должны были узнать ихъ языкъ тѣмъ болѣе, что, рановременно введши у себя Сирскія божества и ихъ рели-

Digitized by Google

гіозные обряды, они имѣли нужду въ средствѣ сообщенія съ Сиріянами. Они были союзниками Сиріянъ во время войны ихъ съ царствомъ Іудейскимъ. Что Сирскій языкъ дѣйствительно былъ введенъ между Израильтянами, доказывается и тѣмъ, что они были покоряемы Сирійцами. Долгое время Сирійцы ихъ утѣсняли и раззоряли. Послѣ смерти Азаила Царя Сирскаго, который былъ бичемъ Божіимъ для Израиля и поработилъ его болѣе нежели на 20 лѣтъ, Израильтяне взяли верхъ надъ своими утѣснителями, но это не надолго облегчило ихъ иго. Десять колѣнъ были доведены до такого крайняго положенія этимъ тягостнымъ рабствомъ, что стали призывать Бога въ помощь. *И видѣ Господь смиреніе Израилево горько дѣло, и мало содержимыхъ, и умаленыхъ и оставленныхъ, и не бѣ помогающаго Израилю, и не глагола Господь искоренити сѣмени Израилево подъ небесемъ, и спасе я рукою Іеровоама, сына Іоасова* (4 Цар. XIV. 26. 27.).

Какъ послѣ этого удивляться, что послѣ 40-ка лѣтняго рабства и тѣсныхъ гражданскихъ и религіозныхъ сношеній съ Сиріянами 10 колѣнъ продолжали говорить на сирскомъ языкѣ и послѣ своего рабства? Если возразятъ, что народъ порабощенный не охотно усвояетъ обычаи побѣдителей, то мы можемъ сослаться на исторію тѣхъ странъ, гдѣ бывали неоднократно подобныя перемѣны, и гдѣ народъ, не смотря на противодѣйствіе, долженъ былъ наконецъ совершенно покориться своей судьбѣ. Такъ было съ большею частію малоазійскихъ Грековъ. Ихъ силою оружія заставили говорить на языкѣ ихъ повелителей—магометанъ, вмѣсто ихъ роднаго прекраснаго языка. Въ самой Палестинѣ Арабскій языкъ вытѣснилъ Сирскій, такъ же какъ и этимъ прежде былъ замѣненъ Еврейскій.

Близкое сродство Еврейскаго и Сирскаго языковъ сдѣлало эту перемѣну слишкомъ незамѣтною для народа Израильскаго. Если присоединить ко всему этому то, что Евреи, живущіе въ странахъ, куда преселены были 10 колѣнъ, говорятъ теперь на Сирскомъ языкѣ, который не употребителенъ у другихъ Евреевъ, то слѣдуетъ заключить, что предки ихъ узнали

Digitized by Google

этотъ языкъ прежде своего плѣна, и что Евреи, живущіе теперь въ Алаи, Габорѣ, на рѣкахъ Гозанскихъ и въ предѣлахъ Мидскихъ, суть потомки десяти колѣнъ.

Если одинъ и тотъ же языкъ доказываетъ единоплеменность двухъ народовъ, то языкъ Несторіанъ подтверждаетъ ихъ Еврейское происхожденіе. Если бы Сирскій языкъ былъ общеупотребительнымъ и у другихъ племенъ въ странѣ, гдѣ живутъ Несторіане, тогда бы нечего было и говорить. Но должно быть слишкомъ легковѣрнымъ, чтобъ допустить что съ V-го или даже съ I-го вѣка по Р. Х. 10 колѣнъ оставили страну, занимаемую теперь Несторіанами, и что вмѣсто ихъ поселился другой народъ, говорящій тѣмъ же языкомъ и носящій то же имя.

Достойно замѣчанія, что только у Несторіанъ и у Евреевъ Мидіи и Ассиріи Сирскій языкъ теперь живой языкъ. Употребленіе Сирской литургіи у другихъ христіанъ также, какъ у Несторіанъ, не представляетъ возраженія противъ вѣрности нашихъ заключеній. Большая часть изъ тѣхъ, кои употребляютъ сей языкъ въ богослуженіи, живутъ въ предѣлахъ Сиріи, и знаменитая Сирская школа въ Едессѣ ввела его во всѣ окружныя церкви. У нихъ и у христіанъ Малабарскихъ Сирскій языкъ — языкъ книжный, и это не доказываетъ Еврейскаго происхожденія сихъ народовъ, также какъ употребленіе Латинскаго языка въ церквахъ Ирландскихъ не доказываетъ, чтобъ Ирландцы были Римляне по происхожденію. Въ Сиріи и большей части Месопотаміи у христіанъ Сирскихъ въ общемъ употребленіи языкъ Арабскій, между тѣмъ въ Орфѣ, древней Едессѣ, гдѣ такъ процвѣтала Сирская литература, говорятъ только по-турецки. Также въ Діарбекирѣ, Мардинѣ и Моссулѣ господствуетъ языкъ Турецкій, а Сирскій извѣстенъ только не многимъ, какъ языкъ классическій, и притомъ перешелъ туда отъ Несторіанъ Ассирійскихъ. Богослуженіе на Сирскомъ не только не понятно для народа, но и для многихъ лицъ духовныхъ. Положимъ, что христіане Сирскіе вступили въ сношенія съ Индійцами или Африканцами, и ввели Сирскій языкъ въ ихъ богослуженіе; будетъ ли это доказа-

Digitized by Google

тельствомъ, что Индусы и Африканцы одинъ народъ съ Несторіанами? Итакъ мы неизбѣжно приходимъ къ тому же заключенію, что и Несторіане и Евреи одинъ народъ, чада Израиля, Béni Izraïl.

Множество наименованій, которыя носятъ Несторіане, доказываетъ также ихъ Еврейское происхожденіе. Béni Izraïl — выраженіе вообще употребляемое для означенія племени Несторіанъ. Спросите у любаго изъ нихъ о его предкахъ, и всякій скажетъ: мы чада Израиля. Это выраженіе у нихъ слишкомъ обыкновенно, но такъ какъ ихъ частный характеръ, какъ Іудеевъ, исчезъ подъ вліяніемъ христіанства, и національность погибла подъ бременемъ долговременнаго рабства, — то они чаще приписываютъ себѣ другія наименованія.

Они часто называютъ себя Назореями. Я видѣлъ нѣсколько писемъ Несторіанъ къ Патріарху Маръ Симону, и онъ въ нихъ именуется Патріархомъ всѣхъ Назореевъ. Всѣ сосѣдніе народы, за исключеніемъ Армянъ, называютъ ихъ также Назореями. Это также не малое доказательство въ пользу ихъ Еврейскаго происхожденія.

Назореями назывались обыкновенно Христіане изъ Іудеевъ, которые считали необходимымъ точное исполненіе закона Моисеева и Іудейскихъ обрядовъ. Іеронимъ называлъ ихъ Евреями, увѣровавшими во Христа. И такъ Несторіане суть Іудеи, обращенные въ Христіанство. Имя Назореевъ носятъ еще Христіане Св. Ѳомы въ Траванкорѣ, въ Индіи; вѣроятно, что они получили это названіе также отъ Несторіанъ, которые удалились въ Индію во время жестокихъ гоненій въ IV и VII вѣкахъ по Р. Х. И такъ на нихъ можно смотрѣть, какъ на единоплеменниковъ съ Несторіанами Мидіи и Ассиріи, потому что въ нихъ есть очевидныя доказательства ихъ Еврейскаго происхожденія, хотя они и соединились въ послѣдствіи съ Сирскими Якобитами. Замѣчательно, что они доселѣ носятъ имена Еврейскія.

Если нужно еще яснѣе доказать, что имя Назореевъ исключительно усвояется обращеннымъ Іудеямъ, то мы можемъ сослаться на употребленіе сего слова въ ихъ особомъ Евангеліи,

Digitized by Google

писанномъ на Сирскомъ языкѣ, которое по своему назначенію именуется Евангеліемъ Назореевъ. Отцы часто ссылаются на Евангеліе Назореевъ, которое ничѣмъ не отличается отъ Евангелія отъ Матѳея; оно было *написано* на Еврейскомъ или на Сирскомъ *для первыхъ Христіанъ* изъ Іудеевъ, но потомъ повреждено Евіонитами. Другіе думаютъ, что самъ Евангелистъ Матѳей написалъ это Евангеліе на Еврейскомъ или на Сирскомъ для новообращенныхъ изъ Іудейства.

Наименованіе Сирійцевъ, усвояемое Несторіанами, могло произойти отъ Сирской литургіи, которая была у нихъ въ употребленіи, или еще вѣроятнѣе отъ того, что они составляли отрасль древней Церкви Антіохійской, которая раздробилась отъ множества расколовъ, и каждый отдѣлъ, считая себя православнымъ, усвоялъ себѣ право называться именемъ Сирской Церкви. Отсюда происходитъ, что и у Несторіанъ это имя равнозначительно имени Христіанъ православныхъ; оно даже употребляется иногда для означенія Христіанъ вообще.

Именемъ *Халдеевъ* большею частію называются Католики сихъ странъ; при чемъ оно, хотя и рѣдко, усвояется и Несторіанамъ, дабы напомнить имъ связь съ Авраамомъ, который былъ изъ Ура въ Халдеи. Проведши нѣсколько времени въ странѣ древнихъ Халдеевъ *я взошелъ* на горы Ассиріи, думая найдти у Несторіанъ сходство съ симъ народомъ. Но мое ожиданіе не оправдалось. Характеръ независимости, которымъ они отличаются, замѣтенъ также и у Курдовъ, населяющихъ ту страну, гдѣ Ксенофонтъ (Xenoph. anal. IV. 3. 4.—V. 5. 9. VII. 8. 14.) отыскалъ Халдеевъ. Должно думать, что этимъ именемъ стали называть Несторіанъ очень недавно, ибо христіане халдейскіе происхожденія не древняго. Въ 1681 году Митрополитъ Несторіанскій въ Діарбекирѣ, поссорившись съ своимъ Патріархомъ, былъ въ первый разъ поставленъ Папою въ Патріарха Халдеевъ. Обращенные въ католицизмъ изъ церквей Несторіанской и Якобитской соединились въ одно тѣло, которое означилось именемъ церкви Халдейской. Итакъ, это имя вообще означаетъ Сирскихъ католиковъ.

Digitized by Google

Называться именемъ Несторіанъ, которымъ мы означаемъ цѣлый народъ, не любятъ сами Несторіане; имъ не хочется, чтобъ ихъ подозрѣвали въ ереси, которую посѣялъ Несторій, Епископъ Константинопольскій въ 431 году, и которая была проклята вселенскою Церковію. Они не согласны производить свое ученіе и богослуженіе отъ Несторія; называютъ Богородицу Христородицею; но вмѣстѣ признаютъ соединеніе двухъ естествъ во Христѣ, и потому съ удивленіемъ спрашиваютъ, за что имъ усвоили имя Епископа Греческаго, жившаго въ отдаленной древности, къ которому они не имѣли никакого отношенія.

Перелистывая страницы исторіи, мы находимъ, что обращенные Іудеи продолжали соблюдать обрядовый законъ потолику, поколику, это было совмѣстно съ правилами Христіанства, между тѣмъ сего закона обрядоваго не было возлагаемо на обращенныхъ изъ язычниковъ (Дѣян. XVI, 29.). Соблюденіе Несторіанами обрядоваго закона, даннаго собственно для Іудеевъ, представляетъ новое доказательство ихъ Еврейскаго происхожденія,

У Іудеевъ жертва мира приносилась, дабы возблагодарить Бога за его благодѣянія, просить у Него милости, исполнить какой нибудь обѣтъ или просто, чтобъ оказать Богу почтеніе. Израильтяне приносили эту жертву, когда имъ было угодно, Они могли приносить такое животное, какое хотѣли, только чтобъ оно имѣло свойства, позволенныя закономъ. Въ этихъ жертвахъ никакого разграниченія не было сдѣлано касательно возраста или пола жертвы, какъ это было въ предписаніяхъ о другихъ жертвахъ: законъ требовалъ только, чтобъ жертва была безъ порока (Лев. XXII.). Приносившій жертву, приносилъ ее къ дверямъ Скиніи, возлагалъ руку на главу животнаго и закалалъ его. Грудь и правое плечо принадлежало жрецу, а все прочее человѣку, который ее приносилъ, и онъ могъ ѣсть это съ своимъ семействомъ и друзьями, какъ всякое мясо. Но ее должно было съѣсть въ первый или во второй день (Лев. VII. 16.).

Точь въ точь таковы и жертвы Несторіанскія касательно ихъ

Digitized by Google

предмета и образа приношенія. Ихъ обыкновенно приносятъ изъ благодарности Богу или для испрошенія отъ Него какой либо милости, напр. исцѣленія отъ болѣзни. Животное убивается предъ дверьми церковными, и часто кровію его окропляютъ порогъ и верхній брусъ у дверей. Правое плечо и грудь отдаются священнику; впрочемъ не всегда это бываетъ: священники не получаютъ части жертвы, то по нерадѣнію жертвующаго, то по той причинѣ, какъ говорили мнѣ сами священники, чтобъ не подражать нечестивому примѣру дѣтей Иліи, которые обращали жертвы въ средства собственнаго обогащенія на счетъ народа. Кожа также отдавалась священнику, какъ это было во всесожженіяхъ (Лев. VII. 8.). Всѣ предстоящіе имѣютъ право взять часть жертвы, которую иногда называютъ жертвою христіанской любви; но часто всю жертву беретъ себѣ тотъ, кто ее приносилъ и его близкіе родственники и друзья. Вообще мясо жертвы должно быть съѣдено въ самый день жертвоприношенія, между тѣмъ въ домѣ Патріарха я видѣлъ примѣръ, что жертву снѣдали вечеромъ на другой день – время, далѣе котораго ея не позволено было беречь.

Несторіане смотрятъ на эти жертвы, какъ на остатокъ ихъ древнихъ Еврейскихъ обрядовъ; то же подтверждаютъ сами Евреи, замѣчая однакожъ, что Несторіане отступили отъ закона въ пунктахъ весьма важныхъ.

Мысль о жертвахъ, приносимыхъ христіанами, возбуждаетъ въ насъ удивленіе, и заставляетъ воскликнуть: какъ! мы признаемъ ихъ христіанами? Откуда же эти обряды? Вѣрно они потомки Іудеевъ или язычниковъ. Но отвращеніе Несторіанъ къ идолопоклонству и другія соприкосновенныя обстоятельства доказываютъ, что жертвоприношенія у нихъ не языческаго происхожденія, а Іудейскаго. Не одинъ обычай приносить жертвы, но разительное сходство жертвоприношенія Несторіанскаго съ Іудейскимъ, доказываетъ Іудейское происхожденіе Несторіанъ. Жертвы приносятъ и язычники, и магометане, и даже Армяне, но въ постановленіяхъ о жертвахъ и образѣ

Digitized by Google

жертвоприношеній нѣтъ у нихъ ничего, такого, изъ чего бы можно было заключать, что это занято у Іудеевъ.

Законъ о субботѣ, перенесенный на день воскресный, соблюдается горнымъ племенемъ съ такимъ благоговѣніемъ, какого не замѣтилъ я ни у какихъ другихъ христіанъ Востока. Не одинъ разъ мнѣ сказывали Несторіане, что ихъ братія, живущіе въ горахъ, прежде убивали всякаго, кто бы сталъ работать въ день воскресный, и это точно бывало, доколѣ народъ не понялъ духа христіанскаго ученія о субботѣ. Однакожъ и теперь Несторіане, въ Тійяри, не возжигаютъ огня въ день воскресный для сваренія пищи, развѣ только принудитъ ихъ къ тому суровость зимы. Чему же приписывать такое мелочное соблюденіе субботы, какъ не остатку Іудейства?

Іуден съ благоговѣніемъ смотрѣли на святилище. Съ такимъ же благоговѣніемъ смотрятъ Несторіане на олтарь. Смитъ, Англиканскій священникъ, разсказываетъ о себѣ: я замѣтилъ, что одна дверь вела въ святилище, и я рѣшился туда взойти, но Епископъ строго запретилъ мнѣ взойти. Я ему сказалъ, что я самъ священникъ, а онъ возразилъ, что нельзя взойти въ это святое мѣсто, не приготовивъ себя къ тому постомъ, и всѣ его движенія показывали такое безпокойство, что я не хотѣлъ болѣе настаивать (Recherches de Smith et Dwight. vol. II. p. 211.). Только одни священныя лица могутъ входить туда, да и они обязаны не только воздерживаться отъ всякой пищи въ предшествующій день, но отъ всѣхъ видовъ нечистоты, упомянутыхъ въ законѣ Моисеевомъ, въ особенности отъ тѣхъ, которые были воспрещены Моисеемъ, когда онъ приготовлялъ народъ къ Боговидѣнію на горѣ Синаѣ. Когда олтарь осквернѣнъ присутствіемъ въ немъ чего-либо нечистаго, его снова освящаютъ. Въ одинъ изъ подобныхъ случаевъ намъ позволили туда взойти, а въ другое время—никогда. Недавно одинъ Епископъ былъ призванъ освятить снова олтарь церкви Урмійской, въ который ночью входили міряне.

Святое Святыхъ существуетъ также у Несторіанъ. Симъ именемъ называется маленькая ниша, пробитая въ стѣнѣ. Тамъ стоитъ крестъ въ знаменіе того, что Христосъ взошелъ во

Digitized by Google

Святая единожды за всѣхъ, и ни кто не можетъ туда проникнуть. Другія части Несторіанскихъ храмовъ носятъ имена соотвѣтственно частямъ храма Іерусалимскаго. Ничего подобнаго нѣтъ у другихъ христіанъ востока. Я много разъ входилъ въ олтарь церквей Армянскихъ, Греческихъ и Яковитовъ Сирскихъ, и ни кто не дѣлалъ мнѣ никакого замѣчанія. Отъ чего-жъ Несторіане такъ строги? Нечистоты, которыя воспрещаютъ у нихъ входъ въ храмъ, тѣже, которыя указаны въ книгахъ Моисеевыхъ. *Всякъ прикасаяйся мертвому отъ всякія души человѣчи, аще умретъ и не очистится, скинію Господню оскверни; яко вода окропленія не воскропися нань, нечистъ есть, аще нечистота его на немъ есть* (Числ. XIX. 13). Также думаютъ и Несторіане, впрочемъ этотъ законъ смягченъ у нихъ христіанствомъ. Крещеніе, говорятъ они, очищаетъ наши тѣла такъ, что никакая нечистота не можетъ осквернить тѣла христіанина. Но если кто прикасается къ трупу жида, мусульманина или язычника, тотъ оскверненъ, и не можетъ прикасаться ни къ какой чистой вещи, ни войти въ церковь, доколѣ должнымъ образомъ не очистится. Потому они стараются омываться, если были на погребеніи кого нибудь даже изъ своихъ.

Мясо свиньи и другія яства, запрещенныя закономъ Моисеевымъ, не вкушаются и у большой части Несторіанъ. Не смотря на множество кабановъ, убиваемыхъ въ окрестностяхъ Урміи, очень не многіе ѣдятъ ихъ мясо. Патріархъ, у котораго я гостилъ, сказывалъ мнѣ, что послѣднее нововведеніе принадлежитъ вліянію иностранцевъ; а прежде ни кто не могъ не только ѣсть, даже дотронуться до мяса свиньи и другой нечистой пищи, запрещенной закономъ Моисеевымъ. Тѣ, которые употребляютъ подобныя яства, стараются оправдать себя изреченіемъ Іисуса Христа: *не скверните входящая во уста*, и словами Іисуса Христа, сказанными Апостолу Петру Дѣян. X. 10. 16.). То обстоятельство, что Магометане также воздерживаются отъ мяса свиньи, не ослабляетъ силы нашихъ доказательствъ о происхожденіи Несторіанъ, ибо извѣстно, что Магометъ многое заимствовалъ въ свои постановленія у Іудеевъ.

Digitized by Google

Физіономія Христіанъ Несторіанскихъ представляетъ рѣзкія черты сходства съ физіономіею туземныхъ Евреевъ. Самые туземцы, привыкшіе распознавать по чертамъ лица различныя племена ихъ окружающія, часто ошибаются и смѣшиваютъ Нестріанина съ жидомъ. Когда я смотрѣлъ на Несторіанъ и жидовъ, сидѣвшихъ рядомъ, я не могъ замѣтить никакого различія у тѣхъ и другихъ ни въ лицѣ, ни въ станѣ. Я предполагалъ, что въ чертахъ лица Евреевъ должны быть слѣды глубокаго унынія, напечатлѣнныя бѣдностію и угнѣтеніемъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно ихъ физіономія носила на себѣ печать тяжкихъ житейскихъ заботъ, между тѣмъ Несторіане живутъ безпечно, всегда на открытомъ воздухѣ при своихъ стадахъ, и однакожъ и это различіе въ образѣ жизни и занятій не произвело въ тѣхъ и другихъ такого рѣзкаго отличія, чтобъ нельзя было одного принять за другаго. Имена Несторіанъ тѣже, что у Іудеевъ. Я видалъ иногда вмѣстѣ по десяти и больше Несторіанъ, и изъ нихъ каждый носилъ Еврейское имя. Изъ 45 членовъ нашей миссіи 32 были съ библейскими именами. Другіе принимали прозвища по древнему обычаю Іудеевъ, который доселѣ господствуетъ у Іудеевъ Урмійскихъ. Вотъ имена—Патріарха, его пяти братьевъ и родственниковъ: Авраамъ (другое оффиціальное имя Симеонъ, или Симонъ), Садокъ, называемый еще Авессаломомъ, Іогананъ, Веніамінъ, Исаакъ, Дунка (съ такимъ же значеніемъ, какъ имя Кедма, Быт. XXV. 15, т. е восточный или востокъ); Наѳанъ, или Нефѳалимъ; Маркъ, Илія, Іона, Іосифъ, Іессей, Давидъ, Соломонъ, Наѳанаилъ, Урія, Елеазаръ, Финеесъ, Іафетъ, Даніилъ, Петръ, Ананія, Іогананъ, Гаврінлъ, Авраамъ, Мелхиседекъ, Исманлъ, Гамаліилъ, Іонадавъ, Езекіиль, Илія, Іосифъ; вообще въ этомъ народѣ встрѣчаются имена всѣхъ Патріарховъ и Пророковъ и всѣ библейскія имена. Конечно эти имена встрѣчаются и у другихъ христіанъ, но не въ такомъ количествѣ, какъ у Несторіанъ, у кототыхъ рѣдко встрѣтишь не Еврейское имя. И у женщинъ Несторіанскихъ имена чисто Еврейскія: Маріамъ, Мароа, Сара, Ревекка, Роди, Елисавета, Рахиль, Ѳамарь, Анна, Агарь, Сусанна.

Digitized by Google

Большая часть Несторіанскихъ Христіанъ живутъ подобно древнимъ Израильтянамъ, раздѣлялись на колѣна. Впрочемъ немного изъ нихъ, также какъ сами Іудеи, могутъ указать, къ какому колѣну они принадлежатъ: иные производятъ родъ свой отъ Царей Іудейскихъ. Но не всѣмъ можно вѣрить: родословныхъ списковъ нѣтъ, они вмѣстѣ съ манускриптами погибли 60 лѣтъ тому назадъ, во время переправы чрезъ рѣку Цабъ. Одинъ Патріархъ, конечно, могъ имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о своей генеалогіи, и онъ увѣрялъ меня, что происходитъ отъ колѣна Нефѳалимова. Если бы онъ хотѣлъ хвастаться, тогда бы лучше ему производить свой родъ отъ Царскаго или Левитскаго племени.

Въ образѣ правленія у независимыхъ Несторіанъ довольно сходства съ правленіемъ древнихъ Евреевъ. Оно приближается къ древней ѳеократіи, когда первосвященникъ былъ главою во всѣхъ дѣлахъ религіозныхъ, и имѣлъ даже юридическое вліяніе на народъ. Таковы точно отношенія Патріарха къ племенамъ независимымъ. Въ важныхъ случаяхъ онъ предсѣдательствуетъ въ судебномъ собраніи старѣйшинъ, и за гражданскія преступленія налагаетъ наказанія, состоящія въ различныхъ способахъ исключенія или отлученія, бывшаго въ употребленіи у Евреевъ; лишаетъ виновнаго не только правъ церковныхъ, но и гражданскихъ. Такъ онъ отлучилъ одного чиновника въ Тіяри, и я долженъ былъ своротить съ дороги, чтобъ избѣжать встрѣчи съ отлученнымъ.

Мститель крови у Несторіанъ есть исполнитель правосудія въ случаѣ уголовнаго преступленія, какъ это было у Евреевъ. Исполненіе приговора человѣкоубійцѣ (Быт. X. 6.) предоставлялось брату или ближайшему родственнику жертвы; если же онъ отказывался пролить кровь убійцы, его почитали безчестнымъ. Такъ точно бываетъ и у Несторіанъ. Неизгладимое пятно безславія остается на томъ, кто не отмстилъ за кровь родственника; и это обыкновеніе взяло такую силу, что ученіе Евангельское не можетъ доселѣ уничтожить его.

У Евреевъ преступникъ могъ скрываться въ храмѣ или въ

Digitized by Google

городахъ убѣжищь (Втор. XIX 1. 13. Числ. XXXV. 9—29.). У Несторіанъ для сей цѣли служатъ въ извѣстной мѣрѣ храмы, они назначены для убѣжищь; въ нихъ можетъ скрываться убійца, и въ безопасности ожидать, пока старѣйшины изслѣдуютъ преступленіе и рѣшатъ его участь. Если подвергается суду виновный въ произвольномъ убійствѣ, его предаютъ мстителю за кровь, который долженъ предать его смерти; въ противномъ случаѣ, судіи назначаютъ *окупъ* (Исх. XXI. 30), и жизнь виновнаго безопасна.

Въ обыкновеніяхъ общественныхъ и семейныхъ у Несторіанъ столько чертъ сходства съ обычаями древняго народа Божія, что для изображенія ихъ надобно просто переписывать страницы Еврейской археологіи. Когда я работалъ въ своемъ садикѣ, говоритъ Перкинсъ, мимо меня проходили дѣти Несторіанъ и привѣтствовали меня на своемъ Патріархальномъ языкѣ: «allah covet isavil, да укрѣпитъ тебя Господь». Интересно видѣть, какъ эти первобытные нравы сохранились у Несторіанъ. Мы встрѣчаемъ священную древность въ убранствѣ ихъ домовъ, въ ихъ земледѣльческихъ орудіяхъ, въ ихъ музыкальныхъ инструментахъ, особенно въ ихъ привѣтствіяхъ. Когда встрѣчаются два лица, они привѣтствуютъ другъ друга такъ: «миръ тебѣ», говоритъ одинъ; другой отвѣчаетъ: «добро пожаловать». Когда гость выходитъ изъ дома, онъ говоритъ: «дай Богъ тебѣ благоденствовать и да будутъ дни твои счастливы». Хозяинъ отвѣчаетъ: «Богъ да будетъ съ тобой»! «Кто надѣваетъ новую одежду, или входитъ въ новый домъ или покупаетъ новую вещь, друзья его поздравляютъ такъ: «да благословитъ Богъ твою одежду, да благословитъ Богъ твой домъ». Когда оказываютъ какую нибудь услугу Несторіанцу, онъ благодаритъ такъ: «дай тебѣ Богъ царство не«бесное. Предъ началомъ какого нибудь дѣла, онъ говоритъ: «если Богу угодно, я сдѣлаю это. Силою Господа я совершу это дѣло» и пр. Самая форма привѣтствій не менѣе поразительна: тутъ тѣже одушевленные жесты, тѣже колѣнопреклоненія; одинъ бросается на шею другому, цѣлуютъ другъ друга въ губы, въ щеки, въ бороду и руки, и какъ въ

Digitized by Google

старину, плачутъ отъ радости при возвращеніи отсутствовавшихъ друзей. Гостепріимство, оказываемое чужеземцамъ, и особенно пришельцамъ изъ одноплеменниковъ, не менѣе напоминаетъ древніе нравы. Хозяинъ спѣшитъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ гостя: подаетъ ему воду обмыть ноги, ставитъ предъ нимъ пищу и все дѣлаетъ для его успокоенія. Гость не ходитъ изъ дому въ домъ, но нашедъ пріютъ въ одномъ домѣ, онъ оскорбилъ бы своего хозяина, если бы пошелъ къ другому, онъ входитъ и выходитъ съ благожеланіями. Милосердіе къ бѣднымъ и несчастнымъ у нихъ удивительно. Никто не отвращается отъ вдовы, и люди достаточные запасаютъ лишнюю провизію для бѣдныхъ, и снабжаютъ ихъ пищею во время зимы (Лев. XIX. 34. Втор. X. 18. 19.).

Увеселенія у Несторіанъ въ строгомъ смыслѣ Еврейскія. Для зова гостей на праздникъ посылаютъ слугу, который часто два раза ходитъ звать, когда вся уготована суть. Хозяинъ размѣщаетъ всякаго гостя по достоинству: кто почетнѣе, того сажаютъ выше, и другіе должны уступить ему мѣсто. Архитриклинъ сидитъ на первомъ мѣстѣ: чаша ходитъ вокругъ по столу, всѣ берутъ изъ нея, а иногда одинъ береть кусокъ и передаетъ его другому—это знакъ особеннаго расположенія. Гости сидятъ на коврѣ или на полу, выдавшись впередъ и ѣдятъ какъ древніе. Во время радостныхъ событій употребляются музыка и пляска: играютъ на кимвалахъ и на арфѣ Давидовой. Такъ они празднуютъ новолунія, и другіе праздники. Во время траура они посыпаютъ прахъ на главу, раздираютъ одежды, покрываются мѣшкомъ или грубою матеріею, садятся на пепелъ или идутъ на могилу для плача.

Въ одеждѣ у Несторіанъ также много сходства съ одеждою Іудеевъ, чресла у нихъ препоясаны, въ рукахъ жезлъ, ноги обуты въ сандаліи, которыя дѣлаются иногда изъ лошадиныхъ волосъ, а иногда изъ грубой кожи, и покрываютъ только подошву ноги.

Изъ украшеній можно замѣтить серьги въ ушахъ и на носу, цѣпочки, бляхи, покрывала, браслеты, перстни, косы; между

Digitized by Google

тѣмъ въ горахъ приближаются болѣе къ скромной простотѣ, которая царствовала во времена Сарры.

Ихъ занятія точно таковы, какъ ихъ описываетъ древность. Всякій день видишь дѣвушекъ, идущихъ за водою и несущихъ кувшинъ на плечѣ, онѣ убираютъ хлѣбъ съ полей во время жатвы, или, какъ Рахиль, стерегутъ стада. Женщины также мелютъ на мельницѣ или молотятъ хлѣбъ пестомъ въ ступкѣ, сбиваютъ молоко для масла, собираютъ траву для топки печей, дѣлаютъ кожаные мѣхи для вина, и т. п. Заботы о виноградникѣ, молотьба хлѣба на гумнѣ, приготовленіе земледѣльческихъ орудій, праздникъ жатвы, орошеніе полей, воздѣлываніе садовъ, время и свойство отдыха, воспитаніе пчелъ и домашнихъ животныхъ, обычай спать подъ открытымъ небомъ на крышахъ и другія обыкновенія также общи теперешнимъ Несторіанамъ, какъ и древнимъ Израильтянамъ.

Между этими обычаями стоитъ обратить особенное вниманіе на свадьбы и на жизнь пастушескую. У Іудеевъ самъ отецъ семейства выбиралъ женъ для сыновей своихъ и мужей для своихъ дочерей. Если молодой человѣкъ желалъ выбрать себѣ невѣсту, то онъ спрашивалъ у своего отца согласія, между тѣмъ отецъ невѣсты не могъ выдать ея безъ согласія ея братьевъ. То же соблюдается теперь и у Несторіанъ. Женихъ самъ не можетъ никакъ взять себѣ жену. Въ случаѣ, если отецъ умеръ, старшій сынъ занимаетъ его мѣсто. Если невѣста живетъ далеко, то сватовство иногда поручается вѣрному слугѣ, какъ это было во времена Авраама, когда онъ хотѣлъ женить сына своего Исаака. Я видѣлъ поразительный примѣръ въ этомъ родѣ по случаю одной свадьбы, которая была во время моего пребыванія у горныхъ Несторіанъ. Здѣсь было такое замѣчательное стеченіе именъ и обстоятельствъ, что мнѣ казалось, будто я былъ свидѣтелемъ какого нибудь брака, описаннаго въ священной исторіи.

Несторіанскій Патріархъ Авраамъ (это настоящее имя, а Симеонъ или Симонъ имя оффиціальное), занимавшій мѣсто отца для своего младшаго брата Исаака, хотѣлъ его женить, послалъ одного вѣрнаго слугу въ отдаленную часть своей

Digitized by Google

области сыскать ему тамъ невѣсту. Слуга взялъ съ собою драгоцѣнныя вещи и наряды для будущей супруги Исаака и подарки для ея близкихъ родственниковъ, и также успѣшно выполнилъ порученіе, какъ слуга древняго Авраама. Дѣвица была приведена въ домъ новаго Патріарха; Исаакъ взялъ ее, *и бысть ему жена и возлюби ю.* Когда свадебный контрактъ будетъ заключенъ, то зовутъ гостей и дѣвица становится невѣстою своего будущаго мужа. Но не меньше 10-ти или 12-ти мѣсяцевъ, а иногда и цѣлые годы проходятъ до окончательнаго совершенія брака. Малѣйшая невѣрность со стороны невѣсты наказывается также жестоко, какъ будто она дѣйствительно уже была въ брачномъ состояніи. Сговоръ празднуется съ такою же религіозною торжественностію, какъ и самый бракъ. Пиръ учреждается въ домѣ одца невѣсты, и женихъ отдастъ кольцо, освященное Епископомъ, своей будущей женѣ посредствомъ какой нибудь женщины, избранной для того съ двухъ сторонъ. Взявъ кольцо, дѣвица надѣваетъ его на палецъ, и съ того времени считается невѣстою. Въ день обрученія женихъ платитъ невѣстѣ извѣстную сумму денегъ или даетъ хлѣбомъ, и эта плата идетъ не въ зачетъ свадебныхъ подарковъ. Сходство свадебныхъ обрядовъ у Несторіанъ съ обычаями древнихъ Іудеевъ становится еще яснѣе, когда мы прочитаемъ второй стихъ изъ III-й главы Осіи. Въ промежутокъ времени отъ сговора до свадьбы будущая супруга находится подъ покровительствомъ своего жениха, и получаетъ отъ него съѣстные припасы и другіе подарки до дня свадьбы.

Праздникъ свадьбы продолжается цѣлую недѣлю (Быт. XXIX. 27. Суд. XIV. 17. 18.). Подруги невѣсты идутъ за нею въ домъ ея отца, и оттуда открывается торжественная процессія. Молодая супруга, украшенная во всѣ свои наряды, подъ богатымъ покрываломъ идетъ въ свое новое жилище при пѣсняхъ и радостныхъ восклицаніяхъ. Ея новыя подруги встрѣчаютъ ее въ воротахъ, бросаютъ ей пригоршни винограда и другихъ плодовъ, часто съ мелкими золотыми монетами и тѣмъ выражаютъ желаніе, чтобъ она была счастлива

Digitized by Google

и богата. Этотъ обычай соблюдается и у теперешнихъ Евреевъ: тѣ и другіе смотрятъ на безбрачіе и на неплодіе также неблагопріятно, какъ древніе Іудеи. Только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и то очень рѣдко, безбрачіе допускается въ случаѣ обѣта. Во всякомъ другомъ случаѣ бракъ признается необходимою обязанностію.

Чистота и непорочность признается главною добродѣтелію Несторіанокъ. На свадьбахъ соблюдаютъ въ этомъ отношеніи особенный обычай, бывшій у древнихъ Іудеевъ, который описанъ въ XXII-й главѣ Второзак. отъ 15 до 20 стиха.

Всего болѣе желаютъ многочисленнаго потомства и дѣтей, особенно мужескаго пола. Съ восторгомъ принимаютъ того, кто принесетъ добрую вѣсть отцу и скажетъ ему: у тебя родился сынъ. Дитя тотчасъ послѣ рожденія моютъ въ холодной водѣ, потомъ натираютъ всего мелкою солью и покрываютъ пеленками, обывновенно сдѣланными изъ лоскутковъ; это обыкновеніе описано у Пророка Езекіиля (XXVI. 4.): *и рожденіе твое въ оньже день родилася еси водою не омыша тя на спасеніе, ни солію осолиша, ниже пеленами повиша.* Мать кормитъ ребенка до 2-хъ или 3-хъ лѣтъ. Онъ спитъ всегда въ колыбели, которая устроена такъ, чтобы мать, сидя на полу, могла нагнуться къ нему и кормить. Дочери слишкомъ рано оставляютъ домъ родительскій, выходя за мужъ, а сыновья съ своими дѣтьми остаются при отцѣ, который есть глава семейства. Въ случаѣ смерти отца старшій сынъ по праву первородства наслѣдуетъ его власть.

Теперь стоитъ обратить вниманіе на отношенія Несторіанъ къ Іудеямъ можетъ служить доказательствомъ ихъ единоплеменности, это на первый взглядъ покажется парадоксомъ. Но должно прежде всего замѣтить, что между людьми нарушившими связь единоплеменности, обнаруживается гораздо больше ненависти, чѣмъ у тѣхъ, кои никогда не имѣли подобныхъ отношеній. Стоитъ указать на Іудеевъ и Самарянъ. Послѣдніе были потомки Израиля и исповѣдывали одну, религію съ Іудеями. По возвращеніи изъ плѣна Вавилонскаго они предложили Іудеямъ соединиться для возстановленія

Digitized by Google

храма и стѣнъ Іерусалимскихъ; но, получивъ отказъ, употребляли всѣ средства воспрепятствовать работамъ Іудеевъ, и наконецъ воздвигли на горѣ Гаризинѣ свой храмъ, и доказывали, что на этомъ мѣстѣ достоитъ кланятися. Отъ этого вражда между ними такъ усилилась, что во времена Спасителя весьма удивились, когда Онъ, Іудей, просилъ пить у жены Самарянской; она сказала: *не прикасаются Жидове Самаряномъ*. Въ другой разъ Самаряне отказались принять Спасителя, потому только, что Онъ шелъ въ Іерусалимъ. *Ты Самарянинъ бѣса имаши*, было обыкновенною поговоркою у Іудеевъ. Такъ точно нѣтъ никакого общенія у Несторіанъ съ Іудеями. Какъ! Ты ѣшь вмѣстѣ съ Іудеемъ? говоритъ Несторіанскій Епископъ одному изъ членовъ нашей миссіи. Несторіане соглясятся скорѣе оказать гостепріимство мусульманамъ, своимъ злѣйшимъ врагамъ, чѣмъ жидамъ. Отъ чего это? Исторія даетъ намъ на сіе отвѣтъ. Почему Іудеи сдѣлались непримиримыми врагами Церкви? Отъ чего ихъ злоба прежде всего обращена была на обращенныхъ изъ Іудейства? Они упрекаютъ Несторіанъ за отпаденіе отъ ихъ древней вѣры, а эти въ свою очередь обвиняютъ Іудеевъ, что они отвергли Мессію;—отсюда легко объяснить господствующую между ними ненависть. Я не разъ былъ свидѣтелемъ столкновенія Іудеевъ съ Несторіанами, и долженъ былъ употреблять всѣ мѣры, чтобъ они не подрались. Когда я успѣвалъ въ этомъ, они какъ чада Израиля начинали бесѣдовать между собою о предметѣ ихъ древняго братскаго единенія, единенія—вполнѣ сознаваемаго тою и другою стороною, но оно-то и служитъ причиною ихъ взаимной ненависти и вражды. Эта вражда ясно указана у многихъ Пророковъ, на пр. у Захар. XI. 14. Контекстъ показываетъ, что причиною сей вражды будетъ Христіанство. Высказавъ пророчество о Мессіи, Пророкъ присовокупляетъ: *и отвергохъ жезлъ вторый уже, еже разорити завѣтъ, иже посредѣ Іуды и посредѣ Израиля.*

Обстоятельство, что 10 колѣнъ давно уже вступили въ нѣдра Церкви Христіанской, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Они приняли Христіанство еще въ вѣкъ Апостольскій.

Digitized by Google

Нѣкоторые изъ нихъ были въ Іерусалимѣ въ день Пятидесятницы, и тогда услышали проповѣдь Евангельскую. Парѳяне и Мидяне первые упоминаются между Іудеями *отъ всего языка иже подъ небесемъ*, которые были при первой проповѣди Апостоловъ. Парѳія въ ту пору заключала въ себѣ область Адіабену, т. е. часть Ассиріи, гдѣ жили тогда большая часть 10-ти колѣнъ. Изъ рѣчи Царя Агриппы, приведенной выше, видна мѣстность древней Парѳіи. Если бы ваша братія изъ Адіабены, говорилъ Царь, захотѣли придти къ вамъ на помощь, то могли бы удержать ихъ Парѳяне. Часть сихъ колѣнъ жила въ предѣлахъ Мидіи. Вѣроятно и до нихъ дошелъ слухъ объ Іисусѣ Христѣ. Можетъ быть и мудрецы Востока, которыхъ привела звѣзда въ Виѳлеемъ, были чада Израиля.

У Несторіанъ есть преданіе, что волхвы, приходившіе къ Господу Іисусу, дѣйствительно были изъ Урміи, города Мидскаго. Это основано на извѣстныхъ пророченіяхъ Зороастра (Несторіане утверждаютъ, что Зороастръ былъ ученикомъ Іереміи), главы маговъ и жителя Урміи. По свидѣтельству Зендавесты и Абульфаража онъ предсказалъ пришествіе лица, котораго характеръ соотвѣтствовалъ лицу Мессіи, и обязалъ своихъ учениковъ идти поспѣшно на явленіе его звѣзды и поклониться таинственному младенцу. Евреи Парѳянскіе и Мидскіе могли видать Спасителя, во время своихъ путешествій въ Іерусалимъ на большіе праздники. Весьма достовѣрно, что они были въ Іерусалимѣ и въ день первой Христіанской Пятдесятницы. По возвращеніи плѣнныхъ изъ Вавилона, слово: Іудей, употреблялось безразлично и о потомкахъ Іуды и о потомкахъ другихъ колѣнъ. Множество Іудеевъ, собравшихся въ Іерусалимъ и тысячи обращенныхъ въ одинъ день Пятдесятницы, безъ сомнѣнія включали въ себѣ и часть Іудеевъ изъ десяти колѣнъ, и принявъ ученіе Апостоловъ, они принесли его къ своимъ единоплеменникамъ.

Апостолы и ихъ ближайшіе ученики признавали первымъ дѣломъ проповѣдать Евангеліе погибшимъ овцамъ дому Израилева. Двѣнадцать и 70 Апостоловъ имѣли повелѣніе проповѣдывать имъ однимъ, и хотя послѣднее повелѣніе

Digitized by Google

Господа касалось цѣлаго міра, однако мысли Апостоловъ исключительно были направлены къ своему народу, которому принадлежали завѣты и обѣтованія, такъ что нужно было чудо и особенное повелѣніе Божіе, чтобъ заставить ихъ проповѣдывать Евангеліе язычникамъ. *Нельпо есть мужу Іудеанину прилъплятися или приходити ко иноплеменнику* (Дѣян. 10. 28.); такъ выражали они удивленіе, что даръ Духа св. сообщенъ и язычникамъ. *Но прежде обращенія Корнилія, ученики уже разошлись для проповѣди*, и проповѣдали только однимъ Іудеямъ, потому что тогда на сношенія съ необрѣзанными смотрѣли какъ на непростительную вину. Куда-жъ они ходили на проповѣдь, какъ не къ своимъ братіямъ въ Ассирію или лучше въ Парѳію и Мидію. Филиппъ съ большимъ успѣхомъ проповѣдовалъ врагамъ Іудеевъ — Самарянамъ, не ужели ни одинъ ученикъ не обратилъ вниманія на 10 колѣнъ? Мы видѣли, что мѣсто ихъ жительства не было не извѣстно въ Іерусалимѣ, куда приходили благочестивые Іудеи изъ всѣхъ странъ не задолго до того времени, когда Апостолы разошлись для проповѣди, именно въ самый годъ распятія и въ день Пятдесятницы. И мы дѣйствительно находимъ историческія свидѣтельства, что Апостолы приходили съ проповѣдію въ самыя страны, ими занимаемыя. Оригенъ, Евсевій, Іеронимъ, Амвросій, Никифоръ, Бароній, Натальсъ и другіе утверждаютъ, что Ап. Ѳома проповѣдовалъ въ Парѳіи и въ другихъ областяхъ Востока. Натальсъ приводитъ свидѣтельство древнихъ и говоритъ, что Ѳома проповѣдовалъ Парѳянамъ, Мидянамъ и Персамъ (Hist Eccl. p. 32.).

Амвросій говоритъ, что Матѳей проповѣдовалъ въ Мидіи. Апос. Ѳаддей былъ съ проповѣдію въ Месопотаміи, Ассиріи и Персіи. Аггей путешествовалъ въ Ассирію. Баръ Еврей говоритъ: послѣ Ѳаддея Аггей, ученикъ его, сталъ проповѣдовать Персамъ, Ассирійцамъ и Мидянамъ. Вся Персія съ областями: Ассиріею, Арменіею и Мидіею приняли Евангеліе изъ устъ Аггея, ткача шелковыхъ матерій и ученика Ап. Ѳаддея. Маресъ, другой ученикъ Ѳаддея, возвѣстилъ Евангеліе въ Вавилоніи, Ассиріи и Персіи (Ecce de Damass. Bibl.-orient. *IV*. 17.). Варѳоломей также былъ въ сихъ странахъ и про-

Digitized by Google

повѣдовалъ въ великой Арменіи. Григорій Баръ, Еврей, говоритъ, что Ѳома проповѣдалъ въ Мидіи и Парѳіи на второй годъ по вознесеніи Господнемъ. Чрезъ 27 лѣтъ Апостолъ Павелъ въ рѣчи своей къ Агриппѣ свидѣтельствовалъ, что 12 колѣнъ день и ночь непрестанно служатъ Богу (Дѣян. XXVI. 7.). Ап. Іаковъ свое посланіе писалъ 12-ти колѣнамъ, и изъ него видно, что у нихъ въ то время (въ 60 или въ 61-мъ году по Р. Х.) было уже надлежащее церковное устройство.

Теперь надо доказать, что Несторіане — прямые потомки Іудеевъ, обращенныхъ въ Христіанство въ вѣкъ Апостольскій. Несторіане живутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ жили обращенные Іуден. Церкви Несторіанскія непрерывно процвѣтали на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были они основаны Апостолами. И Епископы ихъ издавна были подчинены Архіепископу Селевкійскому по распоряженію Апостоловъ Ѳомы и Ѳаддея. Извѣстно, что Селевкія была съ давнихъ временъ центромъ духовной власти у Несторіанъ; тамъ имѣлъ мѣстопребываніе ихъ Архіепископъ и потомъ Патріархъ, и отсюда управлялъ областями, которыя населяли 10 колѣнъ. Маресъ управлялъ Церковью Селевкійскою въ 82 году, и съ того времени Селевкія оставалась резиденціею Архіепископа до 498 года, когда Несторіане, сдѣлавшись господствующею сектою на Востокѣ, назначили въ ней мѣстопребываніе своего новаго Патріарха; преемники его занимали сей городъ до 762 года, а въ этомъ году престолъ Патріаршескій перенесенъ въ Багдадъ. Адіабена, Ассирія и Галахъ были Епископіями, и Епископы ихъ въ 852 году получили право посвящать Патріарховъ Несторіанскихъ. У Несторіанъ показываютъ очень древнія Церкви: въ Адіабенѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ассиріи есть Церкви, построенныя за 200 лѣтъ до Эры Магометанской. Въ Урміи есть церковь, построенная по преданію во 2-мъ вѣкѣ; есть еще другая церковь, отнятая у Несторіанъ Мусульманами: она построена въ началѣ 5-го вѣка, когда здѣсь жили, по свидѣтельству Іеронима (Том. 6. p. 7, 80.), десять колѣнъ, еще не освобожденные отъ узъ плѣна.

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Православно-Догматическое Богословіе, *Д. Б. Макарія, Епископа Винницкаго*, Ректора Спб. Духовной Академіи. Спб. 1851. Часть 2.

Въ послѣднее десятилѣтіе наша литература особенно обогатилась книгами духовнаго содержанія. Вотъ одна изъ нихъ, достойная занимать между ними самое почетное мѣсто. Скажу болѣе: желательно бы было, чтобъ она была не наряду съ другими книгами ученаго или богословскаго содержанія, то есть не оставалась бы въ рукахъ однихъ тѣхъ людей, которые особенно посвятили себя подобнымъ предметамъ; но сдѣлалась бы общею книгою чигателей православнаго исповѣданія, желающихъ вникнуть въ спасительное ученіе вѣры, и имѣть твердое основаніе въ томъ, чему вѣруютъ. Апостолъ говоритъ: «испытуйте Писанія». Вотъ полное руководство къ сему испытанію, или лучше сказать: вотъ книга мужа ученаго, имѣющая на это полное право и испытавшаго за насъ — всѣ истины, содержавшіяся въ Писаніи. Полнота содержанія, порядокъ и ясность изложенія, наука и разумъ, руководствуемые духомъ вѣры — представили въ двухъ книгахъ сего автора, т. е. въ Введеніи въ Богословіе и въ самомъ Богословіи — полный кодексъ ученія — и подзаконнаго, и благодатнаго.

Введеніе было издано въ 1847 году, 1-я часть Богословія въ 1849. Кто хочетъ имѣть полный курсъ Богословія, тотъ необходимо долженъ имѣть Введеніе и начать чтеніе съ него; ибо оно содержитъ въ себѣ науку о Богословіи *вообще;* послѣдующія же двѣ части *собственно* Православное Богословіе.

Для удобнѣйшаго обозрѣнія этихъ двухъ книгъ представимъ вкратцѣ ихъ содержаніе.

Введеніе содержитъ въ себѣ три части: 1-я о предметѣ православнаго Богословія, 2-я объ источникахъ православнаго Богословія, 3-я о системѣ православнаго Богословія. Въ составъ первой части входятъ главы: о религіи, объ откровеніи, о христіанствѣ, какъ религіи, и о

Digitized by Google

христіанствѣ, какъ единомъ истинномъ откровеніи. Вторая часть содержитъ главы: объ исторической важности или достовѣрности книгъ Священнаго Писанія; о догматической важности книгъ Священнаго Писанія о Православной церкви, какъ хранительницѣ и истолковательницѣ Священнаго Писанія и священнаго преданія. Содержаніе третьей части: о системѣ православнаго Богословія вообще и о составныхъ частяхъ системы въ особенности.

Томъ первый Православно-Догматическаго Богословія содержитъ: 1, о Богѣ въ самомъ себѣ, 2, о Богѣ, единомъ въ существѣ, 3, о Богѣ, троичномъ въ лицахъ. Содержаніе втораго тома: о Богѣ въ общемъ отношеніи Его къ міру и человѣку. Въ эту часть входятъ глава первая: 1, о Богѣ, какъ Творцѣ; гл. 2, о Богѣ какъ промыслителѣ. Онѣ подраздѣляются на слѣдующіе предметы Богословскаго ученія: о твореніи Божіемъ вообще; о главныхъ видахъ твореній Божіихъ, какъ-то: о мірѣ духовномъ; о духахъ добрыхъ или Ангелахъ; о духахъ злыхъ; о мірѣ вещественномъ; о мірѣ маломъ—человѣкѣ, здѣсь весьма важное—о происхожденіи и природѣ человѣка, о значеніи и первобытномъ его состояніи, о паденіи и о слѣдствіи его паденія.

Содержаніе второй главы: о промыслѣ Божіемъ вообще и о промыслу Божіемъ, по отношенію къ главнымъ видамъ твореній Божіихъ, т. е. къ міру духовному, къ міру вещественному и къ человѣку.

Довольно этого краткаго обозрѣнія, чтобъ увидѣть богатство и полнотѣ содержанія этой книги.

Но кромѣ историческаго и догматическаго ученія Православной вѣры, изложеннаго самимъ авторомъ, читатели найдутъ въ этихъ книгахъ многія толкованія св. Отецъ и мнѣнія духовныхъ ученыхъ, добавляющія полноту этого обширнаго и важнаго труда, если можно его чѣмъ добавить,—труда, приносящаго большую честь своему автору. До нынѣ не доставало у насъ подобной книги. Въ ней всѣ вопросы вѣрующихъ разрѣшаются полно и удовлетворительно, на основаніи Св. Писанія. *Z.*

Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ, второе дополненное изданіе, *Р. К. С. Д. Б. Архимандрита Антонія.* Спб. 1851.

Иногда выходитъ большая книга, о которой нечего сказать рецензенту; иногда и маленькая, о которой не наговоришься. Къ этому разряду принадлежитъ эта прекрасная, небольшая книжка, достойная обратить на

Digitized by Google

себя вниманіе не однихъ сельскихъ проповѣдниковъ слова Божія, какъ образецъ простаго и съ тѣмъ вмѣстѣ неповерхностнаго изложенія истинъ вѣры; но и всякаго образованнаго читателя, всякаго человѣка, ищущаго успокоенія въ простотѣ и правдѣ, не всегда находимыхъ въ мірѣ. Это книжка и полезная, и въ то же время предлагающая пріятное для ума и успокоительное для души чтеніе.

Много думали, много писали о томъ, какъ проповѣдывать слово Божіе поселянамъ, людямъ не книжнымъ и весьма часто неимѣющимъ тѣхъ приготовительныхъ понятій, которыя облегчаютъ для насъ истины вѣры. Это конечно одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ. Тутъ представляются два преткновенія: трудность найти для сего простой и удобный языкъ; и трудность найти способъ объяснить глубокія истины людямъ, не привыкшимъ къ понятіямъ этого рода. Правда, Св. Евангеліе отличается и въ этомъ отношеніи отъ всѣхъ книгъ человѣческихъ, имѣющихъ предметомъ истину; отличается тѣмъ, что оно содержитъ въ себѣ пищу и для мудреца и для младенца, и для ученаго, и для простолюдина. Но въ то же время—оно и для тѣхъ и для другихъ мудрость!—и потому-то для людей, которые предназначены къ введенію другихъ въ эту мудрость, предлежитъ трудъ, требующій великаго подвига, великаго знанія писаній и познанія сердца человѣческаго, великой простоты и ясности духа и великой помощи Божіей. Возьмемъ въ примѣръ всякую науку. Для знающаго ее—не только первыя начала, но и самыя глубины кажутся не трудными; но если мы обратимся памятью къ началу нашего ученія, тогда мы вспомнимъ, что эти простыя и легкія начала стоили для нашего, еще невѣдущаго, ума—болѣе труда, чѣмъ въ послѣдствіи и самыя глубокіе выводы и положенія. Но наука религіи и въ этомъ случаѣ имѣетъ выгоду передъ всякой наукой; ибо она начинается съ простой вѣры. Возбудить эту вѣру—вотъ первый и нужнѣйшій шагъ проповѣдника; поддержать ее теплотою слова и указаніемъ на благодѣянія Творца, изліянныя на человѣка, и на окружающую его природу—вотъ второй шагъ его; только за симъ, думаю, можетъ онъ вести своихъ слушателей къ самымъ уже истинамъ вѣры, только за симъ приступить къ объясненію догматовъ, содержащихъ положительное ученіе.

Таковъ ходъ, которому слѣдовалъ сочинитель «Бесѣдъ сельскаго священника»,—ходъ осторожный, но не робкой. Его ученіе изложено просто, но не поверхностно. Онъ не останавливается на одномъ нравоученіи, которое всегда холодно, когда не согрѣто чувствомъ вѣрующаго сердца, и всегда нетвердо, когда не опирается на религіи. Онъ воз-

Digitized by Google

буждаетъ теплоту вѣры; а потомъ уже открываетъ и глубины Божіи; говорю: «глубины» — ибо мы находимъ въ сихъ поученіяхъ, хотя обращенныхъ къ поселянамъ, предметы и высшаго ученія, на примѣръ о догматѣ Св. Троицы. Но все это приспособлено къ понятію простыхъ слушателей.

Мы имѣемъ уже образецъ Катихизическаго ученія въ изустныхъ бесѣдахъ къ народу, сказанныхъ нѣкогда покойнымъ Митрополитомъ Михаиломъ, и говоренныхъ имъ тогда еще, когда онъ былъ священникомъ въ Москвѣ, въ *церкви св. Іоанна Воина*. Но различіе тѣхъ и другихъ Бесѣдъ — опредѣляется различіемъ слушателей. Тотъ говорилъ въ Москвѣ, въ столицѣ; эти бесѣды предназначены для жителей сельскихъ по этой причинѣ онѣ короче и простѣе, имѣютъ и должны имѣть различный отъ тѣхъ характеръ. На Бесѣды Михаила, разсказываютъ очевидцы, стекалось множество народа: такъ жаждутъ еще люди внимать простоту слову о глубокихъ истинахъ вѣры. Вѣроятно и эти Бесѣды — не будутъ безплодны, если онѣ будутъ обращены къ слушателямъ.

Желательно бы было, что бы эта книжка разошлась по нашему читающему міру И потому, мы почитаемъ необходимостію изложить вкратцѣ ея содержаніе, дабы читатели видѣли по крайней мѣрѣ, что они могутъ найдти въ ней.

Бесѣда 1. О мысленномъ предстояніи въ храмѣ Божіемъ посреди полевыхъ работъ. — Б. 2. О томъ, какъ, находясь въ полѣ за работою, молиться по-христіански, по-церковному. — Выпишемъ одно прекрасное мѣсто изъ этой Бесѣды. «Молиться и читать молитвы можетъ каждый «изъ васъ по одиначкѣ; но можно это святое дѣло дѣлать и вмѣстѣ, «т. е. собравшись нѣсколько человѣкъ во едино. Вы обыкновенно «работаете цѣлыми семьями; иногда же васъ на одной полянѣ бываетъ «нѣсколько семей. Работая вмѣстѣ, собирайтесь въ урочное время и «становитесь на молитву вмѣстѣ же: одинъ читай и молись, а другіе «пусть слушаютъ и молятся. И тогда каждое ваше собраніе будетъ не «иное что, какъ малая, такъ сказать, полевая церковь Господа Іисуса «Христа; ибо слово церковь и означаетъ, между прочимъ, собраніе «вѣрующихъ, и въ этой церкви Господь Іисусъ Христосъ будетъ «посреди васъ, по Его святому слову: *идѣже еста два или тріе «собрани во имя Мое, ту есмь посреди ихъ.*» — Какая умилительная картина и вмѣстѣ какое мастерское, художническое изображеніе молящихся! — Бесѣда 3. «О томъ, какъ во славу Божію работать и трудиться». — Б. 4. «О познаніи Бога изъ природы.» — Вотъ чѣмъ вводитъ проповѣдникъ въ дальнѣйшія истины; вотъ какъ постепенно приближаетъ онъ

Digitized by Google

къ свѣту тѣхъ истинъ, которыя могли бы ослѣпить очи, еще непривыкшія ко ихъ полному сіянію!—За симъ въ Бесѣдѣ 5. вступаетъ онъ въ кругъ Катихизическихъ поученій. Въ слѣдующихъ трехъ Бесѣдахъ объясняетъ о поклоненіи Пресвятой Троицѣ, объ Ангелахъ хранителяхъ и о воскресеніи мертвыхъ.—Бесѣды: 9—14. Содержатъ наставленіе въ заповѣдяхъ Божіихъ вообще, и въ особенности о первой второй и десятой заповѣди. Ими занимаетъ онъ преимущественно вниманіе своихъ слушателей, какъ такими заповѣдями, изъ которыхъ двѣ первыя объясняютъ отношеніе человѣка и его обязанности къ Богу; а десятая—учитъ удаляться отъ корыстолюбія и побѣждать его въ самомъ корнѣ, т. е. въ самомъ пожеланіи чужаго.—Вотъ, между прочимъ, какъ объясняетъ онъ необходимость *охраненія сердца* отъ пожеланій: «у «каждаго изъ насъ, братіе, есть своя вольная воля; всякъ, кто что «захочетъ, то и воленъ дѣлать—или добро, или зло. А потому, если «кто допуститъ въ свое сердце вкрасться нечистымъ пожеланіямъ: «враждѣ, ненависти, зависти и тому подобное, то уже трудно и «даже не возможно, чтобы желаніе чего либо такъ и осталось у него «однимъ только желаніемъ, а напротивъ всегда почти бываетъ такъ, «что чего пожелаешь, то непремѣнно, при случаѣ, и дѣлаешь. Всѣ дѣла «наши начинаются желаніемъ; пожелаешь, а потомъ сдѣлаешь, а чего «не желаешь, того и не дѣлаешь. Господь Іисусъ Христосъ говоритъ, «что *отъ сердца исходятъ помышленія злая, убійства, прелюбо-* «*дѣянія, любодѣянія, татьбы, лжесвидѣтельства, хулы.* Апостолъ «Іаковъ также говоритъ: *кійждо искушаемъ отъ своея похоти* «*влекомъ и прельщаемъ: таже похоть зачевши раждаетъ грѣхъ:* «*грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть.*»—Предметъ Бесѣды 15.—«О почитаніи духовнаго сана»; здѣсь между прочимъ замѣчательно краткое объясненіе преемства священническаго сана отъ Христа и Апостоловъ.—За симъ чрезвычайно замѣчательны послѣдующія три Бесѣды на нѣкоторые стихи книги Премудрости Іисуса сына Сирахова. Выпишемъ здѣсь только нѣкоторыя тексты, служащіе основаніемъ этихъ бесѣдъ, чтобы показать точный и разумный выборъ автора для предметовъ своего слова. Вотъ они, не всѣ, но нѣкоторые, для примѣра: *не твори зла, и не постигнетъ тя зло: отступи отъ неправды, и уклонится отъ тебе.—Сыне, не спи на браздахъ неправды, и не имаши пожати ихъ седмерицею.—Не ругайся человѣку сущу въ горести души его; есть бо смиряяй и возносяй.—Не буди велеречивъ во множествѣ старецъ.*—Не правда ли, что это такія аксіомы, которыя очень полезно укоренить въ памяти народной.—Встарину у насъ такъ

Digitized by Google

и было: мы помнимъ еще многихъ стариковъ, которые, вмѣсто обыкновенныхъ пословицъ, приводили въ разговорѣ—изреченія Іисуса Сираха, какъ не опровержимыя практическія истины!—Далѣе слѣдуетъ «Бесѣда о постѣ.» И послѣдняя: «о пьянствѣ.»—Эта начинается мастерскимъ вступленіемъ, исполненнымъ простоты и силы, которое, безъ всякаго сомнѣнія, должно неожиданно поразить слушателей изъ простаго народа и остаться у нихъ въ памяти. Выпишемъ его: «Вотъ о чемъ заста-«ляете вы служителя престола Божія, своего духовнаго отца и пастыря, «бесѣдовать съ вами въ храмѣ Божіемъ! Съ сего святаго мѣста, съ «котораго должно слышаться только одно Божественное и святое, «должны возвѣщаться истины Божественныя—блаженство вѣчное, рай, «царство Божіе и все прочее святое и душеспасительное, надлежитъ «намъ вести рѣчь о пьянствѣ, о чемъ доброму человѣку и думать «совѣстно! какой срамъ! стоитъ ли послѣ сего назвать васъ хоть «именемъ христіанъ? Упиваются ли гдѣ либо люди добрые такъ, какъ «вы упиваетесь? И пусть бы еще такъ дѣлали одни молодые, неопытные; «а то нѣтъ: самые пожилые, по-видимому, почтенные старики и отцы «семействъ, которымъ пора бы уже давно остепениться, подумать о «себѣ: съ чѣмъ-то имъ явиться на тотъ свѣтъ—предъ Господа Бога—«сіи, говорю, вмѣсто того, чтобъ остановить другихъ слабоумныхъ, «разсовѣтовать, разтолковать имъ, что такъ-де худо дѣлать, такъ грѣшно «поступать, за это Господь Богъ покараетъ,—они еще сами даютъ «ужасную потачку и соблазнъ другимъ! До чего дожили мы и что видимъ!»

Довольно, кажется, этого краткаго обозрѣнія и этихъ краткихъ выписокъ, чтобы видѣть и содержаніе книги, и тонъ и слогъ автора.

Мы въ началѣ этой статьи изъявили желаніе, чтобы эта книжка имѣла болѣе читателей. Можетъ быть нѣкоторые изъ нихъ скажутъ: «мы все это знаемъ.»—Такъ; но мы будемъ отвѣчать на это словами св. Димитрія Ростовскаго, написанными имъ въ предисловіи небольшой своей книжки: Алфавитъ Духовный: «не глаголи, яко прочтохъ азъ и вѣмъ «уже въ ней вся начертанная, и довольно ми есть. Ни убо, не бо «точію на увѣданіе сія начертанная суть, но да и всегда въ возбужденіе «и поощреніе пріемлемся.»

Не льзя не замѣтить еще, по случаю сей книжки, что было замѣчено нами и прежде: что при скудости нынѣшней нашей литературы одни духовные наши писатели оказываютъ въ наше время какую-то особенную дѣятельность, особенную жизнь, силу и теплоту, не достающія другимъ нашимъ произведеніямъ.—Потребность ли это нашего времени, или напротивъ холодъ душъ возбуждаетъ ихъ большее рвеніе: и въ томъ

Digitized by Google

и въ другомъ случаѣ равная имъ честь и равная благодарность! — Наши духовныя лица, при всемъ смиреніи и удаленіи отъ міра, неразлучными съ ихъ саномъ, были всегда добрыми дѣятелями на пользу народную, и словомъ и дѣломъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся наша исторія.

Л. Л.

О литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Москва. 1850. Стр. 126.

Сочиненіе это, очень важное по предмету своему, не менѣе замѣчательно по ученымъ изслѣдованіямъ о предметѣ.

Въ первой части авторъ излагаетъ причины установленія Литургіи Преждеосвященныхъ даровъ. Причины эти извѣстны, но изложеніе ихъ въ этомъ сочиненіи замѣчательно полнотою и ученою основательностію

Укажемъ на то, что заслуживаетъ особеннаго вниманія в о2 части прекрасно обработанной.

Свидѣтельство Лаодикійскаго Собора и историка Сократа доказываютъ, что Литургія Преждеосвященныхъ была въ употребленіи въ IV вѣкѣ, и что начало ея сокрывалось въ предъидущихъ вѣкахъ. Александрійская хроника, подъ 615 годомъ, представляетъ намъ Литургію Преждеосвященныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она употребляется до нынѣ. Софроній, Патріархъ Іерусалимскій, говоритъ, что Литургія Преждеосвященныхъ также общеизвѣстна и общеупотребительна на Востокѣ, какъ и Литургіи Василія Великаго и Златоустаго, и что оча по происхожденію своему, даже древнѣе сихъ послѣднихъ Литургій. Онъ, слѣдуя преданію, производитъ ее отъ Апостоловъ. То же самое подтверждаетъ другой писатель, Θеодоръ, или Николай Андидскій. Шестой Вселенскій Соборъ, въ 691 г., узаконилъ самое время совершенія сей Литургіи. Общее преданіе Восточной Церкви о Литургіи Преждеосвященныхъ, которое мы находимъ у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ восточныхъ писателей, напр. у Никиты Стифата, у Михаила Анхіали, Патр. Константинопольскаго (въ XII в.), у Симеона Солунскаго, — было то, что Литургія Преждеосвященныхъ получила начало свое во времена Апостольскія. До IV вѣка она сохранялась посредствомъ устнаго преданья, также какъ и чиноположенія полной Литургіи; а въ IV вѣкѣ, въ одно время съ полною Литургіею, она изложена письменно. Михаилъ Анхіали писалъ, что преданіе и надписаніе въ древнихъ молитвословахъ усвояли одну молитву въ Литургіи Преждеосвященныхъ Св. Аѳанасію Великому.

Digitized by Google

« То же преданіе приписывало утвержденіе всего состава молитвъ Литургіи Преждеосвященныхъ Св. Василію Великому, отъ котораго Православная Церковь приняла и чиноположеніе полной Литургіи. Въ такомъ смыслѣ Никита Стифатъ и Іоаннъ Клавдіопольскій, описывая образъ совершенія великопостной Литургіи, о молитвахъ оной говорили: « послѣ чтенія Пророковъ, мы совершаемъ молитвы, установленныя Василіемъ Великимъ ». Сіе свидѣтельство о Св. Василіѣ подтверждается и надписаніями самой Литургіи, перешедшими съ Греческихъ списковъ оной въ переводы Сирскіе и Славянскіе. У православныхъ христіанъ Сирскихъ сія самая Литургія употреблялась какъ преданная Св. Василіемъ. По описанію Ассемана, въ Сирскомъ переводѣ Греческаго служебника Литургія Преждеосвященныхъ надписана именемъ Василія Великаго. Многочисленныя Славянскія рукописи съ такимъ же надписаніемъ равно подтверждаютъ извѣстность онаго въ древнихъ Греческихъ служебникахъ. Такъ въ пергаменномъ служебникѣ XIV в. бывшемъ въ употребленіи у преп. Сергія, читаемъ: « Божественная служба Прежесвященной Святаго Великаго Василья». Въ служебникѣ XV в., Сергіевой Лавры: « Божественная служба Прежесвященныхъ Святаго и Великаго Василія ». Въ служебникѣ XV в. Московской Духов. Академіи: « Божественная служба Прежесвященныхъ Святаго и Великаго Василія ».

Откуда же могло образоваться мнѣніе, что Литургія Преждеосвященныхъ составлена Григоріемъ Двоесловомъ, Папою Римскимъ (VI в.)? При рѣшеніи этого вопроса сочинитель излагаетъ тѣ основанія, которыя приводилъ Патр. Константинопольскій, Досиѳей, XVII в., который доказывалъ, что сія Литургія не есть твореніе Григорія Двоеслова. Досиѳей доказывалъ это во-1-хъ, молчаніемъ всѣхъ древнихъ писателей, и особенно Патр. Софронія, который былъ современникомъ Григорія Двоеслова; во-2-хъ, тѣмъ, что Григорій не зналъ Греческаго языка; въ 3-хъ, тѣмъ, что въ жизнеописаніяхъ Св. Григорія нѣтъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы Григорій составилъ Литургію, кромѣ одного, составленнаго послѣ XI вѣка, и помѣщаемаго въ Греческихъ синаксаряхъ, въ которомъ есть одно мѣсто, свидѣтельствующее о томъ, что Григорій « установилъ у Римлянъ совершать въ Великій постъ полную Литургію». Въ нѣкоторыхъ спискахъ слово: « полную » было пропущено; а слово Ρωμαίοι въ позднѣйшія времена означало и Римлянъ и Грековъ. Изъ этого свидѣтельства, неправильно понятаго, образовалась мысль, что Св. Григорій Двоесловъ былъ установителемъ или писателемъ постной Литургіи для Грековъ. Патріархъ Досиѳей указывалъ именно на Максима Цитерскаго, который, переводя древніе Греческіе синаксари на діалектъ

Digitized by Google

Новогреческій, понялъ это свидѣтельство въ томъ смыслѣ, будто Григорій Двоесловъ написалъ великопостную Литургію, которая сохранилась въ Восточной Церкви. Въ самыхъ спискахъ Литургіи Преждеосвященныхъ имя Григорія Двоеслова не встрѣчается до XVI вѣка. Уже въ XVI в. появляются рукописи, въ которыхъ по изложеніи службы приписывается отпустъ съ именемъ Св. Григорія. Въ Стоглавѣ великопостная служба приписана уже Папѣ Григорію. Однако же и въ XVI еще вѣкѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ Литургія сія приписывалась Св. Василію Великому.

Въ III-й части сочиненія авторъ излагаетъ нѣкоторыя частныя свѣдѣнія, относящіяся къ составу и образамъ Литургіи Преждеосвященныхъ. Здѣсь также очень много замѣчательнаго по содержанію и много учености въ изслѣдованіяхъ. *К—ій.*

Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи, въ древнія времена. Соч. монаха *Іакинѳа*. 3 части съ картою. Спб. 1851. Стр. XXXIV, VII, 203, 179, 273 и 115 въ 8 д. л.

Новый важный трудъ нашего знаменитаго ученаго и новое блистательное право на давно пріобрѣтенную имъ извѣстность, какъ перваго хинолога въ Европѣ. Съ содержаніемъ этой примѣчательной книги, въ которой видно столько же учености, сколько и трудолюбія, читатели наши уже познакомились во 2 N Москвитянина. Остается прибавить, что изданіе сдѣлано очень тщательно, а приложенная къ книгѣ карта съ подробнымъ топографическимъ указателемъ упоминаемыхъ въ ней мѣстъ, много облегчаетъ употребленіе этого сборника драгоцѣнныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для каждаго занимающагося Средне-Азійской исторіею.

Жизнеописаніе Генерала отъ Кавалеріи Емануэля. Соч. Князя П. Б. Голицына. Съ портретомъ. Спб. 1851. Стр. 195 въ 8 д. л.

«Молодой Венгерскій (*) дворянинъ, безъ всякаго покровительства, кромѣ мужества своего, твердой воли, прямодушія и непоколебимой привязанности ко всему тому, чего требуютъ долгъ чести и долгъ

(*) Безъ сомнѣнія, онъ былъ Славянинъ, какъ Милорадовичъ, Депрерадовичъ, Хорватъ, Княжевичъ, что доказываетъ его происхожденіе изъ г. Вершицы (въ Банатѣ). Въ Венгріи предки его поселились и получили помѣстья. *М. П.*

Digitized by Google

службы, приближается въ Россію, и по истеченіи лѣтъ 30, является Генераломъ отъ Кавалеріи и начальникомъ Кавказской области». Такъ начинаетъ авторъ, приступая къ жизнеописанію Емануеля, и во всемъ своемъ сочиненіи представляетъ его намъ не какъ только воспачальника, но и какъ человѣка, въ характерѣ котораго упомянутыя черты составляли главныя основанія. Находившись въ близкихъ отношеніяхъ къ Генералу Емануелю, Князь Н. Б. Голицынъ, разумѣется, могъ лучше кого другаго изобразить своего бывшаго начальника въ настоящемъ видѣ, и поэтому составленная имъ біографія, не ограничиваясь однимъ послужнымъ спискомъ покойнаго, представляетъ двойную занимательность—какъ матеріалъ для военной исторіи, и какъ прекрасная характеристика человѣка, замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ. Съ образомъ изложенія автора и со многими изъ описываемыхъ имъ событій читатели наши знакомы по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ Москвитянинѣ прежнихъ годовъ. «Жизнеописаніе Генерала Емануеля» Князь Голицынъ дополнилъ, сверхъ того, любопытными приложеніями, каковы, напримѣръ: проэктъ для усмиренія горскихъ народовъ и огражденія областей отъ внезапнаго нападенія; планъ для общей экспедиціи противу Горцевъ праваго и лѣваго флаговъ; планъ для укрѣпленія Линіи, для совершеннаго охраненія отъ набѣговъ, и друг.

Этнографическій и географическій очеркъ г. Каргополя, Олонецкой губерніи, съ словаремъ особенностей тамошняго нарѣчія, сост. и изд. *С. П. Кораблевымъ*. М. 1851. Стр. 77 въ 18 д. л.

Эта книжка, написанная, какъ говоритъ авторъ, «по поводу собираемыхъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ этнографическихъ свѣдѣній обо всѣхъ мѣстахъ нашего отечества»,—можетъ служить доказательствомъ, что почти каждый бывалый человѣкъ найдетъ сказать что-нибудь замѣчательное и любопытное о всякомъ, повидимому, даже самомъ незначительномъ городкѣ земли Русской. Позвольте, напримѣръ, спросить: что знаете вы о Каргополѣ? Нисколько не сомнѣваясь въ обширности вашихъ свѣдѣній, можно почти навѣрно предположить, что о Каргополѣ врядъ ли извѣстно вамъ что-нибудь кромѣ того, что онъ уѣздный городокъ Олонецкой губерніи, да если заглянете въ Календарь, то узнаете, что въ этомъ городкѣ считается до 700 жителей, и только. А между тѣмъ Каргополь заслуживаетъ вниманія въ этногра-

Digitized by Google

ическомъ отношеніи, какъ почти каждый изъ отдаленныхъ краевъ Россіи. Касательно названія города преданіе говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоитъ онъ, въ старину было чистое поле, на которое будто бы слеталось множество воронъ каркать: отсюда и *Каргополь*. Преданіе это, однакожъ, по словамъ автора не подтверждается особеннымъ изобиліемъ воронъ около города. Природа Каргопольская очень бѣдна естественными произведеніями, и если бы не рыболовство, жителямъ пришлось бы жаловаться на скудость способовъ мѣстнаго продовольствія. Значительнымъ подспорьемъ для средствъ жизни служатъ также звѣроловство и стрѣльба дичи. Выдѣлка бѣличьихъ, заячьихъ и лисьихъ мѣховъ и торговля ими занимаетъ много рукъ. — Зимы въ Каргополѣ бываютъ настоящія Русскія, морозы доходятъ до 30 и даже до 40 градусовъ, но жители не морщатся отъ нихъ, и почти круглую зиму, по воскресеньямъ, катаются въ саняхъ по двумъ главнымъ улицамъ города (Камянкѣ и Ивановской), на которыхъ въ это время образуется родъ гулянья. Купцы и степенные люди, въ высокихъ бобровыхъ или куньихъ шапкахъ, стоятъ на «крестцахъ» (на углахъ) улицъ, любуясь поѣздомъ; прекрасный полъ.... но тутъ позвольте остановиться. Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, нарядъ Каргополянки, въ извѣстныхъ лѣтахъ, отличался національностію: юбка, душегрѣйка и епанечка шились изъ золотой парчи и по мѣстамъ окаймлялись золотымъ же газомъ; на голову надѣвался шелковый, шитый жемчугомъ платокъ или кокошникъ, такъ же богато вынизанный «зерномъ бурмицкимъ.» Кисейные рукава сорочки, бархатная или соболья шубка, разумѣется, составляли необходимую принадлежность этого великолѣпнаго и очень красиваго наряда. Теперь же Каргополянки, неизвѣстно по какимъ причинамъ, стали предпочитать старинной своей одеждѣ шляпки и салопы.... Немногія носятъ «здериху», родъ кокошника изъ цвѣтнаго каленкору, которая покрывается «сорочкой» изъ тонкаго полотна, съ кружевнымъ «очельемъ»; или вмѣсто кокошника гасовую повязку. Больше привязанности къ милымъ нарядамъ старины, и слѣдовательно больше вкуса въ умѣньѣ одѣваться, вы встрѣтите въ селахъ кругомъ Каргополя и Онѣги: здѣсь и блестящія повязки на головахъ, и шелковыя фаты, и косы въ лентахъ, и штофные сарафаны.... Любо глядѣть! Но пусть споютъ онѣ одну изъ своихъ пѣсенъ:

«Сковородникъ на печи,
Ты не много хлопочи,
Десятоцка два-три
Блиновъ испеци.

Digitized by Google

[illegible] даже на [illegible]черникахъ средняго круга, гдѣ еще играютъ въ фанты и въ короли, — и Каргополю принадлежитъ одно оригинальное начало ея. Что касается до особеннаго предпочтенія къ буквѣ *ц*, то Каргопольцы не говорятъ иначе, какъ съ цоканьемъ; вмѣсто *чего*, у нихъ слышится чуть не *цоко*....

Что̀ бы еще сказать о Каргополѣ? Не смотря на небольшое число жителей и домовъ (до 400), онъ богатъ храмами Божіими: два монастыря (мужской и женскій) и 10 церквей, большею частію каменныхъ, составляютъ лучшее украшеніе города. При любви къ хлѣбосольству и «гостьбамъ,» на которыхъ, между прочимъ, являются и мѣстныя кушанья: *рыбники*, *калитки*, *шаньги*, *листовики*, *леваши*,—при этомъ хлѣбосольствѣ, Каргопольцы не забываютъ и нищей братіи: богатые нѣсколько разъ въ годъ, а недостаточные хотя однажды, въ дни поминокъ родителей, сзываютъ бѣдныхъ въ «гостьбы,» щедро кормятъ ихъ, и послѣ обѣда надѣляютъ хлѣбомъ, пирогами и деньгами.—Упомянемъ, пожалуй, еще объ одной мѣстной достопримѣчательности: по берегамъ р. Онѣги, при которой находится Каргополь, жители укажутъ вамъ такъ называемыя Адамовы деревья. Что же это за деревья? Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крутые берега рѣки обсыпались такъ, что на 4—5 саженяхъ слои земли совершенно открыты, и тутъ въ глубинѣ 5—6 аршинъ видны истлѣвшіе пни, корни и вѣтви—остатки давно несуществу-

Digitized by Google

чинение Константина Зеленецкаго. Одесса. Въ типографіи г. Пятче, 1849. 236 стр.

Полная Русская Хрестоматія. Составлена А. Галаховымъ. Часть III Примѣчанія. Москва. 1849. Стр. 80 и 111.

Книги, заглавія которыхъ мы выписали, назначены для руководства при преподаваніи Русской словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учебники имѣютъ своего рода требованія, значенія которыхъ, конечно, никто не станетъ отрицать. Вѣрно понять ихъ для того, кто выступаетъ на поприще педагогическое, значитъ уже исполнить половину дѣла. Посмотримъ, какой методѣ слѣдуютъ Гг. Зеленецкій и Галаховъ.

Книжка г. Зеленецкаго велика только по обьему и незначительна по содержанію. Авторъ внесъ въ исторію Русской литературы обозрѣніе учрежденій на пользу образованія, законодательства и проч. въ бо́льшемъ объемѣ, чѣмъ бы слѣдовало, тѣмъ болѣе, что эти обозрѣнія часто отодвигаютъ на задній планъ дѣятельность писателей въ ту или другую эпоху. Желаніе придать внѣшнюю полноту учебнику, увлекло г. Зеленецкаго слишкомъ далеко: онъ останавливается на писателяхъ весьма незначительныхъ въ исторіи литературы, хоть бы для того, чтобъ

Digitized by Google

перечислить ихъ сочиненія. Мы не стали бы упрекать за это автора, потому что въ предисловіи (да позволятъ намъ назвать такъ семь строкъ, помѣщенныхъ передъ введеніемъ) онъ говоритъ, что преподаватель можетъ смотря по программѣ сокращать текстъ; но это совершенно излишнія подробности заставили автора осмотрѣть дѣятельность главнѣйшихъ дѣятелей нашей литературы такъ бѣгло, такъ не ясно показать значеніе ихъ, что исторія литературы подъ перомъ г. Зеленецкаго дробится на отдѣлы, не имѣющіе между собой ни какой внутренней связи, и становится сухимъ каталогомъ, который, сколько ни читай, не извлечешь ничего кромѣ именъ и именъ. Вообще авторъ держится, по видимому, мнѣнія, что главная цѣль наставника состоитъ въ томъ, чтобъ набить головы своихъ несчастныхъ учениковъ безсвязными фактами, не оживленными ни какой идеей. Это крайне-странная метода, не смотря на очевидную нелѣпость свою, у многихъ находитъ сочувствіе; одни не могутъ видѣть далѣе факта, другіе не считаютъ нужнымъ показать связь, существующую между періодами исторіи литературы. Есть даже такіе гг. наставники, которые доводятъ до того подробности гимназическаго учебника исторіи литературы, что считаютъ священною обязанностію своею упомянуть о древнѣйшихъ монетахъ, и потомъ не имѣютъ времени, а часто и позабываютъ, говорить о Карамзинѣ. Такія усилія превратить гимназическій классъ въ университетскую аудиторію довольно странны, какъ и учителя, *читающіе лекціи* въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По нашему мнѣнію составитель учебника исторіи литературы долженъ остановить вниманіе учениковъ только на писателяхъ, много выдающихся изъ остальной массы литературныхъ дѣятелей, указать ихъ значеніе, а также и того періода исторіи литературы, въ которой они дѣйствовали, и притомъ не голословно, какъ дѣлаетъ г. Зеленецкій, а на самыхъ произведеніяхъ объяснить ихъ характеръ, метода, которой слѣдовалъ г. Мизко въ своемъ «столѣтіи Русской словесности,» и г. Галаховъ въ третьей части своей Хрестоматіи. Когда такимъ образомъ выбрано будетъ нѣсколько твердыхъ точекъ въ исторіи литературы, когда ясно будетъ сознанъ характеръ извѣстнаго періода въ лицѣ его представителей, когда понята будетъ связь его съ предъидущимъ и послѣдующимъ; тогда уже можно приступить къ изложенію болѣе подробному; но это уже дѣло высшаго преподаванія.

Подтвердимъ наши общія замѣчанія примѣрами. Г. Зеленецкій упоминаетъ о Кириллѣ Бѣлозерскомъ, Пахомѣ Логовстѣ, Вассіанѣ и др., посвящая каждому изъ нихъ по нѣскольку строкъ, а о Палицынѣ говоритъ только, что его сочиненіе написано витіеватымъ слогомъ! Что узнаетъ

Digitized by Google

учащійся изъ такой характеристики? Изъ книги г. Зеленецкаго вы можете узнать, кому принадлежатъ лучшія изданія по части исторіи древностей и пр., но за то исторія литературной дѣятельности Карамзина изложена на четырехъ,—Ломоносова, на трехъ страницахъ крупной печати.

И показана ли связь одного періода, писателя, который служитъ его представителемъ, съ другими? Нисколько. Рѣзкое раздѣленіе на рубрики совершенно отрѣзываетъ одну часть исторіи литературы отъ другой, и дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ толковое усвоеніе предмета. Авторъ и не заботился о томъ, чтобъ показать нить связующую періоды исторіи литературы. Этому можетъ служить доказательствомъ и самый слогъ книги: предложенія связаны чисто внѣшнимъ образомъ, просто союзами: *сперва, потомъ, наконецъ*. Представляемъ для примѣра хоть изложеніе «слова о полку Игоревѣ:»

«Предметъ слова о полку Игоревѣ составляетъ походъ, предпринятый около 1185 года Игоремъ Святославичемъ, княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ вмѣстѣ съ князьями, сродственниками его, братомъ Всеволодомъ Курскимъ, сыномъ Владиміромъ Путивльскимъ, племянникомъ Святославомъ Рыльскимъ противъ Половцевъ. Слово *начинается* приступомъ, въ коемъ упоминается имя древнѣйшаго Русскаго пѣснопѣвца Баяна, *потомъ* описываются затмѣніе солнца, предзнаменовавшее худой конецъ дѣла, сборъ и выступленіе Игоря съ другими князьями Сѣверскими въ походъ и побѣда ихъ надъ Половцами. *Послѣ того* повѣствуется о томъ, какъ Русское войско предалось безпечности, а Половцы, пользуясь этимъ и усилившись подоспѣвшими къ нимъ на помощь ханами Гзакомъ и Кончакомъ, начинаютъ новую битву при рѣкѣ Коялѣ. *Затѣмъ* поэтъ воспоминаетъ славу полковъ Олега Святославича, ковавшаго мечемъ крамолу на бѣду землѣ Русской, описываетъ сраженіе и гибель Русскаго войска, разсказываетъ о сновидѣніи и печали Святослава III, взываетъ къ князьямъ Русскимъ о помощи и говоритъ о Полоцкихъ князьяхъ и о первыхъ князьяхъ Русскихъ. *Затѣмъ* слѣдуетъ плачь Евфросиніи Ярославовны, супруги Игоря, въ Путивлѣ городѣ по своемъ плѣнномъ супругѣ. Поэма оканчивается бѣгствомъ Игоря на родину при помощи крещенаго Половца Овлура» (стр. 31—32).

Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: Одно изъ лучшихъ и извѣстнѣйшихъ произведеній Гнѣдича есть *еще* идиллія: «Рыбаки.» Простотой стиля и прелестью выраженія она напоминаетъ Ѳеокрита, хотя (?) предметъ ея взятъ изъ нашей жизни. Гнѣдичъ переводилъ *еще* изъ Одиссеи, изъ Анакреона, Шенье и Байрона «(стр.

Digitized by Google

171). Такихъ мѣстъ въ учебникѣ г. Зеленецкаго довольно много. Всякій замѣтитъ, что г. Зеленецкій писалъ просто такъ, какъ ему приходило, въ голову, не руководствуясь ни какой основной идеей, которую бы онъ хотѣлъ провести черезъ дѣятельность того или другаго писателя иначе откуда эта безсвязность изложенія? почему все сшито на живую нитку? откуда эти: «*еще*, *затѣмъ*, *потомъ* и пр. пр.? Въ учебникѣ такого рода недостатокъ терпимъ быть не можетъ; онъ пріучаетъ ученика къ безсознательному, механическому заучиванію, которое не принесетъ никакого добраго плода, пріучаетъ его скользить по внѣшности, не заглядывая внутрь, не давая себѣ отчета въ томъ, что изъ этого слѣдуетъ или что хочетъ этимъ сказать учащій, пріучаетъ однимъ словомъ къ тому, что на школьномъ языкѣ называютъ *долбленіемъ*, *вазубриваніемъ* и прочими экспрессивными именами. Положимъ, ученикъ выучитъ все это такъ, какъ есть; но что вынесетъ онъ съ собою черезъ это и вынесетъ ли что нибудь, вотъ вопросъ, который, кажется, не потрудился задать себѣ г. Зеленецкій.

Есть въ «Исторіи литературы» г. Зеленецкаго и другой недостатокъ, прямо противуположный только что указанному нами. Если съ одной стороны авторъ предлагалъ безсвязные факты, часто излишніе, нагромождая ихъ одинъ на другой, если онъ высчитывалъ только имена писателей и названія ихъ сочиненій; то съ другой стороны онъ расплывается иногда въ общихъ мѣстахъ, которыя также скоро забываются, какъ заучиваются. «Исторію Государства Россійскаго» онъ характеризуетъ такъ: «Наконецъ, какъ историкъ, Карамзинъ оказалъ безсмертную услугу тѣмъ, что первый разобралъ, очистилъ и собралъ въ одно свѣтлое, художественное цѣлое многочисленные матеріалы нашей отечественной Исторіи, которые до того представлялись въ противоположномъ видѣ. Онъ воспользовался критикою Шлецера, трудился неутомимо и написалъ полную достовѣрную Исторію Россіи языкомъ изящнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, — исторію, которая упрочила вліяніе его на современниковъ и потомковъ. Печать вѣка отразилась однако и на этомъ его твореніи; мѣстами, вмѣсто того, чтобы изображать чертами исторической дѣйствительности лица и характеры различныхъ эпохъ, онъ вдается въ общія разсужденія о нравственныхъ качествахъ, добродѣтеляхъ и порокахъ этихъ лицъ, — разсужденія излишнія и обременительныя въ прагматической исторіи; не вездѣ рѣзкими чертами обозначаетъ духъ времени, образованность эпохи и направленіе умовъ, а довольствуется въ этомъ отношеніи одними общностями (стр. 162—163). Во-первыхъ, ученикъ не имѣетъ понятія

Digitized by Google

о критикѣ Шлецера и слѣд. слова автора: *Карамзинъ воспользовался критикою Шлецера* останутся пустою фразою. Во-вторыхъ, почему г. Зеленецкій называетъ Исторію Государства Россійскаго *полною* исторіею Россіи? Въ какомъ смыслѣ называетъ онъ ее достовѣрною? Все это общія мѣста, которыя давно прокрались въ учебники, которыя благоденствуютъ въ нихъ, съ давнихъ временъ и до «Исторіи Литературы» г. Зеленецкаго включительно. Пора бы ихъ оставить.

Кромѣ этихъ общихъ и главныхъ недостатковъ учебника г. Зеленецкаго кое-гдѣ находимъ искаженія фактовъ, особенно въ означеніи годовъ рожденія и смерти писателей. Нельзя также не замѣтить многихъ неправильныхъ выраженій, которыя иногда превратно передаютъ мысль. Напр. г. Зеленецкій говоритъ, что «*исторія литературы* излагаетъ постепенное развитіе умственной дѣятельности». (Стр. 3). Или: «Совокупное и притомъ систематическое изложеніе теоріи языка и исторіи литературы какого-либо народа называется *Словесностію*. Это все промахи, встрѣчаемые на одной первой страницѣ.

Третья часть «Хрестоматіи» г. Галахова пытается связать теорію и исторію словесности, пріемъ, чрезвычайно ловкій. 1) Приступая напр. къ изложенію теоріи духовнаго краснорѣчія, преподаватель разбираетъ Слово на погребеніе Бецкаго, показываетъ его составныя части, обращаетъ вниманіе на его слогъ (выраженіе), и такимъ образомъ на практикѣ объясняетъ теорію духовнаго краснорѣчія. Метода прекрасная. Учащійся (разумѣется, тотъ, который внимательно слушалъ объясненія преподавателя, а потому послѣдній долженъ постоянно держать вниманіе учениковъ въ напряженіи, заставляя ихъ для этого самимъ доходить до главной мысли, которую хотѣлъ выразить витія) пойметъ и упомнитъ предложенную такимъ образомъ теорію лучше, чѣмъ изъ общихъ фразъ, въ которыхъ предлагается опредѣленіе духовнаго краснорѣчія, ибо тогда уже и общая мысль опирается на частномъ примѣрѣ, ее объясняющемъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Галахова послужитъ прекраснымъ пособіемъ при преподаваніи. Впрочемъ въ ней нѣтъ ни полнаго изложенія теоріи словесности, ни полнаго изложенія исторіи Русской литературы. Съ одной стороны предложена исторія ораторской рѣчи, повѣствованій, описаній и пр., лирической, отчасти и драматической поэзіи; нѣтъ теоріи эпоса. Съ другой стороны дѣятельность писателей изложена не въ хронологическомъ порядкѣ, не по періодамъ, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ помѣщены отрывки изъ ихъ сочиненій въ первыхъ двухъ томахъ «Хрестоматіи», нѣтъ притомъ обзора дѣятельности многихъ литературныхъ дѣятелей, который отло-

Digitized by Google

женъ для примѣчаній къ исторической Хрестоматіи. Метода, принятая г. Галаховымъ, прямо противуположна методѣ г. Зеленецкаго, и гораздо справедливѣе; но въ отношеніи къ объему статей объ извѣстныхъ писателяхъ нельзя не замѣтить, что авторъ слѣдуетъ какому-то капризу; излагая дѣятельность писателей въ извѣстномъ объемѣ, онъ сообразуется съ объемомъ статей, въ которыхъ обработана исторія дѣятельности того или другаго писателя. Г. Галаховъ справедливо назвалъ свою книгу Хрестоматіей; «третья часть» есть также Хрестоматія, хотя составлена не по той методѣ, которой авторъ слѣдовалъ при составленіи двухъ первыхъ томовъ. Дѣло въ томъ, что изложеніе дѣятельности писателей въ томъ видѣ, какъ мы находимъ его въ третьей части Русской Хрестоматіи, есть просто перепечатка уже давно извѣстныхъ журнальныхъ статей съ нѣкоторыми измѣненіями, или точнѣе дополненіями. Здѣсь найдете вы вклады Отечествен. Записокъ, Современника, Москвитянина, Сына Отечества. Въ этомъ смыслѣ и говоримъ мы, что г. Галаховъ справедливо назвалъ свою книжку Хрестоматіей, хотя, можетъ быть, многіе не принимали этого названія въ буквальномъ смыслѣ, потому что о заимствованіи издатель умолчалъ. Какое можетъ быть единство взгляда въ подобной компиляціи, предоставляется судить читателямъ. Г. Галаховъ въ иныхъ мѣстахъ мало прибавлялъ отъ себя, отъ того его характеристики нѣкоторыхъ писателей вышли какъ-то не окончены, отрывочны. Чтобъ дать своимъ читателямъ понятіе о литературной дѣятельности Гнѣдича, г. Галаховъ перепечатываетъ съ немногими дополненіями статью Лобанова: Біографія Н. И. Гнѣдича. Но почтенный Академикъ въ своей статьей думалъ изложить не характеристику литературной дѣятельности Гнѣдича, а только нѣкоторыя черты жизни этого замѣчательнаго человѣка и писателя, онъ хотѣлъ представить только свои воспоминанія о немъ, выставить его характеръ. Какъ человѣкъ близкій къ Гнѣдичу, пользовавшійся долго его дружбою, г. Лобановъ оставилъ записки, о немъ, которыми такъ бѣдна наша литература, и въ которыхъ такъ нуждается она. Неудивительно, что объ литературной дѣятельности онъ не сказалъ почти ничего, ограничившись только спорами Гнѣдича о гекзаметрѣ и выпискою отзыва г. Греча о его стихахъ. Онъ могъ это сдѣлать, потому что его статья только *матеріалъ* для исторіи литературы. Г. Галаховъ долженъ бы былъ, по нашему мнѣнію, представить въ краткомъ очеркѣ обзоръ *всей* литературной дѣятельности Гнѣдича, а не пускаться въ тѣ мелкія подробности, которыя онъ почерпнулъ изъ упомянутой нами статьи. Черезъ это упущеніе

Digitized by Google

теряется соразмѣрность, пропорція въ изложеніи дѣятельности того или другаго писателя, и учащійся, останавливаясь на ненужныхъ подробностяхъ, теряетъ изъ виду дѣло, не получая изъ книги г. Галахова никакого понятія объ сочиненіяхъ Гнѣдича.

2) Не какъ простой учебникъ должны мы разсматривать книгу г. Галахова, а какъ пособіе и для преподавателя; въ этомъ отношеніи г. Галаховъ собралъ кое-какіе матеріалы и для исторіи литературы. Онъ не останавливается на однихъ писателяхъ, которые имѣли сильное вліяніе на ходъ нашей литературы вообще, но довольно подробно говоритъ и описателяхъ менѣе значительныхъ. Онъ гораздо подробнѣе излагаетъ исторію литературной дѣятельности Полеваго, чѣмъ г. Зеленецкій эпоху Карамзина. Его книга если и мало предлагаетъ новаго, но въ ней собраны разбросанные матеріалы для исторіи литературы.

Впрочемъ это отвлекло нѣсколько г. Галахова отъ главной цѣли составитъ учебникъ, который бы служилъ руководствомъ для учащихся. Выше мы уже показали это на одномъ примѣрѣ. Въ тойже статьѣ о Гнѣдичѣ читаемъ: «Понять Иліаду какъ художественное произведеніе очень трудно». Съ этимъ мы совершенно согласны, но почему же бы г. Галахову не внести въ эту же статью теорію эпоса, какъ въ первую часть внесена теорія краснорѣчія и пр.? Тогда эта трудность значительно бы поуменьшилась. Правда, теорію эпоса изложить ясно и вѣрно не легко. Смотря одинаковыми глазами на Иліаду и Неистоваго Орланда, далеко не уйдешь. Намъ пришла на память статья, напечатанная въ одномъ Нѣмецкомъ журналѣ, носящая заглавіе: О важности эпоса Гомерова; въ ней указано, что заимствовали новые эпики изъ Иліады и Одиссеи. Хорошо было бы показать отличіе настоящаго, Гомерова эпоса отъ позднѣйшаго искусственнаго. Говоря о Гнѣдичевомъ переводѣ Иліады, онъ приводитъ отрывокъ изъ перевода Кострова. Уясняется ли черезъ это значеніе перевода Гнѣдича и мѣсто, которое онъ занимаетъ въ литературѣ? Гораздо лучше было бы показать вліяніе Кострова на Гнѣдича точно такъ, какъ Шлегель показалъ отношеніе Фоссова перевода къ переводу Бюргера. Только такимъ путемъ и можетъ быть вѣрно понята истинная теорія эпоса Гомера, эпоса въ его чистѣйшемъ видѣ. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ пробѣлъ въ книгѣ г. Галахова потому, что прочія части обработаны въ ней отчетливѣе.

И у г. Галахова встрѣчается мѣстами тотъ недостатокъ, за который мы упрекнули г. Зеленецкаго — желаніе приводить голыя имена безъ всякихъ характеристикъ. Такъ, въ статьѣ «Женщины

Digitized by Google

писательницы» встрѣчаемъ у г. Галахова цѣлый списокъ именъ: къ чему это?

Можно еще упрекнуть автора (?) за полемическій тонъ, который замѣтенъ на нѣкоторыхъ страницахъ его книги, и которому нѣтъ мѣста въ учебникѣ. Замѣтимъ кстати, что не всегда г. Галахову удавалось выбрать лучшее, напр. въ статьѣ о Гнѣдичѣ читаемъ выписку изъ статьи, напечатанной въ 3-мъ N Отеч. Записокъ 1849, хотя сужденія автора этой статьи о различныхъ способахъ переводить и историческая сторона рецензіи не отличается знаніемъ дѣла. Всѣхъ неудачнѣе мѣста (касающіяся большею частію классической литературы), которыя авторъ вставляетъ отъ себя, заимствовавъ ихъ вѣроятно тоже изъ какихъ нибудь книгъ. Приведемъ начало одного маленькаго параграфа, носящаго громкое названіе исторія *Иліады* «Иліада написана за 1000 или 900 лѣтъ до Р. Х. Всѣ древніе ученые, отъ Аристотеля до Аристарха, приписываютъ ее Іонійскому пѣвцу, Гомеру, рожденному, какъ говорятъ, въ Хіосѣ *или* Смирнѣ. Между тѣмъ ни одинъ изъ этихъ ученыхъ не представляетъ положительныхъ доказательствъ, по которымъ можно бы было вполнѣ убѣдиться въ существованіи Гомера, или, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что онъ былъ единственнымъ творцомъ Иліады». И такъ да успокоятся Германскіе филологи, довольно: споры ихъ о времени жизни Гомера приведены къ желаемому концу, время жизни его опредѣлено положительно: это за 1000 *или* (какъ здѣсь умѣстенъ этотъ союзъ!) 900 лѣтъ до Р. Х. Нѣтъ нужды, что неизвѣстно, кѣмъ написана Иліада, существовалъ ли Гомеръ; годъ написанія Иліады опредѣленъ. Этого довольно для общей характеристики книги: въ подробности пускаться не хотимъ, потому что это значило бы разбирать журнальныя статьи. Не смотря на недостатки 3-й части Русской Хрестоматіи, мы все-таки благодарны за изданіе этой книжки, полезной при преподаваніи. *Т.*

Библіотека для Чтенія.—Февраль и Мартъ.

Въ отдѣлѣ «Русской Словесности» за Февраль и Мартъ «Библіотека для Чтенія» предлагаетъ читателямъ повѣсть «Прожитое» и комедію въ стихахъ «Женатый Женихъ».—Повѣсть «Прожитое», подъ которой за автора подписался Брамбеусъ, какъ кажется, писана на заданную тему, и писана человѣкомъ, должно думать, молодымъ. — Тема, на которую написана повѣсть, есть слѣдующая: «не должно молодому «человѣку имѣть о себѣ въ своихъ средствахъ высокаго мнѣнія, не

Digitized by Google

«слѣдуетъ ему мечтать о великомъ призваніи преобразовать науку или «жизнь, а должно ему, оставя самолюбивый эгоизмъ, обратиться съ «любовію къ своему ближнему и дѣлать для него все возможное.» Нѣтъ спора, что въ юношествѣ всегда живутъ стремленія выше силъ, что молодой человѣкъ, только-что проникнувшійся могуществомъ образованія, глядитъ съ отвагой на дѣйствительность, и вѣритъ, въ невинности души своей, въ возможность быстрыхъ улучшеній. — Эти стремленія, это довѣріе къ силѣ мысли часто выражается у молодыхъ людей угловато, неловко, и даетъ поводъ людямъ опытнымъ, но неблагонамѣреннымъ, смѣяться и глумиться надъ ними, — въ то время, какъ такое положеніе ума требуетъ самаго внимательнаго и отечески нѣжнаго обращенія. — Дѣйствительность сама очень скоро даетъ юношѣ почувствовать свою крѣпость; при первыхъ столкновеніяхъ съ нею, онъ необходимо уступитъ ей, и, если въ немъ есть умъ, то пойметъ свои къ ней отношенія; къ чему же раздражать преждевременно и безъ нужды молодой умъ, не лучше ли съ мудрымъ снисхожденіемъ смотрѣть на невинныя увлеченія молодости, и своей опытностью помогать ея умиротворенію и освобожденію отъ угловатыхъ крайностей? Только черствыя и тупыя натуры избѣгаютъ ошибокъ, не поддаваясь увлеченіямъ; порывъ и горячность являются въ юношѣ признакомъ даровитости и любви; поставленныя въ надлежащія границы, они становятся источникомъ гражданскихъ добродѣтелей и полезной обществу дѣятельности. — Переходъ изъ страстнаго, юношескаго состоянія въ зрѣлое, мужеское, можетъ быть прекрасной задачей для художника; многіе первоклассные писатели, въ томъ числѣ Гёте, останавливались съ любовью на этихъ юношескихъ образахъ, исполненныхъ увлекательной прелести. — Повѣсть «Прожитое» имѣетъ своимъ содержаніемъ именно этотъ переходъ юноши въ мужа. - Хотя въ отношеніи автора къ изображаемому предмету мы не нашли ничего оскорбительнаго, хотя здѣсь нѣтъ насмѣшки и глумленія надъ восторгомъ и молодостью, тѣмъ не менѣе мы остались крайне недовольны повѣстью. Изображенный въ ней молодой человѣкъ рѣшительно не отвѣчаетъ правильнымъ представленіямъ о хорошо образованномъ современномъ юношѣ, онъ представленъ какимъ-то фразёромъ, охотникомъ потолковать о чемъ угодно, лишеннымъ всякаго такта, и потому онъ не возбуждаетъ въ читателѣ того сочувствія, которое по праву принадлежитъ образованному и даровитому юношѣ и на которое очевиднымъ образомъ разсчитывалъ авторъ. — Ясно, что авторъ имѣетъ смутное представленіе о той сферѣ, которую выбралъ содержаніемъ для своей повѣсти, и лишенъ совер-

Digitized by Google

енно художественной способности, столь необходимой для повѣствователя. — Отсутствіе художественной способности выразилось особенно въ каррикатурныхъ изображеніяхъ подробностей, напр., въ изображеніи слуги Савельича, и въ странности языка, который употребляютъ дѣйствующія лица. — Мы легко могли бы подтвердить наше мнѣніе множествомъ выписокъ, но считаемъ это излишнимъ, по совершенной ясности и чистотѣ дѣла.

«Женатый Женихъ», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, принадлежитъ къ забавнымъ сценическимъ новостямъ нынѣшняго года, и имѣла большой успѣхъ на сценахъ обѣихъ столицъ. Это произведеніе извѣстнаго нашего романиста, М. Н. Загоскина со всѣми его достоинствами, — и недостатками. Изложимъ содержаніе. — У Марьи Савишны Стародубской, вдовы лѣтъ пятидесяти, живетъ богатая племянница — Любинька, на которую имѣютъ виды многіе московскіе женихи. — Тетка отказываетъ всѣмъ, въ разсчетѣ выдать ее за графа Сицкаго, между тѣмъ какъ сама Любинька любитъ Владимира, внучатнаго племянника Марьи Савишны. — Владиміръ, по недостатку состоянія и по скромному своему положенію въ обществѣ, не можетъ надѣяться на согласіе тетки. — По этому онъ обращается къ Сицкому, своему бывшему сослуживцу, за совѣтомъ и помощію; Сицкій оказывается женатымъ втайнѣ и слѣдовательно не имѣющимъ на Любиньку никакихъ видовъ. — Онъ охотно вызывается помочь своему товарищу; они увозятъ Любиньку, которая и выходитъ за Владимира. — Тетка сперва сердится, а потомъ прощаетъ.

Въ «Иностранной Словесности» продолжается романъ Шэрли; въ Февральской книжкѣ напечатана вторая и послѣдняя часть Ольбенійскаго Холостяка, въ Мартовской — повѣсть «Мать», переводъ съ французскаго. — Наши читатели извинятъ насъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что мы не разбираемъ этого отдѣла съ такою же подробностію, какъ первый; мы полагаемъ достаточнымъ слѣдить только за замѣчательными явленіями иностранной словесности.

Въ отдѣлѣ «Наукъ и Художествъ», въ февральской книжкѣ помѣщена любопытная статья г. Куторги, «Геологъ Путеводитель по Финляндскимъ берегамъ Ладожскаго Озера и Финскаго Залива». — Финляндія страна замѣчательная въ геологическомъ и минералогическомъ отношеніи; мы считаемъ себя обязанными благодарить ученаго за предложенныя имъ геологическія извѣстія объ этой странѣ, которая намъ была извѣстна болѣе со стороны величественныхъ видовъ своей природы. — Статья П. Лерха, «Семизвѣздіе на небѣ Персидской Поэзіи», отли-

Digitized by Google

чается скудостію содержанія и дурнымъ изложеніемъ. Далѣе въ февральской книжкѣ помѣщена вторая статья Барона Медема: «Военно-учебныя заведенія Пруссіи»; въ мартовской вторая статья «Путешествіе и труды Августа Леирда».

Любопытна статья «Тонкорунное овцеводство въ Россіи», — въ которой представлена исторія тонкоруннаго овцеводства въ Россіи, доведенная до 1808 года. — Этой столь важной отрасли нашей промышленности положилъ основаніе Петръ Великій; статья «Библіотеки для Чтенія» предлагаетъ множество занимательныхъ извѣстій объ его заботливости насчетъ распространенія въ Россіи тонкорунныхъ овецъ. — Съ этой цѣлью онъ выписывалъ изъ-за границы лучшей породы овецъ и искусныхъ овчаровъ, а русскихъ людей посылалъ учиться уходу за овцами въ Силезію и другія страны, гдѣ овцеводство находилось въ цвѣтущемъ состояніи. — Малая Россія, при этомъ случаѣ, обратила на себя вниманіе Петра Великаго, потому что, по словамъ манифеста отъ 15 Іюня 1724 года, «Богъ благословилъ ее паче иныхъ краевъ нашего государства способнымъ воздухомъ къ размноженію овецъ и доброй шерсти.» Эти благія мѣры встрѣтили противоборство тѣмъ не менѣе его заботливость объ этомъ дѣлѣ не осталась безъ послѣдствій: 23 Февраля 1726 года, было объявлено отъ малороссійской коллегіи, что, «въ силу именнаго указа Петра Великаго, въ Малой Россіи, въ слободскихъ полкахъ, для вкорененія къ суконному дѣлу доброй шерсти, содержится овецъ 338,902.» По смерти Петра Великаго, на пользу русскаго овцеводства было сдѣлано немного до вступленія на престолъ Императора Павла Петровича, который съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за этой отраслью нашей промышленности, и, для ея улучшенія, принималъ самыя энергическія мѣры. Во второй статьѣ авторъ, безъ сомнѣнія, покажетъ успѣхи нашего овцеводства съ 1808 года. — Переходимъ къ отдѣлу критики. — Въ февральской книжкѣ «Библіотеки» помѣщена рецензія на сочиненіе г. Кудрявцева: «Судьбы Италіи, отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ.» Вскорѣ Москвитянинъ будетъ говорить объ этой примѣчательной книгѣ, и тогда скажетъ свое мнѣніе и о рецензіи. Теперь сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Критикъ началъ свою рецензію на сочиненіе г. Кудрявцева длинной выпиской изъ статьи англійскаго журнала, авторъ которой горячо нападаетъ на германскую ученость. Упреки англійскаго критика совершенно справедливы, если отнести ихъ къ мелкимъ явленіямъ германской науки, но, если распространить ихъ на всю ученую дѣятельность Гер-

Digitized by Google

манію, то они явятся неприличнымъ и смѣшнымъ парадоксомъ.—Германія есть представительница современной науки, а если съ другой стороны въ Германской учености усматриваются какія-нибудь каррикатурныя явленія, такъ это дѣло неизбѣжное, свойственное всякой человѣческой дѣятельности; всегда рядомъ съ высокими явленіями науки, жизни и искусства, идутъ мелкія и ничтожныя.—Какъ ни развита государственная и общественная жизнь въ Англіи, хотя она стоитъ въ этомъ отношеніи далеко выше всей западной Европы, между тѣмъ и въ ея жизни есть же явленія, выказывающія юморъ Диккенса. Возьмемъ нашу литературу: послѣ Пушкина и Гоголя у насъ возможны еще такія комедіи, какъ «Заговаривало Ретиво» и такіе разсказы, какъ «Убійственный Визитъ»; при теперешнемъ состояніи нашей критики, возможны еще такія рецензіи, какъ та, которую мы имѣемъ прискорбіе коснуться.

Укажемъ еще на слѣдующее обстоятельство: рецензентъ выписываетъ нѣсколько страницъ изъ диссертаціи г. Кудрявцева и выражаетъ свое неудовольствіе касательно выраженія слѣдующими словами: «Да проститъ намъ *научный* авторъ «Судебъ Италіи», «но въ этомъ длинномъ наборѣ общихъ мѣстъ, «наряженныхъ «въ мишурныя высокопарности поддѣльной исторической философіи, «ровно ничего не сказано. — Темнота не доказательство глубины, «она только прямой признакъ отсутствія свѣту. Новость словъ «и фразъ не порука за новость мыслей. Такъ нельзя ни писать, ни обозрѣвать исторію. Такъ можно только *низвесть исторію на степень недостойнаго гаерства.*» Мы въ свою очередь просимъ извиненія у г. Кудрявцева въ нашей выпискѣ; мы хотѣли черезъ это разительнѣе выставить странное ослѣпленіе того журнала, гдѣ гаерство получило такое неслыханное развитіе.

Въ Мартовской книжкѣ, въ отдѣлѣ критики помѣщена рецензія О. И. Сенковскаго на Библіотеку Восточныхъ Историковъ, издаваемую И. Березинымъ.—Въ Январской книжкѣ тотъ же рецензентъ упрекалъ того же автора въ неприличіи самымъ неприличнымъ образомъ; настоящая рецензія прошла благополучно.

Отечественныя записки 1851 года. № 3-й, Мартъ.—Пропуская по извѣстнымъ причинамъ *Старой домъ*, котораго помѣщена здѣсь 3 часть, назначемъ прямо съ поэзіи.—Но сказать ли правду? Въ новыхъ пяти стихотвореніяхъ Н. Ѳ. Щербины, напечатанныхъ въ Мартѣ О. З., мы рѣшительно не узнаемъ автора; какъ велика разница между тѣмъ, что доставило намъ удовольствіе въ первыхъ произведеніяхъ поэта и тѣмъ, что предлагается теперь Тамъ, при ясномъ, свѣтломъ,

Digitized by Google

взглядѣ на жизнь. встрѣчались смѣлые и роскошные образы, сильные и вмѣстѣ граціозные порывы чувства, картинныя изображенія природы, наконецъ стихъ, какой дается не многимъ.—Здѣсь мы встрѣчаемъ уже давно знакомое разочарованіе и нельзя сказать, чтобы въ оригинальныхъ формахъ; встрѣчаемъ стихотворенія, написанныя очевидно подъ личными, случайными, условіями, которыя тамъ и предлагаются читателямъ, не возведенныя на степень идеальнаго,—безъ котораго нѣтъ поэзіи. Взглядъ поэта какъ будто утратилъ свою ясность, чувство его какъ будто потеряло энергію. Иногда правда являются порывы, какъ будто напоминающіе прежнюю энергію поэта, такъ напр—стихотвореніе: *Исходъ*, но это уже не та истинная энергія, которая неотразимо передается каждому другому человѣку—и даетъ стихотворенію право на общее сочувствіе, нѣтъ, въ *Исходѣ* слышатся опять та же робость и апатія, которыя прямо выражаются въ *Тишинѣ* и *Какъ въ ведро тихое*; только прикрыты какою то хвастливостію и громкими возгласами. Иначе какъ объяснить себѣ слѣдующіе стихи:

Развѣ я гордо не знаю,
Какъ моя грудь широка:
Въ ней я весь міръ помѣщаю,
Съ нею побѣда легка....
. . . . . .
. . . . . .
Я ли паду подъ страданьемъ,
Міръ помѣщая въ себѣ,
Мнѣ ль не идти съ упованьемъ
Прямо на встрѣчу борьбѣ?

Не понравилось намъ также стихотвореніе, начинающееся словами: *какъ въ ведро тихое на ясной глади водъ*. Это уже совсѣмъ не поэзія, а какъ будто разпространенное сравненіе на тему: *душа и море*.—Лучшее изъ пяти новыхъ стихотвореній *Н. Щербины*, по нашему мнѣнію, *концертъ*; по ясности мысли, звучности стиха и отсутствію всякихъ странностей это почти вполнѣ удачное стихотвореніе. Не лишено пожалуй нѣкоторой легкости и игривости и послѣднее стихотвореніе: *Ζόη μοῦ, σὰς ἀγαπῶ*, но за то и писано оно, въ особенности послѣдній куплетъ, съ непростительною небрежностью.

Какъ объяснить себѣ это явленіе?—Въ прошломъ разборѣ мы указали на нѣкоторыя причины того, почему послѣ Греческихъ стихотвореній Н. Ѳ. Щербины, мы принуждены теперь читать его болѣе плохія произведенія.—Мы думаемъ, что виновато въ этомъ также и направленіе, выразившееся въ томъ, что печатаетъ теперь Н. Ѳ. Щербина.—Но разсужденіе объ этомъ предметѣ отложимъ до слѣдующей встрѣчи съ стихотвореніями нашаго поэта, когда этотъ пунктъ и для насъ самихъ

Digitized by Google

уяснится болѣе. — Выскажемъ въ заключеніе нашу несомнѣнную увѣренность, что много цѣнимый нами поэтъ предложитъ публикѣ наконецъ, одно изъ своихъ безукоризненныхъ стихотвореній. Мы ждемъ этого съ нетерпѣніемъ, для того, чтобы съ удовольствіемъ отдать ему должную справедливость, какъ теперь съ прискорбіемъ, принуждены осуждать его.

Теперь по порядку слѣдуетъ говорить о «*Моихъ старыхъ знакомыхъ*» — В. М. Лазаревскаго. — Но прежде нежели мы скажемъ нѣсколько словъ о помѣщенныхъ подъ этимъ заглавіемъ двухъ разсказахъ, считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку. Нѣтъ ничего неудовлетворительнѣе, по нашему мнѣнію, тѣхъ критическихъ статей, авторы которыхъ, избѣгая толковзнія и уясненія для читателей разбираемаго произведенія, отдѣлываются нѣсколькими посторонними разсужденіями, которыя только по видимому вызваны даннымъ романомъ или повѣстью, въ самомъ же дѣлѣ передаются читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ съ незапамятныхъ временъ выработались въ головѣ критика. — Иногда даже подобныя разсужденія и замѣтки не добыты самимъ критикомъ, не вынесены его собственною опытностью, а взяты готовыми изъ книгъ, и въ этомъ видѣ берегутся до востребованія. — Надобно сказать правду, что критиковать такимъ образомъ чрезвычайно легко. — Такъ ужъ устроенъ человѣкъ; случись предъ его глазами что бы то ни было, онъ непремѣнно съ своей стороны подумаетъ что нибудь по этому случаю, а иногда просто — *въ это время*. Записывай всѣ такія мысли, которыя соберутся въ головѣ по случаю прочитаннаго напр. художественнаго произведенія, и критика готова. — Правда, читателю мало пользы отъ такихъ критикъ, но за то самому критику безопасно. — Не будучи обязанъ говорить именно того или другаго при разборѣ даннаго произведенія, онъ сохраняетъ полную свободу выбирать изъ текущихъ въ головѣ его мыслей такія, которые напр. наименѣе подлежатъ сомнѣнію, наиболѣе идутъ къ настоящему случаю, и наконецъ наилучше укладываются въ фразы. — Такимъ образомъ критика выходитъ и непогрѣшительною, и очень умѣстною и очень ловко написанною. — Понятно, что безъ принятія предварительныхъ мѣръ могутъ оказаться нѣкоторыя неудобства даже и въ этомъ, въ сущности чрезвычайно простомъ, дѣлѣ: именно, можетъ случиться, что во все время, назначенное для обдумыванья какого нибудь художественнаго произведенія, не придетъ въ голову ни одной мысли по поводу этого произведенія. Но, во первыхъ, такія организаціи къ счастію очень рѣдки; во-вторыхъ, онѣ ужъ должны будутъ отказаться писать критики — нельзя же всѣмъ безъ исключенія. — Впрочемъ извѣстная начитанность поможетъ очень много

Digitized by Google

и въ этомъ случаѣ.—Согласитесь, что нужно быть очень ужъ несчастливымъ, чтобы изъ большаго количества различныхъ свѣдѣній и научныхъ положеній ни одно рѣшительно не пришло въ голову. Всѣ эти справедливыя замѣчанія были сдѣланы нами для того, чтобы предупредить всякую возможность насмѣшекъ надъ тѣмъ, что мы имѣемъ сказать о *Моихъ старыхъ знакомыхъ*; это будетъ не критика въ истинномъ смыслѣ, но именно нѣсколько разсужденій по поводу этого произведенія.—Нѣсколько различныхъ мыслей и чувствъ было навѣяно на насъ двумя разсказами *В. М. Лазаревскаго*.—Прежде всего намъ послышалось въ нихъ что-то очень знакомое, напоминающее и *Записки охотника* и *Неточку Незванову*,—въ первомъ разсказѣ.—Разбирая далѣе эти два произведенія, мы замѣтили въ авторѣ ихъ и умѣнье описывать природу и ловкость въ подготовкѣ и веденіи сценъ для произведенія драматическаго эффекта, и способность къ созданію характеровъ, и много чувства.—Разбирая еще внимательнѣе, мы усмотрѣли и нѣкоторые недостатки, которые впрочемъ необходимо условливаются новостью дѣла.—Недавно только догадались мы, что много интереснаго найдется въ простомъ, не хитромъ, изображеніи различныхъ характеровъ, тамъ и сямъ встрѣчаемыхъ по всему обширному пространству нашего отечества; что — читающая публика уже пресытилась различными героями на иностранный манеръ, что въ ней пробудилась жажда своего — Русскаго, за удовлетвореніе которой она готова даже простить автору и низкое происхожденіе и необразованіе, и грубыя манеры выводимыхъ имъ героевъ.—И вотъ нѣсколько писателей стали выводить на сцену Русскаго мужика, русскую деревню, русскихъ дворовыхъ людей и т. д. выбирая преимущественно типы изъ простонародья, гдѣ жизнь конечно болѣе безъискуственна и меньше успѣваютъ сгладиться тѣ своеобразныя черты, которыми отличается одинъ человѣкъ отъ другаго.—Все это движеніе было очень утѣшительно, но, къ сожалѣнію, не во всѣхъ писателяхъ, взявшихся за это дѣло, предшествовало ему глубокое изученіе того быта, тѣхъ людей, тѣхъ отношеній, какія взялся онъ выводить намъ.—Произошло такое явленіе, какое бываетъ обыкновенно, когда откроютъ новую землю.—Первые путешественники, правда, вынесутъ оттуда новыя интересныя свѣдѣнія, но такъ какъ эти свѣдѣнія схвачены на лету, безъ глубокаго изученія, то въ нихъ всегда проявляются нѣкоторые промахи, недосмотры, взгляды, условленные личнымъ, случайнымъ воззрѣніемъ и т. д.—Новость и оригинальность предмета, конечно, не дастъ на первое время усмотрѣть всѣхъ этихъ недостатковъ, но потомъ мало по малу, при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ, оказывается все

Digitized by Google

несостоятельное въ описаніяхъ первыхъ путешественниковъ, и публика чувствуя къ нимъ полную признательность за первое знакомство съ новооткрытою страною, начинаетъ ощущать потребность въ новыхъ, болѣе точныхъ, данныхъ. — Нѣчто въ родѣ этого случилось и у насъ въ литературѣ. — Послѣ нѣкоторыхъ счастливыхъ опытовъ появились и многіе другіе очерки Русской жизни. — Вдругъ показались въ нашей изящной литературѣ и мужики въ лаптяхъ, и деревенскіе парни и мужицкій разговоръ; заинтересовались мы и ихъ простыми нуждами, и ихъ отношеніями, — и пр. и проч. — Но не ловко что-ли было этимъ новымъ гостямъ въ литературѣ, только какъ то робко и не по своему говорили и ходили они, — то глядишь заговорятъ они совсѣмъ не по-деревенски, а нѣсколько въ родѣ того, какъ говорилъ кузнецъ Вакула съ Запорожцами въ Питерѣ; — то появятся въ нихъ такія мысли и чувства, что хоть бы барину, иногда даже и поступали они совсѣмъ не такъ, какъ бы поступили у себя дома, въ деревнѣ; только природа Русская нашла себѣ полное и живое сочувствіе почти во всѣхъ этихъ писателяхъ. Въ этомъ отношеніи у всѣхъ ихъ было мало промаховъ. Такъ же хороши описанія природы и у *В. М. Лазаревскаго*. — Вотъ напр. небольшое описаніе *Хижки* на пчельникѣ. Рекомендуемъ её особенно людямъ, бывавшимъ на пасѣкахъ; имъ конечно будутъ понятны всѣ мелкія подробности этой картины.

«Славно спалось мнѣ всегда въ этой хижкѣ. Пахучая свѣжесть травы; эта простая утварь, разсованная по всѣмъ уголкамъ въ привычномъ безпорядкѣ; запахъ меду, свѣжихъ плодовъ; здоровая прохлада; кругомъ пчелы гудутъ, дятелъ долбитъ сукъ на березѣ, липа шелеститъ по кровлѣ широкимъ листомъ.... Вотъ ворвалось тонкою, золотистою струйкой солнце въ узкую щель и озарило полумракъ такимъ чудеснымъ огнемъ; пахнулъ вѣтеръ — листокъ припадетъ къ щели; опять темно, такъ странно темно станетъ; зашатается листъ — и прерывистой золотой струйкой опять крадется лучъ, полуосвѣтитъ старый улей, румяное яблоко, ножъ воткнутый въ стѣнку, и словно жаль ему станетъ будить эту заманчивую тишь дремлющаго уголка — порывисто, въ нѣсколько пріемовъ, уходитъ назадъ онъ на свѣтлую волю, и опять темно, такъ странно темно кругомъ станетъ....»

О другихъ достоинствахъ В. М. Лазаревскаго мы сказали выше. Упрекнуть его можно и должно за особенную наклонность къ драматизовкѣ — возбужденію въ читателѣ тяжелыхъ и грустныхъ чувствъ; — за идеализацію своихъ героевъ во вредъ истинѣ, особенно замѣтную

Digitized by Google

въ первомъ разсказѣ; за языкъ, часто невѣрный, и мысли, не совсѣмъ умѣстныя въ лицахъ того класса, какихъ онъ вывелъ, вообще за искусственность и самоуправство съ лицами и положеніями, изъ которыхъ онъ какъ будто выжимаетъ эффектное не безъ вреда конечно естественности и вѣрности дѣйствительному быту. — Нельзя не замѣтить впрочемъ, что второй разсказъ менѣе страдаетъ всѣми этими недостатками и лица Лягушева и Алексѣя Петровича, равно какъ и сцены, гдѣ открываютъ Лягушеву смерть его сына, очень хороши.

Теперь «*казаки и степи*» — малороссійская сказка *Гр. Данилевскаго*.— Въ ней разсказывается, какъ три брата Кондрата собрались съ вечера поѣхать въ степь,

Чтобъ надъ рѣкой, надъ быстрой Балаклайкой,
Засѣять лугъ арбузною бакшей.

Вмѣсто того они проспали и видѣли престранные сны. — Мало ли что можетъ привидѣться во снѣ, поэтому мы и не судимъ строго этого произведенія; но не льзя не замѣтить, что стихотворная форма дана этому разсказу безъ всякаго видимаго основанія — она же, какъ видно, не очень легко дается автору, поэтому рѣшительно не понятно, зачѣмъ онъ предпринималъ такой трудъ.

Для образчика и въ потвержденіе нашей мысли выписываемъ одно мѣсто. Въ одну дѣвушку влюблены были сапожникъ и кузнецъ; дѣвушкѣ больше нравился сапожникъ, что конечно тревожило кузнеца и вотъ.

Идетъ онъ разъ съ казачькою, слободкой,
И видитъ: изъ избы въ рѣзныя окна
Сапожникъ пару новыхъ сапоговъ
На воздухъ выставилъ и саломъ смазалъ....
«Вотъ диво, панъ кузнецъ!» — Да, точно диво! »
— «А развѣ что?» — «Какъ что? Да нашъ сапожникъ
Закоренѣлый турокъ и безбожникъ!
Онъ по ночамъ летаетъ изъ трубы,
Кричитъ козломъ, смиренія не знаетъ,
Ложится на спину среди избы,
Изъ оконъ обѣ ноги выставляетъ,
И такъ весь день-деньской лежитъ и спитъ,
А на работу вовсе не глядитъ».

Во II-мъ отдѣлѣ Мартовской книжки Отечественныхъ Записокъ помѣщено окончаніе первой статьи. *И. Е. Забѣлина*: *Домашній бытъ Русскихъ царей прежняго времени.*

Въ VIII отдѣлѣ 3-й книжки читаемъ третью статью *Обзора открытій и изслѣдованій по естественнымъ наукамъ, сдѣланныхъ въ 1849 году.* — На этотъ разъ дѣло идетъ о метеорологіи. — Мы уже говорили прежде о полезности и особенно умѣстности этой

Digitized by Google

статьи въ журналѣ; — въ примѣръ богатства свѣдѣній, доставляемыхъ подобными обзорами, представимъ теперь краткій перечень предметовъ, изложенныхъ въ этой послѣдней статьѣ. Подъ общею рубрикою метеорологіи здѣсь заключаются отдѣлы: *Атмосферное электричество.* Изслѣдованія Бирта и наблюденія и выводы Кеттле. (Вліяніе возвышеній на показаніе электрометра. Годичныя измѣненія электричества, дневныя измѣренія электричества, динамическое электричество, грозы и ихъ повтореніе). *Вліяніе электрическихъ токовъ, существующихъ въ атмосферѣ, на магнитную стрѣлку.* Теорія дневныхъ колебаній магнитной стрѣлки О. де-ла-Рива. *Сѣверныя сіянія, электрическіе токи, проходящіе въ землѣ.* Объясненіе сѣвернаго сіянія—*Де-ла-Рива*—и теорія образованія свѣтлой дуги, часто ему сопутствующей—*Морле.*—Ожидаемъ продолженія этой интересной статьи.

Въ VIII отдѣлѣ помѣщены: любопытная статья—Первая камчатская экспедиція Беринга 1725—1729 года, и *Раёкъ* (замѣтки путешественника по петербургскому міру), о которой считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ.—Трудно представить себѣ, какое странное и вмѣстѣ непріятное впечатлѣніе дѣлаютъ подобныя статьи, когда становятся ясными и всѣ побужденія писавшаго, и вся ненужность натянутаго ихъ остроумія, и вся безплодность подобныхъ экскурсій въ раекъ или куда было ни было, и все презрѣніе, которое питаетъ авторъ къ тому народонаселенію, которое за гривенникъ наслаждается театральными представленіями.—Видали ли вы когда франта средней руки, который въ хорошемъ, по его понятіямъ, обществѣ разсказываетъ о другомъ низшемъ и разсказываетъ барышнямъ? Какимъ безпощаднымъ остроуміемъ поражаетъ онъ дурной тонъ, господствующій въ томъ кружкѣ, куда онъ попалъ, какъ говоритъ, случайно. Какъ заботится онъ постоянно о томъ, чтобы показать себя не причастнымъ его странностямъ и дурнымъ манерамъ, какъ не стыдится онъ иногда прибавить или по крайней мѣрѣ преувеличивать какое нибудь въ самомъ дѣлѣ смѣшное происшествіе, тамъ случившееся. Но особенно злымъ и ядовитымъ *критикомъ* становится онъ, когда доходитъ дѣло до костюмовъ поражаемаго имъ общества, ихъ кушанья, ихъ добродушнаго подчиванья и проч. Что вы думали и чувствовали въ такомъ случаѣ, благомыслящій читатель? То же самое перечувствовали и мы при чтеніи *Райка.*

Авторъ писалъ безъ сомнѣнія къ посѣтителямъ партерра и вообще дорогихъ мѣстъ въ театрѣ. Это ясно изъ обращенія, которое онъ дѣлаетъ къ нимъ въ началѣ статьи.

«Если вы случайно, отъ скуки, подымали ваши взоры горѣ, го-

Digitized by Google

ворить онъ, вамъ представлялось тамъ удивительное зрѣлище. Тамъ, на верху, по сторонамъ сцены, вы видѣли сплошную массу головъ, съ раскраснѣвшимися лицами, съ разинутыми ртами, тянущуюся, выдающую то ту, то другую часть свою впередъ: вы видѣли, какъ пристально глазѣла эта масса на сцену, и какъ ухмылялась она, когда герои, между монологами, бранились или задавали другъ другу тумакушки. Вы замѣчали, какъ вдругъ, повидимому, безъ всякой причины колыхалась и шумѣла эта масса. Если, милостивые государи и государыни, вы удостоили вниманія эту высокую страну, то смѣю сказать: вы удостоили своимъ вниманіемъ—раёкъ».

За этими словами, изъ которыхъ всякому становится яснымъ несомнѣнное превосходство автора въ образованіи, средствахъ жизни, вкусѣ и фешенебльности предъ несчастными посѣтителями райка, онъ переходитъ, съ тою же безпощадною и справедливою ироніею, къ описанію грязной толпы ожидающей мѣстъ въ райкѣ, описываетъ по этому случаю нѣкоторыя сцены, соотвѣтствующія общему тону его разсказа, потомъ преостроумно и пренасмѣшливо описываетъ средства, употребляемыя посѣтителями райка для того, чтобы что нибудь видѣть, не забываетъ упомянуть также и о способѣ пропитанія райка. Представляемъ по этому случаю новый образчикъ тонкой ироніи автора.

«Сбытъ кислыхъ щей здѣсь чрезвычайно выгоденъ, сколько ихъ нужно для того, чтобы потушить жаръ внутренній и утолить жаръ внѣшній! Этотъ предметъ сбыта по скорости коммерческаго оборота: продажѣ, выгрузкѣ и полученіи платы—чрезвычайно удобенъ. Покупается бутылка, горлышко ея приставляется ко рту покупателя, и пока продавецъ сбываетъ другому свой товаръ, первый возвращаетъ опорожненную бутылку и деньги за содержавшуюся въ ней жидкость.—Рѣдко, очень рѣдко, покупатель проситъ отсрочки въ возвращеніи бутылки; это бываетъ или просто для того, чтобы перевести духъ, или въ томъ случаѣ, когда время высасыванія влаги сойдется со временемъ поднятія занавѣса. Въ послѣднемъ случаѣ, бутылка закупоривается большимъ пальцемъ, а обладатель ея, налегшись на сосѣда, смотритъ на сцену болѣе или менѣе продолжительно, смотря по большему или меньшему интересу, представляемому декораціями и мебелью—и продолжаетъ орошеніе своихъ пылающихъ внутренностей».

Бѣдные посѣтители райка, какъ вы раскритикованы! Мы бы конечно не остановились такъ долго на этомъ пустомъ разсказѣ, если бы не замѣтили въ немъ направленія крайне непріятнаго и къ несчастію довольно распространеннаго у насъ въ литературѣ. Объ этомъ направленіи надѣемся поговорить еще разъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВНУТРЕННІЯ.

КИРГИЗСКІЯ ШАМАНЫ.

Отрывокъ изъ записной книжки.

(Посв. Корн. Иван. Покровскому).

—

Осень на исходѣ; морозные дни и порывистые вѣтры заставили Киргизъ перенести свои кибитки съ открытыхъ мѣстъ въ болѣе привѣтныя—къ подошвамъ горъ, въ овраги или камыши....

Думаю, пріятно познакомиться съ походнымъ шатромъ полудикаря, особенно для человѣка, которому судьба не благословитъ побывать въ немъ лично....

Предъ вами, почтенный читатель, цѣлый Киргизскій аулъ, состоящій изъ двухъ-трехъ десятковъ кошей разной величины — смотря по достатку хозяина; аулъ этотъ не отличается тѣмъ шумомъ, гаерствомъ, движеніемъ, какія вы привыкли находить въ цыганскихъ таборахъ.... Войдемте въ одну изъ кибитокъ аула.

Среди кибитки казанъ; подъ нимъ тлѣетъ бѣдное топливо изъ нѣсколькихъ корпей чилиги и штукъ коровьяго помета; вокругъ казана полунагіе ребятишки грѣются; одинъ изъ нихъ съ стоическимъ терпѣніемъ выдерживаетъ жаръ, между тѣмъ какъ другой, съ спартанскимъ самоотверженіемъ, голыми руками поправляетъ горящіе куски топлива. Поодаль отъ огня сидятъ въ дырявыхъ бешметахъ и короткихъ кожаныхъ чамбарахъ безобразныя марджи и простегиваютъ *джабоги* (1); посинѣлыя отъ холода, ихъ руки также грязны, какъ и *джайулоки* (2). Но вотъ является предъ

(1) Джабога—ариячный халатъ, подложенный верблюжьей или овечьей шерстью.

(2) Джайулокъ—платокъ, вѣрнѣе—кусокъ миткалю, длиною аршина въ два, которымъ обматываютъ себѣ головы замужнія Киргизки.

Digitized by Google

казаномъ первая хозяйка кошa — и декорація мѣняется Пользуясь, по обычаю степей, безусловною покорностію молодежи, какъ старшая по лѣтамъ, роду и племени, она тотчасъ же командируетъ ранѣе ея грѣвшихся за топливомъ. Вереница бабъ, дѣвокъ и ребятишекъ, не смотря на стужу, потянулась сбирать топливо, разсѣянное на всемъ пространствѣ степи, гдѣ ходитъ скотъ и существуетъ растительность, и не прежде возвращается, какъ наполнивъ имъ чувалы; а чтобы наполнить ихъ, многимъ стоитъ это не однѣхъ слезъ: частенько, выкапывая корни, возвращаются они съ окровавленными, исцарапанными руками.... (1).

Войдемте въ другой кошъ или кибитку.

Тотъ же среди кибитки казанъ; то же горитъ подъ нимъ топливо, вонючій дымъ котораго, густой струей, тянется вверхъ, въ отверстіе, откуда, въ свою очередь, падаютъ на огонь капли растаявшаго снѣга и производятъ шипѣніе. Поодаль отъ огня, ближе къ дверямъ — (самое низкое мѣсто, сродное нашей прихожей) сидитъ, поджавъ ноги, на голой землѣ, пожилой байгушъ, и, за кусокъ мяса, тачаетъ, большой швейной иглой съ суровой ниткой, безобразные сапоги изъ толстой болгары, прокалывая напередъ подошву и кожу шиломъ; это — странствующій сапожникъ. Изорванная джабога и засаленная тюбетейка говорятъ о его бѣдности, а мѣсто, имъ занимаемое въ кибиткѣ, свидѣтельствуетъ предъ всѣми о его ничтожествѣ. Въ *тирмэ* (2), на Бухарскихъ одѣялахъ покоится самъ хозяинъ — пожилыхъ лѣтъ, въ шелковомъ бешметѣ изъ Бухарской аладжи; въ одной рукѣ у него табачный рожокъ, другою онъ поглаживаетъ, изрѣдка, бороду, произнося при этомъ: «Аллахъ-екберъ!» За нимъ, у *киряга* (3) нагромождены одинъ на другой сундуки съ разнымъ домашнимъ скарбомъ; вверху кибитки, въ отверстіи, коптится лошадиный маханъ....

---

(1) Да не заключитъ читатель изъ сказаннаго, что степи вовсе бѣдны топливомъ, и что кромѣ корней чилиги и скотскаго помета онѣ другаго не имѣютъ. Дѣйствительно, киргизъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ общеупотребителенъ, — но потребляютъ его также на Новой линіи, наконецъ и въ самомъ Оренбургѣ. Дальнимъ Киргизамъ, зимующимъ по рѣкѣ Заревшанѣ, подъ Бухарой, или въ плодородной части степи между рѣками Сыромъ и Куванономъ, обильные кустарники саксаулу замѣняютъ дрова, а ближайшіе закупаютъ ихъ въ маломъ количествѣ на линіяхъ. Камышъ вездѣ водится въ изобиліи; посѣщающіе для мѣны Бухару запасаются тамошнимъ топливомъ — джузаномъ (трава).

(2) Тирмэ—мѣсто въ глубинѣ кибитки, самое почетное.

(3) Киряга—красныя рѣшетки, на которыхъ ставится кибитка.

Digitized by Google

Заглянемъ еще въ одну изъ кибитокъ, въ которой раздаются звуки молота, и изъ отверстія которой высовывается движущійся конецъ копья. Между десяткомъ зевакъ виднѣется плотная фигура кузнеца; въ одной рукѣ у него полоса желѣза, въ другой молотъ фунтовъ въ тридцать; предъ нимъ наковальня, укрѣпленная въ чурбанѣ, возлѣ которой валяются откованные: ножи, топоры и другія вещи. Среди кибитки сидитъ старикъ, сложивъ по-Турецки ноги; между нихъ чугунный котелокъ, въ которомъ онъ растираетъ тупымъ концомъ копья табакъ, подкладывая въ него навозной золы; онъ то и дѣло чихаетъ, не смотря на то, что самъ, какъ и большая часть Киргизъ, страшный охотникъ до *нюсоваго*....

Иныя картины, не менѣе характеристическія, оригинальныя, встрѣтилъ бы вашъ взоръ въ другихъ кошахъ; но мы не заглянемъ, на этотъ разъ въ нихъ, минуемъ и кибитку новобрачныхъ со спущеннымъ *тундыкомъ* (1) и украшенную цвѣтными тесьмами, въ которой они *стыдятся*; и тѣ коши, въ которыхъ нагіе ребятишки отъ стужи зарылись въ теплую золу, а красавицы, разодѣтыя по послѣдней Киргизской модѣ — въ шелковыхъ полосатыхъ чапанахъ, въ остроконечныхъ шапочкахъ изъ алаго бархата, украшенныхъ совиными перышками, стекляpусомъ и корольками, жуютъ крутъ (сушеный овечій сыръ) и вяжутъ уздечки для отца и братьевъ,—и остановимся предъ большою кибиткою изъ бѣлой двойной кошмы (войлока), окруженною толпою байгушей и тыепгутовъ (работниковъ), привлеченныхъ запахомъ варившагося бишбармака, надеждою получить *кулдукъ* (2) и игрою баксы или Киргизскаго шамана....

Познакомимся съ этимъ шаманомъ. Но прежде — небольшое отступленіе.

Спросите у перваго встрѣтившагося съ вами Киргиза: какого онъ вѣроисповѣданія? Онъ вамъ отвѣтитъ — онъ ничего не отвѣтитъ, кромѣ: «*Аллахъ-екберъ*», причемъ отретъ ладонями свое лицо, или скажетъ для васъ безсмысленное: «*нашъ законъ*»—и только.... Отъ чего это?

Было время, когда Киргизъ былъ совершеннымъ дикаремъ по своему быту и понятіямъ, благоговѣлъ предъ солнцемъ, источникомъ или виновникомъ благъ, потребностей его настушеской

(1) Тундыкъ—дымникъ, войлочный кружокъ, покрывающій отверстіе кибитки.
(2) Кулдукъ — отблагодареніе, по обычаю; абасъ-кулдукъ — покорно благодарю.

Digitized by Google

жизни; было время, когда онъ придерживался черной вѣры (шаманства), основываясь на символическомъ представленіи начала добра и зла — кутан и шайтанъ, или буркань и албасты....

Явились послѣдователи Мухаммеда, символомъ вѣры засіяла луна, и—Киргизъ остался безъ всякаго убѣжденія и теплаго чувства религіознаго.... остается и понынѣ. И никто не взглянетъ на него съ горячимъ участіемъ, не проясннтъ его ума, не очиститъ вкуса, не обработаетъ обычаевъ, не поощритъ его къ труду.... Вѣра, христіанская вѣра научаетъ насъ любить ближняго, смягчаетъ нашъ нравъ, — что же отрраднаго принесъ Киргизу исламизмъ, чему онъ научилъ его?..... Онъ его сдѣлалъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть!... Киргизъ принялъ его — онъ не могъ его не принять, какъ побѣжденный отъ побѣдителей — съ одной стороны, а съ другой потому, что исламизмъ такъ много обѣщалъ его чувственности, во многомъ согласовался съ его грубыми обстановками и проявленіями жизни, — онъ его принялъ, исповѣдуетъ, для того, чтобы ничего не исповѣдывать!!!... Говорю по личному убѣжденію, по четырехлѣтнимъ своимъ сношеніямъ съ Киргизами.... За диковину, молящійся Киргизъ или посѣщающій мечети на Старой линіи. Только богатый, въ глазахъ котораго всякій трудъ — уцижающее, презрѣнное достояніе байгушей (нищихъ), иногда, отъ нечего дѣлать, или, чтобы показаться предъ тыенгутами еще болѣе важною, недосягаемой особой, прикажетъ женамъ подать себѣ кумганъ (мѣдный кувшинъ) и свершитъ омовеніе водою (вудзу), а лѣтомъ на перекочевкѣ, въ безводномъ мѣстѣ—пескомъ (тяммумъ), разстелетъ намазлыкъ (1), садится на него, — и начинаетъ молиться; и молится онъ, зажавъ себѣ пальцами уши и кланяясь на востокъ, безъ всякаго внутренняго, сердечнаго сочувствія, нашептываетъ разныя молитвы — въ сущности наборъ словъ, схваченный, заученный его лѣнивой памятью во время чтенія муллъ, мало или вовсе имъ непонимаемый.... Да и кто можетъ ему растолковать ихъ, если бы и пожелалъ онъ? Муллы его — эти жалкіе грамотѣи, бѣглые Татары, едва разумѣющіе читать,—Киргизы, заучившіе нѣсколько суръ въ Бухарскихъ медрессе?... Нѣтъ, муллямъ не научить его!.... Киргизы правы, не давая имъ никакого особеннаго значенія, считая ихъ за существа ничтожныя! Бываютъ, правда, эти муллы въ извѣстныхъ случаяхъ на требахъ, толкуютъ и они стихи Корана, — но что это за жалкое, превратное истолкованіе! Не постигая вполнѣ ни одной суры, они направляютъ смыслъ ея

(1) Коверъ, на которомъ правовѣрные творятъ молитву—намазъ или нелазъ.

Digitized by Google

въ пользу слушателей, особенно если они богаты, ловко льстятъ ихъ самолюбію, — и остаются въ увѣренности на полученіе хорошихъ подарковъ (пишкешъ)... Киргизъ хорошо только знаетъ, сколько онъ можетъ имѣть женъ, сколько ихъ обѣщается ему на томъ свѣтѣ, презрѣніе къ невѣрнымъ (кафыръ), и славитъ Бога отъ восхожденія солнца до первой стражи ночи, — ровно пять разъ въ сутки, не обращая своего сердца и помышленій и одного раза!..

И такъ, принявъ Мухаммедово ученіе, Киргизы остались безъ всякаго убѣжденія и чувства религіознаго.... Но люди съ скудными и ложными понятіями о Богѣ, о себѣ и о всемъ ихъ окружающемъ — существа жалкія, безсмысленныя животныя.... Близкое общеніе съ природою, но въ то же время неумѣнье понимать ея происшествія, вводитъ ихъ въ самыя опасныя заблужденія... Постигъ ли какая бѣда Кайсака лично, или его семейство, его стада, — и онъ тотчасъ же дѣлаетъ на это свои странныя толкованія, воззрѣнія; приписываетъ все это сверхъ-естественной силѣ, прогнѣвленію имъ духовъ, и ищетъ средства къ отклоненію, прибѣгая къ помощи шамановъ; и вѣритъ отъ души заклинаніямъ ихъ, ворожьбѣ, особенно когда баксы съумѣетъ польстить его самолюбію, его помышленіямъ, желаніямъ, ловко вызнавъ ихъ напередъ. А сбудется ли предсказаніе шамана — Киргизъ объ этомъ мало думаетъ; утѣшенный имъ, онъ знаетъ, хорошо помнитъ не одного счастливца, которому шаманъ отклонилъ бѣду — отъ чего же и ему не попасть въ ихъ категорію?... Осудимъ ли мы за это Кайсака, когда у него нравственный перевѣсъ на сторонѣ воображенія, а не разума?... Тогда какъ другіе смотрятъ на шаманство какъ на религію, называя его «черною вѣрою», для отличія, отъ буддизма (желтой вѣры), Киргизы своимъ шаманамъ не даютъ никакого особеннаго преимущества, считаютъ ихъ, также какъ и муллъ своихъ, за существа ничтожныя, — какъ на бѣдныя ковъ, которые своими познаніями, сношеніями съ чистыми и нечистыми духами, *зарабатываютъ* себѣ пропитаніе....

Познакомимся же покороче съ ихъ шаманами.

Предоставляя охотникамъ до игры подобіями или созвучіями словъ производить шаманство отъ Санскритскаго слова *сраманасъ*, Греческаго *самансі*, или Мандьжурскаго *самани* (изступленный, восторженный), скажу, что Киргизы своихъ шамановъ называютъ вообще *баксы*. Баксы не отличаются, какъ у Якутовъ, Бурятъ, или Монголовъ необыкновенностію своей одежды, наводящей страхъ и уди-

Digitized by Google

вленіе, не имѣютъ при себѣ даже и шкуры выдры, и если поступятся другіе изъ нихъ предъ начатіемъ шаманства, такъ это потому только, что не имѣютъ чѣмъ бы наполнить свою вмѣстительную утробу.

По способу ихъ гаданія, они дѣлятся на нѣсколько разрядовъ; между ими: рамчши, джаурунчши, джюлдузчши и даргирь общеизвѣстнѣй и уважительнѣй.

Рамчши предсказываютъ будущее, глядя на цвѣтъ пламени горящаго жиру; въ сущности — это шарлатаны....

Джаурунчши гадаютъ на бараньихъ костяхъ. Сожигая баранью лопатку, они по трещинамъ, образовавшимся на ней, предсказываютъ будущее. — Оба эти шамана преимущественно въ ходу, когда идетъ рѣчь о благополучіи скота.

Джюлдузчши — астрологи; они заслуживаютъ полнаго вниманія по своимъ астрономическимъ свѣдѣніямъ. — Безспорно, первыми астрономами были кочующіе народы. Пастушеская жизнь среди необозримыхъ степей, побуждала ихъ, для знакомства, съ путями, наблюдать за теченіемъ небесныхъ свѣтилъ,— и вліянію ихъ на землю, и даже на самыхъ ея обитателей, приписывать всѣ физическіе и нравственные перевороты, происшествія, и притомъ различному ихъ дѣйствію въ различные годы (1). Подобное убѣжденіе, существующее и между Киргизами, распространилось вѣроятно между ними еще въ тѣ времена, когда они во всемъ сходствовали съ Монголами. Джюлдузчши имѣютъ довольно замѣчательное понятіе о планетномъ періодѣ. Періодъ этотъ, постоянно возвращающійся, состоитъ по ихъ толкованіямъ изъ двѣнадцати лѣтъ, въ которомъ каждый годъ отличается особенными дѣйствіями небесныхъ свѣтилъ; подобно Халдеямъ при дѣленіи пояса зодіака, они придумали свои двѣнадцать знаковъ, довольно оригинальныхъ: мышь, телецъ, тигръ, заяцъ, крокодилъ, змѣя, конь, овенъ, обезьяна, курица, собака, свинья.

1. Годъ *мыши*—хорошій годъ; лѣто дождливое; много родится плодовъ; продолжительная зима; въ концѣ ея откроются болѣзни; разплодится много мышей, причиняющихъ большой вредъ; остерегаться нужно воровъ, которыхъ появится много. — Родившійся въ началѣ года будетъ человѣкъ умный, въ серединѣ—тупеядцемъ, въ концѣ лжецомъ.

---

(1) Киргизы многимъ созвѣздіямъ дали свои именованія. Положеніе полярной звѣзды, которую они называютъ *коломъ*, знаетъ изъ нихъ старый и малый; она преимущественно служитъ имъ путеводительницею въ ночныхъ разъѣздахъ.

Digitized by Google

2. *Телецъ*. Въ этомъ году — жестокіе морозы, которые уничтожатъ плоды; произойдутъ вездѣ безпорядки, кровавыя войны; дожди рѣдки; султанъ будетъ огорченъ; повальная болѣзнь на животныхъ. Родившійся въ началѣ года будетъ съ умомъ, не приносящимъ пользы, въ срединѣ — красивъ и счастливъ, въ концѣ — горемыка.

3. *Тигръ*. Въ этомъ году будетъ великая смертность; продолжительная зима; междоусобія и зависть между людьми; въ горахъ бѣдствіе и неурожай хлѣба. Кто родился въ началѣ года, будетъ человѣкомъ храбрымъ, въ срединѣ — будетъ имѣть во всемъ неудачи, въ концѣ — гордъ.

4. *Заяцъ* — годъ плодородный; откроется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ холера; лѣто дождливо; зима тепла. Родившійся въ этомъ году будетъ лукавымъ, завистливымъ, коварнымъ.

5. *Крокодилъ*. Будутъ войны; много снѣгу и хорошій урожай хлѣба. Родившійся въ началѣ года будетъ глупымъ и скоро посѣдѣетъ, въ срединѣ — безсовѣстнымъ, въ концѣ — трудолюбивымъ.

6. *Змѣя*. Будетъ много змѣй и скорпіоновъ, и потому годъ сухой и безплодный; кровопролитія; неурожай хлѣба. Родившійся въ началѣ года будетъ мечтателенъ, въ срединѣ — завистливъ, въ концѣ — грубъ, дурнаго характера.

7. *Конь*. Откроются войны на югѣ; зима холодная; скудный урожай хлѣба и плодовъ. Кто родится въ началѣ года, будетъ человѣкомъ храбрымъ, умнымъ и дружнымъ съ султаномъ, въ срединѣ — глупымъ, въ концѣ — ненавистливъ.

8. *Овенъ*. Продолжительная зима; откроются жестокія болѣзни, несчастнымъ вспомоществовать будутъ люди. Родившійся въ началѣ года — счастливъ, добродѣтеленъ, никого не оскорбляющій, въ срединѣ—будетъ имѣть много враговъ, въ концѣ—скоро умретъ.

9. *Обезьяна*. Будетъ сильная засуха и повальная болѣзнь на верблюдовъ и лошадей; зима жестокая; плодовъ мало. Родившійся въ началѣ года будетъ съ дурными свойствами, въ срединѣ — завистливъ, въ концѣ — неблагодарный.

10. *Курица*. Люди будутъ обманывать другъ друга, хитрить; будетъ вездѣ жестоко свирѣпствовать холера; плодовъ много; зима продолжительна. Родившійся въ началѣ года будетъ храбрымъ, красивымъ, и разсѣяннымъ, въ срединѣ — развратнымъ, охотникомъ до вражды и брани, въ концѣ—гостепріимнымъ.

11. *Собака*. Будетъ засуха, но плодовъ много; падучая болѣзнь на верблюдовъ; холодная зима; сильная холера и кровопролитія. Кто родится въ началѣ года, будетъ дурнаго характера, въ срединѣ — отважный, въ концѣ—искренній.

Digitized by Google

12. *Свинья* — соотвѣтствующій нашему 1851 году. Въ этомъ году родится много дѣвицъ; будетъ неурожай на пшеницу; фруктовъ много; зима ранняя. Кто родится въ этомъ году, будетъ дурнаго характера; если займется онъ торговлею, получитъ убытки.

Всѣмъ этимъ знакамъ, которыхъ значеніе сейчасъ сообщено, соотвѣтствуютъ извѣстные года. Новый годъ начинается со времени весенняго равноденствія.... (1)

Джюлдузчии способомъ гаданія не отличаются отъ своихъ собратій; въ одномъ разница, что они преимущественно гадаютъ вечеромъ или почью, тогда какъ другіе во всякое время. На байрамахъ, или вообще на пирахъ, джюлдузчии въ числѣ первыхъ объѣдалъ; на привалахъ каравановъ, они предсказываютъ по просьбѣ караванъ-баша: безопасенъ ли путь, прибыльна ли будетъ мѣна.

Наконецъ — *дарыгирь*, рѣдкій гость на Линіяхъ и въ восточной части Орды; шаманство его процвѣтаетъ въ Малой Ордѣ. Встрѣча съ подобнымъ существомъ для людей спеціально образованныхъ — какъ медика, любопытна и можетъ быть не безъ пользы. Дарыгирь — лекарь-аллопатъ. Система его леченія въ хроническихъ и острыхъ болѣзняхъ основана на ботаническихъ и химическихъ познаніяхъ.

Вмѣстѣ съ кобызомъ — необходимою принадлежностію каждаго баксы, къ поясу его привѣшенъ мѣшочекъ съ разными травами и кореньями, половина которыхъ, по своимъ названіямъ и цѣлительныхъ свойствамъ, вамъ незнакома; между ними глазъ вашъ встрѣтитъ: нѣсколько лепешечекъ цѣлибухи (nux vomicum), отличитъ Testuca fleutans (мятникъ), Hyosciamus (черная бѣлена) и Datura stramonium (дурманъ); камфора съ спиртомъ отъ порѣзовъ, а sarsaparil въ сифилистическихъ болѣзняхъ употребляются имъ удачно.

Процессъ ихъ шаманства слѣдующій (варіацій бываетъ не много):

---

(1) Слѣдующіе годы соотвѣтствуютъ вышеозначеннымъ знакамъ:

1. Мышь.....	1792	1804	1816	1828	1840
2. Телецъ....	1795	1805	1817	1829	1841
3. Тигръ.....	1794	1806	1818	1830	1842
4. Заяцъ.....	1795	1807	1819	1831	1843
5. Крокодилъ.	1796	1808	1820	1832	1844
6. Змѣя.....	1797	1809	1821	1833	1845
7. Конь.....	1798	1810	1822	1834	1846
8. Овенъ.....	1799	1811	1823	1833	1847
9. Обезьяна...	1800	1812	1824	1836	1848
10. Курица....	1801	1813	1825	1837	1849
11. Собака	1802	1814	1826	1838	1850
12. Свинья....	1803	1815	1827	1839	1851

Вспомнимъ, что знаку тельца соотвѣтствовали 1795, 1805 и 1829, а коню 1846 г., когда былъ повсемѣстный неурожай хлѣба, война Англичанъ съ Сейками и холодная зима; вспомнимъ еще, что холерные года 1848 и 1849 соотвѣтствовали обезьянѣ и курицѣ, и припишемъ все это одному случаю. Любопытно провѣрить нынѣшній г. свиньи.

Digitized by Google

Помнится, мы остановились предъ кибиткою, окруженной толпою тыенгутовъ и байгушей, привлеченныхъ присутствіемъ баксы.

Войдемте въ нее.

По обычаю, хозяинъ встрѣтитъ насъ у дверей кибитки, и предложитъ въ ней самое почетное мѣсто. Усѣвшись на Бухарскихъ одѣялахъ, осмотримся. Посреди кибитки котелокъ, въ которомъ варится бишбармакъ; въ сторонѣ, поджавъ ноги, сидитъ баксы — предметъ нашего любопытства. Онъ пожилыхъ лѣтъ, худощавъ; выдавшіяся скулы, маленькіе черные глаза и рѣдкая борода клиномъ, говорятъ о его Киргизскомъ происхожденіи. Сверхъ бумажнаго полосатаго бешмета, на немъ потертый яргакъ изъ козлиныхъ шкуръ шерстью вверхъ; спятый бараній малахай (треухъ) выказываетъ гладко выбритую его голову въ поношенной тюбетейкѣ, шитой шелками. Къ ременному поясу привѣшаны кобызъ (1), калта (2) съ оловянной пуговицей и ножъ въ черномъ кожаномъ мѣшечкѣ. Возлѣ него лежатъ: топоръ, кинжалъ и веревка. — Кромѣ хозяина, его женъ и пріятелей, въ кибиткѣ еще сидитъ, по близости къ шаману, молодая, задумчивая Киргизка; смугловато-блѣдное ея лицо довольно красиво; одѣта она богато; это — паціентка, больная.

Послѣ разной болтовни, до которой Киргизы страшные охотники, начинается шаманство. Молча баксы отвязываетъ кобызъ отъ пояса, посадивъ противъ себя чаруемую Киргизку, засучиваетъ рукава яргака, вооружается смычкомъ, превосходящемъ величиной контръ-басовой, и начинаетъ играть и вмѣстѣ пѣть. Отъ непривычки къ этой страшной, раздирающей душу музыкѣ и дисгармоническаго пѣнья, мы зажмемъ уши; тѣмъ болѣе, что слова его пѣсни никому непонятны. Церемонія эта длится довольно долго; она означаетъ отогнать чорта. Мало по малу баксы воодушевляется; неистовѣй, грознѣй ходитъ смычекъ по толстымъ струнамъ; пѣнье дѣлается оглушительнѣй, лицо кривляется — онъ входитъ въ экстазъ. Забывшись до изступленія пиѳіи, онъ ужасенъ, отвратителенъ, съ своими сверкающими глазами, членами, пришедшими въ трепетъ. «Овладѣваемый духами», онъ вскакиваетъ на ноги, то опять садится, размахиваетъ кинжаломъ, искусно засовываетъ его себѣ въ грудь, бьетъ

(1) Кобызъ—Киргизская скрипка, состоящая изъ долбушки, или большаго ковша съ длинной ручкой, на которомъ натягиваются струны двѣ и три изъ конскихъ волосъ.

(2) Калта—кожаная сума. Не отъ калты ли Іоаннъ I прозванъ Калитою? Отъ калты видно происходитъ наше слово калита, которое получилъ въ прозваніе Иванъ Даниловичь. *М. П.*

Digitized by Google

что есть силы по ней обухомъ, словомъ, до такой степени бѣснуется, кривляется, что упадаетъ замертво, въ изнеможеніи; иногда, выбѣжавъ изъ кибитки, садится на первую попавшуюся ему лошадь и скачетъ по необозримой степи. — Чрезъ пять минутъ онъ выходитъ изъ забытья, открываетъ глаза, дико, безсмысленно поводитъ ими; поворотясь на грудь, и взявъ кинжалъ въ руки, онъ всовываетъ лезвее себѣ въ ротъ, напирается на него всѣмъ тѣломъ до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не увидятъ одну рукоятку; поворотивъ кинжалъ въ горлѣ, онъ его потомъ высвобождаетъ, и страшно всхрипнувъ, извергаетъ изо рта кровавую пѣну. Въ это время присутствующіе вмѣстѣ съ чаруемою Киргизкою кричатъ: *хай, ой-бой-ой, Алла ой-боей, хай, хай!* Схвативъ больную, шаманъ приподнимаетъ ее, вертитъ на воздухѣ, и потомъ бросаетъ ее на землю такъ крѣпко, что оставляетъ безъ памяти: надъ ней совершились чары; осталось изгнать нечистыхъ духовъ. Тотъ же кинжалъ, который побывалъ у него въ горлѣ, онъ засовываетъ лежащей безъ движенія Киргизкѣ въ грудь подъ ложкою; вынувъ его и поводивъ концемъ лезвея около ея сердца, бросаетъ его и беретъ веревку, которою обматывается по серединѣ; толпа тыенгутовъ врывается въ это время въ кибитку; изъ нихъ десятокъ охотниковъ берутъ концы веревки и начинаютъ тянуть что есть мочи: не смотря на страшную боль отъ стягиванья, баксы сначала кривляется, прыгаетъ; потомъ лицо его синѣетъ, глаза наливаются кровью и онъ снова изнемогаетъ.... нечистый духъ теперь отогнанъ.

Оправившись, онъ лѣниво берется за кобызъ, опять начинаетъ пѣть и играть; чрезъ пять минутъ, толкнувъ ногой лежавшую до тѣхъ поръ безъ движенія Киргизку, онъ приказываетъ ей убраться; она встаетъ и быстро исчезаетъ, — а съ тѣмъ и шаманство прекращается; больная излечена...

Утомленный до нельзя, баксы, по приглашенію, подвигается ближе къ котелку и забываетъ всѣ перенесенныя имъ мученія, когда хозяинъ, зачерпнувъ полную пригоршню бишбармаку, вложитъ ему въ ротъ..... Жалкое человѣчество!..

Накормленный — главная плата за леченье — баксы надѣваетъ свой малахай, и выходитъ изъ кибитки, наигрывая на кобызѣ и напѣвая въ полголоса какую-то тарабарскую, имъ выдуманную пѣсню.

Иногда хозяинъ кибитки важно скажетъ ему: «*ертыгайтшь*»— и онъ остается, садится, и начинаетъ говорить сказку, импровизируя нерѣдко умно и складно.

Таковъ процессъ гаданья или заклинаній шамановъ.

Много и много другихъ продѣлокъ, не менѣе оригинальныхъ и поразительныхъ, свершается ими; смотря какъ хватаютъ они го-

Digitized by Google

рячія вещи, ходятъ безвредно по раскалённому желѣзу, бьютъ себя обухомъ въ голову и грудь (при чемъ захватываетъ дыханіе), мнѣ много приходило на умъ грустныхъ мыслей, которыми я подѣлюсь съ читателемъ, въ надеждѣ еще не одинъ разъ встрѣтиться съ нимъ на этомъ предметѣ, если только мой первый разсказъ не показался ему скучнымъ.

Не одни Киргизы вѣрятъ могуществу и заклинаніямъ своихъ шамановъ; не одни казаки считаютъ ихъ за диво, но купцы и чиновники платятъ отъ души дань ихъ сверхъестественности и боятся ихъ *глазу*...

Выйдемъ изъ кибитки, читатель, не прислушавшись къ сказкѣ шамана, и — ногу въ стремя. Весело скакать на легкомъ бѣгунѣ по ровной, необозримой степи, пріятно полною грудью подышать ея свѣжимъ воздухомъ, есть наслажденіе въ ея вечерней могильной тишинѣ.... *Матв. Ястребовъ.*

Челябинскъ.

—

Изъ Челябинска по пути въ Оренбургъ, откуда сообщаютъ извѣстіе объ одномъ изъ удивительныхъ случаевъ спасенія отъ явной смерти. Оренбургскаго откупа повѣренный Бѣлорусцевъ, въ ночи съ 29 на 30 Ноября прошлаго года, ѣдучи въ повозкѣ на двухъ лошадяхъ съ ямщикомъ, былъ застигнутъ вьюгою и сбился съ дороги, такъ что долженъ былъ остановиться. На другое утро ямщикъ отправился отыскивать путь, и версты черезъ четыре нашелъ на селеніе; Бѣлорусцевъ, съ своей стороны, также пошелъ искать дорогу, но пройдя около 15 верстъ, выбился изъ силъ, и въ ожиданіи помощи пріютился у стога сѣна, сдѣлавъ въ немъ для себя небольшое углубленіе. Для отысканія его послано было до 600 чел. Башкирцевъ. Но не прежде какъ черезъ 7 дней отысканъ былъ слѣдъ его съ помощію собакъ, а наконецъ найденъ и самъ онъ при томъ же стогѣ сѣна. Онъ былъ найденъ въ полусидячемъ положеніи, занесенный снѣгомъ, который образовалъ надъ нимъ родъ оледенѣвшаго свода, съ небольшимъ отверстіемъ отъ дыханія: разувшись, онъ занимался, для движенія, разщипываніемъ шерстяныхъ чулковъ своихъ. Въ продолженіе всего времени, когда такимъ образомъ угрожала ему почти неминуемая смерть, отъ холода или отъ голода, погибающій, не терялъ твердости духа и надежды на помощь Чудотворца Николая, которому возсылалъ непрестанно горячія молитвы: 6 Декабря, въ день памяти Св. угодника, онъ былъ спасенъ и возвращенъ къ жизни.... Бѣлорусцевъ отморозилъ себѣ пальцы на ногахъ, но вообще состояніе его здоровья весьма удовлетворительно.

Digitized by Google

ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ МОСКВИТЯНИНА.

ИЗЪ КРАСНОЯРСКА.

... *Ссудный капиталъ для поселянъ Енисейской губерніи.* Въ 1838 году бывшій Генералъ-Губернаторъ Восточной Сибири сдѣлалъ распоряженіе, чтобы во всѣхъ казенныхъ поселеніяхъ Енисейской губерніи между ссыльными была учреждена общественная запашка. — Цѣль этого распоряженія состояла въ томъ, чтобы хлѣбъ, который будетъ собираться съ общественной запашки, продавать, а вырученныя деньги употреблять на вспоможеніе поселенцамъ. Въ послѣдствіи времени, когда въ Енисейской губерніи усилилась золотопромышленность и цѣны на хлѣбъ поднялись чрезвычайно высоко, — хлѣба, собраннаго съ общественной запашки, продано по Канскому, Ачинскому и Минусинскому округамъ болѣе, чѣмъ на 50 тыс. руб. сереб. — Въ концѣ прошлаго года, Совѣтъ Главнаго Управленія Восточной Сибири, имѣя въ виду ходатайство Енисейскаго Гражданскаго Губернатора о постоянной выдачѣ въ займы поселянамъ означенныхъ округовъ денегъ изъ капитала общественной запашки, — разрѣшилъ производить подобнаго рода ссуды до 150 руб. сереб. на человѣка, но съ тѣмъ, чтобы заемщикъ представилъ удостовѣреніе отъ своего общества, что эти деньги нужны ему на улучшеніе его хозяйства, а отнюдь не на что-нибудь другое. Процентовъ въ годъ положено 6% со 100. — Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта мѣра должна оказать самые благодѣтельные результаты для крестьянъ и поселенцевъ Енисейской губерніи, которые до этого времени, занимая для своихъ хозяйственныхъ нуждъ деньги, платили иногда до 60% въ годъ, и были еще такъ благодарны ростовщикамъ, что преслѣдовать это злоупотребленіе оффиціально — не представлялось никакой возможности. — Устраненіе, по возможности, всѣхъ формъ, которыя могли бы обремепить поселянъ, дѣлаетъ совершенно доступнымъ для каждаго изъ нихъ заемъ денегъ изъ капитала общественной запашки.

Предѣлъ земледѣлія въ Енисейской губерніи. Обыкновенно думаютъ, что самый сѣверный предѣлъ земледѣлія въ Енисейской губерніи есть селеніе Вороговское, находящееся на рѣкѣ Енисеѣ, въ 175 верстахъ ниже Енисейска. Однакожъ, новѣйшія свѣдѣнія по этому предмету показываютъ совершенно противное. Туруханскій отдѣльный засѣдатель, имѣя въ виду, что Верхнеимбатскій участокъ Туруханскаго края, простирающійся отъ границы Енисейскаго округа до Туруханска, градусовъ на пять сѣвернѣе селенія Вороговскаго, въ особенности бѣденъ средствами пропитанія, въ 1846

Digitized by Google

году лично розыскивалъ мѣста, удобныя для посѣва картофеля. — По этому розысканію оказалось, что отъ деревни Чулковой, ближайшей къ границѣ Енисейскаго округа, до самаго Туруханска, по лѣвой сторонѣ Енисея, и въ особенности по впадающей въ него рѣкѣ Елагую, лежатъ обширныя мѣста, способныя для разведенія картофеля. Отдѣльный засѣдатель въ продолженіе трехъ лѣтъ старался развести тутъ картофель, и трудъ его каждый годъ вознаграждался полнымъ успѣхомъ, такъ что тѣ изъ жителей, которые охотнѣе занимались этимъ, пропитывали себя, почти не занимая хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ. — Вмѣстѣ съ посѣвомъ картофеля, въ селѣ Верхнеимбатскомъ и даже въ самомъ Туруханскѣ, производился посѣвъ ячменя, который всегда созрѣвалъ и былъ весьма хорошъ. — Село Верхнеимбатское находится подъ 63° 10′ сѣв. шир. и 105° 18′ вост. долг., Туруханскъ подъ 65° 54′ сѣв. шир. и 105° 12′ 47″ вост. долг. — На основаніи этихъ опытовъ, Енисейскій Гражданскій Губернаторъ обратилъ особенное вниманіе на разведеніе картофеля и ячменя въ Туруханскомъ краѣ.

Звѣропромышленность въ Туруханскомъ краѣ. Енисейскіе и Туруханскіе торговцы постоянно жалуются, что звѣриный промыселъ въ Туруханскомъ краѣ годъ отъ году приходитъ въ большій упадокъ. — Многіе этому не вѣрятъ; но, сравнивъ оффиціальныя свѣдѣнія о вывозѣ звѣря изъ Туруханска за прежніе годы со свѣдѣніями, напримѣръ, за прошлый годъ, — къ сожалѣнію, легко удостовѣриться, что эта довольно значительная отрасль промышленности весьма упала. — По даннымъ, заключающимся въ описаніи Енисейской губерніи Г. Степанова, изъ Туруханска до 1832 г. вывозилось звѣря иногда до слѣдующихъ суммъ: соболей 5,547, песцовъ 21 т., бѣлокъ 300 т., лисицъ 260, волковъ 500, медвѣдей 200, горностаевъ 10 т., колонковъ 4 т., зайцевъ 200 т., а всего до 535,207 штукъ. — Но въ прошломъ году оттуда вывезено только соболей 351, лисицъ 185, песцовъ 8,730, бѣлокъ 76,200, волковъ 44, медвѣдей 22, горностаевъ 200, колонковъ 20, россомахъ 2, а всего 85,754 штуки, слѣдовательно, менѣе противъ прежняго до 449,453 штукъ. — Такое значительное уменьшеніе улова звѣря нельзя приписать ни чему иному, какъ частымъ лѣснымъ пожарамъ и развитію золотопромышленности, — когда непроходимыя тайги сдѣлались обитаемыми, а поисковыя партіи золотопромышленниковъ углубляются отъ времени до времени въ такія мѣста, гдѣ прежде никто не нарушалъ тишины, любимой пушными звѣрями.

Кн. Костровъ.

Красноярскъ.
8 Марта, 1851 г.

—

Digitized by Google

Вы бывали въ Нижнемъ-Новгородѣ и любовались его счастливымъ мѣстоположеніемъ. Кромѣ Нижняго есть еще много замѣчательныхъ мѣстностей въ Нижегородской губерніи, которыя напрашиваются подъ кисть живописца. Кто видѣлъ картины братьевъ Чернецовыхъ, тотъ, конечно, запомнилъ виды Нижегородскаго Приволжья. Кромѣ Нижняго-Новгорода, на Волгѣ: Городецъ, Лысково, Макарьевъ монастырь, Оленья Гора, Ѳокино, Василь—мѣстности чрезвычайно красивыя; кромѣ того, на Окѣ Павлово, Горбатовъ, потомъ берега Пьяны, Бернуковская пещера, Арзамасъ, озеро Култай въ Макарьевскомъ уѣздѣ. Покойный Преосвященный Архіепископъ Іаковъ, бывшій въ Нижнемъ такъ недолго, но полюбившій Нижегородскій край «*за его прошлое* и за *его настоящее*», какъ онъ выражался, принялъ намѣреніе издать виды Нижегородской губерніи, предоставляя выручку(1) въ пользу возобновленнаго и украшеннаго имъ монастыря Печерскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ. При жизни покойнаго успѣли только налитографировать и отпечатать Арзамасъ, Городецъ, Павлово и два вида Нижняго-Новагорода. Конечно, тѣмъ дѣло и кончилось. Недавно полученъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ литографированный портретъ покойнаго, снятый воспитанникомъ Академіи Художествъ Л. Игоревымъ. Сходство поразительное. Удивительно вѣрно схвачена его добродушная улыбка, при строгомъ выраженіи лица. Какъ будто снова видишь святителя, какъ будто такъ и слушаешь, какъ онъ, среди всегда оживленной и поучительной бесѣды о Русской исторіи и статистикѣ, двухъ любимыхъ наукахъ его, бывало начнетъ развивать мысли свои о томъ, что: «*честное служеніе наукѣ есть подвигъ Евангельскій, ибо оно безкорыстно и требуетъ труда, а трудъ есть ангелъ-хранитель, прогоняющій всѣ пороки, рождаемые праздностью, наука же не даетъ суетнымъ мыслямъ глубоко вкореняться въ душу. Ученые—то же, что монахи: тѣснымъ путемъ идутъ они*». Со временемъ я постараюсь вамъ сообщить кое-что о незабвенномъ Архипастырѣ. Вы знаете, что онъ былъ ко мнѣ очень милостивъ, всегда оказывалъ мнѣ свое расположеніе, и въ частыхъ бесѣдахъ со мною разсказывалъ много чрезвычайно интересныхъ событій изъ своей жизни. (2) До того, посылаю вамъ автографъ покойнаго для вашего собранія. Кстати вотъ еще автографъ Кабинетъ-Министра Волынскаго.

---

(1) Цѣна 1 руб. серебр., въ книжныхъ лавкахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

(2) Усердѣйше прошу. *М. П.*

Digitized by Google

Въ 29 верстахъ отъ Арзамаса (Нижегородской губерніи) находится село Вадъ. Жители — Мордва Эрзянскаго племени, крещеные давно, ибо еще въ 1713 году существовала здѣсь церковь, что видно изъ надписи на напрестольномъ крестѣ.

Вадь по-Мордовски значитъ вода. И дѣйствительно село Вадъ обильно водою — рѣдкость въ этомъ краѣ. — Оно съ сѣвера и востока огибается рѣчкою Вадкомъ; а къ сѣверу отъ села разстилается широкое озеро, называемое Мордовскимъ, чрезъ которое протекаетъ Вадокъ. Вадокъ рѣчка узкая, но чрезвычайно быстрая, зимою почти никогда не мерзнетъ, и на семи верстахъ держитъ четыре мукомольныя мельницы, каждую о 4 поставахъ.

Въ озерѣ находятся три неизмѣримой глубины ямы; ихъ зовутъ *воклинами*; вода въ нихъ до такой степени чиста, что простымъ глазомъ можно видѣть не только плавающую во множествѣ рыбу, но и голыши, разсыпанные по блестящему песку дна. Лѣтъ семь тому назадъ, рыбаки услышали на озерѣ необыкновенный шумъ; они подбѣжали къ берегу, и на одномъ мѣстѣ, гдѣ доставали дно весломъ, увидѣли сильное волненіе воды, а потомъ выбрасываемую какъ будто кипящую грязь. На другой день на этомъ мѣстѣ увидали новую *воклину*. *П. Мельниковъ.*

—

Изъ Харькова

Москва провожала Фанни Эльслеръ, и признаться, судя по извѣстіямъ, проводила великолѣпно; нашъ же Харьковъ, тоже подъ конецъ масляницы, проводилъ одну артистку, которая доставила Харьковитянамъ не нѣсколько минутъ удовольствія, а пробыла въ составѣ здѣшней труппы цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, и въ продолженіе этого времени мы успѣли вполнѣ оцѣнить ея достоинство. Это—одна изъ Московскихъ артистокъ — Г-жа Бороздина. Впродолженіе ея пятимѣсячнаго пребыванія въ Харьковѣ, успѣли уже образоваться въ здѣшнихъ театрахъ двѣ враждебныя партіи—знакъ, что и Харьковъ не отстаетъ отъ сценическихъ столичныхъ междоусобій, и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, взялъ примѣръ съ знаменитыхъ Петербургскихъ *Борсистовъ* и *Фрецолинистовъ*. Одна партія шла всей грудью, а тѣмъ болѣе, руками, за Г-жу Бороздину; другая, съ такими же усердными качествами, за Г-жу Соболеву, также Московскую актрису и пріѣхавшую къ намъ вмѣстѣ съ Г-жей Бороздиной еще въ Октябрѣ прошлаго года. На послѣднемъ спектаклѣ эти обѣ партіи съ успѣхомъ выказали все свое рвеніе, каждая старалась пере-

Digitized by Google

кричать и перехлопать другую, но, все-таки, первенство осталось за Бороздинистами, по крайней мѣрѣ, за Г-жой Бороздиной: ей поднесли, или, лучше сказать, поднесъ одинъ изъ театраловъ браслетъ; за букетами дѣло не стало.... Конечно, Г-жи Бороздина и Соболева — актрисы не безъ дарованія, и, главное не дурны собой, особенно первая, но, все-таки, изъ этого не слѣдуетъ приходить въ такой сценическій восторгъ, что, послѣ послѣдняго спектакля, у нѣкоторыхъ любителей заболѣло горло, и проч. Жертвовать своимъ здоровьемъ — это ужъ, во всякомъ случаѣ, слишкомъ великодушно и опасно. Извѣстно, что цивилизація сильно развивается; въ слѣдствіе этого, нужно же брать примѣръ со столицъ, гдѣ составляются разные подарки, шумные аплодиссменты и проч.; столица дѣлаетъ это, — отчего же не дѣлать и Харькову? Конечно, въ порывѣ переимчивости, не соблюдено было у насъ извѣстное правило, но, что до этого! Главное выполнено: Харьковъ умѣетъ цѣнить дарованія; это доказываетъ браслетъ Г-жѣ Бороздиной. Во всякомъ случаѣ, съ отъѣздомъ Г-жи Бороздиной, нашъ театръ много потерялъ: здѣшняя труппа особенно не богата женскими сюжетами. Впрочемъ, поговариваютъ у насъ, что къ Святой Г-жа Бороздина опять пріѣдетъ къ намъ; оно и естественно: у васъ въ Москвѣ, эта актриса, какъ говорится, *не понята*, а у насъ, напротивъ, понята и оцѣнена по справедливости; въ доказательство я опять привожу тотъ же браслетъ. Изъ здѣшней труппы, находящейся подъ завѣдываніемъ Г. Петровскаго, можно упомянуть, какъ о нѣсколько замѣчательныхъ лицахъ: Г-на Алексѣева, исполняющаго иногда довольно удачно комическія роли; Г-на Боброва — роли отцовъ; Г-на Львова — перваго здѣшняго трагика и Г. Домбровскаго — очень порядочнаго въ Малороссійскихъ пьесахъ.— Въ послѣднее время, до наступленія Великаго поста, Харьковъ вообще старался какъ можно больше веселиться: театръ былъ ежедневно, балы и маскарады въ Дворянскомъ Собраніи, Нѣмецкомъ Клубѣ и много частныхъ; открылись три панорамы, содержатели которыхъ, въ огромнѣйшихъ объявленіяхъ, увѣдомляли почтенную публику, что прибыли изъ-за границы, и прежде всего считали за особенную честь посѣтить просвѣщенную Харьковскую публику; но, кажется, что она не оцѣнила такой вѣжливости. Кромѣ того, было два благородныхъ спектакля, въ пользу здѣшняго дѣтскаго пріюта, и почти ежедневное катанье на одной изъ лучшихъ улицъ, Екатеринославской. Словомъ, нашъ городъ, какъ говорится, хоть-куда, относительно общественныхъ удовольствій. Любопытно же теперь посмотрѣть на результаты трудовъ Харьков-

Digitized by Google

ских жителей въ послѣднее время. Удовольствій много, — видно много и занятій? — Здѣсь, къ несчастью, я долженъ выразиться самымъ печальнымъ образомъ, и послѣ моего вопроса поставить неутѣшительное слово: *но*.... Такъ, я сказалъ, что, видно, занятій много.... *Но*, тутъ-то камень преткновенія; тутъ читатель вѣрно ждетъ трудовъ, а я ему въ отвѣтъ — *но!* Что жъ, послѣ этого, слѣдуетъ ожидать? Ничего, м. г., почти ничего; Харьковъ, позвольте вамъ доложить, покоится самымъ сладкимъ сномъ послѣ всѣхъ своихъ *эстетическихъ* удовольствій. Французскій романъ, столичная новость, городская сплетня, — вотъ общій итогъ всѣхъ занятій большинства. Меньшинство же заключается въ Университетѣ, который, какъ извѣстно, существуетъ у насъ; но и тутъ очень, очень мало утѣшительныхъ новостей; даже въ настоящее время ихъ вовсе нѣтъ, развѣ можно повторить двѣ, извѣстныя уже вѣроятно: въ продолженіе нынѣшняго академическаго года читаны были 2 диссертаціи на магистра: диссертація Г. Петрова— О характерѣ исторической дѣятельности Людовика XI (читана 3 Ноября) и Г-на Сухомлинова — Взглядъ на историческій ходъ Русской драмы (19 Декабря). Что касается до литературной производительности, то она въ послѣднее время ограничилась 2 драмами, съ весьма трескучими заглавіями и избитымъ весьма скучнымъ содержаніемъ. Съ позволенія редакціи, въ одномъ изъ будущихъ писемъ, мы скажемъ поподробнѣе вообще о литературно-ученой производительности Харькова. Предметъ этотъ, во всякомъ случаѣ, гораздо интереснѣе извѣстій о балахъ, маскарадахъ и т. п.; тѣмъ болѣе, что въ настоящее время такъ расплодились эти общественныя удовольствія, что всѣмъ сильно наскучили, особенно же читать объ нихъ лицу, живущему за нѣсколько сотъ верстъ и нисколько не имѣющему желанія сочувствовать кадрилямъ и полькамъ, протанцованнымъ въ Харьковѣ, или гдѣ бы то ни было. Изъ этихъ извѣстій, читатель, конечно, можетъ составить себѣ кой-какое понятіе о городѣ: читатель будетъ знать, что въ такомъ-то городѣ умѣютъ таки танцовать и.... болѣе ничего! Я же, съ своей стороны, смѣю увѣрить читателя, что въ этомъ искусствѣ и въ прочемъ подобномъ, напр. въ преферансѣ, Харьковъ не ударитъ лицомъ въ грязь, которою нашъ городъ тоже имѣетъ удовольствіе славиться, и которая уже появилась въ огромнѣйшемъ размѣрѣ, по причинѣ сильной оттепели, стоящей уже нѣсколько дней сряду, такъ, что весна наступила уже у насъ.

М. П. Сунтовъ.

14 Марта 1861.

Digitized by Google

Изъ Кіева.

Согласно желанію редакціи, мы изложимъ подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о Контрактахъ. Прежде нежели станемъ говорить о состояніи ихъ за этотъ годъ, мы представимъ здѣсь нѣсколько историческихъ замѣтокъ объ нихъ съ самаго начала учрежденія ихъ по настоящее время, и во-первыхъ перечень правительственныхъ мѣръ касательно Контрактовъ, съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждаго указа.

I. 27 Сентября 1797 года послѣдовалъ въ Сенатъ Высочайшій указъ о переводѣ Контрактовъ изъ Дубно въ Кіевъ, *по выгодѣ и удобности внутренней торговли* (слова указа). Цѣль сего учрежденія — та, чтобы усилить и распространить внутреннюю торговлю здѣшняго края и доставить пользу самому городу. Но главнѣйшая цѣль его — совершеніе разныхъ сдѣлокъ на имѣнія.

II. 12 Ноября 1797 года былъ Высочайше утвержденъ докладъ Сената: 1-е) о предъявленіи свидѣтельства на свободность имѣнія, при произведеніи какихъ-либо сдѣлокъ и договоровъ помѣщиками въ Кіевѣ на Контрактахъ, и 2-е) о переводѣ въ Кіевъ коммиссіи о Князѣ Любомирскомъ. Первая мѣра предложена была для утвержденія общаго довѣрія между пріѣзжающими на Контракты, при различныхъ взаимныхъ сношеніяхъ, вторая — переводъ коммиссіи о долгахъ Князя Любомирскаго—предложена для облегченія долговыхъ разсчетовъ Князя Любомирскаго и лицъ, имѣвшихъ на немъ претензіи.

III. Высочайшимъ указомъ отъ 13 Ноября 1797 года повелѣно было контрактовому собранію быть въ городскомъ общественномъ домѣ.

IV. 25 Іюня 1797 года былъ Высочайше утвержденъ докладъ Сената: 1-е) о записываніи въ Кіевскихъ присутственныхъ мѣстахъ сдѣлокъ, между дворянами заключаемыхъ на годовомъ собраніи, и 2-е) о порядкѣ совершенія крѣпостей и всякихъ актовъ въ губерніяхъ: Минской, Волынской и Подольской. 1-е). Такъ какъ всѣ почти продажи и заклады недвижимыхъ имѣній между дворянами всѣхъ полуденныхъ Польскихъ губерній происходили одинъ разъ въ году, во время бываемаго въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ собственно для сихъ сдѣлокъ собранія, то повелѣно было для совершенія крѣпостей и сбора съ нихъ пошлинъ отряжать изъ гражданской палаты члена съ секретаремъ и надсмотрщикомъ. 2-е). Такъ какъ по Польскимъ правамъ позволено было сдѣлки или крѣ-

Digitized by Google

пости записывать въ градскія книги своего повѣта, безъ ограниченія цѣны, въ какой бы суммѣ тѣ имѣнія ни были, а по Русскимъ законамъ совершеніе крѣпостей въ уѣздныхъ судахъ не позволялось болѣе какъ въ 100 рублей, а прочія всѣ совершались въ гражданской палатѣ, то въ этомъ докладѣ Сената было рѣшено, *для* единообразнаго исполненія, ввесть въ губерніи Минскую, Волынскую и Подольскую общій порядокъ о записке и совершеніи сдѣлокъ и крѣпостей.

V. 13 Декабря 1815 года постановлены были Сенатомъ правила на будущее время *для успѣшнѣйшаго и способнѣйшаго производства дѣлъ контрактовой коммиссіи въ Кіевѣ*. Вотъ краткое изложеніе ихъ: 1-е учредить, чтобы, во время бываемыхъ ежегодно Контрактовъ, присутствіе главнаго суда было въ городскомъ общественномъ домѣ. Такъ какъ этотъ домъ былъ на Подолѣ, а присутственныя мѣста на Печерскѣ, то это правило уничтожило большія неудобства и затрудненія *для* дворянъ, при переѣздѣ изъ Подольска на Печерскъ, единственно *для* записки своихъ сдѣлокъ; притомъ, члены главнаго суда, на основаніи Высочайшихъ указовъ, бывъ отъ присутствія въ то время свободны, могли съ удобностію заниматься производствомъ контрактовыхъ дѣлъ. 2, 3, 4, 6, 7, 8, и 10 правила заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя формальности при производствѣ дѣлъ, порядокъ ежедневной дѣятельности коммиссіи, правила принятія дѣлъ, раздѣленіе ихъ между депутатами *для* скорѣйшаго окончанія, ходъ производства и нѣкоторыя замѣчанія касательно самаго заключенія дѣлъ. 5-е) предписано членамъ суда, подъ строгою отвѣтственностію, имѣть попеченіе и дѣятельность о самоскорѣйшемъ отправленіи контрактовыхъ дѣлъ, дабы обыватели не могли имѣть ни малѣйшей проволочки; членамъ повелѣно было не выходить изъ присутствія до того времени, пока не кончатъ всѣ дѣла, того дня вступившія, дабы на другой день не было помѣшательства и остановки въ заключеніи новыхъ дѣлъ. 9-е) взносимыя пошлины предписано хранить въ безопасномъ мѣстѣ, въ крѣпкомъ сундукѣ, за замкомъ и печатью членовъ и надсмотрщика, которые все вообще и отвѣтствуютъ за цѣлость ея; если собранная сумма болѣе 1000 р., то отсылать ее тотчасъ въ казенную палату. 11-е) губернскому прокурору вмѣнено въ обязанность наблюдать за порядкомъ теченія дѣлъ въ главномъ судѣ и за вѣрнымъ взысканіемъ казенныхъ пошлинъ, и 12-е) по окончаніи Контрактовъ главный судъ долженъ отправить остальную сумму съ дѣлами на ревизію въ казенную палату, донесть о за-

Digitized by Google

крытіи своемъ начальнику губерніи, и представить вѣдомость: сколько, какихъ и какою монетою собрано пошлинныхъ денегъ.

VI. Въ Высочайшемъ указѣ отъ 25 Іюля 1840 года, между прочимъ, повелѣно было, до истеченія двухгодичнаго срока, купчія, закладные и другіе крѣпостные акты на имѣнія, состоящія въ другихъ возвратныхъ отъ Польши губерніяхъ и Бѣлостокской области, принимать къ совершенію только въ тѣхъ мѣстахъ, коимъ подвѣдомственны эти имѣнія. Указъ этотъ изданъ былъ для предотвращенія подлоговъ и недоразумѣній въ различныхъ взаимныхъ сношеніяхъ и обязательствахъ: потому что случались имѣнія, которыя, хотя и не числились подъ запрещеніемъ въ публикуемыхъ отъ Правительствующаго Сената запретительныхъ статьяхъ, по между тѣмъ обременены были другими долговыми документами или исками, о которыхъ въ тѣхъ губерніяхъ прежде не производилось публикацій и случалось, что такія имѣнія были продаваемы; въ слѣдствіе того, возникали безчисленные споры и безконечныя тяжбы, для прекращенія коихъ данъ былъ двухгодичный срокъ, чтобы произвесть подобную публикацію объ имѣніяхъ въ вышеозначенныхъ губерніяхъ. Казалось, что въ слѣдствіе такого указа Контракты Кіевскіе должны были въ нѣкоторой мѣрѣ ослабѣть но—

VII. 14 Декабря 1840 г., въ слѣдствіе ходатайства Кіевскаго Военнаго, Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора, Высочайшимъ указомъ, послѣдовавшимъ изъ Сената, разрѣшено было совершать во время Контрактовъ въ Кіевѣ крѣпостные акты на имѣнія, состоящія въ другихъ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ и Бѣлостокской области, съ тѣмъ, чтобы владѣльцы имѣній предъявляли въ Кіевскую палату удостовѣрительныя о своихъ имѣніяхъ свидѣтельства мѣстныхъ гражданскихъ палатъ, что на ихъ имѣніяхъ никакихъ исковъ, указнаго ареста и запрещенія нѣтъ. Введеніе этого указа предписано произвесть съ 1842 года, оставивъ въ 1841 году (по случаю приближающихся Контрактовъ) прежній порядокъ совершенія сдѣлокъ между лицами вышеозначенныхъ мѣстъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ теченіе 6 мѣсяцевъ, со дня заключенія условія, непремѣнно былъ совершенъ узаконенный актъ въ той гражданской палатѣ, къ вѣдомству которой принадлежитъ имѣніе.

И такъ въ 1798 году, съ 15 Января по 1 Февраля, произошли въ Кіевѣ первые Контракты. Годъ отъ году они становились разнообразнѣе, обширнѣе, число разнаго рода сдѣлокъ возрастало болѣе и болѣе, частные обороты развивались въ огромныхъ суммахъ, стеченіе пріѣзжихъ постоянно увеличивалось.

Digitized by Google

Такому развитію и процвѣтанію Контрактовъ способствовало много причинъ: 1) значительность Кіева среди всѣхъ окрестныхъ намѣстничествъ; 2) благопріятное для торговли положеніе его между Малороссіею, Украйною и Польшею: онъ представлялъ собою самое лучшее средоточіе для всѣхъ сношеній жителей тѣхъ странъ; 3) незначительность въ торговомъ отношеніи всѣхъ окрестныхъ мѣстъ; 4) богатство многихъ Польскихъ фамилій, которыя расточали здѣсь огромныя суммы; 5) самое время это (отъ 15 Января по 1 Февраля) было чрезвычайно благопріятно развитію Контрактовъ; потому что: a) въ это время въ имѣніяхъ не производилось никакихъ срочныхъ, важныхъ работъ; b) помѣщики получали съ своихъ имѣній годовые доходы; c) въ имѣніяхъ западныхъ губерній начинался съ 24 Марта такъ называемый экономическій годъ, съ этого времени въ имѣніяхъ вводились разныя перемѣны, улучшенія, новые управляющіе, арендаторы, или возобновлялись условія съ прежними; 6) возможность продавать въ Кіевѣ имѣнія и заключать купчія крѣпости на нихъ, гдѣ бы они ни находились: для этого требовалось только свидѣтельство палаты, вѣдомству которой подлежало имѣніе, свидѣтельство въ томъ, что имѣніе дѣйствительно не состоитъ подъ запрещеніемъ; и 7) нѣкоторой причиной успѣха Контрактовъ можно почесть и пожаръ Кіева въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1811 года, — пожаръ ужасный, распространившійся при сильномъ вѣтрѣ, въ часъ, по всему Подолу и истребившій чрезвычайно значительную часть его. Такъ какъ этотъ пожаръ не помѣшалъ большому съѣзду на Контракты слѣдующаго года, то, очень естественно, что хозяева уцѣлѣвшихъ домовъ брали за нихъ, въ теченіе Контрактовъ, огромныя суммы, которыя дали имъ возможность выстроить потомъ новые, лучшіе дома. Мало по малу при Контрактахъ возникла ярмарка; при значительномъ стеченіи народа, сбытъ различныхъ товаровъ былъ очень успѣшенъ. Вотъ сколько причинъ успѣха Контрактовъ представляется при первой мысли объ нихъ; конечно, при долгихъ изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ, можно найти еще другія причины, но мы надѣемся, что и приведенныхъ нами уже достаточно для объясненія процвѣтанія Контрактовъ.

Дѣла на Контрактахъ производились разнообразныя и въ значительномъ объемѣ: здѣсь покупались имѣнія, продавались, закладывались и перезакладывались, отдавались на поссесію какъ имѣнія, такъ и другія оброчныя статьи, занимались значительныя суммы денегъ, производились уплаты по займамъ, продавалось огромное

количество разнаго рода хлѣба, вина, сахарнаго песку, лѣсу, дровъ и другихъ промышленныхъ произведеній, совершались разные двочные акты, какъ-то: раздѣльные, уступочные, мировые и т. п., заключались всѣ условія, сдѣлки, или вообще, говоря языкомъ административнымъ, контракты. И это слово, обозначающее отдѣльный видовой предметъ, послужило названіемъ для всей разнородной, общей дѣятельности Кіева въ то время, и удержалось до сихъ поръ. Очевидно, что при такихъ размѣрахъ дѣятельности, Контракты скоро получили важное значеніе для юго-западныхъ губерній и для фабричной промышленности многихъ Русскихъ городовъ. Изъ того же обозначенія дѣятельности Кіева видно, что характеръ Контрактовъ былъ характеръ биржевой: на нихъ, какъ и на биржѣ, сходились капиталисты и совершали всѣ возможныя сдѣлки, но быть можетъ еще въ большомъ объемѣ, чѣмъ на биржѣ. Почти не возможно, при частныхъ стараніяхъ, достать хоть нѣсколько официальныхъ статистическихъ данныхъ о такой дѣятельности Кіева, въ первые годы существованія въ немъ Контрактовъ. Быть можетъ, ихъ вовсе нѣтъ. Поэтому мы можемъ здѣсь представить только нѣсколько интересныхъ фактовъ, переданныхъ намъ старожилами, хорошо помнящими начало Контрактовъ и бывшими въ то время не послѣдними участниками въ нихъ. Такъ напр. коммиссія гражданскаго суда получала пошлинъ за актовыя сдѣлки въ теченіе Контрактовъ до 200 тысячъ руб. асс. (примѣръ изъ двадцатыхъ годовъ); привозимые въ огромномъ количествѣ товары часто распродавались до половины Контрактовъ; мѣстные торговцы бакалейныхъ лавокъ выручали въ день до 10 тысячъ р. асс. и болѣе, такъ что едва успѣвали получать деньги; продавецъ пива продавалъ въ день болѣе 1000 бутылокъ, которыя тутъ же, на мѣстѣ, распивались, и до 150 полубочекъ (въ 20 ведеръ) на вывозъ; за наемъ дома въ 7 комнатъ платили за двѣ недѣли Контрактовъ 2500 р. асс., а такой же домъ съ лавками приносилъ дохода за то же время до 7,000 р. асс. Чтобы понять важность всѣхъ этихъ суммъ, нужно припомнить то время и то значеніе, какое имѣли деньги тогда: двѣ-три тысячи рублей считались за великое богатство. А чтобы понять такіе огромные доходы, нужно знать то, что многіе знатные дворяне Польскіе привозили съ собою *по нѣскольку боченковъ* золота и серебра. Такіе богачи, ходя по магазинамъ, считали недостойнымъ торговаться, и, по первому запросу, безпрекословно платили, какую бы ни спрашивали сумму съ нихъ за покупаемыя вещи. То же самое бывало и въ квартирахъ ихъ: если понравится пану какая-нибудь вещь въ домѣ, онъ

Digitized by Google

тотчасъ призываетъ хозяина, чтобы купить ее, и если хозяинъ почему-либо дорожитъ этой вещью и не хочетъ продать, то панъ самъ назначаетъ за нее небывалую сумму и побѣждаетъ упорство хозяина соблазнительной кучкою дукатовъ. Въ походахъ пана по магазинамъ обыкновенно за нимъ ходилъ человѣкъ съ мѣшкомъ серебряныхъ денегъ за спиной, и, по приказу пана, отсчитывалъ купцу, сколько слѣдуетъ, никогда не требуя никакой сдачи; часто случалось, что вещь цѣнилась на мѣдные рубли, а панъ платилъ за нее серебряные. Всегда бывало такъ, что панъ приходилъ съ реэстромъ въ какой-нибудь магазинъ, просилъ приготовить все, что означено въ томъ реэстрѣ, и потомъ безпрекословно платилъ сумму, показанную въ итогѣ. Конечно, паны тщеславились своимъ богатствомъ и щедростію. По окончаніи сдѣлокъ, они начинали рядъ пиршествъ, одно другаго великолѣпнѣе и продолжительнѣе; здѣсь-то они въ буквальномъ смыслѣ сорили деньгами. Эти факты показываютъ намъ, въ какихъ размѣрахъ производилась контрактовая дѣятельность въ то время, сколько продавалось имѣній, какія неисчетныя расточались суммы денегъ, какой шумъ, какой разгулъ сопровождалъ этотъ многочисленный, разнохарактерный съѣздъ въ Кіевъ съ разныхъ мѣстъ!... А какого народа въ немъ не было! Изъ какихъ странъ не пріѣзжали сюда! Старожиламъ особенно памятны пестрые, разноцвѣтные костюмы Турковъ и Татаръ, которыхъ теперь и не встрѣтишь на Контрактахъ. Этихъ фактовъ достаточно, чтобы полно и наглядно представить въ воображеніи картину Контрактовъ минувшихъ временъ.

Время и обстоятельства не развили вполнѣ этого полезнаго учрежденія и не дали ему твердой самобытности и постоянства, подобно Нижегородской ярмаркѣ, Одесской торговлѣ, и т. п. Съ тридцатыхъ годовъ Контракты начали замѣтно слабѣть. Одна изъ главныхъ причинъ этого явленія — значительное и быстрое возвышеніе Одессы въ торговомъ отношеніи, а впослѣдствіи и Харькова, гдѣ теперь существуетъ также Крещенская ярмарка, которая, впрочемъ, оканчивается къ тому времени, когда въ Кіевѣ начинаются Контракты. Мало по малу хлѣбъ началъ свозиться въ Одессу, продаваться скоро, выгодно и въ гораздо большемъ количествѣ, нежели когда либо въ Кіевѣ. Число и значительность сдѣлокъ сильно уменьшилось, а съ уменьшеніемъ ихъ контрактовая дѣятельность Кіева, о которой мы говорили выше, стала принимать меньшіе и меньшіе размѣры, такъ что теперь всего замѣчательнѣе ярмарка. Правда, бываютъ и те-

Digitized by Google

перь продажа, залогъ и отдача въ арендное содержаніе имѣній и другихъ оброчныхъ статей; но подобныя сдѣлки становятся, годъ отъ году, все рѣже и меньше. Говоря примѣрно, въ двадцатыхъ годахъ продаваемо было 50 имѣній, отдано въ аренду 40, а въ послѣдніе годы продано не болѣе 10, въ аренду отдано и того меньше. — Вотъ оборотъ частныхъ суммъ въ разныхъ сдѣлкахъ за пятилѣтіе съ 1842 по 1847 годъ: цифры эти ясно и вполнѣ убѣдятъ въ постепенномъ уменьшеніи числа и значительности сдѣлокъ на Контрактахъ. (1)

Заключено разнаго рода сдѣлокъ на сумму.	въ 1842 г.	въ 1843 г.	въ 1844 г.	въ 1845 г.	въ 1846
	1.699.820	1.717.951	1.657.366	1.392.524	947.779

Такъ какъ казенные доходы съ частныхъ сдѣлокъ зависятъ отъ массы и стоимости этихъ сдѣлокъ, то очевидно, что съ уменьшеніемъ послѣднихъ уменьшаются и казенные доходы, какъ увидимъ ниже изъ таблицы.

Что касается собственно денежныхъ оборотовъ, то можно утвердительно сказать, что они въ послѣдніе годы замѣтно увеличиваются. Вотъ таблица суммъ, которыя доставлялись банкирскими конторами для оборотовъ на Контрактахъ, въ теченіе 17 лѣтъ:

Привезено капитал.	въ 1835	1836 г.	1837 г.	1838 г.	1839 г.
	368.714	1.319.428	1.500.360	1.225.771	693.854
Употребл. въ обор.	не-	из-	вѣ-	ст-	но.

Привезено капиталовъ:	1840 г.	1841 г.	1842 г.	1843 г.	1844 г.
	634.521	812.000	640.932	830.000	558.395
Употреблено въ оборотъ:	412.139	512.000	381.225	710.000	558.395

Привезено капиталовъ:	1845 г.	1846 г.	1847 г.	1848 г.
	1.186.000	1.575.000	1.575.000	2.004.500
Употреблено въ оборотъ:	664.641	1.155.000	1.470.000	1.500.000

Привезено капиталовъ:	1849 г.	1850 г.	1851 г.
	1.600.000	1.050.000	2.350.000
Употреблено въ оборотъ:	1.178.000	901.000	1.780.000

Къ этому необходимо прибавить, что до 1839 г., во время Контрактовъ, обращались въ Кіевѣ значительные капиталы Бердичевской Конторы Польскаго банка, по уничтоженіи которой въ

(1) Всѣ числовыя свѣдѣнія, находящіяся въ этой статьѣ, взяты нами изъ Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за нѣсколько лѣтъ. Въ нихъ помѣщены еще гораздо подробнѣйшія статистическія свѣдѣнія о Контрактахъ и о многихъ замѣчательныхъ предметахъ.

Digitized by Google

1839 г., учреждено въ Кіевѣ отдѣленіе Коммерческаго Банка, котораго капиталы также имѣютъ значительный оборотъ на Контрактахъ, но эти капиталы не показаны въ приведенной выше таблицѣ.—Слѣдовательно въ совокупности денежные обороты съ 1839 г. представились бы намъ еще огромнѣе и убѣдительнѣе.

Не смотря на слишкомъ замѣтное умепьшеніе различнаго рода сдѣлокъ, названіе *Контракты* служитъ и теперь для обозначенія ярмарки. Намъ предстоитъ рѣчь объ ней. Не извѣстно, на чемъ основывается молва, что и самая ярмарка болѣе и болѣе слабѣетъ. Такъ какъ это заключеніе, большею частію, принадлежитъ старожиламъ, то его можно объяснять легко: тѣмъ во-первыхъ, что старожилы хвалятъ вообще все давнее, былое, во-вторыхъ тѣмъ, что они сами теперь не участвуютъ въ торговыхъ операціяхъ. Можно сказать смѣло и вѣрно, что Контракты ослабѣли, а ярмарка нѣтъ! Мало того: сравнительная таблица за 7 лѣтъ привоза и продажи товаровъ, числа пріѣзжихъ покажетъ намъ, что ярмарка съ каждымъ годомъ замѣтно возрастаетъ, хотя не слишкомъ быстро. Мы представимъ эту таблицу ниже, а теперь окончимъ свои замѣтки о настоящемъ положеніи Контрактовъ.

Контракты или, собственно говоря, ярмарка продолжаются и теперь на томъ же мѣстѣ — на Подолѣ, и въ то же время—отъ 15 Января по 1 Февраля; впрочемъ, начало и конецъ Контрактовъ зависятъ отъ разныхъ обстоятельствъ, болѣе или менѣе благопріятныхъ. Самое большое стеченіе пріѣзжихъ бываетъ 20—27 чиселъ Января. Число пріѣзжихъ вообще бываетъ отъ 4 до 7 тысячъ, всего болѣе пріѣзжаетъ Евреевъ, потомъ Поляковъ. Изъ нихъ помѣщики преимущественно занимаются собственно Контрактовыми сдѣлками, хотя въ меньшихъ размѣрахъ противъ прежнихъ лѣтъ. Другіе предлагаютъ свои услуги, ищутъ мѣстъ: управляющихъ имѣніями, землемѣровъ, медиковъ, повѣренныхъ, фабрикантовъ, конторщиковъ и т. п. Изъ всей массы пріѣзжихъ, Поляки преимущественно представляютъ собою классъ покупателей, Евреи — классъ продавцовъ. Наибольшее число магазиновъ бываетъ изъ Бердичева, Каменецъ-Подольска, Варшавы, и всѣ эти магазины принадлежатъ Евреямъ. Кромѣ того, что они продаютъ свои товары, Евреи то покупаютъ другіе, для перепродажи въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, то привозятъ на ярмарку капиталы и пускаютъ въ оборотъ, ссужаютъ ими помѣщиковъ, то наконецъ предлагаютъ свои услуги въ чемъ вамъ угодно какъ факторы. Значительное участіе Евреевъ въ контрактовой дѣятельности Кіева объясняется очень легко; вотъ причины

Digitized by Google

его: многочисленность Евреевъ въ окрестныхъ губерніяхъ и запрещеніе не только имѣть *постоянную* торговлю въ Кіевѣ, но даже быть въ немъ болѣе трехъ сутокъ, исключая, разумѣется, контрактовое время. Вотъ тогда-то они и накопляются со всѣхъ сторонъ въ Кіевѣ. Изъ таблицы мы увидимъ однакожъ, что съѣздъ Евреевъ на Контракты въ прежніе годы былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь, особенно если взять въ сложности по 8 лѣтъ. Можно предполагать, что этотъ фактъ уменьшаетъ размѣры дѣятельности Контрактовъ, если взять въ соображеніе, что въ здѣшнемъ краѣ Евреи служатъ самыми многосторонними проводниками торговли, служатъ посредниками въ значительныхъ коммерческихъ оборотахъ и сами ведутъ ихъ. Мы видѣли, что это предположеніе отчасти справедливо.

Привозимые товары помѣщаются преимущественно въ контрактовомъ общественномъ домѣ, въ ближайшемъ частномъ домѣ Гг. Киселевскихъ (всѣ лучшіе модные магазины), въ гостиномъ дворѣ, въ частныхъ домахъ, въ нѣсколькихъ рядахъ временныхъ ярмарочныхъ балагановъ, устроиваемыхъ самыми пріѣзжими на городской площади. Большею частію пріѣзжаютъ изъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ, одни и тѣ же купцы, съ такими же товарами и занимаютъ нѣсколько лѣтъ съ ряду однѣ и тѣ же мѣста: однообразіе во всемъ замѣтно до такой степени, что стоитъ только побывать на Контрактахъ одного года, чтобы имѣть понятіе о нихъ и безошибочно угадывать ихъ обстановку во всѣ слѣдующіе годы. Причиною бо́льшаго или мѣньшаго стеченія народа и даже привоза товаровъ на Контракты можно со всею основательностью признать состояніе погоды и зимней дороги въ это время. Хорошая погода и удобная санная дорога, какъ видно изъ примѣра нѣсколькихъ лѣтъ, чрезвычайно благопріятствовали многочисленному съѣзду и значительности торговыхъ оборотовъ. Не придавая фельетоннаго характера этимъ замѣткамъ, мы не хотимъ здѣсь представить пестрой картины движенія толпы на Контрактахъ, внѣшняго вида ихъ, особенно въ контрактовомъ домѣ, гдѣ преимущественно поражаетъ васъ давка и толкотня, такъ какъ въ немъ сосредоточивается все лучшее на Контрактахъ, и всѣ мѣста въ немъ заняты магазинами, начиная отъ обширнаго помѣщенія до самаго маленькаго уголка, считая отъ сотенъ тысячъ рублей серебромъ до простой сотни.

Представимъ теперь сравнительную таблицу за 17 лѣтъ особенно важныхъ фактовъ на Контрактахъ; потомъ укажемъ нѣкоторые замѣчательные выводы изъ нея и другихъ офиціальныхъ данныхъ.

Digitized by Google

	Помѣщиковъ дворянъ и чиновниковъ.	Купцевъ.	Иностранцев.	Евреевъ.	Прислуги.	Лошадей.	Привезено товаровъ.	Продано товаровъ (р.с.)	Пошлинъ съ актовъ и сдѣлокъ.	За гербовую бумагу.	Городск. доходъ за наемъ мѣстъ и лав.	Доходъ жителей за наемъ квартиръ и лавокъ.
Въ 1835 г.	943	78	39	1.656	1.936	3.813	483.419	195.815	54.505	19.132	—	24.225
— 1836 —	970	85	43	1.854	2.100	3.968	506.709	179.717	43.937	15.086	—	24.600
— 1837 —	894	73	51	1.639	1.869	3.524	452.194	183.423	10.088	13.984	—	25.401
— 1838 —	845	82	93	1.659	2.259	3.767	638.769	171.602	15.696	10.855	6.584	25.373
— 1839 —	987	74	113	2.011	1.684	3.337	441.825	133.651	13.505	13.753	7.525	18.922
— 1840 —	1.025	69	112	1.436	2.031	6.420	562.700	238.100	10 179	11.865	6.522	26.982
— 1841 —	1.265	118	108	1.342	2.069	7.293	703.018	270.313	2.579	11.209	8.749	32.763
— 1842 —	948	102	93	1.274	2.340	5.314	649.683	200.400	23.714	13.004	7.927	26.017
— 1843 —	853	118	82	962	1.691	4.916	676.824	191.864	10.589	9.167	8.006	17 342
— 1844 —	1.056	91	92	1.349	2.006	5.803	842.040	279.125	8.606	9.475	8.539	19.345
— 1845 —	1.183	106	86	2.065	1.750	5.251	892.440	326.750	7.396	11.275	8.935	22.278
— 1846 —	1.597	118	115	1.731	3.486	10.130	1.041.602	434.016	14.193	10.360	9.287	28.465
— 1847 —	1.587	121	157	1.954	—	—	1.058.704	473.590	7.155	12.02	8.934	28 602
— 1848 —	1.319	234	98	1.861	1.959	8.990	1.127.554	581.705	26.542	12.861	8.502	24.634
— 1849 —	696	215	94	1.496	1.540	8.800	1.059.510	511.480	7.617	11.926	8 243	21.430
— 1850 —	1.296	306	95	1.568	4.020	6.500	1.561.768	830.400	16.712	15.330	9.552	25.481
— 1851 —	1.440	285	129	1.423	4.119	6.900	1.820.695	809.935	3.724	14.985	9.964	31.230

Digitized by Google

(Мы не тронули здѣсь любопытнаго вопроса: въ какой степени имѣли вліяніе на Контракты этого года закрытіе таможень Царства Польскаго и пониженіе пошлины на заграничные товары. Съ любопытствомъ и отрадными надеждами ждали жители Кіева рѣшенія этого вопроса. — Но все на Контрактахъ оказалось по прежнему дорого; Кіевляне, впрочемъ, утѣшаютъ себя той мыслію, что товары, бывшіе на Контрактахъ этого года, закуплены еще до закрытія таможень и пониженія пошлины.)

Вотъ нѣкоторые выводы: 1) Число пріѣзжихъ на ярмарку постоянно увеличивалось; самый большій съѣздъ былъ въ 1847 году, самый меньшій въ 1837 году. 2) Количество привоза товаровъ съ каждымъ годомъ замѣтно увеличивалось; всего болѣе привезено было въ 1851 г., всего менѣе въ 1839 г. (1), всего болѣе продано въ 1850, всего менѣе въ 1839. 3) Преимущественно привозятся и продаются: разныя металлическія издѣлія, шерстяныя, бумажныя, и шелковыя издѣлія, сукна, фарфоровая и фаянсовая посуда, хрустальныя вещи, бакалейные товары, которые продаются также и мѣстными торговцами въ значительномъ количествѣ. 4) Всего болѣе привозится товаровъ: изъ Москвы, Тулы, Бердичева и Царства Польскаго. 5) Изъ иностранныхъ товаровъ привозится болѣе Азіятскихъ, нежели Европейскихъ. 6) Иностранцы являются въ Кіевъ почти со всей Европы: Австріи, Пруссіи, Великобританіи, Италіи, Швейцаріи, Саксоніи, Баваріи, Виртемберга, Даніи, Ганновера, Сардиніи и Греціи; разумѣется, изъ иныхъ государствъ по одному человѣку; всего болѣе изъ Австріи, отъ 50 до 80 человѣкъ. 7) Значителенъ и примѣчателенъ бываетъ сбытъ сахар-

(1) Въ 85 N Сѣверной Пчелы этого года, въ статьѣ Г. Аѳанасьева: *Кіевскіе Контракты*, не совсѣмъ вѣрно сказано, что Контракты *въ этомъ году были гораздо бѣднѣе въ сравненіи съ предшествовавшими*, тогда какъ привозъ товаровъ и число доходовъ города и жителей были *въ этомъ году* гораздо значительнѣе, нежели въ предшествовавшіе годы. Г. Аѳанасьевъ говоритъ еще, что съѣздъ былъ меньше противъ обыкновенія, тогда какъ съѣздъ въ этомъ году былъ несравненно значительнѣе прежнихъ лѣтъ, какъ видно изъ таблицы. — Мы дѣлаемъ это замѣчаніе, чтобъ оградить нашу ярмарку отъ несправедливаго мнѣнія, будто бы она слабѣетъ, которое мнѣніе можетъ разойтись по всей Россіи и далѣе, при томъ огромномъ числѣ подписчиковъ, какое имѣетъ Сѣверная Пчела. Въ объясненіе кажущейся, во время самыхъ Контрактовъ, малочисленности, можно привести то обстоятельство, что помѣщики не въ одно время съѣзжаются и уѣзжаютъ, такъ что одни уѣзжаютъ, тогда когда другіе только что ѣдутъ на Контракты.

Digitized by Google

ваго песку: заводчики продаютъ песокъ на рафинатные заводы, и иногда, вместо наличныхъ денегъ, получаютъ за песокъ отъ рафинеровъ расписки, такъ называемыя *траты*, срокомъ на годъ. Эти *траты*, по разрѣшенію правительства, имѣютъ значеніе банкирскихъ векселей. Если продавецъ сахарнаго песку, имѣя траты, которымъ не вышелъ еще годовой срокъ, нуждается въ деньгахъ, то онъ легко можетъ сбыть траты, но только съ уступкою процентовъ 8). Число денегъ въ пользу казны за совершеніе актовъ въ послѣднія 9 лѣтъ почти вдвое меньше, нежели въ первыя 8. 9) Всего болѣе получилъ доходу городъ въ 1851 году, а жители въ 1841 и въ 1851 году. 10) Вотъ цифры о ярмаркѣ 1829 года, извлеченныя изъ одной рукописи; онѣ подтвердятъ нашу мысль, которую мы уже не разъ высказывали, т. е., что торговые обороты нашей ярмарки теперь гораздо значительнѣе, чѣмъ когда-либо прежде. Въ 1829 г. привезено было товаровъ на 1.123,538 руб. ассигнаціями, продано на 772,675 р. асс.; пріѣзжихъ помѣщиковъ, чиновниковъ и дворянъ 878; при нихъ прислуги 2,224; купцовъ, Евреевъ, Бухарцевъ и разныхъ промышленниковъ 306; при нихъ людей 172; всего 3580 человѣкъ. Жители получили дохода 72,422 р. асс. Къ сожалѣнію, мы не нашли извѣстій о доходахъ городскихъ, о суммѣ пошлинъ за совершеніе актовъ и о цѣнности тогдашнихъ частныхъ сдѣлокъ

Вотъ все, что мы сочли нужнымъ сказать о Кіевскихъ Контрактахъ, или Крещенской ярмаркѣ. При составленіи этихъ замѣтокъ, мы главнымъ образомъ старались о правдивости свѣдѣній, о простотѣ выводовъ и заключеній, руководствуясь для сего данными Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей и разсказами многихъ лицъ, разсказами, не противорѣчившими другъ другу. Мы считали необходимымъ подробно и обстоятельно изложить почерпнутыя нами свѣдѣнія: этимъ самымъ мы хотѣли передать большинству читателей самыя полныя и вѣрныя свѣдѣнія о Контрактахъ, хотѣли уничтожить несправедливое мнѣніе, будто бы Контракты (или собственно ярмарка) съ каждымъ годомъ становятся малолюднѣе и незначительнѣе оборотами капиталовъ. Истиннымъ удовольствіемъ почтемъ для себя, если мы успѣли въ этомъ, если читатели, пробѣжавъ эти замѣтки, совершенно согласятся съ нами.

Въ предъидущей статьѣ нашей (Москвитянинъ 1851 г. N 4), составленной при началѣ Контрактовъ, мы сказали, что развлеченій и удовольствій въ то время въ Кіевѣ не такъ много. Но теперь

Digitized by Google

Мы не можемъ сказать этого въ строгомъ смыслѣ: въ теченіе Контрактовъ явилось въ Кіевѣ много артистовъ, концерты слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно, театральныя представленія давались всякій день, были маскарады, были музыкальныя утра и другія удовольствія. Припоминая весь длинный рядъ концертовъ, составъ ихъ и выполненіе, мы находимся въ затрудненіи, что намъ дѣлать. Говорить ли обо всѣхъ концертахъ послѣдовательно и подробно, или ограничиться однимъ извѣщеніемъ объ нихъ? Но въ первомъ случаѣ статья наша вышла бы непомѣрно длинной, утомительной; да и что новаго, замѣчательнаго могли бы мы сказать, будучи только диллетантомъ музыки? въ какой степени понятны были бы для многихъ наши правдивыя, дѣльныя строки, если бы онѣ принадлежали даже и знатоку въ музыкѣ? Самая музыкальная хроника нашихъ лучшихъ журналовъ читается очень не многими: термины, техническія выраженія, пестрящіе статью, дѣлаютъ изъ нея чтеніе не для всѣхъ понятное и интересное. Наконецъ, одни изъ артистовъ уже извѣстны болѣе или менѣе, судъ надъ ними уже произнесенъ въ столицахъ, другіе поѣхали отсюда въ Петербургъ, — а Петербургъ городъ по преимуществу музыкальный, ему и книги въ руки, ему предоставимъ и отчетъ о новыхъ артистахъ. На основаніи всего этого, мы намѣрены ограничиться однимъ простымъ перечнемъ ряда концертовъ, лучшихъ композиторовъ, произведенія которыхъ мы слышали на этихъ концертахъ, и нѣсколькими замѣтками о концертантахъ.

Рядъ концертовъ открылся 21 Января концертомъ малютокъ Марцинкевичей; за нимъ слѣдовали: 22 Января концертъ братьевъ Венявскихъ, 23-го концертъ Г-жи Замецкой, 24-го Франкенштейна, 25-го второй концертъ бр. Венявскихъ, 26-го Джіордани (prémier baryton du théâtre della Scala à Milan, какъ гласила афиша), 28-го soireé musicale нѣкоего піаниста du chevalier César Singer Wyssogurski, 29-го концертъ Контскаго (скрипача), 31-го его же, 1-го Февраля послѣдній концертъ Венявскихъ. 2-го Февраля данъ былъ многими изъ упомянутыхъ нами артистовъ и любителями музыки большой концертъ въ пользу Левашовскаго института въ Кіевѣ; такой концертъ бываетъ всякій годъ, благодаря заботливости Г-жи Залѣсской, надзирательницы Левашевскаго института и содержательницы собственнаго Образцоваго пансіона, установившей это прекрасное обыкновеніе. 4-го Февраля концертъ Адама Германа, 15-ти-лѣтняго віолончелиста, и наконецъ 9-го Февраля Феррари (baryton Italien). Цѣна билета въ

Digitized by Google

каждый концертъ, благодаря распоряженію здѣшняго высшаго начальства, была 2 р. сер. На концертахъ этихъ мы слышали сцены изъ оперъ, фантазіи и другія произведенія композиторовъ: Беллини, Вебера, Верди, Доницетти, Листа, Мендельсона, Россини, Шопена, Шуберта и друг. Три концерта Венявскихъ доставили намъ много такого музыкальнаго наслажденія, какое мы рѣдко испытывали. Франкенштейнъ—нашъ старый, пріятный знакомецъ, далъ всего только одинъ концертъ; отъ насъ онъ поѣхалъ въ Константинополь. Носились слухи, что къ намъ будутъ піанистъ Шульгофъ и скрипачъ Контскій; ожиданія оправдались только въ половину: пріѣхалъ одинъ Контскій. Услужливые пріятели поспѣшили извѣстить о пріѣздѣ его особою афишею, называя его «знаменитымъ» Контскимъ, пріобрѣвшимъ себѣ блистательную извѣстность въ Европѣ, единственнымъ ученикомъ Паганини, и объявляя, что онъ намѣренъ дать два концерта. Онъ сыгралъ намъ нѣсколько піэсокъ своего сочиненія и Capriccio Паганини на одной струнѣ. Въ игрѣ его поражалъ болѣе всего быстрый и ловкій механизмъ выполненія. Посѣтителей на двухъ концертахъ его было до полуторы тысячи особъ. Много было шуму, вызововъ, апплодисментовъ, много было восторженныхъ и продолжительныхъ толковъ о его игрѣ, много споровъ, при сравненіи его съ Венявскимъ. Но окончательный судъ объ немъ мы предоставляемъ столицамъ.—Впрочемъ, къ знаменитостямъ намъ не привыкать стать; давно ли здѣсь были: Липинскій, Дёлеръ, Серве, Листъ, Софья Бореръ, Сеймуръ-Шиффъ, Дмитріевъ-Свѣчинъ и многр. друг.

Кромѣ вечернихъ концертовъ, данныхъ артистами, съ 28 Января мы имѣли очень большое удовольствіе слушать утренніе концерты оркестра Г. Галагана (помѣщика Полтавской губерніи), названные музыкальными утрами. Ихъ было 5. Полный и замѣчательный составъ оркестра (не только исполнители, но и инструменты), прекрасный выборъ капитальныхъ піесъ и чрезвычайная отчетливость исполненія, характеризуютъ эти концерты. Въ театрѣ дано, было между прочимъ, нѣсколько бенефисовъ лучшихъ актеровъ нашей труппы; спектакли пріятно разнообразились балетными піесами, иной разъ очень мило выполненными труппою Г. Мориса, бывшаго балетмейстера Варшавскаго. 3-го и 5-го Февраля были представленія физика и химика Леммергарда. 27-го и 30-го Января — маскарадъ въ контрактовомъ домѣ, въ пользу Кіевскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ. Немедленно по окончаніи Контрактовъ, на масляницѣ начались собранія въ Кіевскомъ Купеческомъ Клубѣ; въ теченіе этой недѣли было въ немъ три маскарада, многолюдные,

Digitized by Google

веселые, роскошные. — Изъ этого перечня удовольствій видно, что Кіевъ веселился на славу, онъ радъ былъ гостямъ, вездѣ — и въ театрѣ, и въ концертахъ, и въ маскарадахъ — собранія были чрезвычайно многочисленны.

Во все время Контрактовъ, начиная съ 20 Января по 5 Февраля, по примѣру прежнихъ лѣтъ, была открыта въ контрактовомъ домѣ лоттерея въ пользу Пріютовъ, подъ руководствомъ Попечительницы ихъ, Графини А. П. Меллиной. Билетовъ (по рублю сер.) было разобрано до 2,500; выигрышей (среди которыхъ находились прекрасныя и богатыя вещи) было до 200. Маскарады, съ платой полутора р. с. за входъ, данные въ пользу Пріютовъ, были многолюдны, сборъ на нихъ простирался до 1500 р. с. Два маскарада эти были очень милы своей оригинальной обстановкой. Помните, въ предъидущей статьѣ, я говорилъ, что собственно зала контрактоваго дома (въ которомъ бываютъ собранія) заключается между колоннами; здѣсь теперь преимущественно толпились посѣтители, а промежутки между колоннами и стѣной были заняты магазинами большею частію Азіятскихъ товаровъ; между ними и колоннами былъ оставленъ узкій проходъ. Можете себѣ представить, какъ удобно здѣсь было идти, когда столкнутся съ обѣихъ сторонъ группы посѣтителей. Не смотря на это, контрактовая зала представляла въ то время чудный видъ: магазины были разнообразно освѣщены, товары разложены симметрически, продавцы въ своихъ пестрыхъ національныхъ костюмахъ, съ любопытными физіономіями, смотрѣли на веселое многолюдное собраніе, которое непрерывно танцовало, двигалось, шумѣло.... Прехорошенькія лица, милые наряды, разнообразіе и оригинальность масокъ, два хора музыки, яркое освѣщеніе и красивая обстановка залы, доставляли много удовольствія тѣмъ, которые уже чувствовали въ душѣ еще высшее удовольствіе, оказавши помощь благому дѣлу!... Въ прошломъ 1850 г. выручено было въ пользу Кіевскихъ Дѣтскихъ Пріютовъ, отъ лоттереи, двухъ маскарадовъ и благороднаго спектакля, всей суммы, за исключеніемъ издержекъ, 3474 р. 50 к. сер. Такимъ образомъ, и Кіевъ не чуждъ явленій модной филантропіи—жертвовать наслаждаясь. Нельзя не пожалѣть, что теперь не было благороднаго спектакля, который бывалъ въ прежніе годы. Въ этотъ спектакль постоянно давалась комедія Гоголя: *Ревизоръ*, а въ прошломъ году еще два дѣйствія изъ *Горе отъ ума*. Въ кругу благородныхъ аматеровъ было нѣсколько исполнителей, которыхъ пріятно намъ было встрѣчать каждый годъ; объ общемъ выполненіи піэсъ мы не

Digitized by Google

скажемъ ни слова: благотворительная цѣль спектакля говоритъ яснѣе самыхъ выразительныхъ фразъ и невольно заграждаетъ строгое слово. — Съѣздъ публики на эти благородные спектакли былъ всегда чрезвычайно значителенъ, не смотря почти на удвоенныя цѣны мѣстъ. Духъ благотворительности Кіева не ограничивался въ прежніе годы этими явленіями. Въ Ноябрѣ 1848 года возникла мысль, среди лицъ высшаго круга, образовать Симфоническое общество изъ любителей музыки и пѣнія, и давать еженедѣльно въ избранный день музыкальные вечера, а разъ въ мѣсяцъ концерты въ залѣ Университета, предоставляя всю собранную сумму, за исключеніемъ расходовъ, въ пользу Пріютовъ. За весь сезонъ (отъ Ноября до Свѣтлаго праздника) положена была плата 5 р. с. Мысль эта была скоро и достойно осуществлена; десятки лицъ явились, желая участвовать въ исполненіи концертовъ, и многія сотни посѣтителей каждый разъ наполняли залу. Намъ и до сихъ поръ памятны эти многолюдные, веселые вечера, въ величественной и красивой залѣ Университета. Благородные аматеры-артисты выполняли всякій разъ новыя піэсы, назначаемыя по согласію общества. Много прекрасныхъ произведеній извѣстныхъ композиторовъ: Бетговена, Гайдна, Глюка, Моцарта и друг. были отчетливо разыграны Гг. аматерами; единодушныя, продолжительныя рукоплесканія часто раздавались отъ полноты наслажденія изящнымъ и по его содержанію, и по его формѣ. Мы рѣшились упомянуть здѣсь объ этомъ явленіи прошлыхъ лѣтъ потому единственно, что объ немъ очень мало писали и тогда, не только теперь.... По чувству полнаго сознанія мы упоминаемъ здѣсь о истинно материнской заботливости Попечительницы Дѣтскихъ Пріютовъ, Графини Мелинной, подъ непосредственнымъ руководствомъ которой совершались почти всѣ сказанные случаи благотворительности. Дѣтскіе Пріюты съ гордостію могутъ указать между своими благотворителями на Его ВПС-о Митрополита Кіевскаго Филарета, на Его ВП-о Г. Генералъ-Губернатора Д. Г. Бибикова и Его П-во Губернатора И. И. Фундуклея.

Въ жизни Университетской не произошло въ послѣднее время ничего новаго, особенно замѣчательнаго. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду продолжается чтеніе публичныхъ лекцій по однимъ и тѣмъ же предметамъ: Химіи, Технологіи и Механики, Гг. Профессорами: Фонбергомъ и Тихомандритскимъ и Адъюнктомъ Дьяченкомъ. Лекціи каждаго предмета бываютъ по два часа въ недѣлю. Намъ случается слышать въ обществѣ сожалѣніе, почему не читаются публичныя лекціи предметовъ, имѣющихъ большую степень инте-

Digitized by Google

реса и болѣе общезанимательныхъ: Исторіи, Словесности. Много данныхъ ручаются намъ за успѣхъ, который увѣнчалъ бы лекціи по этимъ предметамъ, имѣющимъ ревностныхъ и воодушевленныхъ представителей въ здѣшнемъ Университетѣ.

Великій постъ проходитъ у насъ тихо, однообразно.... Нѣтъ ни какихъ концертовъ, ни живыхъ картинъ и другихъ скромныхъ развлеченій.... Были, однакожъ, годы, когда давались пріѣзжими артистати музыкальные вечера, и часто съ благотворительною цѣлію. Теперь тишина и посѣщеніе храмовъ Божіихъ составляютъ отличительную черту Кіевлянъ. Здѣсь кстати замѣтить особенность Великаго поста, которую встрѣтите вы только въ Малороссіи. Это такъ называемыя *Пассіи*—вечернія богослуженія въ пятницу первыхъ четырехъ седмицъ Великаго поста; на этихъ богослуженіяхъ читаются Евангельскія повѣствованія о крестныхъ страданіяхъ и смерти Божественнаго Спасителя нашего, по порядку Евангелистовъ. Богослуженія эти имѣютъ характеръ торжественный; на нихъ всегда бываетъ необыкновенное множество народа; особенно посѣщаются они въ Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ на Подолѣ; сюда стекаются со всѣхъ частей города набожные Кіевляне послушать трогательнаго чтенія и гармоническій хоръ пѣвчихъ. *П. С.*

Кіевъ.
1834 г. 25 Марта.

Изъ Костромы.

Съ самаго ранняго утра, 14 Марта, со всѣхъ концовъ города Костромскіе граждане, съ окрестными жителями, стекались на обширную Сусанинскую площадь и ожидали начатія торжества. Взирая на эту волнующуюся массу народа, невольно переносимся мыслію къ давно-минувшему. За 238 лѣтъ, въ этотъ самый день, въ этомъ самомъ городѣ, съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, не подобное ли же стеченіе народа ожидало—только не торжества, но со страхомъ и надеждою въ сердцѣ, рѣшенія судьбы Россіи! и какимъ было объято страхомъ, когда мать Михаила Ѳеодоровича, Инокиня Марѳа, противъ всякаго ожиданія Московскихъ пословъ, не хотѣла благословить сына своего на Царство Русское!

Тщетно Архіепископъ Ѳеодоритъ и Авраамій Палицынъ употребляли убѣжденія; тщетно бояре представляли бѣдствія, угрожающія отечеству отъ ихъ отреченія; тщетно народъ съ рыданіемъ испрашивалъ у нихъ согласія: Марѳа и сынъ ея были непреклонны. Около 6 часовъ продолжалось уже сіе моленіе; тогда Епископъ Ѳеодоритъ, въ глубочайшей горести, взялъ образъ Вла-

Digitized by Google

димирской Богоматери, писанный Петромъ Митрополитомъ, а Палицынъ — икону великихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія и Іоны, принесенные ими изъ Москвы, и приблизясь къ Инокинѣ Маѳѣ и сыну ея, вѣщали: «Повинуйтесь волѣ Божіей и Пречистой Его «Матери! Сіи святыя иконы притекли повѣдать вамъ опредѣленіе «ваше; не народомъ, а ими вы избраны на великое дѣло; ими уму«дритесь въ предстоящихъ трудахъ и подвигахъ! Преклонитесь же предъ ними и повинуйтесь!» Маѳѣа не могла противиться болѣе; въ слезахъ упавъ предъ иконами, произнесла свое согласіе: «кто противъ Бога, единородный, возлюбленный мой! свѣтъ очей моихъ, повинуйся волѣ Божіей!» Михаилъ умолялъ ее не соглашаться. «Нѣтъ, отвѣчала Маѳѣа, се дѣло Божіе, не человѣческій разумъ; не смѣю противиться.» Михаилъ упалъ предъ образомъ Богоматери: «Боже! говорилъ онъ, Твоя есть воля, я рабъ Твой, спаси и соблюди меня.» Потомъ обратился къ посламъ, боярамъ и народу и сказалъ: «аще на то воля Божія, да будетъ тако.» Въ восторгѣ всѣ поверглись предъ нимъ, слезы печали превратились въ слезы радости, горесть—въ восторгъ невыразимый; и тогда же, въ память сего знаменитаго событія, установлено было праздновать въ сей день, т. е. 14 Марта, явленіе чудотворныя иконы Ѳеодоровскія, находящейся въ Костромскомъ Успенскомъ Соборѣ, что до того времени совершалось Августа 16 дня. Первымъ дѣломъ Царя было изъявленіе благодарности памяти Сусанина, великодушно пожертвовавшаго жизнію своею для его спасенія. Онъ повелѣлъ, какъ повѣствуетъ преданіе, тѣло Сусанина перевезти въ Ипатіевскій монастырь и предать землѣ съ честію, а оставшимся родственникамъ даровалъ многія преимущества.

Прошло болѣе двухъ столѣтій послѣ безсмертнаго подвига Домнинскаго крестьянина, и вотъ, по Высочайшему повелѣнію, 14 же Марта 1851 года, открытъ памятникъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Ивану Сусанину.

Первая мысль сооруженія въ Костромѣ памятника принадлежитъ Костромскому Дворянству. Въ Сентябрѣ 1834 года, Кострома была осчастливлена Августѣйшимъ посѣщеніемъ Государя Императора Николая Павловича. Давно питаемое въ сердцахъ Костромичей желаніе высказалось. Въ Костромскомъ Дворянскомъ Собраніи состоялось постановленіе, въ которомъ между прочимъ сказано: «Костромская губернія, отчина Романовыхъ, первая внимала священному обѣту Михаила уврачевать язвы отечества, напесенныя крамолами самозванцевъ и завистью иноплеменниковъ; она первая,

Digitized by Google

въ обители святаго монастыря, при очахъ юнаго, единодушно избраннаго Помазанника Божія, пролила радостныя слезы и вознесла теплыя мольбы къ Царю царствующихъ, да укрѣпится сердце Его на великомъ подвигѣ царствованія. Но воспоминаніе о сихъ событіяхъ осталось только въ устномъ преданіи, въ письменахъ исторіи и еще въ благоговѣйныхъ молитвахъ Церкви, каждогодно совершающей въ память сего событія, 14 Марта, празднество Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія въ Костромѣ. Никакое, къ прискорбію, видимое знаменіе не указываетъ пришельцу, что смиренная обитель Святаго Ипатія была мѣстомъ, въ которомъ, послѣ годины искушенія, возсіялъ первый лучь счастія отечества нашего.— Мысль увѣковѣчить сооруженіемъ памятниковъ память великихъ, не должна быть болѣе сокрытою въ сердцѣ, и къ проявленію оной въ дѣйство, нѣтъ благопріятнѣйшей минуты, какъ при настоящемъ всерадостнѣйшемъ и счастливѣйшемъ случаѣ Высочайшаго посѣщенія града нашего Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, великимъ потомкомъ Михаила Ѳеодоровича и вмѣстѣ премудрымъ исполнителемъ судебъ Промысла, предъизбравшаго здѣсь на царство юнаго родоначальника Его.»

Въ то же Свое пребываніе, 1834 года, въ Костромѣ, Государь Императоръ почтилъ своимъ Монаршимъ вниманіемъ потомковъ Сусанина (1) и повелѣлъ заняться устройствомъ ихъ, и предположенія по сему предмету представить на Его Высочайшее благоразсмотрѣніе. Послѣдствіемъ сего были многія милости, изліянныя на потомковъ Сусанина отъ неисчерпаемыхъ щедротъ Государя.

Къ мысли воздвигнуть монументъ родоначальнику Дома Романовыхъ присоединилась еще другая: почтить и память поселянина Ивана Сусанина, положившаго, какъ говоритъ надпись памятника, свой животъ за Царя—спасителя вѣры и отечества.

Тогда же, съ Высочайшаго соизволенія, открыты были подписки: одна для сооруженія памятника Царю Михаилу Ѳеодоровичу, и другая на монументъ поселянину Сусанину. Но въ 1838 году Государь Императоръ повелѣть изволилъ: соединивъ собранныя суммы, соорудить одинъ памятникъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Сусанину, по рисунку, составленному въ Императорской Академіи Художествъ, и поставить его на главной центральной пло-

(1) Потомки эти происходятъ отъ дочери Ивана Сусанина. Поселены они на правахъ бѣлопашцевъ (то есть изъяты всякой повинности) въ селѣ Коробовѣ, Костромскаго уѣзда, въ 30-ти верстахъ отъ Костромы.

Digitized by Google

щади города Костромы, наименовавъ оную Сусанинскою. Изготовленіе проэктированнаго монумента принялъ на себя Ректоръ Скульптуры Демутъ-Малиновскій; фундаментъ заложенъ 7 Августа 1841 года; (2) самый памятникъ доставленъ въ Кострому 19 Сентября 1843 года, бронзовыя фигуры 4 Августа 1847 года, и наконецъ окончательная отдѣлка монумента исполнена 16 Августа 1850 года. Употребленная на устройство его сумма составляетъ до 43½ т. руб. сереб. Наружный видъ памятника чрезвычайно хорошъ: на четыреугольномъ гранитномъ пьедесталѣ, обнесенномъ чугунною рѣшеткою, возвышается гранитная колонна, на верху которой стоитъ бронзовый бюстъ Царя Михаила Ѳеодоровича; у подножія ея: съ лѣвой стороны молящійся Сусанинъ, вылитый изъ бронзы, а съ правой его родословная и двѣ грамоты, роду его пожалованныя; въ барельефѣ, на лицевой сторонѣ пьедестала, обстоятельства смерти Сусанина. Бюстъ Царя, фигура Сусанина и въ барельефѣ убіеніе его Поляками—прекрасно задуманы и художественно выполнены. Михаилъ Ѳеодоровичъ представленъ въ томъ возрастѣ, когда избранъ онъ былъ на царство, и поразительно схожъ съ портретомъ. Въ Сусанинѣ чрезвычайно много типическо-Русскаго: въ лицѣ его видно благочестіе и кротость, онъ стоитъ на колѣняхъ и молится. Минуту ли пріуготовительной молитвы его предъ совершеніемъ великаго подвига, предпринятаго имъ во спасеніе Царя, или можетъ быть даже, его послѣднюю предсмертную молитву, изобразилъ художникъ,—не знаемъ; но фигура прекрасна. Въ барельефѣ: лица убійцъ и вообще положеніе ихъ, умирающій Сусанинъ, и даже самая мѣстность,—все это отдѣлано съ такою отчетливостію, что вполнѣ знакомитъ съ событіемъ. Вверху колонны гербъ Россіи, а на половинѣ ея гербъ Костромской губерніи. На задней сторонѣ пьедестала надпись: *Ивану Сусанину, за Царя,—спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему.*

(2) Костромскіе кирпичники и каменщики, еще при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV, славились искусствомъ въ своемъ ремеслѣ и имѣли отъ него, за построеніе Царскихъ палатъ въ Москвѣ, жалованную грамоту. Грамота эта, впослѣдствіи, во время смутъ, утратилась, и уже при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ имъ возобновлена, по просьбѣ Костромскаго кирпичника Тихона Алексѣева. Весьма замѣчательно то случайное сближеніе обстоятельствъ, что употребленный нынѣ на фундаментъ сооруженнаго въ Костромѣ памятника Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Сусанину кирпичь, въ количествѣ 100 т, взятъ, какъ лучшій по добротѣ своей, съ завода Костромскаго мѣщанина Алексѣя Ермолина, потомка того самаго кирпичника Тихона Алексѣева, по просьбѣ коего Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ возобновлена помянутая грамота, сохранившаяся до нынѣ и доставшаяся Ермолину отъ его предковъ.

Digitized by Google

Благодарное потомство. На двухъ боковыхъ противоположныхъ сторонахъ пьедестала годы: 1613 и 1851. Высота всего памятника отъ основанія 21 аршинъ; вѣсъ его 17,000 пудовъ, а съ фундаментомъ 140,000 пудовъ.

14-го Марта 1851 года совершилось торжественное открытіе памятника. Въ 9½ часовъ, въ присутствіи Гг. Военнаго Губернатора И. В. Каменскаго, Губернскаго Предводителя Дворянства Ѳ. Ѳ. Чагина, Ярославскаго Губернскаго Предводителя Дворянства А. А. Волкова, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купечества, потомкомъ Сусанина—Коробовскихъ бѣлопащцевъ, одновотчинныхъ съ Сусаниннымъ крестьянъ села Домнина и другихъ приглашенныхъ къ торжеству лицъ, началось въ Успенскомъ Соборѣ совершеніе Преосвященнымъ Леонидомъ божественной литургіи, по окончаніи которой произнесено соборнымъ священникомъ Вознесенскимъ приличное торжеству слово. За тѣмъ подняты были: чудотворная икона Ѳеодоровской Божіей Матери и принесенная изъ Ипатіева монастыря икона Тихвинской Богоматери, и открылся крестный ходъ отъ Собора къ памятнику, въ сопровожденіи всѣхъ вышеозначеныхъ лицъ. При появленіи церковныхъ хоругвей, выстроенный у святыхъ воротъ отрядъ войска отдалъ должную честь. Когда же духовная процессія дошла до лѣваго фланга баталіона, то оный, перестроившись въ колонну справа, двинулся вслѣдъ за процессіей, церемоніяльнымъ маршемъ, на Сусанинскую площадь, предшествуемый взводомъ жандармовъ. По прибытіи на площадь, войска построились вокругъ памятника, съ трехъ сторонъ его, а на четвертой передней сторонѣ памятника, къ Волгѣ, на устроенной для сего эстрадѣ, остановился крестный ходъ и всѣ вышепоименованныя лица, сопровождавшія оный. Видъ площади въ это время былъ истинно великолѣпный. Крыши окружающихъ площадь гостинныхъ дворовъ и другихъ зданій, балконы, окна, унизаны были зрителями, число коихъ простиралось до 30,000 человѣкъ. По окончаніи построенія войскъ, по данному Г. Военнымъ Губернаторомъ знаку, мгновенно упалъ съ памятника покровъ, и въ то же время войска отдали памятнику честь, и всѣ присутствовавшіе, равно какъ войска и народъ, воскликнули: «ура!» По второму знаку Г. Военнаго Губернатора, клики «ура!» умолкли, нижніе чины, сдѣлавъ на молитву, *сняли* киверa, и началось молебствіе съ водосвятіемъ и возглашеніемъ многолѣтія Императорскому Дому, при которомъ, какъ бы по чудному мановенію, воздухъ, въ одно мгновеніе, огласился дружнымъ Русскимъ «ура», не прерывавшимся во все время возглашенія многолѣтія. Послѣ сего Преосвященный Леонидъ, въ сопровожденіи знат-

Digitized by Google

нѣйшаго духовенства, освятилъ памятникъ окропленіемъ святою водою, и произнесъ краткую рѣчь, живо напомянувшую о великомъ подвигѣ Сусанина. За тѣмъ началась панихида. Всѣ съ умиленіемъ сердца приносили теплыя молитвы за упокой душъ великаго избранника на Царство Русское Царя Михаила Ѳеодоровича и поселянина Ивана Сусанина....

По окончаніи духовнаго обряда, крестный ходъ началъ обратное шествіе въ Соборъ, во время котораго военная музыка играла гимнъ: «Боже Царя храни!» вторимый цѣлымъ баталіономъ, и затѣмъ баталіонъ, сомкнувшись въ густую колонну, имѣя впереди взводъ жандармовъ, стройно прошелъ по-взводно, церемоніальнымъ маршемъ, вокругъ памятника и разошелся по казармамъ.

По окончаніи всей торжественной церемоніи, Г. Военный Губернаторъ съ Гг. Губернскими и Уѣздными Предводителями Дворянства, дворянами и чиновниками, отправился къ приготовленному отъ дворянъ для потомковъ Сусанина, Коробовскихъ бѣлопашцевъ, обѣденному столу, въ домъ купца Первушина, находящійся на площади, противъ самаго памятника. По прибытіи Преосвященнаго Леонида и по благословеніи имъ приготовленныхъ яствъ, Г-мъ Военнымъ Губернаторомъ провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома Его. Обширный залъ, (1) въ которомъ пировали бѣлопашцы, былъ украшенъ портретами и сложенными изъ оружія вензелями Государя Императора и Царя Михаила Ѳеодоровича, а также картиною, изображающею подвигъ Ивана Сусанина. Въ углахъ установлены были пирамидально, нарочно заказанныя отъ дворянъ, въ память сего торжества, для Коробовскихъ бѣлопашцевъ бархатныя шапки, опушенныя мѣхомъ, съ серебрянымъ позументомъ, на которомъ вышитъ день открытія памятника: «14-го Марта 1851 года.» Предъ окончаніемъ обѣда, староста бѣлопашцевъ произнесъ: «міряне мои, встаньте и молитесь!» — Потомъ, обратясь къ портрету Государя Императора, возгласилъ слѣдующіе тосты: 1, за Его Императорское Величество многія лѣта, 2, за Его Превосходительство Г. Военнаго Губернатора многія лѣта, и 3, за всѣхъ Костромскихъ дворянъ многія лѣта, и при каждомъ тостѣ всѣ бѣлопашцы восклицали: «ура!»—Потомъ староста провозгласилъ: «вѣчная патять Царю Михаилу Ѳеодоровичу и прадѣду Ивану Сусанину.»

(1) Тотъ самый, въ которомъ Его Императорское Величество, во время Высочайшаго путешествія Своего въ 1834 году чрезъ Кострому, удостоилъ милостиво принять бѣлопашцевъ съ хлѣбомъ и солью, и излилъ на нихъ Свои щедроты.

Digitized by Google

Посуда на этомъ обѣдѣ была вся чисто-Русская, деревянная; чашки, тарелки, стаканы, кружки, стопы были выкрашены пунцовою краскою съ позолоченными каймами; ложки и черенки у ножей и вилокъ были вызолоченные. По окончаніи обѣда, каждому изъ бѣлопашцевъ, въ память этого дня, была дана бархатная шапка, посуда, изъ которой они пили и ѣли, и по кульку, спитому изъ малиноваго бархата, съ золотыми звѣздами, наполненному разными сластями.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, въ этотъ день въ строю находившимся, комиссіонеромъ Костромскаго питейнаго откупа Г. Шиповымъ отпущено было по фунту рыбы и по двѣ чарки вина на человѣка.

Въ 4 часа по полудни отъ Костромскаго дворянства данъ былъ обѣдъ на 250 кувертовъ, по особому приглашенію. Во время обѣда, Г. Губернскимъ Предводителемъ Дворянства провозглашены были тосты: за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника и Супруги Его и всего Августѣйшаго Дома. Угощеніе было въ полномъ смыслѣ роскошное и, по Русскому хлѣбосольству, самое радушное. Народъ ликовалъ цѣлый день, какъ бы сочувствуя въ этомъ случаѣ своимъ прадѣдамъ, которые за 238 лѣтъ, въ этотъ самый день и въ этомъ самомъ городѣ, праздновали вступленіе на царство Михаила Ѳеодоровича. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ, и вокругъ памятника, усердіемъ городскаго общества, устроена была блестящая иллюминація, съ изображеніемъ 1613 и 1851 годовъ.

Въ теченіе цѣлаго дня, во всѣхъ церквахъ, происходилъ колокольный звонъ. Прекраснѣйшая погода вполнѣ благопріятствовала сему торжеству, совершившемуся въ отличномъ порядкѣ. Трудно изобразить тотъ восторгъ, то сердечное умиленіе, съ какими принимали участіе въ немъ всѣ сословія, все возрасты Костромскаго населенія. Весь день, до глубокой ночи, площадь покрыта была народомъ; да и теперь, когда прошло тому болѣе недѣли, передъ памятникомъ, во всякое время, стоятъ толпы народа, глядятъ на него, дивятся и передаютъ другъ другу событіе 1613 года,—событіе памятное имъ по изустнымъ преданіямъ дѣдовъ и прадѣдовъ ихъ.

И кому изъ Русскихъ не памятно, кому изъ чужеземцевъ не извѣстно достославное событіе 1613 года, даровавшее Россіи столько великихъ и мудрыхъ Правителей? Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двухъ вѣковъ, и прославленная, возвеличенная ими Россія, достигла нынѣ высшей степени благоденствія, посреди всеобщихъ смутъ и

Digitized by Google

волненій Европейскихъ. Но намъ ли изображать великіе подвиги вѣнценосныхъ потомковъ Царя Михаила? Чувствуемъ слабость силъ нашихъ и заключаемъ словами великаго проповѣдника: «*Аще бы «громы по человѣческу глаголать возмогли, тое развѣ витійство «достойно славы ихъ.*»

РАЗРѢШЕНІЕ СТАРИННОЙ ЗАДАЧИ.

ИЗЪ ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ *.

Авторъ, скрывшій имя свое и званіе подъ покровомъ церковной азбуки, назывался такъ:

Князь Симеонъ Шаховской-Ярославской.

Доказательство очень простое:

| | | |

950 четвертей, да денегъ 81 рубль. Въ книгахъ 1632 года онъ помѣченъ воеводою въ одномъ изъ городовъ Сибирскихъ; въ 1634 году былъ на службѣ, въ Можайскѣ въ полкахъ Князя Черкасскаго и Пожарскаго. Въ 1638 и 39 годахъ былъ съ воеводою бояриномъ Шереметевымъ на службѣ въ Крапивнѣ; въ 1641 и 42 годахъ, за Енисейскую и Терскую службу, получилъ придачи къ окладу 50 четвертей, да денегъ 30 рублей. Въ 1646 году назначенъ воеводою въ Кольской острогъ (Колы) Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна (4). Только изъ одной рукописи знаемъ, что въ 1653 году онъ жилъ въ своей отчинѣ (5). *

Князь Семенъ Ивановичь отличался особенною религіозностію и любовію къ святымъ обителямъ Рускимъ, составлялъ каноны и похвальныя слова въ честь нѣкоторыхъ угодниковъ Божіихъ, и за свое усердіе и вѣру былъ удостоенъ особенныхъ знаменій благоволенія Божія.

Изъ его сочиненій извѣстны:

1, Канонъ и акаѳистъ тремъ Святителямъ Московскимъ.

2, Слово похвальное Св. и блаженнымъ Христа ради юродивымъ, Прокофію и Іоанну, Устюжскимъ чудотворцемъ. Списано Дуксомъ Симеономъ Шаховскимъ. (6)

3, Акаѳистъ Пр. Сергію. О случаѣ къ составленію сего акаѳиста Келарь Троицкій Симонъ Азарьинъ повѣствуетъ слѣдующее: «Повѣда намъ во обители Святыя Троицы Князь Семенъ Ивановъ сынъ Шаховской: пловущи ми, рече студенымъ моремъ отъ града» глаголемаго Колы ко граду зовому Архангельску, лодьѣ же нашей, въ ней же плавахомъ, зельнѣ біемъ волнами морскими, намъ же всѣмъ живота уже отчаявшимся, и прощенія другъ отъ друга просящимъ и призывающимъ Преподобныхъ Зосиму и Савватія Соловецкихъ Чудотворцовъ: обычай бо бяше въ той странѣ плавающимъ по пучинѣ морстѣй призывати Соловецкихъ чудотворцовъ; мнѣ же въ бѣдѣ сущу едва на память взыде, и нача усты своими призывати Преподобнаго Сергія Чудотворца. На той же лодьѣ съ нами пловый сотникъ стрѣлецкой видитъ Пр. Сергія по морю ходяща и морскимъ волнамъ запрещающа, и видѣвъ то сотникъ сказавъ намъ свое видѣніе, и оттолѣ море неволнуемо и тишина

* Въ Моск. Вѣстникѣ 1829, кажется, года напечатаны записки Князя Семена Шаховскаго о Смутномъ періодѣ. Біографическія извѣстія см. въ Словарѣ Митр. Евгенія. *М. П.*

(4) Ibid.

(5) Рукоп. о новоявл. Чуд. Пр. Сергія въ библ. М. Д. Академіи, гл. 45.

(6) Описан. рукоп. библіот. Толстаго. Отд. II. N. 378.

Digitized by Google

бысть. Мы же, рече, быхомъ благонадежны и воздаша благодареніе Богу и Пречистой Богородицѣ и Преподобному Сергію, скорому помощнику, и молебное пѣніе воздаша и радости сердца наша исполнишася, и въ пристанище неволнуемое пріидоша, о имени Святаго спасени быша.—И паки тойже Князь Семенъ повѣда: егда пріидоша, рече, въ пристанище, и призвавъ Преп. Сергія Чудотворца на помощь, сотворивъ тому самому Пр. Сергію кондаки и икосы по подобію несѣдальныхъ, и егда пріиде къ намъ въ Сергіеву обитель, сія съ собою принесе. И положивъ предъ Архимарита и предъ нами; намъ же видѣвшимъ сія, повелѣвшимъ списати на новыя тетрати книгописцу, Ивану зовому Бабику. Той же Иванъ написавъ тѣ кондаки и икосы, принесе ко Архимариту и къ намъ, и повѣда намъ сице: егда, рече, написавшу ми та, и въ вечеру единыя страницы не дописавъ, и нынѣшняго утра рано повелѣвшу ми женѣ своей огня добыти, яко день настоящаго праздника Стрѣтенія Господня Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, хотящу же ми и страницу ону дописати, и еще ми на постели своей лежащу и ожидающу огня и помышляющу во умѣ своемъ: будетъ ли, рече, угодно сіе писаніе Преподобному Сергію? и бывшу ми въ забытіи и видѣвшу ми видѣніе сице, яко во снѣ: въ келарской келліи Архимарита Андреана купно съ Келаремъ и Казначеемъ стоящихъ и глаголющихъ ко образу Святыя Троицы: О Пресвятая Троице! угодно ли будетъ Твоему человѣколюбію почитатися писаніемъ симъ угоднику твоему Преп. Сергію? Мнѣже мнѣвшу столти въ заднемъ углѣ. И слышахъ гласъ отъ восточныя страны пришедшъ и глаголющь: достоитъ, рече, писаніе сіе къ чести и похвалѣ Пр. Сергія Угодника моего почитати. И возбнувъ бысть въ размышленіи и пріиде къ вамъ повѣдети, вкупѣ же и тетрати написанныя принесе. Мы же слышавше сія, повелѣша рѣчи его написати, и тѣ кондаки и икосы и книгописцовы рѣчи, яже сказа намъ, послаша на свидѣтельство ко святѣйшему Іосифу Патріарху Московскому и всея Россіи.» (7)

(7) Рук. о нов. Чуд. Пр. Серг. гл. 33. Въ главѣ 45 разсказывается, что въ 1633 году 25 Сентября, въ день памяти Пр. Сергія, въ вотчинѣ Князя Семена Шаховскаго произошелъ сильный пожаръ, который угрожалъ истребить все село и церковь. Шаховской взялъ образъ Пр. Сергія, и ставъ съ нимъ противъ «огненнаго пламени» началъ говорить икосы «своего творенія»,—и пожаръ внезапно прекратился.—Акаѳистъ Преп. Сергія, составленный Шаховскимъ, хранится въ Лаврской библіотекѣ.

Digitized by Google

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Лондонская торговля начинаетъ уже чувствовать на себѣ вліяніе выставки. Всѣ коммерческія сдѣлки значительно увеличиваются; кредитъ становится свободнѣе, и маклерамъ, въ Сити, множество работы. Иностранные коммиссары положили собираться каждый четвергъ, для разсужденія объ общихъ выгодахъ всѣхъ иностранцевъ, произведенія которыхъ будутъ на выставкѣ. Первый вопросъ идетъ о порядкѣ присутствія въ комитетѣ иностранныхъ представителей, и о гарантіи на собственность каждаго новаго изобрѣтенія, которое будетъ открыто на выставкѣ. Проэктъ закона объ этомъ послѣднемъ предметѣ не былъ еще предложенъ Парламенту.

Кромѣ этихъ приготовительныхъ мѣръ, коммиссія, распоряжающаяся выставкой, назначаетъ присяжныхъ для раздачи наградъ за вещи, относящіяся къ разнымъ отраслямъ промышленности. Они откроютъ свои дѣйствія 12 Мая, въ присутствіи депутата коммиссіи. Онъ обязанъ передать имъ всѣ нужныя свѣдѣнія, въ которыхъ они будутъ имѣть надобность; но самъ онъ не принимаетъ никакого участія въ ихъ совѣтѣ и не имѣетъ, въ немъ голоса. Присяжныхъ всегда будетъ равное количество, какъ со стороны Англичанъ, такъ и со стороны иностранцевъ. Сами присяжные выберутъ себѣ 30 вице-президентовъ; президентъ изберется коммиссіей. Въ значительные города отнесутся, чтобы они сообщили списокъ тѣхъ изъ отправившихся на выставку своихъ жителей, которые преимущественно могутъ быть избраны въ присяжные. Для обсуживанія какого бы то ни было предмета назначается не менѣе шести присяжныхъ, и не болѣе двѣнадцати. Все число ихъ будетъ простираться до 270 человѣкъ, и въ томъ числѣ 135 иностранцевъ. Коммиссія, по возможности, будетъ стараться назначать присяжныхъ изъ всѣхъ класовъ людей (сколько по ихъ званію, столько и по ремеслу), участвующихъ въ выставкѣ.

Издатели общаго каталога выставки, сообщая планъ его, объясняютъ между прочимъ, что въ каталогъ будутъ вноситься, *гратисъ*, имя и адресъ каждаго, участвующаго въ выставкѣ, и сверхъ того полное, но коротенькое описаніе выставленныхъ имъ предметовъ, которое, по мѣрѣ ихъ количества, можетъ занять иногда отъ четверти и половины до цѣлой страницы. Но описаніе качества произведеній и цѣны ихъ могутъ помѣщаться не иначе, какъ въ отдѣлѣ объявленій, и слѣдовательно съ платою. Желающіе помѣщать въ каталогѣ гравюры привезенныхъ ими на выставку предметовъ могутъ заказывать

Digitized by Google

ихъ на деревѣ, на камнѣ, на стали, на мѣди, раскрашенныя или нѣтъ, какія угодно, за извѣстную плату; потомъ онѣ будутъ помѣщаться уже безденежно въ каталогѣ, при самомъ текстѣ описаній. При первомъ изданіи каталога, обѣщаютъ выдать его пять тысячь экземпляровъ, но и затѣмъ предлагаютъ участвующимъ въ выставкѣ обезпечить себя подпискою, предвидя огромность требованія этого каталога за границу.

Между прочими вещами, приготовляемыми къ Лондонской всемірной выставкѣ, ее грозятъ завалить музыкальными инструментами. Одни Бельгійскіе инструментальные мастера приготовляютъ туда фортепьяно прямыя, фортепьяно квадратныя и фортепьяно *съ хвостами*, или флигели. Приготовляютъ духовые инструменты деревянные и мѣдные, скрипки и басы, совершенно сходные, по крайней мѣрѣ формой и величиной, съ Кремонскими; наконецъ приготовляютъ органы. Бельгійскіе мастера сознаются сами, что они никакъ не думаютъ затмить собой извѣстныхъ мастеровъ Англійскихъ, каковы напр. Гг. Эрардъ и Бродвудъ, превосходные флигеля которыхъ пріобрѣли себѣ такую громкую извѣстность; но въ промышленности есть одно важное обстоятельство—это цѣнность вещи сравнительно съ ея достоинствомъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи преимущество непремѣнно останется на сторонѣ Бельгійскихъ мастеровъ, которые достигли умѣнья дѣлать фортепьяно превосходныя, за цѣну значительно мѣньшую противу той, за какую во всѣхъ другихъ мѣстахъ, и особенно въ Лондонѣ, продаются фортепьяно самыя посредственныя.

Мы не знаемъ, какой порядокъ и какія правила будетъ соблюдать коммиссія, распоряжающая выставкой, при пробѣ музыкальныхъ инструментовъ и при ихъ состязаніи; но во время національной выставки въ Парижѣ, назначался, каждодневно, часъ, въ который инструментальные мастера могли приглашать публику на судъ своихъ инструментовъ; и этотъ часъ былъ часомъ страшнаго смѣшенія различныхъ звуковъ, часомъ жестокой междоусобной борьбы всѣхъ извѣстныхъ инструментовъ между собой! Но тамъ были только инструменты одной націи. Что же будетъ теперь, если къ жару состязанія присоединятся еще національныя чувства, если инструменты Англійскіе, Французскіе, Бельгійскіе, Австрійскіе, Прусскіе, не считая уже мелкихъ государствъ, захотятъ уничтожить другъ друга окончательно! Такой концертъ можетъ понравиться развѣ только тому Турецкому посланнику, о которомъ разсказываютъ слѣдующій анекдотъ: посланника, которому показывали всѣ Парижскія достопримѣчательности, захотѣли, между про-

Digitized by Google

чимъ, угостить и оперой. Когда опера кончилась, его спросили: какъ ему понравилась Французская музыка, и въ особенности оркестръ, на который сами Парижане смотрѣли какъ на одно изъ чудесъ свѣта. Посланникъ отвѣчалъ, что самое начало игры въ оркестрѣ доставило ему большое удовольствіе, но что все остальное не произвело на него сильнаго впечатлѣнія. Къ общему удивленію, оказалось, что начало, доставившее ему удовольствіе, было не что иное, какъ страшная какофонія, слышимая при настройкѣ инструментовъ. Этотъ только музыкальный *хашишъ* и могъ пріятно пощекотать его уши. Жаль, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Константинополѣ появилась Итальянская опера, слухъ Турецкихъ дилентантовъ сталъ не такъ дикъ и причудливъ; въ противномъ случаѣ Лондонская выставка музыкальныхъ инструментовъ могла бы доставить имъ совершенное удовольствіе.

Изъ всѣхъ Бельгійскихъ инструментальныхъ мастеровъ пальму первенства, безспорно, долженъ будетъ получить Адольфъ Саксъ. Это человѣкъ до того замѣчателеный, что и жизнь его и изобрѣтенія стоятъ разсказа хотя въ короткихъ словахъ.

Адольфъ Саксъ, сынъ Брюссельскаго инструментальнаго мастера, родился въ Лувенѣ, на границѣ Бельгіи и Франціи. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ развились въ немъ способности къ механикѣ и музыкѣ, и съ самыхъ раннихъ лѣтъ его тонкій слухъ помогалъ ему понимать всѣ тайны акустики. Въ томъ возрастѣ, когда другія дѣти только еще начинаютъ учиться какому-нибудь ремеслу, онъ ужъ былъ искуснымъ мастеромъ, и въ 19 лѣтъ представилъ на судъ знатоковъ инструментъ, изобрѣтенный имъ самимъ. Инструментъ былъ не новый; кларнетъ, но кларнетъ усовершенствованный и почти вовсе преобразованный. Знаменитый Фетисъ призналъ достоинства инструмента, и отдалъ мастеру справедливую похвалу. Саксъ занимался преимущественно усовершенствованіемъ военныхъ музыкальныхъ инструментовъ, и въ 1841 году выставилъ въ Брюсселѣ цѣлую коллекцію своихъ новыхъ изобрѣтеній, превосходство которыхъ успѣло уже пріобрѣсть довольно громкую извѣстность. Частная коммиссія, составленная для разсмотрѣнія его инструментовъ, и составленная изъ такихъ людей, какъ Беріо, Батта, Бенде ръ и т. п. объявила, что Саксъ заслуживаетъ золотую медаль; но главная коммисія, учрежденная для оцѣнки вещей, принадлежащихъ къ разнымъ отраслямъ промышленности, нашла, что Саксъ, для полученія такой награды, еще *слишкомъ молодъ*, и присудила ему медаль втораго разряда. Такой судъ соотечественниковъ заставилъ Сакса ос-

Digitized by Google

тавить Брюссель и уѣхать въ Парижъ. Это было въ 1842 году. Въ это время военно-музыкальные инструменты Французской арміи были въ страшномъ упадкѣ. Мастера шли по старой рутинѣ; шли слѣпо, можно сказать *глухо*, потому что тонъ мѣдныхъ инструментовъ довели до самой непріятной трескотни, даже до фальши. Саксъ явился съ десятью изобрѣтенными имъ превосходными инструментами, и, казалось, явился въ минуту благопріятную; но напротивъ, ему предстояла битва жестокая. Едва только рутинеры узнали, что онъ хочетъ представить свои инструменты правительству, и просить на нихъ патентъ и привилегію, они напали на него ожесточенной толпой. Новоизобрѣтатель грозилъ ихъ дряхлымъ, хриплымъ инструментамъ конечной гибелью, грозилъ имъ самимъ разоренiемъ, — и вотъ они начали вредить ему всѣми средствами. Едва только работники его мастерской начинали изучать и постигать его искусство, ихъ сманивали. Употребляли разныя интриги, чтобы стѣснить его въ дѣлахъ денежныхъ; скупали его заемныя письма, и потребовавъ по нимъ уплаты, заставили его войти въ новые долги за страшные проценты; работниковъ его до того сбивали, что нѣсколько разъ въ его мастерской не оставалось ни одного человѣка; и притомъ, разбѣгаясь отъ него, они ломали инструменты и машины, и однажды подложили даже огня, съ цѣлію сжечь его квартиру. Наконецъ начали издавать журналъ подъ именемъ «*Музыкальной Европы*», съ тѣмъ только, чтобъ писать противъ него. Въ этомъ журналѣ старались доказать, что онъ не самъ изобрѣлъ свои инструменты, а укралъ это изобрѣтеніе у какого-то Нѣмца. Однимъ словомъ, его хотѣли вдругъ и разорить, и обезчестить. Г. Карафа, знаменитый Неаполитанецъ, творецъ *Мазаніелло*, съ такой честью принятый во Франціи, членъ Парижскаго института, человѣкъ, получающій свое содержаніе отъ націи, тоже оказался жестокимъ противникомъ артиста болѣе близкаго по своему происхожденію Французамъ, чѣмъ онъ, Итальянецъ, и такъ же какъ онъ, пришедшій просить у націи убѣжища, но просить не какъ милости, а какъ награды за свои заслуги. Карафа, директоръ *Музыкальной Гимназіи*, видѣлъ также, что новизны, вводимыя Саксомъ, поведутъ, устроенное имъ заведеніе, къ совершенному преобразованію; а между тѣмъ лѣнь старости заставляла его страшиться труда, который неминуемо долженъ былъ пасть на него при этомъ преобразованіи.

Преслѣдуемый такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ, разоренный, обремененный долгами, презрѣнный, Саксъ долженъ былъ совсѣмъ потеряться; но ему нашлись и покровители. Великодушный генералъ

Digitized by Google

Рюминьи первый подалъ ему благородную руку свою, раскрылъ для него свой солдатскій кошелекъ и, въ послѣдствіи, обратилъ на него благосклонное вниманіе королевской фамиліи. Кромѣ того, его отстаивали, словами и перьями, Майербейеръ, едва ли не самый опытный судья въ инструментальномъ дѣлѣ, Галеви, Адамъ, а больше всѣхъ Гекторъ Берліозъ, этотъ неутомимый полемистъ, съ перомъ пламеннымъ, который, переходя отъ теоріи музыкальныхъстатей къ практикѣ композитора, превозносилъ вездѣ, гдѣ только могъ, инструменты Сакса. Короче, нѣсколько артистовъ и литераторовъ твердо защищали Сакса отъ всѣхъ клеветъ, вводимыхъ на него журналомъ: «*Музыкальная Европа*», который, впрочемъ, по своему дурному тону и по самой цѣли своей, скоро обнаружившейся передъ публикой, упалъ самъ собой.

Борьба длилась три года. Наконецъ, военный министръ, наскучивъ съ одной стороны повторяемыми просьбами Сакса испробовать ею инструменты, съ другой возраженіями противъ всѣхъ ихъ достоинствъ г-на Карафы, назначилъ имъ состязаніе въ родѣ турнира, который долженъ былъ, въ присутствіи присяжныхъ, рѣшить споръ между рутиною и прогрессомъ. Карафа составилъ себѣ оркестръ ихъ 45 трубачей, принадлежащихъ къ числу музыкантовъ консерваторіи и самой Музыкальной гимназіи, которые вмѣстѣ съ тѣмъ сами дѣлали свои инструменты, и были отчаянные фанатики старинной рутины. Саксъ долженъ былъ собрать такой же оркестръ, и собралъ его; но когда насталъ часъ состязанія, у него осталось только 38 человѣкъ,—остальные семь снова увлеклись стариной и не захотѣли быть его сообщниками. Король, который самъ желалъ поддержать сторону правую, и нисколько не былъ предубѣжденъ въ пользу школы Карафы, не иначе согласился на этотъ турниръ какъ съ тѣмъ, чтобъ три линейныхъ батальона и эскадронъ конныхъ егерей прикрывали прогрессистовъ отъ буйной толпы, готовой хлынуть за рутинѣрами. Состязаніе было назначено на Марсовомъ полѣ.

Саксъ явился съ 38 человѣками. Толпа мастеровъ противной партіи, женщины, дѣти, которымъ сказали, что нововводитель разоряетъ ихъ, толпа бродягъ и зѣвакъ встрѣтили артиста уханьемъ, свистомъ, ругательствами и даже небольшими камешками. Войска съ трудомъ удерживали и разгоняли народъ прикладами; подъ этимъ прикрытіемъ Саксъ и друзья его добрались наконецъ, кое, какъ до мѣста. Надо было начинать.

Программой назначалось состязателямъ сыграть по три пьесы, по двѣ одинакихъ, для сравненія, и третью по произволу каждаго.

Digitized by Google

Оркестръ Сакса былъ снабженъ полнымъ количествомъ инструментовъ, имъ изобрѣтенныхъ и улучшенныхъ. Оркестръ синьора Каракфы долженъ былъ надувать старинныя трубы, годныя только развѣ на кухонную посуду. Вынули жеребій кому начинать. Досталось синьору Карафѣ. Непріятельскія дѣйствія противу Сакса начались страннымъ шипѣньемъ и трескомъ.

Пьеса сыграна. Оркестръ Сакса начинаетъ ее же, и черезъ нѣсколько минутъ слушатели любопытные, слушатели безпристрастные и часть толпы, непринимающая въ дѣлѣ никакого участія, начинаютъ аплодировать!... Играютъ вторую пьесу, синьоръ Карафа опять побѣжденъ. Наконецъ, когда оркестръ Сакса заигралъ третью пьесу, имъ самимъ избранную, тутъ ужъ и толпа непріятельская начала ему неистово аплодировать и кричать: «браво!»

Огромное превосходство въ количествѣ, силѣ и чистотѣ тоновъ, вѣрность каждой ноты безукоризненная, и чрезвычайная легкость исполненія — таковы оказались преимущества, въ которыхъ присяжные не могли отказать инструментамъ Сакса. Творецъ *Мазаніэлло* вмѣстѣ съ его Гимназіей былъ разбитъ въ пухъ, и эта побѣда вдругъ совершенно измѣнила обстоятельства Сакса; военный министръ (Маршалъ Сультъ) отдалъ приказъ, чтобы инструменты его были введены во всей Французской арміи.

Къ Лондонской выставкѣ Сакъ приготовилъ цѣлую партію саксофоновъ,—инструмента совершенно новаго, составленнаго имъ изъ десяти колѣнъ, металлическаго, но съ деревяннымъ мундштукомъ, какъ у кларнета. Никогда еще не слыхали ни въ одномъ духовомъ инструментѣ тона такого сильнаго, такого чистаго и такого пріятнаго, какой издаетъ *саксофонъ*. Самая низкая нота его равняется четвертой струнѣ контрабаса, между тѣмъ какъ высокая доходитъ до самой тончайшей трели пѣвчихъ птицъ: это огромный голосъ человѣческій съ неизмѣримой гаммой, голосъ густой, полный, свѣтлый, чистый, увлекательный.

Но довольно объ инструментахъ; перейдемъ и мы отъ нихъ къ голосамъ человѣческимъ, къ пѣвцамъ Итальянской оперы.

Амтеріи, слѣдящіе постоянно за оперой и имѣющіе, сверхъ того, преимущество (впрочемъ очень незавидное) переносить свои театральныя воспоминанія лѣтъ за тридцать или за сорокъ назадъ, съ восхищеніемъ повторяютъ намъ имена басовъ, теноровъ, баритоновъ, контръ-альто, сопрано, которые, нѣкогда, приводили ихъ въ восторгъ чистотой и силой голосовъ своихъ. Они, вздыхая,

Digitized by Google

сравниваютъ эти могучія натуры прежнихъ пѣвцовъ съ тощими голосками нынѣшнихъ, занимающихъ тѣ же самые амплоа, и по ихъ мнѣнію, уменьшеніе въ настоящее время хорошихъ голосовъ есть дѣло рѣшеное, не подверженное никакому сомнѣнію. Отчего же хорошіе голоса становятся рѣже? Не по тѣмъ ли самымъ законамъ физическимъ, по которымъ остываетъ земной шаръ, появляются пятна въ солнцѣ, магнитная стрѣлка измѣняетъ свое направленіе, и температура теряетъ правильный ходъ свой?... Или отъ причинъ моральныхъ, какъ, напримѣръ, отъ испорченности нравовъ и отъ сильныхъ ощущеній жизни неумѣренной? Что касается до насъ, мы скажемъ на этотъ вопросъ вотъ что: въ старину, если во Франціи оказывался пѣвецъ съ хорошимъ голосомъ, ему повелѣвалось закономъ поступить въ Королевскую академію музыки, и онъ былъ обязанъ повиноваться, подъ страхомъ заключенія въ Бастилію. Съ помощью этого средства, немножко сильнаго, но за то очень дешеваго, труппа Парижскаго опернаго театра состояла, если иногда изъ пѣвцовъ не слишкомъ высоко искусныхъ, такъ по крайней мѣрѣ всегда съ чистыми, свѣжими голосами. Теперь нѣтъ никакихъ подобныхъ привиллегій ни для одного театра, и вотъ они должны другъ передъ другомъ наносить цѣну тенорамъ, соразмѣряя ее впрочемъ съ тѣмъ, если у тенора грудное *do* или нѣтъ.

Кромѣ затрудненія платить хорошимъ пѣвцамъ огромныя деньги, теперь Итальянская опера сдѣлалась необходимою принадлежностью каждаго значительнаго города. Она есть и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Мадридѣ, и въ Петербургѣ, и въ Лиссабонѣ, и въ Константинополѣ, въ обѣихъ Америкахъ и наконецъ даже въ Африкѣ!... Сколько же, спрашивается, нужно хорошихъ пѣвцовъ, чтобъ пополнить ими всѣ эти сцены? А изъ этого разсчета и можно вывесть, кажется намъ, заключеніе безошибочное, что въ настоящее время хорошіе голоса не уменьшились, но требованіе на нихъ такъ велико, что натура не въ состояніи производить ихъ въ томъ количествѣ, въ какомъ они требуются.

Точно такъ, недавно, понадобилась на Брюссельскій театръ, въ помощь двумъ прежнимъ примадоннамъ, г-жамъ Медори и Альдини, третья примадонна, понадобилась для большаго разнообразія сцены и собственно въ угодность высшей публики, принявшей подъ свое покровительство Брюссельскую Итальянскую оперу. Содержателю театра, г. Бокка, было довольно трудно сыскать такую совершенную артистку, какую онъ желалъ; но онъ придержался стариннаго и всѣмъ извѣстнаго правила: «ищите и найдете,» — и

Digitized by Google

дѣйствительно нашелъ дѣвицу Вѣра, которая на дняхъ дебютировала съ блистательнымъ успѣхомъ.

Возражая противъ мнѣнія, что въ наше время хорошіе голоса пѣвцовъ становятся рѣже, мы однакожъ соглашаемся съ тѣмъ, что хорошіе пѣвцы дѣйствительно сдѣлались у насъ рѣдкостью, если только въ числѣ хорошихъ пѣвцовъ считать тѣхъ артистовъ, которые соединяютъ въ себѣ талантъ лирическій съ драматическимъ, чистоту и пріятность голоса съ ученой обработкой его. Дѣвица Вѣра имѣетъ всѣ эти качества. Она изучила вполнѣ духъ музыки Верди, нынѣ господствующей въ Италіи и духъ Французской музыки, надъ которой прежде Итальянцы смѣялись, но которая теперь сдѣлалась конечнымъ выраженіемъ хорошаго вкуса. Вѣра превосходно исполнила легкую и остроумную музыку *Любовнаго Напитка*; отличительная черта игры ея—это какое-то благородство тона и ясность произношенія, къ сожалѣнію очень рѣдко встрѣчаемыя въ артистахъ. По дебюту ея заключаютъ, что она будетъ имѣть совершенный успѣхъ въ операхъ буффо, Россини. Теперь ставятъ для нея *la Fille du régiment*.

Успѣхъ на сценѣ такой даровитой артистки, какъ дѣвица Вѣра, нисколько не удивителенъ; но удивительно, что на театрѣ Gymnase имѣла полный успѣхъ новая пьеса Гг. Барріэра и Марка Фурнье, *Манонъ Леско*. Вывесть на театръ потерянную женщину, мошенника и безнравственнаго старика—это такая попытка, за которую ужъ были наказаны, паденіемъ пьесы, писатели, попробовавшіе заинтересовать публику героями знаменитаго, но слишкомъ вольнаго и довольно пустаго романа аббата Прево. На этотъ разъ, однакожъ, полный успѣхъ, говорю я, увѣнчалъ новую попытку. Авторы умѣли составить свою пьесу съ такимъ искусствомъ, умѣли сдѣлать выборъ изъ сценъ романа съ такимъ тактомъ, и наконецъ подвергли страсти героевъ такому тонкому психологическому анализу, что прихотливая публика приняла какъ нельзя лучше тѣ самыя лица, на которыя прежде не хотѣла смотрѣть. Брессанъ и Роза-Шери, игравшіе роли *Дегріо* и *Манонъ*, поддержали своимъ превосходнымъ талантомъ и тѣ мѣста, которыя не такъ тщательно были обработаны авторами. Нѣтъ артистки, которая въ сценахъ затруднительныхъ была бы такъ находчива, и умѣла бы, по мѣрѣ надобности, показать столько нѣжности, столько увлекательности, и наконецъ столько строгой невинности, какъ Роза-Шери. Брессанъ въ своей роли былъ чувствителенъ, страстенъ, превосходенъ. Жофроа сыгралъ съ свойственной ему, неподражаемой естествен-

Digitized by Google

ностью двусмысленное лицо сержанта Леско, нѣсколько смягченное авторами.

—

Лѣтъ за тридцать назадъ, жилъ въ Парижѣ знаменитый артистъ, считавшійся въ свое время первымъ виртуозомъ на арфѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ отличнымъ композиторомъ. Его пьесы, аранжированныя для инструментовъ, и его романсы были въ страшной модѣ. Другихъ не играли и не пѣли. Онъ велъ жизнь блестящую и роскошную, въ кругу аристократовъ и капиталистовъ; давалъ въ великолѣпномъ жилищѣ своемъ вечера, на которые собирались люди лучшаго тона.

Этотъ образъ жизни не разстроилъ бы артиста, пріобрѣтавшаго огромные деньги своимъ талантомъ; но онъ былъ игрокъ, также какъ и все тогдашнее Парижское общество. Наконецъ онъ дошелъ до крайности; ему нужны были деньги, и для пріобрѣтенія ихъ онъ придумалъ средство самое смѣлое. Онъ пригласилъ къ себѣ на музыкальный вечеръ весь Парижскій фашіонабельный диллетантизмъ. Программа объявляла пьесы особенно занимательныя. Въ назначенный часъ, толпа дамъ, богато разряженныхъ, наполнила салонъ счастливаго артиста. Принявъ ихъ со всей тогдашней Французской вѣжливостью, онъ вдругъ исчезъ, сказавъ, что ему надобно сдѣлать окончательныя приготовленія къ концерту. Между тѣмъ музыканты стояли на своихъ мѣстахъ, и только его одного не доставало. Цѣлый часъ прошелъ въ ожиданіи, а настоящая причина его отсутствія никому не приходила и въ голову. Наконецъ менѣе терпѣливые начали спрашивать, наводить справки, и скоро ропотъ негодованія огласилъ концертную залу.... Правду сказать, было за что и сердиться: амфитріонъ уѣхалъ, и уѣхалъ не одинъ; въ то время была страшная мода на драгоцѣнные Индійскіе кашемиры, которыми дамы соперничали одна передъ другой; онъ захватилъ съ собой всѣ самые дорогіе ихъ салопы и шали, которые именно съ этой цѣлью велѣлъ сложить въ особую комнату, какъ будто для того, что тамъ они будутъ цѣлѣе.

Разсчетъ артиста, кончившаго свой карьеръ въ Парижѣ поступкомъ достойнымъ Картуша, былъ если не совсѣмъ честенъ, такъ за то вѣренъ: цѣнность добычи, которую онъ похитилъ у прекрасныхъ дамъ, и съ которой уѣхалъ въ Кале, простиралась до ста тысячъ франковъ. Прежде чѣмъ успѣли открыть, по какой дорогѣ онъ отправился, онъ былъ уже въ Англіи. Разумѣется, что происшествіе это надѣлало много шуму въ Парижѣ. Между тѣмъ артистъ преспокойно поживалъ себѣ въ Англіи, гдѣ, по своему

Digitized by Google

таланту, былъ тоже принятъ очень благосклонно. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ любимымъ музыкантомъ всѣхъ Лондонскихъ фашіонаблей, устроивалъ прекрасные концерты для каждаго сезона, и могъ выбирать себѣ какихъ угодно учениковъ и учениць изъ множества желающихъ брать у него уроки. Новыя продѣлки, не столько важныя, какъ въ Парижѣ, заставили его, наконецъ, оставить и Англію. Онъ возвратился на твердую землю, но тщательно старался на пути своемъ не захватить Франціи, воздухъ которой былъ не совсѣмъ здоровъ для него. Остановившись въ Брюсселѣ, онъ далъ тамъ концертъ вмѣстѣ съ одной Итальянской пѣвицей, и потомъ отправился въ Америку, надѣясь составить тамъ одно изъ тѣхъ баснословныхъ состояній, какими авторы комедій и водевилей, часто награждаютъ у насъ Американскихъ дядюшекъ. Однакожъ арфа его не удалась въ Новомъ Свѣтѣ. Но находчивый артистъ нашелся и тутъ, какъ поправиться; онъ выдумалъ новость: *концерты-прогулки*, которыми теперь восхищается весь Нью-Йоркъ, и которыхъ до сихъ поръ не видывалъ и не слыхивалъ ни Парижъ ни Лондонъ. Какъ соединяются концерты съ прогулками, или прогулки съ концертами, этого мы къ сожалѣнію не можемъ объяснить нашимъ читателямъ, потому что и фельетонъ, изъ котораго мы извлекаемъ эти извѣстія, не объясняетъ этихъ подробностей.

—

Говорятъ, что будто бы знаменитый композиторъ Спонтини (1) оставилъ послѣ себя записки, и что онѣ скоро могутъ выйдти въ свѣтъ. Не многіе артисты имѣли случай собрать столько любопытныхъ подробностей о событіяхъ и людяхъ, ихъ времени, какъ Спонтини. Если онъ дѣйствительно оставилъ послѣ себя записки, и притомъ былъ въ нихъ справедливъ и откровененъ, имъ стоитъ только придать литературный лоскъ и форму, и они составятъ тогда чтеніе чрезвычайно любопытное. Къ несчастію, извѣстныя неровности въ характерѣ знаменитаго композитора заставляютъ сомнѣваться, чтобы онъ оставилъ послѣ себя точную свою исповѣдь. Спонтини имѣлъ много маленькихъ слабостей, много пустаго тщеславія. Можно держать пари, что онъ описывалъ только такія вещи, которыя могутъ придать ему больше чести и славы. Кромѣ того, онъ имѣлъ претензію быть или, по крайней мѣрѣ, казаться сколько возможно моложе; и эта претензія заставила его обмануть на цѣлыя десять или двѣнадцать лѣтъ даже своихъ біографовъ, ко-

(1) Онъ умеръ въ Февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, въ своей виллѣ, находящейся въ Римской области.

Digitized by Google

торые относились къ нему за свѣдѣніями о времени его рожденія.

Самое любопытное въ запискахъ его будетъ то, что онъ принадлежалъ ко всѣмъ школамъ, скажемъ больше, ко всѣмъ націямъ, былъ при многихъ дворахъ и дирижировалъ многими оркестрами. Прежде всего Итальянецъ, потому что родился въ Римской области, онъ получилъ свое музыкальное образованіе въ Неаполитанской консерваторіи. Можетъ быть, онъ скажетъ въ своихъ запискахъ, что его оперы, которыя давались въ Римѣ, въ Венеціи въ Неаполѣ и въ Сициліи, составили ему въ отечествѣ уже блестящее имя еще до пріѣзда его во Францію; но въ такомъ случаѣ покажется удивительнымъ, зачѣмъ же онъ уѣхалъ отъ славы своей во Францію, давать уроки? Однакожъ, если онъ скажетъ это, ему надобно будетъ повѣрить на слово.

Еслибъ онъ былъ хоть сколько-нибудь откровененъ, какъ много узнали бы мы тогда самыхъ любопытныхъ и забавныхъ подробностей о его дебютѣ въ Парижѣ. Эта глава въ его запискахъ была бы полной и вѣрной картиной всѣхъ испытаній, которымъ подвергаются молодые артисты въ этой столицѣ. Онъ разсказалъ бы намъ о трехъ своихъ паденіяхъ въ Комической оперѣ, которыя онъ, спасая свое самолюбіе, приписывалъ вліянію какой-то злой поэмы и вліянію духа партій; разсказалъ бы наконецъ обо всѣхъ своихъ дипломатическихъ происках, употребленныхъ имъ для пріобрѣтенія права поставить на сцену *Весталку*, о которой ни дирекція Большой оперы, ни актеры не хотѣли и слышать. Извѣстно, что въ этомъ случаѣ помогла ему Императрица Жозефина, которая сдѣлала его директоромъ своей капеллы.

Говоря объ эффектѣ, произведенномъ *Весталкой*, Спонтини можетъ дать полную волю своему тщеславію, потому что въ лѣтописяхъ оперы не было еще успѣха столько блестящаго и столько продолжительнаго, какъ успѣхъ *Весталки*. Онъ не скажетъ только, что эта прекрасная пьеса, которая считалась плодомъ Спонтиньевскаго вдохновенія, была составлена имъ не иначе, какъ съ большимъ трудомъ, и что каждый нумеръ ея почти снова былъ передѣланъ во время репетицій. Онъ напомнитъ, что *Фернандъ Кортецъ* прибавилъ новый тріумфъ къ его извѣстности, но промолчитъ о паденіи *Олимпіи*, или отнесетъ это въ испорченности вкуса.

Спонтини, родившись, какъ уже сказали мы, Итальянцемъ, сдѣлался впослѣдствіи Французомъ; потомъ онъ былъ и Нѣмцемъ, когда, во время реставраціи, Прусскій Король сдѣлалъ его начальникомъ своей капеллы. Любопытно знать — и вѣроятно записки объяснятъ намъ, — почему авторъ *Весталки*, сначала принятый

Digitized by Google

въ Берлинѣ со всѣмъ должнымъ уваженіемъ къ такому артисту, впослѣдствіи заставилъ совсѣмъ иначе смотрѣть на себя и музыкантовъ и общество. Любопытно узнать причину жаркой ссоры его съ журналистомъ Рейльштабомъ. Гордый артистъ, можетъ быть, разскажетъ намъ и то обстоятельство, по какому случаю вмѣшалъ онъ имя Короля въ свою полемику, которую велъ съ Рейльштабомъ. За эту неосторожность онъ былъ приговоренъ къ долговременному заключенію, отъ котораго избавился только великодушнымъ прощеніемъ Короля.

Записки Спонтини, вѣроятно, сообщатъ намъ обо всѣхъ этихъ вещахъ и многихъ другихъ. А что навѣрное не будетъ въ нихъ забыто — это его почетныя музыкальныя должности при дворахъ, списокъ его орденовъ и списокъ академическихъ титуловъ.

—

Парижскіе музыкальные журналы объявляютъ о появленіи, или лучше сказать, о возвращеніи стариннаго соперника Паганини, который, въ эпоху громкой славы этого удивительнаго артиста, куда-то скрылся, а теперь, появившись снова, грозитъ, какъ говорятъ, сдѣлать совершенное преобразованіе въ скрипичной игрѣ. Мы что-то худо этому вѣримъ. Паганини, какъ извѣстно, провелъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, гдѣ его талантъ усовершенствовался такъ сказать, нуждой и лишеніями. Струны на его скрипкѣ постепенно обрывались, и наконецъ изъ четырехъ оставалась только одна, изъ которой онъ постепенно достигъ искусства извлекать звуки до тѣхъ поръ невѣдомые. Соперникъ его, для усовершенствованія своей игры, не имѣлъ счастья попасть въ тюрьму, но онъ осудилъ самъ себя на долговременное заключеніе, въ продолженіе котораго, говорятъ, сдѣлалъ тоже много новыхъ открытій въ безконечно богатыхъ, въ безконечно разнообразныхъ тонахъ и звукахъ скрипки. Другіе, напротивъ, увѣряютъ, что этотъ соперникъ Паганини никогда не имѣлъ никакого таланта, что соперничество съ великимъ артистомъ существовало только въ его воображеніи, и что умственныя способности его потерялись въ усовершенствованіи скрипичной игры, точно также, какъ потерялись умственныя способности многихъ въ отысканіи философскаго камня. Въ такомъ случаѣ появленіе этого чудака на музыкальную сцену будетъ для него самымъ горькимъ разочарованіемъ.

Паганини имѣлъ только одного соперника, и этотъ соперникъ былъ знаменитый Польскій скрипачь Липинскій. Этотъ артистъ, который имѣлъ дѣйствительно огромный талантъ и огромную репутацію, нарочно ѣздилъ въ Италію, чтобъ предложить знамени-

Digitized by Google

тому Женевскому скрипачу состязаніе, въ которомъ однакожъ былъ побѣжденъ. Впослѣдствіи времени онъ выждалъ своего счастливаго соперника въ Варшавѣ, своемъ національномъ городѣ, и потому ли, что здѣсь, поддерживаемый соотечественниками, онъ больше имѣлъ самоувѣренности, или потому, что соотечественники, увлеченные чувствомъ патріотизма, были пристрастны къ нему, только на этотъ разъ побѣда осталась на его сторонѣ. Паганини самъ отдавалъ Липинскому полную справедливость, и называлъ его *вторымъ* скрипачемъ въ мірѣ. Имени *перваго* скрипача онъ никогда не называлъ, но разумѣется, считалъ имъ самого себя.

Говоря о Паганини, нельзя не вспомнить, что тѣло этого знаменитаго и вмѣстѣ страннаго артиста до сихъ поръ не погребено. Женева не дала ему мѣста на своихъ кладбищахъ за неисполненіе передъ смертью христіанскихъ обязанностей, и за то, что Итальянцы, до сихъ поръ еще суевѣрные, никакъ не перестаютъ думать, что онъ имѣлъ сношеніе съ нечистымъ духомъ. Дѣло, которое ведетъ объ этомъ сынъ Паганини съ Женевскимъ магистратомъ, до сихъ поръ еще не кончено, и, въ ожиданіи его окончанія, набальзамированное тѣло артиста стоитъ въ одномъ изъ Женевскихъ его палаццо, гдѣ иностранцы дѣлаютъ ему посѣщенія. Паганини, который такъ много дѣлалъ странностей въ жизни своей, какъ будто бы продолжаетъ ихъ и послѣ смерти....

—

Богатый владѣлецъ, изъ Валлонской провинціи, заказалъ братьямъ одного Брюссельскаго монастыря работу, которая навѣрное займетъ ихъ на 20 лѣтъ. Она состоитъ въ томъ, чтобъ списать «*Подражаніе Іисусу Христу*», аббата д'Ассансъ, готическими буквами. Рукопись займетъ не менѣе 670 страницъ, въ 75 сантиметровъ длины и 50 ширины. Кромѣ того, они должны сдѣлать къ тексту 114 эстамповъ, снятыхъ съ картинъ лучшихъ мастеровъ Фламанской школы, каковы напр. Фанъ-Эйкъ, Метлингъ, Пурбусъ, Клейсъ и другіе. Края страницъ, на которыхъ будетъ писанъ текстъ, должны украситься гирляндами и другими орнаментами по голубому съ золотомъ полю. Монахи уже начали этотъ огромный трудъ.

—

Въ числѣ иностранцевъ, живущихъ въ Парижѣ, есть одинъ очень знатный Англичанинъ Лордъ Гордонъ. Почтенный островитянинъ имѣетъ супругу, женщину еще очень красивую, и двухъ дочерей, уже совершенныхъ дѣвицъ. На дняхъ получилъ онъ оффиціальное приглашеніе слѣдующаго содержанія: «Префектъ Сен-

Digitized by Google

скаго департамента, отъ имени муниципальнаго корпуса, покорнѣйше проситъ г-на Лорда Гордона, г-жу Леди Гордонъ и дочь ихъ (leur fille) сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ и проч.» У Англичанина двѣ дочери, а приглашаютъ только одну! Ни которой изъ двухъ не хочется быть Сандрильоной. Закладываютъ экипажъ, нисколько не похожій на тыкву (1), и пару лошадей, которыя имѣютъ развѣ только то сходство съ мышами, что онѣ сѣрой масти. Милордъ беретъ обѣихъ дочерей; только, чтобъ исправить ошибку пригласительнаго билета, прибавляетъ къ слову fille букву s.

Пріѣзжаютъ. Швейцаръ, которому дана была очень строгая инструкція, смотритъ билетъ и замѣчаетъ прибавку милорда. Онъ становится въ дверяхъ: «одна миссъ можетъ войдти,—говоритъ онъ, другая нѣтъ....» Милордъ сердится, но это нисколько не помогаетъ. Все семейство возвращается домой.

На другой день жалоба Англійскому посланнику; вся дипломатія взволновалась.... Началась переписка, но переписка больше колкая, чѣмъ примирительная. Наконецъ префектъ узнаетъ, въ чемъ дѣло, и пишетъ къ милорду извинительное письмо, стараясь, сколько возможно, своей собственной вѣжливостью загладить невѣжливость своего швейцара. Не знаемъ, какъ обиженный Лордъ принялъ это письмо, но знаемъ, по крайней мѣрѣ, что онъ и семейство его были очень неловко лишены удовольствія присутствовать на балѣ, гдѣ было 5000 человѣкъ, и знаемъ притомъ, что Лордъ Гордонъ родственникъ.... Королевы Викторіи! Политика Франціи не можетъ похвастать въ этомъ случаѣ своей тонкостью, а развѣ только солдатской исполнительностью Префектова швейцара.

—

Въ концѣ Января нынѣшняго года, молодая дѣвушка, красоты замѣчательной, одѣтая съ нѣкоторымъ щегольствомъ, но которой черты лица и поступки доказывали безуміе, проходила по улицѣ мучениковъ въ Парижѣ. Одинъ изъ жителей тамошняго квартала, человѣкъ очень почтенный, г. Лавилль, желая укрыть несчастную отъ нескромнаго любопытства толпы, ввелъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ жена Лавилля оказала ей самыя заботливыя попеченія.

На всѣ вопросы о ея имени и фамиліи, сумасшедшая не отвѣчала ни слова. Но она сѣла къ письменному столу и написала стихи, въ которыхъ выразилась самая пламенная любовь, причина ея сумасшествія.

(1) Смотри Сандрильону.

Digitized by Google

Черезъ нѣсколько дней г. Лавилль напечаталъ въ журналѣ Constitutionnel (который и сообщаетъ подробности этого происшествія), объявленіе, что дѣвушка, принятая имъ, умерла. Она старалась уморить себя голодомъ, и въ продолженіе семидесяти двухъ часовъ согласилась только одинъ разъ принять немного пищи. Всѣ усилія науки ничего не могли сдѣлать противъ принятаго ею намѣренія. Она впала въ страшныя конвульсіи, продолжавшіяся около двухъ часовъ, и умерла, повторяя имя Роберта. Всѣ свѣдѣнія о ея имени, родныхъ и происхожденіи ограничивались тѣмъ, что бѣлье ея было замѣчено буквами: Э. Б.

Теперь трогательная исторія несчастной объяснилась.

Эмилія Б..., дочь богатаго Бельгійскаго кузнечнаго мастера, должна была, по приказанію отца своего, выйдти за сына Лувенскаго пивовара, состояніе котораго всѣмъ соотвѣтствовало состоянію ея отца. Но чувства дѣвушки были уже увлеченны другимъ.

Она страстно любила молодаго человѣка, котораго звали Робертъ Д..., и который былъ вмѣстѣ и писателемъ и живописцемъ, но, къ несчастью, не пользовался благосклонностью фортуны, т. е. просто онъ не былъ богатъ. Эмилія сама занималась литературой, и нѣкоторые стихи ея печатались въ журналахъ. Умъ ея былъ восторженный, характеръ романическій, большую часть времени она проводила за письменнымъ столомъ.

Когда отецъ, котораго непоколебимая твердость была извѣстна ей, объявилъ, что она должна выкинуть изъ головы всѣ романическія мечты свои, и просто обвѣнчаться съ пивоваровымъ сыномъ, она тотчасъ извѣстила объ этомъ молодаго артиста. Вмѣстѣ придумывали они средства къ спасенію, и Эмилія не находила другаго, какъ общую смерть!... Робертъ, у котораго въ головѣ вертѣлась другая мысль, просилъ ее отложить на нѣсколько времени это жестокое и послѣднее средство.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда происходило у нихъ это грустное совѣщаніе, онъ отправился въ кофейную, гдѣ обыкновенно проводилъ вечера пивоваровъ сынъ. Между ими завязалась сора. Пощечина, полученная однимъ изъ нихъ, была достаточнымъ предлогомъ для дуэли, на которой Робертъ былъ убитъ на повалъ, проколотый въ грудь шпагой.

На другое утро послѣ этого происшествія Эмилія Б.... исчезла изъ отцовскаго дома, взявъ съ собой свои драгоцѣнности и небольшую сумму денегъ. Всѣ поиски, сдѣланные въ Бельгіи для открытія слѣдовъ ея, остались напрасны.

Digitized by Google

Когда описаніе несчастной молодой дѣвушки, найденной въ улицѣ Мучениковъ, и объявленіе о кончинѣ ея г-мъ Лавиллемъ, попалось на глаза Г. Б...., ея отцу, въ Парижскомъ журналѣ, онъ понялъ, что это должна быть дочь его, и тотчасъ же отправился въ Парижъ, къ г-ну Лавиллю. Когда ему показали вещи ея и стихи, онъ увѣрился въ страшной истинѣ. Старикъ горько плакалъ и терзался раскаяніемъ, что онъ самъ былъ причиной смерти своей дочери. Онъ показалъ г. Лавиллю трогательное письмо, которое она оставила, покидая родительскій домъ, и нѣсколько стиховъ ея, доказывающихъ, что эта дѣвушка имѣла талантъ несомнѣнный.

Когда мы знаемъ, что это происшествіе истинное, оно насъ трогаетъ; но пусть попробуетъ кто-нибудь въ наше время написать изъ него романъ. Можно сказать навѣрное, что романъ будетъ принятъ публикой холодно — и публика будетъ права. Романъ долженъ быть живой картиной нравовъ и чувствъ цѣлой массы общества, а не изображеніемъ исключительности и чувствъ эксцентрическихъ. Конечно, и въ наше время есть еще много женщинъ, которыя глубоко умѣютъ чувствовать и нисколько не разучились любить; но будь ихъ хоть тысячи, а на каждую изъ нихъ все будутъ смотрѣть какъ на анахронизмъ!

«Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!. .»

—

Вотъ еще происшествіе истинное и тоже довольно трогательное; но здѣсь по крайней мѣрѣ трогательное соединено съ забавнымъ, и слѣдовательно это происшествіе больше въ современномъ духѣ. Оно случилось тоже въ Парижѣ.

Городовой сержантъ взялъ подъ караулъ небольшую дѣвочку, за бродяжничество съ нищими, и отправилъ ее въ префектуру полиціи. Когда арестантку вели черезъ площадь Hôtel de ville, старикъ, въ платьѣ Овернскаго крестьянина, пройдя за ней нѣсколько шаговъ, и вглядѣвшись пристально ей въ лицо, вскрикиваетъ: «Это она! это она! дочь моя!» потомъ онъ бросается къ дѣвочкѣ, схватываетъ ее и хочетъ вести за собой. Солдаты ему замѣчаютъ, что онъ долженъ идти съ ними въ префектуру, и тамъ объяснить обо всемъ. Старикъ ничего не хочетъ слушать, онъ хочетъ только взять свою дочь, которая тоже рвется къ нему и кричитъ: «Папа, папа! возьми меня!» На этотъ споръ являются городовые сержанты и стараются вразумить добряка, который въ страшномъ ожесточеніи проклинаетъ всѣ полицейскія власти и грозитъ имъ своей толстой орѣховой палкой.

Digitized by Google

Наконецъ его кое-какъ успокоили и привели въ префектуру, гдѣ онъ разсказалъ, что его маленькую дочь, которую онъ встрѣтилъ въ рукахъ полицейскихъ, мѣсяцевъ за шесть назадъ похитили нищіе. Антрепренеры нищенскихъ шаекъ до сихъ поръ не вывелись во Франціи, и до сихъ поръ еще продолжаютъ похищать дѣтей, для того чтобы ими пополнять комплектъ своихъ шаекъ, и посредствомъ этихъ невинныхъ созданій собирать больше милостыни. Въ настоящее время полиція принимаетъ однакожъ противъ этого зла строгія мѣры.

Отыскивая свою дочь, Овернецъ только что наканунѣ пришелъ въ Парижъ. Каждый можетъ посудить, какъ онъ обрадовался, увидѣвъ ее, и въ какое пришелъ отчаяніе, когда съ тѣмъ вмѣстѣ увидѣлъ, что ее ведутъ подъ стражей, какъ преступницу. Объяснивъ эти чувства, онъ извинился въ своей запальчивости противъ полицейскихъ чиновниковъ, и магистратъ, принявъ въ уваженіе всѣ эти обстоятельства, отпустилъ его вмѣстѣ съ дочерью, съ которой онъ и отправился тотчасъ же въ Овернь.

—

Недавно въ департаментѣ Сены и Марны, женился старикъ 86 лѣтъ. Свидѣтелями при брачной церемоніи были: сынъ его 60 лѣтъ, внукъ 38 и правнукъ 16. Правнукъ былъ и шаферомъ у *молодой*, которая, не смотря на этотъ эпитетъ, тоже прожила на свѣтѣ ужь 82 года.

ОХОТА НА ВОРОВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

(Изъ Revue Britannique).

Есть различные воры, есть различныя и полиціи. Человѣкъ грубой наружности, съ неповоротливыми руками, очень неловко приближается къ вамъ въ толпѣ и засовываетъ по *локоть* руку въ вашъ карманъ, для того, чтобы вытащить вашъ платокъ, или отрываетъ три пуговицы на вашемъ жилетѣ, вытаскивая ваши часы: развѣ это воръ? развѣ это *мастеръ* своего *дѣла*? Нѣтъ, это новичекъ, не принадлежащій ни къ какой *школѣ*, не имѣющій ни какой *манеры*, ни какого *стиля*. Слишкомъ неосторожно дернутые за карманъ или часовую цѣпочку, вы проворно оборачиваетесь, видите человѣка, который спѣшитъ скрыться въ толпѣ, и кричите: «караулъ!» Полицейскій чиновникъ гонится за мещанникомъ, хватаетъ его и сажаетъ въ тюрьму: развѣ это полиція? Нѣтъ, это можетъ сдѣлать каждый будочникъ, даже каждый про-

Digitized by Google

хожій, которому воръ попадется подъ руку. Это только азбука воровства и науки ловить воровъ.

Въ наше время всевозможныхъ усовершенствованій, воровство тоже сдѣлалось искусствомъ, до того ловкимъ, до того тонкимъ, до того, можно сказать, *эластическимъ*, что и самыя полицейскія мѣры, противопоставляемыя ему, неминуемо должны были принять характеръ науки систематической, требующей глубокихъ соображеній.

Сколько различныхъ качествъ, сколько различныхъ способностей, надобно имѣть хорошему полицейскому чиновнику. Прежде всего здравый, свѣтлый умъ; потомъ непоколебимое хладнокровіе, смѣлость и непроницаемую маску, совершенно подобную той, какою прикрываются сами закоренѣлые мошенники. Онъ долженъ умѣть вырвать тайну изъ слабой души, расчувствовавъ ее небывалыми несчастіями; долженъ умѣть заставить смѣяться и плакать; долженъ имѣть даръ слова неистощимый; голову, готовую во всякую минуту, для новыхъ, вовсе неожиданныхъ, соображеній; лицо, готовое мѣняться во всякое время дня и ночи; руки, готовыя безпрестанно хватать и защищаться. Онъ долженъ быть терпѣливъ до неистощимости, безстрастенъ до безчувственности. О честности нечего и говорить: безъ этого послѣдняго качества всѣ прочія ни къ чему не годятся.

Воровство пошлое, грубое прочь, не о немъ говоримъ мы. Но пройдти и пролѣзть, не оставивъ слѣдовъ; войдти неизвѣстно откуда, выйдти неизвѣстно куда; проскользнуть въ ногахъ у людей, которые смотрятъ во всѣ глаза, и успѣть стащить со стола все серебро, въ ту минуту, когда дворецкій пошелъ докладывать, что кушанье подано; воровать дерзко, но незамѣтно; воровать оптомъ, цѣлыми кусками, цѣлыми штуками, стаскивая ихъ какъ маленькія тряпички; опустошать цѣлые сундуки и кассы, такъ проворно, какъ какой-нибудь забытый на столѣ кошелекъ или бумажникъ; поддѣлывать акты, обирать молодежь — вотъ воровство утонченное, требующее такихъ же утонченныхъ дѣйствій полиціи.

Для такихъ-то дѣйствій Лондонъ, кромѣ полиціи обыкновенной, содержитъ еще тридцать четыре сыщика, считая по два на каждую изъ семнадцати частей города; шесть старшихъ сыщиковъ и двухъ главныхъ надъ ними инспекторовъ, — такъ что весь штатъ этихъ чиновниковъ состоитъ изъ сорока двухъ человѣкъ, на которыхъ лежитъ самая трудная часть полицейской обязанности. Вести подкопы противъ тайныхъ подкоповъ мошенниковъ, не спускать съ глазъ тысячи людей, живущихъ однимъ преступленіемъ — это ужъ работа тяжкая. Кромѣ того, чиновнику, принявшему на

Digitized by Google

себя эту обязанность, необходимо изучить исторію многихъ семейныхъ тайнъ, а сколько надобно иногда такта и смѣтливости, чтобъ добраться до настоящаго смысла какой-нибудь темной семейной хроники!

Разница между этой полиціей и обыкновенной полиціей Лондонской вотъ какая. Ваша жена, возратившись съ бала, входитъ въ свою комнату; едва только она садится къ своему туалету, какъ у нея вырывается невольный крикъ: туалетъ ея опустошенъ, всѣ маленькіе ящики, въ которыхъ хранились ея маленькія драгоцѣнности, очищены до послѣдней золотой булавки. Остались только флаконы съ духами. Воръ, сыгравшій такую милую шутку, долженъ быть человѣкъ очень вѣжливый: взявъ все *излишнее* онъ оставилъ по крайней мѣрѣ *необходимое*. При томъ и разсчетъ его вѣренъ; онъ не захотѣлъ обременять себя никакой *дешевой* тяжестью: все, что не принадлежитъ къ числу *драгоцѣнностей*, осталось неприкосновеннымъ. Даже нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ, по которымъ было бы можно подумать, что кто-нибудь входилъ въ комнату. Стулья стоятъ все въ томъ же порядкѣ, богатые бронзовые часы по прежнему идутъ на каминѣ, на коврѣ ни одного пятнышка, — комната такъ чиста, какъ будто бы сію минуту выметена.... Вы кличите людей, дергаете за всѣ сонетки; весь домъ сбѣгается къ вамъ. Вы спрашиваете, переспрашиваете, показываете отпертые ящики: никто ничего не знаетъ, никто ничего не видалъ. Всѣ дивятся, всѣ толкуютъ, каждый подаетъ свое мнѣніе, — но всѣ эти толки ровно ни къ чему не ведутъ. Вы не подозрѣваете никого въ особенности, и подозрѣваете всѣхъ вообще. Наконецъ вы заключаете тѣмъ, съ чего бы должны были начать, т. е. посылаете за полиціей.

Къ вамъ приходитъ чиновникъ полиціи обыкновенной. Лицо его добродушно, но онъ старается придать ему выраженіе хитрости и лукавства. Его большіе, выпуклые глаза внимательно устремляются на каждый предметъ, на каждое лицо, даже вопросительно останавливаются на вашей кошкѣ. Онъ пробуетъ задвижки, замки, осматриваетъ оконныя рѣшетки, и, пожимая плечами, снова возвращается къ ящикамъ, въ которыхъ хранились похищенныя вещи. Сдѣлавъ эту пантомиму, онъ объявляетъ наконецъ, *приказнымъ* выраженіемъ и тономъ судьи, что здѣсь дѣйствительно было *насиліе*, т. е. *воровство съ разломаніемъ замковъ*. Вы говорите, что воръ не оставилъ однакожъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Онъ соглашается съ этимъ, и опять замѣчаетъ, что унесены только драгоцѣнности, а остальныя вещи не тронуты. Все это сами вы

Digitized by Google

знаете также хорошо, какъ онъ; его пустые толки начинаютъ васъ выводить изъ терпѣнія, но вотъ онъ отводитъ васъ въ амбразуру окна, и спрашиваетъ въ полголоса, не имѣете ли вы подозрѣнія на вашихъ людей. Изъ этого вопроса вы понимаете, что онъ тоже бродитъ ощупью и предоставляете ему дѣйствовать, какъ онъ знаетъ. Онъ идетъ въ верхній этажъ вашего дома, и въ постелѣ одной изъ вашихъ горничныхъ находитъ перстенекъ и старую серебряную зубочистку, которые и показываетъ вамъ съ видомъ значительнымъ. До сихъ поръ вы были увѣрены въ вашихъ людяхъ, но теперь.... вы готовы всѣхъ ихъ отдать въ полицію; ваша жена противится, возражаетъ. Чиновникъ, съ своей стороны, ничего не беретъ на себя, ни къ чему не приступаетъ. Прежде всего онъ хочетъ снестись съ своимъ инспекторомъ, и дѣло пока на этомъ останавливается.

Да оно не скоро и кончится, и поведетъ за собой послѣдствія самыя непріятныя. Люди ваши останутся въ подозрѣніи, ихъ станутъ брать, станутъ допрашивать. Вы захотите нанять новыхъ людей, къ вамъ никто не пойдетъ Исторія огласилась, будутъ бояться другой. Однимъ словомъ, вы рискуете цѣлый годъ быть безъ прислуги или оставаться при самой плохой. А вещей вашихъ между тѣмъ все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Къ счастью вашему, сыщики знаютъ свое дѣло. Къ вамъ является человѣкъ плотный, съ круглымъ, открытымъ лицомъ, съ проницательнымъ взглядомъ, и объявляетъ, что онъ одинъ изъ сыщиковъ X части города. Десяти минутъ довольно этому человѣку, чтобъ разспросить въ чемъ дѣло; пяти, чтобъ сдѣлать окончательное о немъ заключеніе. Какъ знатокъ картинъ съ перваго взгляда узнаетъ въ картинѣ ея мастера, какъ знатокъ въ винѣ съ перваго глотка узнаетъ его достоинство, такъ Лондонскій сыщикъ, по самому роду воровства, *по стилю* его, въ минуту угадываетъ, чье это дѣло. Если онъ не можетъ еще сказать имени вора, такъ, по крайней мѣрѣ, ужъ знаетъ опредѣлительно, къ какому роду воровъ, къ какой *школѣ* ихъ принадлежитъ онъ. Еще разъ бросаетъ онъ взглядъ на террасу вашего дома, на слуховыя окна, и ему не нужно ничего больше.

— «Да, милостивый государь, — говоритъ онъ, сходя съ лѣстницы,—я знаю куда попали ваши вещи. Это дѣльце сдѣлалъ кто-нибудь изъ *танцмейстеровъ*.»

— Танцмейстеровъ! — восклицаетъ ваша жена, возможно

Digitized by Google

ли? — нашихъ дѣтей учить танцовать мосье Петипье, а онъ человѣкъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ...

— «Вы не такъ меня поняли, сударыня,—говоритъ чиновникъ, улыбаясь. То, что мы называемъ танцмейстерами, на нашемъ техническомъ языкѣ, это извѣстный намъ классъ воровъ, извѣстное ихъ *спеціальное* отдѣленіе. Каждый отдѣлъ мошенниковъ составляетъ особую *школу*, каждая *школа* называется у насъ своимъ особеннымъ именемъ. Не угодно ли вамъ замѣтить, что, начиная отъ дома подъ N 82, и до самаго конца улицы, дома только еще вполовину отстроены. Дорога ворамъ была готовая; имъ стоило только взобраться на одинъ изъ этихъ домовъ, и потомъ путешествовать по крышамъ до самаго вашего чердака».

— Но между недостроеными домами и нашимъ — слишкомъ сорокъ зданій. Почему же эти господа предпочли именно нашъ всѣмъ прочимъ?

— «Потому что у васъ они нашли больше удобствъ, и притомъ знали, что найдутъ больше вещей въ туалетѣ».

— Почему жъ они могли знать о вещахъ?

— «Посредствомъ наблюденій, посредствомъ разспросовъ. Вѣроятно имъ много нужно было времени и много репетицій прежде, чѣмъ рѣшились они приступить къ дѣлу. Они сторожили вашъ домъ. Узнали, когда вы обѣдаете, когда уѣзжаете, однимъ словомъ, изучили всѣ ваши привычки, весь домашній порядокъ. Наконецъ день былъ выбранъ, и между тѣмъ, какъ васъ не было дома, какъ люди ваши были заняты, разошлись — дѣло сдѣлано. Непремѣнно они сдѣлали двадцать предварительныхъ путешествій по крышамъ, пока выбрали самый удобный пунктъ, съ котораго спустились наконецъ въ вашъ домъ безъ всякаго шума, настоящими *танцмейстерами*. Ничего нѣтъ проще».

— Но есть ли надежда отыскать вещи?

— «Надѣюсь. Я ужъ послалъ кое-кого наблюдать за *фехтмейстерами*, около мѣста ихъ пребыванія».

— За фейхтмейстерами!

— «Да-съ, мы называемъ этимъ именемъ нѣкоторыхъ укрывателей воровскихъ вещей, которые, живо и мастерски, разбираютъ по частямъ драгоцѣнности. Времени терять нельзя. Молодцы вѣроятно, поспѣшатъ выломать ваши бриллианты и передѣлать по своему золото вашихъ вещей. Теперь ужъ за полночь. Мы посмотримъ, нѣтъ ли какого необыкновеннаго движенія около логовища мошенниковъ, нѣтъ ли огня въ ихъ плавильной печи. Мнѣ

Digitized by Google

кажется, что я скоро доберусь до вашего вора. Мнѣ извѣстно, кто изъ нихъ придерживается методы заподозрѣвать людей, подкидывая имъ вещи, какъ это сдѣлалъ вашъ, подсунувъ подъ постель горничной перстень и зубочистку».

На другой день, во время вашего завтрака, сыщикъ приноситъ вамъ подробный листъ всѣхъ вашихъ пропавшихъ вещей и даже нѣкоторыя вещи; а черезъ нѣсколько времени онѣ возвращены вамъ всѣ, и воръ отправленъ на 15-ть или на 20-ть лѣтъ въ ссыльную колонію.

Но это случай обыкновенный, происшествіе вседневное. Главные сыщики употребляются для открытія дѣлъ страшно запутанныхъ. Часто покражи, которыя приходится имъ разыскивать, бываютъ такъ глубоко соображены, такъ тонко замаскированы, что, кажется, никакой геній человѣческій не въ состояніи открыть виновника. Но и въ этой темнотѣ, въ которой глаза другихъ людей не видятъ ни искры свѣта, глаза Лондонскихъ сыщиковъ находятъ настоящій путь. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года, обокрали чемоданъ путешественника, квартировавшаго въ одной изъ лучшихъ Лондонскихъ гостинницъ. Подозрѣвать было никого не возможно: воръ не оставилъ ни малѣйшихъ слѣдовъ своего входа и выхода. Чиновникъ особой Лондонской полиціи, о которой говоримъ мы сдѣлалъ самый тщательный осмотръ, всѣ необходимые разспросы, всѣ возможныя соображенія — и ничего не могъ открыть. Онъ хотѣлъ ужъ выйдти изъ комнаты, какъ вдругъ предметъ почти невидимый, самая ничтожная бездѣлка, мелькнувшая ему въ глаза, на половомъ коврѣ, остановила его. Это была пуговка отъ рубашки. Онъ поднялъ ее, и, не говоря никому ни слова, сравнилъ съ пуговками рубашекъ, оставшихся въ чемоданѣ. Оказалось, что эта пуговка не такая. Ясно, что она попала откуда-то, изъ другаго мѣста, но откуда именно?

Сыщикъ поставилъ постояннаго часоваго у входа въ гостинницу. Но тотъ, кто проходилъ мимо его, видѣлъ въ немъ только продавца бѣлья, пріѣхавшаго изъ Парижа, поискать счастья въ Лондонѣ. Всѣ принадлежности бѣлья были у этого продавца, а въ томъ числѣ и манжеты и пуговки. Ждали долго. Наконецъ выходитъ одинъ изъ постояльцевъ гостинницы и выбираетъ пуговку, которой не доставало у него на рубашкѣ; оказалось, что оторванная пуговка была именно отъ его бѣлья.... Остальное сдѣлалось очень скоро. Войти въ комнату постояльца, потерявшаго пуговку, отыскать у него нѣкоторыя изъ пропавшихъ вещей; отъ этихъ добраться до дру-

Digitized by Google

гихъ, уличить вора — на все это было употреблено не больше 48 часовъ.

Высшій класъ Лондонскихъ воровъ простирается до 250 человѣкъ. Это профессоры своего мастерства, представители своихъ шаекъ, которыя и стараются ихъ поддерживать всѣми способами, на приличной ногѣ. Они играютъ въ большую игру, путешествуютъ цѣлыми колоніями. Но полиція неусыпно слѣдитъ за ними и оказываетъ къ нимъ самое заботливое вниманіе.

Лѣтъ семь тому, четверо этихъ господъ возвращались съ выставки домашняго скота, изъ Ливерпуля. Команда сыщиковъ не преслѣдовала ихъ, а только караулила на возвратномъ пути. Агентъ полиціи ждалъ гостей въ Эстонъ-Скверѣ цѣлые четыре дня, и наконецъ они явились, очень фашіонабельно одѣтые, и въ первыхъ мѣстахъ вагона. Безъ всякаго шума, всѣ вещи ихъ тотчасъ же были арестованы. Они просили, чтобы съ ними обходились какъ съ порядочными людьми; сыщикъ охотно исполнилъ ихъ желаніе, и попросилъ ихъ войти въ особую залу, гдѣ они предложили ему 50 фунтовъ стерлинговъ; но это не помогло. Добыча ихъ состояла изъ золотыхъ булавокъ, часовъ, частію очень богатыхъ табакерокъ и другихъ галантерейныхъ вещей, которыя могли бы составить цѣлую лавку ювелира.

Открывать воровство — большая заслуга, предупреждать его — еще бо́льшая. Чтобъ держать въ рукахъ хищныхъ птицъ воровства, между *Сокольниками* Лондонской полиціи есть всегда двое, на которыхъ возложена обязанность знать лично каждую воровскую знаменитость. Эта мѣра имѣетъ такое благотворное дѣйствіе, что мошенникъ, замѣтивъ только вблизи присутствіе сыщика, тотчасъ же оставляетъ всѣ свои замыслы. Это уже другой родъ преслѣдованія воровства, и тоже очень любопытный.

Вы пріѣзжаете въ Оксфордъ, наярмарку Когда вы сходите въ обѣденную залу, по широкой лѣстницѣ гостинницы *Дикой козы*, васъ догоняетъ человѣкъ прекрасно одѣтый. Его кашемировый жилетъ, блестящіе сапоги, перчатки безукоризненной бѣлизны, которыми очень ловко поигрываютъ его тоненькіе, аристократическіе пальцы, наконецъ покрой его платья не Англійскій—все показываетъ въ немъ иностранца высокаго полета. Вы думаете, что этотъ человѣкъ ѣдетъ взглянуть на блестящій балъ, который будетъ въ Мэртонѣ. Незнакомецъ бросилъ на васъ мимолетный взоръ, но взоръ живой, проницательный, окинувшій васъ съ головы до ногъ. Не принимайте этого взора на счетъ вашей физіогноміи: онъ хотѣлъ вглядѣться не въ ваши черты, а только въ ваши золотые часы,

Digitized by Google

которые въ эту минуту вынули вы изъ кармана, чтобъ посмотрѣть, пришло ли время обѣда. Обманутые богатыми перьями птицы, вы очень вѣжливо даете ему мѣсто пройдти. Онъ съ своей стороны разсыпается передъ вами въ вѣжливостяхъ, говоритъ вамъ чистымъ Парижскимъ нарѣчіемъ такое увлекательное *par-r-rdon*, раскланивается вамъ такъ привѣтливо, что вы ужъ начинаете желать, чтобы онъ зналъ хоть сколько-нибудь по-Англійски, желаете познакомиться съ нимъ, полагая въ немъ найдти самаго пріятнаго собесѣдника.

Внизу лѣстницы прохаживается, очень спокойно, другой человѣкъ, очень простой, очень доброй наружности, не имѣющій въ себѣ ничего дикаго, ничего ужаснаго. Но едва только вашъ незнакомецъ замѣтилъ его, онъ поблѣднѣлъ, потерялся, у него невольно вырвалось восклицаніе, которымъ онъ кого-то посылаетъ къ чорту; ему бы очень хотѣлось уйдти, но это невозможно: взглядъ человѣка, прохаживающагося внизу лѣстницы, впился въ него. Спустившись внизъ, онъ сказалъ новому лицу нѣсколько словъ, но такъ тихо, что ихъ едва можно было разслышать. Разговаривающіе отошли въ сторону, и изъ всего ихъ разговора можно понять только то, что щеголеватый господинъ, въ слѣдствіе краткаго, но сильнаго убѣжденія человѣка, прохаживающагося внизу лѣстницы, отправится изъ Оксфорда съ поѣздомъ желѣзной дороги, отходящимъ въ 7 часовъ.

Вамъ жалко видѣть бѣднягу, вдругъ упавшаго съ высоты своего величія, Богъ знаетъ отъ чего и какъ. Вамъ даже хочется оказать ему протекцію, но вашъ желудокъ говоритъ еще громче вашего сострадательнаго сердца. Мальчикъ докладываетъ, что обѣдъ готовъ, и вы входите въ общую залу.

Прямо противъ васъ, столъ накрытъ на четыре прибора, но только трое сидятъ за нимъ. Эти трое имѣютъ наружность честныхъ простолюдиновъ. Въ ихъ манерахъ нѣтъ ничего изящнаго, но нѣтъ ничего и слишкомъ грубаго

— «Куда жъ къ чорту дѣвался Французъ? спросилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. — Кажется, онъ знаетъ, что мы обѣдаемъ здѣсь.»

— Ждать его что ли?

— «Ну вотъ еще. Мальчикъ давай!»

Кажется, что эти добрые люди никогда не обѣдывали въ порядочныхъ гостинницахъ и вовсе не видывали столоваго серебра. Они пробуютъ на пальцахъ, какъ серебряники, вѣсъ вилокъ и ножей, съ любопытствомъ разсматриваютъ блюда и соусники. Разговоръ между ими продолжается. Подаютъ рыбу. Одинъ изъ нихъ

Digitized by Google

бросаетъ самый умильный взглядъ на крышу блюда; мальчикъ вышелъ; добрый человѣкъ въ ту же минуту пробуетъ крышку ногтемъ, и спрашиваетъ своего товарища въ полголоса: «Серебро?»

— Нѣтъ, накладное, — отвѣчаетъ быстро другой.

Послѣ минуты молчанія, разговоръ опять возобновляется Приносятъ пуншъ Они пьютъ; пьютъ не на повалъ, не такъ какъ отчаянные пьяницы, но смѣсь, которую они дѣлаютъ изъ напитковъ, удивительна. Хересъ послѣ пунша, шампанское послѣ хереса, портвейнъ послѣ шампанскаго, портеръ послѣ портвейна. Бесѣда ихъ очень весела; собесѣдникъ, разсматривавшій съ особеннымъ любопытствомъ серебро, долженъ быть большой краснобай, потому что товарищи, слушая его, хохочутъ во все горло. Но вотъ вошелъ человѣкъ, который прохаживался внизу лѣстницы. Они смолкли, притихли. Онъ подошелъ къ столу, облокотился на него, устремилъ на нихъ проницательный взоръ, и они опустили глаза.... Этотъ человѣкъ и этотъ взоръ, какъ будто окаменили ихъ.

— «Ну что, мы ведемъ себя какъ слѣдуетъ?» спросилъ онъ.

— Какъ нельзя лучше.

— «Стало быть все хорошо и съ хозяиномъ гостинницы?»

— Ничего не тронуто, ни на мѣдный грошъ.

— «Въ самомъ дѣлѣ?»....

Человѣкъ, помѣшавшій веселому обѣду, недовѣрчиво посмотрѣлъ на серебро.

— «И мы нынѣшнее утро ни чего не *дѣлали*?» продолжалъ онъ, подпивъ руку съ какимъ то особеннымъ значеніемъ.

— Ровно ни чего, честное слово.

Разговоръ продолжается тихо, и вы только слышите: «съ поѣздомъ желѣзной дороги, въ 7 часовъ.»

Пока они толкуютъ, входитъ хозяинъ гостинницы, не совсѣмъ спокойный и желающій получить, что слѣдуетъ ему по счету. Мальчикъ, собирая со стола, тоже очень внимательно считаетъ за серебро. Но счетъ заплоченъ, серебро цѣло, и трое товарищей скромно выходятъ, въ сопровожденіи страшнаго для нихъ человѣка, за которымъ они слѣдуютъ такъ же послушно, какъ бараны, которыхъ ведутъ на бойню.

Всѣ эти сцены васъ заинтересовываютъ. Вы слѣдуете за группой до станціи желѣзной дороги, и сталкиваетесь тамъ съ вашимъ пріятелемъ Французомъ, которой горько жалуется, что онъ страшно разстроенъ по поводу встрѣчи съ своимъ врагомъ. Трое другихъ же очень невеселы. Вамъ любопытно знать, какъ это всѣхъ ихъ устроилъ одинъ человѣкъ, который теперь тутъ же прохажи-

Digitized by Google

вается по тротуару. Вы подходите къ нему, дѣлаете вмѣстѣ съ нимъ два или три поворота, и онъ поясняетъ вамъ все однимъ словомъ: — «Я старшій сыщикъ Витчемъ, говоритъ онъ, членъ Лондонской полиціи.»

— А эти господа?

— «Эти господа почтенные члены одной изъ Лондонскихъ *школъ*.»

— Какія же это школы?

— «Это просто шайки мошенниковъ. У насъ ихъ много, очень различныхъ, въ родѣ братствъ, въ родѣ клубовъ соединеной дѣятельности; эти господа, которыхъ вы видите, отличные мастера своего дѣла. Если бы они ускользнули отъ меня, они бы надѣлали здѣсь чортъ знаетъ что. Ихъ начальникъ учтивый Французъ.»

— Но отъ чего же они такъ покорны вамъ?

— «Оттого, что мнѣ стоитъ сказать только слово, и ихъ засадятъ въ тюрму, какъ бродягъ и опустошителей кармановъ. Они это очень хорошо знаютъ.»

Мы разсказали теперь происшествіе вчерашнее; но точно тоже было и во время путешествія Королевы въ Дублинъ. Одно присутствіе чиновника полиціи сыщиковъ заставило цѣлую шайку воровъ, цѣлую *школу*, которая вздумала было слѣдовать за королевскимъ поѣздомъ, оставить всѣ свои замыслы, и очень спокойно возвратиться опять въ Англію, подъ надзоромъ того же сыщика.

Сыщики имѣютъ такой навыкъ узнавать свою дичь, что имъ стоитъ только взглянуть иногда на лицо, на ухватки, чтобъ понять, ихъ ли это птица. Это на ихъ языкѣ называется *угадка*. На прошлой недѣлѣ двое сыщиковъ шли черезъ Странд. Они увидѣли двухъ франтовъ, которые вошли въ лавку ювелира; дождались ихъ выхода, и вглядѣвшись въ нихъ пристальнѣе, замѣтили въ ихъ глазахъ какоесто невольное, внутреннее безпокойство. Сыщики пошли въ слѣдъ за ними. Черезъ нѣсколько минутъ, франтъ, шедшій съ правой стороны, что-то передалъ франту, шедшему съ лѣвой. Ихъ остановили, и нашли у нихъ два золотые лорнета и нѣсколько дорогихъ перстней. Это открытіе повело къ другому. У нихъ же нашли еще множество краденыхъ вещей. «Глаза,—прибавилъ сыщикъ, который намъ это разсказывалъ, — обличаютъ лучше всего; по одному взгляду мошенника, когда онъ окруженъ толпой, мы сей часъ понимаемъ: что онъ сдѣлалъ, или что хочетъ сдѣлать.»

Всѣхъ людей, промышляющихъ воровствомъ, считается въ Лондонѣ до шести тысячъ. Отъ этого-то легіона мошенниковъ всѣхъ

Digitized by Google

сортовъ, начиная отъ поддѣлывателей фальшивыхъ документовъ и до людей промышляющихъ кражей собакъ, невидимая полиція сыщиковъ охраняетъ Лондонъ. Штатъ ея составленъ тщательно, чиновники принимаются не иначе, какъ съ самой строгой разборчивостью. Они дѣйствуютъ тихо, незамѣтно, но всегда съ глубокимъ соображеніемъ, всегда съ неусыпной дѣятельностію. *Охота на воровъ* составляетъ ихъ постоянную науку, которая иначе называется *Клептотералогія*. Вотъ очеркъ общихъ дѣйствій Лондонскихъ сыщиковъ; подробности нѣкоторыхъ частныхъ своихъ экспедицій пусть разскажутъ сами они. Эти разсказы доставилъ намъ случай слышать инспекторъ ихъ, который сообщилъ редакціи журнала *House Words* (1) и всѣ нужные матеріалы для нашей статьи, основанной на фактахъ на свѣдѣніяхъ точныхъ и положительныхъ. Приведемъ здѣсь три разсказа: нашего знакомца старшаго сыщика Витчема, инспектора Вильда и еще одного молодаго офицера.

«Талли-го-Томсонъ,—сказалъ Витчемъ,—былъ во-первыхъ знаменитый конокрадъ, во-вторыхъ мастеръ перваго сорта вытаскивать кошельки изъ кармановъ, и въ-третьихъ здоровый смѣльчакъ, незнавшій ни страха ни совѣсти. Съ помощію товарища, который отъ времени до времени работалъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ имѣлъ деньги и имѣлъ всѣ средства выдавать себя не за то, чѣмъ былъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ воры искусные. Все шло очень хорошо; но вдругъ ему вздумалось, середи бѣлаго дня, украсть превосходную лошадь въ Гердфортширѣ. Эта кража надѣлала шуму, и мнѣ поручили отыскать его. Гдѣ отыскивать? Въ Лондонѣ, разумѣется, его не было, и я понималъ очень хорошо, что и во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ возьметъ всѣ предосторожности, чтобы не попасться въ руки полиціи. Томсонъ былъ женатъ и у него была дочь, небольшая дѣвочка. Ихъ онъ не могъ взять съ собой и первымъ дѣломъ моимъ было открыть ихъ жилище. Потомъ я разсчелъ, что рано ли поздно ли, онъ непременно долженъ будетъ писать къ женѣ, и началъ караулить домъ ея неусыпно. Въ одно утро факторъ, съ письмомъ въ рукѣ, въ самомъ дѣлѣ, постучался въ дверь. Дѣвочка отперла, взяла письмо и захлопнула дверь. Надобно вамъ сказать, что факторы, разносящіе письма, не смотря на приказанія начальства содѣйствовать намъ, не всегда исполняютъ эти приказанія, и иногда бываютъ за насъ, иногда противъ насъ, глядя по обстоятельствамъ; я однакожъ подошелъ къ этому безъ церемоніи. — «Здорово, сказалъ я ему, какъ поживаешь?» — Слава

(1) Подлинникъ статьи напечатанъ въ Англійскомъ журналѣ *House Words*.

Digitized by Google

Богу,—отвѣчалъ тотъ съ удивленіемъ. — «Ты принесъ письмо г-жѣ Томсонъ?»—Да.—«А штемпель письма помнишь?» — Нѣтъ. — «Ну, послушай любезный, я тебѣ откровенно скажу въ чемъ дѣло: Томсонъ мнѣ долженъ, и я право не такъ богатъ, чтобы мнѣ не было жалко потерять эти деньги. Я знаю, что онъ путешествуетъ, что онъ теперь въ хорошемъ положеніи, и мнѣ надобно отыскать его. Понимаешь?»—Какъ нельзя лучше; только право не помню штемпеля. Все, что могу сказать, въ письмѣ есть деньги, и сколько мнѣ помнится, золотая монета.

Пока мнѣ было довольно и этого. Письмо дѣйствительно отъ Томсона, потому что оно съ деньгами. Получивъ ихъ, жена непремѣнно будетъ отвѣчать. Я поблагодарилъ factора и продолжалъ мои наблюденія. Послѣ обѣда, дѣвочка вышла изъ дому; я началъ слѣдить за ней. Она вошла въ бумажную лавку, купила бумаги, конвертъ и перо. Хорошо, подумалъ я, и опять началъ караулить. Черезъ часъ дѣвочка опять вышла съ письмомъ въ рукѣ. Я догналъ ее, началъ разговаривать, но, къ несчастію, ничего не могъ открыть: адресъ былъ закрытъ рукой дѣвочки и я видѣлъ только печать. Между тѣмъ я замѣтилъ около печати капельку сургуча. Это тоже было для меня замѣчаніе полезное. Когда дѣвочка отдала на почтѣ письмо и ушла, я вошелъ въ контору. «Милостивый государь,—сказалъ я пріемщику писемъ,—я чиновникъ полиціи. Сей часъ положили къ вамъ въ ящикъ письмо съ капелькой сургуча около печати. Оно писано къ человѣку, котораго я отыскиваю, и я покорнѣйше васъ прошу показать мнѣ его адресъ.» — Ничего нѣтъ легче,—отвѣчалъ почтамтскій чиновникъ очень вѣжливо. Въ минуту передо мной высыпали всѣ письма изъ ящика. Я узналъ мое письмо и прочелъ на немъ: Господину Томасу Пижонъ, съ удержаніемъ на почтѣ въ Б.... Въ тотъ же день я отправился въ Б.... за 120 миль отъ Лондона. На другое утро являюсь на почту, объявляю кто я, и съ тѣмъ вмѣстѣ объясняю, что мнѣ нужно видѣть человѣка, который явится за письмомъ, адресованнымъ г-ну Пижонъ. Опять съ большой вѣжливостью предлагаютъ мнѣ всѣ возможныя услуги: обѣщаютъ тотчасъ же дать знать, приглашаютъ остаться на почтѣ. Я это и выбралъ. Жду три дня, и наконецъ ужъ начинаю отчаиваться, какъ вдругъ, посланный за письмомъ подъѣхалъ къ окошку конторы. Мнѣ сказали; я попросилъ немножко задержать его, и вышелъ къ нему. Это былъ мальчикъ лѣтъ семнадцати, конюхъ, какъ показалось мнѣ. Онъ пріѣхалъ верхомъ и держалъ лошадь въ поводу, дожидаясь письма. Я погладилъ ее. «Эта лошадь г-на Джона?» сказалъ я. — Совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ мальчикъ.—

Digitized by Google

«Однакожъ она очень походитъ на лошадь г-на Джона». — Я вамъ говорю, что она совсѣмъ не его. Это лошадь г-на М.... изъ гостинницы *Варвикова Герба*....—и онъ уѣхалъ. Я вскочилъ въ первый извощичій экипажъ, какой попался мнѣ, и такъ хорошо поспѣлъ за посланнымъ, что вошелъ въ одни ворота гостинницы въ самую ту минуту, когда онъ въѣхалъ въ другія. Я вошелъ въ залу и велѣлъ служанкѣ, которая была тамъ, подать себѣ грогу. Въ то же самое время вошелъ и мальчикъ, и отдалъ письмо служанкѣ. Она взглянула на адресъ и, не сказавъ ни слова, положила письмо за раму каминнаго зеркала.

Что прикажете дѣлать? Я пилъ по немногу мой грогъ, посматривалъ на знаменитое письмо, и ничего не умѣлъ придумать. Надобно однако жъ было взять нумеръ въ гостинницѣ; но на бѣду, по случаю ярмарки, всѣ нумера были заняты, и мнѣ пришлось искать себѣ мѣста подальше отъ моего письма. Не смотря на то, я въ продолженіе двухъ дней почти не выходилъ изъ залы гостинницы *Варвикова Герба*; письмо попрежнему лежало на своемъ мѣстѣ.

Это мнѣ надоѣло. Я рѣшился вести войну наступательную и написать письмо отъ себя къ Томасу Пижонъ; только адресъ я написалъ не Томасу Пижонъ, а Джону Пижонъ, и не съ удержаніемъ на почтѣ, а въ гостинницѣ *Варвикова Герба*. Отдалъ письмо на почту, и сталъ поджидать, когда принесутъ его. На другое утро, въ проливной дождь, факторъ приходитъ въ гостинницу съ моимъ письмомъ.

— «Есть у васъ здѣсь г. Джонъ Пижонъ?» — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣчала служанка.... да, да, погодите немножко; — и она побѣжала за письмомъ, которое лежало за зеркаломъ. — Это не то, — продолжала она, — его зовутъ Томасъ Пижонъ. Сдѣлайте одолженіе, факторъ, отнесите это письмо на почту, и избавьте меня отъ труда нести его самой въ такую погоду.

— «Съ большимъ удовольствіемъ,»—отвѣчалъ факторъ, и взялъ письмо, которое служанка вложила въ другой конвертъ.

На этотъ разъ мнѣ не трудно было узнать новый адресъ моего молодца; надпись была слѣдующая: «Г. Томасу Пижонъ, съ удержаніемъ на почтѣ, въ Р. въ Нортгамтонширѣ....» Я отправился въ Р. и началъ мои дѣйствія съ почты, точно также, какъ въ Б.... Въ продолженіе трехъ дней, я не видалъ никого. На четвертый онять пріѣхалъ другой мальчикъ верхомъ.

— «Нѣтъ ли писемъ къ Томасу Пижонъ?» — Откуда ты? — «Изъ новой гостинницы близъ Р.» — Онъ взялъ письмо и отправился.

Digitized by Google

Я освѣдомился объ этомъ новомъ трактирѣ, и узналъ, что это очень уединенное мѣсто въ двухъ или трехъ миляхъ отъ желѣзной дороги. Ѣду туда; нахожу точно то, что мнѣ говорили, и нахожу вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйку въ общей залѣ. Вступаю съ ней въ разговоръ о ея дѣлахъ, о погодѣ, кое о чемъ Между тѣмъ дверь отворяется, и въ слѣдующей комнатѣ, въ родѣ столовой или скорѣй кухни, я увидѣлъ трехъ человѣкъ, сидящихъ около огня, а въ числѣ ихъ, по описанію примѣтъ, данному мнѣ, замѣтилъ и того, кого мнѣ было надобно. Талли-го-Томсонъ присутствовалъ тутъ на лицо, собственной своей персоной.

Смѣло я вошелъ къ нимъ, сѣлъ съ ними, и старался какъ можно любезнѣе вступить въ разговоръ; но всѣ мои старанія въ этомъ отношеніи были напрасны. Никто изъ нихъ не отвѣчалъ мнѣ ни слова, и всѣ они поглядывали на меня очень непріязненно. Мнѣ было не трудно замѣтить, что каждый изъ нихъ гораздо сильнѣе меня; трактиръ стоялъ одиноко, желѣзная дорога была въ двухъ миляхъ, наступала ночь. Я разсудилъ, что стаканъ чего-нибудь подкрѣпительнаго очень будетъ мнѣ полезенъ въ настоящемъ положеніи. Велѣлъ подать грогу, и сѣлъ къ огню. Томсонъ всталъ и ушелъ.

Меня немножко стѣснило то, что я былъ не совсѣмъ увѣренъ, точно ли это Томсонъ, котораго я никогда не видалъ. Надобно было въ этомъ увѣриться а увѣриться иначе было нельзя, какъ подойдти къ нему, кликнуть по имени и потомъ схватить его за воротъ. Когда я вышелъ вслѣдъ за нимъ, я увидѣлъ, что онъ разговариваетъ на дворѣ съ хозяйкой. Случилось такъ, что въ это же самое время его преслѣдовалъ полицейскій чиновникъ, изъ Нортгамптона и, что чиновникъ этотъ былъ также немножко рабъ, какъ и я. Онъ принялъ меня за него, и вовсе не зная о моихъ преслѣдованіяхъ, только по милости этого обстоятельства, чуть чуть опять не ускользнулъ отъ меня. Я не далъ ему кончить съ хозяйкой, ударилъ его по плечу и сказалъ: — «Ну Талли-го Томсонъ, безъ разговоровъ, любезный: я знаю кто ты, а тебѣ объявляю, что я чиновникъ Лондонской полиціи и беру тебя подъ арестъ, за противузаконный поступокъ. Собирайся-ка въ дорогу, почтеннѣйшій!» — Чтобъ чортъ тебя побралъ! — сказалъ Томсонъ.

Когда мы вошли опять въ гостинницу, двое товарищей Томсона явно изъявили мнѣ свое неудовольствіе. — «Не смѣть трогать Томсона!» — сказали они; — «что съ нимъ котятъ дѣлать?»—Я хочу отвезти его въ Лондонъ, нынче же вечеромъ, и отвезу непремѣнно. Послушайте, братцы, здѣсь кругомъ у меня полицейскіе

такъ не вмѣшивайтесь-ка лучше не въ свои дѣла, это будетъ гораздо для васъ здоровѣе, потому что вѣдь и вы мнѣ извѣстны какъ нельзя лучше.—Я не имѣлъ объ нихъ ровно никакого понятія, полицейскихъ у меня въ запасѣ не было, но между тѣмъ моя угроза прекрасно подѣйствовала. Они замолчали и предоставили Томсона въ полное мое распоряженіе.

Однако жъ этого было мнѣ недостаточно. Я очень хорошо зналъ, что два мошенника, пронюхавъ какъ-нибудь, что команды со мной нѣтъ, могутъ догнать меня на дорогѣ и, пользуясь темнотою ночи, отбить у меня вора. Я отнесся къ хозяйкѣ. — «Сколько у васъ здѣсь людей?» — спросилъ я ее.—У насъ во всемъ домѣ нѣтъ ни одного человѣка,—отвѣчала она нахмурившись. «Какъ, у васъ нѣтъ даже и конюха? Безъ отговоровъ, сударыня, извольте его сей часъ прислать, мнѣ мѣшкать некогда.» — Конюхъ пришелъ. Это былъ преуморительный кругленькій человѣчекъ.—«Послушай, любезный, — сказалъ я ему, — я чиновникъ Лондонской полиціи. Человѣкъ, котораго ты видишь и котораго зовутъ Томсонъ, арестованъ мной за нарушеніе закона, и теперь я везу его на ближайшую станцію. Приказываю тебѣ, именемъ Королевы, оказать мнѣ въ этомъ случаѣ нужную помощь и предупреждаю, что если ты дурно исполнишь свою обязанность, тебѣ будетъ, ой, ой, ой какъ худо!» — Надобно было видѣть, какъ вытаращилъ на меня глаза бѣдный малый. — Увѣрившись, что съ стороны конюха я обезпеченъ, я сказалъ Томсону. «Ну, маршъ,» и вынулъ кандалы изъ кармана.

— Прочь эти игрушки! — сказалъ Томсонъ; — пусть чортъ меня возьметъ, если я позволю ихъ надѣть на себя! Я и такъ поѣду безъ всякаго сопротивленія, не нужно кандалы!

— «Талли-го-Томсонъ,» — спросилъ я его,—дай мнѣ честное слово, что ты будешь вести себя благоразумно, и я не стану ковать тебѣ рукъ. Каковъ ты будешь противъ меня, таковъ и я противъ тебя. Кончено?» — Кончено!» повторилъ Томсонъ; — только передъ отѣздомъ стаканчикъ водки».

— «Что касается до меня, я выпью,» сказалъ я. — Три стакана водки! — закричали товарищи Томсона. — А арестанту-то, констабль, — прибавили они; — не ужели не позволите выпить на прощанье?—Я согласился, и, кончивъ такимъ образомъ прощанье, отправился съ Томсономъ и конюхомъ къ станціи желѣзной дороги. На другое же утро я представилъ Томсона въ Ньюгатъ. Въ послѣдствіи онъ оправдался, за неимѣніемъ уликъ; но я слышалъ, что онъ всегда относился обо мнѣ, какъ объ отличномъ полицейскомъ чиновникѣ.»

Digitized by Google

— «Я тоже довольно искусно взялъ, — сказалъ инспекторъ Вильдъ,—одного господина Фиклей, подозрѣваемаго въ поддѣлкѣ акцій Юго-Западной желѣзной дороги. Вы знаете, что у Фиклея, за Темзой, было заведеніе, гдѣ онъ скупалъ и передѣлывалъ экипажи, продающіеся по случаю. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ схватить эту хитрую лисицу, которая всегда умѣла отъ меня увернуться, я написалъ ему, подъ чужимъ именемъ, письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что я могу продать ему, за самую сходную цѣну, отличный фаэтонъ и отличную лошадь, и что завтрашній день пріѣду показать и то и другое. На другой день, я пригласилъ моего товарища, Страва, и поручилъ знакомому мнѣ комиссіонеру, на котораго вполнѣ могъ положиться, нанять экипажъ. Этого же комиссіонера взяли мы съ собой вмѣсто кучера, и отправились къ Фиклею. Оставивъ экипажъ на улицѣ, мы съ Стравомъ вошли въ заведеніе, въ которомъ было множество рабочаго народа. Взять Фиклея въ присутствіи этихъ людей, тоже очень подозрительныхъ, было невозможно; надобно было выманить его изъ берлоги. — «Г. Фиклей дома?» — спросили мы.—Нѣтъ. — «И долго не возвратится?»—Долго. — «А братъ его?» — Я братъ его. — «Какъ же это такъ случилось: вчера я писалъ къ г-ну Фиклею и предлагалъ ему, за самую сходную цѣну, фаэтонъ, совсѣмъ еще новенькій, и прекрасную молодую лошадь. Я пріѣзжаю, а его нѣтъ; между тѣмъ какъ мнѣ крайняя надобность. Онъ вѣрно гдѣ-нибудь не далеко; сдѣлайте милость, пошлите за нимъ!» — Не знаю, да и некогда мнѣ; у меня торгуютъ экипажъ. Извините. — Я продолжалъ настаивать, онъ колебался. — Погодите, сказалъ онъ наконецъ, — я пошлю. Можетъ быть онъ и придетъ.» Послѣ всѣхъ этихъ дипломатическихъ предосторожностей, насъ ввели на какой-то чердакъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ пришелъ и Фиклей, въ одной рубашкѣ и съ засученными рукавами.—«Видно вамъ ужъ большая крайность въ деньгахъ?» сказалъ онъ. — Страшная, и по этому случаю вы можете сдѣлать самую дешевую покупку.—«Я не гоняюсь за дешевыми покупками. Гдѣ жъ вещи?»—Въ двухъ шагахъ отсюда; не угодно ли посмотрѣть?

До сихъ поръ мы разыгрывали свою роль довольно хорошо, и Фиклей вышелъ съ нами, не имѣя нималѣйшаго подозрѣнія. Но когда нашъ кучеръ, который отъ роду не управлялъ ни одною лошадью, сталъ проѣзжать ее передъ купцомъ, лошадь понесла, и я ужъ думалъ, что она умчитъ его Богъ знаетъ куда и что онъ никогда къ намъ не воротится. Однакожъ онъ кое-какъ удержалъ горячее животное и подъѣхалъ къ намъ маленькой рысью. Фик-

Digitized by Google

лей началъ обходить карету со всѣхъ сторонъ, пробовать колеса, рессоры, и наконецъ остановился передъ лошадью, съ важностью президента ассизнаго суда, — «Ну что скажете?» — спросилъ я; — не правда ли, что сдѣлка можетъ быть для васъ выгодна? Вѣдь въ лошади-то восемь вершковъ.» — Надобно вамъ сказать, что въ лошадяхъ я совершенно не знаю толку, но мой коммиссіонеръ сказалъ мнѣ, что въ ней восемь вершковъ, и я повторялъ это какъ попугай. — «А что просите?» — спросилъ Фиклей. — «Послѣднее слово 25 фунтовъ стерлинговъ.» — Двадцать пять фунтовъ стерлинговъ, повторилъ Фиклей посмотрѣвъ на насъ подозрительно; — а что, краденая? — прибавилъ онъ въ полголоса.

Мы вовсе не думали, чтобъ г. Фиклей былъ слишкомъ разборчивъ въ этомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ сочли за лучшее ничего не отвѣчать на его вопросъ. — «Такъ это послѣднее взше слово?» — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Ни одного гроша. Чего же еще дешевле? Впрочемъ, если вы небогаты деньгами, такъ мы согласны теперь получить только половину, а остальную на росписку. — «Это что-то мудрено, — сказалъ Фиклей. Вы мнѣ дешево отдаете вещь; вамъ крайность въ деньгахъ, а вы еще соглашаетесь получить теперь только половину!» — и онъ снова началъ ходить около экипажа. — «Фаэтонъ хорошъ, — сказалъ онъ наконецъ, — только крѣпокъ ли? Его надобно попробовать».

Это-то намъ было и нужно. Онъ вошелъ въ экипажъ, мы за нимъ; я взялъ возжи и поѣхалъ маленькой рысцой мимо бывшаго тутъ кабачка, куда пригласилъ одного изъ членовъ компаніи желѣзной дороги, чтобы показать ему его вора.

— «Славная лошадь, славно бѣжитъ!» повторялъ Фиклей.

— Да, — сказалъ я, — только ужъ теперь не объ лошади дѣло, г. Фиклей: я Вильдъ, инспекторъ Лондонскихъ сыщиковъ, а вы мой арестантъ. — «Вотъ еще какой вздоръ! — возразилъ Фиклей; — къ чему эти шутки?» — Можете думать, какъ хотите, только я вамъ повторяю, что вы арестованы. — «Это немножко крутенько! — сказалъ Фиклей, видя наконецъ, что онъ попался не шутя. — По крайней мѣрѣ, надѣюсь, что мнѣ позволятъ одѣться?» — Безъ всякаго сомнѣнія. — «Въ такомъ случаѣ поспѣшите же воротиться на фабрику.» — Зачѣмъ же, отвѣчалъ я хладнокровно, — вамъ привезутъ сюда ваше платье.» Фиклей, понялъ, что ужъ ему не вырваться. Ему привезли платье, и мы, одѣвъ его въ приличный костюмъ, торжественно привезли въ Лондонъ.

Молодой офицеръ разсказалъ намъ *исторію Мясника*.

— «Лѣтъ шесть назадъ, — сказалъ онъ, — намъ дали знать,

Digitized by Google

что у нѣкоторыхъ оптовыхъ торговцевъ, въ Сити, пропала значительная партія шелковыхъ и полотняныхъ матерій. Розыскъ былъ порученъ тремъ чиновникамъ, а въ томъ числѣ и мнѣ.

Дѣло требовало большихъ соображеній. Мы начали дѣйствовать общими силами и открыли наконецъ, что въ двухъ магазинахъ, изъ числа самыхъ отличныхъ въ Лондонѣ, продаютъ шелковыя и батистовыя матеріи, по такимъ дешевымъ цѣнамъ, которыя насъ заставили подумать, точно такъ, какъ Фиклея о фаэтонѣ и лошади инспектора Вильда, что они должны быть краденыя. Одинъ изъ этихъ магазиновъ былъ въ Вестъ-Эндѣ, другой близъ Вестминстера. За этимъ открытіемъ оставалось еще добраться, откуда матеріи поступаютъ въ магазины и гдѣ складочное мѣсто воровскихъ товаровъ. Съ помощію неусыпныхъ трудовъ и терпѣнія, мало по малу, добрались мы, что около Шмитфильда, за церковью Св. Варѳоломея, есть небольшой постоялый дворъ, составляющій притонъ воровъ, снабжающихъ магазины. Тамъ было депо краденыхъ товаровъ, тамъ заключались всѣ сдѣлки содержателями магазиновъ съ рязнощиками, которые и были настоящіе воры. На этомъ же постояломъ дворѣ мясники обыкновенно нанимали себѣ работниковъ, молодыхъ ребятъ, приходящихъ изъ провинцій въ Лондонъ, собственно для этой работы. Мнѣ и теперь смѣшно, когда я вспомню, какъ я нарядился мясникомъ и пришелъ на постоялый дворъ, пожить тамъ и поискать мѣста. Моя молодость, свѣжій цвѣтъ лица, все вполнѣ соотвѣтствовало моему костюму. — «Добро пожаловать, любезный,— сказалъ хозяинъ,—я тебѣ дамъ квартирку.» Между тѣмъ, какъ мнѣ опрастывали мѣстечко, я вошелъ въ общую комнату, въ которой была тьма народу. Безпрерывно то приходили, то уходили, и меня спрашивали: — «Ты изъ деревни, парень?» —«Да, изъ Нортгамптоншира и никого не знаю здѣсь въ Лондонѣ, котораго я отродясь не видалъ и которому знать нѣтъ конца. Экой большущій городина. — «Да, да, ты братъ, не одинъ разъ заблудишься въ немъ».

— «Мѣстъ много», сказалъ одинъ мой товарищъ, который жилъ ужъ у мясника, но приходилъ иногда на постоялый дворъ. Полагая, что мнѣ очень хочется поскорѣй получить мѣсто, онъ водилъ меня по всѣмъ рынкамъ: и на Ньюгатскій, и на Ньюпортскій, и въ Кларъ, и въ Корнаби, и чортъ знаетъ куда. Но я, разумѣется, ни какъ не сходился въ цѣнѣ съ хозяевами. Всѣ находили, что прошу плату слишкомъ дорогую, и на меня начали посматривать подозрительно; мнѣ надобно было принять чрезвычайную осторожность въ сношеніяхъ моихъ съ товарищами. Когда я выходилъ

со двора, за мною всегда подсматривали издали два человѣка, но я не подавалъ и вида, что ихъ замѣчаю. Я обыкновенно ходилъ, заложивъ руки въ карманы, зѣвая по сторонамъ, останавливаясь, разинувъ ротъ, передъ каждой вывѣской, и такимъ образомъ вываживалъ надсмотрщиковъ, слѣдующихъ обыкновенно за мной шагахъ въ пятидесяти, мили по двѣ. Потомъ вдругъ, глядя по обстоятельствамъ и какъ будто бы нечаянно, я оборачивался къ нимъ и встрѣчался съ ними. — «Ахъ, какъ я радъ,—говаривалъ я обыкновенно, что васъ встрѣтилъ. Вѣдь я опять заблудился въ вашемъ Лондонѣ, и вовсе не знаю, куда идти.» Послѣ этого мы вмѣстѣ отправлялись домой.

Всего забавнѣе было то, что они сами очень любили показывать мнѣ Лондонъ и забавляться моимъ удивленіемъ. Разъ мы пошли осматривать тюрьмы и прежде всего Ньюгатъ. Когда я увидѣлъ находящееся около него мѣсто, гдѣ носильщики нагружаются своими тяжестями, я вскрикнулъ, указывая навѣсы, которые поставлены тамъ:—«Ахъ, Господи! Такъ это здѣсь вѣшаютъ-то народъ?»— Захохотавъ во все горло, они указали мнѣ настоящее мѣсто казни.

Благодаря такимъ глупенькимъ выходкамъ, вырывавшимся у меня при каждомъ удобномъ случаѣ, меня начали считать почти пошлымъ дурачкомъ, котораго нечего бояться.

Краденыя вещи хранились въ задней комнатѣ, за общей залой, и тамъ совершались всѣ сдѣлки между ворами и покупателями.

Мнѣ давно очень хотѣлось заглянуть въ это воровское гнѣздо, но меня никакъ не пускали туда, всегда осторожно запирая дверь. Зная, что довѣрчивость пріобрѣтается только временемъ и терпѣніемъ, я имѣлъ постоянную привычку сидѣть въ общей залѣ, съ трубкой въ зубахъ, и показывать видъ, что я ровно ни на что не обращаю ни какого вниманія, даже и въ то время, когда за дверью, шла продажа.—«Это кто?»—спрашивалъ начальникъ воровской шайки у хозяина.—Э, это ничего, — говорилъ тотъ съ полнымъ убѣжденіемъ.—Это деревенщина, простакъ, который ищетъ себѣ мѣста, и ровно ничего не понимаетъ. При немъ можете говорить, что хотите. — Такимъ образомъ я постепенно добился, что отъ меня ужъ не стали запирать таинственую комнату, и я видѣлъ наконецъ, какъ тамъ, разомъ, продали на 70 фунтовъ стерлинговъ батистовъ, украденныхъ въ одномъ магазинѣ въ Фридъ-Стритѣ. Послѣ каждой сдѣлки продавцы и покупщики имѣли привычку выпить и угостить тѣхъ, кого они не боялись.

— «Ну, пойдемъ-ка, мальчикъ, — сказали они; — маршъ съ лѣвой ноги,—и за столъ.» — Я, разумѣется, не отказался отъ уго-

Digitized by Google

щенія, и во время пирушки узналъ всѣ, что мнѣ было нужно. Два мѣсяца жилъ я на постояломъ дворѣ и разыгрывалъ мою роль. Мнѣ надобно было еще послѣдить кое за кѣмъ, чтобъ добраться до малѣйшихъ подробностей кражи; и потомъ я далъ знать моимъ товарищамъ, когда напасть на трактиръ и приступить къ аресту.

Полицейскіе чиновники, разумѣется, вмѣстѣ съ прочими, схватили и меня, потому что мнѣ надобно было скрывать себя, до самой развязки.... «Не трогайте его, — кричалъ хозяинъ гостинницы, — это деревенскій простякъ, который не обидитъ малаго ребенка.»

Но начальникъ воровъ не былъ еще взятъ. За нѣсколько дней назадъ, онъ объявилъ, что дѣла идутъ худо; что одинъ изъ его шайки арестованъ муниципальной полиціей и что по этому онъ считаетъ нужнымъ перемѣнить квартиру. Между тѣмъ извѣстія съ нашего постоялаго двора были необходимы для него, и онъ разсчелъ, что открыть свое новое мѣсто жительства всего безопаснѣе мнѣ. Другихъ могли схватить, и при допросахъ выпытать отъ нихъ все. Меня же, какъ дурачка, ни чему непричастнаго, онъ полагалъ обезпеченнымъ и отъ ареста и отъ допросовъ. По этому онъ разсказалъ мнѣ очень подробно свой адресъ; я далъ слово непремѣнно побывать у него,—и разумѣется, исполнилъ мое обѣщаніе. Рано утромъ, послѣ ареста на постояломъ дворѣ, я, съ однимъ моимъ товарищемъ, отправился въ гостинницу *Заходящаго Солнца* и спросилъ г. Симпсона. — «А, это ты, мясничекъ!» — сказалъ онъ, отворяя дверь. — Я самый. Какъ поживаете?—«Кто же это еще съ тобой?» — Мой товарищъ.— «Очень радъ, очень радъ!»— Я представилъ ему моего товарища, и мы объявили, что онъ нашъ арестантъ....

Вы не можете себѣ представить удивленія всѣхъ этихъ воровъ, когда наконецъ, при производствѣ дѣла, открылось, кто я такой. При первомъ допросѣ я былъ не нуженъ, а явился, для уликъ въ несправедливости показаній, при другомъ. Они тотчасъ же узнали меня, но я былъ въ полной формѣ; увидѣвъ такое превращеніе, они вскрикнули отъ изумленія и ужаса. Я предсталъ предъ нихъ какъ грозное привидѣніе. Послѣ такой явной улики, для виновныхъ, разумѣется, не было никакого оправданія.

—

Статья эта показалась намъ любопытна какъ довольно живой этюдъ изъ современной статистики Англіи, какъ образчикъ дѣйствій ея полиціи. Но еслибъ остались записки послѣ покой-

Digitized by Google

наго нашего Московскаго сыщика Яковлева, онѣ, вѣрно, своей занимательностью, ни сколько не уступили бы этой статьѣ, и многія изъ его дѣйствій, по глубинѣ соображенія и тонкой смѣтливости, далеко стали бы выше тѣхъ, примѣры которыхъ приведены здѣсь. Намъ очень хорошо памятенъ одинъ розыскъ Яковлева.

Въ 1820 году, зимой, у помѣщика, пріѣхавшаго въ Москву, бѣжали два человѣка, и унесли его шкатулку, съ деньгами и съ документами, всего на огромную сумму. Обратились къ Яковлеву.

Въ два, въ три дни, шкатулка была найдена, разбитая гдѣ-то за Яузой, часть документовъ въ ней хранившихся, на Москвѣ рѣкѣ, и слѣды бѣглецовъ открыты до того вѣрно, что за ними пустились въ погонь, не по разнымъ дорогамъ и не ощупью, а прямо по Тульскому тракту, по которому они дѣйствительно уѣхали. Въ Тулѣ слѣдъ пропалъ. Но и тутъ обыкновенная смѣтливость сыщика помогла ему: воры убѣжали изъ дому, не успѣвъ захватить съ собой зимняго дорожнаго платья; изъ Москвы, они тоже уѣхали такъ скоро, что имъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не было времени запастись хорошими тулупами и валенками. Это обстоятельство сейчасъ указало Яковлеву, гдѣ искать затерянные слѣды бѣглецовъ. Онъ пошелъ по всѣмъ Тульскимъ лавкамъ, въ которыхъ продаютъ тулупы и валенки, и дѣйствительно открылъ, что люди, приметы которыхъ у него очень ясно были описаны, покупали зимнюю одежду. Этой данной ему было достаточно, чтобъ добраться, въ какомъ постояломъ дворѣ они останавливались, съ какимъ ямщикомъ и опять по какому именно тракту, по Воронежскому или по Кіевскому, отправились. Оказалось, что они поѣхали по тракту Кіевскому, и имѣли впереди дни четыре. Отъ Тулы слѣдъ бѣглецовъ не затеривался больше ни въ одномъ мѣстѣ. На каждой станціи собирались о нихъ свѣдѣнія самыя удовлетворительныя, и съ каждымъ днемъ все ближе и ближе настигали ихъ. Наконецъ, не доѣзжая Батурина, сыщикъ, на разсвѣтѣ, догоняетъ тройку. Сѣдоки лежатъ въ повозкѣ и спятъ крѣпкимъ сномъ; лошади чуть чуть переступаютъ съ ноги на ногу, ямщикъ идетъ около повозки. Для опытнаго глаза было достаточно только того, чтобы разъ заглянуть въ повозку. Тутъ же, середи чистаго поля, не откладывая дѣла ни на одну минуту, сыщикъ крикнулъ:— стой! и, съ помощію бывшаго съ нимъ человѣка и двухъ ямщиковъ, перевязалъ полусонныхъ людей, сидѣвшихъ въ повозкѣ, не давъ имъ времени опомниться. Оказалось, что это дѣйствительно беглецы, которыхъ преслѣдовали и которые въ одну минуту были узнаны безъ всякой ошибки. Все это сдѣлалось такъ быстро, что

Digitized by Google

они успѣли истратить только самую незначительную часть похищенной суммы.

Вѣроятно нѣкоторые Московскіе старожилы помнятъ также, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, ходилъ по Москвѣ разсказъ, что будто бы Яковлевъ по гвоздю, замѣченному имъ случайно въ полуистлѣвшемъ черепѣ, выкопутомъ изъ могилы, открылъ преступленіе, совершившееся лѣтъ за двадцать пять до взгляда его на этотъ черепъ. За точную достовѣрность этого происшествія не ручаемся, и всѣхъ подробностей его, такъ давно слышанныхъ нами, припомнить не можемъ; но вотъ по крайней мѣрѣ главныя черты разсказа, надѣлавшаго въ свое время много шума.

Случайно ли, по дѣлу ли какому-нибудь, Яковлевъ былъ на одномъ изъ Московскихъ кладбищъ. Въ это время рыли могилу и выбросили изъ нея черепъ, на который пришлось взглянуть сыщику. Въ немъ этого черепа онъ замѣтилъ гвоздь. Это показалось ему подозрительно. Онъ началъ разсматривать черепъ внимательнѣе, и увидѣлъ, что гвоздь тутъ попалъ не случайно, а должно быть вколоченъ силою, и что при томъ онъ старый, покрытый ржавчиной. По нѣсколькимъ вопросамъ, сдѣланнымъ могильщику, оказалось, что черепъ выброшенъ имъ изъ земли не дальше, какъ за нѣсколько минутъ назадъ, что могила, въ которой лежалъ онъ, должна быть очень давнишняя. Въ головѣ сыщика тотчасъ же родилась мысль, что тутъ непремѣнно было преступленіе. Онъ началъ освѣдомляться отъ священника, отъ церковно-служителей, отъ церковнаго старосты, не помнятъ ли они, кто былъ похороненъ тутъ и когда именно. Старичекъ, церковный староста, вспомнилъ наконецъ имя покойника и время его похоронъ, бывшихъ, какъ говорилъ онъ около двадцати пяти лѣтъ назадъ. Просмотръ церковныхъ книгъ за это время выяснилъ еще отчетливѣе воспоминаніе старика и потвердилъ слова его. Яковлевъ отыскалъ бывшее жилище покойника, и устремилъ всѣ свои наблюденія на этотъ пунктъ. Кромѣ того, что покойникъ умеръ уже въ пожилыхъ лѣтахъ, что показывала и похоронная метрика, открылось, что онъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ находился въ состояніи болѣзненномъ, что у него была молодая жена, которая не слишкомъ нѣжно любила его, и очень скоро послѣ его смерти вышла за другаго. Онъ узналъ такъ же, что она еще здравствуетъ и живетъ въ Москвѣ. Яковлеву удалось отыскать потомъ кухарку, жившую въ домѣ при покойникѣ. Отъ нея онъ узналъ многія мелкія подробности семейной его жизни и всѣ обстоятельства послѣдней болѣзни; а между прочимъ и то, что жена, за нѣсколько дней до смерти больнаго,

Digitized by Google

который въ послѣднее время не вставалъ уже съ постели, постоянно старалась удалять отъ него всякую прислугу, и только сама входила къ нему. Наконецъ, изъ всѣхъ собранныхъ Яковлевымъ по этому дѣлу свѣдѣній, картина преступленія, котораго до тѣхъ поръ никто и не подозрѣвалъ, обрисовалась передъ нимъ такъ ясно и отчетливо, что онъ нисколько не боялся уже ошибиться въ своихъ подозрѣніяхъ. Вдову, которую онъ преслѣдовалъ, не спускали съ глазъ, и вотъ онъ выбралъ минуту окончательнаго нападенія; это было часовъ въ 10 вечера; она была дома одна.

Яковлевъ вошелъ къ ней нечаянно, смѣло, быстро. Въ шляпѣ его что-то лежало завернутое въ бумагу.

— «Я сыщикъ, Яковлевъ, — сказалъ онъ, — и имѣю надобность говорить съ вами».

Она побѣднѣла. Опытный глазъ сыщика ясно прочелъ, что происходитъ въ душѣ ея, и онъ окончательно убѣдился, что совѣсть ея нечиста. Не дожидаясь ея отвѣта, онъ взялъ ее за руку, ввелъ въ ту самую комнату, въ которой нѣкогда умеръ ея мужъ, и заперъ дверь на ключъ.

«Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, — сказалъ онъ, — въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣсяцѣ, въ такой-то день, ты убила своего мужа....»

Обвиненная затрепетала, но хотѣла оправдываться, хотѣла возражать....

«Лжешь! — крикнулъ грозно Яковлевъ,—и въ ту же минуту поднесъ къ ея глазамъ черепъ съ гвоздемъ, который былъ въ его шляпѣ. — Вотъ голова твоего мужа, вотъ гвоздь, которымъ ты убила его!.... Онъ преслѣдуетъ тебя изъ-за могилы; кайся передъ Богомъ и передъ людьми!....»

Это зрѣлище до того поразило несчастную, что она, въ ту же минуту, упала на колѣни и созналась, что дѣйствительно она въ голову больнаго и соннаго мужа вколотила гвоздь, который въ густыхъ волосахъ покойника совершенно былъ не замѣтенъ.

Многія дѣйствія теперешнихъ чиновниковъ С. Петербургской и Московской полицій, занимающихся розысками, тоже очень замѣчательны. Нѣкоторыя изъ нихъ извѣстны публикѣ черезъ С. Петербургскія Полицейскія Вѣдомости.

Digitized by Google

МОСКОВСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Нынѣшнюю лѣтопись провести мнѣ еще мудренѣе: она должна обнять двѣ недѣли, Страстную и Святую, впродолженіи которыхъ, по обыкновенію, я сижу дома, запершись, на замкѣ, за своими работами, никуда не ѣзжу и никого не принимаю: что же я могу узнать, объ чемъ могу я разсказывать читателямъ?

Начало впрочемъ у меня есть: это послѣдняя лекція Г. Шевырева, въ Лазареву Субботу, 31 Марта. Она была блистательна предъ собраніемъ многочисленнымъ: дамъ, сановниковъ, художниковъ, профессоровъ. Чуть ли не полъ-университета присутствовало изъ всѣхъ отдѣленій, даже математическаго и медицинскаго....

Скажу два слова о профессорахъ, уже не какъ профессоръ, а какъ членъ публики, посѣтитель. (Читатели простятъ меня за отступленіе, потому что безъ отступленій пришлось бы имъ прочесть очень мало въ этомъ отдѣленіи Москвитянина, по причинамъ вышеизложеннымъ). Во всѣхъ университетскихъ собраніяхъ, напр. въ актахъ, диспутахъ, ученыхъ засѣданіяхъ, и слѣд. публичныхъ лекціяхъ, желалось бы встрѣчать профессоровъ на первомъ планѣ, вмѣстѣ, синклитомъ. Нельзя не согласиться, что видѣть предъ собою человѣкъ двадцать-тридцать представителей наукъ, съ извѣстными, громкими, дорогими или симпатичными именами, — это было бы импозантно, выражаясь по модѣ иностраннымъ словомъ. Вѣрно задумался бы иной посѣтитель и посѣтительница, смотря съ почтеніемъ на такую массу труда, таланта, образованія, высшаго стремленія, самоотверженія, въ лицахъ, — точно такъ, какъ идя теперь въ залу собраній чрезъ библіотеку, видя тысячи полокъ съ произведеніями ума человѣческаго, чувствуешь заранѣе какой-то священный трепетъ, о которомъ есть, кажется, славный стихъ Горація. Вотъ законные судьи, вотъ надежные путеводители мнѣнія ученаго и литературнаго, — а у насъ какъ бываетъ съ нашимъ смиреніемъ, въ противоположность площадному самохвальству? Тамъ спряталась физіологія, здѣсь укрывается исторія, вонъ промелькнула физика, вонъ притаилось народное право съ химіей, а тамъ на краю благоустройство съ геологіей; цѣлаго, эффекта, и нѣтъ; главныхъ лицъ, профессоровъ, и не видитъ публика, смѣшавшись съ ними вмѣстѣ. Читатели замѣтятъ, что я люблю церемоніи въ общественныхъ дѣлахъ, хоть и врагъ церемонности китайской и всякой, въ частности.

Digitized by Google

Но возвратимся къ лекціямъ Г. Шевырева. Онѣ возвышались, какъ занимательностью содержанія, такъ и отдѣлкою выраженія. Вполнѣ излагать мы ихъ отдумали, потому что весь публичный курсъ выйдетъ особою книгою. Мы отмѣтимъ здѣсь отчасти нѣсколько главныхъ положеній, и, вмѣстѣ укажемъ на нѣкоторыя *новыя* мысли, выработавшіяся у профессора при добросовѣстномъ въ высшей степени изученіи предмета, при всѣхъ возможныхъ средствахъ, личномъ наблюденіи, богатомъ собраніи рисунковъ, всѣхъ описаній, источниковъ системъ, біографій и проч. и проч. На многія изъ этихъ мыслей задумается художникъ, многія даже долженъ принять къ разсмотрѣнію теоретикъ, и къ свѣдѣнію дилеттантъ:

Отношеніе Византійской живописи къ Италіи, объясненіе важности того, что Рафаэль вышелъ изъ самой совершенной религіозной школы въ Италіи — Саванорола, Леонардо да Винчи (природа) и М. Анжело (языческое ваяніе). Значеніе Флоренціи. Окруженіе Рафаэля въ Флоренціи и въ Урбино. — Развитіе живописи при содѣйствіи всѣхъ условій Религіи, Науки, Словесности, Общества, Промышленности.—Теорія красоты Бембо, повѣряемая картинами Рафаэля. — Отношеніе Рафаэлевой живописи къ другимъ сферамъ человѣческаго образованія въ началѣ XVI вѣка: къ Богословіи, Поэзіи, Философіи и Праву.—Объясненіе Аѳинской школы.—Дѣятельность Микель Анжела въ Сикстовой капеллѣ. — Развитіе драматическаго стиля въ Рафаэлѣ. — Высшій цвѣтъ развитія. — Семилѣтняя дѣятельность Рафаэля при Львѣ X.—Политическія картины въ залахъ Ватикана. — Участіе къ предметамъ изъ народной жизни—Ковры Ватикана (высочайшій священно-драматическій стиль). Изученіе и возстановленіе древняго Рима.—Статуи Ватикана, живопись изъ элемента языческаго, ея характеръ.—Объясненіе картинъ ихъ Христіанскаго міра.—Сикстова Мадонна.—Цецилія.—Преображеніе. Связь лекцій съ вопросомъ о развитіи живописи у насъ. —Связь съ вопросомъ религіознымъ и преданій.—Указаніе на возможность новой области въ живописи у насъ. — Связь лекцій съ вопросомъ о современномъ искусствѣ вообще. — Идеалы и дѣйствительность, небо и земля въ искусствѣ нераздѣльны.

Оправдаемъ Профессора въ одномъ нареканіи, которое на него падало: для чего онъ разсказывалъ подробно содержаніе картинъ, напримѣръ Аѳинской школы, Преображенія, и пр. Для того, отвѣчаемъ мы за него, что такимъ описаніемъ опредѣляется *сочиненіе картины*. Въ сочиненіи картины художникъ выражается столько

Digitized by Google

же, сколько и въ исполненіи ея, съ другой стороны. Въ исполненіи по преимуществу мастеръ, а въ сочиненіи — творецъ, его умъ, его взглядъ, его образованіе, словомъ все! (Это идея и форма).

А наконецъ предложимъ замѣчаніе: какъ Г. Грановскій былъ безпощаденъ, представляя Бакона во всей наготѣ его, такъ Г. Шевыревъ былъ пристрастенъ къ Рафаэлю, представивъ его намъ чуть не земнымъ ангеломъ! Конечно, въ лучшія минуты своей жизни, онъ, или душа его, возлетала высоко, приближалася точно къ идеалу, но въ остальное время онъ былъ грѣшный человѣкъ, какъ и прочія дѣти Адама.

(Почтенный Профессоръ напечаталъ послѣ двѣ статьи въ газетахъ о картинахъ Рафаэля, кои привлекли, говорятъ, толпы народа изъ всѣхъ сословій въ залу Университета впродолженіи Страстной и Святой недѣли. — Монахи, священники, купцы, мѣщане, художники, воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній, дамы всѣхъ круговъ, чиновники всѣхъ разрядовъ — собирались всякій день. До ста человѣкъ бывало въ залѣ. Съѣздъ бывалъ какъ на балъ! Слѣдовательно лекціи какъ будто продолжались.)

—

Вечера были посвящены у меня *Пропилеямъ*, отъ которыхъ не могъ я оторваться, пока не прочелъ до конца. А *Судьбы Италіи* я все еще не кончилъ: хороши, но утомительно-растянуты. Ахъ, еслибъ авторъ не печаталъ этого сочиненія, а перечелъ его сполна въ рукописи; онъ вѣрно вмѣсто 700 страницъ оставилъ бы только 500, и рукопись сдѣлалась бы значительно лучше. Но я не посовѣтовалъ бы ему печатать и пять-сотъ, а перечесть еще разъ. Тогда изъ 500 составилось бы безъ сомнѣнія 300, да за то какихъ страницъ; тогда вышла бы прекрасная настоящая диссертація, а не записки по источникамъ умнаго, талантливаго, молодаго ученаго, какъ будто литографированные учениками, по выпускамъ, (да и прославляемые по преимуществу ими же)—не собраніе, нѣсколько обработанное, прекрасныхъ матеріаловъ, для диссертаціи, какъ книга мнѣ *до сихъ поръ* представляется. Вотъ почему я не печатаю полученныхъ рецензій, не зная, до какой степени я буду согласенъ съ ними по прочтеніи всей книги, безъ сомнѣнія очень примѣчательной, полезной и достойной (*).

(*) Сію минуту прочелъ я рецензію Г. Грановскаго въ Отечественныхъ Запискахъ. Признаю законность его голоса въ сужденіяхъ о книгѣ Г. Кудрявцева, и можетъ быть, радъ буду согласиться съ нимъ—но оставлю нын-

Digitized by Google

Въ иностранныхъ газетахъ заняло меня много письмо маршала Бюжо о произшествіяхъ Февральскихъ: одно изъ первыхъ дѣйствующихъ лицъ, въ центрѣ событій, человѣкъ правдивый, (хоть и любилъ похвастаться) даетъ отчетъ о собственныхъ своихъ дѣйствіяхъ, другу, не для печати, — казалось: письмо обладаетъ всѣми условіями достовѣрности. А нѣтъ! пятьдесятъ возраженій со всѣхъ сторонъ, и то не такъ, и это! ошибки, пропуски, излишки чуть ли не во всякой строкѣ. Извольте же вѣрить свидѣтельствамъ, а я именно теперь пишу изслѣдованіе о княженіи Великаго Князя Ярополка Володимировича, и добираюся, «про что заратишася Ольговичи», въ 1135 году! Нѣтъ, частной истины въ исторіи искать нечего: тамъ истина только общая, понятая или не понятая. При этомъ нельзя не вспомнить о вопросѣ Графа С. С. Уварова: достовѣрнѣе ли становится исторія? Кстати, мы дожидались, что скажутъ по поводу этой примѣчательной брошюры Французскіе ученые, и въ слѣдующемъ нумерѣ надѣемся представить нѣсколько Русскихъ отвѣтовъ.

А между тѣмъ пришлось къ слову о Русской древности: и на Святой недѣлѣ получилъ я много дорогихъ яичекъ:

1. Любопытнѣйшія свѣдѣнія о старомъ Университетѣ, девяностыхъ годовъ, о Шуваловѣ, Херасковѣ, обо всѣхъ Профессорахъ того времени, отъ старинnаго воспитанника Университетскаго, *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго*, нынѣ 80-лѣтняго старца, старшаго брата моему незабвенному наставнику Роману Ѳедоровичу. Читатели Москвитянина будутъ вѣрно очень благодарны за эти документы.

2. Множество любопытнѣйшихъ матеріаловъ для жизни Тредьяновскаго отъ достойнаго Профессора *С. К. Смирнова*.

3. Собственно для древлехранилища: отъ *Д. В Пискарева*, древній образокъ Отечества (Богъ Саваоѳъ съ Сыномъ и Св. Духомъ) оловянный; мѣдный образъ Св. Георгія, котораго не доставало въ моей коллекціи, хотя у меня есть разныхъ Георгіевъ по крайней мѣрѣ 20.

4. Отъ иконника *Никиты Петрова*, крестъ полусеребряный и полумѣдный.

санныя слова, какъ отчетъ о первомъ впечатлѣніи. Можетъ быть, Г. Куторга приметъ участіе въ спорѣ,—и прекрасно! Вотъ жизнь науки, вотъ честь и слава для ученыхъ, для литературы, а безусловныя, пошлыя хваленія, въ родѣ Трисотина и Вадіуса, кукушки и пѣтуха, повторяю, противны и недостойны.

—

Digitized by Google

5. Отъ купца *Лаврова* старинный серебряный ларецъ, временъ Петровыхъ.

6. Отъ *П. Г. Волкова* собраніе столпцевъ, относящихся кажется большею частію къ стрѣльцамъ.

—

Извѣстный нашъ санскритологъ, К. В. Коссовичъ, отправившійся въ Англію съ новою машиною А. С. Хомякова, нашелъ въ Британскомъ музеѣ списокъ Несторовой лѣтописи, очень древній. Любопытнѣе всего, какое у него продолженіе, т. е. Кіевское, Волынское, Суздальское или иное. О, еслибъ продолженіе это было обширнѣе тѣхъ, кои дошли до насъ, въ *сокращенныхъ* спискахъ Ипатьевскомъ и Лаврентьевскомъ! Съ нетерпѣніемъ надо ожидать подробнѣйшихъ извѣстій, — и если окажется что-нибудь важное, тогда прощай Москвитянинъ! Г. Коссовичъ нашелъ еще подлинный списокъ Аврамія Палицына. Это едва ли, и вѣрно онъ былъ введенъ въ заблужденіе какимъ-нибудь послѣсловіемъ. А впрочемъ, можетъ это и быть.

—

На Святой недѣлѣ донеслись до меня разные толки и даже неудовольствія по поводу статьи: Сонъ. По неволѣ вспомнишь слова Гоголя: напиши у насъ что-нибудь о такомъ-то коллежскомъ ассесорѣ, и тотчасъ всѣ коллежскіе ассесоры, со всей Россіи, оскорбятся, откликнутся и выразятъ свое неудовольствіе. А между тѣмъ эти же господа кричатъ о гласности! Прочитавъ Сонъ въ рукописи, признаюсь, я увидѣлъ нѣкоторыя свои черты, напримѣръ: у меня бывало нѣсколько разъ расположеніе занятій по часамъ, хоть и не исполнялось аккуратно. Я не думаю даже, чтобъ у кого-нибудь изъ занимающихся людей не бывало когда-нибудь подобныхъ табличекъ. Разскажу одинъ анекдотъ изъ своей студенческой или кандидатской жизни: однажды въ 20-хъ годахъ прихожу я послѣ обѣда къ одному своему новому знакомому. Онъ лежитъ на диванѣ и читаетъ книгу. Что вы читаете? спросилъ я его. «Шеллинговъ трансцендентальный идеализмъ: послѣ-обѣденное время у меня назначено», прибавилъ онъ, «на легкія занятія». Меня такъ и обдало, хоть я и скрылъ свое удивленіе,—и долго послѣ, воротясь домой, не могъ я успокоиться: вотъ ученой-то, думалъ я, какова голова! Послѣ обѣда, полегче, Шеллинговъ трансцендентальный идеализмъ!—а умѣня и поутру отъ него лобъ трещитъ! Еще черта: долго, очень долго не находилъ я никакого удовольствія въ прогулкѣ, какъ *x* или *y*: книги и книги, только вмѣсто классиковъ Шлецеръ и Карамзинъ.—Разскажу еще

кстати анекдотъ о странностяхъ нашей братьи, въ молодости, точно какъ въ старости. Одно почтенное семейство, пресвитеріанскаго почти пуризма, просило меня, во время моего профессорства, объ учителѣ Русскаго языка, для дочери, 17-лѣтней дѣвицы, очень милой. Я, разумѣется, выбралъ самаго надежнаго студента. Студентъ ходилъ учить года полтора, и никогда даже не поднималъ глазъ на свою ученицу. Случилось однажды написать ей заданное письмо, и представить въ классѣ для исправленія. Студентъ начинаетъ поправлять: «да что вы это пишете», сказалъ онъ съ досадою,» я пошла, я гуляла, я читала? Надо написать: я пошелъ, я гулялъ, я читалъ. «Ахъ извините, воскликнулъ онъ, взглянувъ на ученицу, которая не могла удержаться отъ смѣха, и пробудила его вниманіе: *извините, вѣдь вы женскаго рода!*»

Однимъ словомъ, по нѣсколькимъ примѣрамъ, которые попались мнѣ на глаза, при просматриваніи Сна, я заключилъ, что вся статья составлена изъ отдѣльныхъ чертъ, принадлежащихъ разнымъ лицамъ и возведеннымъ въ такую степень гиперболы, которая никого уже оскорбить не можетъ, а между тѣмъ статья забавна, и я отдалъ ее въ типографію, «ни чтоже сумняся», тѣмъ болѣе, что въ ту же минуту прочелъ я слѣдующій отзывъ въ одномъ Французскомъ журналѣ о какой-то книгѣ: «le livre après tout est fort curieux: c'est le livre d'un homme d'esprit, qui fait de la philosophie amusante contre le siécle, qui, à force de persifflage, arrive à la verité, mais aussi à force d'exageration, touche au ridicule.» Ожидаю самаго Сна, и поступлю такимъ же образомъ. Если слухи, дошедшіе до меня справедливы, то они должны быть отмѣчены въ Московскихъ запискахъ, въ доказательство, какъ взыскательны и раздражительны всѣ наши приходы, крайніе и средніе; а если слухи несправедливы, чего надѣюсь, то мы посмѣемся всѣ вмѣстѣ.

На Святой недѣлѣ попался мнѣ въ руки *Раутъ*, альманахъ въ пользу Александринскаго пріюта, изданный заслуженнымъ литераторомъ нашимъ Н. В. Сушковымъ. Съ удовольствіемъ я прочелъ и перелистовалъ многія статьи. На Раутѣ первое и лучшее мѣсто занимаютъ наши дамы писательницы: А. П. Глинка, А. П. Арсеньева, Е. И. Вельтманъ, В. Н. Головина, К. П. Павлова, П. М. Бакунина, Ю. В. Жадовская, Е. В. Туръ, Графиня Е. П. Ростопчина!... Всѣ наши знаменитости, извѣстности, прелести, красоты, любезности! Но какъ попался между ними Мизогинъ? Тамъ, гдѣ все преклоняется, уничтожается, падаетъ предъ дамами, и какими дамами, — могъ ли явиться ихъ ненавистникъ? Это варварство, скиѳство, вандальство, тмутараканство или простоРаканство!

Digitized by Google

А кстати о Тмутараканц. Зачѣмъ почтенный поэтъ задѣлъ насъ, невинныхъ археологовъ, съ Г. И. Спасскимъ? Мы сражаемся потихоньку, въ сторонѣ, никому не мѣшаемъ, никого не трогаемъ, ничѣмъ не хвалимся, ничего не желаемъ, — мы про себя, «то сей, то оный на бокъ гнется,» однимъ словомъ, мы люди смирные, а ему дѣло до другихъ людей, т. е. до двухъ людей (*Л. Л.*), которымъ подалъ онъ теперь самъ на себя оружіе, и они, вступаясь будто за дамъ, докажутъ теперь вѣрно, по тремъ дѣйствіямъ, что Мизогинъ на раутѣ анахронизмъ и аномалія, какъ бы ни велики были его достоинства, доказанныя Библіотекой для Чтенія.

Да — авторъ Мизогина замѣчаетъ еще, что Москвитянинъ романтически боится взлетѣть на высоту Эльборуса, чтобъ не встрѣтиться тамъ съ тѣнями Пушкина и Лермонтова. Бояться ему нечего встрѣчи, но, главное, зачѣмъ же Богъ понесетъ его туда, на такую высоту, — хоть бы у него и не было романтической робости? Положимъ у Г. Сушкова достанетъ классической смѣлости, особенно вмѣстѣ съ Мизогиномъ, — но что онъ будетъ дѣлать тамъ, не понимаемъ!

Наконецъ авторъ употребляетъ военную хитрость, стараясь соединить свое дѣло съ дѣломъ Петербургскихъ журналовъ воедино. Не знаемъ, удастся ли ему эта хитрость, потому что Петербургскіе журналы — не Москвитянинъ: они злопамятны, — а пока поздравляемъ ихъ съ новымъ, неожиданнымъ союзникомъ, а Г. Сушкова съ почтеннымъ союзомъ.

Впрочемъ альманахъ все-таки очень хорошъ, и мы совѣтуемъ читателямъ запасаться имъ на лѣто, тѣмъ болѣе, что выручка принадлежитъ дѣтскому пріюту.

—

Теперь о Московскихъ Вѣдомостяхъ. Интересъ ихъ продолжается и увеличивается: новыя статьи Гг. Ершова, Вернадскаго, Шевырева, Графа Строганова, Георгіевскаго, поддерживаютъ возрастающее любопытство читателей,—но отъ чего не были изложены тамъ примѣчательныя лекціи Г. Шевырева, такъ какъ были изложены всѣ прочія?

Въ статьѣ Графа Строганова замѣтимъ прежде всего странную опечатку, въ которой нельзя не обвинить редакціи, — *о ткани Пенелоповой*: ткань была Пелелопина, а не Пенелопова: ткала ее Пенелопа, жена Улиссова, а не Пенелопъ. Еслибъ въ этой статьѣ не было употреблено въ началѣ несправедливое слово о навязываньѣ, еслибъ не были вставлены въ срединѣ аршины, и еслибъ въ концѣ

Digitized by Google

не была приведена Французская пословица о друзьяхъ и врагахъ, то статья выиграла бы очень много.

Докажемъ наше замѣчаніе: 1. всякой, кто имѣетъ свое мнѣніе, и выражаетъ его съ убѣжденіемъ, желаетъ чтобъ оно было принято, это очень естественно, но навязать мнѣніе насильно нельзя: Г. Шевыревъ предлагалъ свое мнѣніе, а не навязывалъ никому.

2. О подлинности картоновъ я судить не смѣю и не возмусь, потому что принадлежу къ числу скромныхъ любителей искусства, а не знатоковъ, но если бы Лухмановскіе картоны и были неподлинные, а только копіи съ подлинныхъ, то все-таки для оцѣнки ихъ должно употребить не разные аршины, а чувство изящнаго, которое оскорбляется неприличнымъ словомъ.

Наконецъ 3. о Французской поговоркѣ: o mon Dieu, preserve-moi de mes amis, je saurai bien me defendre de mes ennemis. Она прекрасна и очень вѣрна, но употреблена здѣсь совершенно некстати: кто врагъ? кто другъ? Изъ истинныхъ друзей искусства (и болѣе чѣмъ искусства) вѣрно никто не совѣтовалъ Г. Лухманову вести картоны въ Англію, (о личныхъ друзьяхъ здѣсь рѣчи нѣтъ), а напротивъ вѣрно просили всѣ, чтобъ онъ подождалъ еще нѣсколько времени: авось судьба сжалится надъ нами, и пошлетъ намъ между богатыми людьми истинныхъ любителей и покровителей искусства, истинныхъ меценатовъ, которые не будутъ мѣрять картинныя холстины аршинами, не будутъ цѣнить произведенія таланта и труда по пристрастію, капризу или извѣтамъ, а по существенному достоинству, которые не будутъ удерживаться изъ за-какихъ-нибудь мелкихъ сомнѣній, соображеній или разсчетовъ, въ пріобрѣтеніи для Москвы, для Россіи, такихъ драгоцѣнностей и рѣдкостей, какъ напримѣръ единственное въ Европѣ Голицынское собраніе, отправляющееся также, говорятъ, въ Англію съ эскизами Леонарда да Винчи, Микель Анжела, Рафаэля, Гвидо-Рени, Доминикина, Голбейна, Дюрера, купленное господиномъ Жоли за безцѣнокъ,—и Лухмановскіе картоны, суть ли они подлинные, или копіи.

М. Погодинъ.

Digitized by Google

ПИСЬМО

Эраста Благонравова къ редактору Москвитянина.

Въ Конторѣ Москвитянина получено письмо на имя М. П. Погодина. Содержаніе этого письма слѣдующее:

«М. Г. М. П. Позвольте васъ поздравить съ праздникомъ и пожелать вамъ и журналу вашему всякаго благополучія и пріятнаго препровожденія времени. А о себѣ скажу, что я съ моимъ семействомъ, слава Богу, здоровъ и очень огорченъ моей статьей, чего и всѣмъ отъ души желаю. Но меня огорчаетъ въ моей статьѣ совсѣмъ не *то*, что должно огорчить другихъ: *то*, что меня въ ней огорчаетъ, только ихъ обрадуетъ. Меня огорчаютъ страшныя, многочисленныя и оскорбительныя *для* меня опечатки, которыми испещрена дорогая моему сердцу статья — *Сонъ, по случаю одной комедіи*, напечатанная въ 7 N Москвитянина «сего» (какъ пишутъ еще нѣкоторые) 1851 года.—Вы себѣ представить не можете, какъ меня бѣсятъ и огорчаютъ эти опечатки! Опечатки въ такого рода статьѣ, какъ моя — дѣло ужасное. Въ *простой* статьѣ опечатки ничего не значатъ. но въ *моей* статьѣ онѣ очень много значатъ. *Простой* статьѣ опечатки очень мало вредятъ; онѣ ей иногда и совсѣмъ не вредятъ, а иногда даже бываютъ ей полезны, сообщаютъ ей интересъ и занимательность. Но *моей* статьѣ онѣ вредятъ; онѣ ужъ даже ей повредили, скажу болѣе — онѣ погубили ее невозвратно. Въ *простой* статьѣ, т. е. статьѣ мирнаго содержанія, будь хоть въ милліонъ разъ болѣе опечатокъ, чѣмъ въ *моей*, — статьѣ этой ничего бы не было, она бы благополучно, тихо скончалась смертію добраго человѣка. Но моя статья по милости опечатокъ, осуждена претерпѣть самыя ужасныя литературныя и журнальныя муки. О, для чего моя статья не простая статья, не статья мирнаго содержанія!

Объясняюсь.

Милостивый Государь!

Не знаю, почему-то моя статья доставила мнѣ очень много враговъ, которые не знаютъ, какъ удобнѣе мнѣ повредить. Удобство это представляютъ имъ опечатки въ моей статьѣ. О какъ они рады имъ! Не будь ихъ (опечатокъ), имъ (моимъ врагамъ) не чѣмъ бы было въ меня бросать.... Помяните мое слово, милостивый государь, что они будутъ распускать слухи, что опечатки, покрывающія мою статью, не суть *опечатки*, но просто напросто *отибки*, обличающія въ авторѣ невѣжество, безграмот-

Digitized by Google

ность, низость характера и неблагодарность; между тѣмъ какъ авторъ очень ученъ, очень грамотенъ и очень благодаренъ. Враги мои будутъ увѣрять всѣхъ, что мои *опечатки* суть мои *ошибки*, и увѣрятъ въ этомъ всѣхъ — увѣрятъ даже самихъ себя. Да, они увѣрятъ въ этомъ самихъ себя и увѣрятъ непремѣнно: это доставитъ имъ единственное утѣшеніе въ теперешнемъ ихъ несчастномъ положеніи. Въ моей статьѣ они осмѣяны, осмѣяны ужасно, и притомъ совершенно справедливо. Все это, въ особенности послѣднее, они очень хорошо видятъ; но имъ хочется, во что бы то ни стало, увѣрить себя, что моя статья не хороша и глупа; но увѣрить себя въ этомъ они не могутъ, ибо статья моя прекрасна и очень умна. Чѣмъ же имъ себя утѣшить? единственное средство — объявить мои *опечатки* ошибками, и чрезъ то увѣрить себя, что я человѣкъ безграмотный, ничтожный, что статья моя не стоитъ никакого вниманія, и что слѣдовательно, они могутъ не обижаться, воспоминая о тѣхъ горькихъ истинахъ, которыя я имъ высказалъ.

У взбѣшенъ моей статьей ужасно. *Х* еще о ней не знаетъ, да и едвали когда-нибудь узнаетъ: онъ не умѣетъ читать по-Русски. Съ этой стороны я обезопасенъ; одного я только боюсь, какъ бы враги мои не прочли ему моей статьи. Что же касается до *У*, то онъ умѣетъ читать по-Русски и читаетъ очень твердо. Отъ того, прочитавъ мою статью, онъ обидѣлся — принялъ многое на свой счетъ. «Ты печатно описалъ мой характеръ весьма подробно, и чрезъ то осмѣялъ меня,» сказалъ онъ мнѣ. — Да развѣ характеръ твой не хорошъ и достоинъ смѣха, что тебѣ непріятно видѣть его описаніе? отвѣчалъ я ему. Во время этого краткаго, но необыкновенно сильнаго разговора, мнѣ пришелъ на память слѣдующій очень простой анекдотъ. Одинъ человѣкъ былъ очень дуренъ лицемъ; другой написалъ, любя его, его портретъ, который всѣхъ поразилъ своимъ сходствомъ съ оригиналомъ: тотъ, съ кого былъ снятъ этотъ портретъ, обидѣлся и назвалъ живописца низкимъ человѣкомъ, при чемъ горько заплакалъ....

И такъ, какъ я уже сказалъ выше, *У* обидѣлся. Но это бы еще ничего; ужасно и оскорбительно то, что онъ указываетъ на *опечатки* въ моей статьѣ и увѣряетъ всѣхъ, что это *ошибки* и что я не знаю по-Латинѣ; между тѣмъ какъ ему, другу моего дѣтства, больше чѣмъ кому-нибудь извѣстно, что я превосходно знаю по-Латинѣ.

Сдѣлайте милость, милостивый государь, возьмите на себя трудъ сказать всѣмъ, что въ моей статьѣ нѣтъ ошибокъ, а есть только *опечатки*, которыя принимаютъ за *ошибки*.

Digitized by Google

Теперь укажу вамъ, въ чемъ именно состоятъ главнѣйшія опечатки, украшающія мою статью.

На страницѣ 235 напечатано вмѣсто: «*Я* шелъ неохотно» — «*Х* шелъ неохотно.»—На страницѣ 237-й вмѣсто: «Le cynisme *des* moeurs» напечатано: «le cynisme *de* moeurs.» — На этой же страницѣ безчеловѣчно исковерканъ знаменитый Латинскій стихъ— Si natura negat facit indignantia *versus*; вмѣсто *versus*, по независящимъ отъ редакціи причинамъ, поставлено «*verbum*.»—Въ концѣ 238-й страницы вмѣсто слова *напущенный* употреблено похожее съ нимъ по наружности слово *напыщенный*, и такимъ образомъ смыслъ цѣлаго періода искаженъ. — На 239-й страницѣ опозорены стихи моего искренняго друга, извѣстнаго Горація. Вмѣсто:

Neque excitatur classico miles truce
Neque horret iratum mare
Forumque vitat et superba civium
Potentiorum limina.

Напечатано, чортъ знаетъ что, а именно:

Ne que *excitur* classico *milesita ruce*,
Ne que horret iratum mare
Forum que vitat et superba civium
Potentiorum limina....

На страницѣ 249-й, въ знаменитой таблицѣ моего друга *У*, перепутаны *дни* и *часы*; слава Богу, что хоть предметы не искажены! — На 253-й страницѣ напечатано «*Лжесмердась*.» Отъ чегожъ бы не *Лжесмердиться*? Эдакъ, мнѣ кажется, гораздо лучше. — На страницѣ 253-й же напечатано: «прочитавъ помянутый отчетъ, мнѣ вдругъ захотѣлось что-нибудь написать». Читайте это такъ: «прочитавъ помянутый отчетъ, *я сталъ тревожно ходить по комнатѣ*: мнѣ вдругъ захотѣлось что-нибудь написать.» — На страницѣ 255-й вмѣсто:» вы молодой человѣкъ мечтаете о *высокой* дѣятельности,» напечатано: «вы молодой человѣкъ мечтаете о *выгодной* дѣятельности.» Здѣсь большая разница между *выгодной* и *высокой*. На страницѣ 241-й вмѣсто: «на головѣ его *былъ зеленый* колпакъ», напечатано: «на головѣ его—зеленый колпакъ.» На страницѣ 235-й вмѣсто: «была *между нами* одна общая черта», напечатано: «была только одна общая черта.» — На страницѣ 242-й, въ разговорѣ моемъ съ *Х* въ одномъ мѣстѣ (въ 22-й строкѣ, считая сверху) вмѣсто *Х* напечатано: *Я*, между тѣмъ какъ между мной и *Х* есть большая разница.

Вотъ нѣкоторыя изъ главныхъ опечатокъ. Объ остальныхъ я не упоминаю или потому, что онѣ этого не стоятъ, или потому,

Digitized by Google

что ихъ не припомню. У меня нѣтъ времени припоминать и отыскивать ихъ. Я занятъ хозяйствомъ: изъ деревни пріѣхалъ староста; надо съ нимъ потолковать о важномъ дѣлѣ. Въ одной изъ моихъ многочисленныхъ деревень случился пожаръ — сгорѣло 15 дворовъ. Надо идти толковать съ старостой о томъ, какъ помочь бѣднымъ моимъ мужичкамъ, послѣ такого урона,—какъ ихъ обстроить, обзавести, словомъ, поправить, и потому мнѣ некогда поправлять опечатки. Да, господинъ *У*, мнѣ не до опечатокъ, когда на моемъ попечевіи 500 душъ, по новѣйшей ревизіи. За нихъ я буду отвѣчать Богу, а за опечатки—только критикѣ.

Впрочемъ я самъ кругомъ виноватъ въ томъ, что у меня въ статьѣ явились опечатки: я не держалъ второй корректуры... я уже было шелъ въ типографію, чтобы подержать тамъ вторую корректуру, да на дорогѣ влюбился, и воротился домой. Вѣдь вы знаете, что я человѣкъ не практическій, что я идеалистъ и мечтатель — гдѣ же мнѣ держать вторую корректуру! До свиданья! Остаюсь готовый къ услугамъ *Эрастъ Благонравовъ.*

P. S. Заказалъ я себѣ еще новое платье, по преимуществу лѣтнее. О томъ, какіе именно предметы я себѣ заказалъ, упомяну въ свое время. Здѣсь скажу только, что я заказалъ много. Причиною этому моя статья: *Сонъ, по случаю одной комедіи.* Она, какъ я уже вамъ сказалъ, доставила мнѣ пропасть враговъ. Поэтому мнѣ теперь должно, какъ можно тщательнѣе и лучше одѣваться, а то, того гляди, враги мои замѣтятъ какой-нибудь недостатокъ въ моемъ туалетѣ и станутъ объ немъ разглашать и публиковать.

Еще считаю вамъ за нужное сказать, что я пишу также стихи. Этимъ я занимаюсь между дѣломъ — въ свободное время, которое практическіе люди, подобные *Х*, употребляютъ на игру на биліардѣ, на игру въ шахматы, на игру въ карты и на другія невинныя занятія. Я ни во что не играю, и мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе *въ свободное время* писать стихи, хотя и плохіе, чѣмъ играть въ помянутыя игры; даже мнѣ кажется полезнѣе въ это время просто *мечтать*, чѣмъ играть въ помянутыя игры. — Не угодно ли вамъ напечатать одно изъ моихъ стихотвореній?

Еще P. S. Пишите пожалуйста ко мнѣ почаще. Не затрудняйтесь тѣмъ, что не знаете моего адреса: это ничего — я и самъ его не знаю. Потому, утѣшьтесь!

—

Digitized by Google

ПИСЬМО

ОТЪ НЕИЗВѢСТНАГО КЪ РЕДАКТОРУ МОСКВИТЯНИНА.

М. Г.! Узналъ я отъ Михаила Васильевича, что у васъ въ Москвитянинѣ напечатана статья подъ названіемъ: *Сонъ, по случаю одной комедіи.* Я прочелъ эту гнусную статью, и мнѣ сей часъ же пришло въ голову, что вѣрно всѣ подумаютъ, что эту статью написалъ я. И дѣйствительно: всѣ теперь думаютъ, что эту статью написалъ я. Но ей-Богу, эту статью не я написалъ, а написалъ ее, должно быть, кто-нибудь другой, который мнѣ даже совсѣмъ и не родня.

Сдѣлайте милость, возьмите на себя трудъ объявить всѣмъ, что эту статью написалъ не я. Кто бы увасъ ни спросилъ о томъ, кто написалъ эту статью, — говорите что не я — такъ таки и скажите: это, молъ, не онъ — это другой.

До свиданья. Остаюсь готовый къ вашимъ услугамъ.

Москва,
1851 года 1-го Апрѣля.

Въ Бюллетенѣ Академіи, N 180, стр. 190., въ статьѣ о Гомиліяхъ Фотіевыхъ сказано: »скоро ли придетъ время, когда путешественникъ Англійскій или Французскій, предпріимчивый и просвѣщенный, проникнетъ въ Албанію, эту ultima Thule современной науки въ Европѣ.» Не понимаемъ, почему авторъ этихъ строкъ не включилъ Русскаго путешественника въ число желанныхъ ученыхъ аргонавтовъ. Ни Англійскій, ни Французскій путешественникъ, безъ Славянскаго языка, не можетъ принести всей пользы въ Албаніи. А отецъ Архимандритъ Порфирій, а Профессоръ Григоровичъ доказали на дѣлѣ, что они могутъ сдѣлать въ тѣхъ странахъ.

—

Къ празднику вышелъ прекрасный литературно-ученый альманахъ «Комета», изданный Н. М. Щепкинымъ. Отлагая разборъ его до слѣдующихъ книжекъ М., сообщимъ пока его содержаніе:

1. Первое Апрѣля, сцены изъ свѣтской жизни, *Евгеніи Туръ.*
2. Вѣдунъ и Вѣдьма, *А. Н. Аѳанасьева.*
3. Два отрывка изъ записокъ артиста, *М. С. Щепкина.*
4. Пѣсни Эдды о Нибелунгахъ, *Т. Н. Грановскаго.*
5. Разговоръ на большой дорогѣ, *И. С. Тургенева.*

Digitized by Google

6. О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ, *С. М. Соловьева.*
7. Эпизодъ изъ романа, *Евгенія Туръ.*
8. Неожиданный случай, драматическій этюдъ, *А. Н. Островскаго.*
9. Сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ при Царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, *И. Е. Забѣлина.*
10. Идеалистъ, повѣсть, *А. В. Станкевича.*

Сообщаемъ содержаніе недавно вышедшей 5 книжки Военнаго Журнала. *I. Военныя науки вообще:* 1) О военной наукѣ, въ связи ея съ прочими науками и съ общественнымъ бытомъ. Соч. Луиджи Бланка. 2) Очеркъ исторіи Генеральнаго Штаба въ западной Европѣ и въ Россіи. Соч. Князя Голицына.—II. Библіографія: 1)Опытъ усовершенствованія артиллеріи, соч. Графа Ромеленя. 2) Военная переписка Принца Евгенія Савойскаго, изд. Геллеромъ и проч. — III *Разныя извѣстія:* Отзывъ Док. Пирогова объ Алжирскихъ носилкахъ для раненыхъ испытанныхъ на Кавказѣ. — Исторія Бенгальской арміи. — Мнѣніе Принца Адальберта Прусскаго о военномъ значеніи Гибралтарскаго, пролива. — Захарій Тейлоръ. — Генералъ д' Аспре́. — Военный Журналъ выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца, книжками въ 10 и болѣе листовъ съ приложеніемъ картъ, плановъ, и стоитъ съ пересылкою по почтѣ 3 р. с.

Отъ Редакціи.

Редакція должна объяснить читателямъ замедленіе этой книги: седьмая вышла 2 Апрѣля, въ понедѣльникъ на Страстной недѣлѣ, слѣдовательно для напечатанія осьмой приходились недѣли Страстная и Святая, когда типографіи почти не работаютъ. Такъ какъ 8-я отняла теперь цѣлую недѣлю отъ 9, то послѣдняя не можетъ иначе выйдти, какъ почти въ одно время съ 10-й: почему онѣ и соединятся въ одинъ переплетъ. Редакція впрочемъ рада этому случаю: издавъ двѣ половины книги теперь въ одно время, она представитъ осязательный примѣръ, для сравненія нашего мѣсяца съ мѣсяцемъ другихъ журналовъ, читателямъ, которые требуютъ иногда отъ каждой книги Москвитянина такой полноты отдѣленій, какая возможна только въ соединеніи двухъ книгъ,—требуютъ, забывая, что каждая книга Москвитянина есть только половина мѣсяца, что только двѣ книги составляютъ мѣсяцъ или полную книгу, ибо Москвитянинъ выходитъ въ 24 книгахъ, а не въ 12.

Digitized by Google

ГЛАВА XX.

Домашній бытъ Стирфортса.

Въ восемь часовъ, когда служанка постучалась ко мнѣ и сказала, что вода для бритья поставлена за дверьми, я тяжело почувствовалъ, что не имѣю нужды въ ней, и покраснѣлъ въ постелѣ. — Подозрѣніе — что она смѣялась надо мною, говоря это, волновало меня во все время, пока я одѣвался, и придало мнѣ — въ этомъ я увѣренъ — видъ униженія, когда я прошелъ по лѣстницѣ мимо ея, сходя внизъ къ завтраку. Я такъ остерегался, въ этомъ дѣлѣ казаться моложе, нежели сколько желалъ быть, что нѣсколько времени вовсе не могъ собраться съ духомъ, чтобы пройдти мимо ея, при унизительныхъ обстоятельствахъ этого событія; услыхавъ, что она тамъ съ мелью, я остановился посмотрѣть въ окно на Короля Карла сидѣвшаго верхомъ, и окруженнаго толпившимися извощичьими каретами, и народомъ, который смотрѣлъ на все разиня ротъ, сквозь мелкій холодный дождь и мрачный туманъ, — до тѣхъ поръ, когда слуга увѣдомилъ меня, что меня ожидаетъ Стирфортсъ.

Я засталъ Стирфортса въ щегольской особенной комнатѣ, съ красными занавѣсами и турецкими коврами; ярко пылалъ огонь, и вкусный горячій завтракъ былъ разставленъ на столѣ, покрытомъ чистою скатертью, и веселая картина комнаты, огня, завтрака, Стирфортса—всего отражалась въ маленькомъ кругломъ зеркалѣ надъ буфетомъ. Я сначала совершенно смѣшался, увидѣвъ Стирфортса въ такой степени владѣвшимъ собою, щеголеватымъ, выше меня во всѣхъ отношеніяхъ (не исключая лѣтъ): но его непринужденное покровительство вскорѣ привело все въ порядокъ, и я совершенно сталъ

Digitized by Google

какъ дома. Я не могъ надивиться перемѣнѣ, которую онъ произвелъ въ Голденкроссѣ, ни сравнивать скучнаго, отчаяннаго положенія, въ которомъ находился я вчера, съ удобствомъ и обществомъ нынѣшняго утра. Что касается до фамиліярнаго обращенія со мною слуги, оно совершенно исчезло, какъ будто бъ его никогда и не было. Онъ служилъ намъ, если могу такъ выразиться, въ власяницѣ и подъ пепломъ.

— Ну, Копперфильдъ, — сказалъ Стирфортсъ, когда мы остались одни, — я бы желалъ знать, что ты подѣлываешь, и куда ѣдешь, и все что до тебя касается. Я все думаю, что ты мой.

Отъ радости, что онъ все еще принималъ участіе во мнѣ, я разсказалъ ему, какимъ образомъ бабушка предложила мнѣ предпринять небольшое путешествіе, и что оно имѣетъ предметомъ.

— Такъ ты, стало быть, не спѣшишь?— сказалъ Стирфортсъ;—поѣдемъ же со мной въ Гайгэтъ, проживешь тамъ день, другой. Тебѣ понравится моя мать, она немножко тяжела и докучлива въ отношеніи ко мнѣ, но ты можешь извинить ее въ этомъ, и ты ей понравишься.

— Я бы желалъ столько быть увѣренъ въ этомъ, сколько ты самъ, какъ говоришь это.... изъ вѣжливости,—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— О! — сказалъ Стирфортсъ, — тотъ, кто меня любитъ, имѣетъ на меня право, которое непремѣнно будетъ признано.

— Въ такомъ случаѣ, я надѣюсь сдѣлаться любимцемъ, — сказалъ я.

— Хорошо!—сказалъ Стирфортсъ.—Поѣдемъ же, и докажи это. Отправимся посмотрѣть на львовъ часъ или два — пріятно имѣть при себѣ такого товарища, какъ ты, кому бы показать ихъ, Копперфильдъ, — а потомъ поѣдемъ въ Гайгэтъ, въ почтовомъ экипажѣ.

— Я не вѣрилъ себѣ, что все это происходило не во снѣ, и что я не проснусь тотчасъ же въ сорокъ-четвертомъ нумерѣ, передъ одинокимъ буфетомъ въ столовой, и слугой съ непринужденнымъ обращеніемъ. Написавъ къ бабушкѣ и разсказавъ ей о счастливой встрѣчѣ съ старымъ товарищемъ по школѣ, которому удивлялся, и о томъ, что принялъ его

Digitized by Google

предложеніе, я поѣхалъ съ Стирфортсомъ въ фіакрѣ: мы посмотрѣли панораму и нѣкоторыя другія зрѣлища, и прошлись по музеуму, гдѣ я невольно замѣтилъ, какъ много Стирфортсъ имѣлъ свѣдѣній о безконечномъ числѣ разнородныхъ предметовъ, и какъ мало цѣнилъ онъ всѣ свои познанія.

— Ты займешь славную степень въ коллегіумѣ, Стирфортсъ, — сказалъ я, — если еще и не занялъ: они тамъ должны будутъ тобою гордиться.

— Какую степень! — воскликнулъ Стирфортсъ. — Съ чего ты взялъ, милая моя маргаритка? Ты не сердись, когда я буду называть тебя маргариткой?

— Нимало! — сказалъ я.

— Славный ты малый, милая маргаритка,—сказалъ Стирфотсъ, смѣясь, — я не имѣю ни малѣйшаго желанія или намѣренія отличаться съ этой стороны. Я довольно сдѣлалъ для себя. Я нахожу, что я самъ для себя составляю довольно тяжелое общество, каковъ ни есть.

— А слава? — началъ было я.

— Романическая ты маргаритка! — сказалъ Стирфортсъ, еще болѣе смѣясь отъ души, — къ чему мнѣ безпокоить себя для того, чтобы нѣсколько человѣкъ съ тяжелыми головами могли разѣвать ротъ, смотря на меня и указывать пальцами? Пусть дѣлаютъ это для кого-нибудь другаго. Для кого въ этомъ слава, кому это сладко?

Мнѣ было стыдно, что я сдѣлалъ такую ошибку, и я радъ былъ перемѣнить разговоръ. Къ счастію, это было не трудно, оттого, что Стирфортсъ всегда могъ перейдти отъ одного предмета къ другому съ безпечностью и легкостью, которыя были ему врожденны.

За этимъ слѣдовала закуска, и короткій зимній день прошелъ такъ скоро, что было ужъ темно, когда почтовая карета остановилась съ нами у стараго кирпичнаго дома въ Гайгэтѣ, на небольшомъ возвышеніи.

Пожилая леди, хотя еще не очень преклонныхъ лѣтъ, съ гордою осанкою и пріятною наружностію, стояла въ сѣняхъ, когда мы слѣзли, и привѣтствуя Стирфортса словами:

Digitized by Google

«милый Джэмсъ», заключила его въ свои объятія. Этой леди онъ представилъ меня, какъ своей матери, и она сдѣлала мнѣ ласковый привѣтъ.

Это былъ уютный старинный домъ, весьма спокойный и удобный. Изъ окошекъ моей комнаты я видѣлъ весь Лондонъ, лежавшій въ отдаленіи какъ огромный туманъ, съ огоньками, кое-гдѣ мерцающими насквозь. Я только успѣлъ, одѣваясь, взглянуть на массивную мебель, шитыя картины въ рамкахъ, (работа, я полагаю, матери, Стирфортса, когда она еще была дѣвушкою), и нѣкоторыя картины, писанныя карандашемъ, изображавшія дамъ съ напудренными волосами въ корсажахъ, которыя ходили взадъ и впередъ на стѣнахъ, когда трещалъ и брызгалъ только что зажженный огонь,—какъ позвали меня обѣдать.

Въ столовой была еще другая дама, ничтожной наружности, небольшаго роста, смуглая и непріятнаго вида, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ добрыми повидимому чертами, что обратило на себя мое вниманіе, оттого можетъ быть, что я не ожидалъ ее видѣть, или потому, что мнѣ случилось сидѣть противъ нея, или потому, что въ ней было что-нибудь дѣйствительно замѣчательное. У нея были черные волосы и сверкающіе черные глаза; она была худощава, и имѣла рубецъ на губѣ. Этотъ рубецъ—(приличнѣе бы его назвать шромъ, потому, что онъ былъ не безцвѣтенъ, и ужъ нѣсколько лѣтъ какъ зажилъ)—который когда-то разрѣзалъ весь ея ротъ внизъ до подбородка, теперь черезъ столъ, едва виднѣлся только надъ верхней губою и на самой губѣ, которой онъ испортилъ форму. Я заключилъ въ собственномъ моемъ умѣ, что ей было около тридцати лѣтъ, и что она желаетъ выйдти замужъ. Она немножко обветшала, какъ домъ, который долго не отдавался въ наймы; однако имѣла, какъ я уже сказалъ, снаружи видъ довольно порядочный.

Она была представлена намъ подъ именемъ миссъ Дартль, и Стирфортсъ, мать и сынъ, называли ее своею Розою. Я узналъ, что она здѣсь живетъ, и долгое время была подругою миссисъ Стирфортсъ. Мнѣ показалось, что она никогда не говорила напрямикъ того, что хотѣла сказать; но

Digitized by Google

всегда только намекала на то, и отъ этой привычки затягивала свою рѣчь. Такъ, напр., когда миссисъ Стирфортсъ замѣтила болѣе въ шутку, чѣмъ серьёзно, что она опасается, что сынъ ея ведетъ разсѣянную жизнь въ коллегіумѣ, миссъ Дартль начала такъ:

— О! въ самомъ дѣлѣ? Вы знаете, какая я невѣжда, и я спрашиваю только къ свѣдѣнію, но развѣ это не всегда бываетъ такъ? Я думала, что тамъ обыкновенно.... э?

— Приготовляются къ очень важнымъ занятіямъ—Роза, вы вѣрно это хотѣли сказать? — отвѣчала миссисъ Стирфортсъ, отчасти съ холодностью.

— О! конечно! это совершенно справедливо, — возразила миссъ Дартль. — Но не такъ ли это, однако? Я желаю, чтобы меня научили, если я ошибаюсь; не дѣйствительно ли это такъ?

— Не дѣйствительно ли что? — спросила миссисъ Стирфортсъ.

— О! вы думаете, что нѣтъ!—возразила миссъ Дартль.— Прекрасно, я очень рада это слышать! Теперь, я знаю, что̀ дѣлать. Вотъ что значатъ вопросы. Я не позволю никому говорить при мнѣ ни о какихъ безпорядкахъ тамошнихъ, никогда не позволю.

— И будете правы, — сказала миссисъ Стирфортсъ;— надзиратель моего сына честный джентльменъ; и еслибъ я не имѣла безусловнаго довѣрія къ сыну, такъ имѣла бы къ нему.

— Имѣли бы? — сказала миссъ Дартль. — Добрая моя! Честный—полно такъ ли? Въ самомъ дѣлѣ честный?

— Да, я въ этомъ увѣрена, — сказала миссисъ Стирфортсъ.

— Какъ это хорошо!—воскликнула миссъ Дартль.—Какое утѣшеніе! Истинно честный? Стало быть онъ не.... но, конечно; не можетъ быть, если онъ точно честенъ.

— Такъ я вполнѣ буду счастлива въ моемъ мнѣніи на его счетъ, съ нынѣшняго дня. Вы не можете себѣ представить, какъ возвышаетъ его въ моемъ мнѣніи то, что я знаю его за истинно-честнаго человѣка! — Точно такимъ же образомъ миссъ Дартль сообщала свои собственныя мнѣнія о каждомъ

вопросъ, и поправки всего, что было сказано, и съ чѣмъ она не согласовалась, и иногда, я не могъ не сознаться въ этомъ, съ большею силою, хоть въ противорѣчіи даже съ Стирфортомъ. Подобный случай вышелъ еще до конца обѣда. Миссисъ Стирфортсъ разговаривала со мною о моемъ намѣреніи ѣхать въ Сёффолькъ, и я случайно сказалъ, какъ бы я былъ радъ, еслибъ Стирфортсъ съѣздилъ туда со мною; а объясняя ему, что я ѣду туда повидаться съ прежней моей нянею и семействомъ мистера Пеготти, я напомнилъ ему о лодочникѣ, котораго онъ когда-то видѣлъ въ школѣ.

— А, этотъ здоровякъ, — сказалъ Стирфортсъ. Онъ, кажется, еще приводилъ съ собою сына; не такъ ли?

— Нѣтъ. Это былъ его племянникъ, — отвѣчалъ я, — котораго онъ впрочемъ усыновилъ. Но есть у него еще премиленькая племянница, которая у него какъ дочь. Словомъ, его домъ, или лучше сказать, его барка, потому что онъ живетъ въ баркѣ, но на твердой землѣ, полна людей, которые всѣ облагодѣтельствованы имъ и нѣжно любимы. Ты будешь очарованъ его семейнымъ бытомъ.

— Право? — сказалъ Стирфортсъ. — Да и въ самомъ дѣлѣ должно быть пріятно это видѣть. Я подумаю, какъ это устроить. Стоитъ того съѣздить — не говоря ужъ объ удовольствіи ѣхать съ тобою, Дэви — посмотрѣть на этихъ людей, пожить съ ними.

Сердце мое забилось отъ новой надежды на удовольствіе. Но въ разсужденіи тона, съ которымъ онъ говорилъ объ этихъ людяхъ, миссъ Дартль, которой блестящіе глаза слѣдили за нами, опять вступилась.

— Какъ же это, въ самомъ дѣлѣ? Скажите пожалуйста. Такъ они, точно.... сказала она.

— Точно они это? И кто такое: они?—сказалъ Стирфортсъ.

— Да эти люди, этотъ народъ. Точно они животныя и чурбаны, и существа особеннаго рода? Мнѣ бы такъ хотѣлось узнать все это.

— Ну да, между нами и ими большая разница, — сказалъ Стирфортсъ, съ равнодушіемъ. — Нельзя ожидать, чтобы они были такъ же нѣжны, какъ мы. Ихъ деликат-

Digitized by Google

ность не такъ легко оскорбляется, или можетъ быть задѣта. Они удивительно простодушны, добродѣтельны,—есть люди, которые въ этомъ увѣрены, и я не хочу имъ противорѣчить, — но они не имѣютъ нѣжныхъ натуръ, и обязаны этимъ тому, что не легко могутъ быть ранены, точно также, какъ ихъ грубая толстая кожа.

— Неужели!—сказала миссъ Дартль.—Право, я не знаю, когда я больше теперешняго радовалась тому, что это слышу. Это такъ утѣшительно! Какое наслажденіе знать, что, когда они страдаютъ, они этого не чувствуютъ. Бывало, мнѣ ужасно жалко этого народа; но теперь совсѣмъ откажусь отъ этой мысли. Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Я сомнѣвалась, сознаюсь въ этомъ, но теперь все объяснено. Я не знала, а теперь я знаю; и это доказываетъ всю выгоду спрашивать; не правда ли?

Я думалъ, что Стирфортъ сказалъ то, что онъ говорилъ, въ шутку, или чтобъ выпутать миссъ Дартль, и ожидалъ, что онъ распространится объ этомъ, когда она ушла, и мы остались вдвоемъ, сидя передъ каминомъ. Но онъ только спросилъ меня, что я о ней думаю.

— Она очень умна; не такъ ли?—спросилъ я.

— Умна? она все кладетъ на оселокъ, — сказалъ Стирфортъ, — и точитъ, такъ какъ она точила свое лицо и свою фигуру вотъ уже нѣсколько лѣтъ, и совсѣмъ вытерлась отъ безпрестаннаго натягиванья. Она — настоящее лезвее.

— Какой у ней шрамъ на губѣ!

Стирфортъ измѣнился въ лицѣ, и молчалъ нѣсколько минутъ.

— Это я сдѣлалъ.

— Нечаянно?

— Нѣтъ. Я былъ тогда мальчикъ, она вывела меня изъ терпѣнія, а я пустилъ въ нее молоткомъ. Хорошія я подавалъ надежды!

Я глубоко сожалѣлъ, что коснулся такой непріятной темы, но ужъ было поздно.

Она съ тѣхъ поръ носитъ этотъ знакъ, какъ ты видишь,— сказалъ Стирфортъ, — и будетъ носить его до гроба, если

успокоится въ гробу, хотя я и думаю, что едва ли она успокоится, гдѣ бы то ни было. Она дочь дальняго родственника батюшки. Онъ умеръ. Матушка, которая въ то время была вдовою, взяла ее сюда, для компаніи. У нея есть тысячи двѣ фунтовъ стерлинговъ своихъ денегъ, и каждый годъ она сберегаетъ проценты, и прикладываетъ ихъ къ капиталу. Вотъ тебѣ исторія миссъ Розы Дартль.

— Я увѣренъ, что она тебя любитъ, какъ брата,—сказалъ я.

— Гмъ!—проворчалъ Стирфортъ, посматривая на огонь.— Есть братья, которыхъ таки не очень любятъ; а иная любовь, не хлопочи о себѣ, Копперфильдъ! Мы будемъ рвать полевыя маргаритки, въ честь твою; а лиліи долинъ, что не заботятся о себѣ и не ткутъ, — для меня: тѣмъ больше мнѣ стыда!

Странная улыбка, покрывшая черты его лица, прояснилась, когда онъ шутливо сказалъ это, и онъ сдѣлался непринужденъ и любезенъ по прежнему.

Когда мы явились къ чаю, я не могъ не глядѣть на шрамъ съ мучительнымъ участіемъ. Не задолго передъ тѣмъ я замѣтилъ, что шрамъ этотъ былъ самая чувствительная часть ея лица, и что когда она блѣднѣла, онъ прежде всего измѣнялся въ цвѣтѣ, и становился мрачною полосою свинцоваго цвѣта, темнѣя во всю свою длину, подобно знаку химическихъ чернилъ, поднесенному къ огню. Между нею и Стирфортомъ произошелъ небольшой споръ за ударъ въ триктракѣ; она на минуту показалась мнѣ въ припадкѣ бѣшенства, и въ это время шрамъ выступилъ, какъ старыя письмена на стѣнѣ.

Меня не удивляло, что миссисъ Стирфортъ была предана своему сыну. Она, казалось, не умѣла говорить или думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ его. Она показала мнѣ его портретъ, когда онъ былъ ребенкомъ, — въ браслетѣ, съ его волосами; она показала мнѣ его портретъ, какимъ онъ былъ, когда я съ нимъ познакомился; она носила на груди его портретъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ теперь. Всѣ письма, которыя онъ къ ней когда-нибудь писалъ, она берегла въ шкапчикѣ, возлѣ ея креселъ около камина; и она бы прочла мнѣ нѣкоторыя изъ нихъ, да и я бы былъ очень радъ ихъ

Digitized by Google

послушать, если бы онъ не вступился, и не принудилъ ея отказаться отъ этого намѣренія.

— Сынъ говорилъ мнѣ, что вы познакомились у мистера Крикль, —сказала миссисъ Стирфортсъ, разговаривая со мною за однимъ столомъ, между тѣмъ какъ тѣ играли въ трик-тракъ. — Точно, я помню, онъ въ то время говорилъ мнѣ объ ученикѣ, помоложе его, котораго онъ тамъ очень любилъ; но имя ваше, вы можете предположить, не сохранилось у меня въ памяти.

— Онъ былъ очень добръ ко мнѣ въ то время, увѣряю васъ, — сказалъ я, — а мнѣ былъ нуженъ такой другъ: безъ него меня бы совсѣмъ задавили.

— Онъ всегда добръ и благороденъ, — сказала миссисъ Стирфортсъ, съ гордостью.

Я былъ съ этимъ согласенъ отъ всего сердца — видитъ Богъ. Она это знала, и важность ея обращенія всегда смягчалась предо мною, исключая, когда она говорила въ его похвалу, и тогда видъ ея былъ величавъ.

— Эта школа вообще негодилась для моего сына, — сказала она,—далеко отъ этого; но въ то время нужно было принять въ соображеніе особенныя обстоятельства, которыя были важнѣе самаго выбора. Высокій умъ моего сына заставлялъ желать его помѣщенія у человѣка, который бы чувствовалъ его превосходство, и готовъ былъ бы уступить ему: такого человѣка мы и нашли.

Я это зналъ, зная Крикля, а все-таки я за это не презиралъ его, но считалъ это скорѣе въ немъ за искупающее свойство, и радъ былъ помиловать его за то, что онъ не противился непреодолимому вліянію Стирфортса.

— Рѣдкія способности моего сына были возбуждены чувствомъ добровольнаго соревнованія и сознательной гордости, — продолжала добрая леди. — Онъ возсталъ бы противъ всякаго принужденія; но увидѣвъ себя первымъ, онъ рѣшился сдѣлаться достойнымъ своего положенія. Это въ его натурѣ.

Я, какъ эхо, отъ всей души и всего сердца повторялъ, что это въ его натурѣ.

Digitized by Google

— Такимъ образомъ мой сынъ, по своей волѣ, и безъ всякаго понужденія, вышелъ на дорогу, гдѣ онъ, если захочетъ, всегда можетъ отстранить всякаго соперника — продолжала она.—Сынъ мой говоритъ, мистеръ Копперфильдъ, что вы вполнѣ ему преданы, и что, когда вы вчера съ нимъ встрѣтились, вы подошли къ нему со слезами радости. Я бы солгала, еслибъ вздумала казаться удивленною тѣмъ, что онъ внушаетъ такія чувства; но я не могу быть равнодушною къ тѣмъ людямъ, которые чувствуютъ его достоинства, и очень рада, что вижу васъ здѣсь; могу васъ увѣрить, что онъ питаетъ къ вамъ необыкновенную дружбу, и что вы можете полагаться на его покровительство.

Миссъ Дартль играла въ триктракъ такъ ревностно, какъ она дѣлала все вообще. Еслибъ я въ первый разъ увидѣлъ ее за доскою, я могъ бы подумать, что ея лицо похудѣло, а глаза увеличились за этимъ дѣломъ, а не за какимъ-нибудь другимъ. Но я бы очень ошибся, еслибъ подумалъ, что она не дослышала хоть одного изъ этихъ словъ, или пропустила хоть одинъ мой взглядъ, въ то время, когда я съ величайшимъ удовольствіемъ слушалъ, и, гордясь довѣріемъ миссисъ Стирфортсъ, чувствовалъ себя старшимъ, чѣмъ во все время послѣ того, какъ оставилъ Кентербёри. Когда прошла большая часть вечера, и появился подносъ съ графинами и стаканами, Стирфортсъ обѣщалъ серьёзно подумать о томъ, чтобы съѣздить со мною въ деревню. Не къ чему было спѣшить; довольно было посвятить недѣлю; и мать его гостепріимно сказала тоже. Пока мы разговаривали, онъ не одинъ разъ назвалъ меня маргариткою, что опять подстрекнуло миссъ Дартль.

— Мистеръ Копперфильдъ,—спросила она,—что это за прозвище? Зачѣмъ онъ васъ такъ прозвалъ? Это ужъ не оттого ли, что считаетъ васъ молодымъ и невиннымъ? Я такъ глупа въ этихъ вещахъ?

Я отвѣчалъ краснѣя: — думаю, что по этому.

— О! — сказала миссъ Дартль, — какъ я рада, что это узнала! Я спрашиваю, потому что не знаю, и радуюсь, что узнала. Онъ думаетъ, что вы молоды и невинны и оттого-то вы его другъ. Это право очаровательно!

Digitized by Google

Вскорѣ послѣ этого она пошла спать, и миссисъ Стирфортсъ тоже удалилась. Стирфортсъ и я, просидѣвъ около получаса у камина, въ разговорѣ о Треддльсѣ и прочихъ товарищахъ Салемъ-Гауза, вмѣстѣ ушли на верхъ. Комната Стирфортса была возлѣ моей, и я вошелъ взглянуть на нее. Это была полная картина удобства, вся уставленная мягкими креслами, съ подушками и табуретами, вышитыми рукою его матери: не было забыто ничего, что могло сдѣлать удобство безусловнымъ. Къ довершенію всего, прекрасныя черты миссисъ Стирфортсъ смотрѣли на ея любимца съ портрета, висѣвшаго на стѣнѣ, какъ будто бы для нея нужно было, чтобы ея изображеніе стерегло его сонъ.

Я нашелъ въ моей комнатѣ ярко пылавшій огонь, занавѣсы, задернутые передъ окнами и вокругъ кровати, и придававшіе ей щегольской видъ. Я усѣлся въ огромныя кресла передъ очагомъ, и сталъ мечтать о моемъ счастіи; и я уже размышленіемъ о немъ наслаждался впродолженіе нѣкотораго времени, когда увидѣлъ подобіе миссъ Дартль, пристально глядѣвшее на меня надъ каминомъ.

Сходство было удивительное и изображеніе необходимо имѣло поражающій взглядъ. Живописецъ не изобразилъ рубца, но я его дополнилъ мысленно, и онъ виднѣлся, являясь и исчезая, то ограничиваясь верхней губой, какъ я видѣлъ его за обѣдомъ, то показываясь во всю длину рамы, нанесеннымъ молоткомъ, какъ видѣлъ я его, когда она была встревожена.

Я съ боязнію удивлялся, почему не могли повѣсить ее гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы помѣстить надо мною. Чтобы избавиться отъ нея, я поспѣшно раздѣлся, потушилъ свѣчку, и легъ въ постель. Но, засыпая, я не могъ забыть, что она все еще глядитъ. «Да такъ ли это? Мнѣ хочется знать это», и когда я ночью проснулся, мнѣ казалось, что я безъ толка спрашивалъ встрѣчнаго и поперечнаго: «такъ ли это?» не зная самъ, о чемъ думалъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXI.

Маленькая Эмли.

Въ домѣ былъ слуга, человѣкъ, который, — сколько я понялъ, — обыкновенно находился при Стирфортѣ, и поступилъ къ нему въ услуженіе въ колледжѣ, и который былъ, повидимому, образчикомъ *почтенства*. Я полагаю, что никогда въ его состояніи не существовало человѣка, болѣе его почтеннаго на взглядъ. Онъ былъ молчаливъ, ходилъ тихо, былъ спокоенъ въ своихъ пріемахъ, сговорчивъ, внимателенъ, всегда подъ рукою, когда въ немъ нуждались, никогда на лицо, когда онъ былъ не нуженъ; но главное его право на уваженіе была его наружность: въ ней не было ничего особенно-униженнаго; онъ скорѣе имѣлъ негибкій затылокъ, прямую гладкую голову съ короткими волосами, прилегавшими по сторонамъ, привычку говорить тихо, и какимъ-то особеннымъ образомъ произносилъ букву *с*, такъ что онъ, казалось, употреблялъ ее чаще, нежели другой кто; но всякая его странность казалась какъ-то уважительною. Еслибъ носъ его былъ верхнею частію обращенъ внизъ, онъ бы и тому умѣлъ сообщить уважительность. Онъ ограждалъ себя какою-то атмосферою уваженія и безопасно ходилъ въ ней.

Во-первыхъ, было бы совершенно невозможно подозрѣвать его въ чемъ-нибудь дурномъ, до того онъ былъ почтенъ. Ни кому не могло придти въ голову одѣть его въ ливрею, потому что онъ былъ въ высшей степени почтенъ. Наложить на него какую-нибудь унизительную должность, значило бы легкомысленно нанести оскорбленіе чувствамъ самаго почтеннаго человѣка. И что касается до этого, вся женская прислуга — какъ я замѣтилъ — до того безсознательно была убѣждена въ этомъ, что всѣ служанки всегда сами исполняли черную работу, и большею частію въ то время, когда онъ, въ буфетѣ, читалъ газеты у камина.

Никогда я не видалъ человѣка, владѣющаго до такой степени самимъ собою. Но въ разсужденіи этого свойства, какъ и всякаго другаго, которымъ обладалъ, онъ казался

Digitized by Google

тѣмъ болѣе почтеннымъ. Даже и то обстоятельство, что никому не было извѣстно имя, данное ему при крещеніи, какъ бы содѣйствовало этому. Нельзя было ничего сказать противъ фамиліи Литтимеръ, подъ которою всѣ его знали. Питера могли повѣсить, Тома сослать; но Литтимеръ былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ почтенный.

Можетъ быть, эта почтенность въ отвлеченномъ смыслѣ была причиною того, что я преимущественно чувствовалъ себя молодымъ въ присутствіи этого человѣка.

Сколько ему самому было лѣтъ, этого я не могъ отгадать — и это также увеличивало его значеніе, потому что въ спокойствіи своей почтенности онъ могъ быть пятидесяти лѣтъ отъ роду, точно также какъ и тридцати.

Литтимеръ пришелъ къ мою комнату, прежде нежели я всталъ, подалъ мнѣ воду для бритья, такъ досадно обличающую мою молодость, и выложилъ для меня платья. Когда я отдернулъ занавѣсы и выглянулъ изъ постели, я увидѣлъ его, въ ровной температурѣ почтенности, не смущеннаго восточнымъ январскимъ вѣтромъ; дыханіе его не показывало даже, что на дворѣ холодно; онъ стоялъ въ первой позиціи, держа въ правой и въ лѣвой рукѣ по сапогу, и сдувая пылинки съ моего сюртука, лежащаго на стулѣ

Я пожелалъ ему добраго утра, и спросилъ его, который часъ. Онъ вынулъ изъ кармана самые почтенные золотые часы, какіе мнѣ когда-либо случалось видѣть, и придерживая пальцомъ пружину, чтобы не слишкомъ они открылись, посмотрѣлъ на циферблатъ, какъ будто совѣтуясь съ оракуломъ, заключеннымъ въ устрицѣ, закрылъ ихъ и сказалъ:

— Смѣю доложить, половина девятаго. Мистеръ Стирфортъ очень будетъ радъ узнать, какъ вы почивали, сэръ.

— Благодарю васъ, — сказалъ я, — какъ нельзя лучше. Здоровъ ли мистеръ Стирфортъ?

— Благодарю васъ, сэръ, мистеръ Стирфортъ чувствуетъ себя довольно хорошо.

Другая отличительная его черта — избѣгать всякихъ превосходныхъ степеней. Всегда, во всемъ — холодная, спокойная середина.

Digitized by Google

— Не могу ли имѣть честь ещe чѣмъ послужить вамъ, сэръ? Звонокъ пробьетъ въ девять часовъ, семейство завтракаетъ въ половинѣ десятаго.

— Нѣтъ, ничего, благодарю васъ.

— Я долженъ *васъ* благодарить съ вашего позволенія.

Съ этимъ словомъ, и слегка кивнувъ головою, какъ бы извиняясь въ своей поправкѣ, онъ вышелъ и притворилъ дверь такъ тихо, какъ будто я только что погрузился въ сладкій сонъ, отъ котораго зависитъ моя жизнь.

Каждое утро мы аккуратно вели этотъ разговоръ; никогда не болѣе и не менѣе, какъ ни возвышался я надъ самимъ собою наканунѣ, и вступалъ въ болѣе зрѣлый возрастъ, благодаря товариществу Стирфортса, или довѣрію миссисъ Стирфортсъ, или бесѣдѣ миссъ Дартль; но въ присутствіи этого почтеннѣйшаго человѣка, я становился, какъ поютъ наши мелкіе поэты — «опять мальчикомъ». Онъ привелъ намъ лошадей, и Стирфортсъ, который все зналъ, училъ меня ѣздить верхомъ. Онъ досталъ для насъ рапиръ, и Стирфортсъ училъ меня фехтовать, — перчатокъ, и я началъ учиться у того же учителя, и упражняться въ кулачномъ бою. Меня ни мало не озабочивало то, что Стирфортсу я покажусь неопытнымъ невѣждою въ этихъ наукахъ; но я никогда не могъ бы перенести стыда обнаружить свою неловкость передъ почтеннымъ Литтимеромъ. Я не имѣлъ причины думать, что Литтимеръ опытенъ въ этихъ искусствахъ; онъ никогда не подалъ мнѣ повода предполагать что-либо въ этомъ родѣ, хоть бы напримѣръ движеніемъ одной изъ его почтенныхъ рѣсницъ; между тѣмъ, когда онъ присутствовалъ, пока мы упражнялись, я чувствовалъ себя самымъ незрѣлымъ и неопытнымъ изъ смертныхъ.

Я вхожу въ особенныя подробности объ этомъ человѣкѣ, какъ потому, что онъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе въ то время, такъ и потому, что случилось въ послѣдствіи. Недѣля прошла самымъ пріятнымъ образомъ. Она протекла быстро, какъ легко предположить для человѣка въ такомъ восторгѣ, какъ я; и все она представила мнѣ столько случаевъ лучше узнать Стирфортса, и удивляться ему въ тысячѣ от-

Digitized by Google

новеній, такъ что въ концѣ ея мнѣ показалось, что я прожилъ съ нимъ вмѣстѣ гораздо долѣе. Его свободные пріемы въ обращеніи со мною, какъ съ игрушкою, были болѣе для меня пріятны, чѣмъ всякое другое обхожденіе, которое бы онъ могъ выбрать. Оно напоминало мнѣ старое наше знакомство; оно казалось естественнымъ его продолженіемъ; оно показывало мнѣ, что онъ не перемѣнился; я оправлялся отъ всякаго непріятнаго чувства, которое могъ бы ощущать, сравнивая его достоинства съ моими, и измѣряя мои права на его дружбу приличнымъ мѣриломъ; однимъ словомъ, это было короткое, несвязанное, дружеское обращеніе, какого не имѣлъ онъ ни съ кѣмъ другимъ. Такъ какъ онъ въ школѣ обходился со мною иначе, чѣмъ со всѣми прочими, то я воображалъ съ удовольствіемъ, что онъ и въ жизни обходится со мною иначе, нежели съ кѣмъ-либо изъ своихъ друзей.

Я вѣрилъ, что я ближе къ его сердцу, нежели какой-нибудь другой другъ, и собственное мое сердце согрѣлось къ нему привязанностію.

Онъ рѣшился ѣхать со мною въ деревню, и день нашего отъѣзда наступилъ. Онъ сначала не зналъ, брать ли ему съ собою Литтимера, но рѣшился оставить его дома. Почтенное существо, довольное своимъ жребіемъ, каковъ бы онъ ни былъ, уложилъ наши чемоданы въ маленькій экипажъ, который долженъ былъ везти насъ въ Лондонъ, какъ будто имъ суждено было испытать всѣ потрясенія вѣковъ, и съ совершеннымъ спокойствіемъ принялъ мое скромно-предложенное ему приношеніе.

Мы распростились съ миссисъ Стирфортъ и миссъ Дартль, со многими изъявленіями благодарности съ моей стороны и большими ласками со стороны нѣжной матери. Послѣднее, что я увидѣлъ, былъ неподвижный взглядъ Литтимера, говорившій, какъ мнѣ показалось, молчаливымъ убѣжденіемъ, что я истинно очень молодъ.

Что чувствовалъ я, пріѣхавши назадъ съ счастливыми предзнаменованіями въ старыя родныя мѣста, — того я не стану описывать. Мы пріѣхали съ почтою. Я помню, что я такъ заботился о чести Ярмута, что когда Стирфортъ сказалъ,

Digitized by Google

пока мы ѣхали по темнымъ улицамъ къ трактиру, что сколько онъ можетъ заключить такъ это что-то въ родѣ добраго страннаго уголка,—то я весьма этому обрадовался. Мы тотчасъ послѣ пріѣзда улеглись спать (я замѣтилъ пару грязныхъ башмаковъ и сапоговъ въ связи съ старымъ моимъ другомъ Дольфиномъ, когда мы проѣли около двери), и позавтракали поздно утромъ. Стирфортъ, который былъ въ самомъ веселомъ духѣ, бродилъ по берегу, прежде нежели я всталъ, и познакомился, какъ говорилъ онъ, съ половиною лодочниковъ въ этомъ мѣстѣ. Сверхъ того, онъ видѣлъ въ отдаленіи, что-то, что непремѣнно, по его предположенію, должно быть домомъ мистера Пеготти, съ дымомъ, выходящимъ изъ трубы; и ему очень захотѣлось войдти туда, и божиться, что это я, который такъ выросъ, что невозможно меня узнать.

— Когда ты намѣренъ привезти меня туда, Дези? — сказалъ онъ. Я къ твоимъ услугамъ. Дѣлай свои распоряженія.

— Я думаю, что всего удобнѣе сегодня вечеромъ, Стирфортъ, когда всѣ они сидятъ вокругъ огня, Я желалъ бы, чтобы ты посмотрѣлъ, когда у нихъ всѣ убрано, это прелюбопытное мѣсто.

— Пусть будетъ такъ!—возразилъ Стирфортъ,—сегодня вечеромъ.

— Я не подамъ ни малѣйшаго виду, что мы здѣсь, ты знаешь, — сказалъ я весело. — Намъ должно застать ихъ въ расплохъ.

— О! разумѣется,—сказалъ Стирфортъ,—что за радость если не застанемъ ихъ въ расплохъ. Посмотримъ на туземцевъ въ ихъ народномъ быту.

— Хотя они именно тотъ родъ людей, о которыхъ ты упоминалъ, — возразилъ я.

— Ага! вотъ что! Ты напоминаешь мнѣ стычки мои съ Розою, такъ ли?—воскликнулъ онъ, съ быстрымъ взглядомъ. Провались эта дѣвка, я право боюсь ея. Она для меня привидѣніе. Да что о ней поминать! Ну что ты теперь хочешь дѣлать? Ты, вѣроятно, отправишься навѣстить свою няню?

— Разумѣется, — сказалъ я, — мнѣ прежде всего нужно повидаться съ Пеготти.

Digitized by Google

— Хорошо,—сказалъ Стирфортсъ, посмотрѣвъ на часы.— Положимъ, что я отпущу тебя и дамъ тебѣ свободу на 2 часа. Будетъ съ тебя?

Я отвѣчалъ, смѣясь, что, какъ кажется, намъ можно будетъ кончить въ это время, но что и ему должно идти со мною; что молва его предупредила, и что онъ точно такая важная же особа, какъ и я самъ.

— Я пойду куда тебѣ угодно,—сказалъ Стирфортсъ,—и сдѣлаю все, что хочешь. Скажи мнѣ куда идти, и я въ два часа явлюсь въ какомъ тебѣ угодно видѣ, сентиментальномъ или комическомъ.

Я далъ ему подробныя наставленія, какъ отыскать мѣсто жительства мистера Баркиса, ямщика въ Блёндерстонъ и другія мѣста, и вышелъ одинъ. Воздухъ былъ холоденъ и свѣжъ; земля была суха; море колыхалась и было прозрачно; солнце распространяло обильный свѣтъ, хотя не много теплоты; и все было свѣжо и оживлено. Я самъ такъ былъ свѣжъ и живъ, отъ радости, что нахожусь здѣсь, что готовъ былъ останавливать людей и пожимать у нихъ руки.

Улицы казались маленькими, и это естественно. Улицы, которыя мы видѣли еще дѣтьми, всегда, я думаю, кажутся такими, когда туда возвращаемся. Но я ничего не забылъ на нихъ, и ничего не нашелъ измѣненнымъ, пока не дошелъ до лавки мистера Омёра. Теперь написано было Омёръ и Джорэмъ, гдѣ прежде обыкновенно было Омёръ; но надпись: «Драпировщикъ, портной, лавочникъ, и проч.» оставалась какъ прежде.

Шаги мои какъ будто сами собою направлялись къ дверямъ лавки, когда я прочиталъ эти слова съ противоположной стороны улицы; я перешелъ черезъ улицу и вошелъ. Тамъ, въ задней части лавки, была хорошенькая женщина, которая качала на рукахъ ребенка, между тѣмъ какъ другой маленькій мальчикъ уцѣпился за ея фартукъ. Мнѣ не трудно было узнать Минни и ея дѣтей. Стеклянная дверь въ гостиную не была отворена; но въ мастерской черезъ дворъ я могъ слышать прежнюю музыку, какъ будто она никогда не переставала.

Digitized by Google

—У себя ли мистеръ Омеръ? спросилъ я, вошедши.—Я жслалъ бы его видѣть на минуту, если онъ дома.

— О какъ же, сэръ, онъ дома, сказала Минни; эта погода не дозволяетъ ему выходить со двора при его одышкѣ. Джонъ, позови дѣдушку!

Маленькій мальчикъ, державшій ея фартукъ, такъ вскрикнулъ, что ему самому стало стыдно своего крика, и онъ спряталъ лице свое въ ея платье, къ немалому ея удивленію. Мнѣ послышалось, что кто-то, тяжело пыхтя и отдуваясь, къ намъ приближается, и вскорѣ мистеръ Омеръ, съ болѣе короткимъ дыханіемъ, чѣмъ когда-либо, но вовсе не постарѣвшій, очутился передо мною.

— Слуга покорный, сэръ,—сказалъ мистеръ Омеръ,—чѣмъ я могу служить вамъ, сэръ?

— Вы можете подать мнѣ руку, мистеръ Омеръ, если хотите,—сказалъ я, протянувъ свою.—Вы когда-то были очень добры ко мнѣ, хотя я, помнится, не умѣлъ выказать, что также былъ расположенъ къ вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—возразилъ старикъ. Я очень радъ это слышать, но не припомню, когда это было.—Вы увѣрены, что это былъ я?

— Вполнѣ.

— Я думаю, что память моя также стала коротка, какъ мое дыханіе,—сказалъ мистеръ Омеръ, посматривая на меня и качая головою;—я не могу васъ припомнить.

— Вы не помните, какъ подошли къ каретѣ встрѣчать меня, какъ я здѣсь завтракалъ, и какъ мы вмѣстѣ отправились въ Блёндерстонъ: вы, да я, да миссисъ Джорэмъ и мистеръ Джорэмъ, который не былъ еще тогда ея мужемъ?

— Помилуй Господи душу мою!—воскликнулъ мистеръ Омеръ, послѣ того, какъ удивленіе повергло его въ припадокъ кашля:—что вы говорите! Мини, душа моя, ты помнишь? Да точно! и покойница была на дому, не такъ ли?

— Моя мать,—отвѣчалъ я.

— Ну.... такъ.... сказалъ мистеръ Омеръ, прикасаясь къ моей жилеткѣ вторымъ пальцемъ, и еще былъ маленькій ребенокъ. Тутъ было два покойника. Маленькій былъ положенъ

Digitized by Google

вмѣстѣ съ матерью. Потомъ это было въ Блёндерстонѣ; вотъ славно-то! Какъ вы съ тѣхъ поръ поживали?

Я благодарилъ его, сказавъ, что очень хорошо, и надѣялся, что и онъ также.

— О! роптать не на что, вы знаете, — сказалъ мистеръ Омеръ. — Я нахожу, что мое дыханіе становится коротко, но оно рѣдко бываетъ длиннѣе, когда старѣешься. Я доволенъ тѣмъ, что Богъ даетъ, и стараюсь не желать большаго. Это всего лучше, не правда ли? Мистеръ Омеръ опять закашлялся, вслѣдствіе смѣха, и былъ освобожденъ отъ этого припадка помощію дочери, которая стала теперь около насъ и заставила прыгать младшаго ребенка на конторкѣ.

— Вотъ какой случай! — сказалъ мистеръ Омеръ. — Да, точно такъ. Два покойника! Да, въ самую эту поѣздку, повѣрите ли, назначенъ былъ день свадьбы Минни и Джорэма. Назначьте, сэръ, говоритъ Джорэмъ. Да, батюшка, назначьте, говоритъ Минни. А теперь и онъ занялся моимъ дѣломъ. А посмотрите-ка! Младшій!

Минни засмѣялась, и погладила свои волосы, связанные около висковъ, между тѣмъ какъ ея отецъ вложилъ одинъ изъ своихъ жирныхъ пальцевъ въ руку ребенка, котораго она заставила плясать на конторкѣ.

— Два покойника, точно такъ!—сказалъ мистеръ Омеръ, кивнувъ головою, припоминая. — Точно такъ! А Джорэмъ только что занялся теперь сѣрымъ гробикомъ, съ серебряными гвоздями, побольше чѣмъ вотъ это — (т. е. больше ребенка, прыгающаго на конторкѣ)—на цѣлые два дюйма. Не угодно ли закусить чего-нибудь?

Я поблагодарилъ, но отказался.

Позвольте-ка,—сказалъ мистеръ Омеръ. Извощика Баркиса жена — сестра барочника Пегготти—она имѣла какія-то отношенія къ вашему семейству? Она была у васъ въ услуженіи; такъ кажется?

Мой утвердительный отвѣтъ былъ ему очень пріятенъ.

— Я полагаю, что дыханіе мое скоро будетъ длиннѣе, память моя уже возрастаетъ,—сказалъ мистеръ Омеръ. «Ну, сэръ, у насъ теперь въ ученьѣ одна ея родственница, которая

имѣетъ такой чудный вкусъ и по части уборовъ, могу васъ увѣрить, не думаю, чтобъ какая-нибудь герцогиня въ Англіи могла съ ней поравняться».

— Не маленькая ли Эмли? — сказалъ я невольно.

— Ее зовутъ Эмли,—сказалъ мистеръ Омеръ, и къ тому же она и не велика. Но повѣрите ли, у нея такое личико, что половина женщинъ въ этомъ городѣ грызутъ на нее зубы.

— Какой вздоръ, батюшка! — вскричала Минни.

— Безцѣнная моя,—сказалъ мистеръ Омеръ;—я не говорю, что и ты тоже, — и моргая на меня, прибавилъ: — но я говорю, что половина женщинъ въ Ярмутѣ и пяти миляхъ въ окружности грызутъ зубы на эту дѣвочку.

Такъ она должна была бы остаться при своемъ состояніи, батюшка,—сказала Минни,— и не подавать бы имъ поводу говорить объ ней; тогда бъ онѣ не могли этого сдѣлать.

— Не могли бы этого сдѣлать, милая!—проворчалъ мистеръ Омеръ. — Немогли бъ этого сдѣлать! Это-то твое знаніе жизни? Что бы это могло быть такое, чего не могла бы сдѣлать женщина, въ особенности, если дѣло коснется хорошенькаго личика чужой женщины?

Я рѣшительно думалъ, что пришелъ конецъ мистеру Омеру, какъ только онъ проговорилъ эту оскорбительную шутку. Онъ до того закашлялся, и его дыханіе съ такимъ упрямствомъ уклонялось отъ его попытокъ овладѣть имъ, что я вѣрно разсчитывалъ видѣть, какъ голова его уйдетъ подъ конторку, и коротенькіе его черные брюки съ грязными, маленькими узлами изъ лентъ около колѣнъ, трясясь подымутся къ верху, въ послѣдней безполезной борьбѣ. Наконецъ, ему стало легче, хотя онъ все еще сильно пыхтѣлъ, и такъ изнурился, что принужденъ былъ сѣсть на прилавокъ.

— Ты видишь,—сказалъ онъ, утирая лобъ, и съ трудомъ дыша,—она не сблизилась здѣсь со многими подругами, она не завела ни съ кѣмъ короткаго знакомства, не говоря уже о задушевныхъ. Въ слѣдствіе этого, доброжелательная молва пронеслась о томъ, будто Эмли задумала разыгрывать знатную барыню. Я же самъ того мнѣнія, что молва эта преимущественно отъ того распространилась, что она часто говорила въ школѣ, что

Digitized by Google

если бъ она была знатною дамою, то съ удовольствіемъ сдѣлала бы то и другое для своего дяди — видишь ли? — и накупила бы для него разныхъ хорошихъ вещей.

— Я васъ увѣряю, мистеръ Омеръ, что она говорила это мнѣ,—возразилъ я съ жаромъ,—когда еще мы оба были дѣтьми.

Мистеръ Омеръ кивнулъ головою, и потеръ свой подбородокъ.

— Точно такъ. Ибо изъ малаго она умѣла одѣться, видите вы, лучше, нежели большая часть другихъ изъ многаго, и это-то надѣлало много непріятностей. Сверхъ того, она была такою, можно сказать упрямою — я съ моей стороны долженъ назвать ее такою, — сказалъ мистеръ Омеръ, — она сама не знала, чего ей хотѣлось, была немножко избалована, и не умѣла, сначала, обуздать себя, какъ слѣдуетъ. Вѣдь, кромѣ этого, объ ней ничего не говорили, Минни?

— Ну папенька,—сказала миссисъ Джорэмъ,—хуже этого никогда объ ней не говорили я думаю.

— Потомъ, когда она нашла себѣ мѣсто,—сказалъ мистеръ Омеръ, мѣсто компаньонки у сварливой старой лэди, она не могла ужиться съ нею и оставила ее. Наконецъ пришла она сюда, въ ученье, на три года. Около двухъ лѣтъ прошло, и она такая добрая дѣвушка, какую только поискать. Получаетъ полшилинга въ день: вѣдь, кажется, такъ, Минни? полшилинга?

— Точно такъ, папенька,—отвѣчала Минни. Вы не можете сказать, что я утаиваю у нея жалованье.

— Прекрасно,—сказалъ мистеръ Омеръ.—Это справедливо. И такъ, молодой джентльменъ,—прибавилъ онъ, почесавши нѣсколько минутъ свой подбородокъ,—чтобы вы не сочли меня въ одно и то же время и коротко дышащимъ и скучнымъ—такъ будетъ объ этомъ?

Такъ какъ они говорили въ полголоса, когда шла рѣчь объ Эмли, то я не сомнѣвался, что она близко. На мой вопросъ объ этомъ, мистеръ Омеръ кивнулъ утвердительно, и показалъ на дверь въ гостиную. На торопливый мой вопросъ, позволитъ ли мнѣ взглянуть туда, дано было въ отвѣтъ полное позволеніе; и взглянувъ сквозь стекло, я увидалъ ее за рабо-

Digitized by Google

тою. Это было прелестнѣйшее маленькое созданіе, съ безоблачными голубыми глазами, которые нѣкогда проникали въ мое дѣтское сердце, а теперь, улыбаясь, они были обращены на другаго ребена, сына Минни, играющаго около нея; на ея лицѣ изобразилось достаточно настойчивости, чтобы оправдать то, что я объ ней слышалъ; много и прежней насмѣшливой скромности; но въ миломъ взглядѣ ея не было ничего, я въ томъ увѣренъ, кромѣ того, что бываетъ выраженіемъ и доброты, и счастія, и благаго направленія ея жизни. Пѣсня черезъ дворъ, которая, казалось, никогда не переставала звучать, — увы! это была та пѣснь, которая никогда не умолкаетъ,— стучала тихо во все это время.

— Не угодно ли вамъ войдти, —сказалъ мистеръ Омеръ,—и поговорить съ нею? Войдите и поговорите съ нею, сэръ! Будьте какъ дома.

Я слишкомъ былъ стыдливъ, чтобъ на это рѣшиться, я боялся привесть ее въ смущеніе, и столько же боялся смутиться самъ; но я освѣдомился, въ которомъ часу она вечеромъ кончаетъ, для того, чтобы сдѣлать нашъ визитъ во время; и простившись съ мистеръ Омеромъ, его хорошенькою дочерью и ея маленькими дѣтьми, отправился къ своей любезной, старой Пегготти.

Я засталъ ее въ кухнѣ, вымощенной кирпичемъ, готовящею обѣдъ. Какъ только я постучался въ дверь, она отворила, и спросила меня, что мнѣ угодно. Я посмотрѣлъ на нее съ улыбкою, но она не отвѣчала мнѣ тѣмъ же. Я не переставалъ никогда писать къ ней, но около 7-ми лѣтъ мы съ нею не видались.

—Дома ли мистеръ Баркисъ, сударыня?—сказалъ я, стараясь придать своему голосу болѣе суровости.

— Онъ дома, сударь,—возразила Пегготти, —но онъ страдаетъ ревматизмомъ, и лежитъ въ постелѣ.

— Онъ не ѣздитъ теперь въ Блёндерстонъ?—спросилъ я.

— Ѣздитъ, когда здоровъ, — отвѣчала она.

— А вы когда-нибудь ѣздите туда, — миссисъ Баркисъ?

Она посмотрѣла на меня съ большимъ вниманіемъ, и я замѣтилъ быстрое движеніе рукъ ея одна къ другой.

Digitized by Google

— Мнѣ нужно сдѣлать вамъ вопросъ объ одномъ такомъ-то домѣ, который зовутъ — какъ бишь? — да.... Рукери, — сказалъ я.

Она ступила шагъ назадъ, и протянула руки съ нерѣшительнымъ и испуганнымъ видомъ, какъ бы для того, чтобы удалить меня.

— Пеготти! — вскрикнулъ я.

— Милое дитя! — сказала она, зарыдавъ, и мы оба залились слезами, и крѣпко заключили другъ друга въ объятія. Какія она дѣлала сумазбродныя вещи; какъ она смѣялась и кричала надо мною; какую она показала гордость, какую радость, какую печаль о томъ, что меня, который могъ быть ея гордостію и радостію, не могла она никогда держать въ нѣжныхъ объятіяхъ: у меня не достаетъ словъ все это пересказать. Меня не смущала мысль, что было ребячествомъ съ моей стороны отвѣчать на ея чувства. Я, право, никогда во всю жизнь, не хохоталъ, не плакалъ такъ много, какъ въ это утро.

— Баркисъ будетъ такъ радъ, — сказала Пеготти, утирая глаза фартукомъ, — что это ему болѣе принесетъ пользы, нежели цѣлая банка мягчительной мази. Можно мнѣ идти сказать ему, что ты здѣсь? Хочешь взойдти на верхъ и повидаться съ нимъ, мое сердечушко?

Разумѣется, я желалъ. Но для Пеготти не такъ легко было выйдти изъ комнаты, какъ она думала, отъ того, что всякій разъ, когда подходила къ дверямъ, обращалась ко мнѣ и опять приходила назадъ еще похохотать или поплакать у меня на шеѣ. Наконецъ, чтобы облегчить ей это дѣло, я отправился съ нею на верхъ, и подождавъ минуту за дверью, пока она сказала слова два мистеръ Баркису, чтобы его приготовить, я былъ представленъ ею больному.

Она меня приняла съ полнымъ энтузіазмомъ. Онъ слишкомъ былъ одержимъ ревматизмомъ, чтобы можно было пожать мнѣ руку, но онъ просилъ меня потрясти кисть на кончикѣ его колпака, что и сдѣлалъ я отъ всего сердца. Когда я подсѣлъ къ краю постели, онъ мнѣ сказалъ, что онъ

Digitized by Google

чувствуетъ величайшее облегченіе, какъ будто бы опять везетъ меня по дорогѣ въ Блёндерстонъ.

Онъ лежалъ въ постелѣ, лицемъ къ верху, и совсѣмъ закутанный, такъ что казался похожимъ на херувимчика, у котораго ничего не видно, кромѣ лица, и потому показался мнѣ самымъ страннымъ предметомъ, какой когда-либо случалось мнѣ видѣть.

— Какое это было имя, которое я написалъ на повозкѣ, сэръ? — сказалъ мистеръ Баркисъ, съ болѣзненною улыбкою.

— Ахъ! мистеръ Баркисъ, у насъ съ вами были важные разговоры по этому дѣлу, не такъ ли?

— Я долго присватывался, сэръ, — сказалъ мистеръ Баркисъ.

— Долго, — сказалъ я.

— Но не жалѣю объ этомъ,—сказалъ мистеръ Баркисъ. Помните, что вы однажды мнѣ говорили, о томъ, какъ она дѣлаетъ всякое яблочное мороженое, и все умѣетъ готовить.

— Помню очень хорошо, — возразилъ я.

— И это такъ вѣрно, какъ шоссейныя деньги, — сказалъ мистеръ Баркисъ,—это такъ вѣрно,—прибавилъ онъ, тряся колпакомъ, что́ было для него единственнымъ средствомъ подтвержденія словъ его, — какъ то, что есть пошлины. Мистеръ Баркисъ обратилъ на меня глаза свои, какъ бы ожидая моего одобренія послѣднему выводу этого размышленія въ постелѣ; и я подтвердилъ слова его.

— Нѣтъ ничего вѣрнѣе этихъ двухъ вещей,—повторилъ мистеръ Баркисъ;—человѣкъ, который такъ бѣденъ, какъ я, дошцется до этого въ своемъ умѣ, когда сляжетъ въ постель.— Я очень бѣдный человѣкъ, сэръ.

— Мнѣ прискорбно это слышать, мистеръ Баркисъ.

— Право, очень бѣдный человѣкъ, — сказалъ мистеръ Баркисъ.

Тутъ его правая рука тихо и слабо вышла изъ-подъ одѣяла, и безсознательно схватила палку, слегка привязанную къ сторонѣ кровати. Провозившись съ нею нѣсколько времени, впродолженіе котораго лице его принимало множество различныхъ выраженій отчаянія, мистеръ Баркисъ попалъ на

Digitized by Google

сундукъ, котораго одинъ край былъ видѣнъ мнѣ во все время. Потомъ лице его успокоилось.

— Тутъ все тряпье,—сказалъ мистеръ Баркисъ.

— О! — сказалъ я.

— Я бы желалъ, чтобъ это были деньги, сэръ,—сказалъ мистеръ Баркисъ.

— Да, это было бы хорошо,—сказалъ я.

— Но это не деньги, — сказалъ мистеръ Баркисъ, вытаращивъ глаза, сколько было ему возможно.

Я выразилъ полную увѣренность въ этомъ, и мистеръ Баркисъ, обращая глаза свои къ женѣ съ болѣе ласковымъ выраженіемъ, сказалъ:

— Она полезнѣйшая и добрѣйшая изъ женщинъ. Всякую похвалу, которую кто-либо можетъ сказать о К. П. Баркисъ, заслуживаетъ она вполнѣ и еще болѣе! Душа моя! ты изготовь сегодня для гостей обѣдъ; знаешь ли, что-нибудь хорошенькое.... не такъ ли?

Я только что хотѣлъ отказаться отъ этого излишняго доказательства уваженія его ко мнѣ, какъ увидалъ, что Пеготти, на противоположномъ концѣ кровати со страхомъ киваетъ мнѣ, чтобъ я не отказался. И потому я смолчалъ.

— Тутъ у меня было гдѣ-то около меня немного денегъ, душа моя,—сказалъ мистеръ Баркисъ;—но я немножко усталъ. Еслибъ ты съ мистеромъ Дэви оставила меня теперь на минуту, я поискалъ бы ихъ, когда проснусь.

Мы вышли изъ комнаты, исполняя его просьбу. Когда мы вышли за дверь, Пеготти увѣдомила меня, что мистеръ Баркисъ, будучи теперь побережливѣе противъ прежняго, всякій разъ прибѣгалъ къ той же хитрости, прежде нежели вынетъ одну монету изъ своего казнохранилища, и что онъ выносилъ неслыханныя страданія, сползая съ постели одинъ, и вынимая ее изъ этого несчастнаго сундука. И въ самомъ дѣлѣ, мы слышали, какъ онъ испускалъ подавленныя стенанія, потому что это усиліе мучило всѣ его суставы; но Пеготти со взоромъ, полнымъ страданія, сказала, что этотъ порывъ великодушія сдѣлаетъ ему пользу, и что лучше ему не мѣшать. Такъ продолжалъ онъ стонать, перенося мученическія страда-

Digitized by Google

нія, пока, наконецъ, опять забрался въ постель; потомъ онъ позвалъ насъ, увѣряя, что онъ только что проснулся отъ освѣжительнаго сна, и вытащилъ изъ-подъ подушки гинею. Его удовольствіе, что ему посчастливилось провести насъ, и что сохранилъ непроницаемую тайну сундука, казалось, было для него достаточнымъ вознагражденіямъ за всѣ его муки.

Я предувѣдомилъ Пеготти о посѣщеніи Стирфортса, и вскорѣ послѣ того онъ пришелъ. Я вполнѣ увѣренъ, что для нея не было разницы между человѣкомъ, который былъ ея благодѣтелемъ или моимъ хорошимъ другомъ, и что она приняла бы его съ величайшею признательностію и преданностію въ всякомъ случаѣ. Но его непринужденное, оживленное, пріятное расположеніе, его умное обхожденіе, его прекрасная наружность, природный даръ приноровиться ко всякому, кому хотѣлъ, и находить дорогу, если хотѣлъ, къ тому, чтобы привлечь къ себѣ каждаго — вполнѣ привязали ее къ нему въ продолженіе пяти минутъ. Одно его обращеніе со мною могло бы расположить ее въ его пользу. Но, въ слѣдствіе стеченія всѣхъ этихъ причинъ, она—я искренне этому вѣрю—нѣкоторымъ образомъ стала обожать его прежде, чѣмъ онъ оставилъ домъ въ этотъ вечеръ.

Онъ остался обѣдать тутъ со мною — если я скажу охотно, то не выражу вполовину, съ какою готовностію и радушіемъ.

Онъ, подобно свѣту и воздуху, вошелъ въ комнату мистера Баркиса, озарилъ и освѣжилъ ее, какъ будто онъ самъ здоровая погода. Не было ни шума, ни усилія, ни разсчета во всѣхъ его поступкахъ; но во всемъ выражалась неописанная легкость, явная и совершенная невозможность сдѣлать что-нибудь иное, или сдѣлать лучше, чѣмъ онъ; и все это было такъ привлекательно, естественно и пріятно, что оно живо представляется даже и теперь въ моей памяти. Мы весело пировали въ гостиной, въ которой книга о мученикахъ, не тронутая пальцемъ съ тѣхъ поръ, какъ я ее оставилъ, лежала на конторкѣ, какъ встарину, и гдѣ я сталъ перелистывать страшныя картинки, припоминая себѣ прежнія ощущенія, ими пробужденныя, но уже не чувствуя ихъ. Когда Пеготти

Digitized by Google

заговорила о томъ, что называла моею комнатою, и сказала, что она для меня приготовила ее на ночь, и что надѣется, что я займу ее, прежде нежели я, въ нерѣшимости, успѣлъ взглянуть на Стирфортса, — онъ сообразилъ въ чемъ дѣло.

— Конечно, — сказалъ онъ. — Ты здѣсь будешь спать, пока мы пробудемъ въ городѣ, а я останусь въ гостинницѣ.

— Но завести тебя такъ далеко, — возразилъ я, — а потомъ оставить, кажется, плохимъ товариществомъ, Стирфортсъ.

— Э, съ Богомъ! — сказалъ онъ, — гдѣ же по всѣмъ правамъ твое мѣсто, какъ не здѣсь? и что значитъ «кажется,» въ сравненіи съ этимъ!

Это меня совершенно успокоило.

Онъ поддержалъ до конца всѣ свои очаровательныя качества, пока, наконецъ, мы отправились въ восемь часовъ къ баркѣ мистера Пеготти. Въ самомъ дѣлѣ, они болѣе и болѣе выказывались, по мѣрѣ того, какъ текли часы; ибо я, какъ тогда думалъ, такъ не сомнѣваюсь и теперь, что сознаніе успѣха въ его желаніи нравиться, внушало ему новую тонкость находчивости, и сдѣлалось для него, — при всей своей утонченности, — болѣе легкою. Если бы кто сказалъ мнѣ тогда, что все это одна блестящая игра, сыгранная для минутнаго удовольствія, ради страсти первенствовать, безъ всякихъ замысловъ, безъ участія сердца, ради одного только стремленія выиграть то, что не имѣло цѣны, и въ слѣдующее мгновеніе опять будетъ покинуто, — я говорю, еслибъ кто-нибудь сказалъ мнѣ въ тотъ вечеръ подобную ложь, не знаю, какимъ бы образомъ выразилъ я свое негодованіе, какъ бы я принялъ подобную ложь!

Вѣроятно бы только усиленіемъ, — еслибъ это было возможно, — моихъ романическихъ чувствованій, вѣрности и дружбы, съ которыми я шелъ около него, по темнымъ зимнимъ пескамъ, къ древней баркѣ; между тѣмъ какъ вѣтеръ завывалъ вокругъ насъ еще печальнѣе, чѣмъ въ ту ночь, когда въ первый разъ прикоснулся къ двери мистера Пеготти.

— Какое это дикое мѣсто, Стирфортсъ, — не правда ли?

— Довольно страшное въ темнотѣ, — сказалъ онъ; — и

море ревет, какъ будто съ голоду хочетъ поглотить насъ. Та ли это барка, гдѣ я вдали вижу огонь?

— Это она, — сказалъ я.

— И это та самая, которую я видѣлъ сегодня утромъ, — возразилъ онъ.—Я прямо пришелъ къ ней, вѣроятно по инстинкту.

Мы не говорили ничего болѣе, приближаясь къ огню, и тихо подошли къ дверямъ. Я коснулся рукою скобки, и вошелъ, шепнувъ Стирфортсу, чтобъ онъ слѣдовалъ за мною.

Шумъ голосовъ былъ слышенъ еще снаружи, и въ минуту, когда мы вошли, послышались рукоплесканія: послѣдній шумъ, къ моему удивленію, происходилъ отъ вѣчно-безутѣшной миссисъ Гёммиджъ. Но она была не единственная тутъ особа, которая, противъ обыкновенія, была возбужденнною. Мистеръ Пегготти, котораго лице сіяло необыкновеннымъ самодовольствіемъ, смѣясь изо всѣхъ силъ, широко раскинулъ грубыя свои руки, какъ бы для того, чтобы въ нихъ бросилась маленькая Эмли; Гэмъ, съ смѣшаннымъ выраженіемъ удивленія, восхищенія и какой-то тяжелой застѣнчивости, которая очень шла къ нему, держалъ маленькую Эмли за руку, какъ будто представляя ее мистеру Пегготти; сама маленькая Эмли, раскраснѣвшаяся и робкая, но радуясь радости мистера Пегготти, что выражалось въ ея веселыхъ глазахъ, была остановлена нашимъ входомъ] (она первая насъ увидала) въ самомъ дѣйствіи прыжка отъ Гэма въ объятія мистера Пегготти, чтобы въ нихъ укрыться. Въ такомъ положеніи и при такомъ занятіи увидѣли мы ихъ въ первую минуту перехода нашего изъ темной, холодной ночи въ теплую, свѣтлую комнату; но миссисъ Гёммиджъ стояла на послѣднемъ планѣ, хлопая въ ладоши какъ безумная.

Эта маленькая житейская картина такъ мгновенно была разстроена нашимъ появленіемъ, что можно было сомнѣваться, была ли она въ самомъ дѣлѣ. Я стоялъ среди удивленной семьи, лицомъ къ лицу съ мистеромъ Пегготти, и протягивая къ нему руку, когда Гэмъ шумно воскликнулъ: «мастеръ Дэви! это мастеръ Дэви!»

Въ одно мгновеніе мы всѣ пожимали другъ другу руки,

Digitized by Google

и спрашивали другъ друга, какъ поживаемъ, и говорили другъ другу, какъ рады встрѣтиться, и всѣ говорили въ одно время. Мистеръ Петготти гордился и радовался, что видѣлъ насъ, и не зналъ, что говорить и что дѣлать, но безпрестанно принимался трясти у меня руку, потомъ у Стирфортса, потомъ у меня, и потомъ, взъерошивъ курчавые волосы на всей головѣ своей, хохоталъ съ такою радостью и торжествомъ, что было весело глядѣть на него.

— Вотъ такъ славно! что вы оба джентльмена, взрослые джентльмены, вздумали пожаловать подъ этотъ кровъ именно въ этотъ вечеръ, изъ всѣхъ вечеровъ въ жизни моей, — сказалъ мистеръ Петготти:—это такая вещь, какая никогда прежде не случалась, я истинно это думаю! Эмли, милашка моя, поди сюда! Поди сюда, маленькая моя *колдунья*. Вотъ другъ мастера Дэви, овечка моя! Вотъ джентльменъ, о которомъ ты слышала, Эмли. Онъ пришелъ посмотрѣть на тебя, вмѣстѣ съ мастеромъ Дэви, въ самую свѣтлую ночь въ жизни твоего дяди, какая только была или будетъ, — да здравствуютъ наши гости! ура!

Произнесши эту рѣчь однимъ духомъ и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и удовольствіемъ, мистеръ Петготти приложилъ съ восхищеніемъ обѣ свои огромныя руки къ обѣимъ сторонамъ личика племянницы, и поцѣловавъ ее нѣсколько разъ, приложилъ его съ нѣжной гордостью и любовію къ своей широкой груди, но потрепалъ ее, какъ будто рука его была женская. Потомъ онъ пустилъ ее, и когда она убѣжала въ маленькую комнату, гдѣ я обыкновенно спалъ, онъ посмотрѣлъ на насъ, разгорѣвшись и задыхавшись отъ необычайной радости.

— Если вы оба джентльмена, большіе джентльмены, да еще какіе.... — началъ мистеръ Петготти.

— Да, они такіе! что правда, то правда! — вскричалъ Гэмъ; хорошо сказано. Большіе джентльмены, мастеръ Дэви; совершенная правда.

— Если вы большіе джентльмены, — сказалъ мистеръ Петготти,—извините меня, что я въ такомъ расположеніи ума; если вы понимаете дѣло, то я прошу у васъ извиненія. Эмли,

Digitized by Google

душа моя! Она знаетъ, что я хочу сказать. — Тутъ его веселость снова проявилась, и, какъ говорится, сорвалась съ привязи. — Сдѣлай милость, старушка, позови ее, на минуту! Миссисъ Гёммиджъ кивнула головой и исчезла.

— Если это, — сказалъ мистеръ Пеготти, садясь къ огню между насъ, — самый ясный вечеръ въ моей жизни, то я раковина и къ тому же *вареная*, и больше не могу я ничего сказать. Вотъ маленькая Эмли, сэръ,—сказалъ онъ въ полголоса къ Стирфортсу,—она раскраснѣвшаяся, какъ видите, до ушей.

Стирфортсъ только кивнулъ головой; но съ такимъ радостнымъ выраженіемъ участія, и сочувствія къ чувствамъ мистера Пеготти, что послѣдній отвѣчалъ ему, какъ будто тотъ сказалъ что-нибудь.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ мистеръ Пеготти.—Это она, и такова-то она всегда, благодарю васъ, сэръ.

Гэмъ нѣсколько разъ кивалъ, глядя на меня, какъ будто хочетъ сказать тоже.

— Вотъ, наша маленькая Эмли, — сказалъ мистеръ Пеготти,—она была, въ самомъ дѣлѣ, какъ я полагаю (я человѣкъ не ученый, но это мое убѣжденіе), чѣмъ только можетъ быть въ домѣ маленькое созданіе съ блестящими глазами. Она не мое дитя; я никогда не имѣлъ дѣтей, но я бы не могъ любить ее болѣе. Понимаете? Я бы не могъ!

— Вполнѣ понимаю, — сказалъ Стирфортсъ.

— Я это знаю, молодой джентльменъ, — возразилъ мистеръ Пеготти, — и еще разъ благодарю васъ. Вотъ мастеръ Дэви можетъ припомнить, что она была; вы можете посудить сами, что она есть; но никто изъ васъ не можетъ совершенно знать, что она была, есть и будетъ для моего любящаго сердца. Я суровъ, сэръ,—сказалъ мистеръ Пеготти,—я грубъ, какъ морской дикобразъ; но никто кромѣ, можетъ быть, женщины, не можетъ знать, какъ велика любовь моя къ ней. И, сказать между нами, — продолжалъ онъ, еще болѣе понижая голосъ, — имя этой женщины не миссисъ Гёммиджъ, хотя и она обладаетъ цѣлою охапкою добродѣтелей.

Мистеръ Пеготти снова взъерошилъ свои волосы обѣими

Digitized by Google

руками, какъ бы въ знакъ дальнѣйшаго приготовленія къ тому, что собирался сказать, и началъ, положивъ руки на оба колѣна.

— Была нѣкоторая особа, которая знала нашу Эмли съ того времени, какъ отецъ ея утонулъ, которая видѣла ее постоянно грудным ребенкомъ, маленькою дѣвочкою, дѣвицею. Особа эта была невзрачнаго вида, — сказалъ мистеръ Пеготти, — что-то въ моемъ родѣ — такая же суровая, — это былъ матросъ — но за всѣмъ тѣмъ, честный дѣтина, у котораго сердце было на своемъ мѣстѣ.

Мнѣ казалось, я никогда не видалъ, чтобы Гэмъ въ такой степени корчилъ рожи на что-нибудь, какъ теперь, глядя на насъ.

— А этотъ пентюхъ что тамъ дѣлаетъ? — сказалъ мистеръ Пеготти, съ лицемъ сіяющимъ отъ восторга, — вишь какъ приглянулась ему маленькая Эмли! Онъ за нею ходитъ по слѣдамъ; какъ будто слуга ея, потерялъ совсѣмъ аппетитъ къ пищѣ и подкрѣпительному, а подъ конецъ пожалуй совсѣмъ измаится отъ любви своей. Теперь я бы и самъ желалъ, чтобы наша маленькая Эмли, попала на добрый путь къ замужству. Я бы желалъ видѣть ее, во всякомъ случаѣ, вступившую въ супружество съ честнымъ человѣкомъ, который бы имѣлъ право защищать ее. Я не знаю, долго ли еще проживу, или скоро ли умру; но я знаю, что если погибну въ кораблекрушеніи, когда-нибудь ночью, при бурномъ вѣтрѣ, здѣсь, около Ярмутской рейды, и еслибъ случилось мнѣ въ послѣдній разъ увидѣть огни, мерцающіе въ городѣ надъ волнами, когда ужъ не станетъ силъ съ ними бороться, — я бы спокойнѣе пошелъ ко дну съ мыслію, что тамъ, на берегу, есть мужъ, вѣрный какъ твердое желѣзо, моей маленькой Эмли; Господь съ нею, и никакое бѣдствіе не постигнетъ мою Эмли, покамѣстъ живъ этотъ человѣкъ!

Мистеръ Пеготти, съ скромною важностью, помахивалъ правою рукою, какъ будто машетъ въ послѣдній разъ къ мерцающимъ огнямъ въ городѣ, и потомъ, перемигнувшись съ Гэмомъ, взоръ котораго онъ подстерегъ, продолжалъ по прежнему.

— Хорошо! Я совѣтую ему поговорить съ Эмли. Онъ довольно великъ; но застѣнчивѣе малютки, и не хочетъ. Такъ

Digitized by Google

я поговорилъ. Какъ? за него? — говоритъ Эмли, за него, котораго я такъ коротко знала столько лѣтъ, и столько люблю! О, дядюшка! я никакъ не могу за него выйдти. Онъ такой добрый малый. Я поцѣловалъ ее, и сказалъ ей не болѣе какъ: милая моя, ты хорошо дѣлаешь, что говоришь откровенно, ты можешь выбирать сама для себя, ты свободна, какъ птичка. Потомъ я пошелъ къ нему и говорю: я бы желалъ, чтобы это было такъ, но этому нельзя быть. Но вы оба можете быть тѣмъ, чѣмъ были, вотъ что я скажу тебѣ: будь съ нею по прежнему, какъ прилично мужчинѣ. А онъ говоритъ мнѣ, пожавъ мнѣ руку: я согласенъ! И онъ былъ честенъ и мужественъ — цѣлые два года, и мы жили точно также, какъ передъ тѣмъ.

Лице мистера Пегготти, которое измѣнялось въ своемъ выраженіи вмѣстѣ съ различными степенями его разсказа, теперь отразило прежнюю торжественную радость, между тѣмъ какъ онъ положилъ одну руку на мое колѣно, а другую на колѣно Стирфортса. Потомъ онъ продолжалъ:

— Вдругъ откуда ни возьмись, въ одинъ вечеръ—хоть бы сегодня — приходитъ маленькая Эмли отъ работы, и онъ съ нею! Что жъ тутъ такое? вы скажете. Ничего, потому что онъ заботится о ней, какъ братъ, утромъ рано, и поздно вечеромъ, и во всякое время. Ахъ, нѣтъ! этотъ пентюхъ береть ее за руку, и кричитъ мнѣ, весело: «Смотрите-ка! Вотъ она хочетъ быть моею женою!» А она говоритъ, вполовину смѣясь, вполовину робко, и вполовину смѣясь, вполовину плача, «Да, дядюшка, если тебѣ такъ хочется.» — Если мнѣ такъ хочется! — закричалъ мистеръ Пегготти, тряхнувъ головою съ восторженною рѣшимостію. — Богъ мой, какъ будто я могу думать что-нибудь иное! — Если тебѣ хочется! «Я теперь рѣшительнѣе, и лучше объ этомъ подумала, и я буду для него доброю женою, сколько могу, отъ того, что онъ славный, добрый малый! « Потомъ миссисъ Гёммиджъ, захлопала въ ладоши, и вы входите. Ну вотъ! конченъ разсказъ! — сказалъ мистеръ Пегготти, — вы входите! Это случилось въ этотъ самый часъ; и вотъ человѣкъ, который на ней женится, въ ту же минуту, когда она выйдетъ изъ ученья.

Digitized by Google

Гэмъ покачнулся отъ удара, который мистеръ Пеготти нанесъ ему въ своей безграничной радости, какъ знакъ довѣрія и дружбы; но услышавъ, что его просятъ сказать намъ что-нибудь, онъ сказалъ сильно запинаясь и съ большимъ трудомъ:

— Она была не выше васъ, мастеръ Дэви — когда вы въ первый разъ пріѣхали — когда я подумалъ, какова она будетъ, когда подростетъ Я вижу какъ она подрастаетъ, господа, подобно цвѣтку. Я бы отдалъ для нея жизнь, мастеръ Дэви. О! съ великою радостью! она для меня болѣе— господа, нежели... она все для меня, что когда-либо могу пожелать, и болѣе чѣмъ я когда-либо съумѣю сказать. Я — я истинно ее люблю. Нѣтъ джентльмена во всей землѣ, — ни плавающаго по всему морю, который могъ бы любить свою жену болѣе, чѣмъ я люблю ее, хотя есть много простыхъ людей, которые могутъ лучше высказать то, что думаютъ.

Мнѣ показалось трогательнымъ видѣть такого неотесаннаго дѣтину, каковъ былъ Гэмъ, дрожащимъ отъ избытка того, что чувствовалъ къ хорошенькому маленькому существу, овладѣвшему его сердцемъ. Мнѣ казалось, что простодушное довѣріе, оказанное намъ мистеромъ Пеготти и имъ самимъ, было само по себѣ трогательно. Меня тронуло все вообще. Въ какой степени имѣли вліяніе на мои ощущенія воспоминанія моего дѣтства, не знаю. Пришелъ ли я туда съ томящею меня мыслію о томъ, что еще люблю маленькую Эмли, не знаю. Знаю только, что все это наполняло меня радостію, но, сначала, какимъ-то страннымъ удовольствіемъ, которое отъ малости могло превратиться въ страданіе. По этому-то, еслибъ мнѣ пришлось коснуться главной струны ихъ настоящаго расположенія, я бы исполнилъ это жалкимъ образомъ. Но это досталось Стирфортсу; и онъ выполнилъ все съ такимъ умѣньемъ, что черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ были такъ веселы и счастливы, какъ только можно быть.

— Мистеръ Пеготти, — сказалъ онъ, — вы въ полномъ смыслѣ добрый человѣкъ, и заслуживаете быть такимъ довольнымъ, какъ въ нынѣшній вечеръ, вотъ вамъ рука моя! Гэмъ,

Digitized by Google

желаю тебѣ счастія, другъ мой. Вотъ и тебѣ даю на это руку! Дэви, помѣшай въ каминѣ и разведи веселый огонь! а вы, мистеръ Пеготти, ежели не можете уговорить вашу маленькую племянницу прійдти опять сюда (для которой я приготовилъ это мѣсто въ углу), то я уйду. — Чьего-нибудь отсутствія у вашего очага, въ такой вечеръ, тѣмъ болѣе ея отсутствія, не снесу я, за всѣ богатства Индіи.

Мистеръ Пеготти ушелъ въ прежнюю мою комнату за маленькою Эмли. Сначала маленькая Эмли не хотѣла прійдти, и тогда пошелъ за нею Гэмъ. Они тотчасъ же привели ее къ камину чрезвычайно смущенную и весьма робкую,—но она скоро ободрилась, когда замѣтила, какъ мило и почтительно говоритъ съ нею Стирфортсъ; какъ искусно онъ избѣгалъ всего, что могло ее смутить, какъ онъ говорилъ съ мистеромъ Пеготти о баркахъ да о корабляхъ, о приливѣ и отливѣ, о рыбѣ; какъ онъ ссылался на меня относительно того времени, когда видѣлъ мистера Пеготти въ Салемъ-Гаузѣ; какъ его восхищала барка и всѣ ея принадлежности; какъ ловко и непринужденно онъ продолжалъ разговоръ, пока завелъ насъ постепенно въ очарованный кругъ, и мы всѣ стали говорить безъ всякаго замѣшательства. Эмли, правда, говорила не много во весь вечеръ; но она смотрѣла и слушала, и лице ея одушевилось, и она была очаровательна. Стирфортсъ разсказалъ исторію о страшномъ кораблекрушеніи, которая проистекла изъ его бесѣды съ мистеромъ Пеготти, разсказалъ такъ живо, какъ будто все видѣлъ передъ собою. Маленькая Эмли не сводила съ него глазъ въ продолженіе всего времени, какъ будто и она все это видѣла. Онъ разсказалъ одно изъ своихъ собственныхъ приключеній, какъ бы для отдохновенія послѣ того разсказа, съ такою веселостью, какъ будто это повѣствованіе также ново для него самого, какъ и для насъ, и маленькая Эмли смѣялась до того, что по всей баркѣ громко раздавались музыкальные звуки, и всѣ мы хохотали, и Стирфортсъ тоже, въ непреодолимомъ сочувствіи къ тому, что было такъ забавно и такъ весело. Онъ заставилъ мистера Пеготти запѣть или, лучше сказать, зареветь: «Когда бурные вѣтры дуютъ, дуютъ, дуютъ,» и самъ спѣлъ пѣсню моряка,

Digitized by Google

такъ патетически и прекрасно, что я бы могъ вообразить, что настоящій вѣтеръ, печально завывая кругомъ дома, и тихо шелестя среди глубокаго нашего молчанія, пришелъ туда же послушать.

Что касается до миссисъ Гёммиджъ, онъ расшевелилъ эту жертву отчаянія съ такимъ успѣхомъ, какого никто прежде не имѣлъ (такъ говорилъ мнѣ мистеръ Пеготти) послѣ смерти старика. Онъ такъ мало оставлялъ ей времени сокрушаться, что она увѣряла, на другой день, что ее должно быть заколдовали. Но онъ не завладѣлъ монополіею всеобщаго вниманія или разговора. Когда маленькая Эмли немножко ободрилась, и заговорила со мною о прежнихъ нашихъ прогулкахъ по берегу, для собиранія раковинъ и камешковъ, и когда я спросилъ, помнитъ ли она, какъ я всегда ей былъ преданъ, и когда мы оба смѣялись и краснѣли, обращаясь воспоминаніемъ къ веселымъ, старымъ временамъ, кажущимся теперь столько баснословными: Стирфортъ молчалъ и прислушивался, и наблюдалъ за нами съ задумчивостью. Она сидѣла въ это время и весь вечеръ, на старомъ сундукѣ, въ старомъ своемъ уголкѣ близъ огня; Гэмъ около нея, гдѣ сиживалъ я. Я не могъ удовлетворить своего любопытства: съ намѣреніемъ ли помучить его, или по дѣвичьей скромности относительно къ намъ, она сидѣла близехонько къ стѣнѣ и подальше отъ него, но я замѣтилъ, что она оставалась такъ во весь вечеръ.

Если хорошо помню, то уже была полночь, когда мы стали прощаться. Намъ подали поужинать сухарей и сушеной рыбы, а Стирфортъ вынулъ изъ своего кармана полную флягу можжевеловки, которую выпили мы, мужчины, (я могу теперь сказать, мы мужчины, не краснѣя). Мы весело разошлись, и когда они всѣ толпою окружили двери, чтобы посвѣтить намъ, сколько можно было дальше на дорогу, я видѣлъ милые, голубые глаза маленькой Эмли изъ-за Гэма, и слышалъ ея нѣжный голосъ, которымъ она предостерегала насъ идти осторожно.

— Какое привлекательное маленькое созданіе! — сказалъ Стирфортъ, взявши меня подъ руку. — Это прехорошенькое

мѣсто, и они премилые люди, и сойтись съ ними — чувство совершенно новое.

— Какъ намъ однако посчастливилось,—возразилъ я,—что мы пришли быть свидѣтелями ихъ счастья и этого предполагаемаго брака! Я никогда не видалъ людей столько счастливыхъ. Какъ радостно это видѣть, и раздѣлять ихъ честное веселье, какъ намъ это удалось!

—Однако же это пренеуклюжій малый для такой дѣвушки, какъ она; не правда ли? — сказалъ Стирфортсъ.

Онъ былъ съ нимъ такъ привѣтливъ, да и со всѣми ими, что я почувствовалъ себя пораженнымъ этимъ неожиданнымъ и холоднымъ отвѣтомъ. Но быстро къ нему обратившись, я увидѣлъ улыбку въ его глазахъ, и отвѣчалъ, утѣшившись:

— Ахъ, Стирфортсъ! хорошо ли съ твоей стороны издѣваться надъ бѣдными? Ты можешь, если хочешь, сражаться съ мисъ Дартль, или подъ шуткою скрывать отъ меня свои чувства, но я знаю тебя лучше. Когда я вижу, какъ хорошо ты ихъ понимаешь, какъ тонко ты умѣешь войдти въ блаженство семейнаго счастья такихъ людей, какъ эти добрые рыбаки, или соображаться съ расположеніемъ ко мнѣ старой моей няни: тогда я понимаю, что нѣтъ ни радости, ни печали, никакого другаго ощущенія этихъ людей, къ которому ты можешь быть равнодушенъ. Я за это люблю тебя, Стирфортсъ, во сто разъ больше!

Онъ пріостановился, и посмотрѣвъ мнѣ въ лицо, сказалъ:

— Дови, я вѣрю, что ты говоришь серьёзно, и что ты добрый малый. Я бы желалъ, чтобы мы всѣ были такими!

И минуту спустя, онъ весело запѣлъ пѣсню мистера Пеготти, идя скорыми шагами обратно въ Ярмуттъ.

ГЛАВА XXII.

Нисколько прежнихъ сценъ и нѣсколько новыхъ лицъ.

Стирфортсъ и я пробыли болѣе двухъ недѣль въ этомъ краю. Нечего и говорить, что мы часто бывали вмѣстѣ; но иногда случалось намъ не сходиться по нѣскольку часовъ къ

Digitized by Google

ряду. Онъ былъ отличный морякъ, я же весьма посредственный, и когда онъ выѣзжалъ на лодкѣ съ мистеромъ Пеготти, что̀ было любимою его забавою, я большею частію оставался дома. Обстоятельство, что я занималъ у Пеготти свободную комнату, налагало на меня стѣсненіе, отъ котораго онъ былъ освобожденъ: ибо, зная, какъ неусыпно она ходила за мистеромъ Баркисъ цѣлый день, я не любилъ оставаться внѣ дома поздно ночью; между тѣмъ какъ Стирфортъ, ночуя въ гостинницѣ, могъ соображаться съ своимъ желаніемъ. Такимъ образомъ случилось, что я узналъ, какъ онъ давалъ рыбакамъ маленькіе пиры въ гостинницѣ мистера Пеготти: «Доброй волѣ», когда я ужъ былъ въ постелѣ, и что онъ ѣздитъ въ лодкѣ, одѣтый рыбакомъ, по цѣлымъ лунньмъ ночамъ, и приходитъ домой съ утреннимъ приливомъ.

Въ это время я однако узналъ, что его неугомонная натура и отважный духъ находятъ удовольствіе развернуться въ трудной дѣятельности и въ суровую погоду, какъ при всѣхъ другихъ средствахъ возбужденія, которыя вновь ему представлялись; такимъ образомъ ни одно изъ его предпріятій меня не удивляло.

Другою причиною нашей разлуки, было то, что я, естественнымъ образомъ, имѣлъ желаніе часто ѣздить въ Блёндерстонъ, и посѣщать прежнія семейныя сцены моего дѣтства; между тѣмъ какъ Стирфортъ, побывъ тамъ одинъ разъ, конечно, нисколько не интересовался опять туда ѣхать. Отъ того-то дня три или четыре, какъ помнится, къ ряду, мы расходились каждый своею дорогою, позавтракавши рано, и опять сходились поздно къ обѣду. Я не знаю, какъ проводилъ онъ время въ промежуткѣ, знаю только, что онъ весьма ознакомился въ этомъ мѣстѣ, и имѣлъ двадцать средствъ къ своему развлеченію тамъ, гдѣ другой не нашелъ бы ни одного.

Что касается собственно до меня, то моимъ занятіемъ въ одинокихъ прогулкахъ было припоминать себѣ каждый дюймъ прежней дороги, по которой я ходилъ посѣщать прежнія мѣста, что никогда мнѣ не наскучивало. Я посѣщалъ ихъ, какъ часто посѣщалъ ихъ мысленно, и тосковалъ среди

Digitized by Google

ихъ, какъ нѣкогда тосковали по нихъ мои дѣтскія мысли, когда я былъ отъ нихъ удаленъ. — Могила, подъ деревомъ, гдѣ лежали мои родители, на которую смотрѣлъ я, когда она еще была только могилою отца, съ какими-то чудными чувствами сожалѣнія, и около которой стоялъ я въ отчаяніи, когда открылась она, чтобы принять мою миленькую маменьку съ ея ребенкомъ—могила, которую одна вѣрная заботливость Петготти содержала съ тѣхъ поръ въ пріятномъ видѣ, и сдѣлала изъ нея садъ, была цѣлью моихъ прогулокъ, на цѣлые часы. Она находилась нѣсколько въ сторонѣ отъ тропинки къ кладбищу, въ мирномъ уголкѣ, не такъ далеко, чтобы нельзя мнѣ было прочитать именъ на камнѣ, когда я прогуливался взадъ и впередъ, вздрагивая при звонѣ колокола, ударявшаго часъ, ибо онъ былъ для меня какъ будто голосомъ почившихъ. Мои размышленія въ это время всегда сочетались съ ролью, которую буду я играть въ жизни, и удивительными подвигами, которые буду дѣлать. Отголосокъ шаговъ моихъ отвѣчалъ тому же звуку, и я возвращался домой, воображая, что иду строить свои воздушные замки, сидя подлѣ живой маменьки.

Большія перемѣны произошли въ моемъ старомъ жилищѣ. Разбитыя гнѣзда, давно покинутыя грачами, исчезли; а деревья, лишенныя верхушекъ и вѣтвей, утратили памятныя мнѣ формы. Садъ запустѣлъ, и половина окошекъ дома была закрыта. Онъ былъ занятъ, по однимъ только бѣднымъ помѣщанными и людьми, которые за нимъ ходили. Онъ всегда сидѣлъ у маленькаго моего окна, посматривалъ изъ него на кладбище; и я часто о томъ помышлялъ, нападали ли его блуждающія мысли на тѣ мечты, которыя обыкновенно занимали мое воображеніе, въ тѣ ясные часы утра, когда я выглядывалъ въ то же самое маленькое окошко, въ ночномъ платьѣ, и видѣлъ, какъ мирно пасутся овцы при свѣтѣ восходящаго солнца.

Старые наши сосѣди, мистеръ и миссисъ Греперъ, уѣхали въ Южную Америку, и дождь пробилъ себѣ дорогу сквозь крышу опустѣлаго ихъ дома, и запятналъ наружныя стѣны. Мистеръ Чиллипъ опять женился на высокой, костлявой, на-

Digitized by Google

дутой женщинѣ, и уныхъ, былъ маленькій, слабый ребенокъ съ тяжелою головою, которую не могъ держать, и слабыми выпученными глазами, которыми онъ, казалось, всегда удивлялся, къ чему онъ родился на свѣтъ.

Я съ какою-то странною смѣсью скорби и радости вздыхалъ около роднаго мѣста, пока красивѣющее зимнее солнце напоминало мнѣ, что время отправляться въ обратный путь. Но, оставивъ его за собою, и въ особенности, сидя вмѣстѣ съ Стирфортсомъ за обѣдомъ, около пылающаго огня, я съ удовольствіемъ воспоминалъ о томъ, что побывалъ тамъ. Тоже было, хотя въ меньшей степени, когда приходилъ я на ночь въ свою маленькую комнату; и, переворачивая листы въ книгѣ о крокодилахъ, (которая все еще была тутъ, на маленькомъ столикѣ), думалъ съ признательнымъ сердцемъ, какъ счастливъ я, что имѣю такого друга, какъ Стирфортъ, такую подругу, какъ Пеготти, и такую добрую, великодушную бабушку, замѣняющихъ для меня все, чего я лишился.

Ближайшая дорога для меня въ Ярмутъ, при возвращеніи этихъ долгихъ прогулокъ, была по водѣ. Лодка вывозила меня на лощину между городомъ и моремъ, черезъ которую я прямо могъ пройдти домой, и такимъ образомъ избавиться отъ значительнаго обхода, идя большою дорогою. Такъ какъ домъ мистера Пеготти находился на этомъ пустынномъ мѣстѣ, и не болѣе какъ въ 100 ярдахъ отъ моего тракта, то я всегда заходилъ къ нему, когда шелъ мимо. Я почти навѣрное зналъ, что Стирфортъ меня тутъ ожидаетъ, и мы вмѣстѣ отправлялись при холодномъ воздухѣ и сгущающемся туманѣ къ мерцающимъ огонькамъ города.

Въ одинъ темный вечеръ, позднѣе обыкновеннаго, отъ того, что въ тотъ день былъ мой прощальный визитъ въ Блёндерстонѣ, такъ какъ мы собирались ѣхать домой — я засталъ его одного въ домѣ мистера Пеготти, задумчиво сидящаго у огня. Онъ такъ погрузился въ свои мысли, что вовсе не замѣтилъ моего приближенія. Это могло бы случиться, еслибъ даже онъ и менѣе былъ погруженъ въ мысли, потому что по песчаной почвѣ шаги не дѣлали шума.

Digitized by Google

Но даже мой приходъ не могъ пробудить его. Я сталъ близъ него, смотрѣлъ на него; а онъ все сидѣлъ погруженный въ свои думы.

Онъ такъ вздрогнулъ, когда я положилъ руку на его плечо, что заставилъ и меня вздрогнуть.

— Ты налетѣлъ на меня, — сказалъ онъ почти съ досадою, — какъ укоряющее привидѣніе!

— Мнѣ нужно же было какъ-нибудь извѣстить тебя, что я здѣсь; — отвѣчалъ я, — я, кажется, свелъ тебя съ неба?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — нѣтъ.

— Откуда же? — сказалъ я, присѣвъ подлѣ него.

— Я смотрѣлъ на образы въ огнѣ, — отвѣчалъ онъ.

— Но ты ихъ для меня разрушаешь, — сказалъ я, когда онъ разгребъ огонь горящимъ полѣномъ, выбивая изъ него множество раскаленныхъ искръ, которыя быстро понеслись вверхъ въ трубу, и треща вылетѣли на воздухъ.

— Ты бы и не увидѣлъ ихъ, — возразилъ онъ. — Я ненавижу это безтолковое время; ни день, ни ночь. Какъ ты поздно! Гдѣ ты былъ?

— Я простился съ своею обыкновенною прогулкою, — сказалъ я.

— А я сидѣлъ здѣсь, — сказалъ Стирфортъ, оглядываясь въ комнатѣ, — и думалъ, что если всѣ эти люди, которыхъ мы застали столь веселыми въ вечеръ нашего пріѣзда, могли, судя по настоящему, опустѣлому виду этого мѣста, разсѣяться, или умереть, или впасть въ какое-нибудь бѣдствіе, Дэви! клянусь Богомъ, я желалъ бы имѣть разсудительнаго отца въ эти послѣднія двадцать лѣтъ!

— Мой милый Стирфортъ, что же случилось?

— Я желалъ бы отъ всей души, чтобы лучше былъ руководимъ! — воскликнулъ онъ. — Я желалъ бы отъ всей души, чтобы могъ лучше управлять собою.

Въ его манерахъ, въ его голосѣ была такая глубокая грусть, что я совершенно смутился. Онъ былъ болѣе не похожъ на себя, чѣмъ могъ я себѣ его представить.

Digitized by Google

— Лучше было бы мнѣ родиться этимъ бѣднымъ Пеготти, или этимъ пентюхомъ его племянникомъ, — сказалъ онъ, вставая и угрюмо прислоняяясь къ камину, обративъ лицо къ огню, — чѣмъ быть мнѣ тѣмъ, что я есть — въ двадцать разъ ихъ богаче и въ двадцать разъ умнѣе, и быть самому себѣ мучителемъ, какимъ былъ я въ этой дьявольской баркѣ, въ продолженіе этого получаса!

Я такъ былъ пораженъ этимъ его разстройствомъ, что сначала могъ только молча наблюдать его, стоящаго, прислонивъ голову къ рукѣ, и мрачно смотрящаго внизъ на огонь Потомъ сталъ просить его, со всѣмъ участіемъ, которое тогда ощущалъ, объяснить мнѣ, что случилось такое, что могло такъ его разстроить, и позволить мнѣ принять въ немъ участіе, если не могу надѣяться помочь ему совѣтомъ. Прежде нежели я кончилъ, онъ сталъ смѣяться — сначала принужденно, но скоро съ возвратившеюся веселостью.

— Полно, это ничего, Дэви! ничего! — отвѣчалъ онъ. — Я сказалъ тебѣ, въ гостинницѣ въ Лондонѣ, что я для себя самого бываю иногда тягостнымъ собесѣдникомъ. Я былъ стѣною самому себѣ въ эту минуту, — должно быть, она и давила мнѣ сердце. Бываютъ страшные, глупые часы, въ которые приходятъ на память сказки кормилицъ и кажутся не тѣмъ, что онѣ есть. Я думаю, что смѣшалъ себя съ тѣмъ дурнымъ мальчикомъ, который «не остерегался», и достался въ пищу львамъ. Что старухи называютъ дрожью, то ползало по мнѣ съ головы до ногъ. Я испугался самого себя.

— Ты не испугался ничего другаго?—сказалъ я.

— Можетъ быть, нѣтъ, а между тѣмъ есть, можетъ статься, довольно, чего могу я пугаться,—отвѣчалъ онъ. — Ну! проходитъ. И я не впаду опять въ подобный припадокъ, Дэви; но я говорю, еще разъ, мой милый, что хорошо было бы для меня и для многихъ имѣть твердаго и разсудительнаго отца

Его лицо было всегда исполнено выраженія, но я никогда не видалъ его такимъ мрачнымъ, какъ въ то время, когда онъ сказалъ эти слова, устремивъ взоръ на огонь.

— Ну, полно объ этомъ! — сказалъ онъ, сдѣлавъ рукою движеніе, какъ будто бросаетъ что-то легкое въ воздухъ.

Digitized by Google

— «Исчезъ. Я снова мужъ.... Не безпокойтесь,» какъ говоритъ Макбетъ. Ну, теперь къ столу! если, подобно Макбету, я не нарушилъ пира странною тревогою.

— Однако, я удивляюсь, куда всѣ они дѣвались! — сказалъ я.

— Богъ ихъ знаетъ, — сказалъ Стирфортъ. — Прошедши къ перевозу поискать тебя, я потомъ забрелъ сюда, и нашелъ это мѣсто опустѣлымъ. Это заставило меня призадуматься, и ты засталъ меня въ этомъ раздумьѣ.

Явленіе миссисъ Гёммиджъ съ корзинкою объяснило, какимъ образомъ случилось, что въ домѣ никого не было. Она вышла въ торопяхъ со двора, купить что-то нужное, къ возвращенію мистера Пеготти съ приливомъ, а дверь оставила отпертою, въ случаѣ, если Гэмъ и маленькая Эмли, которые рано приходили домой, воротятся безъ нея. Стирфортъ, весьма поправивъ расположеніе духа миссисъ Гёммиджъ забавнымъ привѣтомъ и шутливымъ объятіемъ, взялъ меня подъ руку и увлекъ за собою.

Онъ самъ находился въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, не менѣе, чѣмъ миссисъ Гёммиджъ, потому что его мысли приняли обыкновенное свое теченіе, и во всю дорогу онъ велъ разговоръ самый оживленный.

— Такимъ-то образомъ, — весело сказалъ онъ, — мы завтра же покидаемъ эту буколическую жизнь, не такъ ли?

— Такъ мы рѣшили,—возразилъ я. — И мѣста наши въ почтовой каретѣ, уже взяты.

— Что жъ, дѣлать нечего, я полагаю, — сказалъ Стирфортъ. — Я почти забылъ совершенно, что есть на свѣтѣ другія дѣла, кромѣ качанья на этомъ морѣ. А я желалъ бы, чтобъ ихъ не было.

— Пока новость еще не наскучила, — сказалъ я, засмѣявшись.

— Къ сожалѣнію, ты правъ, — возразилъ онъ; — хотя тутъ проглядываетъ саркатическая мысль въ замѣчаніи такого милаго, невиннаго созданія, каковъ мой пріятель. — Да! смѣло могу сказать, я малый причудливый, Дэви. Я это знаю, но пока горячо желѣзо, умѣю славно ковать его. Мнѣ

Digitized by Google

кажется, я могъ бы порядочно выдержать экзаменъ лоцмана на здѣшнихъ водахъ.

— Мистеръ Пегготти говоритъ, что ты просто чудо, — возразилъ я.

— Морское чудо, не такъ ли, а? — продолжалъ Стирфортъ, смѣясь.

— Разумѣется, и тебѣ извѣстно, какъ онъ правдивъ, зная съ какимъ пристрастіемъ преслѣдуешь ты то, что началъ, и какъ легко во всемъ достигаешь совершенства. И вотъ я чему въ тебѣ удивляюсь, Стирфортъ, что ты довольствуешься такимъ причудливымъ употребленіемъ твоихъ способностей.

— Довольствуюсь? — отвѣчалъ онъ весело. — Я никогда ни чѣмъ не бываю доволенъ, развѣ только твоею свѣжестью, моя миленькая маргариточка. Что касается до причудливости, то я никогда не научился искусству привязывать себя къ одному изъ колесъ, на которыхъ современные Иксіоны вертятся постоянно. Какъ-нибудь не досмотрѣли за этимъ въ плохой школѣ, а теперь я и не забочусь болѣе. Ты знаешь, что я купилъ здѣсь барку.

— Какой ты чудакъ, Стирфортъ! — воскликнулъ я, пріостанавливаясь, потому что я въ первый разъ объ этомъ услышалъ;—за чѣмъ она тебѣ, когда, можетъ быть, ты никогда не задумаешь опять сюда пріѣхать!

— Не знаю,—возразилъ онъ.—Мнѣ приглянулось здѣшнее мѣсто. Какъ бы то ни было,—продолжалъ онъ, увлекая меня за собою,—я купилъ лодку, которая продавалась, — баркасъ, какъ говоритъ мистеръ Пегготти, и онъ самъ будетъ ей хозяиномъ въ мое отсутствіе.

— Теперь я тебя понимаю, Стирфортъ!—сказалъ я, въ восхищеніи, — Ты увѣряешь, что купилъ ее для себя, а въ самомъ дѣлѣ купилъ для того только, чтобы ему оказать благодѣяніе. Я могъ бы догадаться съ самаго начала, зная тебя. Милый, добрый Стирфортъ, какъ я могу высказать тебѣ, что я думаю о твоемъ великодушіи?

— Тсъ! — отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ. — Чѣмъ скажешь меньше, тѣмъ лучше.

Digitized by Google

— Развѣ я не зналъ!—вскричалъ я,—развѣ я не говорилъ, что нѣтъ такой радости, такой печали, или другаго чувства этихъ честныхъ душъ, къ которому бы ты былъ равнодушенъ?

— Да, да, — отвѣчалъ онъ, — ты говорилъ мнѣ все это. Пусть при томъ и останется. Мы довольно объ этомъ поговорили.

Боясь огорчить его, если стану распространяться о предметѣ, который для него казался неважнымъ, я продолжалъ размышлять о немъ, между тѣмъ, какъ мы шли еще болѣе скорыми шагами, чѣмъ до того времени.

— Ее нужно вновь оснастить, — сказалъ Стирфортсъ,— и я оставляю здѣсь Литтимера смотрѣть за этимъ, чтобы я могъ быть увѣренъ, что она всѣмъ снабжена. Говорилъ я тебѣ, что Литтимеръ сюда пріѣхалъ?

— Нѣтъ, не говорилъ.

— Какъ же. Онъ пріѣхалъ сегодня поутру, съ письмомъ отъ маменьки.

Когда наши взоры встрѣтились, я замѣтилъ, что онъ поблѣднѣлъ до самыхъ губъ, хотя смотрѣлъ на меня очень твердо. Я боялся, что какое-нибудь несогласіе съ его матерью было поводомъ къ тому расположенію духа, въ которомъ я засталъ его у одинокаго камина, и намекнулъ объ этомъ.

— О нѣтъ! — сказалъ онъ, покачавъ головою и слегка засмѣялся. — Ничего такого не было! — Да, онъ пріѣхалъ, этотъ мой слуга.

— Все такой, какъ я всегда.

— Все такой же,—сказалъ Стирфортсъ.—Отчужденный, и спокойный, какъ Сѣверный полюсъ. — Онъ о томъ позаботится, чтобъ баркѣ дано было другое имя. Теперь зовутъ ее: «*Бурная птица*». Но что мистеру Пеготти до бурныхъ птицъ? Я хочу, чтобъ ее назвали иначе.

— Какимъ именемъ? — спросилъ я.

— Маленькая Эмли.

Такъ какъ онъ все еще пристально глядѣлъ на меня, то я подумалъ, что онъ напоминаетъ мнѣ о томъ, что не желаетъ для себя похвалы.

Digitized by Google

Я не могъ однакожъ не обнаружить на лицѣ своемъ, сколько это меня радовало. Я сказалъ нѣсколько словъ, и его обыкновенная улыбка опять возвратилась; онъ казался довольнымъ.

— Но посмотри-ка туда, — сказалъ, онъ, глядя на дорогу, — вотъ идетъ и настоящая маленькая Эмли! И дѣтина этотъ съ нею же, а? Клянусь честью, онъ ея вѣрный рыцарь. Онъ никогда ея не оставляетъ.

Гэмъ въ это время былъ лодочнымъ мастеромъ, усовершенствовавъ свою врожденную способность къ этому ремеслу, до тѣхъ поръ, пока сдѣлался искуснымъ работникомъ. Онъ шелъ въ рабочемъ платьѣ и казался довольно неуклюжимъ, однако все молодцемъ и достойнымъ покровителемъ этому цвѣтущему маленькому созданію. Въ самомъ дѣлѣ, на его лицѣ выражались какая-то откровенность, честность и явное чувство гордости и любви къ ней, которыя мнѣ нравились болѣе, нежели красивая наружность. Я подумалъ, когда они съ нами поравнялись, что они и въ этомъ отношеніи составляютъ прекрасную чету.

Она съ робостію отняла у него руку, когда мы остановились поговорить съ ними, и покраснѣла, подавая ее Стирфортсу и мнѣ. Когда они удалились, сказавши съ нами нѣсколько словъ, она не хотѣла дать ему свою руку, но съ видимою робостію и принужденностію, шла одна. Мнѣ все это показалось весьма милымъ и привлекательнымъ, и Стирфортсъ былъ, кажется, одного со мною мнѣнія, когда мы на нихъ смотрѣли, какъ они стали скрываться при свѣтѣ новаго мѣсяца.

Вдругъ прошла мимо насъ — безъ сомнѣнія, слѣдуя за ними, молодая женщина, которой приближенія мы не замѣтили, но которой лице я увидѣлъ, когда она прошла около меня, и мнѣ показалось, какъ будто я ее помню. Она была легко одѣта, казалась дерзкою, безпутною, кокетливою и бѣдною; но въ то время она все отдала вѣтру, думала только о томъ, какъ бы поспѣшить за ними. Когда мрачная, обширная равнина, поглощая все въ своемъ туманѣ, раскинулись одна между нами, моремъ и облаками, образъ ея также исчезъ, но не приблизясь къ нимъ болѣе прежняго.

Digitized by Google

— Это черная тѣнь, которая хочетъ догнать дѣвушку, — сказалъ Стирфортсъ, остановясь; — что бы это значило?

Онъ говорилъ глухимъ голосомъ, который какъ-то странно звучалъ въ ушахъ моихъ.

— Можетъ быть, она хочетъ просить у нихъ милостыни, — сказалъ я.

— Ницій не былъ бы диковиною, — сказалъ Стирфортсъ, — но странно то, что онъ принялъ нынче ночью этотъ видъ?

— Почему же? — спросилъ я его.

— Ну, сказать по правдѣ, ни на какомъ другомъ основаніи, какъ только на томъ, что мнѣ подумалось что-то подобное, — примолвилъ онъ послѣ краткаго молчанія, — когда она прошла мимо насъ. Откуда къ чорту она вышла?

— Должно быть изъ-за этой стѣны, — сказалъ я, когда мы вышли на дорогу, при которой возвышалась стѣна.

— Исчезла, — отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ назадъ черезъ плечо. — И пусть исчезнетъ съ нею все недоброе. Теперь къ ужину.

Однако онъ еще нѣсколько разъ оглядывался черезъ плечо на полосу моря, свѣтящуюся вдали, и нѣсколько разъ выражалъ свое удивленіе въ отрывистыхъ словахъ, въ продолженіе всей дороги, которой оставалось немного, и, кажется, тогда только пересталъ объ этомъ думать, когда освѣтилъ насъ огонь камина и свѣчъ, когда мы, согрѣтые и веселые, сидѣли за столомъ.

Тутъ былъ Литтимеръ и производилъ на меня обыкновенное впечатлѣніе. Когда я сказалъ ему, что надѣюсь, что миссисъ Стирфортсъ и миссъ Дартль совершенно здоровы, онъ отвѣтилъ почтительно (и разумѣется, почтенно), что онѣ чувствуютъ себя довольно хорошо, и приказали мнѣ кланяться. Вотъ все, что онъ сказалъ, а между тѣмъ мнѣ казалось, что онъ говоритъ мнѣ такъ ясно, какъ только могъ ясно выражаться человѣкъ: «Вы очень молоды, сударь; вы чрезмѣрно молоды.»

Мы ужъ отужинали, когда онъ, подойдя на шагъ или на два къ столу, изъ угла, въ которомъ онъ наблюдалъ за нами,

Digitized by Google

или правильнѣе, за мною, какъ мнѣ казалось,—сказалъ своему господину:

— Прошу извинить, сэръ. Миссъ Маугеръ внизу.

— Кто?—вскрикнулъ Стирфортсъ, весьма удивленный.

— Миссъ Маугеръ, сэръ.

— Скажи пожалуйста! что ей тутъ надобно?—сказалъ Стирфортсъ.

— Кажется, что здѣсь ея родина, сэръ. Она говорила мнѣ, что каждый годъ пріѣзжаетъ сюда по своимъ дѣламъ. Я съ нею встрѣтился на улицѣ, сегодня послѣ обѣда, и она пожелала знать, можетъ ли имѣть честь явиться къ вамъ, когда вы откушаете.

— Знаешь ты эту гигантшу, Дэви?—спросилъ Стирфортсъ.

Я принужденъ былъ сознаться, стыдясь, что и въ этомъ показалъ свою неопытность передъ Литтимёромъ—что миссъ Маугеръ и я совершенно незнакомы.

— Такъ ты долженъ узнать ее,—сказалъ Стирфортсъ,—потому что она одно изъ семи чудесъ свѣта. Когда миссъ Маугеръ придетъ, приведи ее сюда.

Меня сильно подстрекало любопытство на счетъ этой особы, въ особенности когда Стирфортсъ громко хохоталъ, какъ только я поминалъ объ ней, и рѣшительно отказывался отвѣчать мнѣ на всѣ вопросы по этому предмету. Я оставался въ состояніи подстрекнутаго ожиданія съ полчаса послѣ того, какъ сняли со стола скатерть, и мы сидѣли за стаканами вина передъ огнемъ,—когда отворилась дверь, и Литтимеръ, съ своимъ обыкновеннымъ свѣтлымъ достоинствомъ, доложилъ:

— Миссъ Маугеръ.

Я обратилъ взоръ ко входу, и ничего не видалъ. Я все еще смотрѣлъ на дверь, полагая, что миссъ Маугеръ медлитъ своимъ появленіемъ, когда, къ безконечному моему удивленію, вокругъ дивана, стоявшаго между нею и мною, обошла, переваливаясь и пыхтя,—карлица, отъ 40 до 50 дюймовъ, съ весьма большою головою и лицемъ, и съ плутовскими сѣрыми глазами, и такими коротенькими руками, что когда она захотѣла съ лукавымъ видомъ приложить палецъ къ носу, прицуриваясь на Стирфортса, она принуждена была встрѣ-

Digitized by Google

тить палецъ носомъ на половинѣ дороги. Ея подбородокъ, который былъ изъ числа тѣхъ, которые называются двойнымъ подбородкомъ, такъ былъ жиренъ, что совершенно поглощалъ ленты ея шляпки, узелъ и все. Шеи у нея не было; ни таліи не было; ногъ не было, по крайней мѣрѣ не было столько, чтобы стоило упомянуть объ нихъ: хотя она была болѣе чѣмъ дородна въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы должна быть талія, если бы у нея она была, и хотя и оканчивалась —какъ обыкновенно существа человѣческія, двумя ногами,—однако она была такъ коротка, что стояла передъ обыкновеннымъ стуломъ, какъ передъ столомъ, положивъ на него мѣшокъ, который принесла съ собою. Эта дама, одѣтая въ старомодномъ, свободномъ вкусѣ, приложивъ носъ къ указательному пальцу съ вышеописаннымъ затрудненіемъ, стояла передъ нами, наклонивъ голову на одну сторону и зажмуривъ одинъ изъ проницательныхъ глазъ, съ какимъ-то плутовскимъ видомъ, и потомъ посмотрѣвъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ на Стирфортса, разлилась цѣлымъ потокомъ словъ.

— Какъ, мой цвѣтикъ!—начала она шутливо, кивая ему огромною головою,—вы здѣсь? О вы гадкій мальчикъ, фу, какой стыдъ, что вы тутъ дѣлаете, такъ далеко отъдому? Вѣрно что-нибудь дурное затѣяли?—пусть меня повѣсятъ. О, вы продувной малый, Стирфортсъ, да! но вѣдь и я такая же, не такъ ли? ха, ха, ха! Вы бы объ закладъ стали биться, на 100 фунтовъ противъ 5-ти, что не увидите меня здѣсь; что, не правда ли? Къ вашимъ услугамъ, живой человѣкъ, я вездѣ. Я и тутъ, и тамъ, и гдѣ меня нѣтъ? какъ монета фокусника въ носовомъ платкѣ у дамы. Благо вспомнила о носовыхъ платкахъ, и о дамахъ—какая вы Божья благодать для вашей доброй матушки! не такъ ли, мой милый мальчикъ? разумѣется, какъ я понимаю.

Въ продолженіе этой рѣчи миссъ Маугеръ отвязала свою шляпку, закинула назадъ ленты, и пыхтя сѣла на скамейку, противъ огня, сдѣлавъ для себя родъ бесѣдки изъ стола, который образовалъ кровь надъ ея головою.

— Охъ, вы сударики!—продолжала она, ударивъ рукою по каждому изъ своихъ маленькихъ колѣнъ, и лукаво взгля-

Digitized by Google

нувъ на меня; я слишкомъ тучна, вотъ въ чемъ дѣло, Стирфортсъ. Послѣ нѣсколькихъ ступеней лѣстницы мнѣ такъ бываетъ трудно перевести духъ, какъ вытащить ведро съ водою изъ колодца. Еслибъ вы увидѣли меня съ верху въ окошко, вы подумали бы, что я хорошенькая женщина, не правда ли?

— Я бы подумалъ это, гдѣ бы васъ ни увидалъ,—отвѣчалъ Стирфортсъ.

— Ахъ, отвяжись, шалунъ! — вскричало маленькое существо, стегнувъ его платкомъ, которымъ утирало лицо свое,—и не будь безстыдникомъ! Но я даю тебѣ честное слово, что я была на прошлой недѣлѣ у лэди Майдерсъ — вотъ женщина! Какъ она себя сохраняетъ! И Майдерсъ самъ вошелъ въ ту комнату, гдѣ была я — вотъ мужчина! Какъ онъ себя сохраняетъ, и паричекъ свой также —онъ у него ужъ лѣтъ съ десять — и онъ наговорилъ мнѣ столько любезностей, что ужъ я подумала, не позвонить ли мнѣ. Ха! ха! ха! Онъ малый забавный, только безъ всякихъ правилъ.

— За чѣмъ вы приходили къ лэди Майдерсъ?– спросилъ Стирфортсъ.

— За тѣмъ, мой голубчикъ, до чего тебѣ нѣтъ дѣла,— отвѣчала она сердито, и ударивъ себя опять по носу, она подняла лицо, и сверкнула глазами, какъ чертенокъ, владѣющій сверхъестественными познаніями въ вещахъ.—Это до тебя не касается. Тебѣ хотѣлось бы знать, не мѣшаю ли я лѣзть ея волосамъ, не крашу ли ихъ, не поправляю ли цвѣтъ лица ея, не черню ли ей брови? не такъ ли? Ты все это узнаешь, голубчикъ ты мой, если только я разскажу. А знаешь ли ты, какъ звали моего дѣдушку?

— Нѣтъ, не знаю,—сказалъ Стирфортсъ.

— Его звали Уокеръ,—краснобай, барашекъ ты мой,— отвѣчала миссъ Маугеръ,—и онъ происходилъ отъ древняго рода Уокеровъ, отъ которыхъ я наслѣдую со временемъ помѣстье Небывалое.

Я никода не видалъ ничего такого, что бы могло сравниться съ лукавымъ прищуриваньемъ глазъ ея и съ умѣньемъ владѣть собою. Она съ какою-то странною ужимкою, при-

Digitized by Google

слушиваясь къ тому, что ей говорили, или выжидая отвѣта на то, что сама сказала, склоняла голову на одну сторону, и смотрѣла однимъ глазомъ вверхъ, какъ сорока. Я совершенно забылся отъ удивленія, и такъ пристально смотрѣлъ на нее, что, можетъ быть, нарушилъ всѣ правила вѣжливости.

Она между тѣмъ придвинула къ себѣ стулъ, и усердно хлопотала, вынимая изъ мѣшка (опуская въ него до плеча при каждомъ погруженіи коротенькую руку) множество маленькихъ стклянокъ, губокъ, гребешковъ, щеточекъ лоскутковъ фланели, маленькихъ компасиковъ, щипчиковъ, и другихъ орудій, которыя сложила въ кучу на стулъ. Но вдругъ, оставивъ это занятіе, она спросила Стирфортса, къ величайшему моему смущенію:

— Кто вашъ другъ?

— Мистеръ Копперфильдъ,—сказалъ Стирфортсъ;—онъ желаетъ съ вами познакомиться.

— Хорошо, пусть познакомится! Онъ, кажется, тѣмъ и смотритъ,—отвѣчала миссъ Маугеръ, и переваливаясь подошла ко мнѣ, смѣясь и держа въ рукѣ мѣшокъ.—Личико, словно персикъ!—сказала она, поднявшись на цыпочки, чтобы ущипнуть меня въ щеку (между тѣмъ какъ я сидѣлъ). Какъ соблазнительно! Я очень люблю персики. Очень пріятно съ вами познакомиться, мистеръ Копперфильдъ, очень пріятно.

Я сказалъ ей, что считаю за честь познакомиться съ нею, и что удовольствіе взаимное.

— О, Господи, какъ мы вѣжливы!—воскликнула миссъ Маугеръ, сдѣлавъ неудачную попытку закрыть огромное лицо свое кусочкомъ мяса, который называла она рукою.

— Какой право свѣтъ! словно ветчина со шпинатомъ, не правда ли?

Эти слова относились къ намъ обоимъ, между тѣмъ какъ кусочекъ мяса сошелъ съ лица и погрузился снова въ мѣшокъ.

— Что хотите вы этимъ сказать, миссъ Маугеръ? — спросилъ Стирфортсъ.

— Ха, ха, ха! Мы право преусладительное общество дураковъ! не такъ ли, душа моя?—отвѣчалъ этотъ кусокъ женщи-

Digitized by Google

ны, щупая рукою въ мѣшкѣ, склонивъ голову на сторону и поднявши глазъ къ верху.—Посмотри-ка!—Тутъ она что-то вынула.—Вотъ обрѣзки съ ногтей Русскаго князя! Князь Алфавитъ—шиворотъ на выворотъ; я его такъ называю потому что въ его имени всѣ буквы, какъ ни попало.

— Этотъ Русскій князь одинъ изъ вашихъ кліентовъ, не такъ ли? — сказалъ Стирфортсъ.

— Можетъ быть, овечка моя, — отвѣчала миссъ Маугеръ. — Я содержу въ порядкѣ его ногти. Два раза въ недѣлю на рукахъ и на ногахъ!

— Онъ вѣроятно хорошо платитъ? — спросилъ Стирфортсъ.

— Такъ, какъ говоритъ, милое дитятко, въ носъ,—отвѣчала миссъ Маугеръ.

— Ни одинъ изъ вашихъ господъ брадобрѣевъ не зналъ бы, что дѣлать съ этимъ княземъ. Вы бы сами въ этомъ сознались, еслибъ видѣли его усы. Рыжіе—по природѣ, черные, благодаря искусству.

— Благодаря вашему искусству, разумѣется.

Миссъ Маугеръ кивнула въ знакъ согласія.

— По неволѣ послалъ за мной. Нельзя было иначе. Климатъ повредилъ его краскѣ; она была очень хороша въ Россіи, но здѣсь никуда не годилась. Вы съ роду не видали такого ржаваго князя. Точно старое желѣзо.

— Не оттого ли вы и назвали его, сейчасъ, дуракомъ?— спросилъ Стирфортсъ.

— О, хитрый ты мальчикъ! не правда ли? — возразила миссъ Маугеръ. — Я сказала, что мы представляемъ общество дураковъ, и въ доказательство этого показала тебѣ ногти князя. Ногти князя для меня болѣе дѣлаютъ въ частныхъ домахъ хорошаго тона, чѣмъ всѣ мои таланты, взятые вмѣстѣ. Я всегда ношу ихъ съ собою. Они служатъ мнѣ лучшею рекомендаціею. Коли миссъ Маугеръ стрижетъ ногти князя, такъ ужъ вѣрно знаетъ свое дѣло. Я раздаю ихъ молодымъ лэди. Я думаю, онѣ кладутъ ихъ въ свои альбомы, ха, ха, ха! Клянусь жизнію, вся эта соціяльная система (какъ называютъ ее господа, когда говорятъ рѣчи въ парламентѣ)

система княжескихъ ногтей! — сказала эта крошка женщина, пытаясь скрестить коротенькія свои руки, и кивая огромною головою.

Стирфортсъ смѣялся отъ души, и я тоже; миссъ Маугеръ между тѣмъ продолжала кивать головою, склоненною на сторону, и смотрѣла однимъ глазомъ вверхъ, а другимъ лукаво мигала.

— Такъ, такъ!—сказала она, столкнувъ одно объ другое свои маленькія колѣни, и привставъ, — но не въ томъ дѣло. Ну, Стирфортсъ, давай, изслѣдуемъ полярныя страны, и дѣло съ концемъ.

Тогда она выбрала три или четыре маленькихъ инструмента и маленькую стклянку, и спросила, къ моему удивленію, сдержитъ ли столъ. Когда Стирфортсъ отвѣтилъ утвердительно, она пододвинула къ нему стулъ, и попросивъ у меня руку поддержать ее, вскочила довольно ловко на столъ, какъ будто на сцену театра.

— Если кто-нибудь изъ васъ увидалъ мои лодыжки, — сказала она, благополучно взлѣзши на столъ, — то скажите, я уйду домой и наложу на себя руки.

— Я не видалъ, — сказалъ Стирфортсъ.

— И я не видалъ, — сказалъ я.

— Хорошо, если такъ, — вскричала миссъ Маугеръ, — я согласна жить. Теперь, утъ-утъ-утъ, поди къ миссъ Бондъ и дай себя зарѣзать.

Это было возваніемъ къ Стирфортсу, чтобы онъ отдался въ ея руки; соображаясь съ этимъ, онъ сѣлъ спиною къ столу и смѣющимся лицемъ ко мнѣ, и подвергъ свою голову ея осмотру, очевидно не съ какою-нибудь другою цѣлью, какъ только насъ потѣшить. Странное зрѣлище представляла миссъ Маугеръ, стоящая надъ нимъ, и смотрящая сквозь огромное круглое увеличительное стекло, которое она вынула изъ своего кармана, на его густые темно-русые волосы

— Ты красавецъ! — сказала миссъ Маугеръ, послѣ непродолжительнаго обозрѣнія.—Ты, какъ монахъ, оплѣшивѣлъ бы на маковкѣ черезъ годъ, еслибъ не я. — Полминуты, мо-

Digitized by Google

лодой мой пріятель, и мы дадимъ такой лоскъ твоимъ кудрямъ, который сохранится на десять лѣтъ!

Сказавъ это, она вылила немного изъ стклянки на одинъ изъ лоскутковъ фланели, и потомъ, удѣливъ изъ цѣлительныхъ свойствъ этого снадобья на одну изъ маленькихъ щетокъ, начала тереть обѣими руками по верхней части головы Стирфортса, съ такимъ усердіемъ, какого я никогда не видалъ, и во все время болтала не умолкая.

— Вотъ Чарльсъ Пайгрэвъ, сынъ герцога, — сказала она. — Ты знаешь Чарльса? — Тутъ она заглянула съ боку къ нему въ лице.

— Нѣсколько, — сказалъ Стирфортсъ.

— Вотъ такъ мужчина! какіе у него бакенбарды! Что касается до ногъ Чарлея, еслибъ ихъ было двѣ, чего однако нѣтъ, то имъ нечего было бы опасаться соперничества. Повѣришь ли, что онъ думалъ обойтись безъ меня, да еще въ лейбъ-гвардіи.

— Онъ съ ума сошелъ, — сказалъ Стирфортсъ.

— Кажется, такъ. Однако помѣшанный, нѣтъ ли, онъ попытался, возразила миссъ Маугеръ. — Что же онъ сдѣлалъ? возьми это себѣ въ примѣръ, — онъ отправился въ лавку къ парфюмёру, и спросилъ стклянку Мадагаскарской жидкости.

— Это сдѣлалъ Чарльсъ? — сказалъ Стирфортсъ

— Это сдѣлалъ Чарльсъ. Но у нихъ не было Мадагаскарской жидкости.

— Что это такое? что-нибудь для питья? — спросилъ Стирфорстъ.

— Для питья? — возразила миссъ Маугеръ, прервавши свою рѣчь, чтобы потрепать его по щекѣ. — Врачевать собственные свои усы: вотъ что. Въ лавкѣ была женщина, женщина въ лѣтахъ — настоящій грифъ, — которая никогда не слыхала даже этого названія. «Прошу извитить меня, сэръ», сказалъ Грифъ Чарльсу, «это не румяны ли?» — «Румяны?» сказалъ Чарльсъ Грифу. «Для какого употребленія, думаете вы, мнѣ нужны румяны?— «Не обижайтесь этимъ, сэръ», сказалъ Грифъ; «у насъ ихъ спрашиваютъ, называя столькими назва-

ніями, что я подумала, не они ли вамъ нужны.» — Ну вотъ это, дитятко мое, — продолжала миссъ Маугеръ, гладя его щеткою столь же усердно, какъ прежде, — новый примѣръ усладительнаго общества глупцовъ, о которомъ я говорила. Я сама дѣлаю что-то въ этомъ родѣ — можетъ быть, не мало, можетъ быть, немножко, — словцо мое бываетъ рѣзко, милый мой мальчикъ, и ты не долженъ за это на меня сердиться.

— Въ какомъ смыслѣ, разумѣете вы эти румяны? — спросилъ Стирфортъ.

— Возьми и того и другаго вмѣстѣ, милое мое дитятко, — возразила смышленая Маугеръ, приложивъ къ носу палецъ, — доискивайся всѣхъ тайностей, и произведеніе дастъ тебѣ желаемый результатъ; я говорю, что я сама отчасти дѣлаю дѣла такого рода. Одна вдова, баронесса, называетъ это губною помадою. Другая—перчатками. Третья—воротничкомъ. Четвертая—вѣеромъ. Я же называю это какъ имъ угодно. Я имъ доставляю желаемое, и такъ мы поддерживаемъ эту плутовскую штуку, одинъ для другаго, и такъ ведемъ дѣло, что они готовы при всемъ собраніи показать употребленіе этой вещи, какъ при мнѣ. А когда я ихъ навѣщаю, они всегда говорятъ: клади потолще, не жалѣй. Что, какова я? Не блѣдна ли? Ха! ха! ха! ха! Развѣ это не усладительно, молодой мой пріятель!

Я никогда не видалъ ничего подобнаго миссъ Маугеръ, когда она стояла на столѣ въ полномъ восхищеніи, усердно потирая голову Стирфортса, и черезъ нее перемигиваясь со мною.

— Ахъ! — сказала она, — такія вещи здѣсь не очень-то въ ходу. Это опять меня подстрекаетъ. Я не видала ни одной хорошенькой женщины, съ того времени, какъ здѣсь.

— Не ужели? — сказалъ Стирфортъ.

— Ни даже тѣни ея, — отвѣчала миссъ Маугеръ.

— Мы бы могли показать ей хорошенькую, живьёмъ, я думаю?—сказалъ Стирфортъ, обративъ свой взоръ на меня, — Не правда ли, Дэви.

— Да, разумѣется, — сказалъ я.

Digitized by Google

— Эге?—вскликнуло маленькое созданіе, обративъ на меня бѣглый, проницательный взглядъ, и потомъ посмотрѣвъ на Стирфортса. — Вотъ что?

Первое восклицаніе звучало какъ вопросъ, предложенный намъ обоимъ, а второе какъ будто вопросъ, сдѣланный одному Стирфортсу. Она не нашла отвѣта ни на который, но продолжала тереть, держа голову на сторону, а глаза поднявши къ верху, какъ будто искала отвѣта въ воздухѣ, будучи увѣрена въ его внезапномъ появленіи.

— Сестрица ваша, мистеръ Копперфильдъ? — вскричала она, помолчавъ, и все еще посматривая какъ прежде. — Не такъ ли?

— Нѣтъ, — сказалъ Стирфортсъ, прежде нежели я могъ отвѣчать.—Совсѣмъ нѣтъ, напротивъ, мистеръ Копперфильдъ всегда, если не ошибаюсь — очень сю любовался.

— Какъ, любовался, а теперь что жъ?—возразила миссъ Маугеръ. — Развѣ онъ непостояненъ? а, какой стыдъ! Развѣ онъ сосалъ каждый цвѣточекъ, и каждый часъ мѣнялъ, пока Полли не удовлетворила его страсти? — Вѣдь ее зовутъ Полли? Неимовѣрная быстрота, съ которой она направила на меня этотъ вопросъ, и испытующій взглядъ ея совершенно смутили меня на минуту.

— Нѣтъ, миссъ Маугеръ, — отвѣчалъ я. — Ея имя Эмли.

— Ага! — закричала она какъ прежде. — Гмъ! какая я трещотка! мистеръ Копперфильдъ, неправда ли, что я большая болтунья?

Въ ея голосѣ и взглядѣ было что-то непріятное для меня при разговорѣ объ этомъ лицѣ. И потому я сказалъ съ болѣе важнымъ видомъ, нежели кто-либо изъ насъ до сихъ поръ принималъ:

— Она столько же добродѣтельна, сколько прекрасна. Она обѣщала свою руку весьма достойному человѣку того же состоянія, какъ она. Я столько ее уважаю за ея здравый умъ, сколько удивляюсь ея пріятной наружности.

— Прекрасно сказано! — вскричалъ Стирфортсъ.—Слушай, слушай, слушай! ну теперь я утолю любопытство этой маленькой Фатимы, милый мой Дэви, не оставивъ

Digitized by Google

ей ничего отгадывать. Она теперь ученица, миссъ Маугеръ, или мастерица, или что тамъ другое, у Омера и Джорэма, портныхъ, содержащихъ магазинъ модъ, и такъ далѣе, въ этомъ городѣ. Замѣтьте себѣ: Омеръ и Джорэмъ. Обыщаніе, о которомъ говорилъ мой пріятель, дано и состоялось съ ея двоюроднымъ братомъ; имя, данное при крещеніи — Гэмъ; прозвище —Пегготти; занятіе —барочный мастеръ, изъ этого же города. Она живетъ у родственника; имя собственное — неизвѣстно; прозваніе — Пегготи; занятіе — рыбакъ, изъ этого же города. Она же самая миленькая и привлекательная маленькая волшебница въ мірѣ Я ей удивляюсь чрезвычайно, какъ и мой пріятель. Чтобъ не могло показаться, что я унижаю ея суженаго, — что, я знаю, не понравилось бы моему другу,—я бы прибавилъ, что мнѣ кажется, она собою жертвуетъ; я увѣренъ въ томъ, что она могла бы лучше сдѣлать, и, наконецъ, клянусь, что она рождена быть госпожей.

Миссъ Маугеръ прислушивалась къ этимъ словамъ, сказаннымъ весьма медленно и внятно, свѣсивши голову на сторону и устремивъ глаза въ потолокъ, какъ будто еще ожидала отвѣта. Когда онъ кончилъ, она вдругъ опять засуетилась, и затрещала съ поразительною скоростію.

— О! вотъ и вся исторія, не такъ ли? — сказала она, — подстригая его бакенбарды маленькими ножницами, которыя ходили, сверкая, вокругъ его головы во всѣхъ направленіяхъ.— Очень хорошо, очень хорошо! Какая длинная исторія! Ей слѣдовало бы окончиться такъ: послѣ этого и жили они счастливо, не такъ ли? Ахъ! что это за игра въ фанты? Я люблю мою возлюбленную съ буквою Э**, потому что она очаровательна; я ненавижу ее отъ того, что она принадлежитъ другому, а не мнѣ. Я привлекъ ее видомъ честнаго человѣка и хотѣлъ уговорить къ побѣгу; ея имя — Эмли, а живетъ она на морскомъ берегу. Ха! ха! ха! Мистеръ Копперфильдъ, не правда ли, я большая болтунья?

Смотря только на меня съ необыкновеннымъ лукавствомъ, и не ожидая никакого отвѣта, она продолжала, не переводя дыханія:

— Вотъ, теперь кончено! Если когда былъ какой-ни-

Digitized by Google

будь щеголь принаряженъ и подправленъ въ совершенствѣ, такъ это вы, Стирфортсъ. Если я знаю толкъ въ какой-нибудь головѣ на свѣтѣ, такъ это въ вашей. Слышите ли, что я говорю вамъ, душа моя! я понимаю вашу головушку. И она, прицуриваясь, заглянула на него сверху.

— Теперь вы можете отправляться, Джемми, какъ говорятъ при дворѣ, и если мистеру Копперфильду будетъ угодно сѣсть на стулъ, я покажу надъ нимъ свое искусство.

— Что ты на это скажешь, Дэви? — спросилъ Стирфортсъ, смѣясь и уступая мнѣ стулъ. — Хочешь, чтобъ тебя усовершенствовали?

— Благодарю васъ, миссъ Маугеръ, — только не сегодня вечеромъ.

— Не говорите этого, — возразила маленькая женщина, смотря на меня съ видомъ знатока; — крошечку побольше брови?

— Благодарю васъ, — возразилъ я, — когда-нибудь въ другое время.

— Провесть бы ихъ на полчетверти дюйма къ виску, — сказала миссъ Маугеръ. — Мы можемъ это сдѣлать въ двѣ недѣли.

— Нѣтъ, благодарю васъ покорно; не теперь.

— Пожалуйте, я васъ хоть немножко подстригу, — говорила она, стараясь убѣдить меня. — Не хотите? ну такъ дайте мнѣ подправить вамъ бакенбарды. Пожалуйте!

Я невольно покраснѣлъ, отказываясь отъ этого, потому что чувствовалъ, что она коснулась слабой стороны моей. Но миссъ Маугеръ, видя, что я теперь не расположенъ ни къ какому украшенію по части ея искусства, и что на этотъ разъ я готовъ устоять противъ всякихъ обольщеній со стороны стклянки, которую она держала передъ глазами для усиленія своихъ убѣжденій, сказала, что будущій разъ начнетъ она съ меня, и попросила меня подать ей руку, чтобъ ей слѣзть съ возвышенія. При этой помощи она соскочила съ большою ловкостію, и стала завязывать свой двойной подбородокъ въ шлапку.

Digitized by Google

— А за труды, — сказалъ Стирфортъ, — сколько....

— Пять шиллинговъ, — отвѣчала миссъ Маугеръ, — и это дешевле пареной рѣпы, мой барашекъ. Какая я болтунья, мистеръ Копперфильдъ, не правда ли?

Я отвѣтилъ учтиво: — вовсе нѣтъ. — Однако думалъ совсѣмъ не то, когда она подбросила вверхъ его двѣ полкроны, и какъ фокусникъ, поймавъ, опустила въ свой карманъ и громко по нимъ хлопнула.

— Вотъ моя кружка! — замѣтила миссъ Маугеръ, ставши опять около стула, и укладывая въ мѣшокъ разное собраніе крошечныхъ вещей, которыя изъ него вынула. — Всѣ ли я собрала? Кажется, все. Не хотѣлось бы мнѣ походить на длиннаго Нэдъ Бидуудъ, когда его повели въ церковь женить на комъ-то, какъ онъ говоритъ, а невѣсту-то и забыли. Ха! ха! ха! Страшный плутъ этотъ Нэдъ, но веселый малый! Ну, теперь я знаю, что сердца у васъ обольются кровью, однако мнѣ должно васъ оставить. Вамъ надобно вооружиться всею твердостію, и стараться перенести разлуку со мною. Прощайте, мистеръ Копперфильдъ! Берегитесь, Норфолькскій джокей! каково! какъ же я намолола! этому вы оба виноваты, шалуны. Я васъ прощаю. Bob swore! какъ говорилъ одинъ Англичанинъ вмѣсто bon soir, — когда началъ учиться по-Французски, и думалъ, что Французскій языкъ похожъ на Англійскій. Bob swore, мои милашки!

Повѣсивъ мѣшокъ на руку, и все еще трещa, поплелась она въ двери, гдѣ она остановилась, чтобы спросить насъ, не оставить ли намъ на память локонъ своихъ волосъ. — Ну, не болтушка ли я? прибавила она, въ видѣ комментарія къ этому предложенію, и, приложивъ къ носу палецъ, удалилась.

Стирфортъ до такой степени смѣялся, что и мнѣ невозможно было удержаться отъ смѣха; хотя я не знаю навѣрное, сталъ ли бы я смѣяться безъ этого побужденія. Когда мы досыта нахохотались, что случилось послѣ нѣкотораго времени, онъ сказалъ мнѣ, что миссъ Маугеръ имѣетъ обширный кругъ знакомства, и бываетъ полезною разнаго рода людямъ въ дѣлахъ разнаго рода. Нѣкоторые издѣваются надъ нею, единственно какъ надъ диковиной, и считаютъ за дурочку, гово-

Digitized by Google

рилъ онъ; но онъ не знаетъ никого, кто бы имѣлъ такой тонкій даръ наблюдательности, какъ она, и что она имѣетъ столько дальнее соображеніе, сколько коротки ея руки. Онъ сказалъ мнѣ, что все, что она говорила о своемъ пребываніи то тутъ, то тамъ, довольно справедливо, ибо она дѣлаетъ маленькія поѣздки въ провинціи, и, кажется, вездѣ пріобрѣтаетъ новыхъ знакомыхъ, и всѣхъ знаетъ. Я спросилъ его, какого она нрава: вовсе ли она дурныхъ свойствъ, или вообще болѣе расположена къ честнымъ дѣламъ; но послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ попытокъ привлечь его вниманіе къ этимъ вопросамъ, я умолчалъ объ нихъ или забылъ ихъ повторить. Вмѣсто этого, онъ разсказалъ мнѣ, съ большою быстротою, много примѣровъ ея ловкости, какъ велики ея доходы; что она отлично ставитъ банки, если когда-нибудь мнѣ случится искать ея услугъ по этой части.

Она была главнымъ предметомъ нашего разговора въ продолженіе вечера, и когда мы разстались, Стирфортъ закричалъ мнѣ черезъ перила: Bob swore! когда я уже сходилъ по ступенямъ.

Я удивился, когда, пришедши въ домъ мистера Баркиса, засталъ Гэма прохаживающимся взадъ и впередъ передъ домомъ, и болѣе еще удивился, когда узналъ отъ него, что маленькая Эмли тамъ же.

Я спросилъ, разумѣется, почему и онъ не тамъ же, вмѣсто того, чтобы шагать одному по улицѣ?

— Ну вотъ видите, мастеръ Дэви, — отвѣчалъ онъ, какъ будто нерѣшительно, — Эмли тамъ разговариваетъ съ кѣмъ-то.

— Я бы подумалъ, — сказалъ я, улыбаясь, — что по этой причинѣ и вамъ слѣдовало быть тамъ же, Гэмъ.

— Правда, мастеръ Дэви, такъ бы слѣдовало, — возразилъ онъ; — но взгляните-ка сюда, мастеръ Дэви, — сказалъ онъ, — понизивъ голосъ и очень серьёзно: — это молодая женщина, сэръ, молодая женщина, которую Эмли прежде знала, и съ которою ей болѣе не слѣдуетъ знаться.

Когда я услышалъ эти слова, мнѣ пришло на память то лице, которое я видѣлъ слѣдующимъ за ними за нѣсколько часовъ.

Digitized by Google

— Это бѣдное существо, мастеръ Дэви, — сказалъ Гэмъ, потому что ее весь городъ попираетъ ногами, на всѣхъ улицахъ, гдѣ бы она ни показалась. Земля кладбища не скрываетъ никого, отъ котораго бы бѣгалъ народъ съ бо́льшимъ ужасомъ.

— Не видалъ ли я ее сего дня вечеромъ, Гэмъ, на пескахъ, послѣ того какъ мы съ вами встрѣтились?

— Она шла за нами?—сказалъ Гэмъ.—Вѣроятно видѣли, мастеръ Дэви. — Не то чтобы я зналъ, что она тамъ, сэръ; но вскорѣ послѣ того она подползла подъ маленькое окошко Эмли, когда увидѣла, что несутъ огонь, и прошептала: «Эмли, Эмли, ради Христа, сжалься надо мною. Я когда-то была на тебя похожа!» Это были торжественныя слова, мастеръ Дэви.

— Да, правда, Гэмъ. Что же сдѣлала Эмли?

— Эмли сказала: Марта, это ты? О, Марта, можетъ ли быть, что это ты! — Вѣдь онѣ сидѣли когда-то вмѣстѣ за работою у мастера Омера.

— Я теперь помню ее! — вскричалъ я, припоминая одну изъ двухъ дѣвочекъ, которыхъ видѣлъ, когда въ первый разъ пришелъ туда. — Я очень хорошо ее помню!

— Марта Эндель, — сказалъ Гэмъ. — Двумя или тремя годами старше Эмли, но она съ нею вмѣстѣ была въ школѣ.

— Я никогда не слыхалъ ея имени, — сказалъ я, — но я не хочу васъ перебивать.

— Что до этого касается, мастеръ Дэви, —отвѣчалъ Гэмъ, — то вполнѣ все было сказано въ этихъ словахъ: «Эмли, Эмли! ради Христа, сжалься надо мною. Я когда-то была на тебя похожа!» — Ей хотѣлось поговорить съ Эмли; Эмли не могла тамъ съ нею говорить, потому что ея добрый дядя пришелъ домой, и онъ бы не захотѣлъ — нѣтъ, мастеръ Дэви, — сказалъ Гэмъ, съ большою увѣренностью, — онъ бы не могъ, при всей добротѣ своей, при всей кротости, видѣть ихъ вмѣстѣ, другъ возлѣ друга, ни за какія сокровища, сокрытыя въ морѣ.

Я чувствовалъ, что это правда. Я это понялъ въ минуту, также хорошо, какъ Гэмъ.

Digitized by Google

— Такъ Эмли написала карандашемъ на кусочкѣ бумаги, — продолжалъ онъ, — и подала ей въ окошко, чтобы она снесла сюда. — Покажи это, — сказала она, — моей теткѣ, миссисъ Баркисъ, и она тебя посадитъ у себя къ огню, изъ любви ко мнѣ, пока мой дядя уйдетъ, и мнѣ можно будетъ прійдти туда. Между тѣмъ она разсказала мнѣ, что я вамъ говорю, мастеръ Дэви, и попросила меня проводить ее сюда. Что же мнѣ дѣлать? Ей не должно знаться ни съ какою такою, — но я не могу отказать ей, когда у нея слезы на глазахъ.

Онъ засунулъ руку за пазуху мохнатой куртки, и очень осторожно вынулъ оттуда хорошенькій маленькій кошелекъ.

— И еслибъ я могъ отказать ей, когда у нея были слезы на глазахъ, мастеръ Дэви, — сказалъ Гэмъ, нѣжно положивъ его на грубую ладонь своей руки, — какъ бы я могъ отказать, когда она дала мнѣ это снести ей, зная для какой цѣли она отдаетъ его? Славный кошелекъ! — сказалъ Гэмъ, смотря на него задумчиво, — и какъ мало въ немъ денегъ, добрая моя Эмли!

Я съ теплымъ чувствомъ пожалъ ему руку, когда онъ опять его спряталъ, ибо это было для меня удовлетворительнѣе всякихъ словъ, и мы молча стали ходить взадъ и впередъ. Вскорѣ отворилась дверь, явилась Пеготти, и сдѣлала Гэму знакъ, чтобы онъ вошелъ. Я хотѣлъ удалиться, но она пришла за мною, и упросила войти также. Даже тогда я бы избѣгнулъ той комнаты, въ которой они были всѣ вмѣстѣ, еслибъ это не была та кухня съ вымощеннымъ поломъ, о которой я упоминалъ. Такъ какъ дверь непосредственно въ нее открылась, то я увидѣлъ себя посреди ихъ, прежде нежели подумалъ, куда иду.

Дѣвушка, та самая, которую я видѣлъ на пескахъ, сидѣла у огня. Она сидѣла на полу, положивъ голову и руку на стулъ. Я представилъ себѣ, судя по ея положенію, что Эмли только что встала со стула, и что эта безутѣшная голова, быть можетъ, лежала на ея колѣняхъ. Я не могъ видѣть всего ея лица, которое закрывали распущеные волосы, какъ будто ея собственными руками приведенные въ безпорядокъ; но я видѣлъ, что она была молода, имѣла нѣжный цвѣтъ лица. Пеготти передъ этимъ плакала; Эмли также.

Digitized by Google

Всѣ молчали, когда мы вошли; и бой Голландскихъ часовъ около шкапа для посуды казался въ тишинѣ вдвое сильнѣе обыкновеннаго.

Эмли первая заговорила.

— Марта желаетъ, — сказала она Гэму, — отправиться въ Лондонъ.

— Зачѣмъ въ Лондонъ? — возразилъ Гэмъ.

Онъ стоялъ между ними, и смотрѣлъ на сидящую на полу дѣвушку съ смѣшаннымъ выраженіемъ состраданія и ревности за то, что она имѣетъ какую-нибудь связь съ тою, которую онъ такъ любитъ, — выраженіе, которое мнѣ ясно памятно. Онѣ объ говорили, какъ будто она была больна, тихимъ, заглушаемымъ голосомъ, который вполнѣ былъ слышенъ, хотя едва ли превышалъ шопотъ.

— Лучше тамъ, чѣмъ здѣсь, — сказалъ третій голосъ въ слухъ — голосъ Марты, хотя она осталась въ томъ же положеніи: — тамъ никто меня не знаетъ, а здѣсь всѣ меня знаютъ.

— Что жъ она будетъ тамъ дѣлать? — спросилъ Гэмъ.

Она подняла голову, и съ минуту мрачно посмотрѣла на него, потомъ опять опустила ее, и обогнула правую руку вокругъ шеи, какъ въ лихорадкѣ, или въ смертельной тоскѣ страданія отъ тяжелой раны.

— Она постарается тамъ исправиться, — сказала маленькая Эмли. — Ты не знаешь, что она намъ сказала? Знаетъ онъ? знаютъ они? тетушка?

Пеготти сострадательно покачала головой.

— Я постараюсь, — сказала Марта, — если вы мнѣ поможете удалиться отсюда. Я ничего не могу сдѣлать хуже того, что сдѣлала. Мнѣ еще можно исправиться. О! — простонала она, судорожно вздрагивая, — избавьте меня изъ этихъ улицъ, гдѣ весь городъ знаетъ меня съ самаго дѣтства!

Когда Эмли протянула къ Гэму руку, я видѣлъ, какъ онъ положилъ въ нее маленькій мѣшокъ изъ парусины. Она его взяла, думая, что это ея кошелекъ и сдѣлала шагъ или два впередъ; но открывъ свою ошибку, воротилась къ нему, когда онъ ужъ стоялъ возлѣ меня, и показала ему мѣшечекъ.

Я могъ слышать, что онъ сказалъ ей: — Это все твое, Эмли. У меня ничего нѣтъ на свѣтѣ, что бъ не было твоимъ, милая моя. Это меня нисколько не будетъ радовать, если оно не для тебя!

Слезы опять навернулись на ея глазахъ, однако она отвернулась, и подошла къ Мартѣ. Что она ей дала, — не

Digitized by Google

знаю. Я видѣлъ, какъ она наклонилась надъ нею, и положила сй деньги за пазуху. Она что-то прошептала, и спросила: довольно ли этого?

— Слишкомъ довольно,—сказала та, и схвативъ ея руку, поцѣловала ее.

Тогда Марта встала, и завернувшись въ шаль, закрыла ею лице, и плача навзрыдъ, тихо пошла къ двери. Она постояла минуту, прежде чѣмъ вышла, какъ будто желала что-то сказать или воротиться; но изъ устъ ея не вышло ни слова. И съ тѣмъ же тихимъ, унылымъ, заглушаемымъ стономъ подъ шалью, она удалилась.

Когда дверь притворилась, маленькая Эмли посмотрѣла на насъ троихъ въ совершенномъ смущеніи, потомъ закрыла лице руками, и зарыдала.

— Полно, Эмли! — сказалъ Гэмъ, потрепавъ ее нѣжно по плечу. — Не плачь, моя милая! не хорошо такъ плакать, миленькая!

— О, Гэмъ! — вскричала она, горько плача, — я не такая добрая дѣвушка, какою бы слѣдовало мнѣ быть! Я знаю, что у меня не всегда такое благодарное сердце, какое должна была бы имѣть!

— Да, да, у тебя оно есть, я увѣренъ, — сказалъ Гэмъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!—восклицала маленькая Эмли, рыдая и качая головою.—Я не такая добрая дѣвушка, какою бы должна быть; далеко не такая.

И она продолжала плакать, какъ будто ея сердце разрывается на части.

— Я слишкомъ испытываю твою любовь. Я знаю, что я такъ дѣлаю! — говорила она — Я часто иду тебѣ наперекоръ, я перемѣнчива къ тебѣ, когда бы должна быть совсѣмъ не такою. Ты никогда ко мнѣ не бываешь такимъ. Отчего жъ я всегда такова съ тобою, тогда какъ должна была бы думать о томъ только, какъ быть признательною и сдѣлать тебя счастливымъ!

— Ты всегда дѣлаешь меня счастливымъ, сказалъ Гэмъ,— моя милая! Я счастливъ тѣмъ, что вижу тебя. Я счастливъ, цѣлый день, думая о тебѣ.

— Ахъ, этого мало! — вскричала она. — Это отъ того, что ты добръ; а не отъ того, что я добра! О, мой милый, для тебя было бы, можетъ быть, лучше, еслибъ ты полюбилъ какую-нибудь другую, болѣе постоянную и болѣе достойную тебя, чѣмъ я,—другую, которая была бы вполнѣ тебѣ предана, и

Digitized by Google

никогда бы не гордилась передъ тобою, и не была бы такъ легкомысленна, какъ я!

— Бѣдное ты сердечушко, — сказалъ Гэмъ тихимъ голосомъ. — Марта совсѣмъ ее разстроила.

— Пожалуйста, тетушка, — говорила Эмли рыдая,—поди сюда, и дай мнѣ приложить къ тебѣ голову. О, какъ я несчастна сегодня вечеромъ! О, я не такая добрая дѣвушка, какою бы должна быть. — Я знаю что нѣтъ!...

Пеготти поспѣшила къ стулу около огня. Эмли, обхвативъ руками ея шею, стала передъ нею на колѣни, и смотрѣла ей въ лице, глубоко тронутая.

— О, прошу тебя тетушка, постарайся мнѣ помочь. Гэмъ, милый, постарайся помочь мнѣ! Мистеръ Дэви, ради прошлаго времени, прошу васъ, постарайтесь мнѣ помочь! Мнѣ необходимо сдѣлаться лучшею дѣвочкою, нежели какая я теперь. Мнѣ должно во сто разъ быть благодарнѣе, чѣмъ я теперь. Мнѣ нужно чувствовать сильнѣе, какое счастье быть женою добраго человѣка, и вести мирную жизнь. О, Боже мой, Боже! О, мое сердце, мое сердце!

Она приложила лицо къ груди старой моей няни, и, прекративъ свои вопли, въ которыхъ, при ея тоскѣ и скорби, было что-то отчасти свойственное женщинѣ, отчасти ребенку, какъ вообще все ея существо, и по этому самому болѣе естественное и приличное ея красотѣ, какъ мнѣ казалось, нежели сколько могли быть всякія другія свойства, молча плакала, между тѣмъ какъ моя старая няня утѣшала ее, какъ ребенка.

Она мало по малу успокоилась, потомъ мы утѣшали ее, ободряли, шутили съ нею, до тѣхъ поръ пока она начала подымать голову и говорить съ нами. Такъ продолжали мы, пока стала она улыбаться, потомъ смѣяться, потомъ встала, въ половину пристыженная; между тѣмъ какъ Пеготти собрала разбросанныя ея локоны, отерла глаза, и по прежнему сдѣлала ее миленькою, чтобы не показалось дядѣ страннымъ, когда придетъ она домой, объ чемъ плакала его любимица.

Я видѣлъ, что въ этотъ вечеръ она сдѣлала то, чего никогда передъ тѣмъ отъ нея не видалъ. Я видѣлъ, что она невинно поцѣловала своего суженаго въ щеку, и близко приласкалась къ его неуклюжему стану, какъ будто это лучшая ея подпора. Когда они ушли вмѣстѣ, при уменьшающемся свѣтѣ мѣсяца, я глядѣлъ на нихъ, сравнивая въ мысляхъ ихъ отшествіе съудаленіемъ Мартъи; я видѣлъ, что она держалась за его руку обѣими руками, и все еще прижималась къ нему.

Digitized by Google

ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ОПЫТНЫЙ ОГОРОДНИКЪ,

заключающій въ себѣ, соотвѣтственныя нашему климату, наставленія для желающихъ заводить огороды, парники и произращать въ нихъ всѣхъ родовъ огородные овощи, и проч. Соч *И. Цигры*. Въ 2 ч. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к. сер.

ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ОПЫТНЫЙ САДОВНИКЪ.

Соч. *И. Цигры*. М. 1850. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. сер.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

для любителей огородовъ, садовъ, оранжерей, теплицъ и парниковъ, и проч. Соч. *И. Цигры*. М. 1850. Ц. 50 к., съ пер. 75 к. сер.

ПИСЬМА ОБЪ ИНДІИ.

Соч. Князя *А. Д. Салтыкова*. Москва, 1851 года; цѣна 1 руб. 25. коп., съ перес. 1 р. 50 к. сер.

Т Ю Ф Я К Ъ.

Повѣсть, соч. *А. Ѳ. Писемскаго*, Москва 1851; цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 50 к. сер.

ИСТОРІЯ О НАРОДАХЪ,

обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Въ 3-хъ частяхъ, съ картою на 3-хъ большихъ листахъ, и удостоенная Императорскою Академіею наукъ Демидовской преміи, соч. монаха *О. Іакинва*. Спб. 1851 года; цѣна 5 р., съ перес. 6 р. сер.

LIBRAIRIE DE W. GAUTIER.

Libraire-Commissionnaire du 1er Corps des Cadets de Moscou, au pont des Maréchaux, maison Torletzky.

EN VENTE:

СКАЗАНІЕ О ЖИЗНИ И ЧУДЕСАХЪ Преподобнаго Макарія, Желтоводскаго и Унженскаго чудотворца, составлено Профессоромъ Іеромонахомъ Макаріемъ. Въ двухъ частяхъ. Москва, 1851 года. 1 р. сер.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЖИ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ, въ эпоху ея распаденія. Историческое разсужденіе. Ивана Бабста. Москва, 1851 года. 1 часть, 1 р. 50 к. сер.

КАБИНЕТНАЯ ПАМЯТНАЯ КНИЖКА. Москва, 1851 года. Цѣна 70 коп. сереб., съ пер. 85 к. сереб.

MANUEL DE L'ART DES ACCOUCHEMENTS, précédé d'une description abrégée, des fonctions et des organes du corps humain, à l'usage des Elèves Sages-Femmes, par C. A. Maunoury et P. A. Salmon. Paris 1850. 1 vme in 8^0^. 3 roub. arg^t^.

ANTHROPOLOGIE, ou étude des organes, fonctions, maladies de l'homme et de la femme, comprenant l'anatomie, la physiologie, l'hygiène, la pathologie et la thérapeutique, par Antoine [illegible]. 3me édit^on^ avec atlas de 20 planches d'anatomie. Paris 1849. 2 v^mes^ in 8^0^. 6 roub. arg^t^.

DE L'AMÉLIORATION DU SORT DE L'HOMME ALIÉNÉ, par Eug. J. Woillez. — Paris 1849. [illegible] 8^0^. 1—25 roub. arg^t^.

HISTOIRE NATURELLE DES DROGUES SIMPLES ou cours d'histoire naturelle, professé à l'école de [illegible]e de Paris, par N. J. B. G. Guibourt 4me éd^on^ avec 600 figures, Paris 1849. [illegible] 8^0^. 12 roub. arg^t^.

[illegible] CONSIDÉRATIONS SUR LE CHOLÉRA D'ASIE, la peste d'Orient et les fléaux dits contagieux, [illegible] reconnus incontestablement incontestables, par Delagrange. Paris 1850. 1 vme in 8^0^. 2—50 r. arg^t^.

[illegible] DES MALADIES DU CUIR CHEVELU, suivi des conseils hygiéniques, sur les soins [illegible] la conservation, par P. L. Alphée Cazenave, avec 8 planches. Paris 1850. 1 [illegible] arg^t^.

[illegible] MÉDECINE RATIONNELLE et de thérapeutique endermique et spécifique, par [illegible]. Paris 1850. 1 [illegible]^me^ in 8^0^. 2—50 roub. argt.

Digitized by Google

мк 61564/60-1177
П-1958
1851-8

СОДЕРЖАНІЕ

Стран.

М. П. Погодина: Мономахъ (Отрывокъ). 453
Письма Князя Потемкина-Таврическаго и Палласа къ Князю П. И. Салтыкову. 490
Несторіане. Изъ Путешествія д. Грэна по Востоку *(Окончаніе)*..... 492

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Православно-Догматическое Богословіе, Епископа Макарія..... 514
Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ..... 515
О литургіи преждеосвященныхъ даровъ.. 520
Исторія народовъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена, соч. Іакинфа. 522
Жизнеописаніе Генерала Емануэля, соч. Князя Голицына..... —
Очеркъ Каргополя, составл. С. Кораблевымъ..... 523
Исторія Русской литературы для учащихся, соч. К. Зелинецкаго..... 526
Полная Русская христоматія, сост. А. Галаховымъ..... —
Обозрѣніе Русскихъ журналовъ. Библіотека для Чтенія. Февраль и Мартъ 1851 г..... 533
Отечественныя Записки. Мартъ 1851 г. 537

СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ:

Внутреннія.

Изъ *Челябинска* (М. И. Ястребова: Киргизскіе шаманы)..... 301
— *Оренбурга* (Спасеніе отъ явной смерти)..... 311
— *Краснoярска* (Князя П. А. Кострова: Ссудный капиталъ для поселянъ Енисейской губерніи; Предѣлъ земледѣлія въ Енисейской губ.; Звѣропромышленность въ Туруханскомъ краѣ). 312
— *Нижняго-Новагорода* (П. И. Мельникова: Виды Нижегородской губерніи; Воспоминаніе о Преосвящ. Іаковѣ; Воклины)..... 314
— *Харькова* (П. М. Сунитова: Артистки Московскаго театра на Харьковской сценѣ; Общественныя увеселенія; Университетскіе диспуты)..... 315
— *Кіева* (Историческія и статистическія замѣтки о Контрактахъ; Концерты и другія удовольствія на Контрактахъ; Благотворительность Кіева: лотерея и маскарадъ, благородные спектакли и Симфоническое общество въ пользу дѣтскихъ пріютовъ; Публичныя лекціи; Мѣстная особенность Великаго поста)..... 318
Изъ *Костромы* (Открытіе памятника Михаилу Ѳеодоровичу и Ивану Сусанину)..... 334
— *Троицкой Лавры* (Разрѣшеніе старинной задачи: Князь Симеонъ Шаховской-Ярославской)..... 341

ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Еще свѣдѣнія о Лондонской выставкѣ (Гарантія на собственность новыхъ изобрѣтеній; Присяжные для раздачи наградъ; Каталогъ выставки; Приготовленные къ ней музыкальные инструменты; Инструменты Адольфа Сакса и краткая его біографія). — Жалобы на недостатокъ хорошихъ голосовъ въ настоящее время. — Новая примадонна Брюссельскаго театра. — Успѣхъ на сценѣ новой піесы Гг. Барріера и Марка Фурнье: «Манонъ Леско.» — Концертъ съ неожиданнымъ финаломъ. — Концерты-прогулки въ Америкѣ. — Записки Спонтини. — Паганини и его соперники. — Заказъ списать готическими буквами «Подражаніе І. Христу.» — Возможность ссоры между Англіей и Франціей за пропускъ буквы *s*. — Сумасшедшая отъ любви. — Новая Эсмеральда. — Новобрачная чета въ 168 лѣтъ..... 344
Охота на воровъ въ Лондонѣ..... 360

Московскія.

М. П. Погодина, Московскія извѣстія: Лекціи г. Шевырева. О профессорахъ. Пропилеи и Судьба Италіи. — Письмо Маршала Бюжо съ замѣчаніемъ объ Исторіи. Пріобрѣтенія для музея. — Новый списокъ Несторовой лѣтописи въ Англіи. О статьѣ: Сонъ. Раутъ П. В. Сушкова О Дѣтскихъ балахъ. Московскія Вѣдомости. О статьѣ Графа С. Г. Строганова..... 383

Смѣсь.

Письмо Эраста Благонравова..... 3
Письмо отъ неизвѣстнаго..... —

Жизнь, приключенія, опыты и наблю
Давида Копперфильда. Новый
Диккенса. Переводъ съ Ан
Часть первая. Главы XX, X

Печатать позволяется. Москва, 15 Апрѣля 1851 года. Цензоръ

Типографія В. Го

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.
RENEWALS ONLY—TEL. NO. 642-3405
This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

DEC 4 1969 56

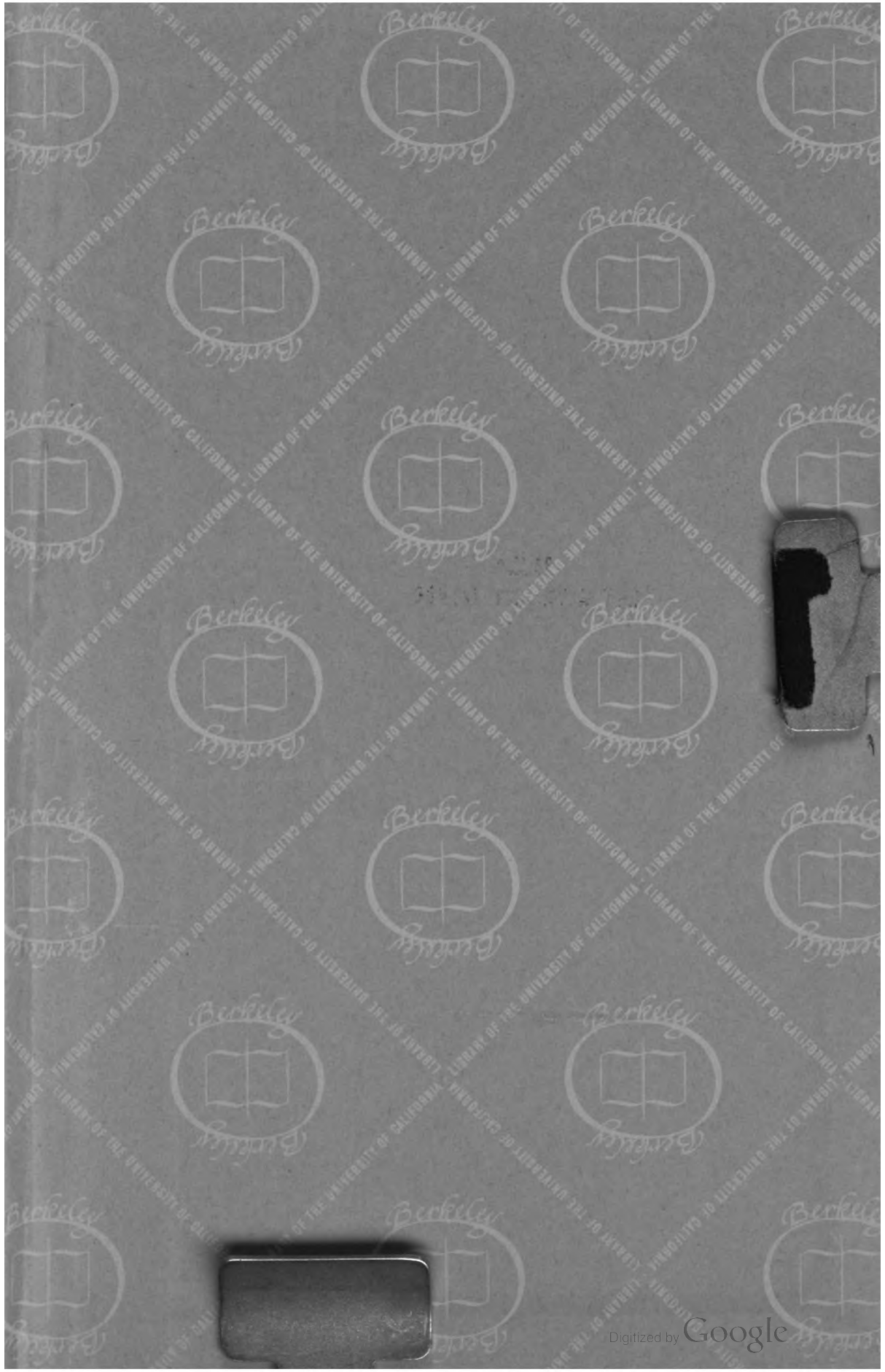
REC'D LD JUN 15 70 -6PM . 1

UCLA
INTERLIBRARY LOAN
FEB 14 1980

LD21A-60m-6,'69
(J9096s10)476-A-32

General Library
University of California
Berkeley

Digitized by Google


Digitized by Google